

Фонд Фридриха Науманна

Москва
2003

Карл АЙМЕРМАХЕР
Юрий АНЧАБАДЗЕ
Бабкен АРУТЮНЯН
Ирина БЛАГОДАТСКИХ
Фальк БОМСДОРФ
Геннадий БОРДЮГОВ
Владимир БУХАРАЕВ
Валерий ВАСИЛЬЕВ
Людмила ГАТАГОВА
Тамара ГУЗЕНКОВА
Елена ЗУБКОВА
Александр ИСКАНДАРЯН
Салават ИСХАКОВ
Сергей КОНСТАНТИНОВ
Александр КУПРИЯНОВ
Микаэл МАМЕДОВ
Дмитрий ОЛЕЙНИКОВ
Мурат СЕМБИНОВ
Александр УШАКОВ
Татьяна ФИЛИППОВА
Рустам ШУКУРОВ
Сергей ЩЕРБИНА

Фонд Фридриха Науманна

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКИХ
ГОСУДАРСТВАХ

Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова

Предисловие Ф. Бомсдорфа

Москва
2003

Национальные истории в советском и постсоветских государствах. /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. — 432 с.

ISBN 5-88735-112-8

В книге рассматривается уникальный процесс создания национальных историй, сопровождающийся «национализацией» массового сознания и стремлением новых политических элит инструментализировать прошлое. Данный труд, кроме чисто научных и общественных задач, призван способствовать возобновлению прерванного после распада СССР диалога историков стран СНГ.

Книга рассчитана на преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, всех, кто интересуется новейшей историографией.

ISBN 5-88735-112-8

© Фонд Фридриха Науманна, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ (Ф. Бомсдорф).....	9
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ (Ф. Бомсдорф).....	10
«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» ПРОШЛОЕ. ВВЕДЕНИЕ (К. Аймермахер, Г. Бордюгов).....	14

I. НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ (Г. Бордюгов, В. Бухарев).....	21
Национальная идея в историческом познании	22
Между интернациональным социализмом и национал-большевизмом	27
Национальный историк в сообществе советских историков.....	48
ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР В РОССИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (С. Константинов, А. Ушаков).....	73
Рубеж 80–90 гг.: новые парадигмы восприятия прошлого	74
Крушение мифа о «тюрьме народов»	77
Украина	82
Беларусь.....	88
Страны Балтии	92
Казахстан.....	94
Армения и Азербайджан.....	97
МАССОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДРАССУДКИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЯХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПРОШЛОМ (на примере «лица кавказской национальности») (М. Мамедов)	103
Теоретические аспекты предубеждения.....	103
От Кавказской войны до войны чеченской.....	106
«Лицо кавказской национальности»	108
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) (Т. Гузенкова).....	114
Десятилетие открытий и потрясений.....	118
Украинская история: стратегия этнозащитного национализма	122
История Беларуси: тактика этнополитического компромисса.....	127
Республики Поволжья: за право на собственную историю	131
История Северного Кавказа — героическое прошлое и трагическое настоящее.....	135

II. НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА – «НЕЗАВИСИМАЯ ИСТОРИЯ»?

АРМЕНИЯ: «КАРАБАХИЗАЦИЯ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (<i>А. Искандерян, Б. Арутюнян</i>).....	145
Исторический миф и трансформация массового сознания.....	146
Историография «на службе» этнополитического конфликта.....	151
Новая власть: смещение акцентов в исторических исследованиях	153
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ГРУЗИИ: МИФЫ, ИДЕОЛОГИЯ, НАУКА (<i>Ю. Анчабадзе</i>).....	159
Мифологемы массового сознания.....	160
В пелене идеологии	163
Трудности и надежды грузинской историографии	167
СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА (<i>М. Сембинов</i>).....	176
Особенности историографической традиции	177
Новые темы и противоречия восприятия	180
МОЛДОВА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ В ПОИСКАХ «СВОЕЙ» ИСТОРИИ (<i>И. Благодатских</i>).....	192
Пересмотр ключевых событий и фактов	192
«Национальные интересы» историографии	198
Приднестровская концепция истории	200
ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ К НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ: НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ (<i>В. Васильев</i>).....	206
Смена парадигм и «раскол» сознания	206
Независимое государство и проблема создания «своей» истории.....	212
Профессиональная историография и смена концепций.....	216
ТАДЖИКИСТАН: МУКИ ВОСПОМИНАНИЯ (<i>Р. Шукуров</i>).....	228
Предпосылки.....	228
Историософия таджикского национализма.....	233
Обыватель и государство.....	245

III. РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ОБРЕТАЕМ

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ (Л. Гагазова).....	255
Доминанты массового сознания.....	255
«Воспитание историей» или «воспитание» истории?.....	257
Историческая наука: новые приоритеты в плену старых стереотипов.....	263
ИСТОРИЯ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ «НАЦИОНАЛИЗАЦИИ» (С. Исхаков).....	273
Опыт историко-этнологического изучения тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Урала в прошлом.....	273
В борьбе за мировоззрение своих народов: мобилизация интеллектуальных элит.....	274
Методологические подходы и основные проблемы истории местных народов.....	277
Государственное вмешательство в развитие исторической науки.....	286
ВОЗВРАЩЕНИЕ К «РУССКОЙ ИДЕЕ»: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ (Е. Зубкова, А. Курприянов).....	296
Вернуть «героическое прошлое»: массовое сознание в поисках утраченного.....	297
Существует ли в России «государственный взгляд» на историю?.....	301
Исторические сюжеты в программных документах политических партий.....	307
Как учить истории: содержание школьных и вузовских учебников.....	313
Русская история: попытки нового прочтения (профессиональная историография и «folk-history»).....	319
КАК РАСПОРЯДИТЬСЯ «ОБЩИМ» НАСЛЕДСТВОМ? ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (Д. Олейников, Т. Филиппова).....	325
ПРИЛОЖЕНИЯ	
I. Национальная история в символах власти.....	341
II. Национальная история в учебной и научной литературе.....	358
III. Национальная история в публицистике и повседневной жизни.....	359
Сведения об авторах.....	424

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Новое издание данной книги объясняется несколькими причинами. С одной стороны, знаменательно, что первое издание так быстро разошлось, а спрос на книгу по-прежнему существует. С другой стороны, Московское представительство Фонда Фридриха Науманна исходит из того, что проблематика, сформулированная инициаторами проекта и реализованная авторами статей, по-прежнему актуальна. Как мне кажется, в странах постсоветского пространства до сих пор не увенчалась успехом попытка преодолеть прежние стереотипы и образ мышления, а главное, способы действия. Как уже было сформулировано в предисловии к первому изданию, необходимым условием для этого является достижение нормальной политической культуры и общих правовых гарантий, без чего невозможны несущие конструкции современного общества. К сожалению, пока также в постсоветском пространстве это условие почти нигде не было соблюдено. Предпринятые усилия по критической оценке прошлого, если они вообще предпринимались, оказались безуспешными. Кроме того, во многих постсоветских государствах вместо требующейся демифологизации скорее можно констатировать процесс ремифологизации. При этом в некоторых государствах продолжают интенсивные и многочисленные попытки создания истории и новой идентичности, правда, не всегда с положительным результатом.

Второе издание, с небольшими изменениями, соответствует первому. Мы отказались от публикации в Приложении некоторых документов, которые довольно быстро стали историей и не соотносятся с сегодняшними реалиями.

Книга является публикацией Фонда Фридриха Науманна. В то же время мне хотелось бы напомнить читателям, что публикуемые статьи являются результатом проекта, который был реализован Фондом Фридриха Науманна совместно с Ассоциацией исследователей российского общества XX века (АИРО-XX) и Институтом русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана Рурского Университета в Бохуме под руководством профессора Карла Аймермахера и доктора Геннадия Бордюгова.

*Д-р Фальк Бомсдорф,
руководитель Московского представительства
Фонда Фридриха Науманна*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В настоящее время перед Россией стоит задача осознания и преодоления последствий коммунистического режима. Этот процесс и труден, и долог: выявить, осознать и преодолеть нормативные ментальные клише сталинистской культуры — задача эпохального масштаба. Кроме того, сознательное и бессознательное следование усвоенным в течение многих десятилетий советским образцам мышления и поведения представляет собой тяжкое наследие, которое ещё долгое время будет осложнять процесс трансформации столь пёстрого в социальном и экономическом отношении российского социума на пути к гражданскому обществу. Страны западной демократии оказываются в связи с этим перед сложнейшей исторической задачей: сопровождать своего партнёра, Россию, в ходе конструктивного диалога в движении к современному гражданскому обществу. Решающее значение при этом будет иметь достижение синтеза имеющихся в России условий с опытом западноевропейской демократии в её различных вариантах таким образом, чтобы полученный результат соответствовал российской общественной практике. При этом политика, экономика и культура требуют в каждом случае адекватного, отвечающего их специфике подхода. Для того чтобы эта попытка преодоления старых моделей мышления и поведения оказалась удачной, требуется ещё кое-что: достижение нормальной политической культуры и общих правовых гарантий как несущих конструкций современного общества.

Однако для возникновения гражданского общества в России требуется не только основательная реформа государства и социальной структуры. Чтобы будущее было успешным, требуется ещё и определенное отношение к настоящему, а также к прошлому. Это отношение прежде всего заключается в готовности проанализировать настоящее и прошлое, а также взять на себя ответственность за то, что происходит и что происходило. Прошлое не всегда приятно, это не всегда только богатое наследие, которое каждый охотно примет. Прошлое каждого народа, каждого государства по большей части бывает и болезненным, полным неприятных и неприглядных событий. При этом некоторым государствам достается более тяжёлое наследие, чем другим: их прошлое — это тяжкое бремя, гнетущее современность, а тем самым и будущее. В числе этих государств — почти все страны Восточной Европы, а также многие западноевропейские страны, но прежде всего Германия и Россия.

Можно попробовать избавиться от своего прошлого, переписывая историю. Но происшедшее таким образом не изменить. Общество, не желающее осознать своё прошлое, осуждено на то, чтобы повторять его. Тем самым оно оказывается неспособным принять на себя ответственность за судьбу будущих поколений.

На первый взгляд может показаться, что общественность постсоветских государств и прежде всего российское общество не отворачивается от своего прошлого. Постоянно проходят конференции, коллоквиумы и дискуссии, на которых обсуждаются вопросы: кто мы? откуда мы? куда мы идём? Однако если присмотреться повнимательней, то можно увидеть, что речь в данном случае идёт не столько о реальном осмыслении

прошлого, сколько о национальном самолюбании. Вместо того чтобы задаться вопросом, за какое прошлое несёт ответственность современная Россия или другие постсоветские государства, участники дискуссий увлекаются ритуалами самоутверждения, помогающими сориентироваться, самоопределиться. При этом самоутверждение часто идёт за счёт отрицания, за счёт отвержения всего «чужого», в особенности же за счёт отмежевания от «Запада», который мифологизируется и предстаёт в искажённом виде, в то время как в действительности такого Запада просто не существует. Не удивительно, что в подобной атмосфере общественности России и других постсоветских государств ещё не пришла к подлинному самосознанию, и готовность признать своё прошлое, принять на себя «историческую ответственность» за это прошлое достаточно низка.

В этой ситуации российским историкам выпала особая роль. То же касается и историков других государств, образовавшихся после распада Советского Союза: перед ними стоят аналогичные вопросы. Правда, в этих государствах национальное самосознание сталкивается с ещё с одной проблемой: их общества часто не могут найти своего прошлого, потому что оно оказалось погребённым под обломками рухнувшего советского режима. Зачастую не хватает ориентиров и точек отсчёта. В этих случаях историю не перепишешь, зато её пытаются сотворить.

Историки — хранители прошлого. Они должны защищать его и от нападений тех, кто стремится этим прошлым овладеть и использовать его в своих целях. Такую защитную функцию попытались взять на себя авторы данного сборника. Тем самым они вносят свой вклад в процесс критики социальной мифологии, а значит и вклад в дело просвещения России и других постсоветских государств, потребность в котором давно назрела. В то же время своими действиями они способствуют становлению гражданского общества и, по крайней мере, частично создают предпосылки для того, чтобы в государствах постсоветского пространства постепенно формировалось сознание «исторической ответственности».

С учётом этих условий представляется само собой разумеющимся, что Фонд Фридриха Науманна в рамках своего российского проекта оказал особую поддержку этому сборнику и издал его совместно с Ассоциацией исследователей российского общества XX века (АИРО-XX) и Институтом русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана. Ведь цель авторов и их статей согласуется с целями, которые преследует фонд в России, где он начал свою деятельность в 1992 г.

*Д-р Фальк Бомсдорф,
руководитель Московского представительства
Фонда Фридриха Науманна*

Vorwort

In Rußland kommt es gegenwärtig darauf an, sich mit den Folgen der kommunistischen Herrschaft auseinanderzusetzen und sie zu überwinden. Dieser Prozeß ist ebenso schwierig wie langwierig: Die normativen Bewußtseinsprägungen des Stalinistischen Kultursystems zu erkennen, zu reflektieren und zu überwinden ist eine säkulare Aufgabe; außerdem stellt die bewußte wie unbewußte Perpetuierung der in Jahrzehnten eingeschliffenen sowjetischen Denk- und Handlungsmuster eine schwere Hypothek dar, die die Transformation der ökonomisch und sozial so unterschiedlich geprägten russischen Gesellschaft auf dem Weg zur Bürgergesellschaft noch auf lange Zeit belasten wird. Die europäischen Demokratien stehen in dieser Hinsicht vor einer ihrer größten Herausforderungen: Sie müssen ihren russischen Partner auf seinem Weg zu einer modernen Zivilgesellschaft in einem konstruktiven Dialog begleiten. Von entscheidender Bedeutung wird es dabei sein, daß die in Rußland gegebenen Bedingungen mit den Erfahrungen der westeuropäischen Demokratien zu einer für die russische gesellschaftliche Praxis sinnvollen Synthese verbunden werden. Dabei erfordern Politik, Wirtschaft und Kultur jeweils ein in ihren Bedingungen angepaßtes Herangehen. Dieser Versuch, die alten Denk- und Handlungsmuster zu überwinden, erfordert, soll er gelingen, allerdings noch ein zusätzliches: eine Normalisierung im Bereich der politischen Kultur und der allgemeinen Rechtssicherheit als der tragenden Säulen einer modernen Gesellschaft.

Für die Entstehung einer Bürgergesellschaft in Rußland ist allerdings nicht nur eine grundlegende Reform von Staat und Gesellschaft erforderlich. Soll die Zukunft gelingen, braucht es auch eine bestimmte Einstellung gegenüber der Gegenwart wie der Vergangenheit. Sie besteht in erster Linie in der Bereitschaft, sich mit Gegenwart und Vergangenheit auseinanderzusetzen und Verantwortung für das zu übernehmen, was geschieht und was geschehen ist. Die Vergangenheit ist nicht immer nur angenehm, ist nicht immer nur Reichtum, den man gern akzeptiert. Die Vergangenheit jeden Volkes, jeden Staates ist meist auch schmerzlich, voller Belastungen und schlimmer Ereignisse. Dabei müssen viele Staaten mit einem schwereren Erbe fertig werden als andere: Ihre Vergangenheit belastet, sie drückt auf die Gegenwart und damit auch die Zukunft. Zu diesen Ländern gehören nahezu alle osteuropäischen und die meisten westeuropäischen Länder, vor allen Dingen aber Deutschland und Rußland.

Man kann versuchen, seiner Vergangenheit zu entgehen, indem man die Geschichte umschreibt. Die Vergangenheit ändert man dadurch nicht. Eine Gesellschaft, die sich ihrer Vergangenheit nicht stellen will, ist dazu verdammt, sie zu wiederholen. Sie versagt damit in ihrer Verantwortung für künftige Generationen.

Auf den ersten Blick scheint es, als ob die Gesellschaften der postsowjetischen Staaten und insbesondere Rußlands sich ihrer Vergangenheit stellten. Ständig finden Konferenzen, Kolloquien und Runde Tische statt, in denen die Frage behandelt wird: Wer sind wir, woher kommen wir, wohin gehen wir? Wenn man allerdings näher hinschaut, sieht man, daß es sich dabei weniger um eine wirkliche Auseinandersetzung mit der Vergangen-

heit handelt, als vielmehr um eine nationale Nabelschau. Statt zu fragen, für welche Vergangenheit Rußland oder die anderen postsowjetischen Staaten heute Verantwortung tragen, werden Identifikationsrituale gepflegt, werden feste Punkte gesucht, die als Orientierung und Identifikationshilfe dienen sollen. Dabei wird die jeweilige Identität häufig in der Verneinung gesucht, nämlich in der Negation alles «Fremden» und insbesondere in der Abgrenzung gegenüber «dem Westen», der — als solcher ja gar nicht existent — mythologisch überhöht und verzerrt wird. Vor diesem Hintergrund ist es kein Wunder, daß die russische wie die Gesellschaft der anderen postsowjetischen Staaten noch nicht zu sich gefunden haben und die Bereitschaft, sich zur Vergangenheit zu bekennen und für sie Verantwortung («historische Verantwortung») zu übernehmen, eher gering ist.

In dieser Perspektive kommt den russischen Historikern eine besondere Rolle zu. Gleiches gilt für die Historiker der anderen sowjetischen Nachfolgestaaten. Ihnen stellen sich dieselben Fragen wie in Rußland. Allerdings kommt in jenen Staaten noch ein besonderes Identitätsproblem hinzu: Häufig können die Gesellschaften dort ihre Vergangenheit nicht mehr finden, weil sie unter dem Schutt des zerbrochenen Sowjetregimes begraben liegt. Häufig fehlen Orientierungs- und Anknüpfungspunkte. In diesen Fällen kann man Geschichte nicht umschreiben; der Ausweg liegt in dem Versuch, sich eine Geschichte zu schaffen.

Historiker sind die Hüter der Vergangenheit. Sie müssen diese Vergangenheit auch gegen Angriffe derer verteidigen, die sich dieser Vergangenheit bemächtigen und sie für ihre spezifischen Ziele nutzen wollen. Die Autoren dieses Sammelbandes haben sich eben dieses Ziel gesetzt. Sie tragen damit zum Prozeß der Mythenkritik und also der Aufklärung in Rußland und den anderen postsowjetischen Staaten bei, der seit langem überfällig ist. Gleichzeitig fördern sie auf diese Weise die Herausbildung der Bürgergesellschaft und schaffen damit zumindest teilweise die Voraussetzungen dafür, daß sich in Rußland und den anderen Nachfolgestaaten der Sowjetunion allmählich das Bewußtsein einer «historischen Verantwortung» entwickeln kann.

Vor diesem Hintergrund bedarf es keiner weiteren Begründung, daß die Friedrich-Naumann-Stiftung mit ihrem Projekt Rußland diesen Sammelband in besonderer Weise fördert und ihn zusammen mit der Assoziation der Erforscher der Gesellschaft Rußlands im 20. Jahrhundert (AIRO-XX) und dem Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur an der Ruhr-Universität Bochum herausgibt: Das Ziel der Autoren und ihrer Beiträge stimmt mit den Zielen überein, die die Stiftung verfolgt, seit sie Ende 1992 in Rußland ihre Arbeit aufgenommen hat.

*Dr. Falk Bomsdorf,
Leiter des Büros Moskau
der Friedrich-Naumann-Stiftung*

«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» ПРОШЛОЕ. Введение

Карл Аймермахер, Геннадий Бордюгов

Книга, которую мы представляем как редакторы и организаторы одноимённого проекта, является продолжением историографической серии АИРО-XX, призванной запечатлеть основные итоги развития исторической науки в уходящем веке. Эта серия открылась монографией «Исторические исследования в России. Тенденции последних лет» (1996), а теперь вниманию читателей предлагаются результаты двухлетнего исследования об уникальном процессе создания национальных историй в советском и постсоветских государствах.

С распадом СССР и образованием новых государств люди стали пересматривать прежние представления о самих себе, столкнулись с сосуществованием старых и новых идентичностей, в том числе национальных. Это вызвало кризис самосознания и далеко не всегда рационально контролируемые политические проекции, связанные с отрицанием *ancien regime* и его политической и социо-культурной системы. Когда представители той или иной нации размышляют о своей истории, им тяжело говорить на одном и том же языке. И дело не только в интеллектуальной борьбе за приоритетное право на престижное наследие или в замалчивании позорящих страниц. В различные эпохи национальной жизни выступают на передний план определенные аспекты, отбирается из прошлого то, что соответствует её, этой эпохи, духу.

Для нынешнего «переписывания» историй характерны, даже среди историков, тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счёт соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей. Как можно будет убедиться при чтении книги, ряд историков России преодоление кризиса идентичности видят в возвращении к «русской идее», некоторые таджикские ученые размышляют над причинами и последствиями того «вольномудства», которое результировалось в негативистской саморефлексии: «мы ни то, и ни это, и ни третье». Для украинских коллег, в частности, «болевая» — проблема этногенеза украинцев и места в нём Киевской Руси, а для молдавских — запутанность исторических отношений основного этноса — молдаван — с Россией и Румынией. Исследователи же из Армении вообще говорят о «карабахизации» своей национальной истории.

Однако, как это ни парадоксально, совсем не обязательно возводить оппозицию «своё/чужое», которая является признаком острой культурно-политической борьбы, в нечто непримиримое. Вспомним Бахтина и его систематические и познавательные размышления о том, что «чужая» культура только в глазах другой способна раскрыть себя полнее, только соприкосновение одного смысла с другим способно раскрыть глубины обоих. Именно через вопросы «чужому» прошлому и его расшифровку можно найти ответы на «свою» историю, а значит, определить и особые способы примирения «своего» и «чужого» в оценочно нейтральном языке науки. Признаем, сегодня диалогические отношения, в смысле Бахтина, деформированы, что является

последствием, с одной стороны, той политики, которая сопровождалась отрицанием у другого народа «своего» прошлого и, с другой, разрушением исторической памяти. Советский, «интернациональный» пласт истории должен был постепенно заменить национальные традиционные картины мира. Однако в этом идеологизированном пласте, начиная со второй половины 1940-х гг., распространяется идея русского преемства, создаются и соответствующие мифы. Всё это реанимировало имперское сознание, соединило политический и научный дискурсы. Реакцией на это в национальных историях и культурах явились скрытые и открытые формы отчуждения от русской истории и культуры. Одновременно возникает и мания этновеличия, усиленная событиями после 1991 г. Поэтому так важны были встреча и диалог представителей нового поколения историков постсоветских государств, появление особой категории истолкователей «своего чужого» прошлого. То есть важен не только анализ противоречивого и многообещающего процесса создания множества интерпретаций прошлого в новых государственных образованиях, но и форм влияния ученых на создание «понимающей», а не «разъединяющей» историографии, в которой преобладает истинное старание эксплицитно аргументированно восстанавливать прошлое.

Однако политическое обособление бывших республик Советского Союза и их желание восстановить собственную историю связаны с методологическими трудностями для всех историков как внутри, так и вне этих стран. Надо найти подходящие, оценочно нейтральные понятия, а также всякого рода параметры, позволяющие выявить, систематизировать и истолковать множество фактов. Но это ещё не всё. Важно беспристрастно трактовать прошлое, вернуть всё то, что было исключено из него советской историографией. Только таким образом можно избежать возникновения новых мифов. Историк является историком в обыденном смысле, а в то же самое время, скорее всего, своеобразным археологом современной социокультурной ситуации. Одновременно он должен преодолевать любые политические и идеологические влияния извне. Именно это является его вкладом в развитие нормального гражданского общества, которое основывается как раз на самостоятельной историографии.

Попытки модифицировать или исправить предельно искаженную советскую историографию предпринимались в начале периода гласности, но значительно усилились с возникновением новых самостоятельных государств на территории распавшегося СССР. Так называемые «исправления» были связаны с установками на проявление элементов культурно-исторической идентичности. Кроме того, попытка «переписывания» прошлого в рамках сложившейся историографической традиции выглядела желанием анализировать и описывать самих себя психологически, или же рассказать о той или иной исторической ситуации без использования научного метаязыка, изнутри. Однако в тех случаях, когда «переписывание» связывается не с принципами поиска истины, но с другими побочными — политическими, экономическими или гегемоническими — интересами, то тогда получается «историографическая каша», в которой перемешиваются правда, ложь, легенды и, конечно, мифы, как самый подходящий «клей истории».

Как в своё время идеология отвлекала от подлинной истории, так и сегодня прививаемые понятия наследия и облекаемые в научную оболочку мифы позволяют пользоваться историей «как той или иной красивой вещью, не задумываясь о том, откуда она взялась» (Ролан Барт). Здесь кроется одна из причин раскола во взглядах на прошлое, когда, к примеру, для одних Пётр I — великий реформатор, а для других — узурпатор, в одних местах именем Степана Бандеры называют улицы, а в других — пугают детей, в одних трудах Иосиф Сталин переосмысливается в политическом, а в других — в природном духе.

Поэтому авторы книги обращают особое внимание на способы осмысления исторических фактов, толкования неподходящих или противоречивых показаний, чтобы таким образом выявить новые мифотворческие виды историографических интерпретаций, избежать возникновения новых мифов, функция которых заключается в искажении общего сознания в пользу определенных политических соображений. Часто это единственная возможность преодолеть любую манипуляцию умов.

Разумеется, не на все вопросы авторы готовы немедленно дать полный ответ. Для дальнейшего исследования и дискуссии оставлен ряд трудных вопросов, в частности: о каком наследии прошлого идёт сегодня речь в постсоветских государствах — наследии территории, наследии «священных границ», наследии «непобедимости оружия», наследии «старшего брата»; какие именно мифы воспринимаются людьми — во что вглядываются те, кто подхватывают эти мифы и видит в них свою духовную опору; почему образ (к примеру, двухглавый орёл или трезубец) влечёт за собой понятие (имперскость или самостийность); кто и как эксплуатирует мифы?

И тем не менее, стремясь расчистить завалы искажений и предрассудков, которые накопились в последние годы, стараясь показать бесперспективность построения своих идентичностей, в том числе и написания «своих» историй, на принципе исключительности, авторам книги, как нам кажется, удалось решить следующие задачи. Во-первых, зафиксировать и проанализировать самые разнообразные проявления и последствия процесса «национализации» массового сознания; во-вторых, показать причины заинтересованности национальных политических элит в инструментализации прошлого, прежде всего, для легитимации независимого статуса новых государственных образований; в-третьих, понять, что происходит с профессиональной историографией, изучающей и осмысливающей прошлое сквозь призму национальных интересов. Всё это потребовало освоения огромного массива источников, некоторые образцы которых даны в приложениях к нашей монографии. Ряд участников проекта провёл специальные социологические исследования среди студентов университетов, другие — использовали методы интервью с общественными деятелями и личного наблюдения в ходе различных перестроечных и постперестроечных общественных акций, связанных с исторической памятью. Проработано множество политических документов общественных движений, партий, националистических организаций. Изучены популярные и специальные периодические издания, особенно так называемые «неформальные», большинство из которых прекратило своё существование. Специально изучались школьные и университетские учебники, созданные за последнее десятилетие в бывших советских республиках, характер и направленность радио- и телепередач по истории, и, конечно, многообразная научная литература.

Мы не ставили специальной целью выйти на завершённые формулировки самих понятий «национальная история» и «национальные историки». И тем не менее всеми авторами с интересом были восприняты попытки наших коллег В. Бухараева и М. Губогло порассуждать об этом на конференции по данной проблеме. Для первого «национальная история» не означает ничего иного, как систему знаний, сотворенную национальной (т. е. принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбывных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм — локальный или геополитический. Скорее, следует говорить о некоей «своей истории», что позволяет уловить те элементы этнонационального круга идей в историографии, который конституировался в официозный полноправный институт после распада СССР. По сути дела, речь идёт о конструкции, которая в официальных национальных историографиях получила название «национальной концепции истории» страны. В этом определении прямо, без обиняков,

реализуется заказ новых властвующих элит, озабоченных легитимацией «своего» — гимна, герба, истории, власти (1).

М. Губогло в предварительном порядке предложил трактовать национальную историю как историю этнической мобилизации, если под ней понимать теорию, идеологию, борьбу народа за свои национальные интересы и приоритеты, под которыми чаще всего подразумевается создание национальной государственности. Казалось бы, национальным историком, видимо, может быть человек по крови, языку, происхождению, связанный со своим народом, или учёный, живущий в пределах данного государства. Однако ни один из этих критериев не может быть решающим при отнесении того или иного историка к категории национальных. В качестве примеров несовпадения национальной истории и национальной принадлежности исследователя приводятся труды «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» академика В. Бартольда, «Государство сельджукидов Малой Азии» академика В. Гордлевского и др. Все эти книги написаны авторами, которые не соответствуют ни одному из названных критериев «национального историка», но именно эти ученые создали наилучшие образцы национальных историй (2).

Наше исследование нового большого исторического явления в общекультурном контексте помогли осуществить ряд организаций и много коллег, поддержавших идею встречи «национальных историков» спустя без малого десятилетие после распада СССР. Мы с благодарностью называем среди них Фонд Фридриха Науманна и лично его представителя в Москве Ф. Бомсдорфа, Институт европейских культур при РГГУ и его директора В. Кудрявцеву, Институт русской и советской культуры им. Ю. Лотмана Рурского университета в Бохуме и его исполнительного директора К. Вашика, Комитет «Третье тысячелетие» в лице М. Гельмана и С. Митрофанова, представителей посольств стран СНГ. Активную информационную помощь мы получили от «Независимой газеты» и заместителя главного её редактора А. Касаева, журнала «Отечественная история» и его главного редактора С. Тютюкина, российского исторического журнала «Родина» и его научных редакторов Т. Филипповой и Д. Олейникова, которых мы также благодарим за ценные советы при подготовке данной монографии. Нельзя также не назвать имен В. Береловича и Ю. Шеррер позволивших апробировать ключевые положения нашего проекта в руководимом ими семинаре Высшей школы по социальным наукам (Париж). Важную роль участников дискуссии по проблеме и экспертов на разных стадиях проекта играли также наши коллеги — М. Губогло (Институт этнологии и антропологии РАН), Ч. Гусейнов (МГУ им. М.В. Ломоносова), В. Журавлев (Российский независимый институт социальных и национальных проблем), В. Есаков и Ш. Мухамедьяров (Институт российской истории РАН), Е. Котеленец (Российский университет дружбы народов), С. Марков (Институт политических исследований), И. Торбаков (газета «Русская мысль»), А. Эбаноидзе (журнал «Дружба народов») и др.

Неоценимую помощь в завершении проекта и издании книги оказали А. Ушаков и С. Щербина, которым мы выражаем свою искреннюю благодарность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: «Своё» и «чужое» прошлое, или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах. Материалы обсуждения на Международной научной конференции «Создание национальных историй (15–16 сентября 1998 г., Москва /Сост.: К. Аймермахер, Г. Бордюгов, К. Вашик. Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». — М., 1999. С.15.

2. Там же. С.13–14.

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

I

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ в условиях советского времени

*Геннадий Бордюгов,
Владимир Бухараев*

Современная историографическая ситуация отмечена процессами институционализации и всплеском активности национальных историографий. Они доминируют в официальных учреждениях и системах образования на пространствах бывшего СССР. Включая — в той или иной мере — национально-государственные субъекты России. Осмысление особенностей современного состояния исторической науки предполагает выявление предпосылок своего рода термидора, произошедшего в историческом познании некогда единого советского Отечества.

Эта новейшая «смена вех» характеризуется освобождением национального историознания от диктата державно-имперской, великорусской традиции и утверждением модели «национальной концепции» истории вновь возникших государств или полугосударственных образований. На этом фоне разворачивается процесс конституирования собственно русской историографической школы, в сложносоставном содержании которого наиболее заметно проявляют себя две тенденции. Во-первых, определённая часть специалистов демонстрирует приверженность подходам, укоренённым в системах либерального мышления. В историописании и учебно-педагогических практиках это оборачивается ориентацией на некий концептуальный «треугольник»: цивилизационный подход — теория модернизации — идеи «школы тоталитаризма» (1). Во-вторых, формируется устойчивая линия новейшей историографии, представляющая собой инвариант великорусской традиции, той же позиции «старшего брата» в «семье народов». При всех различиях в идейно-политических пристрастиях, которые демонстрирует это направление историознания, в целом оно ориентируется на консервативную российскую идеологию, с позиций которой патриотическая идея трактуется «в откровенно националистическом ключе» (2).

В любом случае современную историографическую ситуацию отличает явное усиление этноцентризма — исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания. Научные центры и вузовские кафедры нередко становятся местом культурно-национального самоопределения специалистов. Проявления их этнонациональных пристрастий не сдерживаются ныне идеологическими обязательствами.

Национальная идея в историческом познании

Для уяснения складывающейся ситуации нужно прояснить её природу. Этноцентризм исторического познания, впервые явленный миру в образе европоцентризма, — собственно, ответвление национально-государственной (культурно-геополитической) идеи. Она предстаёт в виде теоретической санкции на конструирование нации и защиту её «места под солнцем» в эпоху перехода европейских сообществ от традиционализма к техноурбанизму. Истолкование субъектов, используемых в процедуре социально-культурной идентификации («народ», «нация», «белый человек», несущий «бремя» мирового культуртрегерства, и проч.), исторически зависело от определения другого как «врага»(3). По мере удаления во времени от своего прототипа, относящегося к эпохе Великой французской революции (первая буржуазная — французская — нация слагалась из «патриотов», противостоящих супостатам; впрочем, идея нации была измыслена «на вырост» и французская нация в конце XVIII в. являлась скорее политическим воображаемым), национальная идея может и понижать градус ксенофобии. Однако её размещение в формате «мы — другие» остаётся неизменным.

Тематизированная философия истории и научная историография, продукты нового времени, генетически связаны с национальной идеей. Она обеспечивает конституирование и оснащение принципиальными смыслами историзирующее культурное сознание. Сообщает ему функциональность. Удерживает его в состоянии равенства самому себе. Официальная европейская историография демонстрирует европоцентризм, квалифицируя характер взаимоотношений Европы с народами Азии — Африки — России.

Синкретический «евровзгляд» расщепляется в национальных историографиях, когда те приступают к рассмотрению внутриевропейских дел. Создаваемая под эгидой нации-государства история не берёт в расчёт разнообразные политические «этнические общности с того момента, как они включаются в состав того государства, которое их поглощает»(4). Рационально-феноменальная доктрина, производная позитивистской культуры, с позиций которой дифференциация историков происходит не на основе национальной, политической или идеологической принадлежности, а на основе научных позиций, системообразующую роль национально-государственной презентации в историознании не улавливает.

Несовпадение фаз европейского «транзита», модернизационные срывы порождают гибридные и превращённые формы этнических национализмов. В нацизме и его философско-исторических «видениях» своеобразно сопряжены почвенное антизападничество и «белый» расизм германофильского толка; «отредактированный» для бюргера коммунистический утопизм; языческая концепция цикличности истории (обновление через хаос — национал-социалистическую революцию и экспансию «арийской расы»); научный рационализм (созидание целеположенного «нового порядка»), обращённый здесь против своей «прародительницы» — иудейско-христианской культуры. Всё же определяющим мотивом этой идейно-теоретической какофонии является национализм: социалист с позиций гитлеровского социализма — тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации.

Другая версия социализма — марксизм, может быть истолкована в виде реакции космополитически ориентированной части интеллектуалов, озабоченных бедствиями социальных аутсайдеров эпохи «фабричных труб», на жёсткие общественные практики национальных капиталов и государств, обустривающих собственные культурно-политические цитадели в ходе формирования новых мир-отношений. Логика национально-государственного и этнокультурного развития весомее аргументации социального экуменизма. Дело «всесветного пролетариата» оказалось в заложниках национальной мистерии. В годы первой мировой социал-демократия поддержала свои правительства. Советское руководство обратилось к великорусской державной идее, прикрытой интернационалистской риторикой. Отечественная история вновь предстала, в соответствии с традицией имперской историографии, как преимущественно история русского национального государства.

Либерально-демократические традиции западной науки, корпоративный этос научного сообщества, предписывающий целенаправленно избегать влияния политической и идейной конъюнктуры, подкреплённые процессами социально-культурной интеграции внутри западного мира во второй половине XX в., во многом обесценили этнонациональные предпочтения в историографии. Те или иные учёные, апеллируя к состоянию современного западного историознания, в том числе к опыту собственного творчества, могут — и вполне искренне — отводить упреки в этноцентризме «своих» историографий. Однако об этноцентризме как родовой мете исторического знания нельзя судить, обращаясь к изыскам иного знатока средневекового города. Этноцентризм — это вензель всей национально-государственной историографии. Он явственно обнаруживает себя в школьных и вузовских учебниках, энциклопедической литературе(5), как бы в обезличенной форме: авторство учебника и энциклопедии, этих «сконструированных сводов» исторических сведений, понятие, как правило, весьма условное. Не меньше этноцентризм говорит о себе тем, о чём он умалчивает. Скажем, в немецких историознании и исторической публицистике только сейчас, во второй половине 90-х гг., стала более открытой дискуссия о Третьем рейхе. Освещаются вопросы, которые до того были не в чести у литераторов, об участии частных лиц в антисемитских преступлениях, о жестокосердии солдат и офицеров вермахта в отношении гражданского населения в 1939–1945 гг. (6).

Актуализация проблемы этноцентризма исторического сознания на опыте российской историографии XX в. предполагает учёт особенностей этносоциополитической ситуации российского сообщества и характера её эволюции. В отличие от Запада Россия и регионы бывшего СССР переживают период национально-культурной трансформации. Особые затруднения встают на пути исследователя, намеревающегося обратить свои взоры на проявления этнонационального сознания в историографии советского периода. Проблема эта, несмотря на ее теоретико-познавательный потенциал, выделение этнологии и этнологически оснащённой истории в качестве заглавных дискурсов в историческом познании 80–90-х гг. XX столетия, остаётся в целом не разработанной.

В советское время она или не рассматривалась вовсе, или ставилась в тенденциозной политизированной форме (национальная история как эквивалент антимарксизма либо национал-уклонизма в большевизме). Историческая наука в России и других государствах «ближнего зарубежья» демонстрирует отсутствие устойчивого интереса к проблеме(7) (будь он сформирован, следовало бы говорить о новом направлении в историознании). Кроме того, — иную идеологическую тенденциозность в оценках истоков национально-исторической мысли, перипетий культурно-исторического развития(8).

В советологической историографии, развивавшейся под знаком доктрины «школы тоталитаризма», в исследованиях приверженцев которой «история и политология практически сливались в единую научную дисциплину»(9), проявления национальных идей в провинциальной исторической литературе советского периода оценивались в качестве контркультурных форм, которые были практически сведены на нет советским марксизмом, игравшим роль принудительной моноидеологии(10).

Для современного россиеведения, формировавшегося до известной степени в качестве альтернативы ортодоксальной советологии и опиравшегося на «ревизионистскую» критику «школы тоталитаризма» 60–70-х гг., методологию социологически информированной «социальной истории», характерны более широкие проблемно-концептуальные основания. Стремление вместо статичной картины «монотипного режима» увидеть в истории советского общества противостояние идей и корпоративных сил, многоуровневые конфликты социополитического, религиозного, этнонационального характера(11).

Возвращение России XX в. в лоно общеевропейской истории, размещение советского опыта в координатах противоборства консерваторов и реформаторов, включая сферы партийного руководства и идеологии, открывает новые исследовательские перспективы. Одновременно таит в себе опасность теоретического модернизаторства, смешения должного и сущего в освещении истории советского общества, его культуры и науки.

В исследовании А. Каппелера, посвящённом эволюции России как мультинациональной империи, констатируется наличие историографических школ отдельных советских республик. После сталинских времён они пережили период институционального оформления, разветвления и профессионализации, оставаясь при этом под контролем центра. Национальные историографические школы в Советском Союзе, по мнению автора, имели значительные достижения и серьёзные труды, прежде всего по вопросам социальной и экономической истории. Однако вынуждены были избегать острых тем, связанных с завоеванием, подчинением, включением в состав Российской Империи, с национальными движениями и национальной политикой. Темы эти оставались за скобками научных исследований или освещались в одностороннем идеологизированном плане(12).

В используемом Каппелером понятии «национальные исторические школы» применительно к местным историографиям, а именно национальных республик СССР, присутствует известное преувеличение. Если не считать, что понятие берётся в широком смысле и обозначает те группы историков, внимание которых сфокусировано на проблемах истории своих регионов. Но история тех же регионов на основе единых теоретических подходов изучалась и историками «центра», как правило, в процессе создания ими «обобщающих трудов». Часть региональных исследований, выполненных местными историками, выходила в столичных издательствах — это являлось признанием заслуг провинциального историка перед советской наукой — под пристальным оком идеологической цензуры.

Разумеется, отличительная черта национальной исторической мысли, выражение которой ограничивалось постулатами имперского мировоззрения, — сосредоточенность, по необходимости, в завуалированном виде, на истории своей этнической группы, её топоса. Однако этот признак ещё не даёт основания для возведения местной историографии в ранг «национальной школы». Это понятие предполагает существование культивирующей национальную историческую мысль научно-педагогических центров, находящихся под патронажем властей. Соответственно — наличие этноцен-

тристской «оптики» во всём историческом комплексе. Между тем «просветление» этой «оптики», наведение её «на резкость» усиленно сдерживались посредством того, что Капеллер называет «давлением официальной идеологии, фактически оправдывающей завоевания самодержавного государства»(13). Система науки и педагогики была организована так, чтобы обеспечить эффективность этого идеологического давления.

Кроме того, однозначная постановка вопроса о существовании в послевоенный период национальных историографических школ в СССР исходит, по существу, из допущения, что историки-«нацмены» находились в скрытой оппозиции московским правителям и воспринимали насаждаемую «сверху» модель историографии как антиисторическую и чуждую их национальной культуре. Однако реальная картина значительно сложнее. Стремление к этнокультурной идентификации вполне уживается с коммунистическими взглядами. Об этом свидетельствует социополитическая ситуация в постсоветских сообществах, сделавшая тайное явным. Советско-марксистская доктрина имела своих сторонников и приверженцев среди национальных интеллектуальных элит. Некоторые её представители в годы национально-государственных реформаций оставшись на «стыдливых» интернационалистских позициях, оказались теперь, подобно первым русским марксистам, в маргинальном положении в системах национального историознания. Последние, напротив, поменяли диспозицию: из контркультурных практик превратились в официальные историографии.

Идеократический советский строй сформировал «вполне определённый тип историка», научившегося воспринимать партийное руководство как нечто естественное и само собой разумеющееся. Более того, сложился «тип историка-партийца, жаждущего данного руководства и чувствовавшего себя крайне комфортно без него»(14).

Поэтому применение безо всяких оговорок и пояснений понятия «национальные исторические школы» относительно историографической ситуации в национальных регионах Советского Союза послевоенного времени вряд ли плодотворно, с научной точки зрения(15).

Скорее следует использовать понятие «национальные школы историографии» для характеристики историографической обстановки 20-х гг. В выступлениях участников Всесоюзной конференции историков-марксистов, в рамках которой работала секция истории народов СССР, рассматривались проблемы «современной исторической украинской науки», «армянской историографии». Раздавались призывы к организации коллективной работы «историков-марксистов Закавказья», «дружному союзу украинских историков-марксистов и рэсэфэзэровских историков-марксистов, а также и белорусских историков-марксистов, грузинских и т. д.». Посланцы национальных регионов остро реагировали на «отрывки» великодержавного шовинизма и национального нигилизма, которые они усматривали в «русской исторической литературе»(16).

Историки-марксисты, занимавшие левый фланг национальных историографий, отдавали себе отчёт в том, что ведущие позиции в них продолжают занимать наследующие традиции дореволюционной науки «современные антимарксистские течения». Их представители уличались в том, что «в качестве стержневого вопроса» истории рассматривают «борьбу за национальную независимость» своих народов, против «русификаторской и колонизаторской политики» Российской Империи. Или, во всяком случае, «дают материал по национальному движению в такой пропорции», что читатели «видят национальный момент основным», независимо от подчёркивания автором

значения экономических факторов(17), — имела в виду историческая концепция марксизма с присущими ей экономическим детерминизмом и истолкованием вопроса национального в качестве производного вопроса социального.

Другое дело, что в официальной исторической науке послевоенного периода не только не признавалось наличие «национальных школ», но вообще не ставился вопрос об эволюции национальной исторической мысли в советское время. В пятом томе академического издания «Очерки истории исторической науки в СССР» (посвящённом развитию советской историографии, проблемам отечественной истории с середины 30-х до конца 60-х гг.), оказавшимся последним актом масштабной историко-научной рефлексии советского историознания в условиях советского строя, выделение национальных историографических комплексов отсутствует. Намёк на некую специфику развития историографии в национальных регионах можно усмотреть в наблюдении авторов «Очерков...», касающемся освещения истории становления советского государства: «Все работы об автономных республиках были написаны местными историками и изданы, как правило, местными издательствами, что стало важным показателем культурного и научного роста исследовательских кадров в ранее отсталых окраинах страны»(18). Встречаются термины «историки союзных республик», «многонациональная армия историков»(19), хотя в целом, согласно господствующей историографической концепции, и в центре, и на местах работали специалисты, исчерпывающая характеристика которых содержалась в определении «советские историки»(20). Показательно, что не была реализована заявленная в предыдущем выпуске «Очерков» задача — рассмотреть в «специальном томе» проблемы борьбы с буржуазным национализмом в историографии 20-х — начала 30-х гг.(21).

Спустя год после появления последнего тома «Очерков» опубликовано, как заявлено в аннотации, «наиболее полное историографическое обобщение исследований по истории Украины»(22). Для подтверждения «высокой зрелости» историознания на Украине авторы избирают соответствующую методику: издание предпринято в виде дополнительного тома к многотомной «Истории Украинской ССР». Его разделы повторяют тематизацию, лежащую в основе многотомника. Историографические сюжеты оказываются в роли историографических обзоров, предпосланных позитивному изложению отдельных периодов истории Украины. Тем самым, авторы историографической работы избавили себя от необходимости разработки периодизации украинской историографии в целом. Уклонились от обобщающей характеристики её комплексов и полос развития. Критика видных украинских историков С. Антоновича, М. Грушевского, М. Кулиша с позиций революционно-классовой идеи «рассыпана» по всему изданию, будучи привязанной к вопросам историографии. Дореволюционная историография Украины на страницах книги «предстает как предыстория подлинно научного изучения истории Украины», развёрнутого советскими историками на основе марксистско-ленинской методологии»(23).

Данный унифицированный подход имеет под собой определённые основания. На них опираются историки в постсоветское время, продолжая вслед советской историографии, по существу, игнорировать проблему национальной мысли советского периода. Эти исходные посылы обнажены М. Геллером: «Советские историки обеими руками писали то, что от них требовали. Это не значит, что они писали всё время одно и то же. Их взгляды менялись в зависимости от решения высшей инстанции, как говорят — колебались вместе с линией партии. Повороты происходили по флотской команде: все вдруг. Кто не успевал повернуться или не совсем правильно понимал манёвр, должен был пенять на себя»(24). Сходные оценки (они касаются всей твор-

ческой интеллигенции) выносят А. Белинков и В. Буковский — люди, «отрешившиеся от страха», бросившие открытый вызов коммунистическим властям(25).

Такая ригористская позиция оплачена драматическими судьбами самих критиков. Однако подобные экспрессивные истолкования феноменов советской науки и литературы следует квалифицировать как проявления морализаторско-психологизированного взгляда на историю и общество, укоренённого не в системе научно-теоретических координат, а в морально-этическом формате. Исторические реалии таковы, что советская историография, как и обществоведение в целом, являли собой интеллектуальное пространство, где разворачивалась борьба групп интересов, сохранялись элементы академической культуры(26). На этом пространстве прослеживается прерывистая, штрих-пунктирная линия национальной исторической мысли. Особенности её эволюции, формы выражения на фоне развития господствующей — тоже в основе национальной, великорусской — историографии находятся в центре внимания авторов данного раздела издания.

Нельзя не сказать о тех затруднениях в понятийном аппарате, с которыми приходится сталкиваться в ходе анализа проявлений этноцентризма в историческом познании в советское время. Понятие «национальная история» в социологическом смысле не означает ничего иного, как систему знаний, сотворённую национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбежных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм — локальный или геополитический (европейский, североамериканский, африканский, арабский и т. д.).

Между тем в контексте современного русского логоса, актуальных культурных представлений «национальная история» воспринимается в качестве суммы знаний о прошлом какого-либо этноса, взятого во взаимодействии с его историческими соседями, которая организована посредством национальной идеи, обосновывающей культурные и политические притязания руководящих классов. Это относится и к понятию «национальный историк», которое вполне определённо звучит как обозначение носителя, контрагента «завуалированного» или явного, но отрефлектированного, сознательного этноцентризма, имеющего явную праксеологическую направленность.

Смыслы, привносимые сегодня в понятия истории и историка, числящихся по национальному «ведомству», в немалой степени отражают реальное положение дел. Национальные историки на пространствах СНГ «переигрывают» историю по сценариям, отвечающим задачам идейно-политического обоснования процессов формирования национальных государств. А в этом серьёзном деле научная истина никогда не фигурировала в качестве ценности.

Между интернациональным социализмом и национал-большевизмом

Национальная историческая мысль в послереволюционном российском обществе была легализована и стала обретать организационные формы в связи с вынужденным — в результате столкновения доктрины «штурма и натиска» с реалиями полиэтнической ситуации в стране — обращением большевистского руководства к масштабному политическому регулированию культурно-национальной сферы(27). Образование СССР и стабилизация социальных связей в 20-е гг. открыли для части национальных

историков возможность возвратиться к своей профессиональной деятельности. Эти учёные, разумеется, знали о провозглашённой на XII съезде партии «первейшей обязанности» — поддерживать развитие каждого народа, каждой национальной республики.

Стабилизация в области культурно-национального развития регионов, условиями которой национал-коммунисты стремились воспользоваться для расширения компетенции своих республик, усиления их влияния в определении стратегических целей социалистического сообщества, не могла устроить большевистские верхи. XII съезд оказался последним (впрочем, как и первым) съездом партии, на котором работала секция по национальному вопросу.

Спустя полтора месяца после этого съезда, на котором взяла верх ленинско-троцкистская прагматика, состоялось так называемое Четвёртое совещание по национальному вопросу. Оно было посвящено «делу М. Султан-Галиева». В 1918–1923 гг. он являлся одним из самых видных и авторитетных национальных коммунистов. Занимал посты председателя Центрального мусульманского комиссариата при Наркоме по делам национальностей РСФСР, председателя Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР, председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б), председателя Федерального комитета по земельным делам, другие управленческие должности; вполне, впрочем, в соответствии с принципом «личной унии» в обустройстве партийно-государственного руководства, положенного в основу большевистской кратократии.

«Дело» было сработано в недрах Восточного отдела ГПУ, проводившего широкомасштабную операцию «2-й парламент», своим остриём направленную против национал-коммунистических сил Востока России. Акция в отношении Султан-Галиева, находящаяся в одном ряду с разгромом политической группировки грузинских коммунистов во главе с Буду Мдивани, свидетельствовала: «Для Сталина и его сторонников становилось всё яснее, что даже с ограниченным плюрализмом мнений, в том числе по национальному вопросу, пора кончать. Наступило время иных решений»(28).

Любое радикальное движение, даже руководствующееся интернационалистскими лозунгами, получив рычаги власти, обращается к национализму и ксенофобии: происходит поглощение революции государством, которое эта революция породила. Национал-патриотические ориентации русского марксизма восходят к мессианизму почвеннического реформаторства, усиленному после революции 1905–1907 гг. выводом леворадикалов о перемещении в Россию центра мирового революционного движения. Однако исторические обстоятельства, подталкивающие новые элиты к раскладыванию национального пазьяна, всегда конкретны и разнообразны.

Возвращение большевизма к национальной компоненте в политике и идеологии, которой ранее пренебрегали или отвергали в обстановке революционной эйфории, впервые обозначилось в процессе заключения Брестского мира в 1918 г., а также в ходе кампании с «панской» Польшей 1921 г. Вопреки расчётам на её роль детонатора мировой революции, эта война приобрела национально-государственный характер. Тогда же, четыре года спустя после Октября, сменовеховцы в целом верно определили основное направление этнополитического развития постреволюционного общества (заблуждаясь относительно роли в этом процессе идейно-политических сил «старой» России). Они приветствовали годовщину революции как праздник русской национальной независимости. Соединяя национальное и имперское в единое целое, эти «большевизаны» провидели распространение русской культуры во всероссийских масштабах и тем самым восстановление в будущем «русского культурного единства»(29).

К началу 30-х гг., по мере отсеечения сталинской группой «старой гвардии», для которой идеология коммунизма включала в себя безусловное осуждение с классовых позиций «тёмного прошлого» императорской России, в арсенале большевистского строя отчётливо намечаются два своего рода идеологических стержня: интернационально-классовый и национально-державный. Очевидное противоречие, возникавшее между этими полюсовыми позициями (вопреки доктрине оказывалось, что пролетариат «обретал» отечество ещё до победы своей революции) использовалось — целесообразно и спонтанно — для поддержания напряжения в идеологических структурах, в среде партийной и беспартийной интеллигенции.

В ходе «революции, проведённой сверху», социально-политических и идеологических пертурбаций 30-х гг. национально-историческая — иноэтнических групп населения — мысль практически делигитимизируется. Её организационные центры (местные и центральные издания, такие, как «Жизнь национальностей», краеведческие общества, а равно структуры и звенья совпартаппаратов, которые их курировали) развалены. Она была втиснута в прокрустово ложе единого «марксистско-ленинского направления» (30), которое всё более переходило на позиции русского национализма.

Однако для того, чтобы смена идеологии стала фактом политики, и началось практическое вживание русского патриотизма в социалистическую идеологию, требовались серьёзные и бесспорные поводы. Ими стали провал расчётов на революционный выход из мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и победа национал-социализма в Германии. Угроза новой войны против Советского Союза неизбежно заставляла опираться на идею патриотизма самого многочисленного в стране народа — русского. Тем более, что подвижки в идеологической сфере отвечали логике её эволюции. Утверждавшееся новоимперство влекло за собой восстановление русской патриотики в качестве несущего элемента идейной конструкции, обеспечивающей советский унитаризм.

После ленинского «Брестского мира» и сталинского «социализма в одной стране» в 1933–1934 гг. вновь демонстрируется подчинённость большевистской доктрины стратегическим национально-государственным интересам. Трансформация идеологических установок — обращение наряду с использованием интернационал-коммунистического подхода в идеологии к национал-большевистским ценностям — оформляется на XVII съезде ВКП (б), т. е. в начале 1934 г., но никак не раньше. На этом съезде из уст Сталина под аплодисменты делегатов прозвучали слова: «Мы ориентируемся на СССР и только на СССР». По существу, это была формула не революции, а державно-патриотической политики. (Примечательно, что в это время оппозиция зафиксировала шёпоты в Москве, выражавшие этнофобии русских, недоверие их к «чужим», в том числе даже к Сталину, который как «чужой», не русский, в случае опасности спрячется на Кавказе)(31).

Именно с 1934 г. после длительного перерыва идеологические вопросы снова включаются в повестку дня политбюро. Страна втягивалась в период «Большого террора», нуждавшегося в идейном прикрытии. В общей стратегии, экономической и военной политике, информационном режиме полностью выявились мобилизующие тенденции. Государственная машина в своих ключевых звеньях стала сжиматься подобно пружине.

Сигналом к разыгрыванию в официальной идеологии, а, следовательно, подчинённой ей исторической науке, государственнической, патриотической карты явилось восстановление в идейно-политической жизни позитивного образа дореволюционного, национального прошлого (32). Этот сигнал был продублирован, но «не

громко», в небольшой статье Сталина, доступной поначалу лишь посвящённым, верхнему эшелону руководства и той части партийной интеллигенции, которая должна была транслировать руководящие идеи, преобразуя двусмысленные идеологемы в пропагандистские клише. Речь идёт о тексте Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», датированном 19 июля 1934 г. Только спустя семь лет, в мае 1941 г., он был опубликован в журнале «Большевик». Один этот факт не раз привлекал к себе внимание исследователей, выдвигавших различные его толкования(33). Обратимся к нему ещё раз в ракурсе нашего исследования.

Летом 1934 г. директор Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП (б) В.В. Адоратский предложил генсеку напечатать в номере «Большевика», посвящённом 20-летию мировой империалистической войны, письмо Энгельса на имя Иоан Надежды. Оно было опубликовано за границей в 1890 г. под названием «Внешняя политика русского царизма». Сталин отклонил это предложение. При этом счёл нужным прокомментировать «статью Энгельса», оформив свои соображения в виде письма членам Политбюро. Он подверг критике действительно отмеченное своеобразной, революционноморфной русофобией отношение классика к внешнеполитической деятельности русского правительства в XIX в. и выдвинул несколько положений, соотносимых с международной и внутривнутриполитической ситуацией середины 30-х гг.

Сталин последовательно опровергает содержащуюся в материале Энгельса и традиционную для всей леворадикальной российской мысли второй половины XIX — начала XX вв. оценку царизма как «мирового жандарма». Тем самым он не поддерживает ленинскую интерпретацию истории России XIX — начала XX вв. Более того, он проводит мысль о том, что европейским правителям эта роль была присуща в большей мере, чем царской России. Статья Сталина даёт исторический образ России, значительно менее виновной в развязывании первой мировой войны, чем Англия и Германия.

Сами «упущения», «недостатки», «преувеличения» Энгельса предстают не в качестве заблуждений теоретика, которому изменила марксистская диалектика. Они подаются в виде человеческих, предметно-чувственных реакций публициста («статья Энгельса — хороший боевой памфлет», обращённый «против русского царизма»). Этот памфлетист, «встревоженный налаживающимся тогда (1890–1891 гг.) франко-русским союзом, направленным своим остриём против австро-германской коалиции», оказывается, озабочен вовсе не тем, чтобы довести до социал-демократии Европы своё видение ситуации, опирающееся на революционную теорию, как это полагалось бы вождем пролетарского движения. Энгельс «задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма и лишить её всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии...» (читай: объективно в интересах австро-германского блока). Преследуя эту цель, он «несколько увлёкся» в своих антирусских выпадах(34).

Истолкование экспрессии Энгельса как национальной, геополитической по своей природе Сталин усиливает в конце статьи, фактически возлагая на того ответственность за санкционирование националистической, антирусской позиции германской социал-демократии в предстоящей войне. Сталин цитирует строки Энгельса из письма Бебелю, написанного год спустя после «Внешней политики...»: «Энгельс прямо говорит, что “победа Германии есть, стало быть, победа революции”», что «если Россия начнёт войну, — вперёд на русских и их союзников, кто бы они ни были!». Следующее за цитатой сталинское пояснение исключает иное понимание позиции Эн-

гельса, кроме как социал-шовинистской, националистической: «Понятно, что при таком ходе мыслей не остаётся места для революционного пораженчества, для ленинской тактики превращения войны империалистической в войну гражданскую».

На фоне «увлекающегося» и ошибающегося Энгельса, непоследовательности позиций социал-демократии Западной Европы величие большевизма засверкало новыми гранями как образца тактики для всех. Вопрос, которым задаётся Сталин в предпоследнем абзаце своего текста, о возможности напечатания письма Энгельса в «Большевике» — «нашем боевом органе» — в качестве «руководящей» или хотя бы «глубоко поучительной» статьи, звучит риторически. «После всего сказанного» становится ясно, что тот, кого считали Учителем, этого не заслуживает. Но новый Учитель ставит все точки над «i», завершая свои комментарии рубленой фразой: «Я думаю, не стоит»(35).

В результате сталинского «позиционирования» возникали представления о стране, которая и во времена «царей», «феодалов», «купцов», «прочих социальных групп» выглядела более пристойно, чем европейские страны. Хотя у них и не было царизма — могучей твердыни общеевропейской и азиатской реакции, они с успехом, в большей мере, чем русское правительство, практиковали «в своей внешней и внутренней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверство, и подкупы, и убийства, и поджоги (sic!)». Эти «поджоги», упомянутые в 1934 г., отсылали к поджогу рейхстага — провокации гитлеровских спецслужб. Тем самым становились неартикулированным знаком преемственности «зверства» в европейской истории. В контексте сталинских рассуждений эти представления о России прошлой смыкались с видением России сегодняшней, продолжающей свой многотрудный, но достойный путь в истории. Под руководством своего единственного Вождя и Учителя.

Логика статьи, её пафос и аллюзии явственно направлены на изменение акцентов в описании внешней политики Российской Империи, истории российского государства в целом. На то, чтобы понизить ранг классово-интернационалистской дискурсивности, сделать её ритуальной. Перенести центр тяжести на национально-аксеологические подходы, апеллирующие к национальным чувствам русских. А также и затем — национальных меньшинств, склоняемых посредством депрограммирования их этнической идентичности и осознания ими причастности делу великой страны, державы, её истории — к великорусскому конформизму.

Казалось, политический момент как нельзя лучше подходил для обнародования выношенных Сталиным мыслей по поводу русской истории и внешней политики российского государства. Идеологическая машина большевизма разворачивалась лицом к державным идеям и государственным ценностям, связывая воедино прошлое и настоящее. Однако в 1934 г. Сталин свои заметки не опубликовал. Можно допустить, что ему трудно было решиться переступить черту, отделяющую прежнюю классово-центристскую доктрину от национально-государственной идеи в историознании, утверждая новые подходы посредством критики «основоположников». Или предположить, что он психологически ещё не был готов к высоким сопоставлениям себя с классиками. Скорее всего, Сталин посчитал, что обстановка для этой публикации не вполне сложилась и незачем делать такой крупный шаг к прояснению ситуации. Появление в 1934 г. сталинской работы было бы воспринято как отчетливый сигнал к изменению приоритетов в соотношении «классового» и «патриотического». Между тем, достижение полной ясности в идейно-политической сфере не входило в число задач бонапартистской идеологии и политики сталинизма.

В том же 1934 г. в ответ на обращение группы художников и архитекторов сохранить Сухареву башню, относящуюся к эпохе Петра I, Сталин заявил, что считает решение правительства о разрушении башни правильным. Поскольку «советские

люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня»(36). В середине 1930-х гг. в назидание сомневающимся многие специалисты-реставраторы Центральных государственных памятников мастерских, пытавшиеся противодействовать разрушению уникальных памятников русской истории и архитектуры, были репрессированы(37).

Тем не менее, та часть партийно-государственного аппарата и историков, которые сознательно или интуитивно рискнули поставить на великодержавие и патриотизм, не ошиблись. Значит, Сталин, пусть и в завуалированной форме, мог и дальше развивать великодержавную концепцию в идеологической системе.

В середине и второй половине 30-х гг. советский марксизм продолжал движение по извилистому пути формирования новоимперской идеологии и историографии. Путеводителем в лабиринте порождаемых идеологическими переменами историографических конфигураций работникам образовательных и научных учреждений служили материалы, вошедшие в советскую историографию под названием «Документы Коммунистической партии и советского правительства о советской исторической науке и её задачах в 1934–1936 гг.»(38). В 1937 г. они были сгруппированы в сборнике «К изучению истории», изданном Партиздатом ЦК ВКП (б) тиражом 125 тысяч экземпляров(39). В Москве и ряде городов страны материалы сборника переиздавались, в том числе в виде пособий по истории ВКП (б)(40).

Сборник открывался известным сталинским Письмом (1931 г.) в редакцию «Пролетарской революции». Затем в нём последовательно были размещены: текст «Из постановления Совнаркома и ЦК ВКП (б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г.» (само постановление было опубликовано 16 мая 1934 г. в «Правде»); материал «В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП (б)», излагавший постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об учебниках по истории» от 26 января 1936 г. (опубликованное 27 января этого же года в центральных газетах); «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» Сталина, Жданова и Кирова (реально — замечания Сталина от 8 и 9 августа 1934 г.). Последний из перечисленных текстов был разослан 13 августа этого же года членам политбюро и обоим руководителям авторских коллективов, сформированных в марте 1934 г. под эгидой Наркомата просвещения РСФСР, — Н.Н. Ванагу и С.А. Пионтковскому (в сборнике эти «Замечания» обнародовались впервые). Затем шли «Замечания о конспекте учебника по новой истории» за подписью тех же трёх руководителей (только теперь фамилия Кирова стояла перед фамилией Жданова), датированные 9 августа 1934 г.; документ за подписью Сталина «Об учебнике истории ВКП (б)». «Письмо составителям учебника истории ВКП (б)», опубликованное в сборнике без каких-либо привязок по времени написания. Наконец, «Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР», появившееся в «Правде» 22 августа 1937 г.

Ключом к пониманию характера развития историознания в середине и второй половине тридцатых является, безусловно, постановление высших органов партии и государства «О преподавании гражданской истории в школах СССР», выдержка из которого вошла в содержание «руководящего» сборника «К изучению истории». Как известно, решением, содержащимся в этом документе, в систему начального, среднего и частично высшего образования возвращались курсы истории России и всеобщей истории, в основном заменённые в первые годы советской власти курсом обществоведения.

Собственно, уже в 1932 г. «в отлив» проработок историков в связи с «Письмом 31-го года» и практически все попавшие «под огонь» критики публично покаялись, началась работа по созданию «стабильных» учебников истории. Об этом свидетельствует, в частности, принятое 25 августа 1932 г. постановление ЦК «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». Однако придание вопросу о возвращении истории общеполитического и отчётливо идеологического характера произошло только после завершения работы XVII съезда партии. Съезд закреплял курс XVII партконференции на достижение в ближайшее время нового, беспрецедентного уровня социальной нивелировки и деструктуризации общества, скрепляемого диктаторско-имперскими «обручами».

В свете задачи «ликвидации классов вообще» постановка вопроса об «особо значительном хозяйственном и культурном росте», имеющем место «в национальных районах Союза, быстро идущих по пути окончательной ликвидации отсталости», должна была означать стремление к достижению значительных степеней национальной индифферентности и «деэтнизации» инонациональных групп. В связи с этим необходимо было оснастить единую жёстко унифицированную систему образования курсом истории, выступающим в качестве звена новоимперской великорусской идеологии.

Обращает на себя внимание словосочетание «гражданская история», вынесенное в заголовок постановления от 16 мая 1934 г., а затем его употребление в самом тексте, выделенное петитом. В документе речь идёт не просто о восстановлении систематического курса истории взамен неполных и схематизированных исторических сюжетов, излагавшихся в курсах обществоведения. Не только об изменении того положения в педагогике, оценка которого присутствует в виде констатации: «...преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно». Нужно было найти приемлемую, с точки зрения идеологических соображений, словесную форму, которая бы, открыто, не посягая на марксистскую теорию истории, в то же время давала специалистам державно-патриотические ориентиры.

Понимание процесса общественного развития в качестве «гражданской истории» не являлось принципиальным вопросом историографии в начале XX в. Само это понятие восходит к возрожденческо-просветительской, секулярной традиции. В её русле происходило вычленение из теолого-исторического мировидения (синтезы Августина, других патристических и схоластических мыслителей) рационально-историцистского сознания и фундированного им историописания(41). Последнее и есть то, что называлось гражданской историей. Определение истории в качестве гражданской сохраняет смысл лишь в процедуре различения теологической, священной и рационалистической, профанной концепций истории. В русской высокой культуре рубежа XIX–XX вв. выражение «гражданская история» продолжало употребляться в качестве противоположности понятию истории священной, церковной(42).

В постановлении 1934 г. речь шла не о преподавании некоей гражданской истории взамен социологизаторского историознания времён ленинизма (и история, и социология в наличных системах образования никакого отношения к церковной истории не имели). В действительности разумелось «оснастить» образовательные институты политической историей государства российского, царской России. В «аранжировке» великорусской идеи в качестве идейно-теоретического обоснования легитимности новой имперской деспотии. Подвёрстывание к документальному комплексу 1934–1936 гг. статьи Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», известной как «Письмо 31-го года», свидетельствует о том, что эта работа, обслуживавшая,

в первую голову, очередные задачи власти на рубеже 20–30-х гг., обладала потенциалом идеологической трансформации — от интернационалистского ленинизма-троцкизма к сталинскому национал-патриотизму(43).

Всё же главной особенностью критических замечаний и целеуказаний, «аггрегированных» в этих документах партийно-советского режима, следует признать их нарочитую противоречивость и многозначность. Полиэтническая идея воссоздания не «русской истории», а «истории Руси» с учётом истории народов, входящих в СССР (включая даже татар, башкир, мордву, чувашей), на основе «марксистского объяснения», конфликтовала с положениями, которые было неммыслимо представить в боевой марксистской историографии 20-х — начала 30-х гг.: о попытках Петра цивилизовать современную ему Россию, о прогрессивном значении введения христианства на Руси и деятельности монастырей и т. д.

Причём это касалось не только содержательной стороны историописания, но и его формы. Постановление от 16 мая 1934 г. ориентирует на изложение гражданской истории в «живой, занимательной форме». Постановление жюри конкурса на лучший учебник по истории уже порицает «большинство авторов», которые описывают эпоху социалистического строительства в СССР «больше восклицательными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками...»(44). Притворство авторов очевидно — «живая занимательная форма» никак не вписывалась в формирующийся Большой стиль, не оставляющий места занимательности и сантиментам. Если их и использовали в культуртрегерской деятельности, то только «дозировано» и в исключительных случаях. Эта идеологическая и стилистическая неопределённость, кроме того, что она являлась составной частью сталинской политики, в предвоенные годы использовалась для обоснования кадровой «выбраковки» в научной сфере(45).

Разворот в сторону державно-патриотической идеи обесценивал достижения советской историографии, связанные с воссозданием, по выражению М.Н. Покровского, действительно материалистической картины русского исторического процесса. Фигура Покровского, являвшаяся символом большевистско-партийной науки, подлежала низвержению с пьедестала. Тем более, что для Сталина, входившего в роль живого классика и основоположника советской науки, был неприемлем канонизированный образ «всемирно известного учёного-коммуниста», «виднейшего организатора и руководителя нашего теоретического фронта», — такие характеристики Покровского содержались в сообщении ЦК ВКП (б) о смерти учёного в 1932 г. Его труды должны были быть дезавуированы, с позиций национал-большевизма. Вместе с наследием Покровского обрекались на дисквалификацию все произведения историков-марксистов. И тех, кто начинал работать до революции 1917 г. И тех, кто пришёл в научно-исторические учреждения после Октября. Все эти историки, по сути дела, попадали под понятие «школы Покровского», введённого сталинскими идеологами вполне функционально.

Усугубляло положение марксистских историков то обстоятельство, что привыкшие оперативно откликаться на изменения политики партии, они в начале 30-х гг. восприняли содержащееся в докладе Сталина на XVI съезде ВКП (б) указание на особую опасность «великодержавного шовинизма», его призывы с уважением относиться к национальным культурам и языкам — в качестве признаков вновь формируемой партийной стратегии. Эта особенность историографической ситуации подчеркнута с апологетических позиций в соответствующем разделе «Очерков истории исторической науки...»: «В ряде работ начала 30-х гг., в связи с указанием партии на

«великодержавный уклон» как главную опасность, критика буржуазной историографии проводилась, прежде всего, под данным углом зрения»(46).

В качестве выражения прямой поддержки национальных историографий звучит поставленная Обществом историков-марксистов задача «создания истории народов СССР руками научно-исторических сил самих этих народов»(47). Это был явный отход от наметившегося в конце 20-х гг. ужесточения идеологической позиции историков центра по отношению к историографиям союзных республик и автономий.

Соответственно усилились нападки на Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова и других представителей русской академической историографии как носителей идей великодержавности в историческом познании. Особую активность проявлял один из немногих профессионалов среди первых русских историков-марксистов С.А. Пионтовский (ученик известного провинциального историка Н.Н. Фирсова, он окончил незадолго до революции историко-филологический факультет Казанского университета)(48). За ним с 1928 г. «тянулся шлейф» ревизиониста, подменившего ленинскую концепцию социалистической революции в России теорией «двух революций» в Октябре — буржуазной в деревне, захолустье и пролетарской в городских центрах(49). Демонстрацией своей, как ему казалось, верности партийной интернационалистско-классовой стратегии он стремился загладить последствия критики в свой адрес. Оказалось: набирал «штрафные очки» по системе византийской идеологии сталинизма.

Зигзаг «партлинии» в национальном вопросе в начале 30-х гг. был обусловлен резким обострением в сфере культурно-национальных отношений, являвшихся системообразующим элементом аграрно-традиционалистских укладов инационального населения. Нажим на массы аграриев-общинников, предпринятый в ходе коллективизации как очередной шаг к достижению «той степени развития, когда имеется возможность планировать всё и вся»(50), обернулся реакцией противодействия нерусских окраин страны. Социальную мелиорацию национальные меньшинства восприняли (причём с полным основанием) как угрозу своей этнической идентичности. Огосударствление аграрного сектора имело своим последствием и задачей маргинализацию и декультурацию инационального населения. Наиболее серьёзные конфликтные ситуации сложились в Казахстане и Башкирии. Многие грузинские крестьяне бежали в горы. В Татарии и на мусульманском Востоке в целом отмечался подъём «султан-галиевщины»(51).

Тезис XVI съезда о великодержавном уклоне как главной опасности на современном этапе находится в прямой связи с заявлениями о необходимости «решительно бороться с веяниями, тенденциями игнорирования или недооценки единоличного бедняцко-средняцкого хозяйства...»(52), содержащимися в статье Сталина «Головокружение от успехов» постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», решениях XVI съезда, других партийных материалах этого времени.

Коллизии начала тридцатых не могли поколебать далеко идущие замыслы большевистского руководства, обретавшего державно-патриотическую статью. С точки зрения общих целей, существенное значение имел курс на развал ленинистской историографии. Он стал осуществляться с конца 20-х гг. по испытанному сценарию «обострения классово-борьбы» с активизацией социокультурного потенциала тех сообществ и страт, что становились объектом идейных воздействий или радикального реформаторства. Проработки отдельных специалистов или групп обществоведов в ходе организуемых идеологическими инстанциями «дискуссий», перечёркивание работ историографии российских революций в ходе идейно-теоретического разоблачения теории «двух революций» («двуликого Януса») — преддверия и репетиции

масштабной идеологической акции в связи со сталинским «Письмом 31-го года», — всё это совершалось не столько научным истеблишментом, сколько руками самих членов научного сообщества — рядовыми историками, зачастую с привлечением аспирантов и студентов. Социально-профессиональные позиции историков-марксистов были весьма уязвимы. Вместо корпоративной солидарности они демонстрировали готовность к групповым схваткам внутри сообщества «по зову партии».

Своеобразная реставрация подходов русской академической науки (а вернее, одиозного историографического официоза империи, политически заострённых интерпретаций российского исторического процесса) во второй половине 30-х гг. сопровождалась безудержным развенчанием «школы Покровского», подкреплялась физическим устранением подавляющего большинства историков-марксистов «первых призывов».

31 октября 1937 г. в Институте красной профессуры (истории) в ходе обсуждения известного доклада А.В. Шестакова «Методы и приёмы вредительской работы на историческом фронте» М.В. Нечкина упрекала «школу Покровского» в отсутствии «чувства родины». В обличительном запале она договорилась до того, что «теория Покровского — белофинская», согласно которой «в жилах русского народа течёт финская кровь». В процессе просмотра стенограммы этот пассаж был вычеркнут (53). Финская тема в 30-е гг. звучала на разные лады в идеологических упражнениях, отражая одно из направлений внешнеполитических устремлений советского правительства. Руководство Марийской автономии сочло за благо отмежеваться от нежелательного и опасного родства языка мари («восточных финнов») с языком основного населения Финляндии. На областной партконференции в 1934 г. Марийский обком ВКП (б) обнародовал своё заключение-предупреждение: «Как преподаётся в пединституте история мари, марийского языка? Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венграми и т. д. и т. п. . . Мы не можем допустить, чтобы кафедры высшей школы превратились в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов». В соответствии с этой установкой было сфабриковано дело «федералистов», которые стремятся к созданию «Федерации финно-угорских племен под протекторатом Финляндии» («Великая Финляндия») (54).

Те из учеников и коллег Покровского, кому позволили остаться в обновлённой историографии, добросовестно участвовали в работе над двумя сборниками статей, изданными в 1939 и 1940 гг. Их появление знаменовало отлучение Покровского от историографии советской державы. Сами названия сборников — «Против исторической концепции М.Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» — говорили об окончательном «приговоре» по «делу» некогда всесильного историографа. Сопровождение фамилии Покровского инициалами в заглавиях сборников (как известно, «врагам народа» имена и отчества при упоминании их фамилий не полагались) всё же проводило незримую черту между «бандой фашистских прихвостней» — образом «старой гвардии» большевизма второй половины 30-х гг., и Покровским, которому суждено было умереть «в своей постели». Этот политиканский штрих потребен был, верно, для негласного обоснования восстребованности некоторых близких Покровскому людей, продолжавших служить советскому государству. И для оправдания того, что прах Покровского упокоен в Кремлевской стене.

Обновлённая историческая концептуалистика предполагала иное структурирование поля исторических изысканий, изменение в иерархии проблем исследования. Ключевое значение приобретала агиография, касающаяся наиболее значимых фигур русского автократизма. Особенно много внимания стало уделяться в исторической

науке и художественной литературе отображению времени Петра I. Как произошло это, рассказал А. Толстой: «Вихляющийся, истеричный Пётр, которого нам навязывали, никак не совпадал с нашими замыслами. От нас требовали, чтобы мы показали конечную неудачу, провал всей преобразовательной деятельности Петра. Эти требования сводили, по существу, на нет стремление показать прогрессивное значение Петровской эпохи... Однако сейчас мы не хотим умалчивать значения личности человека, возвысившегося над своей эпохой»(55). Образ титана, преобразователя, с помощью «дубинки-погонялки» боровшегося за преодоление отсталости России, поддерживался сталинским руководством. Проецировался на фигуру Сталина, всё более возносившуюся над простыми смертными. С середины 30-х гг. историографию поразил очередной для русской исторической мысли, но небывалый по размаху «приступ историографического кошмара»(56) — апологетики Ивана IV, отразивший личные симпатии Сталина к этому историческому персонажу.

В общественно-политические кампании вновь стали превращаться исторические юбилеи. В 1938 г. отмечались 125-летие Бородинского сражения и Отечественной войны 1812 г., затем — 750-летие «Слова о полку Игореве» и 230-летие Полтавской битвы(57). В число приоритетов историографии вошли проблемы военно-политической истории. В 1938 г. появились исследования А. Козаченко «Ледовое побоище» и Е. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», в 1939 г. публикуются работы о Полтавской битве, Северной войне, Бородинском сражении и войне с наполеоновской Францией. В этих изданиях прославлялись победы русской армии, проводилась мысль о прогрессивном значении национально-освободительной борьбы русского народа, превозносились достоинства русских полководцев. Начинает подчёркиваться прогрессивный характер процессов «собираения земли русской», формирования «ядра русского централизованного государства», создания «великой державы».

Восстановление исторической преемственности между Россией старой и Россией новой и одновременно удержание интернационалистических и классовых принципов создавало весьма эклектичную картину. Ни Сталин, ни ведущие идеологи режима на протяжении 1930-х гг. не склонны разьяснять «альфы» и «омеги» содержания государственной идеологии. Не случайно те, кто наблюдал в эти годы СССР со стороны, испытывали растерянность и недоумение. Для них «лихорадка патриотизма» в советской идеологии и науке была неожиданной. Некоторые немецкие авторы поспешили заявить, что «русский» элемент вновь возобладал в Советском Союзе, поскольку жизнь сильнее непрактичных теорий. Сталин — русский революционер и патриот, лишённый устремлений к мировой революции. Происходящее в Советском Союзе имеет мало общего с теориями Карла Маркса.

Некоторые литераторы намекали на существенное сходство между событиями в России и Германии: ведь восторжествовала же в обеих странах «идея вождя» («Führer-prinzip»)(58). Сотрудники «Антикоминтерна», специального ведомства министерства пропаганды Третьего рейха, выступили против подобных толкований: «Мы самым решительным образом отвергаем какие-либо попытки провести параллели между большевизмом и национал-социализмом» (59). Пропаганду советского патриотизма это ведомство изображало как стремление «мобилизовать народы Советского Союза на борьбу за мировую революцию путём злоупотребления их национальными патриотическими чувствами. Разумеется, перемены есть, но они объясняются лишь характерной для евреев бесчестностью. Эволюция большевизма в направлении к национальному государству невозможна по той простой причине, что Россия — еврейское государство, а еврей не может превратиться в арийца»(60).

Если отвлечься от характерного для нацистской риторики отождествления мирового еврейства и большевизма, то основания для сомнений в отношении переориентации советской идеологии были. Хотя бы потому, что эти перемены происходили под знаком большевистских, революционных ценностей. Восстанавливались прежде всего имена и авторитеты, которые не нарушали социально-культурного фона советской эпохи. Переиздавались труды «революционных демократов» — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Радищева. Иные духовные авторитеты и пласты русской культуры XIX — начала XX вв. фактически оставались под запретом. Для Сталина сохраняла силу ленинская негативная оценка Достоевского, не жаловал он и социалиста-народника Герцена.

Пик идеологических непрояснённости приходится на 1939–1941 гг. Прекращается изображение историками и литераторами прежней России как «тюрьмы народов». Тем более, что требовалось снять с «идеологического тормоза» проблему присоединения к СССР Бессарабии, части Польши, Прибалтики и др. Несмотря на восхваление в прессе советско-германской дружбы, патриотизм и антифашизм не исчезают совсем как темы и подходы. В такой обстановке родились запросы редактора журнала «Интернациональная литература», озабоченного формированием направления издательской политики, — сначала, в сентябре 1939 г., — в Союз писателей, затем, в ноябре 1939 и декабре 1940 гг., — ЦК ВКП (б). Дело кончилось проверкой работы журнала и обвинениями редакции в «упрощённой агитации» и сохранении «антифашистского духа»(61).

Сталинский вывод о ликвидации фактического неравенства народов СССР также объективно требовал пересмотра теоретических и практических аспектов проводимого в национальной политике курса. Должна была претерпеть серьёзные изменения национально-государственная система СССР как выполнившая возлагавшиеся на неё задачи. Русский народ, «компенсировавший» нанесённые в прошлом «ущерб и обиды», должен был занять равное среди других народов место в национальной структуре страны. Однако этого не случилось. Русские по-прежнему продолжали рассматриваться в «семье народов» *primus inter pares* (первыми между равными).

В 1941 г., в майском номере «Большевика», Сталин, наконец-то, публикует свой текст «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”». Он логически завершал идейную конструкцию, содержащуюся в документах 1934–1936 гг., делал более явной её характер: баланс между классово-интернационалистским началом и державно-патриотическим подходом заметно изменялся в пользу последнего. Кроме того, исторические параллели и экскурсы, к которым прибегал Сталин (например, там фигурирует Наполеон, образ которого ассоциируется с сокрушительным крахом завоевательской политики в отношении России), актуализировались в обстановке прямой военной опасности. Наконец, уже никто и ничто не могли помешать ему поставить себя в один ряд с классиками. При этом он оставлял поле для идеологического маневрирования — отказался от введения понятия «сталинизм» в значении «ленинизма сегодня». Ограничился персонифицированной передачей «эстафетной палочки» — «Сталин — это Ленин сегодня».

Словом, ситуация в идеологии не была доведена до состояния ясных истолкований и установок и после 1941 г., когда произошло окончательное оформление национал-большевистской переориентации идеологии. Однако в годы войны назревают и более существенные перемены. В первое время великодержавный национализм был поставлен на службу активизации патриотических чувств всех народов СССР. Понятие Родина отождествлялось с СССР, а не только с Россией. Слово «русский» высту-

пало синонимом слов «советский», «социалистический», «глубоко интернациональный». Доминировала версия общенародного — концентрирующего в себе национальные чувства всех народов СССР — патриотизма. По мере достижения успехов на фронте начинает проводиться реструктуризация патриотического синкретизма. Ряду народов было отказано в патриотизме. Выстраивается иерархия значимости его проявлений у различных этнических групп, проживающих в стране. Эта дифференциация «патриотизмов» служила идеологическим обоснованием крупномасштабных акций политико-демографического (депортации народов) и культурно-национального (новое пресечение ростков национального сознания в историографии и литературе) характера, которые предприняло сталинское руководство, воспользовавшись атмосферой воюющей страны, поражённой шпиономанией и психозом уличения предателей.

В ряду самых заметных идейно-политических акций последнего периода войны — постановление ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В нём осуждалась идеализация местными историками Золотой Орды и популяризация тюркского эпоса о Идегее. Однако этим постановлением дело не ограничилось. В самом начале октября 1944 г. в ЦК неожиданно всплывает вопрос, связанный с публикацией в казанском журнале «Совет Эдэбияты» ещё осенью 1940 г. сводного варианта эпоса «Идегей» и статьи писателя Н. Исанбета «500-летие татарского народного эпоса-дастана Идегей».

В записке, подготовленной Г.Ф. Александровым и М. Иовчуком секретарю ЦК Г.М. Маленкову, с явным неудовольствием сообщалось о том, что номер этого журнала с начала 1941 г. широко распространился в Татарии. Героя эпоса стали популяризировать как героя татарского народа, хотя «он совершал опустошительные набеги на русские города и селения, увёл в рабство десятки тысяч русских людей». Попытки некоторых историков Татарии провести разграничительную черту между Идегеем историческим и Идегеем — героем эпоса, смягчающее остроту вопроса заключение Бахрушина и Толстого о том, что это произведение не является эпосом какого-либо одного из народов Советского Союза, явно не удовлетворили авторов записки. Они предложили Маленкову следующий вывод: «Стремление некоторых татарских литераторов поставить эпос в один ряд с величайшими произведениями устного творчества народов СССР ничем не обосновано, так как эпос этот отражает далеко не прогрессивные исторические события. По своим идейным качествам он не может идти ни в какое сравнение с “Давидом Сасунским”, “Калевалой” и другими, так как воспевает агрессивное государство — Золотую Орду, проводившую захватнические войны»(62).

Точка зрения авторов записки довольно быстро приобрела директивный характер. 28 ноября 1944 г. бюро Татарского ОК ВКП (б) приняло постановление о статье Н. Исанбета. Автора резко осуждали за «ошибку националистического характера» — «извращение истории татарского народа». Симптоматично, что острей критики было направлено против популяризации Исанбетом содержащейся в эпосе идеи объединения Казани, Астрахани, Крыма и Дагестана вокруг имени Идегея. Эта идея оценивалась как реакционная, служащая «целям борьбы против объединения этих народов с великим русским народом»(63).

О том, какое значение придавалось в идеологических аппаратах Кремля золотоордынской теме, говорит и организованная по следам «антиордынских» постановлений сессия Отделения истории и философии АН СССР. Она была проведена в 1946 г.

совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, существующим с 1939 г. (до постановления ЦК 1944 г. он именовался Татарским институтом языка, литературы и истории). Авторитетом высшего научного учреждения страны была подкреплена версия, согласно которой казанские татары являются прямыми потомками камских булгар, и отринута представление об их золотоордынском происхождении(64).

Идеологической машине большевизма не откажешь в точном выборе целей. История отношений Руси со Степью, монголо-татарское иго, взаимоотношения Московии с возникшими после распада номадического образования Чингизидов тюркско-мусульманскими государствами на территориях от Волги до Крымского полуострова являются не только достоянием историографии. Она весомо представлена в памяти поколений. Противопоставление «русский — татарин» (инвариант: «русский, православный — восточный человек, мусульманин») обслуживает процессы этнокультурной идентификации народов на всём срезе социума, от низов до интеллектуальных и политических элит. Легенда Золотой Орды в тюрко-татарской ментальности «отвечает» за идею «возрождения» — культуры, языка, политической жизни, государственности, наконец(65); в славянско-русских культурных архетипах ордынец, «перекочевавший» в наше время в образе «татарина», остался, по смутным воспоминаниям, врагом, ведущим себя алогично, вопреки обычаю, басурманином, посягающим на этнокультурные основы и уклад жизни русских.

Антинациональная направленность была характерна и для знаменитых «дел», связанных с коллективными трудами, например, с «Историей Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (редакторы — А.М. Панкратова и М. Абдыкалыков) и «Очерками истории Башкирской АССР». ЦК КП Казахстана, отчитываясь перед Москвой об идеологической работе в Казахской партийной организации, поспешил, в свете итогов известного совещания по проблемам исторической науки (май–июнь 1944 г.), осудить односторонность оценки присоединения Казахстана к России. Историки обвинялись в том, что они не учли исторической обстановки, сложившейся в Казахстане в момент его присоединения к России, и «не показали по-настоящему прогрессивного значения вхождения Казахстана в состав Российской империи», не провели чёткого разграничения между «подлинными национально-освободительными движениями казахского народа» и «разбойничьими набегами казахских султанов и феодалов» (66).

Однако все старания казахской номенклатуры упредить критику не помогли. Специальная проверочная комиссия из Москвы вынесла довольно жёсткое заключение. В справке для Г.М. Маленкова «Об ошибках и недостатках в идеологической работе в партийной организации Казахстана» члены комиссии не только повторили критические замечания казахских коллег, но и добавили к ним ещё изрядное количество других замечаний. В частности, было отмечено, что казахские историки (Кенжибаев, Маргулан и др.) в подготовленном к печати сборнике «Казахские батыры» пытаются доказать, что, например, хан Аблай является подлинно народным ханом, что «пытаясь объединить старший, средний и младший жузы в единое казахское ханство, он совершал прогрессивное дело». Другие казахские историки (Нурканов, Сулейменов, тот же Маргулан) обвинялись в том, что «поставили на одну доску деятельность подлинно народного героя, руководителя национально-освободительного восстания 1916 г. Амангельды Иманова с деятельностью Едиге, Кенесары, Касымова и некоторых других казахских ханов, стали рассматривать Амангельды, как продолжателя дела Едиге и других ханов в борьбе за свободу, счастье и интересы народа»(67).

Между тем, совещание историков 1944 г. не дало каких-либо внятных характеристик процессов колонизации в российском государстве. Партийное руководство — Маленков, Щербаков и Андреев не поддержали критику Тарле, Ефимова, Бушуева, Аджемьяна в адрес Панкратовой, которая, по разумению вышеупомянутых историков, потакала националистическим тенденциям (сочинители «истории Казахской ССР» поставили под сомнение формулу о «наименьшем зле» применительно к факту завоевания царизмом Казахстана). Однако партийные идеологи не дезавуировали взгляды этих историков, которые Панкратова расценивала как умаление классового подхода к истории и протаскивание под флагом патриотизма устаревших дореволюционных оценок. Хотя общий настрой идеологов секрета не составлял — в очередной раз акцентировалось внимание на великорусских державных приоритетах.

Явное превалирование великорусско-державного подхода в идеологической сфере продемонстрировано в программных записках, которые в 1944–1945 гг. подготовили руководители идеологических и образовательных структур в связи с перспективами послевоенного развития страны. Министр В. Потёмкин направляет Жданову перечень основных проблем, заслуживающих постановления в «Большевике»:

«Использование наследия самобытной русской прогрессивной педагогики, внёсшей значительный вклад в сокровищницу мировой педагогической мысли.

Борьба прогрессивной русской педагогической мысли с реакционными направлениями зарубежной, в частности, прусско-немецкой и фашистской педагогики.

Самобытность русской культуры и её мировое значение.

Русская культура и её вклад в сокровищницу мирового научного знания.

Общечеловеческое значение русского искусства»(68).

Подобные программы для других областей знаний разрабатывали и тогдашние идеологи «второго ряда» — Федосеев, Пospelов, Москалёв, Городецкий, Толстов, Кузьмин, Хромов, Козлов, Кузьминов, Галактионов, Трайнин, Коштоянц, Максимов, Кошелёв, Матюшкин. Среди них, судя по их «наследию», некоторая «взвешенность» присутствовала лишь у П.Н. Федосеева, который в одном из пунктов своего материала отметил: «Коренной вопрос современной эпохи — вопрос о классовых и национальных отношениях в общественной жизни. До этого были следующие ошибки: 1) абстрактное понимание классовой борьбы, игнорирование национальных моментов в историческом развитии... 2) обособление национального вопроса как самодовлеющего начала в общественной жизни... После войны значение национальных моментов возросло. Но и здесь есть свои ошибки — великодержавный шовинизм и местный национализм...»(69).

Трудно сказать, какие разработки достигали стола Сталина. Формально он пока не замечает противоречивых тенденций в разыгрывании государственнической, русской «карты». Однако весной 45-го года вождь даёт знать о новой стратегии в этнополитической сфере. Своё выступление на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. он построит на восхвалении русского народа как «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза», как «руководящей силы в великом Советском Союзе». До сих пор такая характеристика прилагалась лишь к партии и рабочему классу, но никак не к этносу.

Противопоставляя русских другим народам страны, руководитель государства преследовал определённую политическую цель. Высказывания вроде «русский народ испытывал и испытывает величайшее доверие к своему правительству», «доверие русского народа к советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом»(70), свидетельствуют о том, что

Сталин и его окружение пытались опереться на авторитет русского народа, выступать от его имени, сделав его как бы посредником в своих взаимоотношениях с другими национальностями. В русских, как имперском этносе, Сталин искал укоренённости своего режима. Но не только.

Речь Сталина обладала своей стилистикой и словесно-символическим наполнением. Превозносятся некие былинные качества русского этноса — «ясный ум, стойкий характер и терпение». Для славословия в адрес этих мифических русских используются формы слов превосходной степени, гипербола. Сталинские выступления организованы как «гост за здоровье», что придаёт им особую доверительность. Русская культура потребления спиртного включает обострённый психологический момент раскаяния («пьяные слёзы»). Используется и этот, активизирующий чувства всепрощения окружающих человека во хмелю, приём: Сталин впервые признаёт свои ошибки, а не сваливает их на других.

Предела мистификации достигает правительство в отношениях с народом. Русский народ в сложнейших условиях не прогнал своё руководство, как бы это сделали другие народы, потому как верил в правительство. Сталин формирует некое мифологическое пространство, в котором главная роль принадлежит этнокультурным, а не социополитическим факторам. Его населяет идеальный русский человек — носитель несравненных интеллектуальных и моральных ценностей. Эти же параметры будут положены и в основу оценки отрицательных черт его недругов и завистников.

Сталин, судя по его словам, выставил «пробный камень» в масштабной идейно-политической игре, облакаемой не только в форму идейно-политических славословий и выпадов, но и культуртрегерских инвектив. Его наверняка не отпускали тревоги, связанные с возможными неблагоприятными для режима и строя перспективами культурно-национального развития нерусских народов. Война вызвала у них новые приливы этнической самооценности, породила надежды на послабления в сфере национальных отношений. Их и поколение новейших «декабристов», увидевших в заграничных походах 1944–1945 гг. другую (нежели в советской стране) жизнь, надо было «поставить на место». Национальное никак не желало соединиться с интернациональным в его великорусско-советском обличьи, о чём предупреждали и коллизии в историографии. Поэтому следовало, согласно сталинской диалектике, ликвидировать одну из двух противоречивых сторон, привести национально-культурную сферу к общему, великорусскому, знаменателю. Теперь, а не в коммунистическом завтра.

Пройдёт ещё около двух лет, прежде чем довлеющая великорусская идея, в небывалых доселе масштабах, захлестнёт общество, культуру и науку. Сталин, как всегда, «держал паузу». Исподволь готовил политические повороты. Поэтому мы не найдём зеркального отражения этой политической позиции в идеологии. Более того. Судя по материалам юбилейной сессии Академии наук в марте 1945 г., казалось, наметилась тенденция минимизации уклонов в сторону национально-государственной идеологии, которые открыто проявились в период войны. В области истории в «Перспективном плане» сформулирована задача борьбы против «попыток... огульного, антинаучного восхваления дореволюционного прошлого России»(71).

Деятели сталинского руководства анализируют изменения, произошедшие в сфере культурно-национальных отношений. 26 апреля 1946 г. на совещании в ЦК, посвящённом состоянию кинематографии, выступает Жданов: «Война давала сама по себе основные стимулы — борьба за честь и независимость нашей родины... Война кончилась. И эта острота стимулов при переходе на мирное строительство уже не

может иметь некоторые обручи в этом отношении, которые давали дополнительную спайку во время войны, когда ставился вопрос быть или не быть»(72). Новые возможности для «спайки» в области идеологии и, следовательно, культуры, он видит в решении трёх задач: советском гуманизме, победившем идеологию звериного человеконенавистничества; в дальнейшем укреплении дружбы народов; в поднятии культурно-технического уровня наших рабочих и крестьян до уровня технической интеллигенции «через слом идеологических пережитков невежества, фанфаронства и чванства» (73).

Несколько месяцев спустя, 15 августа, на собрании актива Ленинградской партийной организации по поводу решения ЦК о литературных журналах «Звезда» и «Ленинград», Жданов выступит против возвеличивания писателей дворянского происхождения и некритического расхваливания Чехова, Тургенева, Пушкина, Гоголя, Толстого(74).

Именно в это время другой приближённый к Сталину деятель, Маленков, был выбит с позиции первенства в окружении вождя. Можно предположить, что излишнее прославление национального прошлого России, смягчение отношения к «буржуазному Западу» в пропаганде военного времени были главными пунктами обвинения в его адрес.

Начиная с 1947 г., «холодная война» станет топливом для разжигания новой, уже подготовленной и более опасной волны национализма. Одним из ярких её проявлений станет навязчивое разоблачение так называемого космополитизма, развернувшееся с конца 1948 г. Роль метронома в этой кампании сыграла тема «глубокой патристичности», приправленная идеями мессионизма и визионерства «великого русского народа». И главным противником русского, советского патриотизма был объявлен буржуазный космополитизм — прикрытие буржуазного национализма(75).

Все без исключения идеологические акции второй половины 40-х — начала 50-х гг. пронизывает идея борьбы за утверждение преемственности русской культуры и её ведущей роли в стране и мире. В этом ряду — доведённые до абсурда доказательства приоритета русских учёных едва ли не во всех областях науки и техники; порицание «раболопия перед буржуазной иностранщиной» и осуждение тех писателей, которые фигурировали в решениях ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград»; критика композиторов, содержащаяся в решении ЦК ВКП (б) об опере Мурадели «Дружба народов», за игнорирование «великого музыкального наследия гениальных русских композиторов» и победа мичуринской (советской, русской в своей основе) биологии на известной сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Очередь обществоведов и историков в этой новой идеологической акции наступила летом 1947 г. В это время Жданов инициировал публичную проработку книги одного из видных деятелей идеологической сферы, руководителя Агитпропа Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». В 1946 г. она была удостоена Сталинской премии, и выбор её в качестве объекта идеологической атаки достаточно случаен: Жданов «подставил» Александрова как человека Маленкова(76). Вне зависимости от политических хитросплетений, эта дискуссия решала те задачи, которые стояли перед идеологической сферой.

Среди потока схоластических поучений и критических замечаний в адрес Александрова (вся новизна которых заключалась лишь в том, что «истинность» книг проверяется очередным набором руководящих цитат Маркса, Ленина и Сталина) главное прозвучало в докладе Жданова: «умаление роли русской философии». Похоже, Александров не уловил (или не захотел этого сделать?) измышленную Сталиным меру превращения «принципа воинствующей большевистской партийности» (в верности

которому глава Агитпропа клялся в ходе «дискуссии») в русскую этнопатриотику. Иначе вряд ли в своём заключительном слове указал на необходимость «создать крупные монографические исследования о всех имевших существенное значение учёных в истории философской мысли и в России, и на Украине, и в Белоруссии, и в Грузии, и в Азербайджане, и в других советских республиках...»(77). Последовали оргвыводы, в которых, безусловно, была учтена и «непонятливость» Александрова. Он был резко понижен в большевистской «табели о рангах», заняв пост директора Института философии АН СССР. В Агитпропе его заменил ставленник Жданова М.А. Суслов, избранный ещё в мае секретарём ЦК ВКП (б).

Чтобы перейти от критики философии к утверждению «нового» в историографии, требовалось найти подходящий объект для критики. Им стала книга профессора МГУ Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», которая была издана накануне войны (подписана к печати 31 мая 1941 г.) в качестве «стабильного» учебника на исторических факультетах. Эта книга была выдержана в духе идеологической конъюнктуры конца 30-х гг: «Тема исследования — история развития *русской* исторической науки, его основное содержание — история *русской* исторической мысли в научном познании *русского* исторического процесса»(78) (выделено нами — *Авт.*). В этом же качестве книга получила положительный отклик О.Л. Вайнштейна в разгар Великой Отечественной(79). Тем более на примере этой русоцентристской работы было важно задать новые высоты в борьбе за имперскую идеологию. Фамилия автора тоже была вполне созвучной образу космополита, насаждавшегося пропагандой. Не вдаваясь здесь в подробности подготовки и развёртывания критики в адрес книги Рубинштейна, основная «проработка» которой состоялась с 10 по 15 марта 1948 г на Всесоюзном совещании заведующих вузовскими кафедрами истории СССР, подчеркнём, что Рубинштейну были предъявлены те же претензии, что и Александрову.

Показательно, что выступавший на Совещании историков ещё в роли идеолога Е.Н. Городецкий (позже он сам будет зачислен в космополиты в одной группе с И.И. Минцем) указал на теоретико-политическое значение текста Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”». Городецкий назвал сталинский материал «образцом историографической работы»(80). Этот «образец» был подвёрстан к сборнику «К изучению истории» 1937 г., переизданному в 1946 г.

В том же, 1946 г., Сталин предпринимает ещё один шаг в области теории. В «Предисловии автора» к первому тому своих сочинений Сталин восстанавливает «национализаторскую» позицию в вопросе об уровне развития капитализма в России. Этим он отклоняет господствовавшее с середины 30-х гг. представление о России начала XX в. как полуколонии Запада. Тезис о полукOLONIALной зависимости России впервые прозвучал в «Замечаниях по поводу конспекта учебника...» Сталина, Жданова и Кирова в 1934 г.; появился на страницах первого тома истории гражданской войны в СССР(81); закреплялся в катехизисе сталинизма — «Кратком курсе»(82).

Статья Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика...”» тоже выдержана в духе этой позиции: «... к моменту перед первой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы»(83).

Дело в том, что постулат «Россия — полуколония» в 30-е гг., во-первых, призван был обосновать жёсткие методы большевизма, используемые в ходе соцмодернизации (особенно при проведении коллективизации). Во-вторых, эта позиция со своей стороны подпитывала обстановку идеологической путаницы и теоретических двусмысленностей, в которой происходило «избиение» ленинистско-интернациона-

листской историографии. Теперь, на новом витке утверждения великодержавной идеи, надобность в подчёркивании слабого, зависимого положения России отпала. Напротив, нужно было утверждать образ уверенно идущей сквозь столетия могучей державы. Значение перемены точки зрения на уровень капитализации России для идеологии явственно подчёркивалось тем, что «новая» точка зрения была предъявлена в предисловии к собранию сочинений вождя.

Однако вновь, как и в «дискуссии» на «философском фронте», продемонстрированная учёными степень готовности воспринять русоцентризм в прямом, зримом обличье, а не рафинированной форме, явно не могла удовлетворить Сталина. Научное сообщество в экстремальных условиях оказывало слабое сопротивление, пытаясь удержать идеологический натиск верхов на уровне тех балансов и противовесов «классового» и «патриотического», которые сложились в конце 30-х — первой половине 40-х гг. Сам Рубинштейн писал в это время о том, что «история СССР может быть построена лишь в итоге разработанной русской историографии и национальной историографии отдельных народов Советского Союза...»(84). Из среды историков союзных республик доносились голоса о недостаточной критике Рубинштейном «реакционно-шовинистических взглядов на прошлое русского народа ряда историков (Погодин и др.)»; о принципиальной ошибке профессора МГУ, заключающейся в том, что он исключил «из книги украинскую и белорусскую историографии...»(85). В передовице, опубликованной в «Вопросах истории» после завершения акции против книги Рубинштейна, отмечались — в качестве положительных явлений — «рост национальных кадров в национальных республиках», «успешное выращивание национальных кадров историков»(86). Незамеченным это не осталось. В соответствии с постановлением Политбюро от 4 апреля 1949 г. старый состав редколлегии «Вопросов истории» был распущен и «укреплён» специалистами по русской медиевистике, а также «проверенными» кадрами. Началась масштабная «охота на ведьм». 17 марта 1949 г. на закрытом партсобрании истфака МГУ была измыслена «школа Минца». Это была не паранойя, а Программа.

Естественно, что своим остриём кампания борьбы с космополитизмом была направлена против интеллектуальных национальных элит, как хранителей и носителей культурно-этнического самосознания или, на языке этой идеологической акции, «некоторых наименее устойчивых к тлетворному влиянию разлагающегося капиталистического общества интеллигентов». Одно из редких прояснений Сталиным идеологической задачи произошло, судя по воспоминаниям Симонова, 13 мая 1947 г. в связи с письмом ЦК по «делу» биологов (Клюевой и Роскина), положившего начало кампании борьбы с «космополитизмом». Встречаясь с писателями Фадеевым, Горбатовым и самим Симоновым, Сталин поднимает тему советского патриотизма, связывая его исключительно с интеллигенцией — «средней интеллигенцией, научной интеллигенцией, профессорами, врачами, военными»(87). Антисемитский мотив космополитомании, при всём его особом звучании, лишь дополнял общую картину.

Новая идеологическая обстановка вызвала ужесточение требований к национальным историографиям. Весной 1947 г. ЦК КП (б) Украины оперативно созывает совещание украинских историков с участием Л.М. Кагановича, Н.С. Хрущёва и Д.З. Мануильского. Партийные руководители потребовали заменить концепцию истории Украины Грушевского положениями «Краткого курса» истории ВКП (б). Так, как будто идеи Грушевского не были отринуты ранее. В соответствии с этой директивой в декабре 1947 — феврале 1948 гг. в Москве с участием украинских историков состоялись дискуссии по проблемам периодизации и составления плана-проспекта краткого

курса истории Украины. Направлявший дискуссии академик Б. Греков вместе с А. Панкратовой и И. Минцем обвинили украинских коллег в неумении применять общие положения марксизма к конкретной истории Украины: повторялась история конца 20-х гг. Начиная с конца 1948 г. текст украинского «Краткого курса» несколько раз обсуждался в Москве, а затем в Киеве, в присутствии членов Политбюро ЦК КП (б) Украины. В опубликованных в 1953 г. первом и в 1956 г. втором томах «Истории Украины» за «методологическую основу» была взята «советская» концепция истории Украины, которая соответствовала главным положениям сталинского «Краткого курса» истории ВКП (б) (88).

Усилиями власти и представителей интеллигенции сложилось несколько методов убеждения в первенстве русской науки, в том числе и исторической. Исключение из новых изданий различных справочников и энциклопедий сведений о том, что многие русские учёные получили научную подготовку на Западе. Вычленение восхваляемых работ, относящихся к русской историографии, из общего мирового научного контекста. Сравнение русского учёного с кем-либо из западных, повторяющих или развивающих впервые высказанные русским учёным идеи. Всё это соотносилось с выдвинутыми советской пропагандой тезисами о ведущей роли русского народа:

«Без поддержки русского народа осуществление социалистической индустриализации и коллективизации в национальных советских республиках было бы невысказано».

Без помощи русского народа проведение культурной революции (советизация национальных культур) было бы невозможно.

Создание СССР явилось результатом братской помощи и ведущей роли великого русского народа.

Русский народ явился застрельщиком всесоюзного социалистического соревнования» (89).

20 июня 1950 г. в «Правде», в статье «Относительно марксизма в языкознании» Сталин ещё раз и весьма своеобразно обратился к национальному содержанию в послевоенной идеологии. Используя критику идеи академика Н. Марра о «классовости» языка, он представил нацию в качестве наиболее важного фактора современной истории и даже революционной борьбы. Одновременно, казалось бы, Сталин подталкивал учёных к изменению принципиальных положений марксизма в зависимости от объективных данных той или иной науки. Но Сталин не отверг в принципе примат марксизма над всеми остальными науками, не давал никакого конкретного рецепта или примера пересмотра тех или иных марксистских положений в соответствии с изменившейся обстановкой. Получалось, что если советский учёный будет продолжать держаться за цитаты из классиков марксизма, то он может быть обвинён в нацётничестве или вульгаризаторстве. Любой же отход от буквы марксистского учения повлечёт за собой кару за пренебрежение к марксизму, за аполитичность и космополитизм. То есть наилучшим выходом для учёных являлась такая игра в «интеллектуальную свободу», где главным судьей, (а для наиболее смелых ученых) главным игроком, обречённым на выигрыш, был только сам Сталин. По каждому конкретному вопросу лишь он мог дать ответ как единственный авторитет. Конечно, в игре по таким правилам «творческая свобода» оставалась только у Сталина.

Об идеале сталинского видения истории в последние годы его жизни даёт понятие книга А.М. Панкратовой «Великий русский народ», вышедшая в 1952 г. Сталину книга понравилась, и на XIX съезде он включил автора в члены ЦК КПСС (90). Тут же было опубликовано второе, дополненное её издание. Историк реабилитиро-

вала себя за недочёты своих изданий военных лет и за «промахи», допущенные в составе редколлегии «Вопросов истории» 1947–1948 гг. В книге в чеканных формулировках содержатся все основные исторические интерпретации истории и культуры «первого среди равных» русского народа, который на всём протяжении своей истории, «всегда отличался мужеством и самоотверженностью». «Единодушно поднимался на борьбу с иноземными врагами, покушавшимися на честь и независимость русской земли, и своим примером вдохновил на эту борьбу все народы нашей страны»(91). Классовые оценки истории, на которых настаивала Панкратова в 1944 г., «тонут» на страницах книги в русофильских славословиях. Современный историк говорит о том, что Панкратова, наученная горьким опытом полемики с историками-державниками, «действовала в духе конформизма»(92). Скорее, следует говорить о её реакции самосохранения.

Обращаясь к этому моменту развития советского общества, — в плане социально-политическом, или с точки зрения развития науки, культуры, в ракурсе этнометодологии — историк вольно или невольно задаётся вопросом о том, до каких степеней и уровней могла быть доведена социальная ткань, не уйдя Сталин из жизни? Нет ответа... Во всяком случае, можно высказать предположение, что ресталинизация 50-х — начала 60-х гг. существовала по закону сохранения этнонациональной идентичности управленческой бюрократии, в том числе высшего её звена. Сразу же после кончины тирана, в противовес «Великому русскому народу» Панкратовой, издаётся книга, которая, верно, «лежала в столе» автора, под заголовком «СССР — страна великого содружества народов» (подписана к печати 22 мая 1953 г.). В ней восстанавливается трактовка вопросов культурно-национального развития России, характерная для советской историографии 20-х гг. («царская Россия — тюрьма народов»; «многонациональное советское государство — государство равноправия», «дружбы народов» и т. п.)(93). Эта акция ещё требует расшифровки.

Национальные историографии, «голос» которых был еле различим в «грохоте» послевоенных идеологических кампаний и проработок, обретают возможности для своего развития в условиях начавшегося в середине 50-х гг. нового этапа эволюции советской идеократии, отмеченного ограниченной либерализацией и «секуляризацией» сакральной сталинской идеологии. Отсекаются наиболее одиозные исторические оценки и интерпретации, хотя основные принципы и подходы к историознанию остаются неизменными. В 50–60-е гг. формируется значительный комплекс литературы в союзных и автономных республиках по различным периодам истории нерусских народов. В нём в общем и целом воплощается официальная руссоцентристская концепция истории, освобождённая от сталинистской патриотики. Эта концепция вновь обретает научно-теоретические формы, а идеологические и этнополитические аргументы отходят в историописании на второй план.

Национальная идея в региональной историографии проявляет себя прежде всего в «замещённой» форме — национальные историки соревнуются в доказательствах высокой степени зрелости своих этносов для дела революции и социализма, педалируют вклад их представителей в героические и трудовые свершения советского народа. Эти завуалированные этнонациональные претензии в историознании находили своих критиков в официальной союзной историографии. Не случайно прозвучало критическое замечание в адрес местных историков в обобщающем историографическом издании начала 80-х гг. Оно касалось как раз этого «шахматного» методологического подхода национальных историков: «Историки советских республик показывают, что борьба за установление Советской власти в национальных регионах была

органической частью общероссийского исторического процесса, руководимого ленинской партией. В этой связи преодолевались попытки некоторых историков искать свои предпосылки социалистической революции в каждом национальном регионе» (94).

Воздействие власти на историографический процесс в советское время никогда не сводилось лишь к наукообразной критике в официозных изданиях. Идеологическая система времён Хрущёва живо реагировала на проявления национальных настроений в среде интеллигенции. Тем более, что Хрущёв, увлечённый созданием программы коммунистического строительства, заявил в 1961 г.: «Мы не будем консервировать национальные различия». Это стало сигналом к подавлению всплеска различных проявлений национально-культурной жизни, именовавшихся на официальном языке «инциденты». В частности, на Украине, в Киеве был распущен Клуб творческой молодежи из-за несанкционированного проведения его членами вечера памяти Леси Украинки в Центральном парке культуры и отдыха 31 июля 1963 г. В марте 1964 г. власти распорядились уничтожить шевченковский витраж в Киевском университете, было запрещено собираться возле памятника Т. Шевченко. 27 апреля 1965 г. органы КГБ буквально разогнали дискуссию по проблемам состояния украинской истории и культуры, устроенную студентами столичного университета (95).

Всплеск новых гонений власти на национальную историческую мысль практически во всех республиках СССР был приурочен к 50-летию Союза республик, мероприятиям, связанным с подготовкой к этому юбилею. На различных идеологических мероприятиях 1971 и юбилейного 1972 г. были устроены показательные порки отдельных историков, что вполне соответствовало той линии на частичную ресталинизацию, которую проводило послехрущёвское руководство. Но семьдесят второй год имел и другую сторону. Тогда была провозглашена не только формула «новая историческая общность — советский народ». Не менее важно, что прозвучало положение о советской культуре как сплаве культур народов СССР. Это стимулировало возрождение национального самосознания, подняло волну интереса к национальным традициям. Власть была вынуждена срочно, на ближайшем партийном съезде, уточнить определение — «советская культура — сплав достижений советских народов» (96).

Однако партийно-государственный строй уже ничего не мог противопоставить в ближайшей перспективе процессам национального сепаратизма, росту национального самосознания и формированию национальных историографий. Развал СССР в корне изменил и всю систему национального историознания. Национальные историографии были востребованы новыми элитами в качестве официальных институтов.

Национальный историк в сообществе советских историков

Политическая линия власти в области этнокультурных отношений в 20-е гг. вписывалась в компромиссные решения, характерные для новой экономической политики. Это сказалось и на состоянии национальных историографий. Они были представлены происходившими в основном, из местных этнических групп марксистами, видевшими в революции средство как социальной, так и национально-культурной эмансипации, а также «старыми» историками, избравшими путь сотрудничества с новой властью. Она им эту возможность предоставляла на условиях политического контроля за

их деятельностью, фактически в качестве «попутчиков» (по аналогии с литературным процессом). Кто-то пошёл на сближение с властями на основе своего рода «психосоциального моратория» (97), выразившегося в позиции: «Не признаём, а подчиняемся» (98). Кто-то пытался изменить своё положение «чужого среди своих», заявляя о своей приверженности идеям «экономического материализма» и лозунгам революции. Но под бдительным и ревнивым оком историков-марксистов это плохо удавалось.

Наибольшее развитие национальные историографии получили среди крупных этносов, имевших интеллектуальную элиту, высокую культуру, традиции государственности, политически оформленное национальное движение до революции (99). В этих этнических анклавах под воздействием курса на «коренизацию советской власти» и либерализированной языковой политики ускорились процессы образования наций, формирования высокой культуры, кодифицируемой литературным языком, которые оказывали воздействие на национальную идентификацию исторического сознания.

Своеобразным индикатором историографической ситуации является судьба М.С. Грушевского, чьё имя стало символом украинской «самостийной» исторической мысли. Он эмигрировал в Австрию в начале 1919 г., и возглавлял в Вене Украинский социологический институт (100). В начале 20-х гг., под влиянием сменовеховских настроений, охвативших часть эмигрантов-интеллектуалов, Грушевский несколько раз обращался к украинскому руководству с просьбами разрешить ему вернуться на родину. В 1924 г. ЦИК Украины такое разрешение учёному дал. В этом же году он был избран академиком существовавшей с февраля 1919 г. Всеукраинской Академии наук (ВУАН), в состав которой входило историко-филологическое отделение. Академиками ВУАН стали также историки «старой формации» Д.И. Багалея, О.И. Левицкий, Д.И. Яворницкий, Н.Ф. Беляшевский и др. (101). Сходная картина наблюдалась в других национальных научных центрах. Грузинский историк И.А. Джавахишвили, при участии которого в 1918 г. был открыт университет в Тбилиси, занявший пост его ректора в 1919 г., продолжал руководить университетом в первой половине 20-х гг.

Сообщества национальных историков пронизывали линии противостояния, хотя эти напряжения не могли взорвать обстановку относительной стабилизации, которая сложилась в исторической науке в период «России нэповской». Среди самих историков-марксистов шла борьба за право представлять «истинную» марксистскую науку в своих национально-государственных образованиях. Представители соперничающих групп общественных наук обвиняли друг друга в «национал-марксизме», «этнографизме», «идеологических народнических пережитках». Тем самым стремились дезавуировать «ревизионистов» в своих рядах как невольных пособников «буржуазного национализма», с которым прочно ассоциировались историки старой школы.

Против «буржуазных» националистов-идеалистов объединялись все марксистские силы, демонстрируя идейную правомочность своих национально-культурных позиций в противовес антимарксистскому, нелегитимному национализму. Двусмысленность положения национальных историков из числа марксистов не только в идейно-политическом смысле, но и собственно профессиональной сфере была налицо. Ещё можно было преодолеть, допустим, «бесклассовость украинского исторического процесса» по Грушевскому. Или отринуть его национально-романтическую концепцию Киевской Руси как «политического организма» украинского племени, восходящего к легендарным антам IV в. н. э. Но даже чисто технически, в смысле тематизации и структурирования материала, невозможно уйти в конкретном исследовании по

истории украинского этноса от порицаемого марксистами «принципа этнографического отмежевания украинского исторического процесса от русского исторического процесса на Украине»(102).

Понятен смысл предложения М.Н. Покровского, обращённого к национальным историкам-марксистам, установить единый фронт русских и украинских историков, «может быть на время даже позабыв украинские, белорусские и великорусские, как выражаются, традиции»(103). Однако совершенно не ясно, как в исследовательской практике национальных историков, являющихся по своей природе носителями этнокультурных социокодов, всё это должно было выглядеть. К искоренению национальных традиций историознания вёл один единственный путь — организационного развала национальных историографий. Этот путь и избрало сталинское руководство в отношении историографий нерусских народов.

К концу 20-х гг. стало очевидно, что национальные историографии в том виде, каком они сложились, так же неприемлемы для социалистического развития, как относительная хозяйственная и политическая самостоятельность республик, наличие оппозиции в партии или новая экономическая политика в целом(104).

Сам Сталин располагал разнообразными данными, необходимыми ему для принятия политических решений в области культурно-национальных отношений. Среди них, бесспорно, были впечатления, полученные в ходе встречи с украинскими писателями (с национальными историками он, разумеется, не встречался). Сталин разъяснял «письмэнникам» новую диалектику большевизма, обосновывавшую политику сверхцентрализации власти, унификацию национально-государственных и культурных отношений, наращивания насильственных методов в общественной практике — «притти к уничтожению классов путём усиления классово́й борьбы», «притти к отмиранию государства путём небывалого расширения функций этого государства». В этой же плоскости прокомментирован замысел относительно культурно-национальной сферы: «...мы хотим подготовить элементы международной социалистической культуры путём развития национальной культуры...», «...мы проводим политику максимального развития национальной культуры, с тем, чтобы она исчерпала себя до конца и чтобы затем была создана база для организации международной социалистической культуры не только по содержанию, но и по форме»(105).

Характер вопросов деятелей советской украинской литературы, их выступления и реплики говорили о том, что писатели озабочены не только вопросами литературы и тем более продвижения к международной пролетарской культуре, призванной отменить национальные формы самой культурной жизни. Их интересовали, прежде всего, задачи территориального расширения и укрепления украинской республики за счёт присоединения к Украине Курской, Воронежской губерний и той части Кубани, где компактно проживает украинское население. В ответ на сталинское замечание о том, что «этот вопрос не касается судьбы русской или национальной культуры», стенограмма зафиксировала «голос с места»: «Он не касается, но он ускорит дальнейшее развитие культуры там в этих местностях». Во время другого поворота разговора ещё один «голос с места» под общий смех произнёс, что «можно присоединить Галицию к Украине, они нас понимают». Замечанию придавало ироническое звучание то обстоятельство, что Западная Украина (Галичина), игравшая решающую роль в формировании культурного самосознания украинского этноса, находилась в это время в составе Польши.

Натиску украинских националов Сталин противопоставил систему аргументации, опорными элементами которой явились апелляция к негативной реакции рус-

ского населения, которую вызывают у того подобные планы национально-территориальных изменений, а также указание на несущественный характер этих вопросов, с точки зрения теории и практики социалистического строительства. Классово-интернационалистскую точку зрения Сталин продемонстрировал в вопросе, касающемся отношения украинских писателей к пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных». Это произведение они встретили в штыки, усматривая в нём антиукраинские и великодержавные идеи. Тем самым показали, что проблемы литературного процесса писатели рассматривают с точки зрения наращивания идейных ресурсов украинского этноса.

Писатель Тесняк объяснился прямо: «Когда я смотрел “Дни Турбиных” мне, прежде всего, бросилось в глаза то, что большевизм этих людей побеждает не потому, что он есть большевизм, а потому, что сделает единую великую неделимую Россию. Это концепция, которая бросается всем в глаза, и *такой победы большевизма лучше не надо*» (выделено нами — *Авт.*). Присутствовавший на встрече Л. Каганович ещё не вполне, по-видимому, уловивший новые подходы Сталина к национально-культурному развитию, бросил реплику: «Единая неделимая выпирает», вызвавшую шум и одобрительные разговоры в зале.

Сталин взял под защиту пьесу и её автора (отвлечёмся здесь от многочисленных изысков историографии и литературоведения, в которых разрабатывается тема о личностных аспектах взаимоотношений Сталина и Булгакова) с некоей «точки зрения зрителя», для которого пьеса Булгакова «это величайшая демонстрация в пользу всеокрушающей силы большевизма»(106). При этом уклонился от комментариев по поводу великодержавной позиции Булгакова, приписываемой тому украинскими писателями.

Разумеется, аргументация Сталина сама по себе ничего не меняла в воззрениях украинских культуртрегеров и ни в чём не могла их переубедить, но пробный шар был запущен: этнополитическая ситуация протестирована. Выводы сделаны. Потребны были другие, организационно-политические и карательные методы для укрощения национальных культур и наук. Они и были задействованы в 30-е гг.

После горнила сталинских чисток, когда генерация первых историков-марксистов была рассеяна, произошла легитимизация уцелевшей части «старых» специалистов в качестве советских историков, но никак не историков национальных. Наличия последних обновлённая идейно-политическая система уже не предусматривала, вплоть до своего распада.

Впоследствии ушедших из жизни национальных историков (это касалось, как правило, не репрессированных крупных специалистов) советская историография расставила по своему ранжиру: М.С. Грушевский (1866–1934) квалифицировался как украинский буржуазный историк(107), а И.В. Джавахишвили (1876–1940) — советский грузинский историк(108). О неудобных фигурах просто умалчивали. Как о возглавлявшем украинскую делегацию на Первой Всесоюзной конференции историком-марксисте М.И. Яворском. Он не представлен даже в «Историографии истории Украинской ССР» 1986 г. В зарубежной историографии распространён взгляд на Яворского как на «официального историка», «идеологического» надсмотрщика, по существу, «аппаратчика», но не историка(109). И неспроста. Прodelавший, как он сам выразился, «путь от галицийского националистического мещанства к большевизму», Яворский отличался последовательностью в отстаивании вновь обретенных позиций. В своём докладе на конференции, озаглавленном «Современные антимарксистские течения в украинской исторической науке», он представил работы большинства

современных украинских историков в качестве теоретико-исторического оформления идей буржуазного национализма и фашизма.

В заявлении Грушевского о присоединении к лозунгам Октябрьской революции Яворский углядел его прежние буржуазно-националистические позиции, отказывая учёному в праве причислить себя к сторонникам советского строя: «Грушевский тоже готов присоединиться к лозунгам нашей революции, но постольку, поскольку она, на его взгляд, спасла самостоятельность украинского народа, признавая это как факт, но не как правду...»(110). Себя Яворский однозначно относил к марксистско-большевистскому направлению историографии, призывал вести самую решительную борьбу с «уклонами тех товарищей, которые идут к нам (т. е. правоверным историкам-марксистам — *Аем.*), но над которыми ещё тяготеет прошлое, от которого они не могут отказаться»(111).

В докладе Яворского не прозвучала мысль (понятно, члены украинской делегации обговорили «разделение труда» в своих выступлениях), которую затем высказали другие украинские историки, — о необходимости критической оценки проявлений великодержавного шовинизма. Мишенью их критики явилась работа М.В. Нечкиной «Общество соединённых славян» и второй том сборника «Крестьянское движение в 1917 г.», выпущенный в Москве к десятилетию Октябрьской революции. По словам члена украинской делегации Гуревича, Нечкина умудряется ни слова не сказать об «украинских моментах», освещая историю «общества людей, которые вскормились на украинских традициях». Он же упрекнул авторов сборника о крестьянском движении в революции 1917 г., что «вот в 1927 г., на 10-м году советской власти, на 10-м году Октябрьской революции, которая принесла не только социальное раскрепощение, но и национальное раскрепощение», они «разрешают себе употребление терминологии эпохи Екатерины II». А именно, для авторов «параллельно с Украиной, охватывающей три губернии, существует юго-западный край, Таврическая губерния и т. д.». В сборнике, по мнению историка, не найти «ни материала, ни правильного методологического подхода» относительно вопроса о поведении именно украинского крестьянства в 1917 г.(112).

Эти претензии к историографии центра вызвали твёрдые возражения со стороны московских историков, а Покровский отнёс упреки в адрес Нечкиной. Яворский вынужден был в своём заключительном слове сосредоточиться не на вопросе о буржуазных националистах в украинской историографии, а включиться в полемику украинских и русских историков-марксистов по проблемам этноцентризма («этнографизма» в терминологии того времени) в этих двух национальных комплексах историографии. Яворский вслед за своими коллегами с Украины указал «некоторым нашим русским товарищам-марксистам» на неправильное использование ими «названия “русское” даже для нерусских явлений», когда «всё “русское” берётся в этнографических каких-то границах и даже за пределами современной РСФСР рассматривается как русский исторический процесс». Однако в целом он занял положение обороняющейся стороны. Глава украинской делегации сетовал на отсутствие марксистской традиции в историографии Украины («у нас не было историков-марксистов в дореволюционное время, а был монополюсный национализм»); обращался за помощью к «русским историкам», по отношению к которым он под одобрительный смех этих русских историков назвал историков украинских «незаможниками»(113).

Историографическая ситуация конца 20-х гг. (а материалы Всесоюзной конференции историков являются её репрезентативным срезом) свидетельствовала о том, что первые историки-марксисты оказались в плену имперских традиций русской

историографии. Великорусскую идею в историознании они, скорее всего, искренне воспринимали в качестве единой большевистской позиции, боевой интернационалистской идеологии, призванной вразумлять национал-уклонистов в среде марксистов из национальных республик. Отношение к «другой стороне вопроса» — интерпретации национальных историй в великорусском ракурсе — фактически раскалывала марксистский «исторический фронт» на национальный и русский «фланги». Национальные историки шли на уступки и ожидали того же от историков центра. Сталинскому руководству в его унитаристско-имперской политике не требовалось «вносить» идейно-политическую рознь в сообщество историков-марксистов для решения задач подавления национальной мысли в историознании. Русская марксистская историография сама была на это нацелена.

Не менее важно другое. Обстановка на «историческом фронте» демонстрировала не разрешимое в пределах гносеологии противоречие между «пролетарской методологией» и национальной историографией, выступающей с тех же, казалось бы, марксистских классовоцентристских позиций. Более изощрённой попытки соединить эти два начала, чем та, которую предпринял М.И. Яворский, наверное, не знала историография. Он заявляет, что нельзя отбрасывать «в синтезе революционного движения в России» явления только потому, что они «носили свою национальную украинскую форму». Тут же делает оговорку, ставящую под сомнение это положение, «что всё же нельзя подходить с этнографическим принципом к историческим явлениям». Заявлены как бы тезис и антитезис. Но синтез не достигается, поскольку он невозможен в принципе: «Когда я говорю — украинское революционное движение — я понимаю, что это не есть одно национальное движение, а это есть революционное движение, которое происходило на территории Украины, увязываясь с украинской действительностью». Соответственно нельзя говорить, что какой-либо революционер «перестал быть украинским революционером потому, что ушёл от украинства», и что «украинское революционное движение есть только в этнографических границах, а русское революционное движение — в русских этнографических границах»(114).

Концептуальный тупик очевиден. Этнонациональное оставалось самим собой несмотря на все методологические и методические ухищрения. Многоопытный Покровский знал что говорил, когда советовал «на время» предать забвению все национальные традиции. На практике это означало соединение официальной историографии СССР с великорусской национальной традицией. Что и было сделано, только не на добровольной основе. Таким, как Яворский, не оставалось места в историографии и самой новой жизни. После исключения из партии в начале 1930-го г., шестилетнего заключения на Соловках, он был 9 октября 1937 г. постановлением особой «тройки» приговорён к расстрелу с клеймом «фашиста» и «националиста».

Однако национальную историографию, в принципе, нельзя уничтожить, не отказываясь от науки как социального института и исследовательской традиции вообще. Национальный историк, теоретически недействительный, продолжал существовать на потребу мобилизационных методов управления с 30-х до середины 50-х гг. Когда в Постановлении ЦК ВКП (б) об идеологической работе в парторганизации Татарии 1944 г. говорилось о необходимости устранить допущенные отдельными историками серьёзные недостатки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идееге)(115), все причастные к идеологии и культуре понимали, что речь идёт, прежде всего, о национальных историках. А указания адресованы местным политическим элитам, и касаются они их позиций и поведения в целом.

Национальный историк Наки Исанбет, занимавшийся эпосом о Идееге, фигурант разборок в ЦК партии, ноябрьского 1944 г. постановления бюро Татарского ОК КПСС, посвящённого его статье об этом дастане, неизменно служил объектом разоблачений и поучений. Ещё в начале 30-х гг. его объявили участником мифической организации писателей «Джигедян» («Семёрка»), арестовали, но вскоре вместе с другими отпустили. Собранные местными чекистами материалы тогда не потянули на приговор на Особом совещании ОГПУ. Дела вернулись из Москвы с пометкой: «В них только намерения, а фактов действия нет». Критика в адрес Исанбета продолжалась и в 60–70-е гг. (116). Лик национального историка проглядывал в рецензиях (117) и некрологах (118). Его голос пробивался даже на самых жёстких проработках и обсуждениях. Оговариваясь, что судьбы народов СССР «столь тесно переплетены, что, по существу, и объекты изучения в основном являются одними и теми же» (119), представитель национальной историографии всё же ставил вопрос о значении украинской, белорусской, других историографий. В этих условиях функции национальных историографий в значительной мере перешли к союзной историографии; именно историки центра, в первую голову, отвечали за разработку и крупных, и многих локальных проблем историографии национальных регионов СССР. Теоретическая эклектика, составляющая суть сталинской и постсталинской государственной идеологии, позволяла разным группам историков находить отдушину и особые способы реализации себя в качестве «профессионалов». В свою очередь, такое положение расширяло базу режима, позволяло ему балансировать между разными идеологическими компонентами и их носителями. Любого историка можно было, когда надо, обвинить в перерождении — то ли в сторону революционной левизны и шовинизма, то ли в сторону буржуазного национализма и мещанского филлистерства.

Для политического поведения историков прежде всего характерна «модель» восторженной поддержки и стремления к развитию тех или иных установок власти в период главных идеологических кампаний. В 1937 г. усилиями ряда историков выдвигается весьма удобная для сталинского режима теория «наименьшего зла». Впервые она была выражена в учебнике истории СССР под редакцией профессора А. Шестакова и его статья в исторических журналах (120). В частности, завоевание царской Россией Казахстана, которое рассматривалось «петербургской» историографией как мера защиты от кочевников, а в ранней советской историографии — в качестве проявления колонизаторской политики царской России, предстало теперь в виде освобождения казахов от нависшей над ними угрозы агрессии со стороны других государств.

«... На Казахстан, — писал Шестаков, — наседали с одной стороны Хивинское ханство, с другой — Китай, с третьей — Российская империя. Для казахских народов присоединение к России было, несомненно, в этот момент наименьшим злом. Всё это обязывает историков, работающих в области национальной политики, пересмотреть свою старую точку зрения, которая изображала колониальную политику России, как одно сплошное чёрное пятно в истории русского государства» (121). Той же мерой оценивалось освоение Сибири: «Завоевание и колонизация Сибири русским народом сыграли известную положительную роль в торжестве тех общественных форм, с которыми мы встретились в Сибири, подготавливая победу пролетариата» (122). В этом же ключе интерпретировался вопрос о завоевании Чувашии и Молдавии (123).

Определённая группа историков инициировала внесение в постановление правительственной комиссии по конкурсу на учебник истории СССР указания на то, что авторы представленных на конкурс учебников «не видят никакой положительной

роли в действиях Б. Хмельницкого — XVII век — в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией. Факт перехода, скажем, Грузии, в конце XVIII в. под протекторат России, так же, как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами, как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощённой султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была всё же наименьшим злом»(124).

Разница в истолкованиях вопроса о завоеваниях царской России иллюстрируется и сравнением оценок в двух изданиях Большой Советской Энциклопедии — 1937 и 1947 гг. В первой версии: «легенда... о добровольном подданстве Казахского народа — явная ложь»(125). В версии 1947 г. — «добровольно приняли русское подданство — как Абулхир в 1731 г., так и хан Средней Орды, Абдулмамбет и султан Аблай в 1740 г. Позднее, в середине XIX в., добровольно приняли русское подданство казахи старшего жуза»(126).

Теория «наименьшего зла» стала для многих историков большой неожиданностью. Но после награждения учебника Шестакова премией жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник они поспешили признаться в своих ошибках и сообразовать свои писания с этой точкой зрения(127). Завоевание царской Россией новых территорий объявлялось прогрессивным деянием. Переход завоёванных царской Россией территорий под власть Советской России предстал в качестве уже не относительного, а абсолютного блага. Тем самым историки-державники подготовили для сталинского режима обоснование завоевания («присоединения», согласно советской терминологии) Эстонии, Латвии, Финляндии, Литвы и Польши, «уклонившихся» после Октябрьской революции от предоставленной им возможности войти в СССР.

Тем не менее, концепция «наименьшего зла» довольно медленно внедрялась в национальных республиках, встречала противодействие ряда историков. Изданная в 1943 г. в Алма-Ате «История Казахской ССР с древнейших времён и до наших дней» была изъята именно за то, что в ней содержалось идущее вразрез с новой исторической концепцией положение о царской России как основном и наиболее опасном противнике Казахстана. В 1947 г. резкой критике была подвергнута изданная во Фрунзе книга русского этнографа С. Абрамова «Очерки культуры киргизского народа». Абрамову ставили в вину утверждение о том, что киргизский народ попал под власть России вопреки его желанию, а также употребление слова «завоевание» вместо понятия «присоединение»(128).

После критики, как правило, следовало раскаяние. Нередко оно сопровождалось переходом критикуемых на ещё более сервильные позиции. В конце 1950-х — начале 1951 гг. теория «наименьшего зла» усилиями полуофициальных (после знаменитого совещания 1944 г. в ЦК ВКП (б)) известных историков (М.В. Нечкина, А. Якунин, Л. Черепнин), посчитавших недостаточной теорию «наименьшего зла» для оправдания колониальной политики, стала вытесняться теорией «абсолютного добра»: поскольку «любое, даже “наименьшее зло” — есть зло, т. е. отрицательное понятие»(129).

На этом фоне повторному осуждению подвергается С. Абрамов(130). Не менее суровая критика звучит в адрес известного археолога и историка Киргизии А.И. Бернштама, который в своих материалах по истории Киргизии «ни словом не обмолвился о тех прогрессивных изменениях, которые вызвали присоединение к России». Критики усмотрели, что «он протаскивает порочный взгляд, согласно которому присоединение Киргизии к России было “абсолютным злом”»(131).

Но даже проходившие в 1952 г. в среднеазиатских республиках пленумы ЦК ВКП (б) в своих постановлениях были вынуждены признать, что «существенным недостатком в работе историков (в данной цитате — Узбекистана — *Авт.*) является слабое освещение прогрессивности присоединения Узбекистана к России во второй половине XIX в. Историки недостаточно разоблачают стремление английской буржуазии в XIX в. закабалить народы Средней Азии. Включение Узбекистана в состав России, которая на рубеже XIX–XX вв. стала центром мирового революционного движения и родины ленинизма, имело большое прогрессивное значение для узбекского народа» (132).

В первой половине 1960-х гг. проблема «добровольных воссоединений» с Россией снова становится своеобразной «лакмусовой бумажкой» для национальных историографий. А.М. Сахаров, в русле тенденции отождествления СССР с наследием прежней Российской Империи и «реабилитации» последней, представил «отечественную историю» не как историю соответственно русских, грузин, латышей, украинцев и других народов, а как историю Российской Империи, владельца «громadного количества украденной собственности» (133). Не различая при этом законных её обладателей и по сути защищая права «грабителя»: «Нам очень важно раскрыть... как естественный и справедливый протест их (угнетенных наций — *Авт.*) против угнетения царизмом направлялся во вреднейшее русло борьбы против присоединения к России, выгодной лишь местным феодалам, да порой и зарубежным врагам наших народов» (134).

Таким образом, снова, как при Сталине, предметом обсуждения становился вопрос: правы ли российские цари, относившие любые революционные и прежде всего национальные движения в своей империи к интригам иноземных держав, а деятелей этих движений (от Радищева до Ленина, от Гордиенко до Драгоманова и Грушевского, от Шамиля до Кенесары и Амангельды Иманова и т. д.) — к платным агентам иностранных государств?

Безусловно, реакция историков на встраивание в государственную идеологию национального, патриотического «стержня» не сводилась лишь к обозначенным и легко обнаруживаемым в открывшихся документах формам, подразумевавшим, что критика или проработка непременно обернутся арестом, процессом и приговором. В противном случае, мы слишком бы упростили процесс и создали почву для сочувственной или исключительно негативной, а следовательно, ничего не дающей в познавательном плане оценки академической среды сталинского времени. В этом отношении важны оттенки, к примеру, в принятии критики власти. Важен каждый факт непрямолинейного (а обставляемого различными оговорками, апелляциями к беспорядкам для власти авторитетам) отношения к одергиваниям сверху. В конечном итоге, это позволяло историкам сохранять хотя бы какую-то часть полученных результатов работы, отстаивать научный подход и собственное достоинство.

В журнале «Большевик» в 1951 г. сообщалось о том, что за последние годы вышло из употребления, особенно у народов Советского Востока, значительное количество устаревших и чуждых терминов — арабизмов, фарсизмов и туркизмов. Одновременно происходит обогащение словарного состава языков народов СССР за счёт заимствования из русского языка. В этом виделось выражение «ведущей роли русского народа и его культуры в развитии культуры остальных народов СССР». При этом авторы этой конъюнктурной статьи А. Мординов и Г. Сонжеев пытались осторожно предостеречь против русификаторских крайностей в науке (135).

В то же время директору академического Института востоковедения Толстову и академику Козину не удалось убедить идеологическое руководство отказаться от

разоблачения «реакционной сущности» эпоса «Гэсэр-Хан» в апологетической газете «Культура и жизнь» в январе 1951 г. Не помог и аргумент: подобная критика вызовет негативные национальные чувства в Монголии, Китае и особенно в Тибете (136). В следующий раз Толстов поостережётся вступать в полемику с ЦК и изберёт такой распространённый тип поведения как перестраховка. При молчании специалистов в 1952 г. будут опорочены национальный эпос народов Кавказа и Средней Азии — «Деде Коркут», «Коркут Ата», «Алпамыш», «Кероглу», «Кобланды-батыр», татарского и башкирского народов — об Едигее, осетинский эпос Нартов и др. (137).

Вообще способы проявления перестраховки в интеллигентской среде были весьма разнообразными и подчас неожиданными. М.В. Нечкина вдруг завершила свою, скажем так, независимую и глубокую речь на совещании по вопросам истории в ЦК ВКП (б) (июнь 1944 г.) странным и противоречащим всему, что она сказала перед этим, пассажем: «... У историков нет застоя, но их разнообразная активность не имеет должного направления и руководства... У нас много текущих, повседневных трудных вопросов, по ним надо получить совет и указание. Но советоваться не с кем. Тов. Ярославский оказывал нам большую помощь, но после его смерти место осталось незамещённым. Наши требования к руководителю были бы сейчас ещё более высокими. Руководитель, с которым можно посоветоваться по трудным вопросам принципиального значения, должен соединять очень крупный политический авторитет с личной причастностью к исторической работе, с осведомлённостью в исторической работе» (138). Будущий академик также просила секретаря ЦК А.А. Щербакова пересмотреть отношение к Сталинским премиям и присуждать их только тем историческим работам, которые могли бы восприниматься как руководящие.

Такого рода перестраховка подменяла принципы научной деятельности, личный выбор историка целеуказаниями высокопоставленных лиц, предпочтениями комиссий по премиям. Возможно, Нечкина полагала, что она и её группа смогут влиять на этих «советчиков» в ущерб своим оппонентам, и при этом не отвечать ни за избранную тему, ни за результаты исследования.

В соприкосновении «национализированной» идеологии, пронизывающей изучение прошлого, у историков не могли не обнаружиться противоречия, порождающие, в свою очередь, различные тупиковые ситуации. Но парадокс состоял в том, что фиксируя это, учёные опять-таки нередко пытались сами подсказать власти как объяснить, замаять или обойти очевидные слабости новых установок. Таким образом, складывался замкнутый круг взаимного прикрытия и использования друг друга в искусственном сглаживании противоречий. В этой бесконечной игре можно было извлечь ощутимый выигрыш или обмануть. Власти принадлежала заведомо более выгодная позиция. На учёных весьма часто опробовались идеологические новации, их же руками контролировался процесс их прохождения, в их среде отыскивались ответственные за возможные ошибки. Естественно, что сложности и спорные моменты идеологии широко не освещались. До народа доводилось только ясное и простое. В результате возникала иллюзия эффективности идеологии, которая, на самом деле, всё больше и больше отдалялась от подлинной истории, самой действительности и её вызовов.

В 1943 г. председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В. Кеменов, выполняя просьбу секретаря ЦК ВКП (б) А. Щербакова, готовит концептуальную статью о мировом значении русской культуры. Предназначенная для журнала «Большевик», эта статья призывала без сожаления расстаться со многими привычными рассуждениями об истории русской культуры, которые успели утвердиться в энциклопедиях и фундаментальных монографиях. Под этими «рассуждениями»

подразумевалось стремление учёных проследить влияние западных мыслителей и художников на русскую интеллигенцию: Шеллинга, Фихте, Фейербаха на Добролюбова и Белинского, импрессионистов на Репина и Сурикова, натурфилософов на Тургенева и т. д. Особое возмущение В. Кеменов вызывали сложившиеся трафаретные аналогии: Пушкин — русский Байрон, Даргомыжский — русский Вагнер, Федотов — русский Хоггард. По его мнению, это сводило на нет русскую национальную культуру и её великую историю.

Требую однозначно отказаться от подобных исследований, В. Кеменов, тем не менее, понимал противоречивость подобного рода директив. Об этом он честно попытался предупредить Щербакова в записке, не предназначенной для печати: «Если отрицать возможность “влияний” в принципе, то тогда нельзя будет доказать и влияния русской культуры на культуру других стран, которое уже сейчас огромно и будет усиливаться. Кроме того, если подчёркивать самобытность, рассматривая её вне связей русской культуры с культурами других стран, то очень легко впасть в славянофильство»(139).

Это замечание, судя по всему, не было принято во внимание. Более того, официальный подход к проблеме культурных взаимовлияний был парадоксально перенесён и на другие народы СССР. Усиленно акцентируется внимание на самостоятельности культур тюркских народов(140). Кроме того, «несравненно более высокая» культура народов Средней Азии сама оказала большое влияние на культуру «лежащих к югу областей». В первом томе «Истории таджикского народа», изданном в 1949 г., читаем: «Народы Средней Азии оказали большое влияние на культурное развитие западных иранцев сасанидского государства. Так, например, шелководство проникло в Иран из Средней Азии. Эпос различных народов Ирана явно вобрал в себя творчество народов Средней Азии, особенно Хорезма и Согда»(141).

Мысль об автохтонности культур народов СССР приобретает характер навязчивой идеи. Поход против «варяжской теории» происхождения русского государства становится заразительным для некоторых историков Средней Азии. Но затем, оказывается, и народы Северного Кавказа совершенно самостоятельно создали «самобытную и своеобразную культуру» и «первые начатки государственности»(142). В то же время акцентирование самобытности культур нерусских народов тоже находилось под подозрением.

Серьёзное противоречие возникало и по поводу проблемы преемственности между старой дореволюционной и советской Россией, а ещё точнее — прерывности и непрерывности её истории. К власти, являющейся носителем и интерпретатором «самой передовой теории», апеллировали две группы историков. Такие учёные, как Тарле, Аджемян и Яковлев, исходя из возвеличивания в годы войны фигур Невского, Донского, Ивана Грозного, Петра I и Суворова, боровшихся за укрепление российского государства, требовали оправдать «колониально-захватническую политику» царизма. Представить в качестве «реакционных» крестьянские восстания под руководством Разина, Пугачёва, движение декабристов, поскольку они были направлены против российской государственности. Оппоненты этой точки зрения — Греков, Бахрушин, Нечкина — объявлялись последователями немецких историков (Байера, Шлецера, Миллера — авторов «норманской теории»)(143).

Привычное и закономерное для сталинского времени вмешательство ЦК ВКП (б) в эту дискуссию закончилось тупиковой ситуацией. Не найдя ничего лучшего, руководство заклеило обе группировки историков. Первая была обвинена в великодержавном шовинизме и отнесена к «школе Милюкова». Вторая — в «очернении

всей истории России» и причастности к «школе Покровского»(144). Проблема была отложена на неопределённое время.

Однако вполне логичной реакцией на подобные споры в конце войны стала реанимация в интеллигентской среде имперского сознания. И вот уже освобождение Красной Армией оккупированных территорий расценивалось как уникальная возможность «завершить дело собирания воедино всех русских земель, русских племён» и, тем самым, исправить ошибки Екатерины II и Александра I. В январе 1945 г. Г. Александров посылает Жданову копию анонимного письма, полученную им из Президиума АН СССР. Он сопровождает документ примечанием: «Письмо представляет известный интерес для характеристики настроений некоторых историков» (145).

Само письмо напоминало листовку: «Наступил исторический час. История представила возможность завершить начатое Иваном Калитой ДЕЛО СОБИРАНИЯ воедино всех РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ, РУССКИХ ПЛЕМЁН... Именно поляки и немцы в XIX и начале XX вв. усиленно раздували, фальсифицируя историю и литературу, сепаратистское движение, “украинизм”, как идею отдельной нации, языка и государства. И работа их дала свои результаты в виде требований “Самостийной Украины”, в виде “петлюровщины”, “скрыпниковщины”, “бандеровщины”. Этот очаг заразы, этот гнойник надо лечить радикально, пока не поздно... Просим не называть галичан и угрорусов “украинцами”, а называть “русскими” или “русинами”, а В. Галицию и Закарпатье — Галицкой Русью и Закарпатской Русью. Русский Галичанин»(146).

Однако уже не анонимный преподаватель кафедры истории СССР МГУ — С. Бушуев — в письме Жданову от 12 мая 1945 г. просил помощи и указаний по ряду теоретических вопросов истории СССР. В частности, он удивлялся тому, что за последние два года ряд преподавателей стал меньше обращать внимание на освещение истории отдельных народов СССР, особенно истории северо-кавказских народов, в частности, истории борьбы горцев за независимость под руководством Шамиля. Имел место и отход от «Замечаний гг. Сталина, Жданова, Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР». Почему, спрашивал автор письма, в нашей пропагандистской печати весьма мало статей о советском патриотизме, в котором, по Сталину, «гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза»? (147).

Очевидное противоречие сложилось и после переоценки прогрессивности или реакционности национально-освободительных движений различных народов СССР. Если завоевание царской Россией Средней Азии и Кавказа явилось для народов этих территорий «наименьшим злом» или «абсолютным благом», то все национально-освободительные войны и восстания этих народов против завоевателей уже никак не могли считаться национально-освободительными и прогрессивными, какими они признавались вплоть до 1950 г.

Однако это противоречие разрешалось уже не «диалектическими фразами» о том, что прогрессивный характер присоединения Казахстана к России не исключает прогрессивности национально-освободительной борьбы казахов против колонизаторской политики царизма(148), а объявлением этих национально-освободительных движений реакционными, а в ряде случаев и инспирированными иностранными государствами.

Сначала реакционными были признаны войны Шамиля(149), затем национально-освободительные движения султана Кенесары Касим в Казахстане(150). Однако больших усилий потребовало «диалектическое» объяснение переоценки восстаний, считавшихся еще в 1951 году крестьянскими, — Андижанского восстания 1898 г.,

восстания Сарым-Дата 1783–1797 гг., восстания в Фергане 1885 г., восстания в Хиве 1914–1916 гг. и Кокандского восстания 1875–1876 гг. (151). В постановлении президиума АН СССР от 20 сентября 1950 г. по вопросу о работе Института истории говорилось, что «в работе по изучению и описанию фактов богатейшей истории народов СССР особое значение имеет правильная марксистско-ленинская оценка и истолкование различных национальных движений. В этой большой и ответственной работе необходимо постоянно иметь в виду гениальное указание т. Сталина о том, что истории нельзя ни улучшать, ни ухудшать... Это в особенности относится к характеристике национальных движений, неразрывно связанных с разрешением национального вопроса» (152).

Разумеется, в итоге этого стремления — «не улучшать и не ухудшать» историю — и Андижанское восстание, и восстание в Южной Киргизии в 70-х гг. XIX в., также как и роль «Алайской царицы» — Курман-джан и восстание 1916 г. стали считаться антирусскими и реакционными. Огульное охаивание национально-освободительных движений имело целью искоренение среди народов СССР симпатий к национальным героям, возглавивших восстания против власти в дореволюционный период.

В ходе эволюции советского строя эти традиции, в более сглаженных формах, были продолжены советско-партийным руководством, идеологической системой советского строя. В уже упомянутом 1972 г. предпринимается масштабная акция по «обузданию» национальных историографий и историков.

В Армении для этого был избран А.Н. Мнацакян и его книга «Ленин и решение национального вопроса в СССР» (Ереван, 1970). Автора осудили за ошибочное освещение вопроса о возникновении наций и одностороннее подчёркивание национального момента в ущерб классовому и интернациональному.

В Грузии в опалу попали А.И. Менадзе, написавший работу «Некоторые вопросы развития грузинской национальной государственности». (Тбилиси, 1970), и У.И. Сидамонидзе за исследование «Историография буржуазно-демократического движения и победы социалистической революции в Грузии» (Тбилиси, 1970). Первый секретарь республиканского ЦК Компартии В.П. Мжаванадзе обвинил этих авторов в неправильной трактовке национального вопроса и неисторическом подходе к деятельности меньшевиков и национал-уклонистов Грузии. Особенностью грузинской историографии на протяжении всего советского времени являлась тематическая направленность исследований. В отличие от других «национальных школ» здесь преимущественное внимание уделялось изучению древнего и средневекового прошлого народа. Не случайно в 1972 г. в постановлении ЦК КПСС «О недостатках и ошибках в деятельности Тбилисской организации ЦК КП Грузии» отмечены «проявления националистических настроений», «любование стариной», «неоправданное восхваление царей, полководцев, деятелей церкви», вообще «антиисторизм» (153).

В Азербайджане партийному разносу со стороны Г.А. Алиева подвергся В. Шушинский, который в книге «Шуша» (Баку, 1968) не «раскрыл интернациональные идеи совместной борьбы азербайджанского и армянского народов за социальное и национальное освобождение».

В Киргизии резкая критика раздалась в адрес К. Нурбекова за монографию «Возникновение киргизской советской национальной государственности» (Фрунзе, 1965) и второй том «История государства и права Киргизской ССР» (Фрунзе, 1970). Республиканское совещание идеологических работников осудило историка за пересмотр утвердившейся в киргизской историографии оценки, выразившемся в «оправдании буржуазных националистов, пытавшихся использовать в корыстных целях

естественное стремление киргизского народа к реализации своего права на самоопределение и создать в 1922 г. искусственное административно-политическое образование — так называемую Горную область». К. Нурбеков, по мнению партийных руководителей, посмел выдать этот акт за выражение интересов трудящихся масс, представить в качестве этапа на пути оформления автономии киргизского народа. Хотя это была «националистическая затея, которая принесла несомненный вред, обострив родовую борьбу и затруднив национальную консолидацию киргизов» (154).

Эти очередные идеологические проработки свидетельствовали, что национальный историк как носитель национальной идеи в историознании существует, действует, работает. Его ожидает явно другая судьба, нежели та, которую ему предписывал сталинский большевизм.

* * *

В эволюции национальной идеи как сердцевины исторического познания, его камертона в эпоху советского социализма явственно просматривается несколько этапов, крупных полос.

В первое послеоктябрьское десятилетие формирование «своих историй» происходило в обстановке сотрудничества/заигрывания центра с «туземными» элитами, «коренизации», квазилиберальной языковой политики, что стимулировало процессы образования наций среди крупных этносов. Национальные историографии обретают новую, советскую идентичность, и зачастую разрабатываются под флагом краеведения; однако уже в это время предпринимаются выборочные акции против «национал-уклонистов». Официальная историография в целом ориентируется на классовоцентристские и интернационалистские подходы к проблемам истории. Последняя интересна ей скорее как история революционных движений масс, как «объяснительная глава» к революционным битвам начала XX столетия, грядущего социального переустройства в рамках мирового развития. В конце 20-х гг. обнаруживается глубинное противоречие между русским (русскоязычным) научным сообществом центра, олицетворяющим официальную историографию, с одной стороны, и национальными историками — как марксистскими, так и «идеалистами», — с другой.

30-е — начало 50-х гг. — время истребительного удара по национальным элитам и культурам, их последовательного и систематического подавления и сдерживания в обстановке утверждения национал-большевистских приоритетов идеологии, которые, однако, не отменяли колебания идеологического маятника между «национальным» и «интернациональным», «классовым» и «державным». Режим был озабочен поддержанием напряжения в среде творческой интеллигенции. Перевод историографии на позиции великорусской державности сопровождался развалом ленинистской историографии, сформировавшейся, в основном, в 20-х гг. Идея «своей истории» в этот период сохраняется скорее в виде сокрытых культурных ориентаций и предпочтений, удерживается в «закоулках» и щелях» национального исторического сознания. Функции национальных историографий, связанные с решением крупных проблем историознания, переходят к официальной советской историографии. В последней не прекращаются противоборство «державников» и «революционистов». Попытки политического руководства решительно изменить баланс сил, превратить русскую патриотику в тотальную идеологию и историографию прекращаются после смерти Сталина.

Постсталинский период характеризуется оживлением нациестроительства, формированием новых национальных элит, восстановлением процесса «собирания» национальных историй, который происходит, в основном, в «замещённых» формах — желании показать «в лучшем виде» представителей своего этноса, доказать «зрелость» своего региона для дела революции и социализма и т. п. Стремление к «исторической правде» как восстановлению научной объективности в среде национально ориентированных историков во многом совпадает с этноцентристскими предпочтениями, которые предстают в виде слабо отрефлектированных элементов национального взгляда на историю. Идеологическая система и официальная историография удерживают ситуацию доминирования советско-патриотической, в целом великорусской, концепции, распространяемой, в основном, в научно-теоретических формах. Это не исключает показательных идеологических акций против национальных историографий и историков.

Национальный историк в условиях советского новоимперства был до известной степени декоративной фигурой. Самим фактом своего существования он призван был демонстрировать достижения советского социализма в разрешении национального вопроса, процессы всестороннего развития и сближения национальных культур и наук, интегрированных единым социалистическим содержанием. Он всегда был под рукой в качестве назидательного примера во время кампаний по борьбе с национал-уклонизмами.

Нельзя сказать, что обвинения в его адрес с позиций официальной теории истории и общества были всегда беспочвенны. Национальный историк делал своё дело: с разной степенью осознанности в обстановке господства моноидеологии культивировал и удерживал отдельные фрагменты «своей истории». Он чувствовал себя тем уверенней, чем более нарастали в условиях заката советской этакратии националистические тенденции. Они приобретали явственно антирусский характер, о чём свидетельствует «установление феодально-коммунистических и националистических режимов в ряде бывших республик Союза ССР» (155).

Идея «своей истории» являлась маргинальным дискурсом советской исторической науки. Она была связана как со старыми этноцентризмами, опирающимися на государственные традиции (украинским, грузинским, татарским и др.), так и вновь возникшими этноцентризмами вследствие создания в СССР множества эфемерных национальностей. В частности, за счёт разделения туркестанской уммы, духовные элиты которых рассматривали мусульман России как особую национально-социальную общность (156).

В целом эволюция национальных историй в советское время может быть раскрыта с учётом взаимодействия различных факторов, среди которых: процессы нациестроительства в советском социуме; трансформация идеологического обеспечения совпартсистемы, от интернационального социализма к национал-большевизму; формы и характер насаждения русоцентристского подхода в историознании; политика московских управленцев в отношении национальных политических и культурных элит; состояние массового исторического сознания и степень включённости в него социально-культурных стереотипов и этнофобий; борьба «групп интересов» в науке, включая инициативы и «игры» с властью самих историков, вовлечённых в неформальные кастово-профессиональные объединения.

Обретение национальными историями статуса официальных историографий связано с теми трансформационными процессами, в которые втянулось советское общество во второй половине 80-х гг. Касаясь содержания новой историографической ситуа-

ции, Каппелер противопоставляет позиции «нерусских историков» и историков «российского центра». Если первые «высвобождаются из прокрустова ложа догматики, идеализирующей национальные отношения и все проблемы российской истории», то вторые, напротив, придерживаются традиционных русоцентристских позиций и предрассудков. Так что, по мнению историка-россиеведа, в эпоху «русско-национального возрождения» скорая переориентация в этом отношении маловероятна (157). Но столь ли ясная и однозначная картина складывается в действительности?

В «национальных концепциях» истории, культивируемых в странах СНГ, реализуется заказ новых властвующих элит, озабоченных легитимацией «своего» — гимна, герба, истории, власти. В национальных субъектах Российской Федерации истории, сотворяемые с позиций локальных этноцентризмов, мобилизуются для идейного и культурного обеспечения «суверенизации» (читай: перераспределения властно-управленческих прерогатив между центральной и местной бюрократией на основе этнократизации «титულных» государственных формирований).

Сервильность историков не требует особых комментариев. Историописание воспринимается большинством из них, сформировавшихся в советское время, в качестве идеологического инструмента, камертоном которого служат установки «сверху». Наивно взывать к той части специалистов, которая находится в кругу новой мифологии, о необходимости соблюдения научных и ценностных пропорций в исторических изысках: это их исторический шанс, это их «дело». Но есть два момента, способных корректировать ситуацию. Во-первых, превращение историков в новую суггестивную группу, прямо обслуживающую режим, влечёт за собой установление командно-распорядительной системы отношений власти и учёных, которые только что избавились от диктата «пролетарской» идеологии и имперских истолкований истории. Вспомним, что жизнь — лучший учитель. Во-вторых, современная европеизированная система образования, адекватная массовому анонимному обществу, навязывает свои жёсткие правила, о которые, кстати, «обломал зубы» даже сталинизм — высшая ступень идеологизации истории. Так что, эволюция рано или поздно расставит всё по своим местам.

Разумеется, трудно оспаривать тот факт, что русско-державный подход доминирует в большом количестве выходящих в «российском центре» работ; мы имеем дело с мощной традицией. В национал-большевистское новоимперство, знаменовавшее победу (пиррову) общинного традиционализма над евроориентацией российского сообщества, естественно вписались руссоцентристские идеи, восходящие к первым опытам самоопределения маргинальной отечественной историографии в системе «Запад–Восток», и отмеченные кичливо-завистливым антизападничеством. Ныне эти позиции лишены былой «славянофильской» определённости и выступают в разных качествах: используются «новой русской правдой», мобилизуются неонационал-большевизмом, служат неким подспорьем для выработки либерально-демократического сценария с «русской спецификой», и т. д.

Между тем великорусские идеи, в силу присущих им кодово-смысловых, логико-семиотических признаков, устойчивых гештальт-образов, не могут выступать в качестве межэтнонациональной («российской») идеологии посткоммунистического общества. Если таковая вообще возможна.

Кроме того, оставаясь в любом из вариантов компонентом культурно-исторического сознания, они продолжают тенденциозно воздействовать на образы, создаваемые историографией. И в целом: в той мере, в каком этноцентризм выступает в роли историософского дискурса, историознание утрачивает научность и становится

arts, fiction. Мыслимо ли решительно изменить соотношение научности и ценности в истории? Похоже, этот вопрос следует адресовать не только, а возможно, и не столько историкам, но обществу, в котором они укоренены.

В середине 90-х гг. в отечественной историографии было наконец высказано соображение о том, что против социальной заинтересованности в той или иной интерпретации проблемы «бессильна любая научная логика и система доказательств» (158). Заглавная, постоянно действующая «заинтересованность» — этнонациональные предпочтения в историознании. Исторический «образец» этноцентризма — европоцентризм ныне переживает упадок. Преодоление его проблематично уже в силу того, что история и страна, эту историю пережившая, неразделимы ни логически, ни онтологически. «Молодые» этноцентризмы, напротив, отличают завидные самочувствие и оптимизм — то, что когда-то было присуще европоцентризму, и что он утратил вместе с претензиями на глобалистские синтезы.

Впрочем, конфликт между «объективным», внеположенным национальному пристрастию историознанием, с одной стороны, а с другой — истолкованием исторического опыта с этнонациональных позиций, — из тех противоречий, что сопутствуют духовному обустройству человеческих сообществ. Формирование и развитие этого конфликта в советской историографии — опыт интересный и поучительный.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В совокупности с так называемым «цивилизационным подходом» и идеями «школы тоталитаризма» философия «модернити» образует тот круг позиций, которые ныне (где, в основном, спонтанно, где с активной помощью новых институтов) вытесняют традиционные схемы, исполненные по канонам советского марксизма. Эти «три кита» западной науки интегрированы эпистемологически. В дискурсе цивилизационного подхода (в ходу версия, восходящая к О. Шпенглеру, разводившему цивилизацию и культуру) демаркируются «традиционное» и «современное» общества. Теория модернизации нацелена на истолкование процесса перехода от доиндустриальных обществ к индустриальным. В свою очередь, концепция тоталитаризма описывает идеократическую тиранию, в капкане которой оказываются страны «вторичной», «догоняющей» модели модернизации вследствие возникающих в ходе рождения нового общества перегрузок и напряжений. В формате этих идей и подходов формируются предпосылочные суждения об эволюции этнонациональных отношений в российском обществе.

Одна из таких ориентирующих позиций состоит в констатации того, что модернизации в России осуществлялись по имперской модели: они были подчинены, в первую очередь, задачам военно-политической экспансии империи, обороны от внешних врагов и поддержания статуса великой державы, а вовсе не решению внутренних проблем, в т. ч. создания общества потребления. — Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С.15; *Хорос С.* Русская идея на историческом перекрёстке // Свободная мысль. 1992. № 6. С.38; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. — М., 1994. С.68–69 и др. Советская — разновидность имперской — модернизация нередко истолковывается как своеобразная контрмодернизация (А. Турен, далее — А. Ахизер, А. Панарин и др.).

2. *Шабанов А.Г.* В поисках опоры для национального самосознания // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Часть II. Российская консервативная идеология и современность. Вып. 3. — СПб., 1992. С.200.

3. См.: *Шмитт, Карл.* Понятие политического // Вопросы социологии, 1992, Т.1.

4. *Ферро, Марк.* Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // Метаморфозы Европы. — М., 1993, С.13.

5. Французский историк, подвергнувший анализу значительный объем исторической литературы педагогического назначения, используемой в различных странах, приходит к выводу о явном преобладании метода идеологии над методом науки в историографии, где «наукообразия и методология служат не более чем «фигурным листком» идеологии». — *Ферро, Марк.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М., 1992. С.10. Обобщение Ферро, «анналиста» третьего поколения, не лишено провокативности.

Диагноз, поставленный им поражённому болезнью «конъюнктуры» историографу, уже свидетельствует о способности «здоровых» сил научного сообщества ослабить воздействие внеученных ценностей на историческую науку.

6. О новом этапе развития самосознания немецкого общества, отмеченном более критическим взглядом на своё национал-социалистическое прошлое, стремлением к полному, без изъятий, знанию истории этого периода сигнализирует пристальный интерес, проявляемый в Германии к творчеству и жизненному пути Виктора Клемперера (1881–1960) — крупного специалиста-филолога, написавшего книгу о нацистском «новоязе». Эта работа вышла в России много лет спустя после её опубликования на родине автора. — См.: *Клемперер В.* ЛТН. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. — М., 1998; *Бухараев В.М.* Знаки одной беды. Книга «Язык Третьего рейха» в руках русского читателя //Грани сотрудничества. — Казань, 1999.

Американский россиевед либерального направления обращает внимание на фигуры умолчания в российской историографии. Ратует за формирование политэтнонационального образа истории России: «...Следует серьёзно изучить такой факт как вычёркивание истории Польши и Финляндии из истории России. Ведь ясно, почему это происходит — потому, что независимость этих стран не совпадает с т. н. “национальной историей”. Границы и последующие геополитические события часто определяют изучение прошлого. Но они не должны диктовать историкам условия», «история регионов, история народов без одного государства, история эмиграции и диаспоры, интернациональная история — все эти истории должны дополнять традиционную историю наций и государств». — *Дэвид-Фокс, Майкл.* Опыт и анализ одного курса: История России — XX век //Актуальные проблемы преподавания российской истории в университетах России и США: Тезисы докладов Российско-американского симпозиума (6–8 июля 1998 г., Самара). — Самара, 1998. С.17.

7. В исследовании, авторы которого анализируют сущность и различные стороны феномена советской историографии, опубликованном в серии научных трудов «Россия: XX век», инициированных РГГУ, проблема национальной исторической мысли не затрагивается. См.: Советская историография. — М., 1996. Это относится и к коллективным монографиям обобщающего характера, изданным под эгидой АИРО-XX и ИРИ РАН. См.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет /Под ред. Г.А. Бордюгова. — М., 1996; Историческая наука в России в XX веке /Под ред. А.Н. Сахарова. — М., 1997.

Историки из Узбекистана считают, что говорить о среднеазиатской историографии можно лишь в рамках 1917–1923 гг., потому что «к середине 1923 г. окончательно устанавливается партийный контроль над идеологией, над умами людей, над научными оценками происходивших в Туркестане событий». — *Касымов Ф.Х., Эргашев Э.Б.* Неофициальная среднеазиатская историография Октябрьской революции (1917–1923) //Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. — М., 1996. С.241. О том же говорит их коллега из Туркменистана: «История была служанкой в руках тоталитарного режима и учёные мужи писали то, что от них требовали». — *Оразклычев Я.* Основные проблемы истории Туркменистана от «оттепели» до «перестройки» //Россия в XX веке... С.566. Одно из немногих исключений — наблюдение специалиста из Вильнюса: своеобразной реакцией сторонников литвоцентризма на идеологизированную науку явился их уход в аграрную историю — подсчёт урожая яровых, описи крестьянского хозяйства и т. п. В советской Литве «патриотически настроенные историки» концентрировали своё внимание на этнических ценностях и их консервации. — *Берянис В.* Парадигмы литовской исторической науки //Россия в XX веке... С.575.

8. Азербайджанский историк видит причины «нарушений и искривлений» в процессе культурного строительства в советском Азербайджане не только «в безответственной и верноподданнической» позиции местных властей: «Несмотря на то, что местные большевики полностью подчинили свою внешнюю и внутреннюю политику союзному центру, союзное руководство, по-видимому, до конца не доверяло товарищам-большевикам из мусульманской республики. Поэтому при проведении своей политики в Азербайджане центральное руководство стремилось, как и прежде, т. е. во времена Российской империи, опираться на своих *испытанных и верных союзников на Кавказе — армян*» (выделено нами. — *Авт.*). — *Касумова И.* Размышляя над документами //Советский тоталитаризм на Кавказе (20–30-е годы) /Научная конференция 6–7 ноября 1998 г., г. Баку. — Баку, 1998. С.69–71. Однако многонациональность управленческого аппарата в 20–30-е гг. явление повсеместное. «Например, в Грузии, кроме грузин и русских, среди управленческих кадров было немало армян, а в самой Армении — азербайджанцев». — *Мастюгина Т.М., Перепёлкин Л.С.* Этнология. Народы России: История и современное положение /Учебное пособие. — М., 1997. С.274.

9. *Коэн, Стивен.* Переосмысливая советский опыт: Политика и история с 1917 года. Chalidze Publications, 1986. С.13.

10. Немногие обращения к предметно-содержательным сторонам вопроса об особенностях проявления этноцентризма в национальных секторах советской историографии — в первую очередь, это касается послевоенного периода её развития — оказывались не всегда удачными. Т. Давлетшин, автор обстоятельного исследования, относящегося к тюркско-татарскому направлению в советологии (*Давлетшин, Тамурбек.*

Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики. — Мюнхен, 1974.), желая охарактеризовать «едва терпимое отношение коммунистической партии к вопросам изучения татарской национальной культуры», обращается к работе Савей Михайловой «Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800–1861)». (В книге Давлетшина название приведено неточно: «О развитии просветительства среди татар в первой половине XIX века»). Оценивая работу Михайловой как «ценное и трудоёмкое исследование», в котором она «пыталась установить совместную борьбу татарской и русской интеллигенции против царизма», Давлетшин полагает, что «оставаясь на позициях научности, она могла привести лишь весьма бедные и неопределённые сведения. Учёная не стала в угоду требованиям партии грешить против правды. В результате этого труд С.М. Михайловой на 227 страницах был издан в количестве 650 (шестисот пятидесяти!) экземпляров». — *Давлетшин, Тамурбек*. Ук. соч. С.290.

Давлетшин так интерпретирует историографический факт, иллюстрирующий состояние провинциальной историографии рубежа 60–70-х гг., что вымысел явно преобладает над реконструктивным подходом. Вышедшая в 1972 г. в издательстве Казанского университета обычным для подобного рода изданий тиражом книга Михайловой, тогда старшего преподавателя кафедры истории КПСС Казанского университета, представляет собой предзнаменительный для печати вариант кандидатской диссертации «Из истории формирования и развития общественной мысли среди татар Поволжья (Просветительство 1800–1861 гг.)». Она защищена безо всяких проблем в Казани в 1969 г. Приводимые в работе Михайловой отрывочные сведения о деятельности первых тюркских литераторов, выросших в зоне влияния Казанского университета — форпоста цивилизаторских усилий Российской Империи на востоке страны, фиксируют зачаточное состояние процесса формирования интеллектуальной элиты тюркоязычных этносов Среднего Поволжья и Приуралья.

Давлетшин, исходя из советологического стереотипа однозначно репрессивной национальной политики коммунистического режима, ставит Михайловой в заслугу то, заодно приписывая ей обострённое правосудительство (кстати, если бы партийные инстанции всерьёз отнеслись к похвалам Михайловой со стороны Давлетшина, дело могло бы принять для неё весьма серьёзный оборот), что она не встала на путь откровенных передёргиваний и натяжек, как это практиковалось в сталинизированной историографии. Но Михайлова работала уже в другое время, когда, пусть и в усечённом виде, происходила новая институционализация научных сообществ с присущим им профессиональным этосом.

Действительно, тема исследования молодого историка из Казани была новой для послевоенной историографии. Поэтому работа привлекла внимание зарубежных тюркологов. Однако всерьёз говорить о том, что национальная проблематика в годы брежневского «консерватизма» шла вразрез с «линией партии» не приходится. «Своя история» оказывалась созвучной тем настроениям, что складывались у руководителей национальных регионов в период диктатуры секретарей обкомов, утвердившейся в результате антивождистской «революции» октября 1964 г., и с которыми теперь вынуждены были считаться московские управленческие верхи.

Если брать Татарстан, то исследования, подобные изыску Михайловой, в глазах руководителей националов исподволь легитимизировали их притязания на повышение статуса Татарской автономии до уровня союзной республики. Эта позиция легла в основу принятой 30 августа 1990 г. Верховным Советом ТАССР Декларации о суверенитете, в соответствии с которой Татарская автономия преобразовалась в одностороннем порядке в суверенную союзную республику — субъект Союза ССР. См.: Декларация о государственном суверенитете Республики Татарстан. — Казань, 1990. Официальное переименование ТАССР в Республику Татарстан произошло на основе Закона РТ от 7 февраля 1992 г. См.: Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992, № 4.

О настроениях национальной номенклатуры постсталинских времён позволяют судить получившие резонанс в руководящих кругах местных партийных организаций страны события в Татарии, произошедшие десятилетием ранее того, как была написана работа С. Михайловой. Т. Давлетшин обращается к отдельным сторонам этой истории. В частности, вовлекает в круг своих рассуждений статью Камиля Фасеева, опубликованную в 1958 г. в местном партийном офицозе «Коммунист Татарии». В ней обосновывалась необходимость расширения сферы применения татарского языка в автономной республике. Давлетшин усматривает в факте публикации лишь «чисто практический замысел»: коммунистическая партия пока не может обходиться без людей, владеющих татарским языком, для ведения пропаганды среди многомиллионного татарского населения и выполнения функций управления. — *Давлетшин Т.* Ук. соч. С.302.

А вот реальная подоплёка публикации в «Коммунисте Татарии». С «подачи» С.Д. Игнатъева — последнего сталинского министра МГБ, бывшего непродолжительное время, до утверждения Хрущёва в качестве лидера, секретарём ЦК КПСС и «сосланного» в провинцию, — являвшегося в это время первым секретарём Татарского ОК КПСС и рассчитывавшего на гребне успехов в решении «татарского вопроса» вернуться в Москву на «руководящую работу», секретарь обкома по идеологии К. Фасеев затеял кампанию в русле проводившейся в конце 50-х гг. школьной реформы. Целью этой идеологической акции была демонстрация расцвета культур в Татарии вследствие внимания партруководства к развитию татарского языка, в частности, путём внедрения его преподавания в школах и вузах. Программа развёртывания пре-

подавания языка, которую активно поддержала часть «национальных кадров» разного уровня, утверждает-ся на III пленуме Татарского обкома партии 21 мая 1958 г. По итогам его работы и была скомпонована «руководящая» статья Фасеева. Последовала реакция Москвы, «усмотревшей» в этих действиях поползновения «местного национализма». Место Фасеева занимает Фикрят Табеев, который вскоре становится первым секретарём обкома. На карьере Игнатъева был поставлен крест. Обком сдал: его бюро признало считать решение III пленума «утратившим актуальность». См.: ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.39. Д.140. Л.5–15; «Гасырлар авазы (Эхо веков)». 1996. № 1–2. С.110–115.

Дело не только в объяснимой узости источниковой базы исследования Т. Давлетшина. Советологическая доктрина, собственно, не предусматривала учёта «подковерной» борьбы групп, преследующих различные этнокультурные интересы на разных уровнях власти и социума в условиях достигнутой своей зрелости «красного тоталитаризма». Характерно, что с тюркофильской позицией Давлетшина перекликаются оценки, содержащиеся в современном учебнике, подготовленном историками из Казани; причём речь идёт о, несомненно, лучшем учебном пособии, изданном в современном Татарстане, авторы которого в целом демонстрируют научно-исследовательские подходы; свободные, насколько возможно, от влияния политической обстановки. Фасеев отнесён к тем «добросовестным функционерам», в деятельности которых «не могло быть места подлинным национальным ценностям». — *Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г.* История Татарстана. XX век. 1917–1945 гг. IV часть: Учебное пособие для общеобразовательных заведений. — Казань, 1998. С.356. Между тем каждая генерация интеллектуалов, руководствующихся национальной идеей или сочувствующие ей, считают себя выразителями «подлинных» национальных ценностей.

11. *Shapiro, Leonard.* The origin of the Communist Autocracy. 2-d ed. [L., 1977], P.XVIII; *Kondrateva T.* L' historiographie Sovietique et la question nationale: continuité et rupture //L' experience Sovietique et le probleme national dans le Monde. 1929–1939. Actes 1. — Paris, 6–7–8 december 1978. Centre national de la Recherche Scientifique. — Paris, 1978. P.405–419.

12. *Kanneler A.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад — М., 1997, С.15.

13. *Kanneler A.* Ук. соч. С.14.

14. *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии //Отечественная история. 1996, № 5. С.156. См. также: Советское общество и советский человек (точка зрения Александра Зиновьева): Материалы «круглого стола». Выступление Г.С. Кордонского //Вопросы философии. 1992, № 11.

15. Более реалистично выглядит характеристика, данная М. Ферро: «В результате практиковавшейся с 20-х гг. национальной политики каждая республика имела свою собственную официальную историю, которая составлялась по одному общему образцу. Такой подход вёл к искажению подлинной истории этих народов. Получалось так, что народы каждой будущей республики проходили одни и те же этапы единого исторического развития, и именно Москва определяла ритм и темп этого развития». — *Ферро, Марк.* Европоцентризм в истории... С.16. Правда, в этом образе национальной историографии не остаётся места для элементов национальной идеи, проявляющейся в скрытых или «замещённых» формах.

16. См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.II.1928–4.I.1929. Т.1. Изд. 2-е. — М., 1930. С.432, 437, 440–441, 459 и др.

17. Там же. С.450, 452, 466 и др.

18. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.V. — М., 1985. С.455.

19. Там же. С.5, 418.

20. В опубликованном в начале 80-х гг. обобщающем историографическом издании представлена более системно. Историография национальных регионов впервые появляется на страницах книги в разделах, посвящённых состоянию историографии в годы Отечественной войны. Им оказывали помощь, находясь в эвакуации, видные советские учёные, а в 1944 г. «ЦК сформулировал задачи научного изучения истории Татарии и Башкирии и указал на серьёзные националистические ошибки, допущенные отдельными историками и литераторами при освещении исторического прошлого татарского и башкирского народов» — Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник / Под ред. И.И. Минца. — М., 1982. С.130, 132. Затем «развитие исторической науки в советских республиках» затрагивается применительно к развитию историографии 1945 — конца 50-х гг. (в связи с созданием «обобщающих трудов» по истории народов СССР и изучением истории этих народов дореволюционной и советской эпох). Наконец, в разделе, призванном отразить развитие историографии в условиях развитого социализма (60–70-е гг.), изучению истории народов СССР в советских республиках посвящена отдельная глава (автор — В.П. Шерстобитов). Присутствие этих сюжетов и используемая для их разработки дискурсивность («Историческая наука в национальных республиках», «национальная историография», «украинская, белорусская, молдавская историография», «литовская историография» (автономиям «своя» историография не полагалась), «историки национальных республик») ничего, в сущности, не меняло в признанном образе советской историографии. В ней, как в одной из систем культуры, социалистическое содержание могло обретать некую национальную форму. Историографии национальных республик демонстрируют свою «зрелость», т. е. соответствие

их позиций официальной доктрине, и предстают в качестве составных частей единой советской исторической науки.

21. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.IV. — М., 1966. С.164.
22. Историография истории Украинской ССР. — Киев, 1986.
23. Там же. С.9.
24. Геллер М. Как же было на самом деле? //Русская мысль, 25–31 мая 1995 г. Автор не включил эту статью, содержащую столь категоричную оценку, в книгу, составленную из его эссе, печатавшихся в газете «Русская мысль» под рубрикой «Глазами историка». См.: Геллер М.Я. Глазами историка. Россия на распутье. 1990–1995. — М., 1996.
25. См.: Белингов А. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. — М., 1997; Буковский В. И возвращается ветер... — Нью-Йорк, 1974; Буковский В. Московский процесс. — М., 1996.
26. См.: Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещён третий том «Истории философии»? //Вестник РАН. 1997. № 7; Бухараев В.М. Академическая традиция в отечественной историографии в условиях советской идеократии //Учёные записки Казанского университета. Т.134. Проблемы отечественной и зарубежной истории и историографии. — Казань, 1998. С.5–17.
27. Вопросы поиска новой российской властью смысла и содержания модернизационного процесса в 1917–1923 гг., проявления в ходе революции под давлением обстоятельств в правительственном стане понимания значения этнокультурной специфики российского социума рассмотрены в исследовании, выполненном на стыке социологии и истории: Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: Национально-культурная политика 20-х годов. — М., 1998. Похоже, автор преувеличивает, в традициях «шестидесятнического» манихейства, различие между «ленинской» и «сталинской» моделями национально-государственного строительства в советской России. Сталин оказался лишь прозорливее Ленина в понимании ведущей тенденции эволюции советской этикратии в культурно-национальных отношениях. Этот общественный порядок мог состояться только в формах обновленного имперства. Одним из первых в постсоветской историографии это положение раскрыто А.П. Ненароковым.
28. Султанбеков, Булат. Введение //Тайны национальной политики ЦК РКП. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Четвёртое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Москва. Бюро Секретариата ЦК РКП, июнь 1923 г.). — М., 1992. С.9. Фигура и деяния Султан-Галиева изучены известным казанским историком Б.Ф. Султанбековым, которого отличает стремление дистанцироваться от идейно-политических конъюнктур и новой политизации в своих научных разработках. Фактическое замалчивание дела Султан-Галиева в советской историографии само по себе является показательным фактом. Между тем, в советологии, а затем и россиеведении Султан-Галиев фигурирует как видный теоретик концепции национального коммунизма, что перекликается с оценками идеологов радикализма в развивающихся странах, которые называют его «отцом» революций в третьем мире. По данным Б. Султанбекова, в литературе, посвящённой этнопроблемам планеты, созданию и краху советской империи, по частоте ссылок и цитирования имя Султан-Галиева идёт сразу же после имён Ленина и Сталина; деятельности тюркского коммуниста посвящены около 200 статей, десятков монографий на русском, татарском, турецком, английском, французском и японском языках.
29. Смена вех. 1921. № 4. С.8.
30. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. С.267.
31. См.: Социалистический вестник. 1934. № 3. С.14.
32. Речь идёт о постановлении СНК и ЦК ВКП (б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР».
33. К примеру, утверждается, что статья Сталина не была сразу опубликована потому, что она пересматривала утвердившиеся в советской историографии марксистские оценки характера внешней политики царской России — См.: Чапкевич Е.И. Советская историография 20–50-х годов о внешней политике России: Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. — М., 1996. С.427. Другие авторы в духе современных дискуссий по нашей проблеме пытаются вообще вывести из сталинской статьи будущее сближение СССР и Рейха — См.: Константинов С.В. Замолчанный Сталин //Русский Геополитический сборник. 1996. № 2. С.67.
34. Большевик. 1941. № 9. С.3.
35. Там же. См. подробнее также: Бордюгов Г.А. Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933–1934 //Отечественная история. 1999. № 2.
36. Из истории сноса Сухаревой башни //Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С.114–115.
37. Козлов В. Трагедия Китай-города //Московский журнал. 1992. № 2. С.23.
38. Историография истории СССР... — М., 1982. С.105.
39. К изучению истории: Сборник. — М., 1937.
40. К изучению истории. — М., 1938; К изучению истории большевистской партии. Изд. 2-е. — Сталинград. 1938; К изучению истории ВКП (б): Сборник материалов. — Куйбышев. 1938 и др. Библиотечные

экземпляры этих изданий или «утрачены» или приведены в ветхое состояние вследствие повышенного читательского спроса в 30-х — начале 50-х гг.

41. См., напр.: *Кимелев Ю.А.* Философия истории. Системно-исторический очерк //Философия истории: Антология: Учебное пособие... — СПб., 1995.

42. См.: *Даль, Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. — М., 1994. Стб.145.

43. На эту сторону «Письма» обращает внимание М.Я. Геллер: оно «начинает поворот в отношении к русской истории. Сталин указывает, что историю европейского марксизма следует писать с точки зрения русских большевиков... И не западным марксистам давать уроки русским товарищам, а наоборот». — *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. Кн. первая. — М., 1995. С.283.

44. К изучению истории. — М., 1937. С.22, 36, 38, 39 и др.

45. См. об этом: *Артизов А.Н.* Николай Николаевич Ванач (1899–1937 гг.) //Отечественная история, 1992, № 6; *Литвин А.Л.* Без права на мысль: Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. — Казань, 1994.

46. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.IV. С.163.

47. См.: Тезисы фракции Общества историков-марксистов «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период» //Историк-марксист, 1931. Т.21; *Покровский М.Н.* О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период //Историк-марксист, 1931. Т.21.

48. См.: *Пионтковский С.А.* Великодержавные тенденции в историографии России //Историк-марксист, 1930. Т.17; *Его же.* Великодержавная историография последнего десятилетия //Историк-марксист, 1930. Т.17–18; *Его же.* Буржуазная историческая наука в России. — М., 1931.

49. См.: *Бухараев В.М.* Концепция «двух революций» в Октябре как историографический феномен //Октябрьская революция. Народ — её творец или заложник? — М., 1992.

50. *Сталин И.* Собр. соч. Т.11. С.83.

51. Эти факты, изложенные на основе официальных данных, сгруппированы Дж. Бофой — См.: *Боффа, Джузеппе.* История Советского Союза. В 2-х т. Т.1. 1917–1941. — М., 1990. С.395–396.

52. КПСС в резолюциях и решениях... Т.5. 1929–1932. — М., 1984. С.128.

53. ГАРФ. Ф.5143. Оп.1. Д.614. Л.44, 46.

54. *Сануков К.* Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты //Финно-угроведение. 1994. № 1. С.17.

55. *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. В 15-и тт. — М., 1949. Т.13. С.523.

56. Выражение А.Л. Янова. — *Янов А.* Иваниана //Нева, 1992. № 5–6. С.287.

57. См.: Правда. 1937, 8 сентября, 1938, 23 мая, 24 мая, 5 октября, 1939, 13 июля.

58. *Laqueur, Walter.* Russia and Germany Hitler's Mentors. Problems of Eastern Europe, 1991. P.247.

59. Там же.

60. Там же.

61. См.: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941. — М., 1997. С.128.

62. Записка Г. Александрова, М. Иовчука Г.М. Маленкову от 7 октября 1944 г. — Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф.17. Оп.125. Д.290.

63. Постановление Татарского ОК ВКП (б) О статье Н. Исанбета «500-летие народного эпоса...» от 28 ноября 1944 г. — Там же. Ф.71. Оп.25. Д.2710. Л.1–2.

64. Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 25–26 апреля 1946 г. в городе Москве (по стенограмме). — Казань, 1948).

65. Официально выверенная в середине 40-х гг. концепция этногенеза казанских татар была положена в основу описания средневековой истории Татарии в учебнике, подготовленном на рубеже 40–50-х гг. Хотя и в тенденциозной форме, его авторы верно отразили идейно-политические мотивы, которыми руководствовались представители тюрко-татарского просвещения начала XX в. в своих интерпретациях истории Улуса Джучи: золотоордынскую концепцию защищали «буржуазно-националистические историки» — идеологи татарской агрессивной буржуазии. В трудах последних Золотая Орда рассматривалась как «единое татарское государство», за восстановление которого и следует, по их мнению, «вести борьбу». — История Татарской АССР. Т.I. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. — Казань, 1951. С.8. В современной национальной историографии Татарстана культивируется золотоордынская версия. Тем самым восстанавливаются подходы не только дореволюционной тюрко-татарской мысли, но и национальной историографии коммунистической Татарии 20-х гг. См.: Материалы по изучению Татарстана. (Сборник статей). Вып. II. — Казань, 1925. Однако часть национальных историков продолжает настаивать на камско-булгарской концепции, за которой, строго говоря, более значительная научно-исследовательская традиция. См.: Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995; *Мишталов З.З.* Курс лекций по истории татарского народа. — Казань, 1998. Объяснение этой «трещины» в современном татароведении не сводится к единому. Во всяком случае, кроме собственно научных

аргументов и особенностей этнической идентификации татарских интеллектуалов, одним из её оснований является борьба групп интересов внутри научного истеблишмента, «старая» часть которого («булгаристы») оказалась оттеснённой от идеологического обслуживания современного режима на вторые роли новой генерацией историков («ордынцев»). Это «противостояние» оформилось и организационно: Отделение гуманитарных наук АН Татарстана, ИЯЛИ им. Ибрагимова ориентируются на болгарскую идею; Институт истории АНТ — на золотоордынскую.

66. Отчет ЦК КП (б) Казахстана об идейно-политической работе в партийной организации, декабрь 1944 г. — РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.311. Л.123.

67. Там же.

68. Записка В. Потёмкина тов. А.А. Жданову о перечне основных проблем для освещения в журнале «Большевик» от 28 августа 1944 года. — Там же. Ф.77. Оп.4. Д.8. Л.14.

69. Записка П. Федосеева тов. А.А. Жданову на аналогичную тему. — Там же. Л.26–27.

70. Правда. 1945, 25 мая.

71. Там же.

72. Стенограмма совещания в ЦК ВКП (б) по кино от 26 апреля 1946 года. — РГАСПИ. Ф.17. Оп.121. Д.458. Л.83.

73. Там же. Л.87.

74. Стенограмма собрания актива Ленинградской партийной организации от 15 августа 1946 года. — Там же. Д.812. Л.30–37.

75. Чернов Ф. Пролетарский интернационализм и буржуазный космополитизм /Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Москве. — М., 1951. С.3, 24, 26.

76. См. об этом, напр.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.2. — М., 1997. С.97–101.

77. Там же. С.294.

78. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. — М., 1941. С.3.

79. См.: Исторический журнал. 1942. № 10. Во время обсуждения книги Рубинштейна автор рецензии Вайнштейн признал ошибочной свою «хвалебную рецензию» — См.: *Вотиков А.* Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна... //Вопросы истории, 1948. № 6.

80. Вопросы истории //1948, № 6, С.134.

81. История гражданской войны в СССР. Т.1. — М., 1936. С.12.

82. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М., 1938. С.156. Впервые приступил к критическому анализу сталинских оценок, касающихся уровня буржуазного развития России, К. Н. Тарновский, воспользовавшийся «оттепелью» начала 60-х гг. Последовала реакция идеологических инстанций: Тарновский попал в опалу.

83. К изучению истории. — М., 1946. С.44.

84. Рубинштейн Н. Основные проблемы построения русской историографии //Вопросы истории, 1948. № 2. С.92.

85. Вопросы истории, 1948. № 6. С.127, 129 и др.

86. Вопросы истории, 1948. № 12. С.3–4.

87. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. — М., 1989. С.123.

88. РГАСПИ. Оп.3. Д.122. Л.7–19.

89. Правда. 1950, 24 мая.

90. Советское общество... Т.2. — М., 1997. С.143.

91. Панкратова А. Великий русский народ. Изд. 2-е, доп. — М., 1952. С.4.

92. Советское общество... Т.2. — М., 1997. С.142. (Автор раздела Г.В. Костырченко).

93. Матюшкин П.И. СССР — страна великого содружества народов. — М., 1953.

94. Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник /Под ред. И.И. Минца. — М., 1982. С.319.

95. См.: Дзюба, Иван. Интернационализм или русификация? Пер. с украинского. — Амстердам, 1970. С.15–16, 51.

96. XXV съезд КПСС. Материалы и документы. — М., 1976. С.183.

97. См.: Ericson E.H. Life history and the historical moment. — N. Y., Norton, 1975.

98. Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. — СПб., 1993. С.37.

99. На Первой конференции историков-марксистов рассматривались прямо или косвенно вопросы развития украинской, армянской, грузинской, азербайджанской и среднеазиатской историографий. В этом ряду отсутствовала тюрко-татарская историческая мысль, опиравшаяся на традицию, формирование которой восходит к первой половине XIX в., а в 20-е гг. XX в. институционализируемая в учебных и научных сведениях, краеведческих обществах, прежде всего в Казани и Уфе. См.: Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век). — Казань, 1991; Валева Р.М. Казанское

востоковедение: Истоки и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). — Казань, 1998. Дело не только во второстепенном статусе Татарии и Башкирии — автономных республик. Идеи этнокультурного развития тюркского этноса в Среднем Поволжье, в непосредственной близости от политических цитаделей советской системы, изначально встречали негативное отношение большинства партийно-государственных руководителей.

100. В советской историографии это научное заведение именовалось «идеологическим центром украинской националистической контрреволюции». — СИЭ, Т.4. — М., 1963. Стб.858.

101. Историография истории Украинской ССР. — Киев, 1986. С.4.

102. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. С.431, 434.

103. Там же. С.456.

104. Оценки и характеристики процессов культурно-исторического развития своих этносов, национальными историками зачастую явно завышенные, сигнализировали о высоких фоновых ожиданиях постреволюционных национальных интеллектуальных элит, их видении предстоящей социомодернизации как национальной эмансипации. Так, татарский историк, посвятивший свой материал деятельности тюрко-татарского просветителя Насыри, видит в этой фигуре учёного-энциклопедиста сродни Ломоносову. Культурно-экономический подъём татарского народа конца XVIII — второй половины XIX вв. он сопоставляет с западно-европейским Возрождением XV–XVI вв.: «то же освобождение в области религии, отрицание догматизма и средневековой схоластики, рационализм и стремление к знанию, наконец, пробуждение национального самосознания, когда этнографическая единица в виде народности начинает себя осознавать как капиталистически-организованную самостоятельную национальную единицу». — *Рахим, Али (Абдурахманов)*. Кайом Насыров (к 100-летию со дня рождения) //Вестник научного общества татароведения. 1925. № 12. С.7.

105. Беседа тов. Сталина с украинскими писателями от 12 февраля 1929 г. (стенограмма). — РГАСПИ. Ф.558. Оп.1. Д.4490. Л.7–9.

106. Там же. Л.6–33.

107. СИЭ. Т.4. — М., 1963. Стб.857.

108. СИЭ. Т.5. — М., 1963. Стб.145.

109. См.: *Санцевич А.В.* Концепция истории Украины М.И. Яворского и судьба учёного //Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. — М., 1996; Украинский исторический журнал, 1990. № 8.

110. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов... С.432.

111. Там же. С.434.

112. Там же. С.440.

113. Там же. С.461, 466.

114. Там же. С.461, 465–466.

115. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.7. 1938–1945. Изд. 9-е, доп. — М., 1985. С.518.

116. См.: *Султанбеков, Булат*. История Татарстана: страницы секретных архивов. — Казань, 1994.

117. *Дьяконов М.* [Рец. кн.: *Гафуров Б.* История таджикского народа в кратком изложении. Т.1. — Сталинабад, 1947 (на тадж. языке)] //Вопросы истории, 1948, № 7. «Рецензируемая книга является первым опытом написания истории таджикского народа и принадлежит перу таджикского историка и общественного деятеля...».

118. В извещении о кончине историка С.И. Джанашиа говорилось, что он «отражал кипение грузинской научной общественности...». — Вопросы истории, 1948. № 1. С.159.

119. Вопросы истории. 1948, № 6.

120. *Шестаков А.* Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» //Историк-марксист. 1937. № 3. С.91.

121. Там же.

122. Там же.

123. *Авторханов А.* С.47–48.

124. Правда. 1937, 22 августа.

125. БСЭ. Т.30. — М., 1937. С.590–591.

126. См.: Вестник АН СССР. 1952. № 5. С.30.

127. См.: История СССР. Т.2, под ред М.В. Нечкиной, ср. 1-е изд. со 2-м изд. 1949; Письмо Вяткина в журнал «Вопросы истории». 1952. № 2. С.157.

128. Литературная газета. 1947, 12 июля.

129. См.: Вестник АН СССР. 1952. № 5.

130. Там же.

131. Там же.

132. Правда. 1952, 27 февраля.

133. *Сахаров А.М.* О значении отечественной истории //История СССР. 1965. № 4. С.3–12.

134. Там же. С.10.

135. Большевик. 1951. № 8.
136. Записка В. Кружкова и В. Степанова М. Суслову 3 января 1951 года. — РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.451. Л.78–83.
137. См.: Вестник АН СССР. 1952. № 5.
138. Стенограмма совещания по вопросам истории в ЦК ВКП (б) в 1944 году //Вопросы истории. 1996. № 2. С.81–82.
139. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.361. Л.5; О других противоречиях см.: *Bordiougov Gennady. War and Peace: Stalin's Regime and Russian Nationalism //History Today. Vol.45(5). May 1995; Ego же. Большевики и национальная хоругвь //Родина. 1995. № 5.*
140. Вопросы истории. 1949. № 2.
141. См.: История таджикского народа. — Душанбе, 1949. С.9.
142. Вопросы истории. 1950. № 11.
143. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.222. Л.19.
144. Там же. Л.2–5.
145. Письмо Г. Александрова тов. Жданову за январь 1945 года. — РГАСПИ. Там же. Оп.125. Д.340. Л.20.
146. Там же. Л.21–23.
147. Там же. Л.66–71.
148. Вопросы истории. 1950. № 8. С.127.
149. Там же. 1951. № 9. С.76–96.
150. Там же. № 4. С.9.
151. См., к примеру: БСЭ. 1950. Т.2. С.426.
152. Вестник АН СССР. 1952. № 5. С.46.
153. История СССР. 1972. № 3. С.40.
154. История СССР. 1972. № 3. С. 40; № 6. С.40–41.
155. *Сахаров А.* Русский национализм: истоки, особенности, этапы. Размышления, вызванные статьёй Джеймса Биллингтона «Россия между мечтой и кошмаром» //НГ-Сценарии, № 1, 1992.
156. Вопросы национально-государственного конструирования в среднеазиатском регионе разработаны Александром Бенигсеном в работе «Мусульмане в России», изданной в Париже в 1983 г. на русском языке. Главы из книги с предисловием его дочери Фанни Бенигсен-Брайан перепечатаны в историко-аналитическом офицозе Республики Татарстан «Панорама-Форум» в середине 90-х гг. Бенигсен полагал, что в послевоенные десятилетия воспоминание о борьбе мусульманских коммунистов против Сталина всё ещё очень живуче и является, вместе с другими национальными преданиями, от Тимура до Шамиля, одним из элементов скрытого национализма нового класса мусульманской интеллигенции в СССР. — Панорама-Форум, 1995. № 2. С.86. См. также: *Bennigsen A. Islamic or Local Consciousness among Soviet Nationalities. — Soviet Nationality Problems. — N. Y.—London: Columbia University Press. 1971. P.168–182; Monteli V. Les musulmans sovetiques. — Paris, 1957; Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. — Cambridge (Massachussets), 1960.*
157. См.: *Каппелер А.* Ук. соч. С.15.
158. *Смоленский Н.И.* Возможна ли общеисторическая теория //Новая и новейшая история. 1996. № 1. С.5.

ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве

*Сергей Константинов,
Александр Ушаков*

Распад СССР привёл к кардинальному пересмотру историографических, философских концепций, обосновывавших исторические закономерности складывания новой исторической общности — советского народа. От всех этих концепций не осталось камня на камне. Волны национализма вынесли на поверхность политического бытия агонизирующего Советского Союза массу старых и новых националистических идеологий. Всех националистов объединило стремление покончить с государством «Советский Союз» и с мифологемой «советский народ».

Теперь, когда грандиозный миф о новой исторической общности «советский народ» разрушен, на его месте возникли иные исторические представления народов друг о друге, в которых реанимировались и получили мощный импульс развития, казалось бы, изжитые советским режимом исторические концепции (например, концепция М.С. Грушевского на Украине), вышли загнанные вглубь тем же режимом национальные архетипы, часто несущие в себе конфликтные этнические доминанты. Этот процесс закономерен. То, что некоторым политологам и этнологам, в частности, В. Тишкову, в обретении и защите национальной идентичности для гражданского общества кажется «ошибочным» и «саморазрушительным», например, наличие фундаментальных архетипов в виде этносов и изначальная принадлежность к ним людей, потребность этносов в строгом наборе общеразделяемых характеристик и ценностей, в солидарной защите от внешних угроз и чувстве отчуждения от других этносов(1), является необходимым императивом жизни наций, особенно тех, чьё существование не могут обеспечить правовые нормы гражданского общества, всё более обретающие после распада СССР характер двойных стандартов в отношении многих разделённых народов — русских, аварцев, лезгин, осетин, турок-месхетинцев и других. Думается, что подходить к проблеме национальных архетипов, национализма, национальной истории, национальных мифов сквозь призму любых универсальных правовых норм гражданского общества или столь же универсальных норм пролетарского интернационализма неверно, ибо те и другие нивелируют национальное, подчиняют его абстрактным интернациональным величинам — неважно, правам человека или кодексу строителя коммунизма. Уместно вспомнить, что Н.А. Бердяев видел опасность интернационализма (и либерального, и коммунистического) в игнорировании того факта, что «нация есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса... В национальном бытии и национальном сознании

есть религиозная основа, религиозная глубина... Национальное сознание консервативно не потому, что оно враждебно творчеству, а потому, что оно охраняет подлинную жизнь, ценную жизнь от смертоносных истреблений грядущего; оно признаёт наших дедов и отцов, наших предков столь же живыми, как и нас самих, как и грядущих потомков наших»(2).

Наличие иррационального фактора в национальной жизни, сложные религиозные проблемы, древние национальные обычаи, составляющие основу национальных архетипов, к сожалению, недостаточно принимаются во внимание при исследовании этнической проблематики. Эту работу ещё предстоит проделать. Уместно, думается, вспомнить об одном предостережении Карла Густава Юнга: «Наша мания рациональных объяснений, очевидно укоренена в нашем страхе перед метафизикой: ведь обе эти крайности были и остаются враждебными друг другу “неразлученцами”. Посему, любая неожиданность, надвигающаяся на нас из тьмы, представляется нам либо как галлюцинация, то есть нечто ложное. В уме современного человека лишь в последнее время забрезжила мысль о том, что нечто, приходящее извне, также может быть реальным и истинным»(3). Поскольку мы имеем дело с историческими образами, которые могут конструироваться под воздействием не только рациональных, сознательных, но и иррациональных, бессознательных факторов, то мы не должны пока делать скоропалительных выводов, подгонять факты под схемы модных или немодных западных или российских авторов. Поэтому, для начала, в качестве первого шага к изучению заявленной проблемы мы хотим проследить основные закономерности формирования исторического образа России на постсоветском пространстве и аналогичного процесса в СНГ на основе изучения влияния на эти процессы геополитических изменений на постсоветском пространстве, идеологических проектов национальной элиты, концептуальных построений историографии и восприятия новых исторических образов общественным мнением.

Рубеж 80–90 гг.: новые парадигмы восприятия прошлого

В период 1988–1991 гг. одной из центральных тем обсуждения не только историков и вообще ученых, но и широкой общественности стала тема деформаций межнациональных отношений в СССР, в первую очередь, преступлений и теоретической несостоятельности «сталинизма» в национальной политике страны. Это обсуждение, а самое главное, его результаты, в частности, публикация строго засекреченных документов из архивов о многочисленных репрессивных акциях сталинского режима против народов, а также активное внедрение в общественное сознание идеи о необходимости скорейшего преодоления «сталинизма» в теории и практике национальных отношений были итогом деятельности, прежде всего, учёных Москвы и Ленинграда, обладавших тогда монополией на доступ к соответствующим архивным документам и задавших тон в обсуждении всех этих проблем в широких СМИ.

Такие исследователи, как Э.А. Баграмов, Е. Анисимов, Н.Ф. Бугай и др. не только в научной литературе, но и в СМИ, причём в наиболее читаемых изданиях, в течение 1988–1991 гг. утверждали не только тотальное неприятие сталинской национальной политики, но пытались найти рецепты спасения для разваливающегося СССР в ленинском наследии, в призывах использовать положительный опыт решения на-

ционального вопроса периода НЭПа(4). Историки метрополии, мэтры столичных институтов сделали очень многое и для того, чтобы внушить обществу неприятие не только сталинского унитаризма, но и придать сугубо негативное значение самим понятиям «империя», «имперское мышление», опять же из убеждения в абсолютной правоте ленинского наследия на все случаи жизни — это было естественное состояние исторической науки того времени, многие представители которой действительно верили в возможность спасти Советский Союз, очистившись от «сталинщины», вдохнув в смертельно больное тело советского государства живительные соки ленинизма. Поэтому критика «имперских стереотипов» государственного сознания распространялась не только на Сталина, но и на ненавистную Ленину «тюрьму народов» — Российскую Империю и её деятелей.

Появляются публикации историков, в которых процесс образования Российской Империи представляется целью перманентных преступлений царизма против народов. В компанию тирана Сталина и его соратников попадают антигерои эпохи «так называемого собирания земель» — Пётр I, Екатерина II, генерал А.П. Ермолов и даже дипломат А.М. Горчаков(5).

Этот нехитрый приём — усилие отрицательного образа лидера и его политики проведением исторических аналогий, — опробованный советскими историками на Сталине, ныне успешно применяется на постсоветском пространстве для поддержания отрицательного исторического образа России. Кроме того, практикуется поиск «здравых» мыслей по национальному вопросу не только у политических противников Сталина из лагеря «национал-уклонистов», но и у политических противников большевиков из стана националистических партий. В учебнике «Наше Отечество. Опыт политической истории», явившегося первым опытом пересмотра отечественной истории в пору агонии советского государства, утверждалось, что националисты «во многих ситуациях разбирались тоньше, и куда грамотнее, чем руководящие деятели РКП (б), в подтверждение чего приводились сюжеты с положительными характеристиками М.С. Грушевского и башкирского националиста З. Валидова(6). Вполне обоснованный научный интерес к деятельности и идеологии националистов в плоскости публицистики обрёл в 1989–1991 гг. нездоровые черты.

Приведём только один из многочисленных примеров на эту тему. В интервью газете «Московские новости» (октябрь 1989 г.) народный депутат СССР от Львова, член КПСС, поэт Ростислав Братунь, рассказывая о сталинских репрессиях на Западной Украине, положительно отозвался о деятельности Украинской Повстанческой Армии в годы второй мировой войны, представив её защитницей украинцев «до самого прихода Советской Армии», а также осудил высылку из Галиции в период первой мировой войны львовского митрополита А. Шептицкого(7), не сказав, конечно, ни слова о том, что Шептицкий был тогда кадровым австрийским офицером и активным агентом Ватикана, стремившегося оторвать Галицию от России.

Ответной реакцией на активные попытки реабилитации националистических движений в оппозиционной Горбачёву прессе явились публикации документов о коллаборационистских силах в годы Великой Отечественной войны с соответствующими комментариями военных историков, сотрудников партаппарата и КГБ в органах ЦК партии — «Правде» и «Известиях ЦК КПСС», в «Военно-историческом журнале» Министерства обороны. В научных кругах эта инициатива не встретила поддержки, что видно хотя бы из упоминавшегося выше учебника «Наше Отечество», где в разделе о второй мировой войне давалась статистика 1941–1944 гг. жертв сталинских депортаций народов, но абсолютно ничего не говорилось о коллаборационистских националистических силах, воевавших на стороне гитлеровцев(8).

Таким образом, переосмысление истории народов СССР в России 1988–1991 гг. создавало в российском обществе своеобразный «комплекс вины» за своё «имперское» прошлое, чувства покаяния перед «наказанными» народами.

В республиках СССР по мере усиления в них дезинтеграционных процессов в период 1988–1990 гг. исторический образ России приобретал всё более отрицательные черты. Подвергаются пересмотру выборочные фрагменты советской истории, в первую очередь, вхождение в СССР в 1939–1940 гг. Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины. Прибалтийские историки одними из первых обосновали и широко распространили утверждение о нелегитимном включении Прибалтики в Советский Союз. Более того, обретение своей государственности они связывают не с установлением Советской власти в конце 1917 — начале 1918 гг., а с её свержением националистическими правительствами в начале 1918 г. (с помощью немецких войск, что не особенно афишируется). Ещё в октябре 1988 г. Ю. Оксас дал чёткое обоснование обретению Литвой независимости: Литва обрела независимость 16 февраля 1918 г., 12 июля 1920 г. «Россия безоговорочно признала независимость литовского государства», а в 1940 г. советское правительство «стало агрессором, оккупировало страну»(9).

В 1990 г., когда отношения центра и республик начали стремительно ухудшаться, исторический образ России столь же стремительно обретал абсолютно отрицательные черты. Страной-агрессором, душителем национальной независимости она предстает уже не только со времён Сталина, но и с досоветского периода. Верховный Совет Молдавской ССР в июне 1990 г. в своём документе (в работе над которым активно участвовали и историки) — заключении по политико-юридической оценке советско-германского пакта о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины, указал на то, что свою государственность Молдова потеряла не в 1940, а «в 1812 году, когда Бухарестским мирным договором... Россия расчленила государство Молдова, аннексировав территорию между Прутом и Днестром»(10). Тогда же, в июне 1990 г., группа казахских историков во главе с академиком АН Казахской ССР М. Назыбаевым выступила на страницах казахской печати с утверждением о том, что заселение русскими отдельных земель северо-востока Казахстана шло «не на пустующих землях... а на землях истари бывших во владении казахов-кочевников»(11).

Публикация в России работы А.И. Солженицина «Как нам обустроить Россию», в которой утверждалась незаконность включения в Казахстан русских земель Южного Урала и Южной Сибири, вызвала бурную реакцию в Казахстане. Один из казахских авторов, обвиняя Россию в геноциде казахов, в частности, писал: «В памяти казахского народа жива рана, нанесённая ордой Ермака — разбойника и завоевателя»(12). Лидеры сильно активизировавшихся националистических движений пошли ещё дальше. В июне 1991 г. один из лидеров украинской националистической организации УНА-УНСО Д. Корчинский, призывая своих соратников «развалить» Россию, свёл её к историческим границам времён Ивана III (13). К моменту роспуска СССР в декабре 1991 г. исторический образ России — страны-агрессора всех времён и при всех вождях в республиках Советского Союза был демонизирован до немислимых размеров. Этот момент следует осмыслить историкам, изучающим причины распада СССР.

Крушение мифа о «тюрьме народов»

После распада СССР изучение и восприятие истории народов Союза претерпевает в России серьёзную метаморфозу. Прежние «комплекс вины» перед «наказанными» народами, сугубо отрицательное отношение к «имперскому» прошлому исчезают из сферы государственной политики и идеологии. Это было вызвано, прежде всего, резким ослаблением геополитического влияния России в странах СНГ и Балтии. Часть российской политической и интеллектуальной элиты не пожелала смириться с подобным развитием событий (вспомним хотя бы попытку Верховного Совета РФ подтвердить российский федеральный статус Севастополя в июле 1993 г.). Поэтому на государственном уровне начинают просматриваться попытки создать в России новую программу национального воспитания, в которой не предусматривается насаждение в обществе вышеназванных парадигм.

Можно сказать, что главным инициатором создания такой программы выступил в 1993–1994 гг. Председатель Комитета РФ по печати Б.С. Миронов, который ещё до прихода на этот весьма значительный пост, будучи директором крупнейшего издательства «Русская книга», активно проводил названную программу. Выпуск его издательством в 1992–1993 гг. книг таких крупнейших консервативных русских мыслителей, как К.П. Победоносцев, К.Н. Леонтьев, И.А. Ильин, а также сборника документов «Под стягом России» о вхождении в Российскую Империю народов и территорий отчасти служили внедрению в общество имперских, державных ценностей. Придя в Комитет РФ по печати, Б.С. Миронов активно выступал в прессе за новое национальное воспитание, готовил законы о борьбе с порнографией и о нравственной цензуре⁽¹⁴⁾. С уходом Миронова были свёрнуты и все его инициативы в области национального воспитания.

Переосмысление имперского прошлого России, нового исторического образа Российской Империи и СССР осуществляются в достаточно узком кругу интеллектуалов, чьи концепции пока не трансформируются в конкретные программы, доступные широкой общественности. В отличие, скажем, от Казахстана (где — ради достижения конкретных геополитических и экономических результатов — СМИ последовательно внушают населению исторический образ страны, являющейся главным звеном «Великого шелкового пути» и мостом, соединяющим Азию с Европой) в России нет такого цельного образа ни на уровне исторической науки и образования, ни на уровне СМИ.

С одной стороны, такое положение дел вполне закономерно, поскольку интеллектуальная элита России расколота на либералов и почвенников, коммунистов и демократов, центристов и радикалов, вследствие чего историческое самосознание народа не может найти устойчивые объединяющие нацию составляющие. С другой стороны, отсутствие цельного исторического образа, без которого любой стране весьма трудно найти самооценку адекватную её национальным интересам, ставит Россию в затруднительное положение во взаимоотношениях со своими партнерами по СНГ, которые — движимые стремлением как можно быстрее занять своё «место под солнцем» в Европе или Азии — как раз активно работают над своим имиджем и не страдают комплексами покаяния или неполноценности. Поэтому только последовательная государственная политика может обеспечить крушение мифа о «тюрьме народов»

и поиск цельного исторического образа, способного содействовать интеграционным процессам в СНГ.

Первые шаги в этом направлении наталкиваются на серьёзные препоны в области налаживания соответствующего сотрудничества со странами СНГ и Балтии. В 1995–1996 гг. интеграционные процессы в области образования и культуры СНГ становятся предметом разработки государственной программы, утвержденной Указами Президента Российской Федерации «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками СНГ» (№ 940 от 14.09.1995) и «О поддержке Российской Федерацией интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств» (№ 902 от 13.06.1996). Одним из стержневых приоритетов стратегии России по отношению к СНГ Указ № 940 обозначил укрепление позиций России как основного образовательного центра на территории постсоветского пространства, имея в виду необходимость воспитания молодого поколения государств СНГ «в духе дружественного отношения к России» (15). Указ № 902 содержит концептуальную посылку относительно «сохранения исторически сложившейся общности народов государств — участников Содружества Независимых Государств» (16). Такая постановка вопроса предполагает наличие взаимной заинтересованности России и стран СНГ. А этого как раз не наблюдается. В одной из аналитических записок Министерства Российской Федерации по сотрудничеству с государствами — участниками СНГ (октябрь 1997) указывается на то, что «основная причина неудовлетворительного положения дел с защитой прав соотечественников в области культуры, образования, науки в странах СНГ и Балтии состоит практически в односторонней заинтересованности России в решении данных вопросов, непризнания существования проблемы этнических россиян руководством большинства стран СНГ и Балтии, в официальном курсе, направленном на формирование моноэтнических государств.

Словом, пока не удастся решить в полном объеме вопрос об организации и открытии российских культурно-информационных центров. В 1994 г. МИД РФ совместно с Росзарубежцентром при участии Минсотрудничества подготовил проект типового Соглашения об учреждении и условиях деятельности таких центров. Проект направлен по официальным каналам во все страны бывшего СССР, проведены соответствующие переговоры и консультации. Однако российская сторона столкнулась со сдержанной позицией в этом вопросе Азербайджана, Молдавии, Узбекистана. Нет реакции на предложения Российской стороны из Государств Балтии» (17).

Сдержанная позиция и отсутствие всякой реакции на подобные инициативы России являются во многом следствием ослабления геополитических позиций страны на постсоветском пространстве. В последние годы в странах СНГ, прежде всего, среднеазиатского региона, усилилось информационное присутствие США, Великобритании, ФРГ, Франции, Турции, Ирана, Китая, Японии, вкладывающих в это присутствие значительные средства. По информации Госкомпечати РФ (октябрь 1997) в конце мая 1997 г. Турция приступила к изданию учебников с латинским шрифтом для Туркменистана, на что было выделено 3 миллиона долларов (18). Россия пока не в состоянии конкурировать с такими денежными вливаниями. В ежегодном докладе НИИ высшего образования России за 1997 г. о развитии высшего профессионального образования выражена тревога относительно полного отсутствия финансирования в 1996 и 1997 гг. правительственной программы поддержки РФ интеграционных процессов в области образования в СНГ (19).

Изучение и восприятие истории народов СССР у части российской научной элиты, имеющей определённое влияние на разработку политики РФ по отношению

к странам СНГ и Балтии, происходит сквозь призму современной, как её называют СМИ, российской «доктрины Монро». Речь идёт, прежде всего, о многочисленных публикациях члена Президентского Совета политолога А. Миграняна и директора Института стран СНГ К. Затулина (являющегося также лидером патриотического движения «Держава»), отстаивающих жёсткие подходы в политике России по отношению к странам СНГ, вплоть до предъявления им территориальных претензий и поддержки дезинтеграционных процессов в этих странах. Экскурсы в историческое прошлое народов стран СНГ, призванные обосновать конкретный политический курс, приводят к острым конфликтам. Так, доклад института «Грузино-абхазский конфликт: прошлое, настоящее, будущее», опубликованный 21 января 1998 г. в приложении к «Независимой газете» «Содружество НГ», в котором поддержка Россией Абхазии обосновывалась, помимо прочих факторов, доказательством исторического тяготения абхазов не к Грузии, а к «Северо-Кавказскому миру», вызвала протест группы крупнейших учёных Общества грузин России и даже предложение академика АН Грузии Л. Маршания потребовать «усилиями стран СНГ» добиться от международного суда в Гааге привлечения А. Миграняна и К. Затулина к уголовной ответственности за разжигание межнациональной розни(20).

При таком накале страстей культурно-исторические дистанции России и стран СНГ стали только увеличиваться. Это лишний раз подтверждалось на тех редких научных конференциях, где подымались вопросы истории взаимоотношений России и стран Ближнего Зарубежья (в частности, на мартовской конференции «Исторический опыт внешней политики России (СССР) в процессе территориального формирования Российской Федерации со странами Ближнего Зарубежья», проводимой Институтом российской истории РАН и МГИМО в 1993 г., и на майской конференции «Россия и Украина: история взаимоотношений» Института славяноведения и балканистики и Института «Открытое общество» в 1996 г.). При обсуждении острых вопросов истории взаимоотношений России со странами СНГ эмоции и стереотипы последних лет доминировали. На конференции Института российской истории и МГИМО в 1993 г. историк В.В. Александров, бегло раскритиковав известную концепцию происхождения украинской государственности М.С. Грушевского, заявил, что вся история воссоединения Украины с Россией «выдумана», поскольку речь шла не о воссоединении «несуществующего государства Украины с Россией, а о включении Запорожской сечи в состав Российского государства»; грузинский исследователь Д.В. Ватейтешвили сосредоточился на перечислении примеров невыполнения Россией условий Георгиевского трактата 1783 г.(21).

Схожая картина наблюдалась и на конференции Института славяноведения и балканистики и института «Открытое общество» в 1996 г. Если российский исследователь Б.Н. Флоря делал упор на то, что «восточные славяне в границах держав Ягеллонов, а затем и Речи Посполитой считали себя единой этнической общностью “русским народом”», то украинский историк В. Горобец высказывал традиционные для украинской историографии положения о постоянном ущемлении Россией автономии Украины(22).

Институт истории РАН и Институт истории Национальной Академии Наук Беларуси (НАНБ) заключили договор о сотрудничестве на период 1996–2000 гг. Довольно полемичным, но плодотворным, насыщенным новыми идеями получился проведённый журналом «Родина» в 1993 г. «круглый стол» на тему «Великое Княжество Литовское» с участием историков России, Беларуси, Литвы и Польши(23). Однако такого рода мероприятия всё же редкость.

Современному исследователю изучение истории народов бывшего СССР гораздо лучше удаётся в работе над публикациями документов, монографий, статей. В качестве положительных примеров можно выделить выпущенную в 1996 г. Институтом славяноведения и балканистики книгу «Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Середина XV века — 1940 г. Документы и материалы»; работы Н.А. Дьяконовой и М.А. Чепалкина «Границы России в XVII–XX веках» (М., 1995), А.Г. Кузьмина «Кто в Прибалтике “коренной”?». Эти исследования отличаются тем, что, с одной стороны, они расставляют на свои места спорные территориальные и этнические проблемы, разрушая тем самым различные националистические концепции, а с другой, — они лишены чувства или желания какого-либо национального реванша.

Однако появляются книги, не только крайне резко оценивающие «сепаратистов», но и подвергающие сомнению, а то и отрицанию, национальную идентификацию тех или иных народов. Так, М.Б. Смолин, составитель сборника документов «Украинский сепаратизм в России» (М., 1998) считает, что «национально мыслящие русские люди обязаны ради будущего русского народа ни под каким видом не признавать прав на существование за государством “Украина”, “украинским народом” и “украинским языком”. История не знает ни того, ни другого, ни третьего — их нет. Это — фетиши, созданные идеологией наших врагов»(24). Ещё более резкие высказывания только уже в адрес казахов можно почерпнуть из книги Н.В. Гунькина «Казачий кулак против экспансии инородцев», изданной в Москве тиражом 5000 экземпляров: «Редкий год в Сибири не проходил без того, чтобы какие-нибудь засранцы не восстали против русских, не желая платить ясачный налог. Подавлялись эти писки комариные легко и практически без потерь»(25). Из подобного опыта переосмысления взаимоотношений казахов и русских следует следующий стратегический прогноз: «Выход заключается в блицкриге. Молниеносная война без сомнения окажется успешной, если применять максимум новейших технологий. Всесметающий удар по войскам, скажем, Казахстана, и немедленная его оккупация, а затем опора для контроля над территорией на местное русское население, с изоляцией, при необходимости, туземцев вполне по силам России»(26).

Распространение таких изданий заполняет информационный вакуум, образовавшийся в результате отсутствия во многих учебниках и учебных пособиях качественной информации о национальных отношениях в России, а также отсутствия научно-популярной литературы на эту тему. Отсутствие качественных знаний по истории межнациональных отношений в Российской Империи и СССР вызвано во многом диаметрально противоположными трактовками этой истории в школьных учебниках. Например, в учебном пособии для учащихся 10–11 классов И.Н. Ионова «Российская цивилизация и истоки её кризиса» читаем: «Представители нерусских народностей, населяющих территорию Российской империи, презрительно именовались “инородцами”. Царское правительство не желало замечать накопившихся различий в культуре русского, украинского и белорусского народов, зачисляя их всех в разряд “русских” и не считаясь с наличием украинского и белорусского языков. Свокорыстие в национальной политике постоянно умножало противоречия между русскими и украинцами, грузинами, казахами. Однако эти противоречия замалчивались. Напротив, нормой являлось славословие в адрес Российского государства»(27). В учебнике по истории России для 8–9 классов А.Н. Боханова можно прочитать прямо противоположное: «Новые территории никогда не разграблялись, население не становилось данником далекой метрополии. Везде сохранялись существовавший до того общест-

венный уклад и привычные нормы жизни... В России не было дискриминации (различия) по национальному или расовому признаку... В XIX веке Российская империя включала сотни племен и народов, каждый из которых сохранил исконные черты, собственную культуру, традиции и обычаи»(28).

Так была ли Российская Империя «тюрьмой народов»? Занимавшийся по учебнику Ионова школьник должен ответить на этот вопрос утвердительно, а по Боханову — отрицательно. В данном случае, лишний раз подтверждается несовершенство школьного исторического образования. Плюрализм авторских концепций в школьных учебниках по истории «бьёт», прежде всего, по ученику. Что выносит он со школьной скамьи? Мы не можем оставить без внимания тот тревожный факт, что для подавляющего большинства молодых россиян история национальных отношений в России и Советском Союзе представляется запутанной, малопонятной, а часто и вообще неизвестной страницей нашего прошлого.

Исторические образы бывших республик в России, как можно увидеть, достаточно полярны, противоречивы, что вполне естественно при отсутствии цельной, доступной каждому россиянину политики и идеологии страны по отношению к этим республикам. Россия пока ещё только ищет эту политику и эту идеологию. Сколько бы ни писалось умных статей, и ни разрабатывалось новых «доктрин Монро», сколько бы ни было бы громких заявлений по Севастополю, реалии российской политики и идеологии, далеки ещё от того, чтобы эти статьи, доктрины, заявления воплотились в жизнь. Правящие и интеллектуальные элиты стран СНГ и Балтии вполне ясно определились в своём отношении к прошлому России. Это отношение складывается и под влиянием изменений, происходящих во внешней и внутренней политике России, и внутренних процессов в самих бывших республиках СССР, что видно из дальнейших разделов нашей работы. Исторические образы России на Украине, в Беларуси, странах Балтии, Казахстане, Армении и Азербайджане представляют интерес не только чисто историографический, но и аналитический. Просчитать эволюцию восприятия исторического образа России в этих странах необходимо и для взвешенной самооценки геополитических перспектив Российской Федерации на постсоветском пространстве, а также для определения её реального участия в культурной жизни этого пространства.

Проведённые среди студентов ряда ведущих экономических вузов Москвы опросы показывают следующее: молодые россияне достаточно неполно представляют географическую карту не только бывшего СССР, но и современной России, мало знают об истории бывших народов СССР(29). Только 17% опрошенных смогли назвать все бывшие республики СССР (правда, 49% правильно назвали дату воссоединения Украины с Россией — 1654 г. С тем, что деятельность Б. Хмельницкого по воссоединению Украины с Россией имела положительное значение, согласились 73%, а с тем, что отрицательное — 12). На предложение перечислить не менее восьми автономных республик Российской Федерации правильно смогли ответить 35% опрошенных (иногда в качестве автономных республик РФ назывались Афганистан, Албания, Румыния, Чехословакия, Польша, Югославия, Китай, Монголия, а в качестве союзных республик — Татарстан, Калмыкия, Удмуртия, Чечня). С заданием назвать кого-либо из национальных героев бывших республик СССР студенты также не справились. Кроме реального Богдана Хмельницкого (его назвали 28,6% опрошенных) студенты зачисляли в национальные герои литературных персонажей (например, Тараса Бульбу вспомнили 19%) и некоторых современных политических деятелей стран СНГ (Э. Шеварднадзе, А. Лукашенко). Правда, только 8% опрошенных

согласилось признать распад СССР положительным явлением, 7% посчитали это катастрофой мирового значения, а 60% отвечавших выбрали другой вариант ответа — *в этом есть и положительные и отрицательные стороны*.

Украина

После распада СССР исторические образы России и осмысление истории российско-украинских отношений на Украине заметно отличаются в зависимости от принадлежности украинских политиков, историков, политологов и, наконец, самого населения к одной из двух политических культур — «самостийной» или «малороссийской», — как обозначил их донецкий политолог Д. Корнилов. Он, в частности, считает, что представители и той, и другой культур, принадлежащие к разным национальностям, есть во всех частях Украины, но, разумеется, в разных пропорциях. «Самостийники» не в состоянии понять, что для «малоросса» «Россия не враг. Россия не является чем-то, что противостоит Украине», — пишет Корнилов(30).

Уже простое сопоставление отношения к историческому прошлому во Львове и в Крыму показывает диаметрально противоположные от России культурно-исторические дистанции. Если во Львове становятся обычным делом акты вандализма против всего, что связано с памятью о России (в октябре 1998 года произошло сразу два таких акта — поджог библиотеки Русского общества имени Пушкина и осквернение могил советских воинов, павших в борьбе за освобождение Украины от гитлеровцев, в том числе и могилы Героя Советского Союза разведчика Николая Кузнецова)(31), то в Крыму в мае 1996 года усилиями учёных Крымского Центра гуманитарных исследований была восстановлена могила Н.Я. Данилевского(32).

Однако было бы упрощением свести все проблемы формирования исторического образа России и нового прочтения истории российско-украинских отношений только к полярным противоположностям во взглядах и действиях «самостийников» и «малороссов». Собственно, сами эти термины несколько условны. Для анализа этих проблем необходимо учитывать следующие факторы:

1. Наличие как радикальных, так и умеренных течений среди «самостийников» и «малороссов», а также наличие альтернативных взглядов в украинской политической, научной и культурной элите, выходящих за рамки парадигм и «самостийников», и «малороссов».

2. Реакцию населения Украины на исторические образы России и на новое прочтение истории российско-украинских отношений, предлагаемые государственным официозом, учёными, политиками, СМИ.

3. Перспективы резкого изменения наиболее устойчивых современных стереотипов по отношению к истории России, связанные с внешнеполитическими, экономическими, региональными, конфессиональными проблемами нынешней Украины.

Исторические образы России и новое прочтение истории российско-украинских отношений в интерпретации «самостийников» не претерпели серьёзных изменений со времён «заката» перестройки. Образ России, как «империи зла», главного врага украинской государственности и душителя украинской культуры со страниц оппозиционной националистической прессы переместился в школьные учебники, научные журналы и официальные СМИ. Огромное количество книг и публикаций, закрепляющих этот образ, объединяет настойчивое стремление части политической и ин-

теллектуальной элиты создать новый образ Украины — не только части Европы, но и великой европейской державы, становлению которой мешала и продолжает мешать Россия. Без постоянного противопоставления «чистых» славян-украинцев (основавших великое европейское государство Киевскую Русь) угро-финско-татарской общности — «москалям» (основавшим Российскую Империю, всячески подавлявшую украинцев) эта элита обойтись никак не может сейчас и не сможет в дальнейшем.

И дело здесь не в том, что подобное противопоставление ввёл М.С. Грушевский (чьи труды на Украине канонизируются «самостийниками»), а в том, что без такого противопоставления немыслимы любые идеологические проекты, направленные на утверждение Украины в качестве политического сообщества, способного занять достойное место среди ведущих государств Европы. Все усилия «самостийников» в этом направлении целиком подтверждают тезис видного немецкого мыслителя Карла Шмитта о том, что каждый народ «существует политически только в том случае..., если он при этом противопоставляет себя другим политическим общностям, как раз во имя сохранения своей специфической общности»(33). Во имя сохранения Украины, как политического сообщества, «самостийники» последовательно и масштабно формируют негативные исторические образы России, решая свои насущные идеологические задачи «на историческом фронте».

Поэтому неудивительно, что методические рекомендации украинским учителям истории напоминают идеологические передовицы партийной печати советских времён, призванных ориентировать «товарищей» в «нужном направлении». Так, издающийся на Украине с 1996 г. журнал «История в школе» открылся статьёй его главного редактора А. Трубайчука «Михаил Грушевский и истоки украинской государственности», решающей чисто идеологические, а не научные задачи. В статье утверждается, что «как в имперской, так и в большевистской и нынешней России до сих пор широко распространена среди тех представителей интеллигенции, что выступают за развитие добрососедских отношений с Украиной, традиционная имперская мысль: Украина — это часть России как и часть Российской Империи, что рано или поздно этот исторический эпизод независимости дойдет до своего “логичного” конца и Украина следом за лукашенковской Белоруссией вернётся в лоно своей старшей сестры. Такова сила инерции, сила исторической реакции на лженаучную великодержавную схему про единство истории и неразрывность интересов трёх славянских народов — украинцев, россиян и белорусов». Помимо краткого изложения концепции Грушевского, автор статьи напоминает учителям не только о «непоправимых утратах» украинского народа в период «чёрного семидесятилетия тоталитарной диктатуры», но и о том, что, обретя независимость в 1991 г., Украина стала «великой европейской державой»(34).

Подобных публикаций на Украине предостаточно. Вот, например, какая «профилактическая» работа проводится в элитарных частях Национальной Гвардии Украины. В Львовском полку, созданном на базе знаменитого в советское время полка внутренних войск, ликвидирован Музей боевой славы полка, часть экспонатов уничтожена, остальное украдено. Со здания части была снята мемориальная доска, напоминавшая воинам и гостям об участии полка в боях Великой Отечественной войны. Уничтожены могила и памятник Николая Весёлого, навечно зачисленного в списки части(35). Начальник Главного управления воспитательной работы Министерства обороны Украины генерал-майор Г. Темко вообще заявил в российской прессе о том, что «Степан Бандера, несмотря на всю его противоречивость, был не меньший патриот, чем Мазепа»(36).

Наибольших успехов в вытравливании всего русского из истории Украины радикалы-«самостийники» добились в сфере образования в западных регионах Украины, внедрив там «львовские региональные программы», которые во многом не соотносятся с республиканскими. Всей истории России в этих программах отводится примерно столько места, сколько, например, истории Азии. Программы основаны на книгах по истории (не учебниках), изданных в США и Канаде, а также до 1939 г. в Галиции. Участие украинского народа в Великой Отечественной войне в этих книгах не отражено — старшеклассники изучают «подвиги» Степана Бандеры и Украинской Повстанческой Армии(37).

Республиканские программы изучения истории, к слову, также представляют историю России в нелицеприятно-одностороннем свете. Вот, например, какую трактовку причин Октябрьской революции в России предлагает упоминавшийся выше журнал «История в школе»: «Ситуация, которая возникла в России — борьба между различными политическими группами больше всего устраивала немецкий генеральный штаб... Его главной целью было как можно быстрее вывести Россию из войны. И для этого немецким генералам требовалось найти в России силу, которая бы пассивно или активно выполняла там функцию союзника... Ею были большевики. Поэтому немецкое командование всячески помогало транспортированию из Швейцарии через всю Германию до нейтральной Швеции в “запломбированном” вагоне большевицкого вождя Владимира Ульянова-Ленина и его соратников»(38). Тиражирование из прессы 1917 г. подобных фельетонных трактовок деятельности большевиков в качестве исторического доказательства свидетельствует либо об отсутствии у этих украинских историков и педагогов полноценного исторического образования, либо о преднамеренном искажении истины по конъюнктурным соображениям.

Несмотря на то, что негативный исторический образ России, несомненно, доминирует в идеологических проектах «самостийников», не каждый из них разделяет и пропагандирует такой образ. Самые дальновидные прекрасно понимают, что чрезмерное выпячивание негативных сторон истории российско-украинских отношений и тем более искусственное нагнетание русофобских настроений с помощью этого выпячивания могут причинить Украине только вред. Показательна в этом отношении позиция, заявленная редактором газеты «Голос Украины» Сергея Правденко. «Я — украинец, — говорит он, — но без Пушкина, без Лермонтова, без Толстого я плохо себя представляю и думаю, что мои дети и внуки тоже. Поэтому в Украине всегда будет соответствующая славянская среда, и украинец россиянину никогда не скажет: ты, мол, пришелец. Нет, этот край, мы в конце концов осваивали вместе. И то, что делали с нами наши правители бывшие — это одно, а человек с человеком — это другое». Правденко положительно оценил тот факт, что в 1990 г., ратифицировав декларацию о суверенитете, российский парламент «первым начал разваливать Союз»(39).

Доброжелательные высказывания в адрес России и её истории, подобно заявлению редактора одной из крупнейших украинских газет, отражают позицию умеренных «самостийников», чья умеренность заключается в осознании необходимости тесного экономического сотрудничества Украины с Россией для оздоровления украинской экономики. Здесь русофобии не место. Поэтому, Правденко заявляет, что ни в коем случае из Украины русские не должны уезжать, поскольку «тут они полноправные хозяева, граждане, тут уважают их язык, их культуру» и потому «роль России была бы благодарной в будущем, это ей бы отработалось, если бы она помогла славянским государствам встать на ноги»(40). Здравый экономический прагматизм уме-

ренных «самостийников» вносит свои перспективы в формирование исторического образа России и в новое прочтение истории российско-украинских отношений.

В частности, появляются публикации, указывающие на экономические достижения Украины, достигнутые ею в советское время, не совпадающие с вышеупомянутыми установками журнала «История в школе» о том, что советский период в истории Украины был «чёрным семидесятилетием большевистской тоталитарной диктатуры», принесшей украинскому народу только «непоправимые утраты» и ничего больше. В русскоязычной газете «Киевские новости» в мае 1998 г. была опубликована научно-популярная статья «Украина в годы Тигра в XX веке», из которой читатель узнал, что несмотря на ведущую роль командно-административной системы и идеологического фактора, «Украина к 1960 году вновь стала одной из ведущих индустриальных стран Европы», к 1975 г. 73% работающего населения УССР имели среднее или высшее образование, а до 1986 г. оставалась «тенденция среднегодового прироста основных показателей в сельском хозяйстве. Так, если в 1981–1985 гг. он был равен только 0,5%, то в 1985–1986 гг. — 3,5%»(41).

Осторожный оптимизм вызывают пока ещё единичные попытки профессиональных украинских историков найти новые подходы к изучению истории российско-украинских отношений, свободных от стереотипов, заданных «самостийниками». На научной конференции «Россия и Украина: история взаимоотношений», проходившей в Москве в мае 1996 г., аспирант Киевского университета К. Галушко предложил российским и украинским историкам преодолеть прежние стереотипы по отношению друг к другу с помощью методологии украинского историка, социолога и политолога В. Липинского (1882–1931). Корень конфликта русских и украинцев Липинский видел «в несовпадении образа жизни, социальной организации, политической и правовой культур, а не в том, что одни были украинцы, а другие русские. В границах этого видения перспектива отношений выглядит как работа каждого “над собой”, высвобождение в Украине и России гражданского общества из объятий нивелирующего государственного контроля, наполнения государства новым позитивным смыслом как гаранта стабильности (а не сверхсимвола и воплощения мифа могущества), осознание идеи общественного консенсуса, попытка избавиться от комплексов неполноценности»(42).

В политической культуре, условно названной «малороссийской» мы также видим различные подходы к осмыслению истории российско-украинских отношений. Для всех «малороссов», чьё влияние особенно сильно в Крыму, на северо-востоке Украины и в Закарпатье, характерно острое неприятие радикализма «самостийников», но из этого неприятия вовсе не вытекает однообразное культурно-исторические дистанцирование по отношению к России. Если в Крыму широко распространены пророссийские настроения, доходящие до стремления выйти из состава Украины и воссоединиться с Россией, то в Закарпатье часть оппозиционной Киеву элиты идентифицирует себя со Словакией, часть — с независимым автономным существованием в тесном союзе с Россией. Исходя из этих геополитических устремлений, «малороссы» конструируют свои идеологические проекты. Остановимся на этом подробнее.

14 апреля 1995 г. выступая в Государственной Думе России, тогдашний председатель Верховного Совета Автономной Республики Крым С.И. Цеков заявил о том, что «зачистка» всех структур власти и изменение административного статуса, произошедшие в Крыму в ноябре 1994 г. по инициативе Киева, показали «в первую очередь, неуважение к России. Когда в 1954 г. Крым был передан в состав Украинской ССР в честь юбилейной даты — 300-летия воссоединения двух братских народов, —

никто не мог предположить, что спустя 40 лет крымчане окажутся отрезанными от своей родины — России»(43).

Столь откровенная идентификация крымчан с Россией, выраженная в этом высказывании, широко распространена в Крыму. Согласно данным опроса, проведённого сотрудниками Крымского Центра гуманитарных исследований (КЦГИ) в 1994 г., на вопрос «Каким вы видите будущее Крыма?» 31% крымчан ответили — *в рамках бывшего СССР*; 43% — *в составе России*, 17% *хотят видеть Крым самостоятельным государством*, и только 9% *связывают будущее Крыма с его существованием в составе Украины*(44). Сами же сотрудники упомянутого выше Центра являются, в подавляющем большинстве, *твёрдыми сторонниками воссоединения Крыма с Россией*. Директор института геополитики КЦГИ С.Н. Киселёв и исполнительный директор КЦГИ Н.В. Киселёва в своей книге «Размышления о Крыме и геополитике» доказывают, что «Россия и состоялась собственно как империя в борьбе за обладание Крымским полуостровом и Чёрным морем. Потеря Крыма и Севастополя — моральный укор, удар по памяти русского народа, потому что Крым это не только база Черноморского флота, курорт, здравница и музей под открытым небом. Крым — это символ государственной полноценности России... Географическое положение Крыма обеспечивает ему центральное положение по отношению к районам старых и новых конфликтов в Причерноморье, Восточном Средиземноморье, Передней Азии и на Кавказе. Обладание Крымским полуостровом позволяет осуществлять стратегический контроль над одним из важнейших геополитических узлов на политической карте мира. Поэтому легкость, с которой Россия отказалась в 1991 году от своих прав на Крым, вызывает не просто удивление, а недоумение... Возрождённой России для обеспечения своих интересов в Европе рано или поздно придётся всё же потребовать возвращения Крыма в её состав»(45).

Если значительная часть крымчан, действительно, болезненно воспринимает свою оторванность от России и максимально стремится сократить культурно-историческую дистанцию по отношению к своей подлинной Родине, то закарпатские русины (за исключением тех, кто идентифицирует себя со словаками, как, например, Общество подкарпатских русинов, обратившееся в январе 1992 г. в чехословацкий парламент с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении автономии русин в составе Чехословакии) добиваются, прежде всего, утверждения своей этнической идентичности путём требований об образовании своего государства. Председатель Подкарпатской республиканской партии В.В. Заяц обосновывает эти требования тем обстоятельством, что «украинский национализм, процветающий во Львове, препятствует нашему объединению с Россией»(46).

Борьбу за обретение своей государственности В.В. Заяц и его сторонники считают первым шагом к объединению не только с Россией, но и с другими славянскими народами. В.В. Заяц делит идеологию общеславянского единства на две составные части: на малую идеологию руссов (великороссов, украинцев, белорусов, карпатороссов) и на большую идеологию общеславянского масштаба(47). Он также стремится доказать, что русины не только один из древнейших славянских народов, но и народ, наиболее близкий по духу и культуре русским. В.В. Заяц указывает на то, что «в России на поприще науки работали десятки наших земляков» — русинами были ректор Санкт-Петербургского Университета М. Балудянский, декан юридического факультета этого университета П. Лодий, ректор Санкт-Петербургского Педагогического института, оказавший большое влияние на Н.В. Гоголя В. Кукольник, редактор «Всеобщего журнала врачебной науки» И. Орлай и другие учёные, проделавшие ог-

ромную работу «по созданию научной терминологии в русском языке»(48). Таким образом, политическая культура «малороссов» при всех различиях её носителей стратегически ориентирована на сохранение общего культурно-исторического пространства России и Украины.

Обратная реакция населения Украины, особенно русских, на исторические образы России, формируемые государственной системой образования, наукой, политиками, СМИ отчасти уже освещена нами на примере деятельности ученых Крымского Центра гуманитарных исследований и Подкарпатской Республиканской партии. Для того, чтобы исследовать этот вопрос глубже требуются отдельные социологические исследования. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, так это то, что значительная часть русских, живущих на Украине, категорически не принимает все действия властей, направленные на украинизацию всех сфер жизни государства. Этот факт, хотя и с оговорками, признают некоторые украинские аналитики. Е. Малиновская — специалист Государственного Комитета Украины по делам национальностей и миграции — выражает опасение, что поскольку русским трудно «понять стремление украинского народа к независимости», постольку «некоторые поспешные действия украинских национал-романтиков не только не способствуют такому пониманию, но настраивают часть русского населения против государственности Украины». Далее она приводит данные социологических опросов, свидетельствующих, что среди русских на Украине вдвое больше сторонников восстановления СССР, чем среди украинцев, и 60% из них высказываются за двойное гражданство(49). Доцент кафедры социологии Харьковского государственного университета О. Куценко приводит данные 1994 г. опроса населения северо-востока Украины (в котором она сама участвовала) по репрезентативной выборке (1200 человек), по результатам которого почти 1/3 респондентов *по-прежнему считают себя гражданами СССР*, каждый десятый *идентифицировал себя с СНГ*, и только 16% опрошенных *отнесли себя к гражданам независимой Украины*(50). Подобные исследования свидетельствуют о серьёзных проблемах политики украинизации, неотъемлемой частью которой явилось насаждение негативного исторического образа России — душителя украинской государственности и культуры.

Ряд факторов указывает на то, что этот образ может на Украине не прижиться. Во-первых, это зависит от того, насколько эффективно украинское государство сможет справиться не только с устойчивыми центробежными устремлениями части населения и элиты Крыма, Закарпатья, северо-востока Украины, но и с таким довольно непредсказуемым фактором политической жизни страны, как поведение политической элиты крымских татар. Украинские «самостийники» ввели политическую аксиому: «Крым — родина крымско-татарского народа», долгое время игравшую на Киев, но вот 8 июля 1996 г. III Курултай крымско-татарского народа объявил о возможности перехода Курултая на российскую сторону, если Меджлис крымских татар не включат в структуру органов государственной власти Крыма. А вдруг эта угроза станет политической реальностью? Какие исторические аргументы станут искать противоборствующие стороны для пропаганды своих взглядов среди населения? Вопрос открытый. Во-вторых, нет никаких гарантий, что радикальные «самостийники», заложившие в основу новой украинской идеологии резко отрицательный исторический образ России, утвердились во власти всерьёз и надолго — последние выборы в украинский парламент показали, что левые социалистические партии (и, неожиданно для многих, партия зелёных) имеют больше политических шансов, чем националисты. С возможным реваншем левых на Украине становится необратимым пересмотр

многих современных антироссийских парадигм, в том числе и в области исторического образования. Коммунисты остаются верны не только своей идеологии, но и ценностям советской истории.

В-третьих, «самостийничество» всё более дискредитирует себя как политическая культура, вне всякого сомнения, из-за деятельности известных экстремистских партий (УНА-УНСО, Социал-национальной партии Украины (СНПУ)), зашедших в своих профашистских теоретических изысках совсем в другую сторону от РУХа и других национал-демократических партий. Участие УНСО в боевых действиях в Чечне на чеченской стороне, провоцирование беспорядков в Киеве в 1995 г. во время похорон патриарха Владимира неканонического Киевского патриархата, избивание активистами СНПУ ветеранов Великой Отечественной войны 9 мая 1997 г. во Львове — политическая активность этих «национал-романтиков» экстремистского толка множена на претензию установить ни больше ни меньше «украинский мировой порядок»(51). Не пресекаемые официальным Киевом, эти воинственные партии широко тиражируются СМИ (особенно ТВ), что создаёт в общественном мнении России благоприятную почву для идентификации политического экстремизма УНСО, СНПУ и других подобных организаций с политикой украинизации, перегибы которой (в той же области исторического образования) делают украинскую молодежь лёгкой добычей экстремистов, берущих пример с того же Степана Бандеры.

Гипертрофированный украиноцентризм толкает их на поиск новых врагов. В 1997 г. активисты СНПУ избили во Львове выпускников польской гимназии(52). В октябре 1998 г. перед празднованием 80-летия со дня образования Западно-Украинской Народной Республики во Львове на могилах польских солдат и офицеров, погибших во время украино-польской войны 1918–1919 гг. появились оскорбительные надписи. Чуть раньше — львовские власти запретили работы по созданию пантеона польским военным на Яновском и Лычаковском кладбищах города — сорвался визит на Украину польского президента А. Квасьневского(53). Похоже, что в украинских конфликтах вокруг могильных памятников появился ещё один долгосрочный участник — Польша.

Все эти факты свидетельствуют о том, что преднамеренное вычеркивание из истории Украины всего того, что не вписывается в идеологические проекты «самостийников», создаёт гипертрофированные негативные исторические образы России и одностороннее прочтение истории российско-украинских отношений. Это всё более отрицательно сказывается на сохранение единого культурно-исторического пространства России и Украины, а также способствует дестабилизации межнациональных отношений внутри самой Украины, от чего устали все здравомыслящие люди и в России, и на Украине. С другой стороны, в Крыму, на Северо-Востоке Украины и в Закарпатье часть политической и интеллектуальной элиты и значительная часть населения испытывают настойчивое желание максимально сократить культурную дистанцию с Россией, не идентифицируя себя с независимым существованием Украины ни в прошлом, ни в будущем.

Беларусь

Изучение формирования исторического образа России и современного прочтения истории российско-белорусских отношений в Беларуси требует освободиться от тех стереотипов российских СМИ, которые этому изучению могут серьёзно мешать.

Речь идёт, прежде всего, о формировании российским телевидением и прессой неверного, искажённого образа современного политического режима в Беларуси, проецируемого целиком на советское прошлое, создающего впечатление того, что Беларусь живёт в этом прошлом.

Весной 1997 г. в разгар борьбы вокруг подписания Устава Союза России и Беларуси противники этого союза рассматривали через российские СМИ саму идею интеграции двух стран как бегство в жуткое сталинское прошлое, Беларусь — рудиментом СССР, а её президента — выразителем самых реакционных коммунистических взглядов. С. Шахрай, выступая в апреле 1997 г. на заседании Совета по внешней и оборонной политике, назвал подобные стереотипы российских СМИ информационным вирусом «анти-СССР» и привёл в подтверждение тому немало примеров, среди которых были готовые клише, призванные внушить гражданам России, что всякая попытка интеграции с Белоруссией — реакционная «совковая» идея, «новейший пакт Молотова–Риббентропа» (тезис журналиста А. Черкизова), а сам Лукашенко — «безнадёжный советский человек» с «ментальностью колхозного диктатора» (54).

Идентификация Беларуси с реакционным советским прошлым, осуществляемая СМИ России, не соответствует действительности, несмотря на многие кажущиеся достаточными для такой идентификации стороны жизни белорусского общества. В Беларуси не крушат бездумно памятники коммунистической эпохи, не оскверняют могил советских воинов, признают вторым государственным языком русский, ходят на демонстрации с красными флагами, разгоняют митинги националистов из Белорусского народного фронта. Но это не означает, что Беларусь «заморозилась» в своем развитии, оставшись «Вандеей перестройки», как окрестил её покойный поэт А. Адамович.

Мы разделяем точку зрения экспертов Центра управленческого проектирования В. Дикевича, А. Тупицына, А. Фетисова, что все апелляции президента Беларуси А.Г. Лукашенко к советскому прошлому (элементы которого, действительно, сохранились в стране), означают не то, что он прирождённый противник демократических методов управления, а отражают реалии жизни белорусского общества, в частности, «протест индустриально-аграрного общества против деградации, в которую ввергли его распад союзного государства, бессилие предшественников Александра Лукашенко остановить процесс разложения общественного хозяйства, ставший результатом разрыва прежних экономических связей, их неспособность вселить в массы уверенность в обратимость этих разрушительных процессов» (55).

Немаловажен и тот факт, на который указывают специалисты отдела Белоруссии Института стран СНГ, что вопреки распространённому в России мнению, в белорусских СМИ доминируют оппозиционные издания (в которых как раз и формируется негативный исторический образ России), финансовую «подпитку» которых осуществляют американские фонды «Евразия» и «МакАртур», германский фонд Аденауэра, а также созданный летом 1998 г. в Германии «Центр поддержки белорусской демократии» (56). Это наглядно подтверждает даже поверхностное сравнение того объёма информации, который несут официальные и оппозиционные издания. Если официоз «Советская Белоруссия» выходит максимум на шести полосах (из которых две заняты рекламой), то одна из самых серьёзных оппозиционных газет на русском языке «Белорусская деловая газета» выходит объёмом в 24 страницы (рекламой занята последняя полоса), националистическая «Наша Ніва» — на шестнадцать. И хотя тираж «Советской Белоруссии» более чем в 15 раз превосходит тираж «Белорусской деловой газеты», это преимущество «меркнет» перед обилием оппозиционных газет

и журналов и совсем ничего не значит при сравнении объёма информации, качества подачи материала в той же «Советской Белоруссии», напоминающей обычную газету советского прошлого, с «Белорусской деловой газетой», сделанной на уровне мировых стандартов.

Безусловно, большинство граждан Беларуси (а это 80% населения, как определили специалисты Института стран СНГ)(57) хранят в своей памяти больше хорошего, чем плохого, о временах нахождения Белоруссии и России в единой стране; их поддержка интеграционных проектов А.Г. Лукашенко, в частности, инициативы придания русскому языку равного статуса с белорусским (на референдуме 14 мая 1995 г.) служит тому свидетельством. Неоспоримо, интеграция с Россией для народа Беларуси имеет не только экономическое значение, но отражает и ощущение этнической близости к русскому народу, корни которой — и в истории многовекового проживания в едином государстве, и в накопленном позитивном опыте межнационального общения.

В отличие от Украины на белорусской земле не только нет никакой войны с памятниками и могилами, но и всё более активно налаживается конструктивное научно-культурное сотрудничество с Россией. В 1997 г. совместными усилиями обеих стран издана книга «Русь–Литва–Беларусь», посвящённая творчеству белорусского историка и писателя Николая Николаевича Улашика (1906–1986). Ещё раз можно вспомнить и о договоре о сотрудничестве Института российской истории РАН с Институтом истории НАНБ на период 1996–2000 гг.

Белорусские учебники по истории, как правило, дают сбалансированное восприятие минусов и плюсов российско-белорусских отношений. Вот как, например, трактуется момент вхождения белорусских земель в состав Российской Империи в учебном пособии «История Беларуси» (авторы Абецедарская Е.Л., Бригадин П.И., Жилунович Л.А. и др.): «Присоединение к империи включило Беларусь в общероссийскую хозяйственную систему, оказало влияние на развитие всех отраслей экономики, во многом определило направления её дальнейшей хозяйственной специализации. В скором времени были созданы новые мануфактуры (полотняные, парусиновые, суконные и др.), основана судостроительная верфь в Кричеве для строительства лёгких судов Черноморского флота. Увеличивались посевные площади, в основном под технические культуры. Сбыт сельскохозяйственной продукции стимулировался отменой пошлин на её продажу, ликвидировались внутренние таможи. Расширялись торговые связи с русскими и украинскими губерниями, увеличивался вывоз товаров из Беларуси в порты на Балтике, принадлежащие России»(58).

Одним из важнейших факторов сохранения «связи времен» с Россией в Беларуси является уважительное отношение в белорусском обществе к совместной борьбе белорусов и русских (а часто даже шире — всего советского народа) в годы Великой Отечественной войны. В одном из своих интервью российской прессе А.Г. Лукашенко заявил, что «каким надо быть глупцом, чтобы в истории отказываться даже от того, что тебе выгодно. Разве победа в Великой Отечественной войне — это не выгодный факт для России? Мы же спасли цивилизацию, мир, и мы же охалили этот народ. До какого цинизма можно дойти, чтобы отказаться от такого фронта истории, который тебя, твой народ поднимает над всем миром! 50 миллионов потеряли, на алтарь положили»(59). В этом высказывании проглядывает не только умение президента Беларуси находить доступные простым белорусам аргументы в пользу интеграции с Россией, но и понимание того, что память о победе в Великой Отечественной войне — один из самых сильнейших способов связи поколения советских людей, живущих

в едином государстве, с рассеянным ныне по всему зыбкому пространству СНГ советским народом, который ещё способен хоть в какой-то мере сохранить память об общем историческом прошлом, без которого невозможно искать новые пути интеграции народов бывшего Союза.

Таким образом, сохранение уважительного отношения к памяти героев Великой Отечественной войны у белорусов носит не только национальный, но и полиэтнический характер. В вышеназванном учебнике «История Беларуси» этот факт отражён в упоминаниях о том, что в отрядах белорусских партизан «сражались представители многих народов СССР», и в освобождавших Белоруссию в 1944 г. частях Красной Армии «отдавали свои жизни за Победу» не только белорусы, но и их соотечественники из «других народов СССР»(60).

Благожелательному отношению белорусского народа к России и её истории, в особенности к её роли в освобождении Беларуси от гитлеризма, а также ностальгическим воспоминаниям о довольно сносной жизни в «сборочном цехе» Советского Союза, рухнувшим после распада СССР, противостоят достаточно сплочённые группы националистической белорусской интеллигенции, пытающейся (с оглядкой на опыт Украины) «увести» Беларусь в Европу. Во главе белорусских националистов находится Белорусский народный фронт (БНФ), формирующий негативные образы России примерно по такой же схеме, как и украинские «самостийники». «Главным вопросом для Белоруссии, начиная с XIII века, — пишет идеолог БНФ Зенон Позняк, — является вопрос отношения с Востоком. Возник он с появлением конницы монголов под стенами Белорусских городов, а потом, после отражения монгольского вала, с образованием Золотой Орды, затем Московского государства и Российской империи.

Белоруссия, находясь на восточной границе европейской цивилизации, вынуждено вела непрерывные оборонительные войны с агрессивным соседом. В то время когда наша держава простиралась от Балтийского до Чёрного моря, образуя восточный пояс Европы, отношение с Россией не имели для Белоруссии фатального результата. Фатальный исход начался тогда, когда Сцилла и Харибда объединили свои усилия. XVIII век — медовое время российско-немецких династических и геополитических интересов. В начале столетия это привело к разделу её территории между тремя империями — Российской, прусской, и австрийской»(61). Вариациями подобных установок переполнена белорусская оппозиционная пресса.

Негативное прочтение истории российско-белорусских отношений имеет место среди немалого числа белорусских историков. Это продемонстрировала прошедшая в Минске весной 1998 г. международная научно-практическая конференция «Политические репрессии XX века». На ней одним из типичных было выступление кандидата исторических наук из Минска Алексея Литвина: «Репрессиям были подвергнуты миллионы граждан Беларуси, военнопленные, дезертиры, сотрудничавшие с оккупантами в силу разных причин, белорусские националисты, которые с помощью немцев хотели создать Белорусское государство... В первую очередь были подвергнуты репрессиям те, кто служил в полиции, был старостой или воином белорусской самообороны. Осуществляли репрессии и партизаны — расстреливали тех, кто сотрудничал с немцами. Требуется реабилитация всех этих жертв. Они выступали и боролись за независимую Беларусь!»(62). Как всегда, такие «открытия» в очередной раз не были подтверждены ни одним документом. Более того, на конференции произошёл неприятный инцидент, нетипичный для гостеприимства белорусов. Когда гость из России, член общества «Мемориал» Валентин Гефтер, с документами на руках, «снизил» число расстрелянных в тюрьмах Белоруссии в июне 1941 г. с двадцати

одной тысячи (названной польским историком Антони Галински) до одной тысячи, он был освистан, захлопан и фактически согнан с трибуны(63).

Несмотря на растущую активность белорусской националистической интеллигенции (занятой формированием негативного исторического образа России) её усилия не дают сколько-нибудь заметного эффекта — не из-за репрессий режима (который, кстати, уступает оппозиционной прессе в подаче информации), а по причине достаточно глубоких родственных чувств белорусов к русским.

Страны Балтии

Исторические образы России в странах Балтии имеют ярко выраженный негативный характер, связанный, прежде всего, с крайне болезненным восприятием прибалтийских народов своего вынужденного отрыва от европейской цивилизации из-за нахождения в составе Российской Империи и СССР. Не случайно в 1989–1991 гг., взяв курс на выход из состава СССР, прибалтийские «народные фронты» уделили огромное внимание историческому обоснованию незаконности их пребывания в Союзе.

Свойственные для всей Прибалтики конца 80-х — начала 90-х гг. состояние дискомфорта в границах СССР, неприятие всего советского, часто автоматически переходящее в русофобию, в полной мере сохранились. Многие государственные деятели, интеллектуалы, журналисты стран Балтии продолжают находиться в атмосфере тех лет. Показательно в этом плане высказывание министра иностранных дел Латвии Валдиса Биркавса после взрыва российской радиолокационной станции в Скрунде 31 августа 1998 г.: «Для нас вторая мировая война наконец-то закончилась»(64). Однако ощущение того, что для значительной части государственной и интеллектуальной элиты стран Балтии вторая мировая война не закончилась, остаётся. Достаточно вспомнить и скандал, связанный с шествием ветеранов СС в Риге в марте 1998 г. В первых рядах шествия находились командующий Вооружёнными силами Литвы Юрис Далбиньш и командующий морскими силами республики Гайдис Зеботс. Причём Ю. Далбиньш счёл возможным сказать о том, что у бывших легионеров «можно многому научиться, в том числе твёрдости и нестигаемости перед каждым окриком из России»(65).

В Эстонии осуществляется привлечение к воспитательной работе среди молодых солдат и офицеров бывших эсэсовцев. В июле 1998 г. после торжественного собрания они отправились в военные части для проведения патриотической работы(66).

Как и в разгар перестройки, так и сейчас, от России и россиян прибалтийские политики требуют публичного признания оккупации стран Балтии в 1940 г. Одно из последних высказываний на эту тему принадлежит президенту Латвии Гунтису Улманису: «Я бы гордился Россией, если бы там соответствующим образом оценили бы действия периода советской власти на территории балтийских стран... Очень важно для формирования сегодняшних отношений России и Латвии признать, что Латвия была аннексирована в 1940 году... После войны войска должны были уйти обратно в Советский Союз, а у трёх балтийских стран должно было быть восстановлено их статус кво — независимость, которой они обладали до начала Второй мировой войны. Тогда этого не произошло. Войска Советского Союза остались, и здесь были установлены оккупационные порядки на долгие годы». Следует отметить, что эти

предложения Г. Улманис оговорил встречными уступками России: «Ореолы мы не будем вить над головами тех, кто служил в нацистской армии», и «мы сняли свои территориальные претензии»(67).

Таким образом, мы видим, что исторические оценки, образы, аналогии играют весьма значительную роль в отношениях с Россией. То же самое относится и к историкам, и даже археологам. Эстонский археолог Эвальд Тыниссон, повествуя о совместном походе новгородского князя Мстислава и немецких рыцарей в эстонские земли в 1212 г., счёл необходимым встроить этот факт в некую устойчивую историческую конструкцию: «В русско-немецком союзе в Прибалтике нет ничего удивительного. Он не ограничивался лишь только заключением 23 августа 1939 года пактом Молотова-Риббентропа. Вспомним хотя бы дружеское и взаимовыгодное сотрудничество прибалтийских немцев с царизмом, начиная от Петра I и вплоть до первой мировой войны»(68). В то же самое время, нельзя не отметить попытки некоторых историков объективно рассмотреть деятельность нацистских пособников, проводивших карательные операции на территории России, Польши, Белоруссии и других стран. В ноябре 1998 г. латвийский профессор Лео Майс опубликовал работу об одной из таких организаций «Перконкрустс». Главный вывод Лео Майса — «Перконкрустс» и другие подобные организации воевали не за свободу Латвии, а являлись пособниками и сообщниками гитлеровцев в их стремлении к мировому господству(69).

Интересно заметить, что в некоторых прибалтийских учебниках по всеобщей истории исторические образы России, оценки отдельных личностей и преобразований почти не изменились по сравнению с общепринятыми трактовками советского периода. В учебном пособии «Всеобщая история» для 12 класса, изданном в 1993 г. в Литве, в разделе, посвящённом эпохе Петра I, можно увидеть заучиваемые когда-то советскими школьниками предложения: «После монголо-татарского нашествия Россия в течении нескольких столетий оставалась закрытой страной и почти не вступала в общение с Европой. Это привело её к военной и культурной отсталости... Вместе с преобразованиями Петра I усиливалась эксплуатация населения... Петербург, Кронштадт, судостроительные верфи были построены на костях десятков тысяч крестьян разных народов России... Особенности успехи в начале XVIII века были достигнуты в развитии крупной промышленности... Реформы Петра I были обусловлены развитием России в XVIII веке, прежде всего формированием абсолютизма... Пётр I был выдающимся государственным деятелем»(70). В этом же пособии есть целая глава «НЭП и последние идеи В.И. Ленина», в которой повторяются все основные положительные оценки НЭПа и последних ленинских работ советской историографии конца 80-х — начала 90-х гг.: «НЭП помог восстановить разрушенное сельское хозяйство, промышленность, способствовал экономическому развитию страны... Ленин стремился следить за созданием Союза, обеспечить равенство республик... В 20-е годы кооперации уделялось много внимания. Около одной трети крестьян России участвовали в кооперативной деятельности»(71).

Таким образом, советские трактовки истории России в странах Балтии ещё не полностью демонтированы, а вместе с ними не демонтированы соответствующие советской историографии исторические образы России. Если на поверхности общественно-политической жизни стран Балтии доминируют негативные исторические образы России, то в научном обществе и системе образования этих стран есть определённые сдержки и противовесы, мешающие тотальному утверждению в общественном мнении таких образов.

Казахстан

Формирование исторического образа России и новое прочтение истории российско-казахских отношений осуществляются в Казахстане под влиянием главы казахстанского государства Н.А. Назарбаева. По количеству выступлений на актуальные проблемы СНГ, в которых содержатся какие-либо апелляции к истории, с Президентом Казахстана может соперничать только А.Г. Лукашенко.

Инициативы Н.А. Назарбаева по образованию на постсоветском пространстве Евразийского Союза содержат определённую систему исторической аргументации, которую следует рассмотреть подробнее.

Прежде всего, отметим, что исторические экскурсы президента Казахстана носят сугубо утилитарный, прагматический, а не научный характер. 16 февраля 1996 г., выступая с докладом на сессии Академии социальных наук РФ, он заявил: «В истории России XX в. две модели — как монархическая, так и тоталитарная — привели к краху национального организма. Российский народ и государство оставались, а приведшие к кризису системы рухнули. Думаю, что у российского народа хватит мудрости для того, чтобы создать обновлённую экономически сильную Россию. Те реформы, которые уже проводились в России великими преобразователями XIX и XX вв., показали колоссальные возможности этой огромной страны, которая имеет реальный потенциал стать одной из точек мирового роста в XXI в. Именно такая Россия станет лидером преобразования и добровольной интеграции на всем постсоветском пространстве не в силу архаических представлений о величии, а в силу реальной локомотивной роли России на всём евразийском материке. Более того, я убеждён и в том, что новыми точками притяжения такой России могут стать некоторые страны и за пределами нынешнего СНГ» (72).

Декларативность такого умозаключения компенсируется сильной дозой оптимизма в отношении ведущей роли России в интеграции на постсоветском пространстве. Отсутствие серьёзного анализа исторических фактов несколько не вредит ни Н.А. Назарбаеву, ни создаваемому им историческому образу России. Этому во многом способствует постоянные напоминания и в России, и в Казахстане через СМИ и книги о его твёрдой позиции сохранения СССР в бытность первым секретарем ЦК КП Казахстана. В предисловии, написанном президентом Академии социальных наук РАН, академиком Г.В. Осиповым, к книге Назарбаева «Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы», изданной в 1997 г. в Москве, особенно отмечается, что Назарбаев не только не участвовал в подготовке Беловежских соглашений, но и неоднократно высказывал опасения по поводу возможного развала Советского Союза, но «к предостережениям Назарбаева не прислушались» (73).

Сам Н.А. Назарбаев не раз говорил и продолжает обращаться к вопросу о бесперспективности огульного очернительства советского прошлого. «Мы всегда должны помнить, — подчёркивает он, — что наши народы совместно отстояли свою свободу и независимость в годы Великой Отечественной войны, быстро восстановили разрушенное хозяйство, вышли в космос. Многие выдающиеся представители казахской науки и культуры получили образование в России, на Украине, в Узбекистане, в Прибалтике» (74). Подобные взгляды разделяет часть казахской интеллигенции. «Даже такие тираны, как Гитлер и Сталин, — говорит доктор исторических наук Буркютубай Аяган, — как ни странно, оказали влияние на демографическую структуру Казахстана,

духовное самочувствие населения и даже на административно-территориальное устройство республики»(75).

Более того, часть казахской интеллигенции критикует чрезмерное увлечение западными религиозными и философскими системами в казахстанских учебниках за счёт духовных основ православия и русской философии. Казахский писатель Шахмарден Кусаинов, в частности, считает, что «школьные учебники истории, даже изданные у нас, в Казахстане, бережно хранят в себе сегодня целые главы о Ватикане и теологических спорах протестантов с гугенотами, но практически ничего не говорят о Православном Соборе 1504 г. А ведь исход конфликта нестяжателей и иосифлян, длившийся столетие, практически определил духовную суть и ценности русского народа. Без сомнения, надо знать историю Западной Европы, но мы ведь живём с русскими, а не с французами, и если история православной церкви не вмещается в учебники в силу дефицита классных часов, то выбор всё равно должен быть для нас очевидным. До тех пор, пока не поймём сами, не донесём до наших детей, что Ходжа Ахмед Яссауи и Нил Сорский проповедовали одни и те же божественные заветы самопожертвования, человеколюбия, сострадания и приоритета духовных ценностей над материальными благами, мы будем опасаться за согласие в нашем общем доме»(76).

Интересно отметить и тот факт, что в Казахстане с уважением относятся к празднованию победы Советского Союза над гитлеровской Германией, этому событию отдают должное настолько, что казахстанская пресса сочла необходимым высказать своё негативное отношение к демонстративному отказу от этого праздника в Грузии в мае 1998 года. В «Казахстанской правде» по этому поводу был напечатан отклик ветерана Великой Отечественной войны, казаха по национальности: «Нынешний грузинский президент договорился: “Не наша эта победа!”. И парламент проголосовал. Грузия не праздновала Дня победы. Отдельные подобные отголоски слышны и в Казахстане. Мой ответ однозначен: Победа нужна была всем!»(77).

Приведённые примеры положительных образов истории России и российско-казахстанских отношений, исходящих от президента Казахстана до простого ветерана Великой Отечественной войны, несомненно, приятны. Однако было бы неверно, ограничиваясь только этими примерами, делать однозначный вывод о неуклонном культурно-историческом сближении России и Казахстана. Здесь тоже есть свой этноцентризм, тормозящий это сближение. Вот, например, какие факты привела на научно-практической конференции «Казахстан на пороге XXI века: проблемы выбора в экономике и политике», прошедшей в Москве в январе 1998 г. под эгидой Института стран СНГ и Московского центра Карнеги, сотрудница Национальной академии наук Казахстана Ирина Ерофеева: «... Современная историография Казахстана представлена в этноцентристском варианте как история титульного этноса молодого государства. В то же время не учитывается, что некоторые крупные субэтнические общины Казахстана — алтайские старообрядцы, уральские и сибирские казаки, семиречинские уйгуры и дунгане, немецкие переселенческие деревни на севере и северо-востоке края — имеют в этих местах сложившиеся за последние два-три века свои локальные истории. Но их самобытное прошлое до сих пор не является предметом специального познания и освещения в структуре общих курсов национальной истории Казахстана... «Приватизируются» как казахские значительные исторические события, личности и памятники средневековья, являющиеся общим духовно-историческим достижением многих современных тюрко- и монголоязычных этносов Евразии. В гротескно-негативном виде изображается положение Казахстана в составе

Российской империи, которая наделяется почти мистическим всемогуществом в деле «разрушения и уничтожения» нерусских культурных ценностей» (78).

В идеологии интеграции также есть очень серьезные препятствия сближению культурно-исторических границ России и Казахстана, в частности, в форме пропаганды идей Евразийского Союза Н.А. Назарбаева (она считается единственно правильной в теории и единственно реализуемой на практике). Руководитель рабочей группы форума «К новому согласию», занимающегося практической реализацией интеграционных евразийских идей Н.А. Назарбаева в СНГ, А. Жарников отказывает народам России, Украины и Белоруссии в праве заключить союз между собой и резко критикует А.И. Солженицына за пропаганду такого союза: «... Это расовая концепция. Если бы Солженицын читал Л. Гумилёва, он бы знал, что единого славянства не существует уже давно» (79). Этот тезис среди прочих А. Жарников подкрепляет и историческими аргументами: «Ведь Киевская Русь фактически распалась за 100 лет до прихода монголов на 8 суверенных государств. И сами же русские князья подписали соглашение, по которому “каждый да держит отчизну (так в тексте — *Авт.*) свою”. То есть денонсировали единое государство» (80).

Столь вольная трактовка любечского съезда 1097 г., заимствованная из трудов Л. Гумилёва, не соответствует исторической действительности. Съезд 1097 г., как указывал В.О. Ключевский, был создан для того, чтобы «мирно покончить распри», возникшие из-за того, что сыновья Ярослава Мудрого Изяслав и Всеволод «обездолили несколько осиротелых племянников, не дали им отцовских владений» и решение «каждо да держит отчину свою» было направлено на то, чтобы территориальные отчины князей совпадали с генеалогическими (81). Никакой аналогии с денонсацией СССР в Беловежской Пуще решения любечского съезда не выдерживают. Итак, и в Казахстане есть серьёзные препятствия к сохранению общего с Россией культурно-исторического пространства, здесь также есть свои негативные образы России.

Откровения одного казахстанского дипломата наталкивают на мысль, что причиной тому является признание нахождения в составе России «наименьшим злом», вынужденным сожительством, а не добровольным союзом на взаимовыгодной основе: «По преданию, великий Бухар-жырау советовал Аблай-хану: “Нам предстоит выбор между двумя великими соседями и без узды не обойтись. Узда китайская железная — не выпустит. Узда русская кожаная — можно при необходимости растянуть”» (82). Теперь, когда нет «русской узды», Казахстан, как и другие бывшие среднеазиатские республики СССР, вполне может удовлетвориться культурной самодостаточностью, как, скажем, современная Туркмения, практически не нуждающаяся в культурных связях с Россией.

Однако полиэтничный характер казахстанского общества, наличие тенденций идентификации части этого общества с общим с Россией историческим прошлым в составе СССР, наконец, образ последовательного сторонника интеграции, генератора идей Евразийского Союза президента Н.А. Назарбаева не позволяют развиваться этой самодостаточности до таких масштабов как в Туркмении, где, как пишет заместитель председателя Русской общины О. Фадеев, «вычеркивание из школьных программ истории России и значительной части русской литературы привело к безработице русских преподавателей истории и словесности» (83) или в Узбекистане, где ученики русских школ занимаются по учебнику «История СССР», а Государственный центр тестирования ориентирует учащихся на тестовые вопросы, «требующие знания трудов Президента республики И. Каримова, актуальных материалов текущей периодики и прессы, решений и постановлений правительства республики, в которых получили отражение злободневные проблемы истории нашего Отечества» (84).

Армения и Азербайджан

Отличительной чертой формирования исторических образов России в бывших советских республиках Закавказья является позитивная или негативная трактовка участия Российской Империи, РСФСР, СССР в решении внутренних кавказских проблем. Преимущественно положительные трактовки этого участия доминируют в Армении, и негативные — в Азербайджане. Продолжающаяся эскалация напряженности между Арменией и Азербайджаном придает этому образу устойчивый характер.

В Армении исторический образ России формируется в контексте её участия — неучастия, помощи или отсутствия её в борьбе армянского народа за свою независимость. В среде армянской интеллигенции широко убеждены в том, что исторические судьбы Армении и России сходились и сходятся на пути общего противостояния пантюркизму. «Сегодня не только от судьбы огромной России, — пишет публицист Н. Айрапетова, — но и от судьбы маленькой Армении зависит геополитический расклад сил в противостоянии Великого Турана и христианских народов. Конечно, кто спорит, и Россия, и Армения рады были бы общечеловеческому братству, но реальность пока от него далека: этот “расклад” не нами придуман, он, по сути, существовал всегда, хотя всячески замалчивался (и замалчивается) под видом ложного, навязанного России интернационализма, в котором великий философ Николай Бердяев первым увидел опасность для генетического, духовного кода России и русского народа»(85).

Противостояние Армении и России экспансии пантюркизма — ключевая тема многих армянских политиков, политологов, историков, философов, публицистов. Армянские учёные активно взаимодействуют со своими российскими коллегами по этой проблеме. Армянская диаспора в России делает всё возможное, чтобы эта работа шла непрерывно. В 1994 г. в России был создан Центр русско-армянских инициатив, который издаёт информационно-аналитический бюллетень «Диалог», сделал достоянием широкой научной общественности тексты договоров между Россией и Турцией 1921 г. Ответственный секретарь этого центра С.К. Вермишева видит его задачу в поиске «путей реального сближения Армении и России на базе реально существующих геополитических и геостратегических интересов».

Высказывая идею создания геополитической оси Россия — Армения — Иран (с весьма вероятным участием Грузии), противостоящей турецкой экспансии, С.К. Вермишева активно пользуется историческими аналогиями и аргументами. «Вспомним, — говорит она, — сколько раз за последние два века Россия воевала с Турцией!.. С Ираном же Россия после заключения в 1828 году Туркменчайского мира не воевала ни разу, не говоря уже об арабских странах, а тем более об Армении и Грузии, в своё время добровольно вошедших в состав России. Хорошо, если бы прошлое было не только историей, но и историческим уроком для наших политиков и дипломатов. Немаловажным кажется мне и то, что страны-наследницы древних цивилизаций Средиземноморья и двуречья Тигра и Ефрата, колыбели мировой цивилизации, государственности и культуры, наиболее близки духовному миру России и Армении, их древним культурам»(86).

Столь же активно работает в России и Международный гуманитарный фонд армяноведения им. академика Ц.П. Агаяна. В 1994 г. он профинансировал издание тиражом

в 10 тысяч экземпляров книги Ц.П. Агаяна «Россия в судьбах армян и Армении». В послесловии к этой книге президент вышеназванного фонда Г. Агаян и историк В. Минаэлян дают типичную для большинства армянских учёных трактовку российско-армянских отношений в XIX–XX вв. — присоединение восточной Армении к России дало армянам «право на свободное и беспрепятственное развитие», присоединение Западной Армении могло бы произойти, если бы российская дипломатия более решительно использовала плоды победы над Турцией в войне 1877–1878 гг., большевистский переворот явился несчастьем для Армении, поскольку большевики изменили внешнеполитический курс в сторону Турции(87).

Отрицательное отношение к политике большевиков в отношении Армении, проводившейся в интересах Турции и пантюркизма, характерно для подавляющего большинства армянской интеллектуальной элиты. Нам известен только один случай трактовки этой проблемы в совершенно ином ключе. Её высказал известный политолог С.Е. Кургиян. Вопреки устоявшемуся в Армении точке зрения о коварном сговоре большевиков с Кемалем Ататюрком, Кургиян заявил, что «поддержка Ататюрка разворачивалась на фоне сильной приверженности тогдашней армянской элиты Антанте, демонстрации верности ей. Советская Россия, отчаявшись получить поддержку красному режиму в Европе, повернулась лицом к Ататюрку и в этом смысле выбор России... был спровоцирован прозападной ориентацией тогдашних лидеров Дашнакцутюн»(88).

Нетипичные для армянских исследователей исторические образы России создал С.М. Айвазян в книге «История России — армянский след», изданной в Москве в 1997 г. Разоблачение главного недруга России и Армении — турок, Айвазян увязал не только с системой странных лингвистических и антропологических доказательств того, что «колыбель русских» — Арарат и «до того, как в Закавказье появились иберы (грузины), там жили русы, “русские”», но и с утверждениями о том, что Киев основали армянские князья Куар, Шек и Хореан(89). Трактовка ориентации большевиков на Кемала Ататюрка у Айвазяна также весьма нестандартна: «Начиная с 1919 года Сталин вооружал кемалистскую хунту в Турции, руководствуясь малоизвестными соображениями... “Особое” отношение к Турции заставляет всерьёз задуматься о том, что Сталин был мусаватистским агентом и безумно боялся разоблачения со стороны своих турецких “хозяев”»(90). Зато рекомендации автора в конце книги относительно того, как поступить с «психически ненормальным народом» турками — переселить их в Туран — в Среднюю и Центральную Азию(91), — предельно ясны и не требуют комментариев.

Как и в Армении, так и в Азербайджане исторический образ России формируется в контексте участия России в делах «Кавказского дома». В Азербайджане этот образ складывается под сильным воздействием непрекращающегося карабахского конфликта. Соответственно и историческая роль России в этом конфликте диаметрально противоположна армянским трактовкам на эту тему. Если в Армении вхождение её восточной части в Россию в XIX в. трактуется положительно, то в Азербайджане вхождение в Россию в том же веке признано величайшим несчастьем на самом высшем государственном уровне. Речь идёт об указе Президента Азербайджанской Республики Г.А. Алиева «О геноциде азербайджанцев» от 26 марта 1998 г., в котором, в частности, отмечается, что «с подписанием в 1813 и 1828 годах Гюлистанского и Туркманчайского договоров (между Россией и Ираном — *Авт.*) началось расчленение азербайджанского народа, передел наших исторических земель»(92).

В популярных изданиях по истории Азербайджана эти сюжеты раскрываются более откровенно. Так, в книге Махмуда Исмаила «История Азербайджана» читаем: «Захват северных земель Азербайджана Россией привёл к потере азербайджанским народом своей государственной независимости... В результате захвата Азербайджан превратился в сырьевую базу для царской знати и русских предпринимателей, а также в рынок сбыта для русских купцов. Экономика Азербайджана приобрела ярко выраженный колониальный характер» (93). Подобный исторический образ России является хрестоматийным. Конструирование исторического образа России в контексте её участия во внутренних делах Кавказа по схеме «друг — враг», пожалуй ещё долго сохранится в Армении и Азербайджане.

* * *

Что же дальше? Однозначных ответов и прогнозов нет. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, так это то, что формирование исторических образов России в бывших республиках СССР и обратные процессы в СНГ и странах Балтии будут в ближайшее время нести печать тех конфликтов противоречий, которые происходят и существуют на постсоветском пространстве.

Культурно-исторические дистанции не могут сокращаться при такой высокой степени конфликтности на этом пространстве. Естественно, что этнические конфликты, территориальные споры, расхождение геополитических ориентаций и экономических интересов препятствуют конструированию какого-то общего культурно-исторического пространства. Подписывая декларации о культурном сотрудничестве, обмениваясь делегациями и даже участвуя в таких приятных мероприятиях, как открытие культурных центров, исторических памятников, нельзя преодолеть того отчуждения, часто даже прямой вражды, опорой которых может служить идеология, основанная во многом на новом прочтении прежней истории.

Делёж остатков общесоюзной собственности, территориальные споры, этнические конфликты, государственные перевороты, торговля оружием, миллионы беженцев, прокладка нефтепроводов, получение траншей от Международного валютного фонда, споры вокруг долгов за энергоносители, статуса СНГ — вот основные определяющие характеристики постсоветского пространства, с которыми оно войдет в историю. Уровень отчуждения, преднамеренное забвение своего общего прошлого, достигли критически опасной черты, за которой исторические представления друг о друге будут не только откровенно конфронтационными, но и смогут оказывать такое же конфронтационное влияние на политические процессы, как это произошло в марте 1998 г., когда в Риге полицейские избili ветеранов Великой Отечественной войны, после чего был проведён марш ветеранов легиона СС, в первой колонне которого шёл министр обороны Латвии. В то же время исторические представления о позитивных моментах многовекового проживания в едином государстве выдержали испытание временем на Украине, в Беларуси, в Армении, в Абхазии, в Приднестровье, в Таджикистане и других регионах.

В целом же, не будем переоценивать возможности историков прогнозировать развитие процессов, в которые вовлечены национальные архетипы. Вспомним слова выдающегося русского историка и богослова Г.В. Флоровского: «Традиция культуры —

неосвязаема и невещественна. Её силы — мистические, межиндивидуальные воздействия. Её нити перекрещиваются в неведомых тайниках человеческого творческого духа... Когда мы разлагаем живые течения русской культурной жизни на их составляющие и отчеканиваем последние в отточенные формы, что-то всегда проскальзывает меж пальцев, и интуитивно-несомненная русская “культура”, “русская стихия” перед рассудочным анализом оказывается пустым местом»(94).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тишков В.* Идентичность и культурные границы //Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. — М., 1997. С.39.
2. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии //Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. — Л., 1991. С.79.
3. *Юнг К.Г.* О современных мифах. — М., 1994. С.220.
4. *Журавлев В.В., Ненароков А.П.* Новые факты из истории образования СССР //Историки спорят. 13 бесед. — М., 1988; *Анисимов Е.* Осколки империи. Истоки великодержавного сознания //Московские новости, № 51, 17 декабря; *Баграмов Э.А.* Царские ошибки //Комсомольская правда 1990, 4 июля.
5. *Анисимов Е.* Стереотипы имперского мышления //Историки отвечают на вопросы. — М., 1990, С.6–82.
6. Наше Отечество. Опыт политической истории. — М., 1991. Т.2. С.143–145.
7. «Московские новости». 1989. № 40, 1 октября.
8. См.: Наше Отечество. Опыт политической истории. — М., 1991. Т.2. С.426.
9. «Возрождение». Информационный бюллетень литовского движения за перестройку. 1988. № 6, 11 ноября. С.2–3.
10. Законы, постановления и другие акты, принятые Первой сессией Верховного Совета ССР Молдовы. — Кишинёв, 1990. С.263–264.
11. См.: *Феохтистов А.* Русские, казахи и Алтай. — Москва–Усть-Каменогорск, 1992. С.3–4.
12. *Елубаев С.* Чьи мы наследники? //«Родина». 1991. № 1. С.13.
13. *Кильчицкий М.* Абсурд. Кто ссорит Киев и Москву //День. 1992. № 1, январь.
14. *Миронов Б.* Кому в России мешают русские. — Б/м и г. С.13.
15. Управление системой образования. Проблемы и решения. Материалы Коллегии Министерства образования РФ в 1995/1996 учебном году. — М., 1996. С.109.
16. Материалы парламентских слушаний «О положении русского языка, культуры и образования в государствах-участниках СНГ и Балтии и мерах по их поддержке со стороны государственных органов и общественности Российской Федерации» 21 октября 1997 года.
17. Там же.
18. Там же.
19. Высшая школа в 1997 г. Ежегодный доклад о развитии высшего профессионального образования. — М., 1998. С.173.
20. См.: Независимая газета, 1998, 8 мая //Содружество НГ. 1998. № 2. С.6.
21. Россия и страны Ближнего Зарубежья. История и современность. — М., 1995. С.51–53, 185–186.
22. Россия и Украина: история взаимоотношений. — М., 1997. С.20, 82–85.
23. См.: Родина. 1993. № 3. С.81–94.
24. *Смолин М.Б.* «Украинский туман должен рассеяться и русское солнце взойдёт». Украинофильство в России. Идеология национального раскола //Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. — М., 1998. С.22.
25. *Гунькин Н.В.* Казачий кулак против экспансии инородцев. — М., 1998. С.240.
26. Там же. С.332–333.
27. *Ионов И.Н.* Российская цивилизация и истоки её кризиса. IX — начало XX в. Пособие для учащихся 10–11 классов. — М., 1994. С.259.
28. *Боханов А.Н.* История России (XIX — начало XX века). Учебник для 8–9 классов. Под общей редакцией А.Н. Сахарова. — М., 1998. С.7–9.
29. Было опрошено 193 человека 1979–80 годов рождения. Опрос проводился весной 1998 г.
30. Цит. по: *Колосов В.* Перспективы российско-украинских отношений //Независимая газета. 1997, 13 февраля.

31. См.: Независимая газета. 1998. 6, 22 октября.
32. См.: *Бедрицкий А.В.* Три проекции крымской идеи. Русский геополитический сборник. 1997. № 2. С.94.
33. Цит. по: *Дугин А. Г.* Карл Шмитт: пять уроков для России. //Наш современник. 1992. № 8. С.130.
34. *Трубайчук А.* Михаил Грушевский и истоки украинской государственности. //Історія в школі. 1996. № 1. С.3–6.
35. *Воротынский И.* «Рембо» в малиновых беретах //Независимое военное обозрение. 1998. № 1, январь.
36. *Тимошенко В.* Националист — это настоящий патриот //Независимое военное обозрение. 1997. № 10, октябрь.
37. *Амелина Я.* Русские в Галиции. Москва ничего не делает чтобы облегчить жизнь своих соотечественников на Западной Украине //Независимая газета. 1997, 4 апреля.
38. Курс зарубежной истории (1900–1922). Первая мировая война //Історія в школі. 1996. № 3. С.18.
39. См.: Независимая газета. 1993, 24 августа.
40. Там же.
41. *Баранова И., Ястребов О.* Украина в годы Тигра в XX веке //Киевские новости. 1998, 29 мая.
42. Россия и Украина: история взаимоотношений. — М., 1997. С.234.
43. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия. 1995. Т.16. С.362.
44. *Киселев С.Н., Киселева Н.В.* Размышления о Крыме и геополитике. — Симферополь, 1994. С.57.
45. Там же. С.21, 33.
46. Русский вестник. 1992. № 32. С.7.
47. *Заяц В.В.* Подкарпатская Русь — земля древних руссов //Русский геополитический сборник. 1998. № 3. С.81.
48. Там же. С.80.
49. *Малиновская Е.* Предупреждение межнациональных конфликтов — цель и средство государственного строительства на Украине: законодательная база и административная практика //Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн.2. Россия. Украина. Белоруссия. — М., 1997. С.126.
50. *Куценко О.* Тенденции формирования и структура региональной элиты на Украине. //Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн.2. С.201.
51. *Шатров А.* Приоритет духовного — это беспредел //НГ-религии, 1997. № 12, декабрь.
52. *Его же.* Национальный фронт и другие. //Содружество НГ. 1998. № 3, март.
53. См.: Независимая газета. 1998, 22 сентября, 6 ноября.
54. *Шахрай С.* «Иная реальность», данная нам в ощущениях //Независимая газета. 1997, 24 апреля.
55. *Дикевич В., Тулицын А., Фетисов А.* Формула власти. Белорусский государственный патернационализма как зеркало российского либерализма //Независимая газета. 1997, 13 августа.
56. *Сергеев Н., Фадеев А.* Анатомия союза России и Белоруссии //Содружество НГ. 1998. № 8, август.
57. Там же.
58. История Беларуси: Учебное пособие. — Минск, 1997. С.121.
59. *Лукашенко А.Г.* Союз от Бреста до Владивостока //Советская Россия. 1997, 13 мая.
60. История Беларуси... С.121.
61. *Позняк З.* Беларусь, Россия, СНГ //Народная газета. 1993, 14 января.
62. *Григорьева Г.* Реальность «политических репрессий» //РОПИ-пресс. 1998. № 1. С.33.
63. Там же. С.32.
64. См.: Независимая газета. 1998, 2 октября.
65. *Соколов В.* За оскорбление «WAFFEN SS» в Риге сажают на скамью подсудимых //Независимая газета. 1998, 18 марта.
66. *Его же.* Шестивя легионеров СС в Таллинне заменят на торжественное собрание //Независимая газета. 1998, 11 июля.
67. *Ульманис Г.* Недоверие между Москвой и Ригой исчезнет //Независимая газета. 1998, 29 декабря.
68. *Тыниссон Э.* Русский след в древней земле «Харью» //Austrvegr. Восточный путь. Журнал любителей старины. — Таллинн, 1997. № 3. С.20.
69. *Черепанов В.* Коричневые признаки в янтарном крае //Независимая газета. 1998, 6 ноября.
70. Всеобщая история. Учебное пособие для XII класса. — Каунас, 1993. С.100–107.
71. Там же. С.195–197.
72. *Назарбаев Н.А.* Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. — М., 1997. С.268.
73. Там же. С.9.
74. Там же. С.207.
75. См.: Казахстанская правда. 1998, 12 мая.

76. *Кусаинов Ш.* Философия истории или о западных стандартах и восточном менталитете //Казахстанская правда. 1998, 16 мая.
77. *Мамбетказов, Хамит.* Без победы в 1945 не было бы суверенного Казахстана //Казахстанская правда. 1998, 8 мая.
78. В России обсуждают феномен Казахстана. Демократизация страны — экономическая, социальная и политическая потребность //НГ-Содружество. 1998. № 2. С.13.
79. *Назарбаев Н.А.* Указ. соч. С.185.
80. Там же. С.182.
81. *Ключевский В.О.* Сочинения в 9-ти томах. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. — М., 1987. С.192.
82. *Искалиев Н.И.* Казахстан и Узбекистан на пути к интеграции //Внешняя политика Казахстана. Сборник статей. — Алматы–Москва, 1995. С.66.
83. *Фадеев О.* О положении русских //РОПИ-пресс. 1998. № 1. С.34.
84. *Сагдуллаев А.* История и тестирование //Правда Востока. 1998, 1 апреля.
85. *Айрапетова Н.* «Русский вопрос» //Армянский вестник. 1993. № 6, июнь.
86. *Вермишева С.К.* Новая Евразия //Правда-5. 1996, 11–18 октября.
87. *Агаян Ц.П.* Россия в судьбах армян и Армении. — М., 1994. С.284–286.
88. *Кургинаян С.Е.* При продолжении нынешней политики Армении ждёт катастрофа //Армянский вестник. 1993. № 3, март.
89. *Айвазян С.М.* История России: армянский след. — М., 1997. С.13–23, 254.
90. Там же. С.379.
91. Там же. С.476–477.
92. См.: Бакинский рабочий. 1998, 31 марта.
93. *Махмуд, Исмаил.* История Азербайджана. Краткий обзор с древнейших времен до 1920 года. — Баку. С.79.
94. *Флоровский Г.В.* О народах неисторических. В кн.: Мир России — Евразия: Антология. — М., 1995. С.41.

МАССОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДРАССУДКИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЯХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПРОШЛОМ (НА ПРИМЕРЕ «ЛИЦА КАВКАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ»)

Микаэл Мамедов

Распад СССР вызвал значительное обострение межнациональных отношений во всех новых независимых государствах. В обществе возникли, а где-то усилились, многочисленные предрассудки, подозрения и страхи, как неотъемлемая часть межнациональных конфликтов. В постсоветский лексикон прочно вошёл термин «лицо кавказской национальности» и оказался неразрывно связанным со всеми мрачными символами нашего смутного времени — «диким» капитализмом, спекуляцией, наркоторговлей, терроризмом и «так называемыми беженцами, получающими незаслуженные социальные льготы». Стало быть, в массовом сознании образ добродушного Мимино из известной кинокомедии постепенно превратился в образ террориста и бандита из милицейской хроники.

Современные антикавказские фобии не являются исключительно российским феноменом. Этнические предрассудки существуют почти во всех странах мира и представляют собой серьёзную научную проблему, которой занимаются психологи, социологи, антропологи и историки.

Теоретические аспекты предубеждения

По мнению многих ученых, межнациональные стереотипы возникают из-за слабости критического мышления, когда индивидууму приписывают черты, которые, якобы, свойственны всей группе, к которой он принадлежит. Функция стереотипа заключается в том, что он спасает людей от необходимости глубоко рассматривать каждого индивидуума в отдельности и позволяет попросту наклеить на него ярлык. Характерно, что стереотипы отражают индивидуальное и общественное восприятия. Стереотипы могут быть позитивными, нейтральными и негативными (предрассудки). Пока стереотипы позитивны или нейтральны, они редко попадают в поле зрения учёных. Иное дело, когда в обществе возникают массовые предрассудки и фобии.

В зарубежной социологии по-разному интерпретируется понятие *предрассудок*. Чаще всего встречается ставшее уже классическим высказывание американского социального психолога, пионера изучения предрассудков, Гордона Альпорта, характеризовавшего негативный стереотип «как неприязнь, основанную на ошибочном

и необоснованном обобщении..., которая направлена против всей группы людей или же против отдельного человека из-за его принадлежности к данной группе»(1).

В чём же коренятся предрассудки? Среди исследователей немало тех, кто сводит массовые предрассудки к определённой идеологии — национализм, фашизм и расизм(2). Не отрицая роли идеологии, большинство учёных обращает внимание на взаимодействие социальных и психологических факторов в возникновении массовых предрассудков. Разработка проблемы ведётся с помощью массовых психометрических исследований и индивидуальных психоаналитических интервью. В начале пятидесятых годов американский психолог Адорно блестяще скомбинировал идеи Маркса и Фрейда и выдвинул теорию авторитарной личности (Authoritarian Personality). Адорно и его ученики связывали возникновение предрассудков с суровым родительским воспитанием, фрустрациями и подавлением негативных эмоций в раннем детстве. Не будучи в состоянии открыто выразить протест, авторитарный человек впоследствии даёт выход ранее сдерживаемым агрессивным чувствам и вымещает их на социально незащищённых людях — национальных меньшинствах и иммигрантах. Наряду с этим авторитарной персоне присуща оцепенелость в мышлении, беспрекословное подчинение начальству, что в конечном счёте ведёт её к фашизму(3). Теория Адорно занимает важное место в социальной психологии. Однако несмотря на всю свою привлекательность она подверглась резкой критике за то, что «уделяла» мало внимания важным историческим и социально-политическим факторам. Например, рост антисемитизма в Германии произошёл очень быстро и не мог быть вызван тем, что немцы неожиданно принялись «сурово» воспитывать своих детей.

Позднее учёные сконцентрировались на социально-экономических факторах, вызывающих массовые фобии. Была выдвинута теория конфликта групповых интересов. Как видно из названия теории, предрассудки и предрассудки отражают конфликты интересов между определёнными группами людей(4). Был поставлен интересный эксперимент. Между двумя группами подростков постоянно проводили различные спортивные состязания, поддерживая, тем самым, между ними дух соперничества. Через некоторое время члены обеих групп стали описывать своих соперников в самых негативных чертах. Таким образом, было экспериментально доказано, что конфликты и соперничество между группами ведут к усилению подозрений, фобий и предрассудков, а сотрудничество во имя достижения общих целей способствует преодолению предрассудков и негативных стереотипов(5). В данной теории однако существуют два самостоятельных и одинаково важных фактора. Первый — роль идентификации, которая в данной ситуации была создана искусственно. Второй — вымышленный (воображаемый) характер конфликта интересов (например, кубки турнира бойскаутов).

Так мы переходим к теории социальной идентификации, у истоков которой стоял, по-видимому, Эрих Фром с его теорией нарциссизма. Согласно этой теории люди склонны наиболее позитивно рассматривать то «воображаемое сообщество» (чаще всего нацию), к которому они принадлежат. Данная тенденция очень важна для поддержания устойчивых связей внутри сообщества(6). Соответственно, тот кто не принадлежит к этому сообществу, наделяется самыми негативными чертами. Теория фрустрации и агрессии указывает на другой факт: экономические проблемы в странах Запада вызывают у людей недовольство, которое однако не может быть направлено против породившей их капиталистической системы, и поэтому оно переносится на наименее защищённые национальные меньшинства, на иммигрантов и беженцев(7). Данная теория повторяет феномен перенесения (displacement) Адорно. Этой

теории очень близка теория относительных лишений (Relative Deprivation Theory). Если представители одной группы видят преуспевающих представителей другой группы, у них непременно возникает чувство обделённости. Так называемое преуспевание может быть фикцией, но оно создаёт достаточно устойчивый образ, в котором *они* пронырливы, бесчестны, хитры и наживаются за *наши* счёт(8).

Как мы видим, теории, рассматривающие истоки предубеждения, очень разнообразны. Они указывают на различные факторы в возникновении данного явления. Нам представляется довольно трудным сказать, какая именно теория наиболее точна. Одно несомненно — краеугольным камнем предубеждения является идентификация, когда люди проводят чёткую разграничительную линию между собой и чужаками, инородцами, теми кто «ответственен» за все нынешние проблемы. Доказано, что люди часто создают «иллюзорную корреляцию» между этнической принадлежностью и преступной деятельностью. Они охотно запоминают практически все антисоциальные акты, совершённые представителями других национальных и религиозных групп. В то же время преступления, совершаемые «своими», легко забываются(9).

Социологами также установлено что, люди склонны предполагать наличие внутренних, изначальных, врождённых причин для негативного поведения «других» и наличие внешних, провоцирующих факторов для антисоциального поведения «своих». Данный феномен известен, как *принцип фундаментальной атрибуционной ошибки*(10).

С началом десеграции становится неприличным и даже незаконным открыто выражать расистские настроения в общественных местах, но фобии и предрассудки по-прежнему существуют. Их стало сложнее изучать (что заставляет исследователей пускаться на всякого рода ухищрения, включая съёмки скрытой камерой), но они ещё очень сильны(11). С другой стороны, объектами нападок часто становятся менее защищённые категории людей — иностранцы, беженцы, иммигранты и нелегальные иммигранты(12). Характерно, что предубеждения везде одинаковы. «Какие они беженцы! Они покупают абсолютно новые машины, абсолютно новые! Они покупают рис. Огромные мешки риса!» — истерически кричит женщина в объектив видеокамеры. Эти ситуация хорошо знакома беженцам в России, но эти кадры сняты в США. Речь идёт о беженцах из Лаоса, и хотя в США нет проблем с продуктами питания, но люди, отягощённые предрассудками, есть.

Большинство учёных сходится в том, что *prejudice* (предубеждение, предрассудок) не является чем-то метафизическим и изначально свойственным нашему сознанию. Наоборот, исторические и социально-экономические изменения в обществе и в системе международных отношений способствуют появлению стереотипов. Например, вторая мировая война привела к резкому ухудшению отношений американцев с японцами и другим выходцами из Юго-Восточной Азии (необоснованное обобщение). А образ добродушно поющего аргентинца в Британии приобрёл самые негативные и агрессивные черты после того, как Аргентина попыталась захватить Мальвинские острова в 1982 г. Выходит, массовые предрассудки часто охватывают людей, имеющих между собой мало общего. Тем самым, сама групповая идентификация является предрассудком. Однако, как определяющий фактор, массовая убеждённость значит больше, чем сама этническая принадлежность.

От Кавказской войны до войны чеченской

Хотя многие кавказцы в определённых ситуациях склонны идентифицировать себя со всем регионом, тенденция рассматривать всех выходцев с Кавказа, как нечто единое целое является необоснованным, ошибочным обобщением. Кавказ — это обширный и крайне разнообразный в культурном плане регион, в котором проживают около 60 различных народов. В конце XVIII–XIX в. Российская Империя проводила активную политику на Кавказе. В то время в России имели очень смутное представление о его жителях. Современник как-то написал, что русские в то время знали о кавказцах меньше, чем о североамериканских аборигенах. В начале девятнадцатого века В.А. Жуковский описал кавказских горцев, которые «как серны скачут по горам», «бросают смерть из-за утеса». В перерывах между этим они курят, острят свои сабли и обсуждают новые преступления. То было мнение человека, который на Кавказе никогда не был, однако изучение мемуаров, писем и официальных документов того времени обнаруживает схожие предубеждения. Дикари, хищники, мошенники — такими эпитетами именовались жители Северного Кавказа. Русский историк отмечал, что термин «мошенники» стал почти официальным названием горцев в переписке Ермолова(13). То был образ дикого горца, варвара, враждебного России и живущего исключительно разбоем и грабежом. Чертами, присущими горцам, считались леность и авантюризм. Один из участников Кавказской войны писал о горцах: «Свободное время он (горец — М.М.) проводил или в разъездах из аула в аул без всякой надобности, или в беседах на солнце с другими подобными ему, или в одиночном строгании палочек на крыше своей сакли. Если он становился мирным, он стремился или вступить в милицию, где проводил время с полной бесполезностью для службы..., или стремился завести знакомства с русскими, преимущественно офицерами, ел, пил, за их счёт, увеселял их, пьянствовал, где было возможно, надувал и обманывал пока не попадался, интриговал и кляузничал при удобном случае»(14). Впрочем, необходимо отметить, что в XIX в. у русских существовало два стереотипа: жителя Северного Кавказа — горца — и жителя Закавказья — азиата. Что касается азиатов, то тут также основными чертами считались беспечность, болтливость и лень(15).

Но существовал и другой образ. Мужество и героизм горцев описывали известные русские писатели и поэты — Пушкин, Лермонтов, Бестужев-Марлинский, Лев Толстой. Благодаря им Кавказ стал романтичным и даже модным в России. В то время пели популярный романс «В горах я встретил черкеса», а из отечественной литературы русская публика узнавала, что горцы не дикари и грабители, а благородные рыцари, хотя и необразованные. В одной из популярных брошюр того времени, по-видимому, рассчитанной на школьников, отмечалось, что характер горца сочетает в себе горячность, вспыльчивость, мстительность и из положительных черт — гостеприимство, приверженность традициям прошлого, уважение старших.

Вскоре после падения аула Гуниб (1859) закончилась Кавказская война. Отдельные группы продолжили сопротивление, но с некоторыми оговорками можно сказать, что Северный Кавказ уже не привлекал столько внимания русской публики. Между тем, в конце XIX в. революционное движение охватило Закавказье. Среди революционеров разного толка было много армян и грузин. Следовательно, для кого-то кавказцы ассоциировались со стачками, распространением нелегальной литерату-

ры, иногда террористическими актами и разного рода антиправительственной деятельностью. Так, например, Василий Шульгин довольно нелюбезно отозвался о «кавказских обезьянах» в своих хорошо известных мемуарах (16). Уже в ранних советских фильмах кавказцев изображали людьми вспыльчивыми, горячими, легко поддающимися эмоциям, как, к примеру, в комедии «Свинарка и пастух» (режиссёр И.А. Пырьев, 1941). Молодой человек из высокогорного аула встречает девушку из русской деревни. Встреча эта происходит на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Этот весёлый фильм служил своего рода символом дружбы советских народов.

Трудно сказать, насколько данный образ отражал массовые стереотипы того времени. Представляется однако, что ситуация была намного сложнее. Сталинская коллективизация и другие репрессии того времени вызвали недовольство, негодование людей. Материалы архивов КГБ проливают свет на общественное мнение того времени. Как отмечает английский историк Сара Дэвис, коммунистическое руководство ассоциировалось с хитрыми и коварными инородцами — кавказцами и евреями, в которых и видели причины всех бед (17). Концепция «семьи советских народов» значительно пострадала в результате депортации кавказских народов в конце Великой Отечественной войны.

Образ кавказца — как гордого, гостеприимного, темпераментного сына гор — прочно утвердился в советском послевоенном кино. То был облик человека, любящего свою страну, свои традиции и всегда готового радушно встретить гостей. Этот образ создавался московскими, ленинградскими и местными деятелями кино. Наиболее часто Кавказ ассоциировался с Грузией. Видимо потому, что грузинский кинематограф лидировал в регионе. Среди фильмов того времени следует выделить «Кавказскую пленницу» (режиссёр Леонид Гайдай, 1967). В шутливой форме эта (и поныне популярная) комедия, умышленно отразила стереотипы того времени — красивые горы, крепкие вина, похищенная невеста, кровная месть и, наконец, неповторимый кавказский акцент. Кое-кто тогда обиделся — в Грузии фильм не показывали. Шутку поняли не все, правда знаменитая фраза — «Мы пришли судить тебя по закону гор» — сейчас прозвучала бы по-другому.

В конце 70-х кавказцы, живущие или посещавшие Москву и другие города России, могли услышать самые негативные ремарки о «чёрных», у которых много денег и которые скупают все необходимые товары. Высокая рождаемость в кавказских республиках и нехватка рабочих мест привели к сезонной миграции в центральную Россию. Смуглые шумные гости резко выделялись на рынках страны, а дефицит необходимых товаров и пустые полки магазинов вызывали гнев и раздражение хозяев. В 1986 г. Виктор Астафьев написал свой печально известный рассказ «Ловля пескарей в Грузии». В нём он удивительным образом собрал все сложившиеся в истории и в массовом историческом сознании антикавказские предрассудки и негативные стереотипы. Грузины были показаны как тупые, жадные, невежественные торговцы и жулики, думающие только о деньгах и обманывающие простодушных славян на просторах страны. «Как обломанный, занозистый сучок на дереве человеческом, торчит он по всем российским базарам, вплоть до Мурманска и Норильска, с пренебрежением обдирая доверчивый народ подгнившим фруктом или мятыми полумёртвыми цветами. Жадный, безграмотный, из тех, кого в России уничижительно зовут “копеечная душа”, везде он распоясан, везде он швыряет деньги, но дома учитывает жену, детей, родителей в медяках, развёл он автомобилеманию, пресмыкание перед импортом, зачем-то, видать, для соблюдения моды, возит за собой жирных детей, и в гостиницах можно

увидеть четырёхпудового, отдышливого Гогию, восьми лет от роду, всунутого в джинсы, с сонными глазами, утонувшими среди лоснящихся щёк»(18).

Не только в Российской Федерации, но и в Казахстане, особенно на Мангышлакском полуострове, этнические казахи часто воспринимали кавказцев как бесчестных, жадных и хитрых людей. Многие кавказцы, правда, смогли занять важные места в системе торговли и сфере обслуживания. В результате в июне 1989 г. в регионе произошли погромы(19).

Распад Советского Союза привёл к дальнейшему усилению фобий и предрассудков. «Лица кавказской национальности», «чурки», «чёрные», «хачики», «азеры», «нигеры» — этими и ещё более обидными эпитетами называют теперь представителей народов Кавказа.

«Лицо кавказской национальности»

Прежде всего, необходимо подчеркнуть ещё раз, что тенденция рассматривать всех кавказцев, как единое целое, является необоснованным, ошибочным обобщением. Кавказская община в России (те, кто проживают за пределами своих республик) крайне разнородна в национальном и социальном плане. Она включает в себя как интеллигенцию, работающую во всесоюзных (ныне всероссийских) научных центрах и университетах; беженцев, вынужденных покинуть свои родные края; а также и торговцев и сезонных рабочих, блуждающих между своими республиками и российскими городами в поисках заработков. Внутри этих групп существуют «разделительные линии». Интеллигенция с большим подозрением относится к торгующей братии. «Это два разных мира, друг с другом почти не пересекающихся»(20). Беженцы — социально неоднородная категория. Тем не менее, заражённый предрассудками, человек склонен, что называется, валить всех в одну кучу. Нам бы хотелось привести любопытный абзац из опроса, проведённого журналисткой газеты «На дне»:

«Татьяна Львовна, пенсионерка: “Ненавижу всех. При СССР мы жили в многонациональном государстве и даже вопросов таких не возникало. У нас в отделе работали люди 15 национальностей, и никогда межнациональных проблем не возникало. А теперь посмотрите — везде воюют, наши ребята гибнут. Что они так за свою независимость борются?.. А сами ездят сюда, ездят. Что им тут надо? Мы сами нищие”»(21). Данный, весьма характерный антикавказский дискурс, наиболее ярко иллюстрирует нынешние антикавказские настроения, как необоснованное обобщение массового исторического сознания. Прежде всего, респондент не видит никакой разницы между теми кавказцами, кто жил и работал в Москве много лет, и теми, кто только что приехал в Москву (будь то беженец или торговец). Татьяна Львовна не видит так же никакой разницы между теми, кто «воюет вокруг» и теми, кто спасается от погромов в России. Поэтому необходимо рассмотреть несколько причин, приведших антикавказские предрассудки к «расцвету», проанализировать некоторые аспекты антикавказского дискурса.

«Ненавижу всех»

Хорошо известно, что в период крупных исторических перемен этнические меньшинства становятся более заметными. И как уже отмечалось выше, раздражённые ухудшающимися условиями жизни люди гораздо чаще используют стереотипы

в ежедневном общении. Таким образом, с крахом системы социального обеспечения и советской экономики («мы сами нищие») многие стали демонстрировать открытую враждебность по отношению к представителям иных национальностей, к тем, кто стал заметен в толпе, в метро, у себя на работе, в классе, в подъезде своего дома (22).

Культурные различия так же способствуют формированию предрассудков(23). Ни для кого не секрет, что у кавказских народов существует крепкая этническая и семейная солидарность, которая часто используется ими при устройстве на работу и при поиске жилья. Большие семьи, пытающиеся обустроиться на юге России, часто покупают или строят дома недалеко друг от друга. Многие видят в этом своего рода таинственный анклав, или замкнутый мир(24).

Не менее важным аспектом антикавказского дискурса является утверждение, что «лица» захватили все рынки(25).

Парадоксально, что «население может относительно нормально воспринимать то, когда его обирает русский рэкет, но крайне негативной будет реакция, если этот рэкет будет производиться лицами другой национальности»(26). Примером этого могут служить антикавказские погромы в посёлке Шира (Хакассия), где кавказские торговцы контролировали виноводочный и продуктовый рынки(27).

«Они все сюда едут»

С распадом СССР и с крушением прежних форм самосознания в бывшем СССР начались неконтролируемые миграционные процессы. Там, где не было этнических чисток, откровенного насилия и резни, слабая экономика Северо-Кавказских и Закавказских республик потерпела значительный ущерб. С 1993 г. от 3-х до 4-х миллионов человек эмигрировали в Россию из бывших союзных республик и автономий Северного Кавказа. Примерно миллион двести тысяч человек были зарегистрированы как беженцы и вынужденные переселенцы(28). 70% беженцев составляют этнические русские. Правда, реальное количество иммигрантов и их национальный состав нам неизвестны.

Увеличение числа мигрантов повышает вероятность негативных контактов. Изменился и социальный состав представителей народов Кавказа. С падением престижа высшего образования в аудиториях московских вузов реже можно слышать грузинскую и азербайджанскую речь.

Ряд исследований, проведённых на Юге России, указывает на то, что местные жители обвиняют кавказцев в ухудшении социально-экономической ситуации. С другой стороны, цены на жильё на Юге приближаются к московским, школы работают в три смены, и невозможно попасть в больницу(29). Во многом, однако, мы имеем дело с феноменом «козла отпущения». Многие трудности связаны с ухудшением экономической ситуации в стране.

«При СССР мы жили в многонациональном государстве»

Крах коммунистического режима разрушил традиционные системы идентификаций и традиционное самосознание. Советская национальная политика являлась очень сложным феноменом. Выступая за стирание межнациональных различий и сближение наций, она создала сложную иерархию союзных и автономных республик, что привело к формированию сильных национальных бюрократических элит с сильным национальным самосознанием. Понимая данное противоречие, режим попытался привнести в идеологию новый элемент. В 1970-е гг. была создана транснациональная идентификация — «советский народ.» После краха коммунизма она стала объектом

насмешек и нападок. Советский человек превратился в «совка», а ведь совком, как известно, собирают мусор. Таким образом, старая идентификация была разрушена, но с водой выплеснули и ребёнка. Созданный вакуум стал быстро заполняться. Этнический национализм стал доминирующей идеологией во всех странах бывшего СССР. В условиях европейской интеграции и транснационализма слово «интернациональный» стало почти ругательным.

Хотя Б.Н. Ельцин использует обращение «россияне», что предполагает транснациональную идентификацию, беженцы и иммигранты из бывших советских республик выпадают из этой категории. В этих условиях довольно «логичным» кажется дискурс: «Они хотели (или хотят) быть независимыми — нечего им здесь делать». Так, по крайней мере, мыслит «заражённый» предрассудками человек, который не видит никакой разницы между теми, кто «строит» этнонациональные государства у себя и теми, кто спасается здесь от погромов.

Между тем, в бывшем СССР не только люди движутся через границы, но и границы «движутся» через судьбы людей. Можно по-разному относиться к термину «советский народ» (со знаком «плюс» или «минус»), но нельзя отрицать, что нас связывает очень многое. «Когда наша армия защищала Москву, никто не спрашивал у кавказцев, где они были прописаны; и они умирали за Москву вместе с русскими, не думая, что их внуков ждёт в этой Москве через пятьдесят лет»(30).

«Кругом все воюют, наши дети гибнут»

Стереотипы и предрассудки «усиливаются» ещё более в результате войн, насилия и конфликтов на Кавказе. После распада СССР больше всего «горячих точек» возникло на территории именно этого региона. Чеченская женщина, живущая в Волгоградской области, рассказала в интервью Human Rights Watch (HRW): «Во время войны (в Чечне) отношение к чеченцам было очень плохим. Когда выходили на улицу, мы слышали оскорбления в наш адрес, и люди открыто говорили, что все мы должны быть выселены, что все мы бандиты»(31).

Акты насилия и угрозы чеченских лидеров принесли кавказцам репутацию террористов(32). Ситуация ещё больше осложняется из-за появления в обществе большого числа ветеранов, имеющих опыт насилия, непосредственно связанного с кавказцами.

Являются ли антикавказские предрассудки историческим продуктом объективных социально-экономических обстоятельств переходного периода или же данные обстоятельства используются для разжигания антикавказской истерии? На наш взгляд, политика не разрабатывается в вакууме. Она «работает» в конкретной исторической обстановке. Политик прислушивается к настроениям разных слоёв общества, анализирует их и озвучивает. При этом, как показывает мировой опыт, люди, «заражённые» предрассудками, существуют среди различных политических партий. В то время как в истории, в современной политической и деловой элите немало кавказцев, немало и тех, кто готов нагреть руки на современных фобиях. Показательным примером может служить дело народного депутата Николая Лысенко, взорвавшего собственный офис и обвинившего во всём «лиц кавказской национальности». Московский мэр Юрий Лужков, один из самых влиятельных политиков современной России, во время боевых действий в Чечне не только выразил поддержку боевым действиям, но и потребовал выселить из Москвы всю чеченскую общину. Разжиганию антикавказской истерии способствовали заявления официальных лиц. В конце 1995 г. глава Московского регионального центра управления по борьбе с организованной пре-

ступностью Михаил Сунцов заявил в интервью журналистам, что определённые, ярко выраженные характеристики поведения (включая криминальные) свойственны определённым этническим группам. Он подразумевал кавказцев(33). В некоторых областях Российской Федерации также были совершены дискриминационные акты. Например, после нападения на Будённовск правительство Костромской области приняло резолюцию, согласно которой граждане Северо-Кавказских республик и республик Закавказья подлежали обязательной регистрации на территории региона(34).

Немало масла в огонь подливают средства массовой информации. Сообщая о серьёзных преступлениях, либо о мелких правонарушениях, они умышленно подчёркивают кавказское происхождение преступников. В результате любой индивидуум, чья внешность напоминает кавказскую, должен быть готов к тому, что он может быть остановлен и даже задержан для выяснения личности.

Не только в России, но и в соседней Украине милиция бдительно и тщательно отслеживает передвижение по улицам «лиц кавказской национальности». «И хотя одесские криминальные авторитеты сплошь родной «славянской национальности», у правоохранительных органов почему-то непреходящий зуд на кавказцев и иже с ними. В последнее время с особым тщанием в обывательские мозги внедряется мысль об опасности чеченской общины. Хотя в Одессе членов этой общины можно пересчитать по пальцам и увидеть или в детском интернате, или по домам сбежавшие от разрухи многодетные семьи»(35).

В области историографии антикавказские настроения выразились в пересмотре деятельности ряда весьма одиозных исторических деятелей, например, участника Кавказской войны Григория Христофоровича Засса. Его действия отличались исключительной жестокостью, за что его не раз критиковали современники(36). В конце концов, Засс был удалён с Кавказа. Тем не менее, в опубликованном недавно очерке о Зассе отмечалось, что он просто подчинился пословице «С волками жить-по волчьи выть»(37).

Социологическое изучение проблемы антикавказских предрассудков в представлениях о прошлом и настоящем даёт довольно противоречивые результаты. Прежде всего, в нашем распоряжении нет социологических исследований, направленных на выявление различных аспектов предубеждения (авантюризм, необразованность, лицемерие, глупость и т. д.). Тем не менее, у нас имеются любопытные материалы. Согласно HRW от 30 до 34% русских не доверяют или подозрительно относятся к азербайджанцам, армянам и чеченцам. И только к одному народу относятся с ещё большим подозрением — к цыганам(38). Однако пик кавказофобии уже прошёл, как показывают данные ВЦИОМ. Рассматривая их, Лев Гудков отмечает, что уменьшение ярко выраженных антикавказских высказываний произошло благодаря увеличению числа индифферентных ответов(39). Важным фактором этнонациональных конфликтов является не открыто выраженная ксенофобия, а противостоящая ей анти-ксенофобия(40). Уровень этнических предрассудков по отношению к отдельным национальностям по-прежнему очень силён. Между тем, отвечая на вопрос «Кого Вы чаще всего вините за трудности, с которыми Вам приходится сталкиваться в повседневной жизни?», только 2 или 3% населения обвиняет представителей других национальностей. В данной ситуации люди не склонны идентифицировать нынешние трудности с представителями других национальностей. Федеральные власти, как источник трудностей, далеко впереди.

* * *

Ненависть, конфронтация и насилие являются неотъемлемой частью истории человечества. Очень часто они были основаны на межгрупповой идентификации, когда одни считали других ответственными за страдания своего времени. При этом большую роль играл стереотип, предрассудок или образ врага. Корни этих предрассудков лежат как в человеческой психологии, так и в исторических условиях, породивших их.

Современные антикавказские настроения возникли во многом вследствие обостряющийся социально-экономической ситуации в стране, неконтролируемых миграционных процессов, распространения насилия и конфликтов в регионах, кризиса идентификации, крушения традиционных ценностей и усиления этнического национализма во всех республиках бывшего СССР.

Тем не менее, кавказский стереотип менялся на протяжении всей истории российско-кавказских отношений. Наиболее стабильными чертами являлись темперамент и гостеприимство. Эти образы прошли сквозь столетия. Что же касается предрассудков, то хочется надеяться, что они уйдут в прошлое. Однако для этого их необходимо изучать и с ними надо бороться. Но даже там, где с предрассудками борются, они всё равно есть. Там же, где их нет и быть не может, они расцветают самым пышным цветом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Alport G.W.* The Nature of Prejudice, Reading. — Mass., 1954. P.10.
2. *Miles R.* Racism. — London, 1989.
3. *Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N.* The Authoritarian Personality. — N. Y., 1950.
4. *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
5. *Sherief M., Sherief C.W.* Group in Harmony and Tension, An Integration of Studies of Intergroup Relations. — N. Y., 1953.
6. *Tajfel H., Turner J.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior //S. Worcher Psychology of Intergroup Relation. — Chicago, 1986.
7. *Billing M.* Social Psychology and Intergroup Relations. — London. 1975. См. также: *Brown R.J.* Group Process: Dynamics within and between the Groups. — Oxford, 1988.
8. *Runciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice. — London, 1966.
9. *Brown R.* Prejudice, its Social Psychology. — Blackwell, 1995. P.86–89.
10. Там же. P.101.
11. Там же. P.1–3.
12. Что касается положения нелегальных иммигрантов, то рекомендуем работы известного американского антрополога Лео Шавеса: *Shaves L.* Shadowed Lives: Undocumented Immigrants in American Society. 1992.
13. *Уманец.* Проконсул Кавказа. — СПб., 1912. С.46.
14. *Волконский.* Лезгинская экспедиция (в Дидойское Общество) в 1857 году. Кавказский сборник. Т.2. С.218.
15. По поводу стереотипов жителей Закавказья см.: Обзорение Российских Владений за Кавказом. Т.1–4. — СПб., 1836.
16. *Шульгин.* Дни1920. — М., 1989. С.197.
17. *Sarah D.* Popular Opinions in Stalin's Russia, Terror, Propaganda and Dissent, 1931–1941. — Cambridge University Press, 1997. (Следует учитывать, что работа написана, в целом, по материалам г. Ленинграда).
18. *Астафьев В.* Ловля пескаррей в Грузии //Наш современник. № 5. 1986. С.125.
19. *Самошленко А.И.* И опять комендантский час //Литературная газета. 28 июня, 1989.

20. Лянзэ М. Деловое «лицо кавказской национальности» (Лидеры национальных диаспор — о бизнесе, о преступности, о себе) //Огонек. № 2. 1997. С.24.
21. Васильева Л. Мы расисты (опрос) //На дне. № 2 (21). 1996.
22. Human Rights Watch: Ethnic Discrimination in Southern Russia. Vol.10. №8 (D). August 1998. P.17.
23. Там же. P.15.
24. Там же. P.13.
25. Опрос ребром //Аргументы и факты. № 20. 13 мая, 1998. С.3.
26. Экономика Восточной Сибири и Национальный Вопрос. Интервью с Владимиром Крюковым — начальником территориального отдела Восточно-Сибирского региона Министерства РФ по делам национальностей и федеративным отношениям //Экономика и жизнь Сибири. 26 марта, 1998.
27. Там же.
28. Human Rights Watch: Russian Federation, Moscow: Open Season, Closed City. September 1997. Vol.9. №10 (D). P.5.
29. Human Rights Watch: Ethnic Discrimination in Southern Russia. P.13.
30. Шайкевич. В 41-ом не спрашивали. Из редакционной почты: Пятый пункт нашего города //Вечерний Клуб. № 39. 16 октября, 1997. С.2.
31. Human Rights Watch: Ethnic Discrimination in Southern Russia. P.28.
32. Там же. P.7.
33. Феофилактова А. Кавказская преступность в Москве уступает славянской //Сегодня. 11 ноября, 1995.
34. Овчаров М. Граждане кавказской национальности могут быть выдворены из Костромы в 24 часа //Известия. 19 июля, 1997.
35. Капелюшный Л. Похоже на Украине появилась новая категория лиц нон-грата //Известия. 19 июля, 1997.
36. См. например: Лорер Н.И. Записки декабриста. — Иркутск, 1984. С.258.
37. Луночкин А., Михайлов А. Григорий Засс и Яков Бакланов //Родина. № 3–4. С.93.
38. Human Rights Watch: Ethnic Discrimination in Southern Russia. P.6.
39. Гудков Л. Этнические фобии в структуре национальной идентификации //Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. № 5. 1996. С.22.
40. Там же. С.24.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ, БЕЛАРУСИ И НЕКОТОРЫХ РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Тамара Гузенкова

Процесс создания учебных вариантов национальных историй можно считать составной частью более широкого общегуманитарного процесса переосмысления места и роли локальных культур и цивилизаций в мировом контексте в прошлом и настоящем. Постсоветское общество и особенно его образованные слои отличает повышенный интерес к историческому наследию и опыту. Историзация не только профессионально-группового, но и массового сознания выглядит как одна из типичных примет последнего десятилетия.

Есть основания полагать, что стремление переписать «свою» историю, рассчитаться с прошлым или заново пересмотреть его уроки, поставить исторический опыт на службу сегодняшнего дня — это одно из проявлений общественного кризиса и одновременно один из способов социальной адаптации к условиям глубоких преобразований, ибо новые версии истории, отражая не только новую расстановку политических и экономических сил, но и смену идеологии, демонстрируют миру желаемый образ объекта исторических построений — региона, народа, страны в предлагаемых обстоятельствах.

В связи с этим учебники по истории и историческое образование представляют особый интерес как источник, содержащий в себе экстракт идейных исканий и национально-политических идеологем, рождающихся в обществах переходного периода. В данном случае мы намеренно оставляем в стороне воспитательный и мировоззренческий аспекты проблемы, так как роль истории как учебной дисциплины в идейном воспитании, в идеологическом воздействии, в формировании мировосприятия подрастающих поколений очевидна. Она не требует доказательств, но уже сама выступает в качестве побудительной причины обращения к учебникам истории по самым различным поводам.

К числу моментов, имеющих важное значение для понимания сути излагаемых тем и концепций, а также акцентов в избранных для рассмотрения исторических сюжетов и событий, следует отнести следующие. Во-первых, учебники и учебные пособия до известной степени отражают характер той общественно-политической обстановки, которая сложилась в момент их создания. Они не только включают в себя немалую часть представлений и идейных исканий национальной элиты, её политические настроения, но и являются в определённой мере индикатором трансформации как группового, так и массового сознания.

Кроме того, учебники несут в себе отголоски и результаты уже состоявшихся научных и публицистических дискуссий. Учебная литература почти всегда отстаёт от

авангардной научно-гуманитарной мысли, отражает то, что уже стало фактом научной интерпретации, излагает устоявшиеся или, во всяком случае, разделяемые частью общества взгляды. При этом такие, типологически присущие учебникам черты, как дидактическая направленность, упрощённость изложения, бесспорность выводов, отсутствие различных точек зрения на дискуссионные вопросы можно отнести к ряду недостатков, но одновременно и определённых достоинств. В этом случае историческая картина мира, представленная как учебная истина, освобождена от рефлексии, сомнений, самокритики. В таком виде она отчётливо обнажает идеологические пристрастия и установки авторов, делает более очевидными цели и намерения концептуального пересмотра исторического процесса.

Что должны усвоить учащиеся в результате работы над учебником по истории? Какие основные исторические события, факты и явления должны стать предметом рассмотрения? Какая оценка должна быть им дана? Ответы на эти вопросы как раз и содержат учебники. Вместе с тем, своим содержанием они же дают ответы и на другие вопросы, в частности, о том, какие исторические пласты подвергаются наиболее радикальному пересмотру; какую систему отношений с другими народами и государствами предлагают; какую роль в истории отводят описываемому региону; какие идеологемы транслируют в сознание обучающихся.

Следует отметить, что интересный и весьма поучительный опыт анализа учебной исторической литературы различных стран представлен в работе французского исследователя Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира»(1). Сопоставление наблюдений и выводов М. Ферро с результатами наших исследований свидетельствует о существовании ряда типологически сходных мировых тенденций в подаче и интерпретации исторического материала. Воссоздание и переписывание неповторимых историй единственных в своём роде государств и народов нередко базируются на близких принципах и идейных позициях. В связи с этим кажется актуальной мысль о том, что «прошлое различных обществ становится более чем когда бы то ни было одной из ставок в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп»(2).

Приближению к адекватному пониманию учебной истории может отчасти способствовать учёт ряда обстоятельств. Прежде всего, было бы ошибкой полагать, что история, как учебная дисциплина, излагается объективно, непредвзято и бесстрастно. Напротив, её авторы субъективны, пристрастны, подвержены эмоциям и не свободны от политических и иных симпатий и антипатий. Эти особенности следует не только учитывать, но и их нужно сделать предметом изучения, так как излагаемые факты и сведения об исторических событиях неотделимы от установок, оценок, психоэмоциональных реакций и порождаемых ими образов. Таким образом, изображение истории в учебниках и учебных пособиях допустимо рассматривать как *социально-психологический феномен*, несущий в себе многоаспектные характеристики сознания и профессиональной деятельности.

Смысл исторической картины изучаемой части ойкумены возможно удобнее и точнее раскрыть только с учётом общего социально-политического и культурного контекста. Обнаружение и признание связи содержания учебного процесса с идеологической обстановкой в обществе и более широкими процессами в области науки, культуры и образования позволяют трактовать историческую учебную дисциплину как *социально-культурный феномен*, в частности, как *форму национальной идеологии*, создаваемой в новых независимых национальных государствах бывшего Советского Союза.

Наконец, усилить гносеологическую составляющую исследования позволяет рассмотрение серий учебников как динамического *процесса* постоянного конструирования истории с помощью тех интеллектуальных средств, приёмов и возможностей, которые имеются в арсенале соответствующей эпохи и общества.

Предметом анализа в данной работе являются учебники и учебные пособия по истории, изданные в 1987–1997 гг. в государствах — членах Содружества Независимых Государств (СНГ) — Беларуси и Украине, а также в республиках Российской Федерации: Башкирии, Татарии, Северной Осетии, Чечне (Чечено-Ингушетии), Адыгее. Выбор именно этих регионов вызван несколькими соображениями. С одной стороны, часть этих регионов — поле нашего давнего профессионального интереса, в рамках которого школьная история выступает частью более широких этнокультурологических исследований(3). Кроме того, выбор названных республик позволяет, на наш взгляд, уловить типологически представительные местные версии постсоветских исторических построений, изложенные в форме учебного материала, хотя понятно, что от этого не исчезает конкретно-историческое своеобразие, неповторимая картина мировосприятия в различных обществах.

В сопоставлении того, что и почему именно рассказывают детям в национальных республиках на уроках истории, в качестве дифференцирующего признака взяты некоторые этнополитические характеристики молодых независимых республик, а также субъектов Российской Федерации. На основании этих признаков допустимо выделить некоторые пары объектов, так сказать «бинарные оппозиции», и рассмотреть их отдельно.

Оппозиция «Украина–Беларусь» построена, исходя из представлений о той политике, которую ведут эти государства по отношению к России и странам СНГ. С позиций российской стороны, в украинском внешнеполитическом курсе присутствуют несомненные элементы дистанцирования, мешающие тесному союзнничеству в рамках Содружества. Украина избегает сближения с РФ и, наоборот, всё больше рассчитывает на политическую лояльность и экономическую поддержку со стороны Запада. Во внутренней политике заметны стремление к укреплению унитаризма и усиление активизации этнотитульной защитной политики в сфере языка, образования и культуры.

Существуют представления, в том числе и на Украине, о том, что радикальная по своим масштабам и срокам украинизация — часть официальной доктрины построения независимого государства — ущемляет гражданские права русского населения, живущего на Украине и являющегося, согласно действующему законодательству, этническим меньшинством(4). Таким образом, свой новый геополитический статус Украина приобретает в условиях внутренней межэтничской напряжённости и постоянной необходимости развязывать внешнеполитические противоречия между Востоком и Западом.

Беларусь в этом отношении представляет собой до известной степени антипод Украины. Такой её делает и стремление к более тесной интеграции со странами СНГ, и максимальное сближение с РФ, и отсутствие (во всяком случае на поверхности) «русского вопроса» в стране, и антизападные президентские настроения (включая дипломатический скандал в связи с попыткой А. Лукашенко принудительно переселить ряд иностранных посольств), и мягкий, пролонгированный во времени процесс укрепления позиций белорусского языка. В белорусской Конституции, согласно новой редакции 1996 г., русский и белорусский язык уравниваются в правах, что переводит проблему белорусско-русских отношений в иную, гораздо менее конфликтную и напряжённую позицию(5).

Различаются ли концепции исторического развития Украины и Беларуси при таком несхожем этнополитическом климате в этих странах? Есть основания полагать, что восприятие национальной истории, трактовки синхронных событий могут не совпадать между собой. Было бы неверным усматривать прямую и однозначную связь между политической конъюнктурой и особенностями национального исторического мышления, движение которого осуществляется по гораздо более сложному и извилистому пути. Однако нельзя не учитывать, что модель современного политического поведения молодых независимых государств обусловлена рядом исторических факторов, в том числе особенностями развития общественно-политической мысли и национальных (национально-освободительных, национально-культурных) движений в бывших так называемых национальных окраинах Российской Империи.

В границах Российской Федерации своеобразными парами, образующими «бинарные оппозиции», могут служить Башкирия и Татария; и ряд республик Северного Кавказа, таких, например, как Северная Осетия (Алания), Чечня, Ингушетия. Главным критерием сопоставления в данном случае выступает наличие или отсутствие в регионе открытого противостояния, перерастающего в вооруженный конфликт. Башкирия и особенно Татария, с этой точки зрения, служат символами мирного, относительно цивилизованного обсуждения проблем и урегулирования противоречий.

Более успешное, чем в других российских национальных республиках, отстаивание Татарстаном собственной хозяйственно-экономической самостоятельности, особые договорные отношения с федеральным Центром породили новое понятие — «модель Татарстана». Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», подписанный в 1994 г., создал прецедент заключения двусторонних соглашений (в нарушение 5-ой статьи Конституции РФ о равноправии субъектов Федерации) и породил новый, так называемый ассиметричный тип федеративных отношений, при которых национальные республики получили возможность существенно повысить свой статус, расширить права и полномочия в отличие от других регионов. Содержание и перспективы развития такой модели являются предметом дискуссий(6) и до известной степени примером для подражания.

Не вдаваясь в данном случае в подробности феномена татарстанской модели, заметим, что он, с одной стороны, оказал влияние на развитие гуманитарной мысли в республике, а с другой, сам в определённой мере оказался следствием развития татарского национализма XX в.(7). Повлияли ли эти обстоятельства на современную историческую мысль в Татарии? Думается, что да. Кроме того, учитывая исторические особенности вхождения Татарии и Башкирии в состав России, характер национально-освободительных движений второй половины XIX — начала XX вв., а также относительно благополучное (по сравнению с другими регионами) экономическое положение, обеспечиваемое наличием богатых природных ресурсов (прежде всего, энергоносителей), можно без сомнения сказать, что формы исторической самоидентификации интеллектуальной элиты титульных этносов несут в себе заметный элемент этнического обособления, а, возможно, и этнического радикализма.

При этом важно отметить, что эти республики (каждая из которых выстроила свою систему федеративных отношений), имеют весьма непростые отношения друг с другом. Между прочим, татарско-башкирские противоречия имеют столь длительную историю, что даже встаёт проблема изучения их историографии(8). Следовательно, налицо межреспубликанская, так сказать, горизонтальная межэтническая

напряжённость, которую можно расценивать как один из факторов исторического развития данного региона.

Ситуация в республиках Северного Кавказа заметно отличается от положения остальных, в том числе Урало-Поволжских республик. Основанием для противопоставления является, прежде всего, наличие межэтнических конфликтов в крайних формах вооружённых столкновений. Осетино-ингушское противостояние как постоянный фактор напряжённости на Северном Кавказе, южно-осетинско-грузинский конфликт, осложнивший отношения между Северной Осетией и Грузией, грузино-абхазский конфликт, чеченско-российский федеральный конфликт, переросший в Чеченскую войну — всё это существенно отличает данный регион от других российских территорий и субъектов Федерации.

Следует ли говорить о формировании специфической, «воензированной» исторической мысли в условиях конфликта и войны? Но, возможно, ростки отчуждения и конфронтации существовали в том или ином виде и раньше. В какой мере это нашло отражение в учебной исторической «доконфликтной» литературе?

Кроме того, сам Северокавказский регион является носителем ряда противоположных тенденций, которые также способны оказать влияние на видение исторического процесса с той или иной стороны. В данном случае стоит обратить внимание на различное отношение северокавказских народов к России и Центру. В частности, пророссийские ориентации и психологические установки осетинского общества, с одной стороны, и зачастую плохо скрывающиеся антироссийские (в чеченской среде), с другой стороны, стали общеизвестным социологическим и историко-психологическим фактом. В какой мере этот феномен отражён в республиканских версиях местных историй?

И, наконец, ещё одна линия оппозиций — хронологическая. Логика общественно-политической трансформации перестроечного и постперестроечного общества указывает на то, что существует определённый «водораздел» между серединой — концом 1980-х гг. и началом — серединой 1990-х гг. В учебниках это могло проявиться с известным запозданием и отчасти в искажённом виде. Что отфильтровала учебно-историческая мысль из обсуждаемого и переживаемого 8–10 лет тому назад?

Мы отдаём себе отчёт в том, что ответить на все эти вопросы едва ли удастся. Но вместе с тем, полезно попытаться представить некоторые существенные стороны учебного исторического знания с учётом конкретных, неповторимых региональных историй.

Десятилетие открытий и потрясений

Период, начавшийся с апреля 1985 г. и до конца 1980-х гг. можно отнести к первому этапу перестроечной «оттепели». Стремление региональной элиты вписаться в новый контекст чаще всего осуществлялось крайне осторожно и половинчато. Заметное оживление общественно-исторической мысли в Москве и Ленинграде отзывалось на местах в существенно сглаженном, отражённом виде. Местная интеллектуальная элита находилась в непростом положении. Ей было крайне сложно разобраться в том, насколько изменения политического и идеологического климата допускали (и допускали ли вообще) публичный пересмотр сложившихся представлений о мире и о себе. Процесс исторической и социальной идентификации почти целиком протекал в русле идеологических норм 1970-х — начала 1980-х гг. В этот период, как правило, преоб-

ладала открытая демонстрация полной политической и идеологической поддержки государственной власти. Ссылки на текущие партийно-правительственные документы и цитирование М.С. Горбачёва делало работы созвучными эпохе и указывало на поддержку происходящих перемен.

Пиком демонстрируемой лояльности со стороны гуманитарной интеллигенции по отношению к советскому строю можно считать 1987 г. — год 70-летнего юбилея Октябрьской революции. К этой дате в республиках было выпущено множество ортодоксальных работ, в которых, безусловно, признавались завоевания революции и достижения советского режима(9). Устоявшаяся традиция подготовки и проведения столь значительной юбилейной кампании исключала критический подход в оценках пройденного пути, что ясно понимала и с чем соглашалась преобладающая часть интеллектуальной элиты — как в центре, так и на местах.

Республиканские публикации второй половины 1980-х гг. постепенно насыщаются новыми понятиями, такими, например, как «начавшаяся демократизация общества», «в условиях обновления социалистического общества», «в условиях перестройки и демократизации». Эти термины были призваны обозначить иные подходы преобразования советского общества. Им противостояли «годы застоя», а суть перемен состояла в «расчищении завалов, накопившихся в период деформаций», «в демонтаже командно-административной системы».

В конце 1980-х гг. наметились более заметные сдвиги в групповом историческом сознании. Эти изменения можно было обнаружить, в первую очередь, на страницах газет и журналов. Гуманитарную мысль этого времени отличала более сдержанная апелляция к партийным авторитетам и новое, по мнению авторов, прочтение ленинского наследия. Резкой критике стал подвергаться *сталинизм*. Описания сталинского террора, восстановление подлинных, ранее замалчиваемых биографий репрессированных (особенно если это были деятели национальной культуры) приобрели массовый характер. По сути, тема сталинских репрессий стала одной из первых и центральных исторических тем, ознаменовавших эпоху ранней перестройки. Наряду с этим на страницах республиканской печати началось активное обсуждение вопросов национальных языков и региональной экологии.

После торжественного празднования 70-летнего юбилея советской власти в 1997 г. и XIX-й партийной конференции 1988 г. на местах впервые открыто заговорили о проблемах *языков титульных этносов* в национальных республиках. Местные деятели науки и культуры открыто заговорили о расширении функций и повышении статуса «своих» языков. Кроме того, многие вдруг с удивлением узнали о том, что целые регионы представляют собой зоны экологического бедствия. Авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. на какое-то время затмила все остальные *экологические проблемы*. Но в 1988–1989 гг. широкая общественность благодаря выступлениям известных личностей, например, Давида Кугультинова из Калмыкии и Мустая Карима из Башкирии, узнала об угрожающей экологической обстановке в Калмыкии, а также в ряде районов Башкирии, включая столицу республики — Уфу(10).

В 1988–1989 гг. впервые громко зазвучала тема *депортации*. Интеллигенция, представлявшая депортированные народы, начала обсуждение этой горькой проблемы в прессе. С трибуны Верховного Совета об этом страстно заговорил депутат — калмык Давид Кугультинов. Основным направлением в разрешении проблем депортированных народов стала парламентская борьба за полную политическую, юридическую, моральную реабилитацию собственных народов. Немало усилий было направлено на восстановление картины депортации и описание судеб репрессированных людей(11).

В конце 1980-х гг. в республиках стало заметно изменяться отношение к *ленинскому наследию*. Импульсы, получаемые из Центра, способствовали тому, что многие известные положения марксизма-ленинизма рассматривались в исследованиях, посвящённых конкретным темам, «свежим» взглядом, очищенным от более поздних догматических наслоений и превратных толкований(12).

Второй период — начало–середина 1990-х гг. — знаменует собой процесс дальнейшей радикализации исторического сознания. Тема репрессий и депортации приобрела разнообразные, эмоционально насыщенные формы. На смену газетным и журнальным публикациям пришли более крупные обобщающие труды. Определённой вехой в этом направлении стали публикации документов о депортации народов СССР, подготовленные в 1992–1995 гг. Н.Ф. Бугаев(13).

Постепенно усилился критический тон, который стал часто проявляться уже в заголовках публикаций. Эмоции по поводу пережитого, раньше выражаемые в более сдержанной форме, стали острее. Например, в Калмыкии в 1993 г. появилась «Книга памяти ссылки калмыцкого народа»(14). В следующем году 50-летие депортации было отмечено акцией «Поезд памяти» по местам ссылки(15). В страстной и остро критической форме изложил своё видение проблемы выселения чеченцев и ингушей ингушский историк, писатель и публицист Х.Х. Боков (16).

В начале 1990-х гг. обозначилась поляризация взглядов и на ленинизм, и на ленинскую национальную политику. К этому времени заметно сократилось количество ссылок на работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. В некоторых случаях предпринимались попытки критического анализа и пересмотра положений, казавшихся ранее бесспорными.

С точки зрения башкирского исследователя М.М. Кульшарипова, положение о подчинённости национального вопроса интересам классовой борьбы не учитывало всей остроты проблемы. Для нации, находящейся под господством другой и не имеющей своего государства (в данном случае для башкир), первейшее значение имеет борьба за освобождение от инационального гнёта(17). По представлению автора, самой насущной задачей становится не борьба за социализм, а борьба за национальную свободу, и в этом интересы национальной буржуазии и народа будто бы совпадали (18). В Башкирии ещё в 1992 г. была публично высказана мысль о «70-летней тирании большевистского тоталитаризма»(19).

В целом, национальные республики дифференцированно отнеслись к ленинизму. В Калмыкии и в республиках Северного Кавказа сохранялось позитивное восприятие ленинской теории и практики, и преимущественно неприемлемы они были в Башкирии. Республики, представившие так называемые ленинские места (Татария, отчасти Чувашия), держались сдержанно и отчасти нейтрально. Скорее всего, последним регионом, где завершила своё существование «классическая» лениниана, стала Калмыкия, где в 1990 г. опубликован, вероятно, один их последних сборников (документов этой серии) — «В.И. Ленин и Калмыкия»(20).

Вместе с тем, обращение к трудам классиков марксизма-ленинизма с целью их пересмотра не приобрело в республиках широкого размаха. Национальные интеллектуальные элиты были озабочены к этому моменту уже другими проблемами и идеями. Одна из них, ставшая вскоре доминирующей, — это проблема становления этнонациональных государств.

К середине 1990 гг. тема *этнической государственности и этнических территорий* выдвинулась в число наиболее актуальных. «Национальное государство», как понятие и как социально-политический феномен, приобрело качество абсолютной

ценности, вокруг которой и стали в значительной мере формироваться исторические построения. К этому периоду относится широкое распространение концепции преемственности различных форм государственности, начиная с исторически ранних эпох вплоть до настоящих дней. В данном контексте так называемый парад суверенитетов 1990–1991 гг. очень скоро стал восприниматься как восстановление исторической справедливости по отношению к тому народу, чей этноним содержится в названии соответствующей республики.

Середина — вторая половина 1990-х гг. отмечена усилением тенденции *этнизации истории*. В новых исторических построениях главным историческим героем стал народ-этнос и конкретные личности, в которых он воплощается. Историю классов, социальных групп, политических режимов и институтов сменила история народов, национальных государств, национальных культур. Особое место занимает национальная *история в лицах*, где вереница выдающихся деятелей как символ лучших черт представляемого ими народа.

Региональная историческая картина мира в этот период строится в немалой степени на отчуждении, освобождении от российско-русского влияния. Десятилетняя трансформация исторического сознания прошла несколько ступеней отрицания: критика-отрицание сталинизма, в меньшей степени ленинизма; разочарование и в значительной мере отторжение советско-социалистического наследия в целом; — и, наконец, перекалывание груза претензий и обид на московско-русский Центр и местное русское окружение.

Проблема взаимодействия «центра» и «национальных окраин» во второй половине 1990-х гг. приобрела существенно иное качество. Интеллигенция национальных республик всё настойчивее предлагает видеть в достижениях собственных народов импульсы прогрессивного развития России. Важным становится осознание своего вклада в российскую историю и культуру. Московский центр и окраина как бы поменялись местами. Для национальных историков более важным становится вопрос о том, чем прославил Россию тот или иной народ, а не о том, чего он достиг в результате вхождения в её состав. Эта тенденция особенно заметно проявилась во время проведения конференции, посвящённой 1450-летию Тюркского каганата (февраль, 1996), который как раз и рассматривался многими участниками с точки зрения его воздействия на становление российского государства «на территории евразийского пространства» (21).

В этом смысле разочарование и отказ от многократно воспроизводимой в советских учебниках идеи Ф. Энгельса о «прогрессивной и цивилизующей роли России для многих народов Востока» и провозглашение мысли о самостоятельной роли в историческом процессе можно отнести к числу наиболее радикальных трансформаций исторического мировосприятия. Преодоление сформированного ранее комплекса экономически и культурно отсталых, демографически и физически вырождающихся накануне революции 1917 г. российских задворков и создание иного образа народа — героя-творца истории и образа национального государства — центра региональной цивилизации — один из самых главных итогов и поучительных уроков интеллектуальных исканий на почве национальной истории последнего десятилетия.

Таким образом, отчасти можно себе представить, как напряжённо и интенсивно формировались системы современного национального исторического образования. Период выжидания и осторожной критики частностей в раннеперестроечный период, постепенная радикализация сознания, острые, эмоциональные дискуссии в средствах массовой информации и в специальной литературе, пересмотр постсоветским

обществом своего идеологического фундамента, — всё это в том или ином виде нашло своё отражение и в исторической учебной литературе, написанной в 1988–1998 гг.

Выбор последнего десятилетия сделан отнюдь не случайно. До 1987 г. включительно учебная литература продолжала советские традиции описания исторического процесса и мало чем отличалась от того, что было написано многими годами раньше. Почти до конца 1980-х гг. имела широкое распространение практика многократных переизданий базовых, «хорошо» зарекомендовавших себя учебников. И, видимо, можно говорить о существовании в этот период как группового, если иметь ввиду коллективы авторов, так и индивидуального интеллектуального монополизма в области создания учебной литературы.

Известно, что немало советских учебников в условиях относительно устойчивого режима и строгого идеологического контроля в почти неизменном виде десятилетиями служили многим поколениям школьников. Так, например, «История Латвийской ССР для 7–8 кл.» (автор В. Анисимова, Рига) к 1987 году выдержала 5 изданий, а учебник для учащихся средних школ Белоруссии «История БССР» Л.С. Абецдарского (автор и редактор) в 1986 г. был издан в 11-й раз, долгие годы олицетворяя, таким образом, всё школьное историческое образование республики.

Определённые изменения в содержании учебных материалов относятся к 1990–1991 гг. К этому времени в республиках появляются первые, так называемые пробные учебные издания, почти каждое из которых несёт в себе черты и свойства того исторического момента, в условиях которого они написаны.

Украинская история: стратегия этнозащитного национализма

Украинская школьная история на первых этапах претерпевала, в основном, те же трансформации, что и перестроечная, а затем и постсоветская историческая мысль. Мажорно-романтическое восприятие происходящих во второй половине 1980-х гг. событий, а также стремление устранить отдельные «белые пятна» свидетельствовали о наличии перестроечного синдрома в сознании украинских историков, специализирующихся на создании школьных учебников. В этом отношении показательно обращение «К учащимся» авторов «Истории Украины» (Киев, 1991): «Бурные преобразования, происходящие в наши дни, изменяют устаревшие представления об историческом процессе. До недавнего времени из неиссякаемого источника отечественной истории мы не могли черпать всю правду. Несколько поколений были отлучены от настоящей истории...

Авторы этого пособия стремились с позиций исторической правды воспроизвести реальную картину социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни Украины в рассматриваемый период. Особенное внимание уделено устранению “белых пятен” в истории нашей республики, в частности, освещению вопросов украинской государственности, трагических событий 30-х годов, проблемам перестройки и получения действительного суверенитета Украины» (22).

В этом предисловии изложена суть представлений демократически настроенной интеллигенции конца 80-х — начала 90-х гг. о том, как «надо писать» историю по-новому и что в ней надо переписывать заново. Наиболее значительной переоценке

подверглась сталинская эпоха, а также социально-экономическая и общественно-политическая история 1960-х — середины 1980-х гг. Введение в обращение таких понятий как «неблагоприятные тенденции», «командно-административная система», «затратная экономика», «низкое качество жизни», «деформации в общественно-политической жизни», «господство бюрократических сил» и др. свидетельствовали о появлении учебника нового поколения.

Особенно острой критике подверглась партийная бюрократия, генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев (характеризуемый как глава днепропетровцев), Компартия Украины и её первый секретарь В.В. Щербицкий.

В целом, история Украины в новом, раннеперестроечном, прочтении представлена, главным образом, как социально-политическая с включением национально-этнических элементов, где этническое выражалось в кратких описаниях языкового и культурного развития Украины, а национальное — в более внимательном (но ещё не выдвинутом на передний план) анализе становления украинской государственности. В частности, одно из основных завоеваний перестройки авторы видят в провозглашении независимости Украины. Декларация о государственном суверенитете Украины от 16 июля 1990 г. трактуется как «выражение извечной мечты украинского народа о независимости и свободе»(23).

Однако предложенное авторами новаторское, с позиций киевско-украинской исторической мысли конца 80-х гг., прочтение истории выглядит, с точки зрения значительной части украинских историков, теперь, во второй половине 90-х давно пережитым и малоактуальным анахронизмом, ибо в этой версии:

— оставалась традиционной (как и в советской историографии) интерпретация революционно-демократического движения, Октябрьской революции 1917 г., установления Советской власти и гражданской войны на Украине;

— неизменными сохранились оценки роли Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) в Отечественной войне 1941–1945 гг. как вооружённых террористических формирований, действия которых не отвечали интересам советской Украины;

— развитие Украины в советский период рассматривалось как прогрессивное, несмотря на «искривления», «деформации» и «кризисы» в отдельные периоды;

— с надеждой воспринималась перестройка как условие «позитивных сдвигов в социально-экономической сфере», развития многопартийности и признания общечеловеческих ценностей.

В начале 1990-х гг. процесс радикализации профессионального сознания историков на Украине шёл довольно быстрыми темпами. В связи с этим интересно отметить тот факт, что в 1994 г. члены того же авторского коллектива (С. Кульчицкий, Ю. Курносос, М. Коваль) опубликовали новый учебник по истории Украины для 10-х — 11-х классов, где в очередном обращении к учащимся «завучали» иные мотивы и образы, настраивающие читателей на соответствующее восприятие учебного материала. Авторы констатировали, что украинский народ до сих пор доподлинно не знает своего прошлого, что в прежней тоталитарной империи царила атмосфера всеобщего обмана, что идеологические надсмотрщики фальсифицировали историю XX в., что на историческую науку Украины были наложены тяжелейшие путы, что события на Украине подвёрстывались под процессы, происходившие во всей империи и что, наконец, только сейчас учёные получили возможность разработать историческую концепцию, «основанную на правде жизни»(24).

Таким образом, предлагалась ещё более новая и ещё более правдивая версия исторического развития Украины XX в. Доминантой исторических построений в данном случае выступила украинская государственность, где советское социалистическое наполнение рассматривалось до известной степени как нечто навязанное извне политически и социально-экономически более сильной стороной — советской Россией.

Учебник написан в другом тоне, по-другому построен, с другим отношением к советскому строю и его противникам. Об этом свидетельствуют названия глав, например:

Глава I. Центральная Рада. Образование Украинской народной Республики.

Глава II. Украина во времена гетманата.

Глава IV. Утверждение УССР. Борьба советских и украинских войск с деникинцами.

Глава XII. Украина на пути к свободе и самостоятельности.

Глава XIII. Украина — суверенное независимое государство.

В учебнике исчез традиционный раздел «Установление Советской власти на Украине», параграф «Украина и образование Союза СССР» заменён на «Курс на ликвидацию государственности национальных республик» (25). Так в следующей — за раннеперестроечной — версии исторического развития Украина приобрела самоценность как территориально-государственное образование — не только вне зависимости от её принадлежности к российской истории и государственности, но и в определённой степени в оппозиции к ней.

Следует отметить, что в рамках львовской исторической школы образцы не просто постепенно «подправляемой» и переписываемой, а альтернативной, в значительной мере принципиально иной истории были предложены раньше, чем в центре. К примеру, в 1993 г. Научное общество им. Т. Шевченко во Львове опубликовало «Очерк истории Украины» (на украинском языке), рекомендованный Министерством образования Украины в качестве учебника. Авторы — зарубежные историки украинского происхождения А. Жуковский и О. Субтельный — особое внимание уделили наиболее искажённой, фальсифицированной, по мнению издателей, стороне украинской истории — проблеме национально-освободительного движения в XVIII–XX столетиях (26).

В этом учебном издании, вероятно, в числе первых, был представлен иной, неведомый тогда системе народного образования, образ — диссидентской Украины, национально-оппозиционной советскому режиму. Картину сопротивления и протеста воссоздаёт хронологическая таблица. Вот, например, какими датами представлен в «Очерке...» 1968 г.:

«...16.2 Умер Евгений Маланюк.

Март Смещение секретаря ЦК КПУ А. Скабы и назначение на его место Ф. Овчаренко.

Апрель Протест 139 украинских деятелей культуры, адресованный Л. Брежневу, Н. Косыгину и Н. Подгорному, против арестов на Украине и притеснения украинской культуры.

Октябрь Открытие кафедры истории Украины в Гарварде.

26.11–14.12 Умышленные поджоги в Выдубецком монастыре в Киеве.

Конец 1968 «Письмо творческой молодежи Днепропетровска» против русификации; в январе 1970 состоялся судебный процесс над инициаторами этого письма И. Сокульским, М. Кульчинским, В. Савченко.

1968 Появление самиздатовского произведения И. Дзюбы «Интернационализм или русификация?» (27).

На Украине на ранних этапах социально-политической трансформации советского общества нередко использовался интеллектуальный потенциал зарубежных украинистов, главным образом, из среды украинской диаспоры. В первой половине 1990-х гг. отечественная украинистика пополнилась значительным числом трудов по истории, переведённых на русский и украинский языки и опубликованных на Украине. Часть из них приобрела статус учебников и учебных пособий(28). Есть основания полагать, что в немалой степени благодаря именно этому обстоятельству украинская историческая мысль за довольно краткий период претерпела столь радикальные изменения.

В середине — второй половине 1990-х гг. в учебной литературе по украинской истории вполне определённо сложился идеологический базис этнозащитного национализма. К числу его идейно-методологических основ относятся представления о многовековом развитии украинской государственности. И дело не только в том, что в большинстве учебников история украинской государственности рассматривается от самых ранних истоков — Киевской Руси — до сегодняшних дней. Важно то, что принцип подачи учебного материала, подходы к оценке тех или иных событий избираются с позиций того, какое значение это имело для украинской державы; и весь исторический процесс, таким образом, представлен как борьба за государственность (потеря — обретение). В этом контексте провозглашение независимости Украины в 1991 г. расценивается как главный итог и главное завоевание украинского народа во второй половине XX в. «24 августа 1991 г. в социально-политической и духовной жизни украинского народа произошло событие, которое войдёт в историю как высшее свидетельство его стремления к суверенности и счастливой жизни. Событие это — провозглашение Верховным Советом Украины Акта о государственной независимости Украины»(29). В этих часто повторяющихся во многих учебниках словах выражено торжество победы и ощущение завоёванного права на «свою» историю.

Украинский этнозащитный национализм в немалой степени зиждется на отрицании России и российской истории, особенно советской. В учебниках второй половины 90-х гг. Россия всё чаще выступает в роли агрессивного, эгоистичного соседа, навязывающего свой строй и образ жизни. Украина приобретает образ колонии, а украинский советско-партийный аппарат расценивается как колониальная администрация, обслуживавшая интересы оккупационного режима и московских верхов(30). Соответственно делается очевидной мысль, что прогрессивное развитие Украины и украинцев, их достижения осуществлялись не «благодаря», а в значительной мере «вопреки» русско-советскому влиянию(31). В учебниках нередко подчёркивается, что украинским учёным, писателям, другим коллективам удавалось создавать немало ярких произведений, сохранять национальный колорит в крайне неблагоприятных условиях(32).

На вторую половину 90-х годов приходится процесс, можно сказать, демонизации в сознании украинской интеллектуальной элиты, переживающей последствия русского влияния. Обсуждение проблемы русификации приобрело новое качество и переросло в русско-украинское отчуждение, которое отразилось и в учебниках. В некоторых из них появились специальные разделы под названием «Русификация»(33). Кстати, фраза из названия вопроса одного экзаменационного билета по истории Украины — «русификаторское наступление тоталитарной державы на духовность украинского народа в 70-х — начале 80-х гг.» — выстроена как приговор. Такие же однозначные и жёсткие формулировки встречаются и в методических пособиях для выпускников школ(34).

Термин «русификация» не является новым для исторической дисциплины, в том числе и школьной. Но в до- и раннеперестроечных учебниках речь шла только о русификаторской политике царского правительства. В учебниках нового поколения это явление было прямо связано с советской национальной, языковой и культурной политикой. Стоит сказать, что в постперестроечных украинских учебниках вина за провал национальной политики советского периода возлагается как на Брежнева, так и на Горбачёва, стоящих в этом отношении в одном ряду. Целенаправленное перемешивание и нивелирование наций ради создания единого советского народа до начала 90-х гг. названо «политикой Брежнева–Горбачёва»(35).

В некоторых изданиях переживания по этому поводу приобрели апокалиптический характер. «В условиях невиданной русификации, тотального наступления центра на национальную культуру вставал вопрос о существовании украинского народа. Лучшие представители украинской литературы и искусства всеми силами (а иногда и ценой собственной жизни) отодвигали эту ужасающую перспективу»(36). В 1997 г. хлесткий публицистичный термин «духовный Чернобыль», призванный отразить последствия русификации, перешёл на страницы монументального учебника, подготовленного большим коллективом учёных Национальной академии наук Украины(37).

В связи с этим стала заметна ещё одна тенденция: социально-персонифицированный образ врага (в лице сталинизма, тоталитаризма, коммунистического и оккупационного режима и т. д.) стал дополняться этнически персонифицированной группой, якобы несущей свою долю ответственности за негативные процессы. Такой группой, как можно понять, стали русские. Например, авторы упомянутого выше учебника «Истории Украины». В сюжете, посвящённом «духовному Чернобылю», они с сожалением констатируют рост доли русского населения на Украине с 16,9% до 22,0% в период с 1959 по 1989 гг.(38), ставя этот факт в один ряд с низким приростом украинского населения — за счёт сокращения рождаемости и увеличения смертности, а также за счёт «русификации украинцев в юго-восточных регионах республики»(39).

Представления о том, что в своё время, в частности, в 30-е — 50-е гг., велась политика искусственного и насильственного изменения этнодемографических пропорций на Украине (за счёт увеличения доли русского населения в спланированных миграционных потоках русских на Украину и украинцев в районы Сибири и Севера), высказываются не только политиками(40), но и авторами учебных пособий(41).

Некоторые украинские историки утверждают, что новая концепция истории Украины уже создана. Её главные положения, по словам заведующего кафедрой истории Украины Донецкого государственного университета Р.Д. Ляха, таковы:

- Киевская Русь — государство украинского народа;
- вследствие Освободительной войны и народной революции середины XVII в. была создана Казацкая держава;
- возрождение национально-освободительного движения привело к украинской революции 1917–1920 гг. и к возникновению государства — Украинская Народная Республика (УНР);
- Великую Октябрьскую социалистическую революцию теперь называют большевистским переворотом;
- события 1917–1920 гг. трактуются не как гражданская война, а как военно-большевистская экспансия в Украину(42).

Содержание украинских учебников не только соответствует утверждениям Р.Д. Ляха, но и позволяет продолжить ряд концептуальных трансформаций исторического знания на современной Украине, призванных утвердить её политическую и экономическую самостоятельность, а также интеллектуальную независимость от прошлого идейного груза. Украинский национализм всё определённое становится содержательной частью образовательных программ. К этому добавим, что в местах компактного проживания русских на Украине, (например, в Крыму) нередко до сих пор преподают историю по более нейтральным в этническом отношении учебникам начала 1990-х гг.

История Беларуси: тактика этнополитического компромисса*

Известно, что социально-политическая и этническая история Беларуси и белорусов складывалась под значительным влиянием борьбы великопольских и великорусских интересов. Известно также и то, что данный факт уже длительное время является актуальным элементом этнического самосознания, определяющим сложность и неоднозначность этно-геополитической идентичности белорусского социума и государства. Ситуация осложняется ещё и этноконфессиональной неоднородностью населения данного региона. Православие, униатство и католичество разделили не только представителей разных этносов, но и самих белорусов.

Белорусская историография, особенно «эпохи перестройки» (и в этом она очень близка украинской), исходит из признания того, что центральноевропейское положение Белоруссии не только способствовало восприятию положительных влияний со стороны соседних народов, но и сделало её ареной кровавых конфликтов и жестокого противостояния различных держав(43).

Если официальная советская история Белоруссии была лишена противоречий и фактически исключала обсуждение последствий и альтернатив исторического выбора, сделанного данным регионом, то общественная трансформация конца 1980-х и особенно начала 1990-х гг. заметно обновила подходы к области исторического познания. Для белорусской исторической школы это были, несомненно, новые тенденции, но в целом, они были удивительно похожи на то, что происходило во многих других регионах.

Так, часть белорусских историков выступила против истории, «написанной в Москве». Концепция, согласно которой, «все важнейшие для восточноевропейского региона события происходили в Москве, все народы якобы связывали свои надежды опять-таки только с Москвой, а Россия выступала едва ли не бескорыстной защитницей соседних народов, несла им свободу и прогресс», — стала казаться, судя по тону цитаты, несправедливой и унижительной для этих народов(44). В 1992 г. в Беларуси некоторые учебно-методические пособия содержали открытую критику москвоцентричной теории за то, что в угоду ей история Беларуси искажалась и обеднялась, «прошлое белорусского народа, особенно до вхождения в состав России подавалось в мрачных тонах, отрицалась самобытность народа, не признавалась белорусская государственность эпохи средневековья»(45).

* Автор благодарит Р.А. Григорьеву за консультацию и информационную поддержку при подготовке этого раздела.

Типичную для национально-регионального исторического сознания первой половины 1990-х гг. интерпретацию получила концепция «русификации», когда акценты и хронологические рамки сместились с времён русского царизма к эпохе советского социализма. «Многие десятилетия под фальшивым флагом интернационализма проводилась русификация белорусского народа, его исторической памяти и национального сознания. Итогом этого стало широкое распространение среди молодежи национального нигилизма, отречения от родного языка, национальной культуры, истории, традиций», — такими горькими словами предваряют школьное пособие по истории Беларуси авторы М.О. Бич, В.Н. Сидоров и В.М. Фомин (Минск, 1992)(46).

Широкое распространение получила в Беларуси и так называемая теория «белых пятен», ставшая весьма популярной в годы перестройки. У этой концепции нет сколько-нибудь развернутого толкования, скорее это общее понятие для всей практики исторического познания в обществе переходного периода. В начальный период под «белыми пятнами» чаще всего подразумевались отдельные неизвестные или малоизвестные (в силу разных обстоятельств) события и явления, которые нуждались в освещении и соответствующей интерпретации. Таким «пятном», в первую очередь, стала сталинская эпоха со всеми её ужасами массовых репрессий. Постепенно хронологическая и фактологическая площадь «белых пятен» настолько увеличилась, объём исторических событий и явлений, нуждающихся в пересмотре с новых позиций, настолько возрос, что многие национальные истории превратились скорее в карт-бланш, выданный историкам «новой эпохой».

Не избежала этого и историческая мысль Беларуси, где в начале 1990-х гг. бурно обсуждались и отчасти пересматривались все наиболее значимые исторические проблемы региона, начиная с роли древнерусской народности в этногенезе белорусов и кончая влиянием разоблачения культа личности на развитие белорусской литературы(47).

Значительное место в новейшей историографии занял и вопрос белорусской государственности на различных этапах её становления от Полоцкого княжества XI–XIII вв. до провозглашения государственного суверенитета и переименования БССР в Республику Беларусь в августе — сентябре 1991 г. Особое внимание уделялось вопросам развития ранних форм советского государства — Белорусской народной республики, а затем БССР.

Белорусские историки так же, как и многие другие региональные интеллектуальные элиты, пережили романтические надежды на скорые и радикальные перемены в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и разочарования в период постперестроечного кризиса. В 1992 г. учебник для 10–11 классов содержал такие разделы как «Демократизация КПСС — основа успеха перестройки», «Социально-экономическое развитие республики в условиях перестройки», «Всю власть — Советам» (48). В 1995 г. белорусские историки писали о «тяжком пути радикальных преобразований», на котором Беларуси пришлось пережить Чернобыльскую аварию — экологическую катастрофу, вошедшую в исторические описания как угроза генофонду белорусского народа(49).

В целом, в последнее десятилетие историческое сознание претерпевало в Беларуси примерно те же трансформации, что и на значительной части постсоветского пространства. До известной степени можно говорить о формировании если не единых, то, по крайней мере, близких по своей сути регионально-национальных идеологий новейшего исторического знания, значительную часть которых составляют сходные, подобные друг другу стереотипы восприятия динамичных процессов общест-

венных перемен и переосмысления истории в контексте радикальных социально-политических, экономических и идеологических сдвигов.

Вместе с тем, было бы неверно отождествлять ход эволюции белорусской исторической мысли исследуемого периода с развитием других исторических школ, в частности, украинской. Первой присущи свои черты, свой путь адаптации, своя историческая картина мира, особенность которой не сводима просто к конкретно-исторической специфике региона.

К числу характеристик, определяющих «лицо» современной белорусской исторической школы, выступает относительная умеренность критического настроения, маргинальность исторического самоопределения и компромиссность сознания. С одной стороны, часть историков не избежала искушения «удревнить» историю белорусской государственности и начать её с Полоцкого княжества, как якобы самостоятельного, независимого от древнего Киева, государства(50). С другой стороны, в методической литературе подчеркивается, что нет оснований относить становление национального государства к X–XIII вв.: в этот период Полоцкое княжество являлось составной частью Киевской Руси(51).

Исследователи обращают более пристальное внимание на западноевропейскую сущность Белоруссии, приобретённую в результате длительного вхождения её в Великое княжество Литовское и Речь Посполитую. Существует мнение, что именно в эпоху Великого княжества Литовского зародились элементы *правового государства* в виде договорно-правовой системы взаимоотношений великого князя и шляхты, и что якобы даже сегодня полезен опыт городского самоуправления, сложившегося в XIV–XV вв. на основе магдебургского права(52). В то же время в новейшей белорусской историографии сильны позиции той части историков, которые считают (или продолжают считать), что включение белорусских земель в состав России — централизованной державы, с мощной верховной властью, имело свои позитивные последствия: политическую стабилизацию, положившую конец военным столкновениям и феодальной анархии. Объединение с Россией нередко рассматривается как сознательный исторический выбор белорусов, как отражение традиционного тяготения к Востоку, как *безусловно* прогрессивное явление(53).

С одной стороны, в Беларуси резкой критике подвергся сталинский период, радикально пересмотрены результаты исторического развития белорусского общества в 1960–1980-е гг. С другой стороны, в учебной литературе не претерпели существенной переоценки лениниана и ленинизм. В ряде случаев белорусские исследователи пользуются фигурой умолчания, но есть примеры и открытого признания (и это опубликовано в 1997 г.) того, что «Ленин внёс большой вклад в теоретическую разработку национального вопроса и национальных отношений»(54). Присутствие подобной, традиционно советской идеологической фразеологии в учебном пособии второй половины 1990-х гг. нельзя объяснить только провинциальностью или консервативностью части белорусской гуманитарной интеллигенции. В украинской историографии этого периода нам не удалось найти подобных примеров (что не исключает факта их существования в том или ином виде, но даёт основания думать о том, что язык некогда официальной идеологии на Украине неприемлем).

Белорусская интеллигенция в своих исторических построениях отделяет собственный народ и государство от негативных явлений царского и советского периода, но одновременно признаёт существенные приобретения (в первую очередь, территориальные) советской эпохи. В связи с этим даже печально известный пакт «Молотова–Риббентропа» не вызвал общего осуждения с белорусской стороны. «Для нас

остаётся бесспорным право белорусского народа на воссоединение в единое государство, и это право было реализовано в сентябре–октябре 1939 г.: Западная Беларусь воссоединилась с БССР»(55).

В среде белорусской интеллигенции, насколько можно судить по литературе, разделяется идея славянского единства, несмотря на сложное и длительное влияние польского и литовского компонентов. За древнерусской народностью и древнерусским государством (Киевской Русью) признаётся ведущая роль в этногенезе белорусского этноса и его культурно-исторического развития.

В целом, постсоветская белорусская история выглядит как история света и тени, история приобретений и потеря. Для её создателей характерен поиск компромисса, стремление остаться в прежнем цивилизационном пространстве, обратив при этом внимание на иные, более актуальные в нынешних условиях стороны и аспекты исторического развития, в частности, на белорусскую государственность, национально-освободительные движения и «культурное возрождение». Обращение исследователей, авторов учебников к «негативу» и «позитиву», приём интерпретации явлений с помощью формул «с одной стороны» и «с другой стороны» — видимо, до известной степени, отражает существо подхода — национально-ориентированного, стремящегося быть политически более корректным и идеологически менее радикальным, чем это имеет место, например, в среде значительной части украинской интеллигенции.

С большой долей уверенности можно полагать, что состояние и изменение исторической мысли в Беларуси соотносится с общей внутривнутриреспубликанской этнополитической и этнокультурной ситуацией. Исследователи отмечают, что к началу 1990-х гг. престиж русских, их языка и культуры был чрезвычайно высок. В республике существовали весьма благоприятные этнокультурные условия для русских. Их потребности в обучении детей, в получении любой информации, в общении на русском языке ничем и никем не ограничивались(56). На этом фоне задача усиления функций и повышения статуса белорусского языка составляла особую проблему. Именно в Беларуси тенденция смены белорусами этнической идентичности расценивалась как одна из наиболее выраженных(57). В среде белорусской гуманитарной интеллигенции эти явления вызывали, разумеется, беспокойство, озабоченность и желание изменить ситуацию, что выразилось в создании общественно-политических объединений, в частности Белорусского народного фронта «Возрождение» и принятии мер по защите белорусского языка.

События, связанные с процессами этнокультурного и языкового переустройства, называемые национальным возрождением, — особая страница в истории не только Беларуси, но и всех национальных республик бывшего Советского Союза. Отметим только, что несмотря на сложности этнического самоопределения белорусов в нынешних условиях, исследователями отмечается высокая степень межэтнической толерантности в Беларуси, где, согласно данным массовых опросов, преобладает мнение о необходимости межнационального согласия и существует готовность предупреждать межэтнические конфликты(58).

Споры по актуальным вопросам национальной истории имели место в начале 1990-х гг. Дискуссии продолжаются и теперь, но, вместе с тем, ясно, что преобладающими стали процессы «мягкого» национально-ориентированного реформирования, которые можно по-разному оценивать, но нельзя не учитывать в анализе особенностей интеллектуальной жизни и содержания системы образования республики.

Республики Поволжья: за право на собственную историю

В Урало-Поволжье, как известно, входит шесть национальных республик — Башкирия, Удмуртия, Чувашия, Татария, Мордовия, Марийская республика. Сюда же можно отнести Калмыкию, территориально находящуюся в Нижнем Поволжье, а в этнокультурном отношении занимающую маргинальное положение между югом России, Северным Кавказом и Средней Азией. Каждая из этих республик обладает языковым, культурным, хозяйственным, конфессиональным своеобразием и неповторимостью. Три народа — чуваша, татары и башкиры — принадлежат к тюркской языковой группе, три других народа — удмурты, марийцы, мордва — к финно-уграм. Татары и башкиры — мусульмане. Остальные — наследуют православную традицию в сочетании с язычеством. Калмыки — единственный в Европе прежде кочевой монголоязычный народ — носитель буддизма-ламаизма. Но, вместе с тем, все они имеют общие черты со своими соседями, выработанные в процессе длительного совместного проживания в границах, во-первых, единой историко-этнографической области, во-вторых, в пределах российского государства, в-третьих, в условиях советской системы.

Все эти народы имеют свои «писанные» истории, судьба каждой из которых ещё совсем недавно была сходна настолько, насколько могут быть сходны фрагменты более широкого и монументального полотна, называемого историей России — Русского государства, Российской Империи, Советского Союза, Российской Федерации. В данном случае нет возможности подробно останавливаться на всех имеющихся национальных версиях исторического развития Урало-Поволжья. Обратим внимание на татарскую и башкирскую исторические школы, отличающиеся наиболее активными концептуальными поисками. Но, вместе с тем, воспользуемся материалами и других республик, которые помогут раскрыть тему настоящего раздела.

Урало-поволжская гуманитарная интеллигенция относительно поздно вступила в дискуссии по поводу пересмотра исторических представлений, объявляемых устаревшими. Данный российский регион издавна характеризуется относительно высоким уровнем социального спокойствия, а интеллектуальная элита — лояльностью и конформизмом. Ситуация в Калмыкии к тому же была отягощена воспоминаниями о депортации, а это научило жить с особой осторожностью и осмотрительностью, особенно общаясь с властью, которая и сама по всей иерархической лестнице соблюдала те же законы. Существенным вкладом поволжской интеллигенции в раннеперестроечный период можно считать лишь инициативы по реабилитации депортированных народов, публичное обсуждение обострившихся экологических проблем, а также языковой ситуации в республиках.

Пересмотр региональной истории начался (когда многие сюжеты в Центре уже были пережиты и потеряли свою сиюминутную актуальность) с национальных движений конца XIX — начала XX вв. Так, например, в Башкирии на новой концептуальной основе развивается историография башкирского национального движения 1917–1920 гг., возглавлявшегося З. Валидовым (З.А. Валиди). (В советской, в том числе и местной историографии З. Валидов характеризовался как «ярый буржуазный националист», «контрреволюционер», «националистически настроенный деятель».) В 1990-е гг. оценки стали радикально иными(59). В Татарии «переозвучили» роль

в создании национальной автономии М. Султан-Галиева — татарского советского государственного деятеля 1920-х гг., обвинённого в своё время в национализме (60).

К середине 1990-х гг. в Поволжье появились первые учебники, которые содержали новые взгляды (с разной степенью радикальности) на местную историю. С одной стороны, с декларативно антиленинских и антикоммунистических позиций написано учебное пособие для учителей известного башкирского историка Б.Х. Юлдашбаева «Новейшая история Башкортостана» (Уфа, 1995). Автор недвусмысленно порывает с традицией советской партийно-классовой трактовки исторических событий. Революция 1917 г. оценивается им как большевистский переворот, в результате которого на смену демократии пришла большевистская диктатура пролетариата. В.И. Ленин, как историческая фигура, описывается неприязненно и отчуждённо, с использованием таких определений, как «большевики и их вождь и идеолог Ленин», «марксистские догмы и ленинские лозунги, призывающие к насильственной пролетарской революции» и т. д. (61) Борьбу против большевизма автор описывает в разделе «Неоценённый героизм тех, кто сражался с большевиками» (62). Таким образом, Б.Х. Юлдашбаев в пособии демонстрирует полный отказ от прежних исторических построений относительно новейшей истории Башкирии.

Правда, в Башкирии такая трактовка сосуществует с другими, гораздо более осторожными и спокойными заявлениями. В некоторых учебниках по истории края, опубликованных в этот же период, признаётся политический и организационный вклад Ленина как один из факторов победы революции (63), а вопрос об исторической закономерности революции и её результатах не подвергается сомнению.

Пересмотр новейшей (советской) политической истории республик Поволжья — это один из первых, но далеко не единственный аспект трансформации исторического профессионального сознания. От доказательства того, что разные народы (например, татары и башкиры) имели своё национально-освободительное движение и свою (хотя и краткую, прерванную процессом советизации) историю национально-государственного строительства, историки переходят к более широким историческим построениям, направленным на то, чтобы «воссоздать» *всю свою* историю. Эта история такова, что в ней нет места идее вымирания, отсталости, деградации нерусских народов до их вхождения в состав Русского государства или до революции 1917.

Системообразующим элементом исторических построений стала, как и в других регионах, идеология национального государства, которое часто рассматривается как единственное место в мире, где каждый данный народ имеет неотъемлемое право поддерживать и развивать свой язык и культуру. «Возрождение нерусских народов России возможно только при существовании их национальных государств... Каждая нация должна иметь своё государство и обустроить свою жизнь в соответствии с национальными особенностями» (64), — такое мнение, высказанное чувашским исследователем В.Д. Димитриевым, широко распространено в кругах национальной научно-художественной интеллигенции.

При этом, часть интеллектуальной элиты считает, что обновлённое или даже новое национальное государство настоятельно нуждается и в новом историческом осуждении. По этому поводу к президенту М. Шаймиеву обратилась с открытым письмом группа учёных, писателей и общественных деятелей Татарии, заявив, что «без своей истории, написанной на уровне международных стандартов, суверенитет Татарии будет ущербным... Это прямой путь к изоляции и потере наших достижений по обретению реального суверенитета» (65). В 1995 г. в республике вышла в свет целая

серия новых школьных учебников по истории Татарстана. В 1996 г. в Казани прошла дискуссия о том, какой должна быть национальная история(66).

По-иному представлена роль татарского этноса в раннесредневековом Булгарском государстве и Казанском ханстве. Эти исторические периоды заключают в себе противоречия, существенные для гуманитарно-исторической мысли Поволжского региона. Так, продолжаются многолетние споры, обострившиеся в последние годы между чувашскими и татарскими историками по поводу особенно престижного в нынешних обстоятельствах древнебулгарского наследия(67). Для ряда местных исследователей первостепенное значение приобретает утверждение приоритета собственного народа в качестве единственного и полноправного наследника древних булгар. Для татарских исследователей Волжская Булгария в последние годы всё чаще представляется образцом ранней государственности древних татар: «современный народ, известный под названием татары... является прямым и непосредственным наследником волжских булгар»(68). В свою очередь, чувашский историк В.Д. Димитриев в статье с весьма показательным названием «К 1100-летию чувашской государственности» высказывает мнение, согласно которому «чувашский язык в Волжской Болгарии являлся государственным языком, использовался в законодательстве, управлении, делопроизводстве... богослужении, литературе, торговле и в межэтнических отношениях»(69).

Вопросы этногенеза татар и их отношения к татаро-монголам составляют сложную проблему. По этому поводу существуют различные мнения. Например, авторы учебника для 5–6 классов «Рассказы по истории Татарстана» (Казань, 1994) категорически отмежевываются от золотоордынских татаро-монголов, утверждая, что современные татары обязаны своим происхождением не монголам, а булгарам и кипчакам(70).

Впрочем, эта точка зрения, насколько можно судить, в настоящее время находит всё меньше приверженцев. Напротив, в учебниках гораздо чаще повторяется мысль о значительном вкладе золотоордынского этнокультурного пласта в этногенез татар, о Золотой Орде как о конгломерате тюркских народов(71). Авторитетные татарские исследователи подчёркивают, что трактовка Золотой Орды как тюрко-татарского государства относится к числу новых, отличных от прежних представлений об истории Татари и татарского народа(72).

Новый взгляд на роль собственного народа в истории заставляет по-другому трактовать российско-национальные отношения, в которых в последние годы и в этом регионе наметилась тенденция отчуждения. Трагично звучат следующие слова авторов учебника для 5–6 классов: «с момента завоевания Казанского ханства вплоть до самого XIX в. — это самый грозный, беспросветно тёмный, неимоверно тяжёлый период в истории нашего народа, который царское правительство пыталось полностью русифицировать и подменить истинную его историю»(73).

В целом, почти все учебные издания, написанные и опубликованные в последние 3–4 года, претендуют на роль «истинной или подлинной истории», воссозданной на руинах прошлых заблуждений и извращений. Об этом недвусмысленно говорится в ряде предисловий. «О нашем народе ходит много исторических небылиц и лживых мифов. Раньше это насаждалось нарочно, чтобы преуменьшить значение татарского народа»(74), — говорится в учебном пособии по истории Татарстана для начальных классов. «Целые страницы многовековой истории нерусских народов и, прежде всего, тюркских замалчивались или преподносились с негативной оценкой» — эти слова обращены к учащимся 8–9 классов(75).

Заметно, что нередко рукой авторов движут чувства обиды и желания ответить на несправедливость. Историческая картина в этом случае выглядит как реванш за неоценённый по достоинству вклад татар в мировую и отечественную историю; последняя в значительной мере становится татарской. В школьной истории выстроен ряд-последовательность «государств татарского народа»: Тюркский каганат, Кимакский каганат, Хазарский каганат, Великая Болгария, Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, Крымское, Сибирское и Астраханское ханства, Ногайская Орда и Большая Орда(76).

Авторы учебников создают захватывающую, полную героических событий, культурно-богатую, политически насыщенную историю татарской цивилизации. На фоне такой истории татар русско-московская история, культура и территория выглядит как окраина ойкумены, глубокая провинция, представляющая интерес лишь в той мере, в какой Московское княжество вело малоуспешные до поры до времени походы на Восток.

С середины XVI в., с момента падения Казанского ханства, московско-русская история приобретает в учебниках «монстровидные» черты, а татарская — черты жертвы. XVI–XVIII вв. характеризуются как время утраты татарским народом своей государственности, время колонизации территории русскими, как эпоха установления самодержавного гнёта и насильственной христианизации(77). День взятия Казани войсками Ивана Грозного (15 октября 1552 г.) с 1990 г. отмечается в Татарии как «День памяти» погибших.

Башкирский историк Д.Ж. Валеев считает башкирскую историю более чем драматичной: «За тысячелетнюю историю своего существования башкирский народ вряд ли когда-либо считал себя счастливым. Только начав формироваться как этнополитическая общность, он попал под эгиду булгар., позднее становится зависимым от Золотой Орды, Казанского и Ногайского ханств. Не сделали его счастливым ни российская, ни советская империя...»(78).

Впрочем, избавляясь от «прокрустова ложа русскоцентричной науки», татарские историки, как кажется, создают «ложе» татароцентричной истории, которое соседним народам также начинает казаться «прокрустовым». Например, башкирский исследователь И.Г. Акманов критикует некоторых татарских авторов за различные неточности, а порой и за прямую, с его точки зрения, фальсификацию исторических фактов, относящихся, в частности, к трактовке роли башкир и татар в восстаниях XVII–XVIII вв. в свою (татарскую) пользу в ущерб башкирской стороне. И.Г. Акманов заканчивает работу следующими, полными этнического патриотизма, словами: «Башкиры уважают все народы, в том числе соседний татарский, с которым у него немало общего. Однако даже во имя соседства башкиры никому не позволяют присвоить их героическую и трагическую историю, тем более историю национально-освободительных движений...»(79).

Таким образом, ко второй половине 1990-х гг. в ряде республик Поволжья и Приуралья появились свои, отличные от центрально-русской, истории, где каждый из представленных народов выступает как самостоятельный субъект. Народы, устами создателей этих историй, претендуют на одно и то же историческое наследие, независимо от того, в какой мере оно принадлежит им на самом деле. Примеры чувашско-татарских и татарско-башкирских взаимоотношений в вопросах региональной истории вполне определённо демонстрируют наличие конкурирующих этноцентризмов, создающих интеллектуально-психологическую напряжённость в сфере исторического знания и образования.

История Северного Кавказа — героическое прошлое и трагическое настоящее

Характеризуя процесс переписывания национальных историй, необходимо отметить, что многие приведённые выше наблюдения и выводы могут быть применимы к Северному Кавказу, но, конечно, с должной осторожностью и существенными поправками. Приходится признать, что здесь сложилась существенно иная традиция восприятия и интерпретации истории.

Первое, что обращает на себя внимание, — это почти полное отсутствие перестроечного радикализма в переоценке событий советского прошлого. То, на чём строилась идеология нового гуманитарного знания, то, что оказывало взрывное действие на массовое сознание, на чём концентрировались значительные интеллектуальные усилия, и что становилось отправной точкой для дальнейшего пересмотра собственной истории, на Северном Кавказе не представляло, как можно предположить, ценности в качестве преобразующего начала и не побуждало к переоценке устоявшихся представлений о мире.

В ряде северокавказских республик до середины 1990-х гг. сохранилась практика переиздания прежних учебников. Например, дореволюционного, «История Северной Осетии» для 8–9 классов (авторы М.М. Блиев, Т.Б. Гургиев), опубликованного в 1976 г. (в 1994 г. выдержал 4-е издание, сохранившись в неизменном виде)(80).

Учебники истории, написанные в конце 1980-х и в 1990-е гг., крайне мало «упоминают» имя Сталина и, тем более, его разоблачений. В учебнике «История Адыгеи» для 10–11 классов (Майкоп, 1992) репрессиям посвящён небольшой абзац, где сообщается только о том, что в Адыгее копировали сценарии московских процессов и организовывали судилища(81).

Фигура Сталина по-прежнему остаётся на Северном Кавказе культовой, она — вне критики и не подлежит обсуждению. В массовом сознании Сталин продолжает оставаться уважаемой личностью. Об этом можно судить не только по строгому молчанию в исторической литературе, но и по обилию его портретов в жилых интерьерах и за лобовыми стеклами автомобилей с местными номерами.

Для северокавказской историографии характерен приём умолчания (например, в случае со Сталиным и сталинизмом), а также приём избегания нетрадиционных, и уж тем более идеологически острых, тем. Есть основания полагать, что в этом регионе обсуждение и осмысление исторических процессов последнего десятилетия не состоялось в том виде, в каком оно происходило в Европейской части России и бывшего Советского Союза. «Перестроечные» проблемы в учебной литературе почти не были затронуты, а крайне беглые упоминания о них дают мало надежд ознакомиться с реальными событиями соответствующего периода.

Учебник по истории Чечено-Ингушетии (авторы Ш.Б. Ахмадов, М.Х. Багаев, Г.А. Ерещенко), выпущенный в 1991 г. в Грозном, «посвятил» послевоенному периоду две страницы, а заканчивается следующими словами: «Трижды орденоносная Чечено-Ингушетия в дружной многонациональной семье народов нашей великой Родины в обстановке трудового и политического подъёма решает грандиозные задачи, поставленные XXVIII съездом КПСС»(82).

Методическое пособие С.Р. Чеджемова по истории Северной Осетии для учителей (Владикавказ, 1993) имеет следующее содержание:

§ 9. Наш край в начале XX века.

§ 10. Северная Осетия в 1914–1917 годы.

§ 11. Наша республика во время Октябрьской революции и гражданской войны.

§ 12. Наш край в Великой Отечественной войне.

§ 13. Охрана природы и окружающей среды — завет предков потомкам.

§ 14. Осетинская народная мудрость в вечных истинах(83).

Современная действительность, сегодняшний день кажутся малоактуальными и неинтересными по сравнению с другой историей — историей войн, боевых действий, освободительной борьбы. Например, в учебнике истории Чечено-Ингушетии из 15-ти озаглавленных тем 8 начинаются словом «борьба» (против угнетателей, народно-освободительная, антифеодальная и антиколониальная и т. д.) и 2 включают слово «война». Раздел, посвящённый Великой Отечественной войне, из 10-ти пунктов: о защитниках Брестской крепости, Ленинграда, участниках обороны Москвы, Сталинграда и Крыма, а также о партизанах, разведчиках, снайперах из Чечено-Ингушетии. Если послевоенная история края уместилась на двух страницах, то вклад Чечено-Ингушетии в Великую Отечественную войну описан не менее чем на двадцати(84).

То, что тема героизма и воинской доблести занимает особое место в истории кавказских народов, — факт, известный давно. Пристальное и даже гипертрофированное внимание к боевому прошлому отражено в советской и постсоветской историографической традиции этого историко-культурного региона. Герои различных войн, военачальники, Герои Советского Союза составляют предмет национальной гордости. Социально-историческая память о них всегда остаётся актуальной. За последнее десятилетие в республиках Северного Кавказа опубликовано немало работ об участии представителей титульных этносов в российских кампаниях, включая Отечественные войны 1812 и 1941–1945 гг., русско-японскую войну 1904–1905 гг. Всплеск интереса к этим сюжетам наблюдался в середине 1990-х гг., особенно в 1995 г., когда отмечалось 50-летие окончания Великой Отечественной войны. И хотя некоторые республики в этот период уже предъявляли иной счёт российской истории, военная героика в её привычном идеологическом наполнении была развернута здесь в полной мере. Наиболее ярким примером служит кабардино-балкарская военно-патриотическая историография 1994–1996 гг., представленная удивительно пространным для такой небольшой республики списком работ(85).

Однако это обстоятельство не будет казаться столь необычным, если учесть, что балкарцы, как и чеченцы, ингуши и карачаевцы относятся к числу репрессированных народов, в сознании и профессиональной гуманитарной деятельности которых военно-героическая тема имеет особый смысл, приобретая компенсаторные функции. Восприятие боевого прошлого как живой истории, отношение к героизму как к одной из важнейших личностных характеристик, его непреходящая актуальность — это отчасти обратная устойчивая реакция на клеймо репрессированности.

В последние годы советский военный патриотизм стал сочетаться с иным прочтением истории Кавказской войны, в которой Россия предстает совсем в ином виде, чем это было раньше. Кавказская война воспринимается как мрачное начало российско-кавказских отношений. Например, председатель «Союза славян Республики Адыгея» сказал, что адыгам «с малых лет рассказывают о том, что их предки воевали с Россией», а учебник истории культуры адыгов начинается с описания Русско-кавказской войны(86).

Кроме того, есть основания полагать, что те страшные события, которые происходили и ещё продолжают происходить в настоящее время в Чечне, воспринимаются значительной частью населения как продолжение героической боевой истории собственных народов, которая не прерывается вот уже несколько столетий. История кавказской освободительной войны XIX в., кажется, как никогда актуальна и близка сегодняшнему дню. «300-летняя русско-чеченская политическая история доказала, и русские политики это хорошо усвоили, что пока будет существовать Чечня, неизбежной будет и борьба её народа за независимость», — считает автор книги «Непокорённая Чечня» Л. Усманов(87).

Современный феномен кавказского героизма строится на противоречивых началах. С одной стороны, на Северном Кавказе сохраняется стойкий консерватизм, замедленное и крайне осторожное отношение к переменам, «обращённость» назад и, как следствие, относительно слабый интерес к современности. Настоящее кавказских народов при всей комплиментарной риторике выглядит бледной тенью их прошлого. С другой стороны, процессы этнополитической и этнотерриториальной суверенизации, в которые народы региона оказались вовлечены самым непосредственным образом, привнесли в сознание элемент «жертвенности» и придали трагичность восприятию истории. Учебная литература показывает, что каждая из противостоящих сторон ощущает себя большей жертвой, чем противник.

В том же случае, когда народы и государства находятся в состоянии вооружённого конфликта, мировосприятие подвергается ещё более глубокому изменению. У вовлечённых в конфликт усугубляется комплекс жертвы, искажаются представления о добре и зле.

Все эти приметы уже получила гуманитарная и историческая мысль в тех регионах, где велись или продолжают идти войны и конфликты. В 1996 г. в Саратове опубликована «Хронология истории ингушского народа» (автор С. Хамчиев)(88). Хронология содержит более 360 дат, по крайней мере, 100 из которых фиксируют акты насилия, притеснения, оскорбления, унижения, выселения, изгнания и т. д. Отвлекаясь от проблемы достоверности и объективности хронологических построений, необходимо отметить их потенциальный воспитательный аспект. Учебники (и не только учебники, но и значительная часть гуманитарной литературы), написанные в зонах конфликта, не только формируют комплекс жертвы, но и способны спровоцировать усиление ответной агрессивности, смещая представления о гуманизме и человеческих ценностях. Например, грузинско-южноосетинский и ингушко-североосетинский конфликты 1989–1992 гг. описаны в учебнике по истории Северной Осетии так, что, изъяв из текста этнонимы, даты и географические названия, можно с уверенностью полагать — речь идёт о борьбе с германским фашизмом в годы Великой Отечественной войны: «... года отряды внезапно ворвались в... Началась война на истребление... Фашисты издевались над женщинами и стариками... Ни зверства фашистов, ни многомесячная осада... не заставила сдаться защитников... Сотни молодых людей отдали свою жизнь за свободу своей родины... Народ свято чтит память героев, погибших в боях или зверски замученных захватчиками...»(89). Таким образом, героическая история как бы продолжается, но в ряде случаев в чудовищной и извращённой форме, поскольку речь идёт о взаимном истреблении народов, веками соседствующих в границах ещё совсем недавно единого государства.

* * *

Понятно, что на основании только учебной литературы едва ли можно сделать исчерпывающие выводы об особенностях восприятия и создания национальной картины мира. Об этом свидетельствует гораздо более широкий круг источников. Вместе с тем, содержание учебной литературы, как кажется, соотносится с психологическими характеристиками, согласно которым северокавказские культуры тяготеют к традиционализму, замкнутости, регламентированности и общинности. К числу особенностей относятся также радикализм и андроцентризм. Г.У. Солдатова полагает, что в этих характеристиках заложены поведенческие модели, определяющие особенности восприятия и взаимодействия в повседневной жизни (90). Однако учебная литература показывает, что психологические универсалии горских народов распространяют своё действие далеко за пределы повседневного взаимодействия и до известной степени управляют более сложными видами духовной и психо-эмоциональной деятельности.

История, как область знания и как учебный предмет, всё больше становится историей этносов и этнических государств. Вопросы развития этнонациональной государственности, этнонациональных территорий и границ, этнической культуры и этнического языка составляют основу исторических построений последних лет. Можно определённо говорить о том, что в национальных историях на смену классам «пришли» народы-этноты, а место классовой борьбы «заняли» национально-освободительные движения.

В национально-региональных исторических описаниях всё большее значение приобретает тема героики и жертвенности. Описывая драматические события, историческая литература несёт в себе значительное психо-эмоциональное воздействие. Она заставляет воспринимать те или иные события столетней и даже тысячелетней давности как личную утрату, создавая условия для коллективного сопереживания и внутриэтнической жертвенной консолидации на почве общей обиды и осознания несправедливости исторической судьбы.

Важным импульсом современных исторических построений выступает стремление практически всех этнических интеллектуальных элит избавить собственные народы от статуса исторической и культурной периферии, от роли ведомого и, наоборот, найти аргументы в пользу того, что их достижения сопоставимы с общепризнанными престижными образцами мировой цивилизации.

В этом контексте становится более очевидным набирающий силу процесс суверенизации национальных историй. История России, написанная в Москве, уже не представляет для многих российских народов (тем более, тех, кто живёт в независимых государствах) «столбовой дороги» исторического развития. Тенденции усиления полиэтноцентричности очевидна. Учебная историческая литература повышает самооценку народов, делает их творцами истории, но одновременно она фиксирует и закрепляет в сознании дисбаланс местных национальных и общероссийских интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ферро, Марк*. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М., 1992.
2. Там же. С.8.
3. См, напр.: *Гузенкова Т.С.* Проблема самоидентификации национальной интеллигенции республик Поволжья и Приуралья //Конфликтная этничность и этнические конфликты. — М., 1994; *Гузенкова Т.С., Коростелев А.Д.* Этнокультурные предпосылки согласия и противоречий в республиках Российской Федерации //Информационный бюллетень. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках РФ. Вып.4, — М., 1994; *Гузенкова Т.С.* «Жертва истории» борется с северным соседом. Образ России в украинском историческом образовании //Независимая газета. 1998, 25 марта и др.
4. См., например: *Гринев Владимир*. СЛОН (Социально-либеральное объединение) о языковой политике в Украине. — Киев, 1997; Говорить по-русски только шёпотом? Интервью председателя Партии духовного, экономического и социального прогресса И.Г. Бурдака //Русский вестник. Русский культурный центр «Ярослав». Дайджест. — Киев, 1998, февраль. Вып.3.
5. Практика законодательного обеспечения двуязычия в Беларуси. (Выступление народного депутата Республики Беларусь, председателя Комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь Плетюхова В.А. на международной конференции «Диалог украинской и русской культур в Украине». Киев, 12–13 ноября 1998 г.).
6. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. — М., 1996.
7. *Исхаков Д.М.* Современный национализм татар //Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т.П. Современный национализм татар /Автор-составитель Д.М. Исхаков. Под ред. М.Н. Губогло. — М., 1998.
8. *Сафин Ф.* Принципы этнополитического развития Башкортостана (1988–1993 гг.). — М., 1997. С.232–372.
9. См., например: Великий Октябрь в Башкирии [Рекоменд. библиограф. указат.] /Мин-во культ. Башк. АССР, Научн. библ. им. Крупской. Сост. А.Г. Ахмадеева. — Уфа, 1987; *Тагиров И.Р.* Дорогой свободы и братства. — Казань, 1987.
10. *Гузенкова Т.С.* Синдром положительного примера //Свободная мысль. 1993. № 3.
11. *Нармаев М.* Весна возрождения //Советская Калмыкия. 1988. 8 ноября; *Кугультинов Д.* Чувство хозяина жизни //Советская Калмыкия. 1988. 27 августа; *Бадмаев А.* Прочерк в пятой графе //Советская Калмыкия. 1988. 11 июня; *Алексеева П.* Сибирь: страницы пережитого //Тегин герл (Свет в степи). 1989. № 5 и др.
12. См., например: *Васильева О.И.* Выдвиженчество и коренизация аппарата Удмуртии в годы предвоенных пятилеток //Из истории общественно-политической жизни Урала в XX в.: Сб. статей /Отв. ред. А.В. Яковлев. — Ижевск, 1992; *Пукроков Ф.П.* Тайна трёх иллюзий: Повесть-исповедь. — Ижевск, 1990.
13. Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии /[Авт. вступ. статьи, состав., авт. послеслов. Н.Ф. Бугай]. — М., 1992; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» [О депортации народов СССР в 30–40-е гг.]. — АИРО-XX: М., 1995.
14. Высланы... Оставлены навечно...: Книга памяти ссылки калмыцкого народа /Редсовет: К.Н. Максимова и др. — Элиста, 1993. Т.2. Кн.1–2.
15. *Паникин А.Б., Папуев В.Б.* Дорогой памяти [Путешествие на «Поезде памяти» по местам депортации калмыцкого народа в 1943–1956 гг.]. — Элиста, 1994.
16. *Боков, Хажбикар.* Дорога печали и мужества. — М., 1992.
17. *Кульшарипов М.М.* З. Валидов и образование Башкирской автономной советской республики (1917–1920 гг.). — Уфа, 1992. С.5.
18. Там же. С.6–7.
19. *Яушев К.* Кто там шагает правой? //Вечерняя Уфа. 1992, 24 апреля.
20. В.И. Ленин и Калмыкия: Сборник документов и материалов /Парт. архив Калм. Обкома КПСС, Центр. госуд. архив Калм. АССР. Сост. З.Б. Очирова и др. 3 изд. испр. и доп. — Элиста, 1990.
21. *Гранкина В.* 1450 лет Тюркскому каганату //Независимая газета. 1996. 24 февраля.
22. *Коваль М.В., Кульчицкий С.В., Курносов Ю.А., Сарбей В.Г.* История Украины /Пробное учебное пособие для 10–11 кл. средней школы. Допущено Министерством народного образования Украины. Перевод с укр. — Киев, 1991. С.3.
23. Там же. С.348.
24. *Кульчицкий С., Курносов Ю., Коваль М.* История Украины /Пробный учебник для 10–11 кл. средней школы. Ч.1. Перевод с укр. Допущено Министерством образования Украины. — Киев, 1994. С.3–4.
25. Там же. Ч.1–2.

26. Жуковский А., Субтельный О. Очерк истории Украины /На укр. яз. Рекомендован Министерством образования Украины как учебник для школ среднего и высшего образования. — Львов, 1993.
27. Там же. С.198–199.
28. См., например: Жуковский А., Субтельный О. Указ. соч.; Гунчак, Тарас. Украина: Первая половина XX столетия. Очерки политической истории /На укр. яз. Рекомендовано Министерством образования Украины для использования в учебном процессе студентами вузов. — Киев, 1993.
29. История Украины /На русск. яз. Под ред Н.И. Бушина. Рекомендовано Министерством образования Украины как учебное пособие для учащихся и студентов с русским языком обучения. — Уфа, 1996. С.324.
30. Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новейшая история Украины. Часть вторая (1945–1995). 11 кл. /На русск. яз. Допущено Министерством образования Украины как учебник для учащихся общеобразовательных школ. — Киев, 1995. С.186.
31. См.: Гузенкова Т.С. «Жертва истории» борется с северным соседом //Независимая газета. 1998, 25 марта.
32. Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Указ. соч. С.43, 131.
33. Там же. С.82–83, 124–125.
34. Свидерська В., Паньків М., Батиш С. История Украины XX столетия в вопросах и ответах /Ответы на экзаменационные билеты для 11 классов дневных и вечерних общеобразовательных учебно-воспитательных учреждений. — Тернополь, 1997. С.43.
35. Украина: вторая половина XX столетия. Очерки истории /На укр. яз. Рекомендовано Министерством образования Украины для использования в учебном процессе. — Киев, 1997. С.180.
36. Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Указ. соч. С.133.
37. История Украины /На укр. яз. Под ред. В.А. Смолия. Учебное пособие. Рекомендован Министерством образования Украины. — Киев, 1997. С.361.
38. Там же. С.361.
39. Там же. С.358–359.
40. Энергетика родного слова /Интервью председателя Всеукраинского общества «Просвита» имени Тараса Шевченко, народного депутата Павла Мовчана. Новости (Киев). 1996, 5–12 февраля.
41. Свидерська В., Паньків М., Батиш С. Указ. соч. С.43.
42. История Украины — дисциплина государственническая /Интервью заведующего кафедрой истории Украины Донецкого государственного университета Р.Д. Ляха. На укр яз. //Урядовый курьер. 1998, 11 липня.
43. Очерки истории Беларуси в 2-х частях. Часть 1 /На белорус. яз. Рекомендовано Министерством образования Республики Беларусь для студентов вузов. — Минск, 1994. С.3.
44. Лойко Т.В. Введение в историю Беларуси. Учебно-методическое пособие для студентов всех специальностей. — Минск, 1992. С.5.
45. Указ. соч. С.5.
46. Бич М.О., Сидоров В.Н., Фомин В.М. История Беларуси. XX век. Учебное пособие для 10–11 кл. средних школ. — Минск, 1992. С.3.
47. Актуальные вопросы истории Белоруссии (дооктябрьский период). Материалы в помощь учителю истории. — Гродно, 1990; История Беларуси: вопросы и ответы. — Минск, 1993.
48. Бич М.О., Сидоров В.Н., Фомин В.М. Указ. соч. С.335.
49. Очерки истории Беларуси в 2-х частях. Часть 2 /На белорус. яз. Рекомендовано Министерством образования Республики Беларусь для студентов вузов. — Минск, 1995. С.420–487.
50. История Беларуси: вопросы и ответы... С.6.
51. Актуальные вопросы истории Белоруссии...
52. Лойко Т.В. Введение в историю Беларуси... С.12–13.
53. Очерки истории Беларуси в 2-х частях. Часть 1... С.267; Актуальные вопросы истории Белоруссии... С.34, 50.
54. Ковкель И.И. История Беларуси. Учебное пособие по истории Беларуси для слушателей отделения доуниверситетской подготовки в 3-х частях. Часть 2. 1861–1917. — Гродно, 1997. С.59.
55. Лойко Т.В. Введение в историю Беларуси... С.26.
56. Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Этнополитическая ситуация //Белоруссия: путь к новым горизонтам. — М., 1996. С.309.
57. Там же. С.306.
58. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Некоторые проблемы русских в ближнем зарубежье: миграция, занятость, конфликты //Российский этнограф. — М., 1993. № 2.
59. Юлдашбаев А.М. Историк, вошедший в историю (политическая и научная деятельность профессора Стамбульского университета Ахметзаки Валиди Туган). — Уфа, 1992.
60. Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923. — М., 1992; Султанбеков Б. Разгром «националов» — действие второе //Татарстан. Общественно-политический и теоретический журнал. — Казань, 1993. № 2. С.45–48; Стенографический отчет

совещания членов Татобкома и ОКК совместно с ответственными работниками по национальному вопросу //Татарстан. Общественно-политический и теоретический журнал. — Казань, 1993. № 2, 3, 6.

61. Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана //Для учителей. Утверждено Мин. народ. образ. Респ. Башкортостан. — Уфа, 1995. С.18–21.

62. Там же. С.50.

63. История Отечества. Часть II. Середина XIX в. — конец XX в. /Учебное пособие. — Уфа, 1995. С.53.

64. Дмитриев В.Д. История и национальные проблемы чувашского народа //Вестник Чувашской национальной академии. — Чебоксары, 1994. № 2. С.33.

65. Постнова В. О праве народа на историю //Независимая газета. 1996, 29 мая.

66. Закиев М. Пишется ли наша история и кем? (на тат. яз.) //Ватаным Татарстан. 1996, 21, 22, 24, 25 мая; Исхаков С. Почему в Татарстане не пишется история нашего народа (на тат. яз.) //Ватаным Татарстан. 1996, 5, 7 июня; Как писать татарскую историю? О концептуальных проблемах подготовки истории татарского народа (на тат. яз.) //Идел. 1996. № 3.

67. См.: Shnirehman Viktor A. Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russian. — Washington—Baltimore—London, 1996.

68. Каримуллин Абрар. Татары: этнос и этноним. — Казань, 1988. С.22.

69. Дмитриев В.Д. К 1100-летию чувашской государственности //ЛИК Чувашии. Литературно-художественный и публицистический журнал Министерства культуры и по делам национальностей Чувашской республики. — Чебоксары, 1995. Т.2. С.117.

70. Давлетиин Г.М., Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л. Рассказы по истории Татарстана /Учебник для 5–6 кл. средней школы. Под ред. С.Х. Амишева. — Казань, 1994. С.70.

71. Мифтахов З.З., Мухаммадеева Д.Ш. Учебник для средн. общеобраз. школ, гимназий, лицеев. Часть 1. Рекоменд. Мин. обр. Республ. Татарстан. — Казань, 1995. С.114.

72. Измайлов И., Исхаков Д. Урок полуграмотной истории. Рецензия на учебник З.З. Мифтахова и Д.Ш. Мухаммадеевой «История Татарстана и татарского народа» (Казань, 1995) //Татарстан. — Казань, 1995. № 9–10. С.111.

73. Давлетиин Г.М., Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л. Рассказы по истории Татарстана... С.265.

74. Шамси, Султан, Измайлов, Исхандер. Волжская Булгария в рассказах для детей /Учебн. пособие для начальных классов по истории и культуре Татарстана. — Казань, 1995. С.3.

75. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Часть 1 /Учебн. для средн. общеобр. школ, гимназий, лицеев. Утверждено Мин. обр. Республ. Татарстан. — Казань, 1995. С.3.

76. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана...

77. Сиңицына К.Р. История Татарстана и татарского народа. Часть 2 (вторая половина XVI–XVIII вв.) /Учебн. пособ. для средн. общеобр. школ, гимназий, лицеев. Рекомендовано Мин. обр. Республ. Татарстан. — Казань, 1995. С.3.

78. Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. — Уфа, 1993. С.3.

79. Акманов И.Г. За правдивое освещение истории народов (Замечания к книге В. Имамова «Запятанная история татар»). — Набережные Челны, 1994. — Уфа, 1995. С.61.

80. Блиев М.М., Гургиев Т.Б. История Северной Осетии. Часть 1 /Учебн. пособ. для 8–9 кл. Изд. 4-е. — Владикавказ, 1994.

81. История Адыгеи /Учебник для 10–11 кл. Утвержд. Мин. обр. Республ. Адыгея. — Майкоп, 1992. С.97.

82. Ахмадов Ш.Б., Багаев М.Х., Ереценко Г.А. Рассказы по истории родного края /Учебн. пособ. для учаш. 6 кл. Утвержд. Мин. обр. Чечено-Ингуш. республ. — Горозный, 1991. С.112.

83. Чеджемов С.Р. Из истории родного края /Методич. пособие в помощь учителю. — Владикавказ, 1993.

84. Ахмадов Ш.Б., Багаев М.Х., Ереценко Г.А. Рассказы по истории родного края...

85. См., например: Боевая слава Кабардино-Балкарии: Очерки о героях Великой Отечественной войны (1941–1945). Кн.6. — Нальчик, 1994; Бесланев В.С. Малокабардинцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945. — Нальчик, 1995; Лики войны: Сборн. докум. по истории Кабар.-Балкар. в Великой Отечеств. войне. — Нальчик, 1996.

86. Николаев, Валерий. «Русский бунт» в Адыгее //Независимая газета. 1998, 8 декабря.

87. Усманов Лема. Непокорённая Чечня. — М., 1997. С.20.

88. Рассчитано по: Хамчиев Султан. Хронология истории ингушского народа. — Саратов, 1996.

89. Бзаров Р.С. Рассказы по истории Северной Осетии. 5 кл. — Владикавказ, 1994. С.108–109.

90. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. — М., 1998. С.223–244.

НЕЗАВИСИМЫЕ
ГОСУДАРСТВА — «НЕЗАВИСИМАЯ
ИСТОРИЯ»?

II

АРМЕНИЯ: «КАРАБАХИЗАЦИЯ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*Александр Искандарян,
Бабкен Арутюнян*

Для того, чтобы наглядно представить сущность произошедших в последнее десятилетие перемен в восприятии своего исторического прошлого армянским обществом, необходимо буквально в двух словах остановиться на специфике протекавших в эти годы в Армении общественно-политических процессов(1). Дело в том, что некоторые особенности последней армянской революции и современного состояния армянского общества решительным образом повлияли на сложившийся в Армении образ истории, как новой и новейшей, так и древней.

Армения уникальна среди стран, возникших на месте бывшего СССР, тем, что путь её к независимости был в значительной степени инициирован не борьбой против коммунизма или империи, а формально внешним по отношению к стране (но не к социуму) карабахским конфликтом(2). Если и присутствовало противостояние Москве, то лишь в том, что касалось национально-территориального устройства Советского Союза, а отнюдь не коммунистической идеологии или «советской оккупации», как в Балтии или Грузии. По крайней мере, на первом этапе противостояния лидеры национального движения избегали прямого противопоставления себя Центру, подчеркнуто добиваясь решения территориального конфликта в рамках СССР. Таким образом, основное противоречие проходило не по оси Ереван–Москва, а по оси Ереван–Баку, или даже Ереван–Степанакерт–Баку.

Парадокс в том, что вызванное территориальной проблемой карабахское движение в Армении, воспользовавшись политикой гласности и перестройки и потребовав не санкционированного Москвой изменения границ, позже смогло трансформироваться в движение за независимость Армении от союзного центра, катализировав, в свою очередь, уже процессы распада СССР, по крайней мере, в Закавказье. Причём борьба за независимость явилась в значительной степени результатом всё большего осознания невозможности решить проблему Нагорного Карабаха в рамках советской системы. Словом, ситуация, когда первичной для общества явилась не проблема независимости, а территориальная проблема, а независимость рассматривалась как инструмент для решения последней, из всех республик бывшего СССР (кроме Армении) в какой-то степени была характерна ещё, пожалуй, только для Азербайджана. Это обстоятельство существенно сказалось и на тех процессах, которым посвящён наш анализ(3).

Вторым фактором, повлиявшим на процессы формирования новой идентичности, была произошедшая в процессе революции полная смена политических элит. Бывшие коммунистические руководители, абсолютно дискредитировав себя в качестве

политиков, сошли со сцены уже на раннем этапе движения к независимости (и позже не смогли вернуться в политику). Их место в качестве лидеров сначала национально-го движения, а затем и государства, заняла научно-творческая интеллигенция. Интеллектуалы получили возможность не только влиять на власть, но и взять её в свои руки. Идеи импульсы, вырабатываемые ещё начиная с шестидесятых в диссидентской и полудиссидентской среде, стали идеологией «партии власти».

Третьим фактором, повлиявшим на трансформацию массовых мифов, было то, что власть в Армении фактически перешла в руки новых лидеров очень рано — в 1989 г., задолго до провозглашения независимости. Противостояние Армения–Горбачёв не переросло в противостояние Армения–Россия. Инверсия, типичная для регионов этнополитических конфликтов, когда Центр становится слугой врага, в массовом сознании в Армении тоже произошла. Однако субъектом негативной интерпретации «проазербайджанской силы» в общественном мнении стала не Россия, а Москва, именно как союзная столица. Результатом этого феномена (впрочем, далеко не только его) стало практически полное отсутствие в Армении столь характерной в бывшем СССР русофобии(4). К моменту распада СССР Москва гораздо в меньшей степени, чем на начальном этапе противостояния, рассматривалась как «верховный судья» в конфликте с Азербайджаном, соответственно причин для противопоставления на уровне массового сознания не было.

И последним фактором, отличавшим Армению, впрочем наряду с Украиной и государствами Балтии, было наличие многочисленной и разветвлённой диаспоры. В диаспоре уже существовала разработанная историография, национальные мифологемы и идеологемы, которые, на первый взгляд, вполне могли бы быть механически перенесены в Армению в готовом виде.

Исторический миф и трансформация массового сознания

В силу некоторых особенностей исторического развития армянского этноса, история, а точнее исторический миф, всегда занимала существенное место в культурной идентичности армян(5). Осознание армянским народом культуртрегерской миссии берёт начало в церковной историографии средних веков, в которой был создан образ *христианского народа во враждебном окружении*.

Отчасти потому, что периоды в истории Армении, когда она была независимым государством, были очень недолгими, роль Армянской церкви в формировании этнической идентичности армян носила специфический характер. Не останавливаясь подробнее на этой чрезвычайно сложной и достойной отдельного исследования теме, отмечу только, что вплоть до середины прошлого века светской интеллигенции в Армении не было, не существовало и светской общественной жизни а, следовательно, истории в современном смысле этого слова. После утраты государственности(6) Армянская церковь в каком-то смысле выполняла функции государства; она была единственной структурой, объединявшей весь народ в персидской и турецкой частях Армении, а после 1828 г.(7) — и в российской. В сфере деятельности Армянской церкви почти целиком находились образовательная, судебная, культурообразующая функции; за исключением Карабаха в Восточной Армении и Сасуна в Западной, где частично сохранялось местное самоуправление, функции внутренней иерархии в ар-

мянском обществе выполняли структуры Церкви. Она долгое время была практически единственным институтом, под эгидой которого изучалась история, расставлялись приоритеты при оценке исторических деятелей и событий, вырабатывались стереотипы. Армения очень рано приняла христианство (крещение Армении датируется 301 г. н.э.), но уже в V в., после Халкедонского собора, догматика Армянской Апостольской Церкви достаточно существенно разошлась с догматикой почти всех других существовавших на тот момент христианских конфессий. Это обстоятельство, плюс то, что армяне жили в окружении народов, инородных и по культуре, и по религии, и по языку, усиливало ощущение «самости» армян, и послужило одной из причин возникновения и поныне характерного для армян представления об *избранности армянской нации и первородстве армянского христианства*.

Это представление осталось характерным для армян со времён раннего средневековья. Для армянского исторического мифа характерна гиперболизация образа и места армянской культуры, а также её обособления от культуры соседей. В популярном сознании заняла прочное место концепция об армянах — единственном цивилизованном народе, окруженном дикарями. Результатом гипертрофированной этноцентричности явился образ очень обособленной, сугубо национальной культуры(8). Характерные для региона вообще и армян, в частности, примеры культурных связей и взаимопроникновения внешних воздействий превращались в примеры создания армянами культурных ценностей для народов, не способных это сделать. При этом армянская культура, как и большинство «старых» культур, в реальности представляет из себя очень сложную структуру с многочисленными наслоениями внешних влияний, в свою очередь, сильно влиявшую на соседние культуры.

Ещё одним феноменом развития исторического сознания армян в советскую эпоху стал так называемый *комплекс геноцида*. Геноцид 1915–1922 гг. и его последствия сыграли чрезвычайно важную роль в формировании менталитета сегодняшних армян. Современники воспринимали геноцид как конец армянской истории. Продолжение первой мировой войны и связанная с этим опасность завоевания российской Армении и одновременно надежды на присоединение земель, которые до геноцида были населены армянами, в какой-то степени уменьшили фрустрацию в армянской среде. Возникновение Армянской Республики в 1918 г. родило новые надежды, которые, в свою очередь, рухнули в 1920 г., когда Армения была аннексирована Красной Армией. С точки зрения армян диаспоры, Армении больше не существовало. В результате геноцид 1915 г. (по-армянски он называется «егерн», дословно «злодеяние») занял в сознании армян то огромное место, которое продолжает занимать и сейчас. В формировании современного «комплекса геноцида», сыграло особенно большую роль то обстоятельство, что, хотя «народная» история творилась непрофессионалами и была почти целиком мифологизирована, на нее постоянно оказывали влияние сразу две официальные, подтверждённые историографией, версии армянской истории — и советская история, и диаспорная контрстория(9). Обе версии страдали соответствующими искажениями и замалчиваниями, и сложившийся в массовом сознании исторический миф представляет собой результат причудливого взаимодействия.

Сюжеты, практически запрещённые в официальной историографии советской Армении, тем не менее, оставались в коллективной памяти общества. Реальная история Армянской Республики в советское время практически не изучалась — её заменял ряд малоубедительных негативных штампов (дашнаки — национал-предатели, Армянская республика — колония Антанты, некоммунистические национальные политические деятели — мракобесы и т. д.). Некоторые сюжеты (как то фидаинское(10)

движение) за трудностью негативизации просто замалчивались. Естественно, нишу исторических представлений занимали легенды, сказания, песни о фидаинах, в которых те представлялись эпическими, почти сказочными героями. Во многих семьях несмотря на то, что это было небезопасно, хранились фотографии наиболее известных фидаинов. Их высказывания и сюжеты из жизни, зачастую не имевшие отношения к реальности, были предметом апокрифических сказаний, иногда даже письменных.

Та же участь постигла историю партии «Дашнакцутюн». «Демонизация» дашнаков советской историографией сыграла с ней довольно злую шутку. То, что дашнаки изображались в литературе, кинофильмах и т. д. невежественными, карикатурно скандными, трусливыми, приводило к появлению контробраза благородного борца за свободу. Более того, деиндивидуализация политических явлений приводила опять-таки к смене знаков в народной мифологии. Если в официальной истории всё «плохое» — дашнакское («дашнакская буржуазная Армения», «дашнакский мятеж», «дашнакская пораженческая политика» и т. д.), то в массовом сознании то же самое воспринималось с обратным знаком: всё «хорошее» (национальная борьба, героизм, патриотизм) становится дашнакским. Излишне говорить о том, что реальная принадлежность политических и военных деятелей, отношение институтов или явления к реальной партии Дашнакцутюн не имеет большого значения ни в одной, ни в другой версии. То, что Дашнакцутюн была партией социалистического толка в этом мифотворчестве, было, в общем, неважно. В дальнейшем после крушения СССР этот феномен массового сознания привёл к большой априорной популярности исторических партий, особенно Дашнакцутюна, в Армении, появлению партий, оспаривающих друг у друга истинность «дашнакства».

Начиная примерно с 1940-х гг., исторические клише начали просачиваться в профессиональную историографию, равно как в художественную литературу, СМИ, творчество художников и т. д. Стали публиковаться произведения на «историко-героические» темы: восстания, борьба с иноземными захватчиками и проч. Правда, звание «захватчика» получали, в основном, персы, византийцы и другие неактуальные в современной политической реальности для армян народы. Произведения об аналогичных восстаниях против тюрок — предков современных азербайджанцев — не имели шанса быть напечатанными. Большими тиражами выпускались книги как авторов национально-демократического толка XIX в. (например, Раффи), так и писателей современных (например, Дереник Демирчян). То же касается и научно-популярной литературы. Описанные выше процессы, начиная с 1930-х гг., имели место во всех республиках СССР, включая Россию. Однако в Армении они наложились на имевшуюся многовековую традицию избранности. Характерно то, что прямая марксистская пропаганда оказалась почти неэффективной. Имевшая место в фильмах и книгах пропаганда идей дружбы народов, совместной борьбы армян и азербайджанцев с капиталистами практически не отражалась на реальном общественном мнении. Причиной этому являлась — постоянно, хотя и латентно — актуализированная карабахская проблема и вообще проблема армянского населения Азербайджана.

К 50–60-м гг. в республике сформировалась научная элита, сыгравшая позже значительную роль в становлении сначала новой армянской политической идеологии, а затем и третьей армянской республики. Она также сыграла значительную роль в идущем примерно с 20-х гг. процессе возрождения армянского языка⁽¹¹⁾. После установления Советской власти, а точнее, после появления системы всеобщего армяноязычного образования, печати на армянском языке, позже радио и телевидения, Академии наук и творческих союзов, началось возрождение языка и культуры в ка-

честве массовых. Языком междиалектного общения (армянские диалекты очень сильно отличаются друг от друга, подчас они взаимонепонимаемы) становится литературный восточноармянский, на котором учат в школе, говорит радио и телевидение. Направленно меняется топонимика (окончательно этот процесс был завершён уже после достижения независимости). Меняется и именной фонд: из литературы заимствуются уже забытые староармянские имена. Только в фамильном фонде современных армян остаётся большое количество тюркских и, проникнувших через тюркский язык, арабских и персидских корней (Балаян, Бабаян, Аллахвердян и др.). Такого рода процессы имеют аналоги, наиболее известным из которых является возрождение иврита в современном Израиле, а также возрождение в XVIII в. чешского языка (процессы проходящие сейчас в Ирландии и Басконии). Но гораздо меньше известны таковые в СССР, между тем, сходные процессы резкого расширения сферы применения языков, «национализация» топонимов и пр. парадоксальным образом шли почти во всех республиках СССР.

После второй мировой войны было разрешено и дозированное описание армянского геноцида в Османской империи 1915 г. То, что Турецкая республика не была членом социалистического лагеря и, более того, являлась членом НАТО, привело к разрешению исследовать этот период армяно-турецких взаимоотношений, при этом, блокировали исследования событий такого же рода на территории входившего в состав СССР Азербайджана. При уже существовавшем «комплексе страдальца», педантировалась тема незащитности армян в Турции того времени и положительной роли России в спасении армянского народа от полного физического уничтожения. Таким образом, в армянском массовом сознании утверждался тезис о безальтернативности пророссийской ориентации, ставший одной из причин популярности такого рода настроений и после распада СССР. В данном случае история искажалась сознательно, насаждались представления об изначальности такой ориентации. Прозападные настроения, также существовавшие в армянском социуме ещё со времени крестовых походов, представлялись однозначно негативными.

В результате в массовом сознании сложился образ врага в лице Турции и образ защитницы — России. Выработался *синдром ориентации*, представляющий собой не ориентацию на те или иные ценности, а ориентацию на некий внешний политический фактор, который должен покровительствовать Армении. Более того, этот фактор зачастую становится единственным условием независимости. Ирония ситуации, когда условием независимости становится зависимость, не замечается ввиду наличия «вечного врага». Естественно, все концепции и даже факты, противоречащие такого рода мировосприятию, отменялись или просто замалчивались. На исследование же той части армянской политической мысли до геноцида 1915 г., которая была ориентирована на Турцию, просто было наложено табу (кстати, в значительной степени это табу существует и сейчас). Память о геноциде, таким образом, оставалась почти единственным легальным способом сохранять культурно-историческую «самость» в советское время, что и привело к характерному для армян ощущению незащитности перед «вечным врагом» — всё это и принято теперь именовать *комплексом геноцида*.

Во время хрущёвской «оттепели» и сразу после нее, в 60-х гг., в ходе общей либерализации границы дозволенного в сфере истории расширились, и стала гораздо более открытой тема геноцида. На эту тему начали появляться научные(12) и художественные(13) произведения, в 1965 г., к 50-летию геноцида был открыт памятник его жертвам на холме Цицернакаберд в Ереване. Место у воздвигнутого памятника

стало излюбленным для ежегодных не санкционированных, но и не разгоняемых многосотенных демонстраций 24 апреля(14). К этому времени относится и зарождение диссидентского движения в Армении. В числе арестованных после митинга 24 апреля 1965 г. был и будущий президент Армении Левон Тер-Петросян.

Вторым, после советского официоза, важным источником влияния на историческое сознание армян была армянская диаспора(15). Армянские колонии на Западе в основном населены выходцами из Западной (Турецкой) Армении, то есть людьми, спасшимися от геноцида, и их прямыми потомками. Малой родиной эти люди ощущают территории нынешней Турции. Естественно, настроения романтизации прошлого, героизация и сакрализация национальных деятелей и т. н. исторических партий(16) наряду с настроениями реванша получили развитие в армянских общинах зарубежья. Древняя история переплетается с легендарной(17). Подчёркиваются христианские корни армян и, наоборот, армянские корни христианства. Древность народа и его «цивилизованность» приобретает самодовлеющее значение. Так же, как и в советской Армении, огромное значение для исторического сознания приобретает тема геноцида 1915 г. В отличие от Армянской ССР в диаспоре также предметом исследования и описания были и сюжеты борьбы армян с турками времён первой мировой войны, и т. н. Первой республики 1918–1920 гг.

В этом контексте сыграл свою роль тот факт, что Армения оказалась единственным регионом СССР, в который была разрешена массовая иммиграция (репатриация) из-за рубежа. Армяне были далеко не единственным народом в СССР со значительной диаспорой за пределами страны, однако только армянам, начиная с 1946 г., было разрешено возвращаться на историческую родину. В общей сложности этим правом воспользовались около 300 тысяч человек, огромная по масштабам Армении цифра. Причём большая часть приехала в сталинское время, когда СССР был абсолютно закрытой страной (например, только в 1946–1947 гг. в Армению репатрировалось 86,5 тыс. человек, что составило около 7% населения республики в эти годы). В том, что это стало возможным, сыграло свою роль и то, что репатрианты были идеологически безопасны для режима. Будучи в значительной мере людьми, пережившими геноцид, или их детьми, они, в отличие, например, от представителей диаспор прибалтийских народов, не были носителями идей национальной независимости. Те настроения, которые они привносили в армянское общество, совпадали с установками, которые культивировал режим: ощущения Армении страной, зажатой в кольце врагов, представление об империи, как о гаранте физического выживания нации, боязнь независимости. Именно к тем годам относится также искусственно будируемые в Армении слухи о близкой войне с Турцией. Это происходило в период ухудшения отношений Турции и СССР; очевидно, возможность войны рассматривалась в высшем советском руководстве. В такой ситуации почти идеальное совпадение идеологических установок репатриантов с той идеологией, которую власти пытались утвердить в Армении, позволило разрешить репатриацию, давшую много выгод СССР и на международной арене. Репатрианты внесли большой вклад в бытовую культуру Армении, привнеся в неё элементы культуры своих стран и распространённые в диаспоре исторические мифы.

Таким образом, до 1988 г. существовали три версии истории — «официальная», «диаспорная» и «народная». Все три были сильно мифологизированы, все три сосредотачивались на «древности», «цивилизованности» и «страдальчестве» армян. Все три версии страдали этноцентричностью и «комплексом геноцида». Последний, судя по всему, сознательно взялась выкорчевывать новая элита Армении во главе с историком Левонем Тер-Петросяном.

Историография «на службе» этнополитического конфликта

Особенностью армянской революции было активное участие, а затем и приход к власти собственно либеральной научно-творческой интеллигенции. Для этой среды было традиционно мыслить категориями национальной истории. В частности, поэтому первой ласточкой национального движения наряду с массовыми митингами и забастовками стал поиск новых идентичностей в национальной мифологии. История и историки оказались «призванными» для легитимизации национальной борьбы. Прежде всего, это выразилось в «карабахизации» армянской истории. Ранее, как уже было сказано выше, на тему армяно-азербайджанских взаимоотношений было наложено табу, она заменялась маловразумительными сюжетами о братской дружбе и о совместной борьбе пролетариата обоих народов против угнетателей. Теперь оказались востребованы многочисленные работы, в которых доказывалась исконность проживания армян на этой территории, незаконность её передачи Азербайджану (18). При этом незаконность (одним решением партийно-советского органа) передачи Карабаха Азербайджану обосновывалась предыдущим решением (другого, столь же нелегитимного партийного органа) о передаче его Армении. Появились многочисленные газетные статьи на эту тему, был введен в широкое обращение топоним «Арцах» (19), до этого известный лишь специалистам.

Начала меняться и профессиональная историография. Ещё появлялись по инерции работы марксистской школы, исследования, привычно восхваляющие «нерушимую дружбу народов Закавказья», но начали публиковаться и другие статьи, которые призывали к поиску новых концепций национальной истории и идеологии. СМИ широко обсуждали ранее запретное — темы истории Первой республики (20), сражений с турецкой армией в мае 1918 г. (21), когда эта республика смогла отстоять независимость, проблемы армяно-азербайджанских, армяно-турецких (22), армяно-российских отношений (23). Огромное внимание уделялось истории Нагорного Карабаха (24), ранее почти не исследовавшейся из-за концепции «нерушимой дружбы».

Появились работы и профессиональных историков на эти темы. Центрами развития исторической науки были Институты истории и востоковедения, археологии и этнографии Академии наук Армении, кафедры истории Ереванского университета и других вузов. Поначалу труды профессионалов появлялись на страницах специальных изданий (25), однако позже, когда в связи с уменьшением финансирования начали сокращаться выпускаемые номера, исторические исследования стали выходить на страницах неспециализированных журналов (26), что, естественно, не могло не сказаться на качестве публикуемого. Статьи приобретали научно-популярный или даже публицистический характер, зачастую изобиловали серьёзными огрехами.

Для этого периода характерно то, что работы преимущественно пропагандистского толка издавались в большом количестве на русском языке и были ориентированы на неармянского читателя (27). В ранний «романтический» период национального движения наивные попытки «объяснить» советской общественности справедливость требований о воссоединении Карабаха с Арменией представлялись в республике инструментом достижения желаемых целей. Не следует забывать, что речь идёт о 1988 г., когда в массовом сознании Советский Союз был всё ещё нерушим.

Довольно большое место занимали и многочисленные работы, в которых критиковались соответствующие концепции учёных из Азербайджана(28) (где ситуация была во многом зеркальной), и турецких учёных(29). Были и профессиональные работы на эту тему. Публиковались и статьи, генетически восходящие к «критике буржуазных концепций...», они касались не только истории собственно Карабаха, но и Азербайджана в целом. В любом случае, статьи такого рода часто не имели большой научной ценности именно ввиду политизированности сюжетов.

Ещё один феномен этого процесса заключался в том, что работы по карабахской тематике были слабее одновременно вышедших работ на другие темы (например, на тему геноцида(30) или армяно-турецких взаимоотношений начала века, не говоря уже о традиционных для армянской историографии сюжетах, как история древней и средневековой Армении(31), проблемы этногенеза армян, взаимосвязи Урарту–Армения и др.), но количество работ по «некарабахской» тематике даже уменьшилось. Исключением, возможно, являлась проблематика по «армянскому вопросу»(32). Видимо, этот феномен можно объяснить не только большей идеологической востребованностью «карабахского вопроса» с приходом в публицистику непрофессионалов, но и просто большей разработанностью традиционных тем, особенно тех, исследования которых в советское время разрешались.

Тема этногенеза армян также стала предметом довольно острых дискуссий в научном сообществе. Как и в других странах бывшего СССР, дискуссия эта велась вокруг проблемы автохтонности армян. Споры в столкновениях сторонников балканской теории происхождения армян со сторонниками теории автохтонности иногда приобретали политическую окраску, однако за пределы учёных дискуссий не выходили. Возможно, тому виной достаточно большая «разработанность» темы идентичности Урарту–Армения(33), возможно, большая «востребованность» массовым сознанием карабахской тематики.

Почти не было исторических трудов антирусской или антироссийской направленности, хотя работы по тематике армяно-русских взаимоотношений продолжают появляться. В практически мононациональной республике, отделённой от России Грузией, русская или российская «опасность» вообще не осознается ни обществом, ни государством. В прессе такие материалы появлялись в конце 80-х — начале 90-х гг. в период этнических чисток в северном Карабахе, которые в том числе осуществлялись руками Советской Армии, но и тогда это не касалось научных статей.

Профессиональные историографические произведения вообще меньше страдают апологетическим уклоном, чем научно-популярные брошюры и статьи в СМИ, хотя и в них на некоторые, не вполне вписывающиеся в общепринятый образ факты, наложено табу. Конечно, речь идёт не о классической цензуре, а о самоцензуре. Подлинные мемуарные документы, письма и заметки политических деятелей эпохи Первой республики, написанные обычно уже в эмиграции, представляют большую историческую ценность сами по себе. Эта литература была абсолютно закрыта для историков и публики советского времени. Вообще, практически свободный доступ к архивам, очевидно, должен был благотворно повлиять на развитие исторической науки, если бы не плачевное положение науки вообще и истории, в частности, ввиду тяжёлого экономического кризиса.

Новая власть: смещение акцентов в исторических исследованиях

Что касается истории, «управляемой» элитными группами, а позже лидерами государства, то и тут изменения были значительными и тоже, в основном, лежали в сфере армяно-азербайджанских отношений. Началась война топонимов. Города, улицы и районы с азербайджанскими названиями начали переименовываться. Причём это касалось не только населённых пунктов, названных именами азербайджанских революционеров (например, Азизбекова), но и просто тюркских топонимов в изобилии присутствовавших в Армении и Карабахе. Новому обычно давались армянские названия, иногда «арменизировались» прежние(34). Есть и обратный пример: насколько известно авторам, единственный город Ленинакан(35), указом переименованный в реконструированное староармянское Кумайри, «добился» путём городского референдума вторичного переименования в более привычную тюркизированную форму того же названия — Гюмри. Некоторые топонимы остались прежними, например, официальное название Карабаха, ставшего символом национально-освободительного движения. Несколько позже начались переименования уже чисто «советских» топонимов типа Октемберяна (Октябрьский) или Кировакана. С другой стороны, город-столица Карабаха Степанакерт, названный так по имени большевика Степана Шаумяна, так и остался с прежним названием, хотя были попытки переименовать его в староармянское «Варагн». В случаях переименований названия давались армянские, даже если город или деревня перед последним изменением «носил» тюркское или тюркизированное имя (Кировакан, например, до советизации назывался по-тюркски «Караклис» — Чёрная церковь).

Характерным стал также процесс смены знаков при оценке исторических деятелей. В школьных учебниках, газетных статьях и популярных брошюрах, во множестве появившихся после революции 1988 г., печатаются биографии деятелей освободительного движения, в основном, конца прошлого — начала нынешнего века. Биографии эти, правда, несут на себе сильный отпечаток народных мифологий и брошюр из серии «Пламенные революционеры». Некоторые из них, описывающие жизнь особо почитаемых в народе героев, больше похожи на агиографические произведения. Вообще история Первой республики сменила после 1988 г. одну крайность на другую — от огульного очернения к идеализации. В то же время в Армении почти не существует явления (столь характерного для государств Балтии или Грузии), состоящего в поиске концепций преемственности различных форм государственности. Считать нынешнюю Армению преемницей древних армянских царств невозможно, а Первая республика не подходит для этой роли — в силу хотя бы того известного и широко тиражированного в советской время факта, что руководство Первой республики в 1920 г. подписало договор о передаче власти большевикам. Таким образом, вхождение Армении в СССР формально было легитимным. Кроме того, в процессе борьбы за независимость лидеры Армянского общенационального движения неоднократно подчёркивали, что Армения самоопределяется согласно советской конституции. Тем не менее, встречаются и попытки проводить аналогию между политиками нынешними и политиками Первой республики, причём последние используются в качестве эталона(36). Правда, такого рода попытки встречаются только в СМИ и политических программах.

Лидеры государства и политических партий являются не единственными представителями организованных элитных групп, влияющих на формирование исторической науки и массовых представлений в области исторического знания. Возрождается традиционная для Армении роль Церкви в этой области. В советское время история Церкви замалчивалась, события, связанные с ней, представлялись в искажённом свете. Например, не упоминалось о том, что средневековые армянские политические деятели и деятели культуры были священниками, или даже святыми, канонизированными Церковью. Не говорилось о религиозной функции практически всей армянской литературы до XIX в. И это при том, что армяне исповедуют христианство в нехристианском окружении семнадцать веков и гордятся тем, что они были хранителями христианской религиозной традиции на Ближнем Востоке, при том, что этнический идентитет армян в значительной степени совпадает с конфессиональным. Дихотомия армяне–азербайджанцы часто воспринимается обществом и как христиане–мусульмане, и как народ истории — народ без оной. Таким образом, христианство является как бы подтверждением и культурности и «историчности».

После конца восьмидесятых с исчезновением запретов роль церкви в обществе начала восстанавливаться, что в полной мере коснулось и исторического знания. В изменённой школьной программе дети теперь изучают элементы истории церкви и религии. Опять можно рассказывать школьникам, что создатель армянского алфавита Месроп Маштоц был священником, композитор Комитас, классик армянской музыки — епископом, а национального героя, «символа веры и свободы армянского народа», борца за независимость Армении от Персии в V в. Вардана Мамиконяна можно опять именовать Святым Варданом.

Основано церковное издательство и исследовательский центр, занимающиеся тиражированием работ средневековых армянских историков, теологов, философов. Воспринимается всё это обществом не только как религиозное возрождение, но и как утверждение национальных ценностей, потому что история церкви — часть истории нации, причём важная, вне зависимости от степени религиозности социума или конкретного человека. В Карабахе, например, при том, что разрушений очень много и социальные условия ужасны, церкви восстанавливаются в первую очередь⁽³⁷⁾. Населением это понимается не только как возможность совершать религиозные обряды, но и как некоторая историческая легитимизация права на Карабах. Памятники истории в массовом сознании — ещё одно доказательство «автохтонности» армян на этой территории.

Вообще, перенесение акцентов в исторических исследованиях с доказательств «многострадальности» на доказательства «автохтонности» или, другими словами, поворот от истории геноцида к истории Карабаха — самый характерный для развития истории в современной Армении процесс.

Государство, в лице президента Тер-Петросяна, практически сознательно не будировало в массовом сознании проблему геноцида, видимо, наметив целью изживание комплекса, или, как выразился в беседе с авторами один из политических лидеров, «нормализацию общественного сознания». Вместо комплекса побеждённого создавался комплекс победителя, чему способствовало течение и исход карабахской войны. Причудливым образом миф о страдающем народе совмещался с мифом о народе-победителе. Однако смена президентов привела к новой актуализации темы геноцида, причём в сфере внешней политики. Этот пример ещё раз показывает, насколько управляемый процесс создания или смены исторических мифов может приводить к непредсказуемым результатам, особенно если цели в реальности ставятся

политические или квазиполитические, а научные задачи им подчинены. Создание новой культурной, государственной и исторической идентичности — чрезвычайно сложная работа для народа, который не имел государственности семьсот лет. Образ «своей» истории — крайне важная часть этого строительства. Десять лет транзитного периода — чрезвычайно малый срок для попыток исследования этого явления. Однако та причудливая смесь новых и старых мифологем, политической целесообразности, этноцентризма и академической науки, которая рождается на обломках прежнего, не менее интересного, идеократического мифа, несомненно заслуживает изучения, ибо это тоже история.

* * *

Развитие исторической науки, изменения массового сознания и стереотипов в постсоветских странах имеют много общего, корнящегося в сходных условиях освобождения от идеологических догм, становления национальной идентичности, попыток обретения государственной идеологии и др. Однако очевидно, что существуют и значительные особенности развития исторической науки и массового сознания в разных республиках бывшего СССР. В случае с Арменией это своеобразие продиктовано прежде всего наличием этнополитического конфликта. Консолидация общества и элит для поддержки всеми идеологическими средствами борьбы за Карабах отразилась и на исторической науке. В этом смысле Армению можно сравнить с Кипром или Сербией, также имеющими «нацию-врага», претендующего на часть этнической территории государствообразующей нации. Доказательства автохтонности на спорной территории воспринимаются академическим сообществом как подтверждение легитимности права на территорию. У армян легитимность «исторического» права усугубляется и особым отношением к истории, сформировавшимся под влиянием Церкви.

Очевидно, что остальные тенденции, типичные для развития массовых представлений в других государствах СНГ и Балтии (как то доказательства первичности своего этноса на национальной территории, преемственности нового государства или антирусские тенденции), в Армении ослаблены или вообще не существуют. На фоне довольно острого конфликта эти проблемы, очевидно, не выглядят столь актуальными.

В то же время, следует признать, что сосредоточенность на карабахской и «антиазербайджанской» тематике не привела к исчезновению науки как таковой. Продолжают появляться профессиональные работы историков, трудности связаны скорее с финансовыми проблемами, чем с идеологическими. Можно предположить, что укрепление государственности будет приводить к уменьшению фрустрации и коллективных комплексов в обществе. А это, в свою очередь, уменьшит накал страстей и в исторических спорах. Собственно говоря, эта тенденция уже налицо. С окончанием фазы активных боевых действий интенсивность дискуссии вокруг исторической принадлежности Карабаха уменьшается. Едва ли можно рассчитывать на исчезновение антиазербайджанских настроений в обществе, но при благоприятных обстоятельствах их актуальность и острота могут существенно снизиться, поскольку использование государством мобилизационных возможностей истории в целях пропаганды

и создания «образа врага» скорее свойственно для периода открытой конфронтации. Конечно, всё вышесказанное касается того сценария, по которому карабахский конфликт будет продолжать находиться в затухающей фазе, но рассмотрение возможностей эскалации конфликта лежит за пределами тематики данной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Армения: проблемы независимого развития /Под ред. Е. Кожокина. — М., 1998.
2. В данном случае следует разделять Карабахское движение внутри Армении и таковое собственно в Нагорном Карабахе. В применении к тематике статьи оно имело различные характеристики в этих регионах.
3. Вот как обосновывал, например, необходимость независимости один из известных в Армении диссидентов, ярый сторонник самоопределения республики: «Маленькая независимая Армения сделает гораздо больше для армян Арцаха (Карабаха — *А.И.*), Нахичевани, России и Грузии, чем в состоянии будет сделать Советская Армения, имея даже в своем составе Карабах». — *Айрикян, Паруйр*. Наша позиция в вопросе внутренних земель //Газета «Анкахутюн» (Независимость). 1987, 21 ноября (на арм. яз.).
4. Здесь имеются в виду и русские, как этнос, и Россия, как государство.
5. *Степанян А.* Развитие исторической мысли в древней Армении. — Ереван, 1991.
6. Последнее армянское государство — Киликия (если не считать недолгого и неудачного опыта 1918–1920 гг.) прекратило своё существование в XIV в., да и то не на территории нынешней Армении.
7. Дата заключения Туркменчайского договора, по которому к России перешла большая часть персидской Армении.
8. См.: *Саркисян, Манвел*. Армения перед лицом современных глобальных перемен. — Ереван, 1996.
9. См.: *Ферро, Марк*. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М., 1992.
10. Обычно фиданями в Армении называют членов армянских партизанских отрядов, действовавших в XIX в. в Турции и Персии. Примерные аналоги этого термина — гайдуки и четники. После 1988 г. этот термин распространился и на членов карабахских вооруженных отрядов, которых официальная пропаганда называла боевиками.
11. В Российской Империи на всем Кавказе тюркский (татарский) язык использовался в качестве своеобразного lingua franca. Тюрки, будучи кочевниками жили на Кавказе буквально везде. Немаловажно и то, что ещё до завоевания Россией, феодальная аристократия (беки) и в персидской и, естественно, в турецкой части Закавказья была тюркской. В результате армянские диалекты подвергались сильному влиянию тюркского языка. Литературный армянский язык был распространён только среди образованных людей. Значительная часть топонимики была тюркской в силу тех же причин (например, Севан — Гокча, Арцах — Карабах). Составляя карты, русские чиновники наносили на них тюркские названия. То же касается (правда, в меньшей мере) именного фонда армян.
12. См., напр.: Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов /Под ред. М.Г. Нерсисян. — Ереван, 1966.
13. См., напр.: *Севак, Паруйр*. Неумолкающая колокольня. — Ереван, 1959.
14. 24 апреля — символический день памяти жертв геноцида, отмечаемый армянскими общинами мира. В этот день в 1915 г. в Константинополе были арестованы и позже уничтожены представители армянской интеллигенции (писатели, художники и пр.). С 1989 г. в Армении это национальный день траура, нерабочий день.
15. См. *Matossian M.K.* The impact of Soviet policies in Armenia. — Leiden, 1962; *Dadrian V.N.* Nationalism in the USSR and Eastern Europe in the era of Brejnev and Kosygin. — University of Detroit Press, 1977.
16. Историческими в Армении принято называть партии, действовавшие в Российской и Турецкой Армениях в конце XIX — начале XX вв., затем в Армянской республике до большевистского завоевания. Позже эти партии действовали в диаспоре, ныне они «вернулись» на Родину и являются субъектами политической жизни республики. Речь идёт о социалистических «Дашнакцутюне» (Армянский революционный союз) и «Гнчаке» (Колокол), а также консервативной «Рамкавар-Азатакан» (Либерально-Демократической).
17. См. *Histoire de mes ancetres*, ed. Des Peres Mekhitaristes, St-Lazare. — Venise, 1979; *Contes et legendes armeniennes*, adaptes par C. Der Melkonian. — Beyrouth, 1964; *Arlen Michael*. Embarquement pour l'Ararat. — Paris, 1977; *Pastermadian H.* Histoire de l'Armenie, depuis les origines jusqu'au traite de Lausanne. — Paris, 1949.

18. См., например: *Барсегов Ю.* Право на самоопределение — основа демократического решения межнациональных вопросов: к проблеме Нагорного Карабаха. — Ереван, 1989; *Золян С., Мирзоян Г.* Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах и вокруг него. — Ереван, 1991; *Барсегян Х.* Истина дороже. — Ереван, 1991 (на арм. яз.); *Тер-Даниелян М.* Тревога Карабаха. — Ереван, 1993 (на арм. яз.); *Улубабян Б.* Борьба арцахцев за выживание. — Ереван, 1994 (на арм. яз.); *Арутюнян В.* События в Нагорном Карабахе. Т. I–V. — Ереван, 1990–1997; *Казанджян Р.* К предыстории самоопределения Нагорного Карабаха. С приложением новых документов. — Ереван, 1997; *Оганесян Н.* Карабахский конфликт: этапы, подходы, варианты решения. — Ереван, 1997.

19. Арцах — древнеармянское название Карабаха. Слово «карабах» тюркского происхождения и означает «чёрный сад».

20. См., например: *Акопян А.* Республика Армения. — Ереван, 1992 (на арм. яз.); *Саркисян А.* От Бреста до Мудроса. — Ереван, 1989 (на арм. яз.); *Аветисян Г.* Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. — Ереван, 1994.

21. См., например: *Афанесян С.* Победа Сардарабада (май 1918 г.). — Ереван, 1991 (на арм. яз.).

22. См., например: *Зограбян Э.* Турецко-армянская война и державы. — Ереван, 1997 (на арм. яз.); *Симонян Г.* Из истории турецко-армянских отношений — Ереван, 1991 (на арм. яз.).

23. См., например: *Дилоян В.* Восточная Армения в первой трети XIX века и армяно-русские отношения. — Ереван, 1989 (на арм. яз.); *Хачикян Ш.* Армянское купечество Нор-Джуги и его торгово-экономические связи с Россией в XVII–XVIII веках. — Ереван, 1989; Армяно-русские отношения в XVIII веке. Т. IV. /Под ред. М.Г. Нерсисян. — Ереван, 1990; *Ананян Ж., Хачатурян В.* Армянские общины России. — Ереван, 1993; *Тунян В.* Восточная Армения в составе России. — Ереван, 1988; *Мурадян М.* Восточная Армения в русской историографии XIX века. — Ереван, 1990.

24. См.: *Абрамян Г.* Освободительная борьба армян Арцаха в 1917–1923 гг. — Ереван, 1997 (на арм. яз.).

25. Имеются в виду: «Историко-филологический журнал», «Вестник общественных наук» АН Армении, «Вестник Ереванского университета», «Вестник архивов Армении».

26. Имеются в виду: «Гарун» (Весна), «Советакан граканутюн» (Советская литература), «Советакан Айастан» (Советская Армения), «Литературная Армения» (последняя — на русском языке).

27. Там же. *Барсегов Ю.* Право на самоопределение...

28. См.: *Асатрян Г., Геворкян Н.* Азербайджан: принцип присвоения и иранский мир. — Ереван, 1990; *Григорян В.* Насильственная ассимиляция национальных меньшинств в Азербайджане. — Ереван, 1992.

29. См.: *Зулалян М.* Фальсификация истории Армении в современной турецкой историографии (древние и средние века). — Ереван, 1995 (на арм. яз.).

30. См., например: Геноцид армян по документам судебного процесса младотурок /Сост. А. Папазян. — Ереван, 1989 (на арм. яз.); *Гаспарян Е.* Франция и геноцид армян. — Ереван, 1997 (на арм. яз.); *Саакян Р.* Из истории геноцида. — Ереван, 1990 (на арм. яз.); Геноцид армян: причины и уроки. В трёх выпусках. — Ереван, 1990, 1992, 1995 (на арм. яз.); Германские источники о геноциде армян. /Под ред. С. Степанян. — Ереван, 1991; Армянский вопрос и геноцид армян в Турции 1915–1919 по материалам политархива МИД кайзеровской Германии /Под ред. В. Микаэляна. — Ереван, 1995; Русские источники о геноциде армян в Османской империи 1915–1916 гг. /Под ред. М.Г. Нерсисян. — Ереван, 1995; Геноцид армян 1915 г. Вопросы истории и историографии /Под ред. Р. Сафрастян. — Ереван, 1995; Геноцид армян и русская публицистика /Под ред. Амирханяна. — Ереван, 1997.

31. См., например: *Матевосян Р.* Государственное устройство и административное деление Багратидской Армении. — Ереван, 1990 (на арм. яз.); *Шахназарян А.* Княжество Ваграмидов. — Ереван, 1990 (на арм. яз.); *Шагтян Л.* Армения и первые Аршакиды. — Ереван, 1993; *Амаякян С.* Государственная религия Ванского царства. — Ереван, 1990; *Тер-Гевондян В.* Киликийская Армения и арабские страны Ближнего востока в 1195–1226 гг. — Ереван, 1994.

32. Термин «Армянский вопрос» (арм. «хай дат», буквально «армянский суд») впервые возник в Сан-Стефанском мирном договоре, подписанном 19 февраля (3 марта) 1878 г. между Россией и Турцией; им было принято обозначать судьбу армянского населения Турции. Из международной дипломатии этот термин исчез после Лозаннского договора 1923 г. между Турцией и державами Антанты; в рамках современной армянской исторической и общественно-политической терминологии он по-прежнему используется, но означает уже либо проблему бывших армянонаселённых территорий в Турции, либо вопрос о признании этой страной факта геноцида армян в 1915 г. См. *Адоңи Н.* К решению армянского вопроса. — Ереван, 1989 (на арм. яз.); *Погосян С.* Курды и армянский вопрос. — Ереван, 1991 (на арм. яз.); *Саруханян Н.* Армянский вопрос в досоветской общественно-политической мысли и историографии. — Ереван, 1997 (на арм. яз.); *Хуришудян Л.* Армянский вопрос. — Ереван, 1997 (на арм. яз.); *Киракосян А.* Великобритания и Армянский вопрос. — Ереван, 1990.

33. См.: *Аракелян Б., Джсаукян Г., Саркисян Г.* Урарту–Армения. — Ереван, 1988 (на арм. яз.); *Шаги-нян Л.* Загадка Урарту. — Ереван, 1994 (на арм. яз.).

34. Забавный пример такого рода переименований — село Зарыслы в Нагорном Карабахе, характерное тюркское окончание которого было изменено на армянское, и село приобрело название Зарслу. Название этого — в прошлом русского — села произошло от русского слова «заросль».

35. В Российской Империи этот город носил название «Александрополь», население же продолжало пользоваться и прежним названием — «Гюмри».

36. В беседе с автором один из известных в республике политиков говорил: «Я — дашнак, не в том смысле, в каком дашнаки — члены партии “Дашнакцутюн”. Я — дашнак, в том смысле, в каком были дашнаками борцы за свободу начала века». При этом к нынешним членам партии «Дашнакцутюн» мой респондент относился как к политическим противникам, поскольку они — социалисты. Ирония ситуации в том, что «борцы за свободу начала века» также были социалистами.

37. Причём делается это на деньги спонсоров, в основном из диаспоры, целенаправленно жертвующей на строительство храмов.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ГРУЗИИ: МИФЫ, ИДЕОЛОГИЯ, НАУКА

Юрий Анчабадзе

Последние десятилетия XX в. оказались весьма бурными и динамичными в истории Грузии и её народа. Основные исторические вехи этого времени были отмечены развитием мощного общественного движения за выход республики из состава СССР, фактическим обретением и последующим международно-правовым признанием независимости страны, первыми шагами по институализации новых форм её национальной государственности.

Путь Грузии к нынешней независимости был непрост. На первом этапе — на рубеже 1980-х — 1990-х гг. — было много политических и идеологических противоречий, которые характерны и для эпохи советской перестройки с её разрешёнными сверху демократизацией и гласностью. В то же время восхождение к независимости, поражения и успехи этого процесса, его обретения и потери в немалой степени были обусловлены влиянием на эволюцию, программные цели и тактические установки национального движения субъективно-личностного фактора. Гражданское противостояние конца 1991 — начала 1992 гг., завершившееся свержением первого президента Грузии Звиада Гамсахурдиа; межэтнические конфликты, прошедшие через фазы вооружённых столкновений в Южной Осетии (1991–1992 гг.) и Абхазии (1992–1993 гг.); экономическая стагнация; падение авторитета власти, коррупция и криминализация; воинственная непримиримость в идеологических спорах, — таковы запечатлённые черты «облика» Грузии первых лет её независимого существования.

Однако за прошедшие годы многие разрушительные тенденции во внутренней жизни удалось приостановить. Ныне достаточно отчетливо проявлены иные, позитивные импульсы и основания внутри- и внешнеполитического положения Грузии, которая, без сомнения, вступает в грядущий век с новыми возможностями политического, экономического и социально-культурного развития. В то же время многие проблемы, порождённые периодом первоначального хаоса, остаются нерешёнными и сегодня. В их числе и актуальная потребность в историософском и историографическом осмыслении новейшего периода грузинской истории в контексте сегодняшних и будущих реалий национального развития. Однако это лишь часть более обширной и масштабной задачи, перед которой стоит современная грузинская историческая мысль, переживающая период переосмысления предшествующего интеллектуального опыта и созидания новой, «своей» истории.

Мифологемы массового сознания

Задолго до того, как этот процесс затронул профессиональную историографию, в него активно было вовлечено массовое сознание. Знания и представления об историческом прошлом своей страны в Грузии всегда были важнейшим элементом социальной памяти. Объективные, научно достоверные факты длительного исторического пути, пройденного грузинским народом, становились знаковыми элементами национального наследия, доставшегося от предшествующих поколений. В условиях же советской действительности, когда многие формы национально-культурной деятельности, равно как и направления общественной мысли, находились под запретом, исторические штудии оставались едва ли не единственной «отдушиной», в рамках которой общество имело возможность духовно поддерживать свою историческую и этническую идентичность. Оттого историей в Грузии интересовались, и массовое сознание привыкло гордиться многовековым прошлым своей родины, его славными и героическими страницами, плеядой выдающихся политических, военных, культурных и религиозных деятелей, занявших своё место в отечественной истории.

Так, в грузинском историческом сознании прочны воспоминания о древних традициях национальной государственности, истоки которой восходят к эпохе эллинизма. Мифологический цикл о путешествии аргонавтов по Эвксинскому понту в Колхиду, откуда были похищены золотое руно и волшебница Медея, по всеобщему убеждению, отражает реальные факты древнейших контактов предков грузин с греками, а Колхидское царство Айэта — не что иное, как первое национальное грузинское государство.

Последующая хронологическая непрерывность традиций национальной государственности является не менее важным звеном, вокруг которого складывается массовое историческое сознание. Цари-«государственники» — основатель нынешней столицы Вахтанг Горгасали (V в.), создатели могущественной средневековой Грузинской державы Давид IV Строитель (Агмашенебели) (XI–XII вв.) и его правнучка Тамар (XII–XIII вв.), возвысивший Грузию после феодальной стагнации Георгий V Блистательный (Брцкинвале) (XIV в.), сохранивший в неравной борьбе с агрессорами грузинскую государственность, выдающийся военачальник Ираклий II (XVIII в.) — оставались популярными и хорошо знакомыми деятелями на важных этапах национальной отечественной истории.

В то же время социальная значимость исторических представлений на уровне массового сознания определялась и другими обстоятельствами. Историческое прошлое становилось фоном для проецирования исторической современности, вехи пройденного пути по-разному соотносились с реалиями сегодняшнего дня, остро осознаваемое величие национальной истории порождало в национально ориентированной грузинской общественной мысли (в советские годы во многом потаённой и диссидентствующей), равно как и в массовом сознании, вполне определённые представления о желательных путях будущего развития Грузии.

В 1990-е гг. на волне общенациональной эйфории Грузия вступила в предчувствуемую эпоху грядущих перемен. Перестроечные изменения в политической и идеологической жизни СССР, сделавшие возможным свободное выражение общественных позиций и мнений, вывели на авансцену политической жизни республики оппозици-

онные силы, которые открыто выдвинули программу борьбы за выход Грузии из состава Советского Союза и за восстановление государственной независимости. Это требование стало, по существу, общенациональным, в исторической необходимости выполнения которого в Грузии почти никто не сомневался. При этом грядущее обретение независимости логично укладывалось в исторический контекст многовековой традиции грузинской государственности и, в частности, воспринималось как продолжение опыта национальной государственности, который Грузия обрела в начале XX в.

И ныне не угас огромный общественный интерес к периоду 1918–1921 г., когда процветала Демократическая Республика Грузия (ДРГ). В массовом сознании время существования ДРГ сегодня рассматривается как один из самых ярких эпизодов отечественной истории. Возникновение республики представляется актом исторической справедливости, реализацией вековых чаяний и надежд грузинского народа, всегда стремившегося к национальной государственности. ДРГ предстает как государство, основанное на стремлении её руководителей воплотить в жизнь исповедуемые ими социал-демократические идеалы. В результате в ДРГ была создана прогрессивная для своего времени конституционно-правовая система, проводилась демократическая социальная политика, гражданские свободы обеспечивали как права индивидов, так и этнокультурные потребности национальных меньшинств.

История существования ДРГ завершилась в феврале 1921 г., когда части XI Красной армии смели нестройные ряды защитников первой грузинской республики и, победоносно войдя в Тифлис, присоединили Грузию к расширявшему свои пределы первому в мире государству рабочих и крестьян. Спустя семь десятилетий именно эти эпизоды оказались наиболее актуальными в исторической памяти грузин. Впрочем, здесь нет ничего парадоксального. В борьбе за восстановление национальной независимости в историческом сознании общества вполне естественно возникали относительно недавние события прошлого, в результате которых была прервана едва зародившаяся жизнь республики.

Однако для грузинского исторического сознания данный вопрос имеет гораздо большее значение, являясь составной частью очень болезненно воспринимаемой проблемы исторической оценки русско-грузинских взаимоотношений. Современное грузинское общественное сознание воспринимает их, скорее, негативно. Ныне стойко распространено убеждение, что союзнические отношения, установившиеся у Российского государства с XVI в. сначала с восточно-грузинским Кахетинским царством, а затем и с остальными царствами и владетельными княжествами Грузии, были односторонне выгодны северному соседу. Если Грузия искренне искала у единоверной Москвы дружбы и покровительства, то последняя относилась к грузинским землям лишь как к плацдарму для продвижения на Восток.

Принятый в советской историографии и усиленно насаждавшийся тезис о том, что присоединение к России спасло Грузию от неминуемого «поглощения» Османской империей и Сефевидским Ираном, ныне подвергается сомнению. С этой точки зрения понятна та резко отрицательная оценка, данная акту 12 сентября 1801 г., когда манифестом Александра I грузинская царская династия Багратионов была объявлена низложенной, а территория восточно-грузинского Картл-Кахетинского царства оказалась присоединённой к пределам Империи. «Российская империя была единственной, кто сразу же по приходу объявил Картли и Кахети губерниями», — так резюмирует Ловард Тухашвили, сравнивая действия России с поползновениями других исторических врагов Грузии, которые, тем не менее, никогда не покушались на грузинскую государственность как таковую(1).

Последующая роль России в истории Грузии также оценивается с крайне негативных позиций. «Двухсотлетнее господство России... отодвинуло нас назад на пути мировой политики», — таково мнение известного писателя и общественного деятеля Реваза Мишвеладзе(2). «Всё, чем гордится сегодня цивилизованная Грузия, — вторит ему историк Д. Стура, — было, во-первых, задолго до Романовых, а затем уже — только после них»(3).

Ещё более резкие оценки звучат в адрес советской эпохи. Этот период воспринимается едва ли не как «исторический провал», нанёсший непоправимый урон этнополитическому и этнокультурному развитию страны. При этом в общественном сознании стойко удерживаются две мифологемы. Первая связана с представлением о том, что Грузия «больше всего пострадала в годы советского тоталитаризма», вторая — с распространённым мнением о том, что кремлёвская политика специально была направлена на то, чтобы расчленить единое территориально-государственное пространство страны, подвести разрушительные «мины» под её будущее развитие.

Таковыми «минами» в Грузии считают автономные образования, существовавшие в рамках Грузинской ССР и в настоящее время превратившиеся в очаги сепаратизма. Институирование в своё время абхазской, аджарской и югоосетинской автономий рассматривается как совершенно неправомочное, не имеющее исторического обоснования, являющееся ярким примером антигрузинских происков большевиков.

Неприятие советской эпохи настолько сильно, что гамсахурдиевский Верховный Совет, утверждая перечень новых государственных праздников Грузии, исключил из него не только 7 ноября, но и 9 мая, и это решение не вызвало практически никакой реакции общественности. В последующем Эдуард Шеварднадзе пытался исправить ситуацию, предложив парламенту в канун 49-й годовщины со дня Победы вернуть празднику официальный статус, но парламентарии большинством голосов отвергли обращение главы государства. Последовавшее заявление Шеварднадзе весьма красноречиво характеризует соответствующие общественные настроения. Выражая сожаление по поводу решения парламента, глава государства объяснил результат голосования тем, что «некоторые парламентарии по-иному понимают значение этих лет», так как считают, что «эти люди (грузины — бойцы Советской Армии — Ю.А.) боролись не за Грузию, а за какую-то другую страну или за интересы другого строя» (4).

В данном случае президент довольно точно охарактеризовал существующий стереотип массового сознания, которое не принимает период пребывания Грузии в составе СССР в качестве «своей», национальной истории. Впрочем, сам Э. Шеварднадзе достаточно легко меняет свои взгляды. Так, выступая на юбилейном вечере, посвящённом 80-летию Тбилисского университета, он, характеризуя основные этапы истории Грузии XX столетия, заявил, что Грузия «сначала восстановила независимость (имеется в виду период существования ДРГ в 1918–1921 гг. — Ю.А.), затем аннексия и превращение в часть другого государства»(5).

Антирусский синдром причудливо переплетается с другим важным элементом массовых исторических представлений грузин, в частности, с представлением об уникальности национального опыта и его безусловном общемировом значении. Начавшееся вхождение в лоно международной политики в качестве самостоятельного субъекта основано на том вкладе, который внесла Грузия в сокровищницу общечеловеческой культуры, и это, как считается, должно быть признано мировым сообществом. «Именно национальная культура грузинского народа является гарантом приятия и принятия в мировое сообщество наций», — считает Тамаз Чиладзе(6).

С этих позиций исторические и культурные «достижения» России оцениваются как гораздо менее значимые, на фоне которых очевиден «приоритет» Грузии и грузин

как страны и народа с более древними традициями государственности, с укоренённостью христианства, более богатой портретной галереей деятелей национальной истории и культуры, более яркой и выразительной этно-культурой. Этот синдром исторического и культурного превосходства над Россией, естественно, никогда не проявлялся на страницах официально издаваемых изданий, но всегда был остро осознаваемым элементом «своей» истории.

Следует упомянуть ещё об одной мифологеме, объёмлющей важный сегмент современного исторического самосознания грузин. Речь идёт об эмоционально дискутируемой сегодня проблеме цивилизационной принадлежности грузинской культуры и истории. Несмотря на активные дебаты, ни у кого не вызывает сомнения «западный» вектор цивилизационного притяжения, в котором находится Грузия. Эта позиция чётко была сформулирована Мерабом Мамардашвили. Рассуждая об историческом предназначении Грузии, он отметил, что «оно — европейское в силу того характера, какой имело наше первохристианство. Это задано, и от этой судьбы не уйти»(7).

Что касается России, то она не входит в западный цивилизационный вектор. Не входит она и в восточный. По мнению, высказанному политологом В. Шубитидзе, прозападная и прорусская ориентация определяли суть политической жизни Грузии последних двух веков, однако Грузия «по историческому и социальному строению является частью Европы», она, в отличие от своего «северного соседа» «всегда стремилась к Европе», а потому должна «окончательно войти в семью европейских народов»(8).

В пелене идеологии

Историческая компонента массового общественного сознания особенно актуализировалась в период политического подъема конца 1980-х — начала 1990-х гг. Для всех уже было очевидно, что Грузия вступила в полосу коренной политической и социальной трансформации, за которой должен последовать новый этап её исторического бытия. Ощущение причастности к происходящим событиям (по крайней мере, сопереживание) обострило у современников и очевидцев массовый интерес к истории, оказало значительное влияние на формирование комплекса исторических представлений в современном общественном сознании грузин.

К тому времени стала очевидной и окончательная девальвация старой, советско-коммунистической идеологии. Она давно уже не имела прочных корней в массовом сознании грузин, а с потерей республиканской Коммунистической партией и её администрацией последних властных рычагов гибель советского идеологического официоза в Грузии стала свершившимся фактом. Однако общество избежало идеологического вакуума. Идеи национально-освободительного движения, которые проповедовали находившиеся на гребне своей популярности силы радикальной оппозиции, стали фактором духовного объединения нации. При этом особенностью политической программы оппозиции были занимавшие в ней значительное место исторические обоснования выдвигавшихся требований, а в речах популярных лидеров, например, яркого оратора Звиада Гамсахурдиа, всегда находилось место для тех или иных исторических реминисценций, эффектных сравнений, упоминаний любимых народом героев и мучеников. Всё это сыграло роль дополнительного стимула для актуализации исторических компонентов в массовом сознании грузин.

Для публичных выступлений идеологов оппозиции было характерно нарочитое благоговейно-культовое отношение к многовековому историческому прошлому Грузии, однако политическим знаменем движения была избрана ДРГ, что было вполне естественно, учитывая основную стратегическую задачу Звиада Гамсахурдиа и его соратников, поставивших цель восстановить некогда утерянную страной независимость. Для полулегитимной «Второй Республики» Звиада Гамсахурдиа (1990–1992) историческая ДРГ являлась «Первой Республикой», к опыту которой первый руководитель постсоветской Грузии уважительно относился, обосновав свой приход к власти как духовную и правовую преемственность. Так, Гамсахурдиа съёл необходимым лично выступить на чрезвычайной сессии Верховного Совета 9 апреля 1991 г. с речью, посвящённой анализу исторической ситуации в Грузии в 1918–1921 гг. Состоявшаяся в тот же день церемония подписания Акта о восстановлении государственной независимости Грузии весьма прозрачно, едва ли не в деталях повторяла аналогичную церемонию 28 мая 1918 г. отцов-основателей ДРГ.

Существующий второй исторический блок идеологии оппозиционных сил был отражением крайнего антикоммунизма и антисоветизма, за которыми угадывались явные признаки русофобии. Однако пока силы национального движения находились в оппозиции, их идеологические постулаты представляли собой лишь новый конкретный оттенок в многоцветии общественно-политических идей того времени. Победа же в октябре 1990 г. сил оппозиции на первых свободных выборах в Верховный Совет республики превратила их идеи в политическую доктрину постсоветской Грузии.

В рамках этой доктрины вся история Грузии советского периода объявлялась самой мрачной и трагической эпохой, выпавшей на долю родной страны. Выступая на первой пресс-конференции, лидер победившей партии, будущий глава Верховного Совета Грузии, а в дальнейшем её первый президент Звиад Гамсахурдиа заявил, что «наша страна оккупирована»(9). Ни до, ни после Гамсахурдиа не скрывал, кого он считает оккупантом. В таких же популистских и тенденциозных категориях Гамсахурдиа рассуждал, например, об исторических корнях этнических конфликтов в Грузии, в частности, с абхазами и южными осетинами. По его мнению, конфликты целенаправленно пестовались и разжигались «имперским Центром», имевшим коварную цель ослабить и обескровить Грузию. Даже рассуждая о будущем возрождении любимой руставелологии, Гамсахурдиа не забывал отметить, что «пока этому препятствует наш колониальный статус, в частности, то, что у нас нет своего государства, а за граница считает нас географической провинцией СССР, то бишь России»(10).

Конец быстротечной эры Гамсахурдиа перевернул ещё одну страницу истории Грузии и привёл к власти силы, которым выпало реально начать процесс строительства независимого грузинского государства. Эдуард Шеварднадзе, обладая несравненно большим политическим авторитетом, личными связями в международной политике, опытом государственного управления, способностью более адекватно реагировать на складывающиеся обстоятельства, выгодно отличался от своего предшественника.

Однако есть характерная черта, которая роднит обоих лидеров постсоветской Грузии, — страсть высказываться по поводу исторических сюжетов. Пожалуй, никто из лидеров стран Содружества столь часто и охотно, как Эдуард Шеварднадзе, не обращается к историческим проблемам. Традиционные понедельничные радиointервью, из которых народ Грузии узнает мнение своего президента по самым разным вопросам исторического прошлого страны, тому подтверждение. Так, 4 мая 1998 г. он (правда, как было сказано, «не как президент, а как грузин и православный христианин») поддержал идею причисления к лику святых известного в истории Грузии

героя Цотнэ Дадияни(11). 10 августа в преддверии 120-летнего юбилея воссоединения Аджарии с Грузией президент говорил об историческом значении этого события. Шеварднадзе счёл необходимым лично присутствовать на открытиях в Батуми и Тбилиси памятников известному аджарскому деятелю Мемеду Абашидзе, на церемонии перезахоронения в тбилисском пантеоне Мтацминда останков видного общественного деятеля прошлого века Иванэ Мачабели. Каждый раз Шеварднадзе выступал с речами, содержащими историческую оценку упоминаемых соотечественников и их эпохи. Не редкость и печатные выступления президента — таковы опубликованные в прессе статьи, посвящённые царям Давиду Строителю (Агмашенебели) и Ираклию II(12).

Вряд ли такую активность можно назвать случайной. Бесспорно, в историоцентричном грузинском обществе публично политику весьма желательно демонстрировать свою глубокую приверженность отеческой старине, апеллировать к авторитету национальных мыслителей, героев и радетелей о родной земле. Однако гораздо существенней, что все исторические реминисценции Э. Шеварднадзе, а шире — усилия официальной пропагандистской машины, имеют чёткое направление. По существу, востребованными оказываются те события исторического прошлого, смысл которых отвечает нынешним общественно-политическим задачам власти.

По-прежнему народ хранит память о ДРГ, а День провозглашения Первой республики — 26 мая — стал важнейшим государственным праздником страны. В специальном указе по случаю 80-летней годовщины ДРГ президент подчеркнул, что эта дата — «одна из важнейших вех 3000-летней истории грузинской государственности». Отмечая преемственность между Первой республикой и нынешней державой, Э. Шеварднадзе подчеркнул, что «те важные цели, к которым Грузия стремится на пути строительства сильного, демократического, правового государства, органически связаны с целями и идеалами, признанными и конституционно утверждёнными провозглашённой 26 мая 1918 г. Демократической Республики Грузия»(13).

Сегодня внимание обращено и на эпоху существования сильного централизованного грузинского государства во главе с царем Давидом IV Строителем (Агмашенебели), правившим на рубеже XI–XII вв. Давид IV — личность, действительно, выдающаяся — оценивается как основатель могущественной государственности, великий реформатор и преобразователь, военный деятель, остановивший напор иноземной агрессии и, как аттестовал его Д. Гоголадзе, — «идеологический рулевой» страны(14).

Давид Строитель — не столько «идеологический рулевой», сколько идеологическое знамя, которое почитается на нынешнем этапе истории Грузии, перед которой, как и тысячу лет назад, стоят серьёзные проблемы национально-государственного строительства, восстановления территориальной целостности и единства. Симптоматичен и другой штрих. В описаниях многогранной деятельности царя Давида особенно популяризируются его общекавказские акции. Созданное им государство называют «общекавказской империей при политическом доминировании Грузии», а самого царя — проводником идеи регионального единства. В этом видится своеобразная попытка исторического обоснования нынешнего стремления Грузии возглавить строительство «Кавказского дома», контуры которого неоднократно очерчивались президентом Эдуардом Шеварднадзе.

Может быть объяснена и подоплека подчёркнутого внимания официального Тбилиси к личности Мемеды Абашидзе — впрочем, безотносительно, фигуре весьма значительной и неординарной. Вместе с тем, в условиях конфронтации между центральной властью и Батуми, высочайший пиетет Э. Шеварднадзе к деду нынешнего

руководителя Аджарской автономии — Аслана Абашидзе — был призван сыграть роль сглаживающего и примиряющего фактора в контактах столицы и региона.

Особый смысл, выходящий за рамки значения слова «юбилей», вкладывался и в празднование 120-летия воссоединения Аджарии с Грузией. В распоряжении «Об ознаменовании дня возвращения Аджарии к матери-родине» президент указывал, что это событие имеет в истории Грузии особое значение, поэтому дату «следует торжественно отметить на высоком государственном уровне как полное выражение целостности Грузии»(15).

Определённый подтекст пропагандистского характера «сопровождал» пышно проведенное в сентябре 1998 г празднование и другого исторического юбилея. Торжествами было отмечено 26-вековое проживание евреев в Грузии. По признанию Э. Шеварднадзе, идея проведения юбилея принадлежит ему. Историческое обоснование было представлено в специальной записке, составленной тремя видными грузинскими историками — Роином Метревели, Марикой Лордкипанидзе и Отаром Джапаридзе. При этом, ещё в период подготовки к юбилею президент не скрывал, что будущее мероприятие — «это особое событие, которое отвечает нашим национальным интересам», в частности, оно призвано показать, «как на примере евреев Грузия относится к другим народам»(16).

Подразумевалось, что вышеупомянутое отношение к другим народам основано на понятиях высокой терпимости и толерантности, ярким доказательством которых является 26-вековая история еврейской этнической общины в Грузии, никогда не знавшей здесь антисемитизма, преследований и третирования. Последние утверждения, не во всём, правда, корректные и соответствующие фактам, тем не менее, имеют под собой определённые основания. В то же время события новейшей истории Грузии привнесли трагические примеры другого рода, в частности, конфликтности во взаимоотношениях грузин с соседствующими народами, что в ряде случаев было отягощено фактами этнического насилия, военной конфронтации и вражды. Безусловно, это уязвляет национальное чувство грузин и наносит ущерб государственному достоинству и демократическому образу независимой Грузии.

В противовес этому 8 сентября 1998 г. Грузия празднует исторический юбилей своей еврейской общины. В приветственном послании к участникам конференции «Грузия–Иерусалим», проходившей в Тбилиси, Э. Шеварднадзе пишет: «В истории уникальных грузинско-еврейских отношений не было антисемитизма, погромов, что имело место во многих странах мира... Мы доказали, что такое, оказывается, возможно в течение 26 веков! Это одно из уникальных явлений в истории человечества»(17).

Юбилейные мероприятия прошли торжественно. Залог успеха состоял в том, что подавляющее большинство грузинского народа искренне восприняло и разделило пафос и идею этого праздника. Несмотря на то, что в Тбилиси не прибыли многие именитые гости (в частности, тогдашний премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху), международный резонанс праздника в целом был для Грузии благоприятным.

Впереди Грузию ожидает ещё один пышный юбилей. В 2000 г. будет праздноваться 3000-летие грузинской государственности. Как сообщалось, дата была установлена на основании «научного консенсуса», к которому пришли виднейшие грузинские историки, посчитавшие, что названная дата вполне соответствует историческим реалиям. Однако, как правило, подобного рода датировки являются не столько историческими, сколько политическими, и совершенно очевидно, что грузинские историки, освящавшие своим авторитетом решение юбилейной комиссии под председательст-

вом Эдуарда Шеварднадзе, действовали в соответствии с ярко обозначившимися общественными ожиданиями. Другое дело, какие дивиденды собираются извлекать власти из грядущего юбилея, который должен стать мощным идеологическим стимулом для всего грузинского общества.

В то же время нынешние власти пытаются внедрить в историческое сознание юбилейные даты и других событий, относящихся в данном случае не к столь отдалённому прошлому. Проводится пропагандистская компания, связанная с 20-летней годовщиной событий 14 апреля 1978 г. (18). В распоряжении президента Грузии «Об ознаменовании дня “Дэда эна” говорится о «великом историческом значении 14 апреля 1978 г. В этот день, запечатлено в документе, «тогдашние власти, общественность, молодёжь Грузии не только защитили статус грузинского языка, но проявили единство в борьбе за национальные идеалы» (19). Под эвфемизмом «тогдашние власти» подразумевается сам Эдуард Шеварднадзе, являвшийся в тот период руководителем Коммунистической партии Грузии, и которому сейчас во многом приписываются смелые действия, позволившие в тот период сохранить конституционный статус грузинского языка.

Трудности и надежды грузинской историографии

Перипетии общественно-политической ситуации в Грузии не могли не затронуть профессиональную грузинскую историографию. При этом, её положение было достаточно сложным. Без всякого сомнения, грузинская историческая наука имела вполне заслуженное доверие и высокий общественный авторитет в глазах родного социума, который привык гордиться давними и богатыми традициями грузинской исторической мысли.

Её истоки восходят уже к самым ранним памятникам древнегрузинской литературы. Датированные началом I тысячелетия н. э., они представляют собой, прежде всего, яркие образцы житийной литературы, в целом не выходящие за каноны восточно-христианской агиографии. Тем не менее, древнегрузинские жития святых отличались рядом особенностей, в частности, наличием широкого сюжетного фона, в котором опосредовано находили отражение многие события отечественной и региональной истории.

Собственно, историко-летописная литература возникла позднее, однако уже к рубежу II тыс. н. э. грузинская историческая мысль развивалась как вполне самостоятельный сегмент национальной духовной культуры. Период социально-политической стагнации XIII–XV вв., вызванный монгольским нашествием и его последствиями, сменился в XVII столетии эпохой нового национального ренессанса, который возродил общественный интерес к историческому прошлому и одновременно с этим традицию исторического летописания — именно в это время был кодифицирован свод средневековых грузинских хроник, получивший название «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии»). Эта подвижническая работа, выполненная по указанию просвещённого царя Вахтанга VI, имела большое культурно-историческое значение, так как ею восстанавливалась преемственная связь между двумя хронологическими этапами грузинской исторической мысли.

Последней в скором времени пришлось развиваться в новых социально-политических условиях. Присоединение к России (1801 г.) предопределило почти двухвековой период пребывания Грузии в составе Российской Империи, а затем в СССР.

Это закономерно обусловило включённость Грузии в культурно-духовное пространство общего государства, что столь же закономерно отразилось на особенностях развития национальной историографии, специфические черты которой отныне укладывались в рамки российской исторической школы. Данному обстоятельству в немалой степени способствовало то, что многие в будущем видные грузинские историки (М. Джанашивили, Д. Бакрадзе, И. Джавахишвили, Г. Церетели и др.) получали образование в университетских центрах Петербурга и Москвы, находились в тесном общении с русскими историками, активно осваивали достижения европейской исторической науки. К началу XX в. сложилась немногочисленная, но достаточно сильная грузиноведческая школа, в активе которой были значительные достижения по изучению исторического прошлого Грузии и её народа.

Новый этап в организационном развитии грузиноведческих исследований связан с периодом существования независимой Грузинской Демократической республики (1918–1921 гг.). Возрождая государственные формы своего существования, Грузия институировала соответствующую этому статусу систему национально-культурных учреждений. В частности, в январе 1918 г. в Тбилиси был открыт университет, исторический факультет которого был одним из самых сильных по количеству и качеству профессорско-преподавательского состава.

Советский период в развитии грузинской историографии отразил многие особенности, которые были присущи эволюции гуманитарного знания в СССР к концу 1920-х гг. С одной стороны, происходило расширение организационной базы грузиноведческих исследований. Помимо Тбилисского университета, соответствующие изыскания велись в Кавказском историко-археологическом институте, который в 1931 г. был преобразован в существующий по сей день Институт истории и этнографии им. И. Джавахишвили АН Грузии. Исторические отделы имелись в НИИ, функционировавших в Сухуми, Батуми, Цхинвали, исторические изыскания велись на кафедрах как столичных, так и провинциальных вузов. В советский период продолжалась или, в основном, протекала деятельность выдающихся грузинских историков И. Джавахишвили, Н. Бердзенишвили, С. Джанашиа.

В то же время грузинская историография отличалась рядом особенностей, прежде всего, в тематической направленности проводившихся исследований. В отличие от многих других советских «национальных» школ, грузинские историки преимущественное внимание уделяли изучению древнего и средневекового прошлого своего народа, оставляя в явном небрежении периоды новой и особенно новейшей истории советского времени. Специфичным было и социальное положение исторической науки, которая, как было сказано, пользовалась в Грузии широким общественным авторитетом.

Естественно, грузинская историография не была свободна от идеологических пут, сковывавших развитие всей советской исторической науки. Директивная необходимость следовать исключительно марксистской методологии, известные политические клише, в рамках которых было позволительно трактовать те или иные события и проблемы исторического прошлого, несвобода в выборе исследовательских тем и сюжетов и в то же время существование политически конъюнктурных направлений — всё это в равной мере было присуще и грузинской советской историографии. Характеризуя её состояние в условиях тоталитарной цензуры, известный историк, ныне ректор Тбилисского университета Роин Метревели сказал, что «десятилетиями история Грузии находилась в полулегальном положении» (20).

В период стремительного крушения советско-коммунистической идеологии в Грузии пытались начать «охоту на ведьм», стремясь отлучить от преподавательской

и исследовательской работы историков, которые якобы занимались идеологически-конъюнктурными разработками в области партийной и советской истории, научного коммунизма и т. д. По счастью, эти поползновения не получили дальнейшего развития. В то же время грузинская историческая наука активно перестраивалась, и первый шаг в этом направлении был сделан ещё в последние годы коммунистического правления. В мае 1989 г. был обнародован и принят окончательный вариант широко обсуждавшейся научной общественностью «Государственной программы по истории Грузии», которая предусматривала утверждение новых подходов к её исследованию, преподаванию и популяризации. Программа предусматривала такие направления, как «выявление и исследование неизвестных источников по истории Грузии в советских и зарубежных архивах», «совершенствование системы работы в архивных фондах», «подготовка к изданию источников по истории Грузии» и др. Наряду с этим, программа указывала на необходимость «пересмотра и уточнения исследовательских планов научных учреждений и учебных заведений», причём, если в области древней и средневековой истории предусматривалось лишь «расширение всесторонних исследований», то в отношении исследования истории Грузии новейшей и предреволюционной эпохи требовалась «коренная перестройка». Новым направлением исследовательской работы программа утверждала изучение проблем национального движения в Грузии в XX в. Нетрудно заметить, что это именно те исследовательские темы, которые табуировались в советский период, но которые составили новые полюса актуализации в историческом сознании грузинского социума конца 1980-х гг.

Сообщество грузинских историков было весьма заметной общественной силой, принимавшей непосредственное участие в идеологических баталиях того периода. Для многих специалистов активная политическая позиция была естественным отражением их гражданских и патриотических настроений, а потому свои профессиональные знания они полностью подчинили целям национального движения, в частности, историческим обоснованиям его программных установок.

Весьма характерной акцией в этом плане была коллективная статья группы виднейших грузинских историков, явившаяся ответом на так называемое «Абхазское письмо» (21). Статья была опубликована в центральных республиканских газетах под названием «По поводу искажения истории грузино-абхазских взаимоотношений» (22). В ней авторы критиковали тезисы «письма», утверждавшие существование независимой от Грузии абхазской государственности и, со своей стороны, обосновывали противоположную идею об исконности вхождения Абхазии в историко-культурный и политический универсум Грузии. Последний тезис полностью соответствовал господствовавшим в обществе политическим установкам, отрицавшим какую-либо возможность самоопределения Абхазии и её народа.

В декабре 1990 г. резко обострился комплекс проблем, связанных с Южной Осетией. В ответ на решение местного органа власти Юго-Осетинской АО о преобразовании её статуса в республиканский, Верховный Совет Грузии упразднил это национально-территориальное образование. Ряд грузинских историков (Эдишер Хоштария-Броссе, Нодар Ломоури и др.) выступили с обоснованием исторической правомерности этого акта (23). Резко отрицательное отношение национального движения к идее возвращения депортированных в 1944 г. турок-месхетинцев в места прежнего проживания в Южной Грузии подкреплялось ссылками на исторические факты. Образчик исторической документации этого рода дал в одной из своих статей Нодар Ломоури (24).

Характерной чертой рассматриваемого этапа развития грузинской историографии является её публицистичность. Научные идеи, концепции, авторские позиции

излагаются большей частью не на страницах академических публикаций, а в газетах и иных периодических изданиях. Честно говоря, причина этого в том, что тяжёлое экономическое положение Грузии привело к резкому сокращению книгоиздательской деятельности, падению тиражей выпускаемой книжной продукции и т. д. Однако немалое значение имеют субъективные факторы, в частности, стремление многих историков лично участвовать в общественных баталиях.

Пожалуй, никогда историки не играли столь видной роли в общественной жизни, как в начальный период становления новой грузинской государственности. Их профессиональные знания были максимально востребованы. Так, например, председателем комитета ВС Грузии по вопросам политической и правовой оценки нарушения Советской Россией договора 7 мая 1920 г. был назначен видный историк, член-корреспондент АН Грузии Ираклий Сургуладзе.

Новые приоритеты грузинской историографии были отражением общественных интересов, актуализированных сложившейся политической ситуацией. Именно этим обусловлен настоящий исследовательский бум, ставший характерной чертой нынешнего этапа развития грузинской историографии, «вызванный» феноменом трёхлетнего (1918–1921) существования Демократической Республики Грузия.

В этих условиях для грузинской историографии пробил «звездный час». Ещё совсем недавно она, по понятным причинам, была отлучена от свободного изучения вопросов, связанных с историей ДРГ. Если же немногочисленные работы по теме всё же появлялись, то их исследовательские пределы сковывались жёсткими рамками политической цензуры, в соответствии с которыми период «правления меньшевиков» должен был трактоваться как разгул буржуазной реакции во главе с антинародным, контрреволюционным режимом, являвшимся марионеткой в колониальной игре германского и турецкого империализма. Теперь же, когда цензурные ограничения пали, широкий общественный интерес и явно обозначившийся социальный заказ стимулировали исследовательскую работу. Её результатом стало появление десятков статей, нескольких монографий, авторами которых явились известнейшие грузинские историки — Автандил Ментешашвили, Гурам Шарадзе и др.

Для работ этого направления была характерна явная идеализация ДРГ как страны, сумевшей достичь впечатляющих успехов в утверждении социального и национального мира. Однако в эту идеализированную схему явно не вписывались известные факты социального недовольства трудящихся: неоднократные демонстрации и забастовки, карательные операции войск ДРГ по подавлению восстания в Южной Осетии в 1920 г. и их силовое присутствие в Абхазии. Концептуальное объяснение этих фактов в современной грузинской историографии — в чём-то шаг назад по сравнению с советской наукой. Если последняя искала причины народных выступлений в Южной Осетии и Абхазии, пытаясь всё-таки анализировать конкретные аспекты достаточно жёсткой политики Тбилиси по отношению к своим национальным окраинам, то нынешние грузинские исследователи предпочитают говорить лишь о происках внешних сил, о реакционных националистических течениях в среде осетинской и абхазской политических элит того времени и т. п.

Впрочем, можно сказать, что восторженно-идеалистический этап изучения истории ДРГ заканчивается. В самое последнее время появились работы, в которых отмечены попытки более объективного исследования объекта и, соответственно, утверждающие более взвешенный и трезвый взгляд на «Первую Республику», историю её внутренней и внешней политики, условия и факторы возникновения и государственного существования. Значительно больше внимания уделяется событиям,

связанным с падением «Первой Республики». Как известно, ДРГ перестала существовать 25 февраля 1921 г., когда части российской IX Красной Армии вошли в Тифлис (Тбилиси), установив там советскую власть. Распровавшись со штампами советской историографии, трактовавшей это событие как результат «победоносного восстания грузинского пролетариата, свергнувшего власть приспешников буржуазии — грузинских меньшевиков», нынешняя историография оценивает это событие совсем иными категориями. Для подавляющего большинства исследователей эта акция является «аннексией Грузии», «скрытой аннексией Грузии», «вооружённой интервенцией Советской России», «оккупацией Грузии», «экспортом политической системы» и т. п. Однако как бы не различались конкретные определения, во всех случаях данное событие трактуется как нарушение российской стороной российско-грузинского договора от 7 мая 1920 г., повлекшее за собой крайне отрицательные и трагические последствия для Грузии.

При этом, важно подчеркнуть, что с самого начала в соответствующих исследованиях присутствовал не только чисто академический интерес. Для грузинского общественного сознания важно было научное подтверждение достаточно очевидной истины о насильственном, нелегитимном подавлении грузинской государственности, о силовом насаждении в Грузии большевистской власти и вынужденном в дальнейшем вхождении в состав «советской империи». Под напором общественного мнения Верховному Совету Грузинской ССР своим постановлением от 20 июня 1989 г. пришлось образовать комиссию по вопросам политической и правовой оценки нарушения Советской Россией договора 7 мая 1920 г., а 18 ноября 1990 г. представленное заключение одобрить.

Исследователям, работающим над изучением советской истории, сегодня интересны ранее подцензурные темы, например, антисоветское восстание августа 1924 г., расстрел проталинской демонстрации в Тбилиси в марте 1956 г., перипетии, связанные с принятием весной 1978 г. последней советской конституции Грузии.

Одновременно расширяются тематические рамки исследований. Так, определённый общественный резонанс вызвала книга Вахтанга Гурули «Из истории новой грузинской военной доктрины» (Тбилиси, 1988)(25). Автор считает, что её разработка началась ещё до 1918 г. и являлась составной частью борьбы за восстановление государственной независимости.

Проблема территориальной целостности, оставаясь болезненным вопросом общественно-политической действительности Грузии, в немалой степени волнует и современную грузинскую историографию. Публикация доселе неизвестной рукописи И.А. Джавахишвили, которой издатели дали название «Демографические процессы и вопросы территориальной целостности Грузии во взаимоотношениях России — Грузии — Армении»(26), продолжила популярную тему о происках внешних врагов Грузии, покушавшихся на её территориальное единство. Весьма оперативно грузинская историография реагирует и на попытки «покуситься» на историческое достояние национальной культуры. Так, выход в 1996 г. в Ереване карты-справочника «Армянские церкви в Грузии» вызвал град полемических и резко негативных выступлений в периодической печати, в том числе и научной(27).

По-прежнему значительное внимание грузинские историки уделяют истории автономных образований, равно как и истории южных осетин и абхазов. Это обусловлено полемикой, которая интенсивно велась (ведётся и сейчас) между грузинскими историками и историками Абхазии и Южной Осетии, а также кровавыми военными конфликтами, в которые вылилось политическое противостояние Тбилиси и Южной

Осетии в 1990–1992 гг. и Абхазии в 1992–1993 гг. В ситуации, когда грузинское общество было охвачено антиосетинскими и антиабхазскими настроениями, национальной историографии необходимо было дать ответ на вопросы о причинах «этноконфликтов» (так на официальном тбилисском лексиконе именуется события в автономиях) и обосновать историческую правоту грузинской позиции. Ответ, который в настоящее время дает грузинская историография на эти вопросы, однозначен и не содержит каких-либо исследовательских нюансов. Объяснения трудностей в грузино-осетинских и грузино-абхазских отношениях не идут дальше тривиальных рассуждений о происках «внешних сил», в частности, «имперских и великодержавно-шовинистических кругов России».

В то же время значительные усилия современной грузинской историографии направлены на обоснование исторической принадлежности территории Абхазии грузинскому этнокультурному пространству. Для характеристики этих концептуальных позиций грузинских историков показательно фундаментальное исследование Мери Инадзе «Древнеколхское общество» (Тбилиси, 1994), удостоенное Премии им. академика С. Джанашиа. Рассматривая этническое и социокультурное развитие Кавказского Причерноморья, автор идентифицирует колхов исключительно с грузинами и в этом качестве помещает колхский этнический элемент и на территории Абхазии. Выводы, сомнительные, с точки зрения исторических фактов, тем не менее, становятся дополнительным доводом для обоснования известной политической доктрины об Абхазии как об исконной и неотъемлемой части Грузии (28). Другой образчик подобного рода исторической литературы — труд Дж. Гамахария и Б. Гогия (29), в котором путём достаточного произвольного подбора исторических свидетельств и ещё более произвольного их толкования и интерпретации обосновывается идея, заявленная в названии работы.

Названная тенденция проявляется порой в весьма неожиданных формах. Так, можно наблюдать стремление к распространению исторического имени *Грузия* и на территории собственно Абхазии. В частности, в Центре археологических исследований АН Грузии была защищена диссертация под названием «Верхнепалеолитическая культура северо-восточного Причерноморья Грузии». Однако в реальности речь шла об исследовании конкретно верхнепалеолитической стоянки Апианча, локализованной именно на территории Абхазии.

Ещё весьма показательным является практически «полное изгнание» из языка некогда широко распространённого в грузинской исторической литературе топонима *Южная Осетия*, который заменяется словосочетанием *Цхинвальский регион* (если авторы трактуют современные проблемы), или же средневековыми грузинскими *Самачабло* или *Шида Картли* (если речь касается исторического контекста). В качестве основной причины замены называется «искусственность», «изобретённость» наименования *Южная Осетия*, введённого большевиками для того, чтобы оправдать образование в 1921 г. в Грузии Юго-Осетинской автономной области (по другому мнению — ещё царскими чиновниками, чтобы расколоть территориальное единство Грузии). Вышеприведённая аргументация во многом имеет право на существование. Она предоставляет исследователям возможность иметь собственный взгляд на соответствующую проблему, однако в поспешной смене употребляемых географических названий нельзя не видеть известную зависимость современной грузинской историографии от господствующих в обществе политико-идеологических мифов, концепций и настроений.

Другого рода зависимость проявилась в зарождении ещё одного историографического направления — сталинианы. Личность И.В. Сталина вызывает в Грузии не-

однозначную оценку, хотя в целом сталинофильские настроения достаточно сильны и являются едва ли не преобладающими. Соответственно, крайне негативное восприятие грузинским историческим сознанием советского тоталитаризма сочетается с лояльным отношением к одному из его главных творцов. Причина этого кажущегося противоречия достаточно тривиальна и заключена в этническом происхождении бывшего политического лидера СССР. Как заявил председатель общества «Сталин» Г. Ониани, «маленький народ гордится великим человеком, оставившим в истории куда более значительный след, чем все его предшественники» (30).

В целом современная грузинская научная сталиниана невелика. Главным научным центром, который ориентирован на соответствующую исследовательскую и издательскую деятельность, является Дом-музей И.В. Сталина в Гори. В рабочих планах этого центра «систематический анализ и рецензирование материалов, публикаций о И. Сталине, изучение меняющегося общественного сознания, общественного мнения в отношении к феномену И.В. Сталина; привлечение и поиск новых материалов о Сталине и их изучение» (31). Однако печатной продукцией в Доме-музее начали заниматься сравнительно недавно, и в его распоряжении пока лишь отдельные брошюры и публикации.

Но последними современная грузинская сталиниана не ограничивается. Среди наиболее значительных работ — монография В. Гурули «Иосиф Сталин. Материалы к биографии» (32), в которой автор смог уточнить ряд деталей биографии своего героя, относящихся к раннему периоду жизни будущего вождя. Нет сомнений, что исследования, посвящённые И.В. Сталину, будут продолжены. Однако очевидно, что грузинской историографии предстоит преодолеть серьёзное испытание сталинским мифом, без чего адекватное изучение жизни и деятельности этого действительно виднейшего исторического деятеля XX столетия будет невозможно.

* * *

Эпохальные изменения, переживаемые Грузией в период, последовавший вслед за распадом СССР, предопределили радикальную смену политических, социальных и духовых ориентиров и ожиданий в грузинском обществе. При этом, его историческое сознание (как никакая другая сфера общественной, в том числе этнической самоидентификации) оказалось вовлечённым во всеобщие преобразовательные процессы, отразив в своем развитии известную непоследовательность и противоречивость общественно-политической эволюции Грузии последнего десятилетия.

Специфика ситуации заключается в двойственной роли, которую сыграли в указанных процессах исторические представления и в целом историческое сознание современного грузинского общества. С одной стороны, они в значительной степени определили соответствующий комплекс общественно-политических представлений и идей, который стал духовной основой новейшего этапа исторического развития Грузии, реализовавшегося в обретении независимости и первых шагах по созиданию новой государственности. Остро осознаваемое величие национальной истории в многовековом пути государственного и цивилизационного развития, безусловная вера в исключительность и уникальность традиций национальной культуры и т. п. стереотипы массового сознания обосновывали политические чаяния грузинского народа, делали «естественными» и «справедливыми» всеобщее стремление к возрождению исторических традиций государственного существования независимой Грузии.

С другой стороны, историческое сознание и детерминированные им исторические представления сами становились заложниками политической и идеологической конъюнктуры. Новой Грузии нужны были новые формы историко-культурной идентичности, обретенная независимость нуждалась в освящении исторической традицией, ожидавшийся политический и культурный ренессанс в свободной стране должен был иметь прообраз в блестящих достижениях прошлого. История должна была соответствовать «текущему моменту», а любые возможные апелляции к прошлому должны были находить удовлетворительное объяснение в новом историческом знании, открывавшем не цензурированную и не исковерканную умолчаниями или ложью истинную историю страны и народа.

Впрочем, обретение истины не обернулось мучительным процессом расхождения реалий и идеала, не стало шокирующим откровением и не принесло сенсационных открытий. Новый историографический и историософский поворот был совершён легко, так как знание «своей», «истинной», «потаённой» истории было достаточно массовым и сильным ещё в советское время. По понятным причинам, «своя» история аккумулировалась большей частью не в книгах, учебниках и энциклопедиях, а в массовом сознании, исторические представления которого составляли ткань генетической памяти народа. Поэтому важнейший импульс для исторического сознания коренился не в открывшихся тайнах величия и трагедий национальной истории, а в общественном признании давно известных, но до времени потаённых истин.

Однако постулаты массовых исторических представлений нуждались в легитимизации наукой. В этих условиях профессиональной историографии пришлось «догонять» историческое сознание. Этот процесс набирает скорость, открывая перед грузинской наукой новые исследовательские возможности, одновременно расширяя и углубляя поле творческой работы профессиональных историков. Наоборот, попытки сиюминутных ответов на социальные запросы современности оборачиваются известными потерями и прежде всего десциентизацией научного знания. Исследования, предпринимаемые с заранее обусловленной целью «попасть в струю» массовых общественных настроений, соответствовать конкретным социальным запросам, поневоле вынуждают, в ряде случаев, опираться лишь на авторские декларации, скоропелые обобщения и немотивированные выводы. В этих условиях достаточно сложно выдерживать и морально-этическую планку объективного взгляда на реалии национальной истории, например, на перипетии абхазо-грузинских и осетино-грузинских взаимоотношений. В то же время, очевиден богатейший интеллектуальный потенциал современной грузинской историографии, который способен воссоздать «свою» историю, опираясь исключительно на объективную логику фактов. Очевидно и другое: историческое сознание не будет оттеснено на периферию общественной жизни и будет продолжать играть важную роль в духовной и социально-политической эволюции грузинского общества и в XXI веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тухашвили Л.* Государственность: этапы развития //Заря Востока. 1989, 26 мая.
2. *Лордкипанидзе Р.* В Терек умытая Луна //Свободная Грузия. 1998, 29 сентября.
3. *Стуруа Д.* Вы это серьёзно, г-жа Новодворская? //Свободная Грузия. 1998, 24 июля.
4. Радиоинтервью Э. Шеварднадзе //Свободная Грузия. 1994, 10 мая.
5. Свободная Грузия. 1998, 26 мая.

6. Судебный процесс может стать началом большой компании //Свободная Грузия. 1998, 1 июля.
7. Философия действительности (интервью М. Мамардашвили) //Заря Востока. 1989, 25 июня.
8. *Шубитидзе В.* Грузия — неделимая часть Европы //Свободная Грузия. 1989, 11 июля.
9. Пресс-конференция Звиада Гамсахурдиа //Вечерний Тбилиси. 1990, 11 ноября.
10. Руставели — вдохновитель грузинского патриотизма (интервью З. Гамсахурдиа) //Народное образование. 1990, 1 апреля.
11. Свободная Грузия. 1998, 5 мая.
12. Свободная Грузия. 1998, 24 января, 20 мая.
13. Указ президента Грузии «О мероприятиях по ознаменованию 80-й годовщины восстановления независимости Грузии и провозглашения ДРГ» //Свободная Грузия. 1998, 8 марта.
14. *Гоголадзе Д.* Великий Давид Агмашенебели //Заря Востока. 1990, 10 февраля.
15. Распоряжение президента Грузии «Об ознаменовании дня возвращения Аджарии к матери-родине» //Свободная Грузия. 1998, 23 июня.
16. Надо достойно отметить юбилей, посвященный 26-вековому проживанию евреев в Грузии //Свободная Грузия. 1998, 14 августа.
17. Свободная Грузия. 1998, 9 сентября.
18. 14 апреля 1978 г. в Тбилиси состоялись массовые демонстрации, участники которых протестовали против исключения положения о государственном статусе грузинского языка из проекта принимавшейся в тот день сессией Верховного Совета Грузинской ССР Конституции республики.
19. Распоряжение президента Грузии «Об ознаменовании дня «Дэда эна» //Свободная Грузия. 1998, 2 апреля. («Дэда эна» — родной язык)
20. История Грузии — духовная сила народа //Заря Востока. 1990, 26 апреля.
21. «Абхазским письмом» на грузинском политическом лексиконе называется документ, который был направлен ЦК КПСС и Совету Министров СССР вместе с обращением, принятым 18 марта 1989 г. в с. Лыхны на многотысячном сходе абхазского народа. В обращении перед советским руководством ставился вопрос о выходе Абхазии из состава Грузинской ССР, а в сопровождающем документе давалась историческая справка по истории Абхазии и абхазо-грузинским отношениям, которые трактовались с крайне негативных позиций.
22. По поводу искажения истории грузино-абхазских взаимоотношений (ответ авторам «Абхазского письма») //Заря Востока. 1989, 28, 30 июня.
23. *Хоштария-Броссе Э.* Пора вспомнить об истине //Свободная Грузия. 1991, 1, 2 октября.
24. *Ломоури Н.* К вопросу о турках-месхетинцах //Заря Востока. 1989, 11 июня.
25. *Axali kartuli samxedro doktrinis istoriidan.* — Тбилиси, 1988.
26. *Demografiuli procesebi da sakartvelos teritoriuli sakitxi ruset-sakartvelos-somxetis urtiertobasi.* — Тбилиси, 1998
27. См., например: *Арвеладзе Б.* Армянские или грузинские церкви в Грузии?! — Тбилиси, 1998.
28. *Veli kolxetis sazogadoebi.* — Тбилиси, 1994.
29. *Гамахария Дж., Гогия Б.* Абхазия — историческая область Грузии. — Тбилиси, 1997.
30. Сталин, которого мы защищаем //Свободная Грузия. 1994, 7 мая.
31. Феномен И. Сталина — тема научного исследования //Свободная Грузия. 1998, 11 октября.
32. *Ioseb Stalini. Masalebi biografiidan.* — Тбилиси, 1998.

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Мурат Сембинов

Стремление к познанию своего прошлого присуще всем. Это свойственно и казахам, и другим народам, населяющим Казахстан.

Кто мы, каковы наши этнокультурные корни, какова историческая судьба — все эти вопросы всегда волновали не только специалистов-историков, но и других пытливых людей, живущих на территории Казахстана в разные времена. В подтверждение этого отметим, что 1998 г. в Казахстане был объявлен «годом народного единства и национальной истории», а предыдущий — «годом общественного согласия и памяти жертв политических репрессий».

Поиск исторической правды стал в последние годы общегражданским явлением, охватившим все слои населения вне зависимости от их социальной или этнической принадлежности. Объяснить это явление можно в какой-то мере трансформацией общественного сознания и глубокой политизацией масс, вызванной историческими событиями рубежа 80–90-х гг. и распадом советской системы, образованием новых независимых государств.

Советский Союз олицетворял собой некую «квазисистему» общемирового процесса, которая включала в себя некоторую структуру общественно-культурных ценностей, замешанных на утилитарно-классовом подходе, что, в свою очередь, породило совершенно иную категорию историографических и историософских доминант. Казахстан, как окраинная часть распавшейся империи, в информационно-интеллектуальном плане всегда (в досоветское и советское время) представлял собой смесь культурного провинциализма, вторичного рынка идей, вызванных растущим этническим самосознанием, сжатым идеологическими тисками придворного научного истеблишмента.

Процесс исторического познания в советские годы имел как бы два уровня коммуникаций. Один — официальный и потому единственно легитимный, имеющий широкий спектр передачи и воздействия, почти полностью идеологизированный, втиснутый в рамки исторического материализма, имеющий хорошо отточенную псевдометодологию с тщательно отобранными историческими парадигмами, замешанными на классовом подходе в восприятии исторической действительности. Второй уровень коммуникаций не представлял собой какое-либо целостное явление. Это был набор некоторых устных исторических схем, слухов, отрывков, штампов, нашедших отражение в массовом сознании или этнической памяти сегодняшнего населения Казахстана.

Динамичный процесс распада Советского Союза наряду с неким политическим шоком (вызвав шоковую ситуацию и в области сознания) породил прежде всего проблему самоидентификации. Процесс обретения суверенитета вылился в эйфорию

национального самосознания для одних и некоторый разлом ценностной системы в сознании для других. Перед каждым встали вопросы, о которых ранее почти никто (за исключением некоторых отдельных интеллектуалов) просто не задумывался: советские учебники по истории «выражали» вполне удовлетворяющую почти всех «стерилизованную» версию исторического развития всех народов СССР, населяющих шестую часть суши Земли. Современное состояние массового сознания в Казахстане, снижение уровня серьёзных исторических исследований (в связи с отсутствием собственной школы востоковедов, лингвистов, этнологов, за исключением отдельных учёных, на серьёзном уровне знающих древние языки и имеющих опыт в проведении таких исследований) формируют социальную потребность найти что-либо новое, доказать закономерность современных событий. Как отдельная ветвь массовой культуры, современная историография той поры характеризуется, с одной стороны, отсутствием или низким уровнем профессионализма, а с другой, — ультра-патриотизмом, замешанным на нетерпеливости, сиюминутности, которому необходимо самовыражение через весьма поверхностный поиск в прошлом исторического величия, избранныости собственного народа или отдельной исторической личности.

Для понимания всего комплекса историографических проблем необходимо отметить некоторые его особенности.

Особенности историографической традиции

Историография древнего и средневекового Казахстана не имеет традиционных форм исторической литературы в виде каких-либо цельных письменных источников (хроник или летописей), присущих, к примеру, европейской или российской традициям. В большей части она основана на отдельных рунических надписях или исторических памятниках соседних народов, имеющих отношение к различным этапам казахстанской истории. Объяснить это можно прежде всего особенностями кочевых цивилизаций, той иерархией культурных ценностных ориентиров, которые присущи народам, составляющим эти цивилизации. А потому на сегодня сформировался устойчивый взгляд на них (кочевников), опосредованный вопросом «Какие они?», а не вопросом «Какие мы?».

Все письменные источники по истории древнего и средневекового Казахстана — это взгляд людей, почти всегда не принадлежащих к этим народам. И это в известной степени, составляет уникальность историографической ситуации, отражается на эмоциональном восприятии источника, что позволяет судить о тех или иных событиях через человека, не принимавшего непосредственного участия в них, и таким образом, пытающегося более объективно подать его. Но, с другой стороны, это не даёт возможности сравнить вышеупомянутые события с восприятием непосредственных участников или лиц, полностью разделявших те культурно-бытовые ценности, либо ведущих тот образ жизни, который вели кочевники.

Однако нельзя также говорить о том, что все источники, допустим, о событиях послемонгольского периода сводились только к тимуридской или любой другой феодальной, в основном придворной, историографии, хотя они и являются основными. Не менее важны и данные так называемой «степной устной историографии» — память самого субъекта истории о своем прошлом. Как метко, на наш взгляд, заметил

один из казахстанских востоковедов В.П. Юдин, «... реконструировать историю Казахстана этого периода можно только на основе привлечения данных обеих историографий — обычной письменной, т. е. продукта оседлых народов, и степной устной» (1). Он отличает их от мифологии, фольклора или героического эпоса, определяет их как сборник исторических рассказов — «глав» исторического знания кочевников Дашти-и-Кипчак, получивших название «Кары соз» — «старое слово», «древний сказ». Как пример, приводится так называемая секретная история монголов — памятник устной историографии монголов, зафиксированный письменно. Всё это, конечно же, вносит определённую особенность в историографическую традицию ранней истории Казахстана.

Присоединение Казахских ханств к Российской Империи, а также дальнейшее развитие в составе СССР отразилось, помимо всего прочего, и на развитии историографии Казахстана. Он стал объектом пристального внимания сначала отдельных интеллектуалов, в основном представителей колониальной администрации, «заражённых Востоком» чиновников, чьё служебное положение обязывало вникать в проблемы населения этого региона. Именно их перу принадлежат основные работы по историографии Казахстана XVIII–XIX вв. Именно они попытались первыми проследить развитие народов, населяющих Центральную Азию, описать их характер, быт, политическую и социальную структуры.

Вклад Российской востоковедческой науки в воссоздание истории Казахстана несомненен и исключителен. К этому ряду можно отнести имена Н.А. Аристов, В. Бартольда, В.В. Вельяминова-Зернова, С.П. Владимирцева, Н. Красовского, А.И. Левшина, А.Ф. Рязанова(2) и многих других. Первые этнографические и исторические исследования советского периода базировались на достижениях российского востоковедения и по своим «конструктивным» параметрам (источниковая база, способ организации «первичного» материала, система доказательств и т. п.) являлись логическим и историческим продолжением научной традиции дореволюционного востоковедения(3).

Таким образом, историография Казахстана примерно до второй половины XIX в. носила экстраспективный характер, что в дальнейшем, уже в наше время, способствовало порождению именно в казахской общественной мысли мифа о том, что настоящая история казахов ждёт своего открытия, что все события казахской истории раскрыты не до конца, или имеют неправильную трактовку.

Параллельно с процессом познания исторического прошлого Казахстана извне шёл, хотя и с большим опозданием, процесс самопознания. Если не считать сочинения Кадырали-бия, написанного в конце XVI в., первыми весомыми работами казахов о казахах можно считать работы Ч. Валиханова, К. Бабаджанова и отчасти, в этно-философском плане, А. Кунанбаева. Начало XX в. ознаменовалось появлением собственной интеллектуальной элиты, получившей в основном европейское образование. Предпринятые первые попытки написания истории собственного народа относятся к 20–30-м гг. В это время выходят работы М. Тынышбаева, С. Асфендиярова, Г. Тогжанова. Огромная работа по изучению исторических феноменов кочевничества, социально-экономических, политических проблем Казахстана была проведена уже в советское время. Наметился, а в дальнейшем охватил все отрасли исторической науки, формационно-классовый подход, некая монополярная универсальная методология, дающая возможность проникнуть и объяснить все проблемы и перипетии исторического развития.

Понять процесс историографической кульминации в период углублённой советизации всех сфер общественной жизни, можно на примере описания этого процесса

в работе, посвящённой истории создания этнографии Советского Казахстана, написанной как раз в канун распада советской системы(4). Описывая вклад российской дореволюционной ориенталистики, авторы с сожалением отмечают, что публикации, эмпирически ориентированные на выработку методических принципов сбора и описания «первичной» этнографической информации, не отличались от предметных установок традиционной (досоветской) историографии. Как и прежде, отмечают они, основной задачей этнографов считалась преимущественно эмпирическая фиксация фактов.

Правда, уже тогда применение таких категорий и понятий марксизма как «общественная формация», «способ производства», «производственные отношения», «надстройка» и т. п. являлось обязательным элементом научных построений. Однако осознание адекватной эвристической возможности этих и других базовых категорий марксистской концепций исторического прошлого в науке в тот период ещё не произошло. Предметно-тематический диапазон этнографической проблематики был обусловлен не только академически заданными установлениями, но прежде всего общественно-политическими потребностями строящегося социалистического общества(5).

Итак, именно 30-е гг. стали годами историографической «мутации» некоей исторической парадигмы, призванной в конечном итоге стать официальной. В это время над казахстанским материалом работают учёные Москвы и Ленинграда, самого Казахстана, которые, благодаря своим выдающимся способностям (В.В. Бартольд, М.П. Грязнов, М.Е. Массон, С.П. Толстов, А.Н. Беринштам) проводят колоссальные исследования и одновременно умудряются приспособить (М.П. Вяткин, М.И. Стеблин-Каминский, В.Ф. Шахматов, С. Асфендиаров, Ш. Шапиро и др.), «втиснуть» исторический процесс в рамки марксистской исторической концепции. Пик процесса историографической «селекции» пришёлся на 30–40-х гг., когда в связи с началом войны тоталитарный режим начал пересматривать культурно-ценностную систему прошлого, чтобы сплотить народы Советского Союза перед лицом фашистской агрессии.

Не останавливаясь подробно на всех перипетиях историографических баталий того времени, подчеркнём, что учебник «История Казахской ССР» переписывался трижды, из-за него было несколько разгромных статей и специальное постановление ЦК КП (б) Казахстана (август 1945 г.). Не вписывалась в официальную историческую парадигму и работа Е. Бекмаханова(6) «Казахстан в 20–40-е годы XIX в.», описывающая национально-освободительное движение казахов под предводительством К. Касымова. И пусть в работе идеализировался как сам Кенесары Касымов, так и цели его борьбы, это исследование послужило мощным толчком к изучению собственной истории самими казахами.

Одновременно в массовом сознании постепенно стал формироваться стереотип о том, что официальная история есть только искажённая тень истинной истории. Диапазон взглядов массового сознания варьировался от представления о некоем «золотом веке» казахских ханств и кочевой цивилизации Центральной Азии, отдельных мифологем об идиллии и гармонии в сфере социальных отношений в кочевых обществах до более трезвых представлений о жизни и быте кочевников аридной зоны Евразии, их победах и неудачах в общей борьбе за выживание.

В это же время берёт начало историографическая мифологема о том, что мы (а под этим словом понимались все народы Казахстана) народ, не знающий своей истинной истории, «некие манкурты» (образ мифического героя из бестселлера начала 80-х гг. Ч. Айтматова «Буранный полустанок» или «И дольше века длится день...»),

забывшие свою мать, свою Родину. В эту схему явно не вписывались поистине огромные успехи в изучении истории Казахстана, сделанные в советский период. «Советская претензия на самое культурное общество в мире» сыграла в этом не последнюю роль, стимул для работы получили все ветви исторической науки. Особенно те, которые не касались проблем советского периода — здесь был особый подход и особый контроль.

Как и во всех республиках Советского Союза, «горбачёвский либерализм» и в Казахстане сыграл роль импульса к творчеству или выстрела в «прошлое», которое ответило «канонадой». Именно во второй половине 80-х гг. историческая наука в Казахстане пережила период «массового прозрения». В это время «выходит на поверхность» весь комплекс особенностей казахстанской историографической традиции. Под сомнение были поставлены многие устоявшиеся схемы, концепции, составлявшие официальную парадигму казахстанской истории. В большей степени это касалось нового и новейшего периодов национальной истории.

Вторым, более мощным импульсом, пробудившим интерес к национальной истории, особенно казахской части населения Казахстана, стали декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате. Неуклюжая, лживая политика кремлёвского руководства, с одной стороны, призывавшая к большей демократизации общественного строя и поощрявшая здоровую критику любых атакизмов сталинизма, а с другой, проявлявшая полное безразличие и высокомерие к проблемам межнациональных отношений, спровоцировала эти события.

Новые темы и противоречия восприятия

Основными темами казахстанской истории стали — проблема присоединения Казахстана к России, национально-освободительная борьба казахского народа 30–40-х гг. XIX в., восстание 1916 г., деятельность отдельных ярких представителей национальной интеллигенции в начале XX в., деятельность партии «Алаш» и правительства «Алаш-Орды», коллективизация в Казахстане, голод 1932–1933 гг., целинная эпопея. Эмоциональное начало в освещении конкретных исторических событий преобладало над основами научного поиска. С распадом СССР начался процесс формирования «своей» независимой истории. Он был замешан на преодолении некоего «комплекса» кочевничества, осознания того, что в прошлом мы были какими-то не такими, как все. Уникальность кочевничества в массовом сознании порой ассоциировалась с «варварством», «отсталостью». И нам во что бы то ни стало надо было доказать, что мы не такие, что у нас вполне уважаемое прошлое, насыщенное проявлениями массового гуманизма. Процесс отделения от общей союзной истории и, в частности, отделения от российской истории, был более сложным, так как вся история Казахстана являлась частью российской историографии. Поскольку впервые составлена и серьезно изучена в период развития Казахстана в составе Российской Империи и СССР.

В связи с этим интересно проследить перемены в использовании понятийного аппарата, с помощью которого освещался один из кульминационных моментов казахстанской истории, — история присоединения Казахстана к России. Если в советское время оно именовалась не иначе как «добровольное присоединение», и оценка деятельности хана Абулхайра — главного инициатора присоединения родов младше-

го жуза — носила только положительный характер, с употреблением эпитетов «мудрый», «дальновидный», «выдающийся», сам акт принятия российского подданства подавался как чуть ли не единственная возможность сохранения национального единства, то современная оценка этого процесса — уже в иных, более жёстких категориях типа «поглощение», «насильственное присоединение» и даже «военный захват». Хан Абулхаир предстаёт сегодня как более приземлённая личность, награждаемая эпитетами типа «властолюбивый», «противоречивый» и даже «предатель» и «сепаратист»(7)

Если рассматривать проблему освещения более раннего периода исторического прошлого Казахстана, то необходимо различать уровень оценки тех или иных событий. В популярных изданиях можно встретить массу самых различных мифологем от утверждения, что саки являются прямыми предками современных казахов, до довольно своеобразных доказательств того, что Чингисхан был казахом (К. Данияров «Альтернативная история Казахстана»), не тюрком, а именно казахом. При этом отвергаются все доводы монголоведов — специалистов по истории Чингисхана. Профессиональная историография старается как бы не замечать такого рода «сенсаций», оставаясь в целом на позициях старых, достаточно апробированных схем.

Переходя к проблемам нового освещения событий советского периода, необходимо отметить, что, если российское массовое сознание положительно воспринимает культурные и социальные ценности российского общества, которые существовали до 1917 г., а всё, что произошло в советский период, по большей части — с отрицательной стороны, то в Казахстане всё складывалось несколько иначе. Само массовое сознание в Казахстане имеет сложную структуру. Отношение казахского коренного населения к истории Российской Империи варьируется от резко отрицательной оценки, особенно там, где речь заходит о событиях, имеющих отношение к Казахстану, до полного безразличия. Русскоязычная часть населения в большей степени идентифицирует себя с общероссийской историей, в общем разделяя точку зрения российского массового сознания на дореволюционную историю.

Советский период казахи воспринимают также неоднозначно. Для них эти годы наполнены страданиями и жертвами и одновременно связаны со сменой культурно-хозяйственного уклада, обретения, пусть мнимой, но государственности. Русскоязычное население воспринимает советский период казахстанской истории ещё более неоднозначно. Для них это период не только массовых репрессий и господства командно-административной системы, но и период, когда они принадлежали к так называемой титульной нации, когда у них не возникало проблем с языком, а было ощущение национального комфорта. Все это накладывает особый отпечаток как на освещение, так и на восприятие новейшей истории Казахстана.

Не останавливаясь подробно на всех событиях советского периода, связанных с историей Казахстана, обратим внимание только на те явные мифологемы, которые появились в общественной мысли после обретения независимости. В массовом сознании бытует представление о целенаправленном истреблении только казахской национальной интеллигенции в 30–40-е гг., о специально организованном голоде 1932–33 гг. с целью полного уничтожения казахского этноса, о том, что освоение целинных и залежных земель привело к полному выветриванию плодородной почвы на обширных территориях и не принесло никаких значимых результатов, что центр намеренно проводил политику сохранения экономической отсталости Казахстана в послевоенные годы, развивая только сырьевую и добывающие отрасли народного хозяйства.

Особый интерес к истории стала проявлять правящая элита, для большего самоутверждения которой было необходимо найти в прошлом основы новой государственности. Среди исторических личностей, вершивших казахскую историю, выбор пал на двух государственных деятелей. Это Тауке-хан, возглавлявший в конце XVII — начале XVIII вв. Казахское ханство, при котором оно достигло определённых успехов во внутренней и внешней политике. При нём был составлен общеказахский Свод законов обычного права, получивший название «Жеты жарга». Второй исторической личностью, ставшей сегодня как бы символом государственности, и которой уделено наибольшее внимание, стал Аблай-хан (хан трёх казахских жузов в середине XVIII в.). И если о первом не сохранилось каких-либо обширных сведений, позволяющих подробно рассмотреть его деятельность, то моменты жизни хана Аблая отражены во многих письменных источниках, позволяющих воссоздать не только ту конкретно-историческую ситуацию, которая сложилась в Центрально-Азиатском регионе, но и черты его характера, его политическое кредо.

В последних публикациях, отдельных учебниках хан Аблай предстаёт как мудрый руководитель, государственный деятель, при котором казахское общество достигло наибольших успехов — кончились раздоры, укрепилось централизованное государство. Акцент сделан на успехах, достигнутых ханом во внешней политике, особенно в отношениях с Россией и Китаем. В то же время не упоминаются некоторые особенности его характера, подающие образ в невыгодном свете (жестокость, злопамятность), опущены конкретные факты его политической биографии (карательные акции, направленные на подчинение отдельных казахских родов, не признающих его власть, агрессивная политика в отношении соседних народов, в частности, киргизов и т. д.). В результате сегодня мы имеем несколько идеализированный портрет выдающегося деятеля казахской истории, без учёта реального состояния казахского общества, без оценки реальных исторических условий, дающих возможность перейти к объективной оценке.

Официальная власть традиционно продолжает влиять на развитие исторической науки в Казахстане, считая её одной из главных составляющих идеологического воздействия на население. С точки зрения правителей, история представляет собой всё-таки в большей степени некий прикладной инструмент, нежели независимую отрасль научного знания. Но изменились некоторые задачи, стоящие перед властью, осуществляемые через историческое познание. Вместо классовой борьбы, пролетарского интернационализма, всех антиподов буржуазного классового начала — появился новый набор исторической терминологии, постепенно наполняемой содержанием, — «финансово-промышленные группы», «социально-рыночная экономика», «межнациональное согласие», «национальные интересы» «национальное возрождение» и т. д. В отношении же более ранних периодов власть, главным образом, старается придерживаться центристских позиций, не вдаваясь в какие-либо крайности, особенно в определении тех моментов исторического развития, которые касаются взаимоотношений между отдельными этносами, национально-освободительного движения, проблем массовых переселений и др.

«Центризм», как историческая позиция, был определён президентом Н.А. Назарбаевым ещё в начале независимого развития(8). «Центризм» объясняется и той сложной этнодемографической структурой Казахстана, которая сложилась на сегодня, теми социально-экономическими задачами, которые решает государство сегодня. По отношению к прошлому «центризм» проиллюстрирован в статье президента Н. Назарбаева «Хранить память, крепить согласие»(9), которая посвящена провоз-

глашению нового, 1998 г. «годом народного единства и национальной истории». В этой статье сформулирована та историческая парадигма, которая принята официальной властью, а также отношение власти к национальной истории как к инструменту, который призван хранить прежде всего единство народов, населяющих Казахстан. Отношение власти к истории иллюстрируют и заключительные слова президента: «... Для меня не только символично, но и очень важно, что именно в наступившем году мы приступаем к практической реализации стратегии развития страны до 2030 года. Ведь единство казахстанцев, основанное на бережном, я бы даже сказал — трепетном отношении к своему историческому прошлому, может и должно стать мощной созидательной силой, надёжным средством решения сложнейших социально-экономических задач...»(10).

Исходя из этого, можно предположить, что несмотря на, действительно, благие намерения консолидации общества и мобилизации его на решение общественно значимых задач социально-экономической трансформации, власть рассматривает историческую науку как некий рычаг для решения общественных проблем, а не только как академическую науку, призванную на поиски истины. А это, в свою очередь, определяет исторический поиск. В то же время власть сама по себе является, помимо всего прочего, и воплощением некоей общегражданской идеи, т. к. она сама нацелена на развитие общества, а здесь ментальность, уровень сознания, этнодемографические процессы и др. занимают не последнее место. И потому любая власть, и не только в Казахстане, остаётся стороной заинтересованной в том, как будет идти процесс исторического познания, вплоть до того, как будут освещаться отдельные эпизоды исторического процесса.

Однако официальная историография (хотя это понятие очень условно) не является чем-либо цельным, она страдает теми же «болезнями» и недостатками, что и обыденное массовое сознание, так как, в конечном счёте, является частью его. Чисто внешне она представляет собой десяток самых различных учебников (порой написанных без всяких ссылок на источники), учебных пособий, отдельных монографий и массу статей популярно-публицистического плана в печатных средствах массовой информации, где ограничиваются ссылками на академические издания, а иногда и используют весьма сомнительные аргументы. Основное внимание в этих работах обращено на этногенез казахов, этапы и истоки государственности, проблему присоединения Казахстана к России, характер национально-освободительного движения, революцию и гражданскую войну, голод, репрессии, целину, застой.

Особое внимание в последнее время уделяется вопросам становления государственности и этногенеза казахов. Им посвящён ряд статей, в которых обсуждается сам факт наличия феномена государственности на территории Центральной Азии у саков, тюрков, монголов, казахов, что в принципе не отрицалось и советской историографией, но может быть воспринималось с менее эвристических позиций, что, в свою очередь, было связано с проблемой самого определения номадизма кочевников, невозможности «втиснуть» её в формационную систему периодизации истории. В ней оставалась ниша для существования строя «Военная демократия», нечто среднего между государством и негосударством, ордой (при этом само слово «орда» несло в себе некий негативный смысл). В публикации «Казахстанская государственность и государственность казахов» профессор Б. Еремуханов достаточно убедительно пытается переломить это мнение формационного подхода в проблеме, прекращая некое «блуждание в трёх соснах». «Кочевничество, кочевое общество, — пишет автор, — со своим экономическим базисом и политической надстройкой представляет оригинальную цивилизацию — кочевую, не могли быть поняты и, тем более объяснены,

формационной теорией, единолично господствующей в советском обществоведении. Оказалась явно преувеличенной претензия марксистской социологии на универсальность проблемы кочевого общества, как справедливо подчёркивают сегодня многие исследователи, она может успешно решаться цивилизационным подходом...»(11).

Автор критикует, на наш взгляд, справедливо стремление некоторых авторов «возвести государственные традиции казахов к государственности тюрок, караханидов, кипчаков»(12) как некорректное с исторических позиций, так и с точки зрения этнической истории казахского народа, сформировавшегося лишь в XIV в. А с другой стороны, не приемлет и выводы В. Моисеева о неспособности кочевников априори к созданию государственности, об уровне развития казахского общества в начале XVIII в. как строя военной демократии(13).

Но если для Б. Еремуханова проблема государственности у тюрок ещё требует нового осмысления, то А. Куркчи и С. Примебетов в статье под названием «Великий тюркский эль»(14) рассматривают эту проблему скорее в историко-софском плане. «В начале 1997 года, — пишут они, — необходимо вспомнить о тех далёких событиях создания первого тюркского государства потому, что память об этом поможет приступить к некоторым планомерным шагам как в осуществлении практических связей народов, объединённых общей историей и археологией, общей проязыковой и религиозной традициями и опытом организации социальной и политической структуры, так и в области нации и культуры.

Ведь почти каждый из наследников первого государства 547–552 гг. в дальнейшем имел собственный опыт создания государства — тюрки Алтая, уйгуры, сельджуки, тюрки Маверонахра эпохи Самонидов и создатели Тимуридской империи, казахи Серединной степи, калмыки, ойраты, джунгары, ногайцы Прикаспия и Кавказа и многие другие. В определённой степени наследниками Тюркского каганата являются все государства Евразии — Россия, имевшая непосредственный контакт на заре своей истории с тюркским миром Волги и Дона и прилегающих степей к Киеву, Венгрия, Турция, территории Ирана IX–XI вв. и времён Сефевидов в XVI–XVII вв., Афганистан, Индия...». Остаётся открытым вопрос почему авторы не внесли в этот список Китай, Корею, Тибет и Вьетнам.

Далее авторы прослеживают развитие государств-наследников «Великого тюркского эля» от Хуанхе до Рейна. Всё, что связано с этими государствами, овеяно, по их мнению, неким благотворным духом. Если реформа, то это обязательно великая реформа, если создание федерации (Федерации десяти стрел, 634 г.), то — «образец администрирования...». И если «... Тюркский каганат между 547 и 645 годом, а затем во время существования в двуедином облике государства Запада и Востока Великой степи даёт первый пример единодушного баланса отношений между внутренней и внешней политикой, между экономической и военно-стратегической экспансией, языковым и родоплеменным единством всех населяющих Великий Тюркский эль народов...», то «... Россия, по мнению авторов, предложила, возможно, самый неэкономный в истории способ пересоздания аморфной структуры гигантского пространства Великих степей в нечто устойчивое, но реорганизующееся постоянно через доминанты освоения, добычи сырья, насилия над природой и популяциями через северные ресурсы и Сибирь, через перетасовку энергии по наиболее экологически уязвимой природной среде...».

Авторы с завидной лёгкостью передвигаются по вековым пластам истории, выделяя проявления тюркского начала на всём пространстве от Тихого океана до За-

падной Европы, объявляя наследников «Великого тюркского эля». «Кушманское царство..., созданное кочевниками из Средней Азии, выступило как бы гарантом целой эпохи, в которой совмещались Запад и Восток на плодотворной идее постоянного и непрекращающегося обмена...». А вот хазары несколько «подмочили» репутацию кочевников (не все конечно, а их правящая верхушка), «изменили степным заветам и превратились в ставленников международной франко-еврейско-арабской торговли...», и всё это они сделали наперекор «исторической природе собственной национальности и собственных традиций, наперекор всему...». XX век у авторов предстаёт (начиная с 1916 г. по 1980–90-е гг.) как сплошная кровавая история кочевников.

Правда, в конце статьи авторы обнадеживают, определяя задачи, которые предстоит решить в ближайшем будущем: «... Вопросом дня и естественно решаемой задачей с научно-методологической стороны становится выяснение механизма “смыкания” современной истории центрально-азиатских государств с большей частью населения Великого тюркского эля. При таком подходе мы становимся свидетелями и участниками вполне благородной задачи удлинения истории центрально-азиатских государств и “слипания” (в духе социологии знания) одного витка истории с другим»(15).

Вообще тенденция к продлению собственной истории или (как выразились авторы статьи — А. Куркчи и С. Примебетов) «к слипанию» отдельных сегментов исторического прошлого наиболее характерна в развитии современной казахстанской историографии. Многие статьи, отдельные работы посвящены поиску связующих звеньев в развитии общетюркского этноса. Некоторые из авторов «роднят» казахов с более древними этносами, населявшими Центральную Азию в первом тысячелетии нашей эры и даже втором до нашей эры(16). Однако не всегда авторам удаётся быть убедительными. Например, заметка А. Байбатчаева, М. Серикбаева, М. Нурлыбаева «Читая Мухамеда Хайдара Дуглати»(17), где авторы с лёгкостью оперируют топонимами (называют даже место проведения учредительного съезда казахского ханства, которого фактически не было) или проводят аналогию между названиями реки Арыс и сакскими племенами аорсов, упоминавшимися древними авторами на территории Средней Азии в VIII–V в. до нашей эры. «... Саки племени “арыс” (уже не аорсы — М.С.) составляли основное население могущественного государства уйсуней, образованного в V–IV в. до н. э. и занимавшего территорию средневекового Моголистана. Сам Уйсун, предводитель этого государства и родоначальник казахов Большого жуза, вполне вероятно, был сыном племени арыс...». И далее, чтобы ещё больше захватить внимание читателей, они утверждают, что именно «доблестные воины уйсунского государства племени арыс отразили натиск Александра Македонского в 323 году до н. э., не оставляя ему ни малейшего шанса перейти на правый берег Сырдарьи...».

В этом отрывке авторы явно «передёргивают» факты, занимаясь излишней героизацией древней истории Казахстана. Судя по другим работам, основанным на источниках, этот эпизод выглядит не столь привлекательно. Александр Македонский воевал с саками-массагетами, а не с племенами арыс, которые, потерпев поражение, разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших с ними, бежали вместе со Спитаменом (согдиец, который вёл партизанскую войну против македонской армии — М.С.) в пустыню. Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню (степь — М.С.), они отрезали голову Спитамена и послали её Александру, чтобы этим поступком отвратить его от этого намерения(18).

Сведения об Уйсуне, предводителе государства уйсуней и родоначальнике казахов Большого жуза, также могут быть поставлены под сомнение, так как авторы не

устанавливают прямой связи между уйсунами II в. до н. э. — I в. н. э. и тем же родом, входящим в состав Старшего жуза казахов (19).

В то же время надо отметить и большую работу, проведённую в последнее время казахстанскими и российскими историками А.Ш. Кадырбаевым, Т.И. Султановым, С.Г. Кляшторным, К.М. Байпаковым и др., по насыщению древней истории Казахстана новыми фактами, уточнению отдельных эпизодов, включению в оборот ранее неизвестных источников. Как образец полемики на исторические темы, характерной для постсоветского Казахстана, можно считать серию статей в официальном печатном органе «Казахстанская правда», которая появилась вслед за публикацией социолога М. Тулебаева «Какого качества казачество?» («Казахстанская правда» от 6 января 1996 г.). В ней были подняты вопросы взаимоотношений казаков и казахов, связанные с захватом в прошлом земель коренного населения казаками Уральского, Сибирского и Семиреченского войск, и вызванные этим процессом негативные явления переименования исконных названий. Ответом М. Тулебаеву стала статья историка, краеведа Г. Васильева «Вот какого качества казачество» («Казахстанская правда» от 1 марта 1996 г.), где автор приводит контраргументы. Уральское (Яицкое) казачество захватило земли не казахов, а ногаев, казаки сами неоднократно подвергались репрессиям со стороны царского правительства (Пугачёвское восстание 1773–1774 гг.). Казаки многому научили коренное население (в частности, косить сено) и не принимали участие в уничтожении национальной интеллигенции. В досоветский период, пишет автор Г. Васильев, были переименованы два крупных кокандских (совсем не казахских тогда — *М.С.*) города: Ак-Мечеть-Форт — в Перовск и Шымкент — в Черняев (по фамилиям русских генералов, командовавших войсками, бравшими эти крепости). А уж в отношении «переименования казахских улиц...» — российские войска, в своё время завоевавшие кокандские города, не переименовали ни одной улицы по той простой причине, что улицы небольших среднеазиатских городов в те годы вообще не имели никаких конкретных названий, как это было принято, например, в Европе или России. Продолжением дискуссии являлась статья преподавателя АГУ им. Абая С. Урашева «О разных качествах казачества» («Казахстанская правда» от 8 июня 1996 г.), который привёл аргументы, свидетельствующие о сложностях отношений между сторонами. Это и проблема захвата земли казаками, и несение ими в степях полицейских и жандармских функций, и нерадивое хозяйствование: «Казаки либо по неумению, либо по нехотению, не использовали новые усовершенствованные орудия труда, а везли с собою во вновь освоенные земли тяжёлую сибирскую соху, которой пользовались в течение нескольких десятилетий». По поводу утверждения, что «казаки научили казахов косить сено», С. Урашев приводит слова П. Зенкова, первого головы города Верного: «Занимаясь хлебопашеством, они (казахи — *М.С.*) давно уже завели и сенокосение, пришли к сознанию необходимости иметь запасы корма на зиму для всего скота, в особенности для мелкого... В страдное время — это лучшие наши сенокосцы» (Туркестанские ведомости, 1874, № 46). Но оба автора в конце своих публикаций призвали к компромиссу и в освещении отдельных исторических сегментов и в отношениях между этносами:

Г. Васильев: «... Можно долго дискутировать на тему казачества: хорошо это или плохо. Убеждён, что тут надо не вражду сеять, а искать точки соприкосновения, памятуя о том, что у казахского народа и ныне возрождающегося славянского казачества исторические корни были одни».

С. Урашев: «Ныне живущим рядом необходимо продолжить прекрасную традицию наших предков — с открытым сердцем заходить в дом казаха неказуху и наоборот,

а не противопоставлять казака «с шашкой на боку» казаху «с камчой в руке». И, пожалуй, нет необходимости утверждать, что, если не было бы военного сословия — казачества, не было бы благоденствия народу казахскому».

В историческую полемику по поводу взаимоотношений казаков и казахов включился и поэт, общественный деятель О. Сулейменов. В своей статье «Сотвори себе друга» («Казахстанская правда» от 19 апреля 1996 г.) он постарался внести некоторую ясность по дискуссионным вопросам, а также вывести дискуссию на более широкий уровень. «В истории отношений казахов и казачества столько залитых чернилами и кровью страниц, что только бережная, кропотливая работа многих исследователей, чьё перо настроено толстовским камертоном, способна воссоздать во всей реалистической полноте нашу эпопею...» — подчёркивал О. Сулейменов, призывая историков отказаться от использования фрагментарности доводов. Давая более широкую картину взаимодействия славяно-тюркских этносов и субэтносов, переплетая их с философскими размышлениями на исторические темы, О. Сулейменов показал методологическую перспективу историческим исследованиям современного Казахстана. «В наше предельно политизированное время — пишет он — мировоззренческие науки по значению их для жизни общества могут быть отнесены к фундаментальным, ибо они во многом формируют фундамент сознания личности и общества. Человек ищет ответы на вопрос, который начинает волновать каждого с малых лет: “Кто — мы?”. Отложившиеся в учебниках отрывочные сведения о прошлом настояны на обидах и войнах. Но подлинная история — это летопись мира, сотрудничества, взаимозависимости народов издревле. Вот эту бы летопись восстановить! И тогда — яснее будущее нашего многонационального народа».

На примере данной полемики можно предположить, что любая дискуссия на исторические темы в полиэтническом обществе в принципе обречена на некий компромисс, и основой этого является прежде всего межнациональная стабильность этого общества, особенно там, где это общество наиболее политизировано.

Особое место в постсоветской историографии Казахстана занимает новейший (советский) период. Наблюдается процесс постепенного пересмотра всех ключевых событий этих лет. К примеру, освещение событий октября 1917 г. отличается наличием нескольких позиций — от почти не изменившейся оценки Великой Октябрьской революции(20) до — октябрьского восстания(21) и октябрьского переворота. Неоднозначно и отношение к такой личности, как В.И. Ленин. В одних работах он предстаёт «как один из первопроходцев революционных преобразований...», с ошибками, изъянами но всё же великой личностью, имеющей, в общем, положительный набор действий и черт(22), в других — «злым гением» с некоторым демоническим оттенком. Однако, пожалуй, наибольшее внимание из всех вопросов новейшей истории уделяется движению «Алаш» и казахскому автономизму. Сегодня опубликованы работы ведущих деятелей партии «Алаш» А. Букейханова, А. Байтурасулова, Тынышбаева и др. Написаны десятки монографий и отдельные статьи, сняты документальные фильмы. В недавнем прошлом совершенно закрытая тема буквально за несколько лет превратилась в одну из самых изученных(23). В то же время «новейший» период казахстанской истории наиболее мифологизирован в советской историографии, в нём отсутствовали не только отдельные события, личности, но и вся история представляла из себя полностью идеологизированное явление. Не случайно поэтому, что опубликование примерных данных по жертвам голода 1931–33 гг. вызвало шок в историческом сознании(24) (тогда стало известно, что общее количество жертв голода составило около 1 750 тыс. человек, в основном коренного населения). Это сразу же

полностью обесценило все основные историографические работы по этому периоду(25).

Некоторая растерянность в определении экономической трансформации Казахстана в советское время была связана с, действительно, большими достижениями в развитии промышленности и индустрии, тогда как постсоветский период был отмечен небывалым промышленным спадом и социальным обнищанием большей части населения. Наиболее внятными объяснением этого феномена могут быть рассуждения М. Тажина(26). В своей статье он признаёт, что в советское время произошла «грандиозная и эффективная модернизация промышленности и научно-промышленной инфраструктуры». В то же время он подчёркивает принципиальное отличие советской модернизации от этого процесса в других странах. Советская модернизация, по его мнению, была построена «не на экономическом интересе людей, но на жестоком принуждении», «она опиралась не только на силовые политические институты, но и на предельную централизацию экономической сферы». «Итогом советской модернизации стало создание крайне неповоротливой экономической системы со слабой обратной связью. В конечном счёте именно это обстоятельство свалило тоталитарный режим», — делает вывод автор.

Если говорить о новой персонификации исторического прошлого, то здесь также произошли существенные перемены. Галерея мучеников и героев пополнилась именами представителей казахских ханов, баев, деятелей партии «Алаш», представителями репрессированной национальной интеллигенции, и необходимо отметить, при этом, почти не изменилось отношение к государственным и партийным деятелям советского периода — Джангильдину, Джандосову, Кунаеву, а список антигероев возглавляют, в основном, такие пришлые «элементы» как Ермак, Ф. Голощёкин, Г. Колбин и другие.

Единственной темой, которая долгое время практически не менялась, была тема Великой Отечественной войны и участия в ней казахстанцев. И даже некоторые последние дополнения к ней (уточнения некоторых деталей и числа участников подвига 28 гвардейцев-панфиловцев, новые сведения о казахах-участниках Туркестанского легиона) не изменили освещения данного события. Массовое сознание и официальная историография в этом отношении проявляют устойчивое единство. Не случайно из всех праздников, оставленных от советского периода, День Победы 9-го мая не изменил своего содержания и значимости.

Проблема создания национальной истории, как и в других странах бывшего СССР, вплотную связана с проблемой поиска новой общегосударственной идеи. Необходимость этого поиска диктуется жёсткими условиями социально-экономической модернизации, которая, в свою очередь, наталкивается на ряд сложнейших проблем, таких как потеря идентификации, отток большей части высококвалифицированных специалистов из числа русскоязычного населения, обострение межнациональных отношений, что само по себе угрожает стабильному развитию государства. И потому поиск новой общегосударственной идеи — это та сверхзадача, которую решает сегодня официальная власть.

Не случайно, на наш взгляд, президент Н. Назарбаев так упорно отстаивает идею евразизма. И хотя эта идея выдвигается им как новая консолидирующая идея новых независимых государств, ясно, что истоки этой идеи находятся внутри самого Казахстана, в его полиэтнической структуре. И здесь, действительно, наблюдается наличие некоторого социального заказа, обращённого в прошлое, что побуждает исследователей к поиску основ евразийской цивилизации, поиску духовных и обще-

культурных контактов между народами, населявшими Евразию в прошлом. Для историографии Казахстана это означает, что официальная власть не замыкается на историческом поиске основы только «казахской идеи», она поддерживает устремления всех народов, населяющих Казахстан, на исторический поиск своего прошлого.

Вот почему именно после обретения независимости наблюдается действительный всплеск исследовательского интереса к историческому прошлому отдельных этносов и субэтносов. В то же время необходимо отметить наличие в современной казахстанской историографии и тенденции, «завязанной» как бы на «казахской национальной идее», которая лишь отражает массовое историческое сознание, в основе которого лежат чувства исторической обиды или «несправедливости».

Этих чувства продиктованы следующим. В центре Евразии жил свободолюбивый и гордый народ, имевший свои традиции, свою культуру, который был завоёван, а в дальнейшем поглощён другим народом, в результате чего почти утерять все основные признаки национальной уникальности — язык, культуру, хозяйственный уклад и т. п., и, таким образом, казахстанской историографией ставится задача написания истории казахов, как одной из составляющих в воплощении «казахской идеи». Но здесь возникает несколько препятствий: а) Казахстан уже не является территорией, населённой только казахами, и отдельные этносы также стремятся познать свою историю; б) Произошли цивилизационные изменения в самом понятии казахского народа, он трансформировался как этнос, он уже не кочевой народ и потому воплощение чисто «казахской идеи» наткнется на серьёзные трудности. Большая часть политической элиты Казахстана понимает это, что, в свою очередь, определяет, хотим мы того или нет, основные тенденции в развитии казахстанской историографии.

* * *

Итак, для становления национальной истории Казахстана характерны следующие тенденции:

Казахстанская историография имела достаточно сложную, неоднозначную традицию, что в конечном итоге нашло отражение в современных её тенденциях и подходах. Процесс познания исторического прошлого в той или иной степени опосредован, в зависимости от конкретно рассматриваемых сегментов, основными понятиями, комплексами, представлениями массового сознания, стремлением политической элиты к эгоцентризму. В то же время казахстанская историография добилась значительных успехов в движении к истине, в переоценке как отдельных событий, так и целых комплексов исторического развития.

Формирование новой национальной истории Казахстана представляет собой очень сложный и противоречивый процесс, связанный прежде всего с проблемами развития историографической традиции в прошлом, что само по себе объясняется рядом культурных и цивилизационных особенностей народов, населявших Центральную Азию в древности, а так же уникальностью кочевой цивилизации самих казахов. Сама историографическая традиция пережила несколько этапов в своём развитии и, в основном, была «замкнута» на российском информационном поле, что само по себе вносило ряд особенностей в восприятие исторической действительности.

Трансформация исторического познания на рубеже 80–90-х гг., «завязанная» на стремлении к национальной независимости, а затем и сам процесс обретения и развития

независимости, внесли другие подходы к восприятию собственной истории — отмена старых и появление новых концепций и парадигм. На поиске «своих» исторических корней, этнической, социальной и политической идентичности, но и на трансформации массового сознания, что, в свою очередь, повлияло на развитие массового интереса к истории отразился процесс развития нового национального эгоцентризма.

Сегодня казахстанская историография находится на этапе перехода от некоторого нигилизма в освещении исторического прошлого к становлению более взвешенных и апробированных взглядов и концепций. В то же время казахстанская историография добилась значительных успехов в расширении процесса исторического познания, преодолев пороки тоталитарной идеологии, в переоценке как отдельных событий, так и целых комплексов исторического прошлого.

Официальная власть рассматривает историческую науку в большей степени как некий инструмент для решения текущих проблем социально-экономической модернизации. Она способствует историческому поиску, который решает проблему исторической обоснованности текущих политических процессов. В то же время наблюдается тенденция к плюрализации исторических исследований, постепенный отход от стереотипов, сложившихся в сознании, что связано с общим процессом демократизации общественного строя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Юдин В.П. Утемиш-Хаджи, Чингиз-Наме. — Алма-Ата, 1992. С.64.
2. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. — СПб., 1832; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб, 1864; Рязанов А.Ф. Восстание Кенессары Касымова (1837–1847 гг.). — СПб., 1856; Красовский Н. Область сибирских киргизов. — СПб., 1868; Бартольд В.В. Сочинения. — М., 1963; Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности //Живая старина. 1869. Вып.3–4; Радлов В.В. Сибирские древности //Записки Русского археологического общества. Т.7. Вып.3–4. 1895.
3. Историческая наука советского Казахстана. Очерки становления и развития. — Алма-Ата, 1990. С.48.
4. Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана //Историческая наука Советского Казахстана». — Алма-Ата, 1990.
5. Историческая наука Советского Казахстана. — Алма-Ата, 1990. С.49–50.
6. Е. Бекмаханов был лишён всех званий и степеней, репрессирован, осуждён на 25 лет в 1952 г., реабилитирован и восстановлен в званиях после 1956 г.
7. Данияров К. Альтернативная история Казахстана. — Алматы, 1998.
8. Назарбаев Н. Без правых и левых. — Алматы, 1993.
9. Назарбаев Н. Хранить память, крепить согласие //Мысль. № 3. 1998. С.2.
10. Там же. С. 24.
11. Еремуханов Б. Казахстанская государственность и государственность казахов //Казахстанская правда. 1998, 16, 17, 18 августа.
12. История Казахстана. Т.I. 1996.
13. В официальной историографии до сих пор идёт спор, начатый ещё в 80-е гг., к какой общественно-экономической формации отнести кочевников. — См.: Марков Г.Е. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников //Скифо-сибирское культурно-историческое единство. — Кемерово, 1980.
14. Куркчи А., Примебетов С. Великий тюркский эль //Казахстанская правда. 1997, 28 февраля.
15. Там же.

16. *Ирмуханов Б.* Этническая летопись древнего Казахстана //Мысль. 1998. № 7. С.84; Читая Мухамеда Хайдара Дуглати //Казахстанская правда. 1996, 30 апреля; *Байбатчаев А., Серикбаев М., Нурлыбаев М., Тажутов А.* Куманы, половцы, кипчаки и казахи. — Алматы, 1998. С.42–44.

17. *Байбатчаев А., Серикбаев М., Нурлыбаев М.* Читая Мухамеда Хайдара Дуглати //Казахстанская правда. 1996, 30 апреля.

18. Арриан IV. Цит. по: *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трёх тысячелетий. — Алматы, 1992. С.41.

19. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. — Ташкент, 1988. С.92–93; *Б. Измуханов.* Этническая летопись древнего Казахстана //Мысль. № 7. 1998. С.80–81.

20. *Абдашимов А.* История Казахстана. — Алматы, 1994. С.95.

21. История Казахстана. Методическое пособие. — Алматы, 1992; Страна в сердце Евразии. — Алматы, 1998.

22. *Абдакимов А.* История Казахстана, очерк. — Алматы, 1993. С.291.

23. История Казахстана: «белые пятна» /Сост. Абылгожин Ж.Б. — Алма-Ата, 1991.; *Абжанов Х.* Формирование и судьбы национальной интеллигенции. — Алма-Ата, 1992.

24. О чём не говорили. — Алма-Ата, 1989; *Татимов М.Б.* Социальная обусловленность демографических процессов. 1989. С.122.; История Казахстана. — Алматы, 1993. С.307.

25. См, напр.: *Дакиллегер Г.Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. — Алма-Ата, 1967; *Турсымбаев А.Б.* Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. — Алма-Ата, 1963.

26. *Тажин М.* Тоталитарное прошлое нельзя забывать //Казахстанская правда, 4 июня 1997.

МОЛДОВА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ В ПОИСКАХ «СВОЕЙ» ИСТОРИИ

Ирина Благодатских

«Национальная революция» в Молдавии, проходившая в условиях распада Советского Союза, выдвинула проблемы культуры и истории в центр общественно-политической жизни республики. В конце 80-х — начале 90-х гг. увидело свет большое количество исторических исследований и работ публицистического характера, свои взгляды на важнейшие события истории Молдавии высказали не только профессиональные историки, но и литераторы, журналисты, политики. Благодаря их усилиям история стала не просто фоном жарких политических баталий в Молдавии начала 90-х гг., а их активным «участником».

Кристаллизация новых политических сил в Молдавии в конце 80-х — начале 90-х гг. происходила в противоборстве различных государственных идеологов, представлявших собой мифологизированные концепции исторического прошлого и основанные на них представления об «идеальном отечестве». Идеологемы «оккупированных румынских территорий», «второго румынского государства», «единой и неделимой Российской империи» и «нерушимого Советского Союза», «гагаузской автономии», «Буджакской республики» нашли отражение в официальных документах и заявлениях, практической политике основных общественно-политических организаций и движений в Молдавии (Народного фронта Молдовы (НФМ), КПМ, интеллигентского движения «Единство», движения «Гагауз халкы» и др.). Именно несовместимость перечисленных идеологов обусловила, на наш взгляд, остроту политического конфликта в Молдавии в начале 90-х гг., приведшего в конечном счёте к её территориальному расколу.

Пересмотр ключевых событий и фактов

Начиная с кампании по сбору подписей с целью придания молдавскому языку статуса государственного, до принятия парламентом Декларации независимости 27 августа 1991 г. движения и партии широко использовали в ходе политических дискуссий исторические аргументы. В центре оказался вопрос об оценке переломных моментов истории Молдавии, связанных со сменой государственной принадлежности её частей (акты 1812, 1918, 1940 гг.). Перипетии политической истории края XIX–XX вв., сложность отношений основного населяющего его этноса — молдаван — с Россией и Румынией, традиционно полиэтничный состав населения служили факторами, придававшими особую остроту обсуждению событий истории. Выплеснувшиеся на страницы периодических изданий рассуждения о правах «коренного» и «некоренно-

го» населения, об «исторической территории» молдаван, гагаузов, болгар, русских, украинцев разрушили ещё недавно казавшуюся незыблемой общественной стабильность. Дискуссии также показали, что и среди самих молдаван не было единого мнения по вопросу о том, являются ли они частью румынской нации (т. е. нации, существующей в пределах современной Румынии) или отдельным самостоятельным народом(1). Раскол молдавской общины по проблеме самоидентификации оказал и продолжает оказывать определяющее влияние не только на историческое и политическое сознание населения, но и на существование различных, зачастую непримиримых подходов к анализу событий прошлого в профессиональной среде.

Народный фронт Молдовы, ставший ведущей и инициативной силой национального движения, сформулировал и последовательно придерживался в своей политической деятельности идеологемы «оккупированных румынских территорий», нашедшей наиболее полное выражение в программных документах НФМ. Особую роль в этнической мобилизации молдавского населения республики сыграли проведенные по инициативе НФМ Великие национальные собрания 27 августа 1989 г., 16 декабря 1990 г., 27 августа 1991 г. В Заключительном акте Второго Великого национального собрания 16 декабря 1990 г. территории Бессарабии и Северной Буковины были объявлены «оккупированными» Советским Союзом; Собрание (по разным оценкам в нём приняло участие от 50 до 800 тысяч человек) провозгласило «национальную независимость проживающих на оккупированных территориях румын и право всей румынской нации на защиту всеми способами своей независимости»(2). В этом требовании «большой» и «малой» независимости одновременно заключалось основное противоречие идеологии Народного фронта.

В результате парламентских выборов в феврале–марте 1990 г. Народный фронт Молдовы получил весомые рычаги политической власти (1/3 мест в Верховном Совете), что дало ему возможность добиться закрепления основных элементов идеологемы «оккупированных румынских территорий» в программных документах парламента республики. Под давлением НФМ 23 июня 1990 г. парламент одобрил «Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке советско-германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины»(3). В «Заключении» подчёркивалось, что Бессарабия и Северная Буковина «всегда были составными частями Государства Молдова, созданного в XIV веке на территории предков румын — гето-даков». Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. было квалифицировано как «расчленение Государства Молдова» и «аннексия» территории между Прутом и Днестром. Провозглашение Молдавской Демократической Республики 2 декабря 1917 г., а затем её независимости 24 января 1918 г. оценивалось как реализация «естественного и полного права на самоопределение»(4). Осудив пакт Риббентропа–Молотова и секретный протокол в нему, Верховный Совет ССР Молдова квалифицировал советские ноты Румынии 26 и 28 июня 1940 г. «как пример политики имперского диктата», а последовавшее затем присоединение Бессарабии и Северной Буковины к СССР как «оккупацию»(5). Принятое 23 июня 1990 г. Верховным Советом «Заключение» являлось документом программного характера, в нём впервые был официально подтверждён пересмотр важнейших моментов истории Молдавии и заложены основы новой концепции истории.

В 1990 г. министерство науки и образования ССР Молдова утвердило программы по истории, в соответствии с которыми в высшей и средней общеобразовательной школе был введён курс «Истории румын» (6), заменивший курсы «Истории Молдавии»

и «Истории СССР», одновременно были разработаны соответствующие программы для гимназий, лицеев, профессиональных учебных заведений, программы для поступающих в высшие учебные заведения. В программе курса «История румын» для V–XI классов средней общеобразовательной школы отмечалось, что в ней «дана принципиально новая, научно и политически обоснованная оценка истории нашего народа на современном этапе его развития», а также включён «ряд новых материалов, которые отражают историю нашего народа в соответствующей исторической канве и в нерасторжимой связи с историей всего румынского народа». В основе изложенной в программе концепции национальной истории — идея единства и непрерывного существования румынского народа, его героической борьбы с внешними врагами, стремление к независимости и объединению в национальное румынское государство, идея румынской нации как высшей формы румынской общности(7). Программа курса «Истории румын» 1990 г. носила, как отмечали её авторы, предварительный характер и являлась вариантом программы «перехода к становлению национальной школы»(8).

Радикальный пересмотр концепции национальной истории, заложенный в программах 1990 г., при отсутствии подготовленных с учётом этого пересмотра учебных пособий привёл к широкому внедрению румынской учебной литературы в высшую и среднюю школу республики. В начале 90-х гг. обучение в национальной школе велось по учебникам, утверждённым министерством образования Республики Румыния. В 1990–1991 гг. был переиздан в Кишинёве на русском и румынском языках учебник профессора Петре П. Панаитеску «История румын» 1943 г., предложенный министерством науки и образования ССР Молдова в качестве учебного пособия для преподавателей истории средних общеобразовательных школ и профессионально-технических училищ(9). В этот же период были изданы большими тиражами (от 15 до 30 тысяч экземпляров) информативные курсы национальной истории профессоров Ясского университета «А.И. Куза»(10) и др.

К середине 90-х гг. началось издание учебников и методических пособий, подготовленных историками РМ(11). Следует отметить, что местные периодические издания Республики Молдова регулярно публиковали подготовительные материалы в помощь преподавателям истории румын, а также полностью или частично работы молдавских и румынских историков («Basarabia», «Columna», «Cugetul», «Patrimoniul», «Revistă de istorie a Moldovei» и др.).

Определённым шагом на пути создания образовательной концепции национальной истории стал подготовленный сотрудниками Молдавского государственного университета И.А. Ожогом и И.М. Шаровым «Краткий курс лекций по истории румын»(12), призванный охватить «все периоды истории румын и все территории, населёемые румынами». Пособие выдержало три издания на румынском языке и два на русском. В нём предпринята попытка изложить в соответствии с периодизацией всемирной истории (древняя и античная история, средние века, новое время, новейшее время) историю «румынского пространства с древнейших времен до наших дней». В качестве такового из «ранней» истории авторы назвали Карпато-Дунайско-Понтийский регион; завершение процесса романизации дакийского населения, по их мнению, привело к образованию румынского народа уже к концу VIII в. н. э. В изложенном материале по проблеме этногенеза румын единственной теорией, основанной на научно-исторических данных, ими признана теория преемственности (континуитета), в соответствии с которой «румынский народ, имеющий единую культуру, язык и национальную направленность, является прямым потомком дако-римлян всей древней Дакии»(13).

Центральной темой средневековой истории «румынского пространства» стало «образование румынских феодальных государств» (Трансильвания, Валахия, Молдавия, Добруджа) и борьба за сохранение их независимости. Особое внимание уделено истории «первого политического объединения румынских княжеств» в 1600 г. при валашском господаре Михеа Витязуле, которому удалось на короткое время реализовать «великие идеалы румынского народа»(14). Кратковременное объединение княжеств при этом правителе — кульминационный момент средневекового периода и «золотая страница» истории всех румын.

Проблемы новой истории румынских земель (XVIII–XIX вв.) изложены в соответствии с традиционной для румынской историографии идеей, что вся история «румынских государств» есть история борьбы за независимость, на которую посягали три великие империи — Россия, Турция и Австрия; их политика — главная причина социально-экономического и политического отставания в развитии румынских земель. Особое внимание в «Курсе лекций» уделено итогам русско-турецких войн и «планам России по захвату румынских территорий»(15), а также русификаторской политике царизма в Бессарабии в XIX в.

В качестве поворотных моментов в истории румын XIX в. рассмотрено объединение Молдавии и Валахии в 1859–1861 гг., образование Румынии и международное признание её независимости в 1878 г.(16). Чрезвычайную значимость в «Курсе истории румын» приобрели события 1918 г., которые трактуются как «завершение процесса создания единого румынского национального государства»(17). Позиция советского правительства по бессарабскому вопросу, основанная на непризнании включения Бессарабии в состав Румынии, трактуется авторами как противоречащая национальным интересам (18). Они отмечают, что предпринятые в 20-е гг. акты сопротивления в ответ на румынскую оккупацию Бессарабии (хотя умалчивают об известных Бендерском (1918 г.), Хотинском (1919 г.), Татарбунарском (1924 г.) восстаниях), «отрицательно сказывались на экономическом и социально-политическом развитии края»(19).

Для изложения новейшего периода истории румын характерно параллельное освещение политических процессов в Румынии и Молдавии послевоенного периода. История Советской Молдавии обозначена как период «послевоенного сталинского режима», «административно-командной системы», как «очередной этап колонизаторской политики в отношении этой национальной окраины советской империи»(20).

Изложенная в «Кратком курсе» концепция национальной истории свидетельствует о том, что в ней превалирующей, вопреки провозглашению и утверждению в 1991–1998 гг. независимой молдавской государственности, остается идея румынской общности, собственно молдавская история с древнейших времен до наших дней вписана в историю «румынского пространства».

После досрочных парламентских выборов 1994 г. вопрос о содержании исторического образования неоднократно поднимался в парламенте, всё чаще в периодической печати стало звучать мнение о необходимости перехода в учебных заведениях РМ от преподавания курса «История румын» к изучению истории Молдавии. В условиях новой расстановки политических сил в марте 1995 г. министерство образования приняло решение об исключении курса «История румын» и введении курса «История Молдавии»(21). Реакцией на это решение стала инициированная унионистскими партиями всеобщая забастовка студентов, объявленная 20 марта на площади Великих национальных собраний в Кишинёве и выдвинувшая лозунги — «отстоим румынский язык и историю румын», «требуем подлинной истории». Центром студенческих

выступлений стал Молдавский государственный университет, президентом забастовочного комитета был избран доктор истории А. Петренку (декан исторического факультета в 1990–1992 гг.). В ходе студенческих выступлений, выдвинувших в основном лозунги защиты румынского языка и истории румын, прозвучали требования экономического характера и изменения конституции (прежде всего статьи 13, в которой в качестве государственного определен «молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики»). Событиям марта–апреля 1995 г. посвящена брошюра журналиста Н. Ройбу под символическим названием «Весна нашего достоинства»(22). Итогом этих событий стала отмена решения коллегии министерства, и в октябре 1995 г. была утверждена новая программа «Истории румын», в которой получили развитие заложенные ещё в программе 1990 г. основные трактовки национальной истории.

К июню 1997 г. министерство образования и науки РМ (название министерства менялось неоднократно) разработало и утвердило «Школьный курс», т. е. типовые учебные программы по всем дисциплинам. В объяснительной записке авторы программы по истории, подчеркивая важное значение предмета, определили главную цель изучения истории — «содействие развитию личности с высоким уровнем национального самосознания»(23). Курс содержит не только подробное изложение общих целей исторического образования, его базовых направлений (понимание и представление исторического времени и пространства, факты, события, личности и т. д.), но и предлагает методические рекомендации по контролю и оценке знаний учащихся. Так, к концу IV класса ученик должен не только «знать выдающихся личностей из истории румын», но и «выражать своё отношение» к ним, «осознавать гражданский долг сегодняшнего поколения перед историческими личностями»(24). Наибольшее внимание среди выдающихся исторических деятелей уделено правителям Штефану чел Маре, Михаю Витязулу, Д. Кантемиру, А.И. Кузе. В целом схема изложения истории румын не претерпела существенных изменений по сравнению с программами 1990, 1995 гг. Примечательным фактом является то, что авторы курса в списке рекомендуемой литературы включили немало пособий, подготовленных и выпущенных в Бухаресте.

Идея румынской общности как основы образовательной концепции национальной истории не вызывает единодушного одобрения в среде профессиональных историков. В 1998 г. под эгидой Ассоциации ученых Молдовы имени Н. Спэтарул Милеску была издана подготовленная группой известных молдавских историков под руководством члена-корреспондента АН РМ В.И. Царанова (директора Института истории АН РМ в 1982–1991 гг.) «История Республики Молдова», в которой авторы попытались дать «сжатое изложение важнейших исторических событий и явлений, которые происходили с древнейших времен до наших дней на территории Республики Молдова»(25). Историки отказались от изучения «румынского пространства», заявив, что «исторические события в настоящей книге рассматриваются до 1812 г. на территории формирования и проживания молдавской народности, в 1812–1940 гг. — в пределах Днестровско-Прутского междуречья и левобережных районов молдавского Поднестровья, с 1940 г. — в нынешних границах Республики Молдова»(26). Наиболее значимым в позиции авторов этой работы является стремление изложить историю Молдавии с позиций сохранения, преемственности и защиты независимой молдавской государственности. Издание уже вызвало неоднозначные оценки в периодической печати(27) и, несомненно, в ближайшее время окажется в центре очередной дискуссии по проблемам истории. «Историю Республики Молдова» предполагалось исполь-

зовать в качестве учебного пособия в молдавских и русских школах республики, однако основная часть её тиража до сих пор находится под негласным арестом в министерстве образования РМ(28).

Сложное положение с изучением национальной истории сложилось на юге Республики Молдова. Замена в 1990 г. курса «История Молдавии» «Историей румын» практически исключила из средней общеобразовательной школы изучение истории болгар и гагаузов в районах их компактного проживания. Создание на юге Молдовы территориального автономного образования гагаузов в соответствии с Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)», принятом парламентом РМ 23 декабря 1994 г., эту ситуацию существенно не изменило. Вместе с тем следует отметить, что руководство Гагауз Ери принимает меры для развития национальной культуры, уделяет внимание проблемам языка и истории. Народное собрание Гагаузии в январе 1996 г. приняло постановление «О переводе гагаузской письменности на латинскую графику», а в январе 1997 г. «Об увековечении памяти и признания особых заслуг национальных героев, деятелей науки и культуры»(29), в котором приведён список «выдающихся деятелей гагаузского народа» с документально-историческим обоснованием. В этот список из 14 фамилий вошли М.М. Чакир (историк-просветитель), Д.Н. Карачобан (писатель), М.П. Губогло (историк) и др. Недавно в Комратском университете под руководством историка, этнографа М.В. Маруневич создана группа исследователей для написания «истории гагаузского народа»(30). До сих пор преподавание истории болгар и гагаузов в школах южных районов РМ ведётся в рамках курсов языка и литературы на основе отдельных публикаций в периодической печати («Вестник Гагаузии», «Сабаа йылдызы», «Гагауз Ери»), исторических исследований советского периода, а также подготовленных в последние годы публикаций сотрудников Института национальных меньшинств Академии наук РМ, созданного в декабре 1992 г.(31). Определённое значение для гагаузов имеет сотрудничество в сфере гуманитарного образования с Турцией, открывшей в 1993 г. в Кишинёве Генеральное консульство.

Активное участие гуманитарной интеллигенции в общественно-политических дискуссиях конца 80-х — начала 90-х гг. привело к тому, что в политическую элиту Республики Молдова вошёл целый ряд профессиональных историков, занявших важнейшие государственные посты и должности и возглавивших политические партии и движения. С отличием окончил в 1962 г. историко-филологический факультет Кишинёвского университета нынешний президент Республики Молдова Пётр Лучинский. В число «50 наиболее влиятельных политиков и общественных деятелей Молдовы»(32) по итогам ежемесячных опросов исследовательской фирмы «Votna plus» вошли профессиональные историки, известные своей научной, педагогической, литературной деятельностью в «дореволюционные времена» — А.К. Мошану (доктор исторических наук, председатель парламента в 1990–1992 гг., член Постоянного бюро нынешнего парламента РМ), В.Н. Стати (доктор исторических наук, председатель движения «Про Молдова»), В.И. Пасат (доктор исторических наук, с 12 мая 1999 г. — министр госбезопасности РМ), В.А. Солонарь (кандидат исторических наук, председатель Гражданской партии), П.М. Шорников (кандидат исторических наук, председатель движения «Единство»), А. Царану (кандидат исторических наук, сопредседатель Объединённой социал-демократической партии), В. Матей (выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель председателя нынешнего парламента РМ, председатель Партии демократических сил). Важно отметить не только активную общественно-политическую деятельность профессиональных историков в 90-е гг., но

и их приверженность различным и даже радикально противоположным политическим позициям.

«Национальные интересы» историографии

Центрами наиболее активной исследовательской и педагогической деятельности историков РМ в 90-е годы оставались Институт истории Академии наук РМ, исторические факультеты вузов республики (Молдавский государственный университет, Государственный педагогический университет им. И. Крянгэ). Они претерпели радикальные организационные и кадровые изменения, в основе которых, как было открыто заявлено в этот период, лежали лингвистические и национально-политические мотивы(33). После бурной реорганизации, в основном завершившейся к 1993 г., исследователи приступили к изучению широкого круга проблем истории с новых позиций.

Несмотря на большое количество и разнообразие исторической литературы, изданной в РМ в 90-е гг., выявились некоторые наиболее значимые темы и сюжеты в современной молдавской историографии. Приступая к изучению любой исторической темы, авторы подчеркивают воспитательное значение истории; при этом очевидно, что первостепенное значение придаётся национальному фактору. Выступая на сессии общего собрания Академии наук в сентябре 1991 г. директор Института истории А. Царану заявил, что одной из главных задач историографии является «изучение прошлого через призму национальных интересов»(34).

Значительное место в современной молдавской историографии занимает изучение средневековой эпохи. Медиевистика является традиционным направлением молдавской исторической школы, в 70–80-е гг. это направление возглавлял известный историк П.В. Советов, внесший огромный вклад в типологию молдавского феодализма. В 90-е гг. издан целый ряд работ, посвящённых как общим вопросам эпохи, так и истории отдельных сёл, крепостей, городов средневековой Молдавии(35).

Для трактовки истории русско-молдавских отношений XVII–XVIII вв. характерен пересмотр концепции «вечных друзей»(36). В ряде публикаций, посвящённых этой тематике, а также истории русско-турецких войн XVIII–XIX вв. акцентируется внимание на «эгоистичных интересах» и «экспансионистских стремлениях» царского самодержавия, так как, по мнению молдавских авторов, установление полного господства над Балканами и Черноморскими проливами являлось «постоянным фактором стратегии Российской империи»(37). В целом ясно проступила тенденция изображения политики России по отношению к Бессарабии как политики систематического подавления национальных особенностей, политики разорения и ограбления края в период русско-турецких войн. Вслед за румынской современная молдавская историография поставила знак равенства между Россией и Турцией, отрицая всякую объективную роль России на Балканах, замалчивая значение для Дунайских княжеств положений Кючук-Кайнарджийского, Ясского, Адрианопольского договоров России и Турции.

Наиболее дискутируемыми и политически актуальными для молдавской исторической науки остаются события 1812, 1918, 1940 гг., оценка которых является своего рода «лакмусовой бумажкой» для определения политической ориентации автора. Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. по условиям Бухарестского мирного договора России и Турции имеет широкий диапазон оценок в исторической литера-

туре последнего десятилетия: от аннексии и грубого попрания норм международного права(38) до освобождения от турецкого ига и исполнения вековых чаяний населения Молдавии.

Пожалуй, ещё большее внимание историков привлекают события 1917–1918 гг., связанные с провозглашением независимой Молдавской республики и включением Бессарабии в состав Румынии(39). В этих событиях воплотились идеалы унионистского и промолдавского течений национального движения Молдовы 90-х гг., отсюда существенная разница в их трактовке: с одной стороны, «провозглашение независимой молдавской государственности» и «аннексия Бессарабии Румынией», а с другой, «мираж независимости», «звёздный час румынского народа» и «воссоединение с Родиной-матерью». Сложность и острота политической борьбы в Молдавии 1917–1918 гг., поиск пути государственного развития, проекты, выдвигаемые политическими движениями и партиями, словом, «уроки 1918 года» стали объектом научного исследования в монографии К.Э. Левита(40). Автор включил в свою монографию обширный документальный материал, в том числе из ранее не использованных фондов Национального архива РМ. Внимание историков привлекают политические деятели этого периода, издаются их мемуары(41), наибольшее количество публикаций посвящено И. Инкульцу(42), председателю «Сфатул Цэрий» (Совета края) первого состава.

В исторической литературе, изданной в 90-е гг. в РМ, можно определить различные подходы и к оценке событий 1940 г., связанных с советско-румынскими нотами 26 и 28 июня 1940 г. и с образованием Молдавской Советской Социалистической Республики 2 августа 1940 г. При доминирующей в большинстве работ оценке событий 1940 г. как «аннексии Бессарабии Советским Союзом», в некоторых, достаточно редких публикациях, появилась попытка дать позитивную оценку этих событий для судеб молдавского народа («в 1940 г. произошло объединение левобережной и правобережной Молдавии, было ликвидировано искусственное деление страны и народа на две части, восстановлено государственное единство Молдавии»)(43).

Особое внимание в 90-е гг. уделялось освещению различных аспектов истории молдавского общества в советский период. Тематика этих публикаций разнообразна: депортации 40–50-х гг., голод 1946–1947 гг., культурная политика 60–80-х гг., аграрная политика и т. д. Различны подходы к изучению этого периода: от однозначно негативных оценок в эмоциональных памфлетах И. Шишкану (44) до анализа конкретных проблем и попыток осмысления недавнего общего прошлого в работах Л. Бульмаги, В. Козмы(45). В целом критическое отношение к советскому периоду истории коснулось и оценки историографии этого периода, в том числе, и работ молдавских историков.

Следует отметить, что на страницах молдавских исторических журналов крайне редко встречаются публикации исследователей, занимающихся смежной или близкой истории Молдавии тематикой, из Российской Федерации, Украины и других стран СНГ. Фактически вне поля зрения молдавских историков (об этом свидетельствуют библиотечные фонды и отсутствие рецензий) находится исследовательская литература, вышедшая за последние годы в этих государствах.

Огромное влияние на развитие молдавской историографии в 90-е гг. оказала румынская историческая наука. Постоянное внимание в историографии РМ обращено на труды известных румынских историков Н. Йорги, А.Д. Ксенопола, О. Гибу, А. Болдура, К. и Д. Джуреску; ссылки на их работы часто встречаются в исследованиях, посвящённых различной тематике, и в этом смысле они заменили классиков марксизма-

ленинизма. Особенно часты на страницах исторических работ упоминания о значении и роли Н. Йорги, в 1991 г. к 120-летию со дня его рождения состоялись юбилейные сессии в Институте истории Академии наук РМ и Бельцком педагогическом институте(46).

О «румынском векторе» молдавской историографии свидетельствует и то, что на страницах периодических изданий РМ постоянно публикуются положительные рецензии на работы румынских авторов, в практику введены совместные издания, совместные научные конференции. Так, в апреле 1993 г. в Институте истории Академии наук была проведена совместная научная сессия по политически важной и злободневной теме «75-летие объединения Бессарабии с Румынией»(47).

Рассмотрение в самых общих чертах процессов, определивших развитие исторического образования и исторической науки в РМ, позволяет выявить тенденции последнего десятилетия: крайняя степень политизации исторической науки, ставшей фактором политической борьбы; общая линия на пересмотр научного и культурного наследия, отторжение советского опыта, в том числе и научного; смена историко-культурных ориентаций, следствием которой стала негативная оценка роли России и Советского Союза в судьбах населения Бессарабии; разработка истории Молдавии как «румынской земли». Именно идея румынской общности, её популяризация составляет то существенное, что является доминирующей тенденцией развития историографии РМ в 90-е гг.

Румынизация стала не только важнейшей составляющей исторической науки и образования Молдовы, она явственно проступает во всей общественно-политической жизни республики. Латинская графика изменила культурный облик молдавских городов. Исчезли названия улиц советской эпохи, их заменили имена румынских и молдавских деятелей (господарей, писателей, церковных деятелей), в столице появилось немало наименований, связанных с древней эпохой истории румын (бульвар Децебала, проспект Дакия). Главная улица г. Кишинёва (бывшая улица Ленина) стала носить имя молдавского господаря Штефана чел Маре ши Сфынт (Великого и Святого). Скульптурным символом «латинского синдрома» стало установленное перед входом в Национальный музей истории РМ изваяние — волчица, кормящая Ромула и Рема.

Приднестровская концепция истории

Иным образом складывались историографические процессы в Приднестровье. Качественно новый период в изучении истории региона связан с последствиями приднестровского конфликта и провозглашением Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики 2 сентября 1990 г. (5 ноября 1991 г. Постановлением Верховного Совета внесено изменение в название республики — Приднестровская Молдавская Республика (ПМР)).

12 марта 1991 г. Верховный Совет ПМССР принял специальное постановление «О первоочередных мерах по сохранению самобытности молдавского народа, его языка и культуры», в котором подчёркивалось, что в связи с проводимой в ССР Молдова «антинациональной политикой забвения самобытности молдавского народа» Верховный Совет постановил «во всех учебных заведениях в обязательном порядке ввести преподавание истории родного края (Молдавии) и истории Союза ССР. Соот-

ветственно прекратить преподавание истории румын» (пункт 2). В пункте 7 Постановления Комитету по науке, народному образованию, делам молодежи, свободы совести и спорту предлагалось «утвердить авторский коллектив по написанию учебников по истории Молдавии и её составной части Приднестровья, необходимых для учебного процесса в учебных заведениях региона», а также рассмотреть вопрос об образовании при высшем учебном заведении Приднестровья (современное название — Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко) научно-исследовательской лаборатории по изучению истории Молдавии и Приднестровья(48). В созданной при университете в соответствии с этим решением научно-исследовательской лаборатории была разработана в 1991 г. под редакцией профессора В.Я. Гросула «Программа курса лекций по истории Молдавии», которая стала основой для подготовки и издания «Курса лекций по истории Молдавии»(49). К настоящему времени издано 10 из 12 планируемых лекций, общий тираж которых превысил 120 тысяч экземпляров. «Курс лекций» стал главным учебным пособием по истории Молдавии для системы высшего и среднего образования Приднестровской Молдавской Республики. Он представляет собой попытку охватить историю региона с древнейших времён до наших дней, при этом особое внимание уделено приднестровской тематике, изложена история приднестровской государственности. В 1997 г. на базе «Курса лекций по истории Молдавии» издано учебное пособие для младших классов средней школы «Страницы родной истории» на русском и молдавском языках(50), готовится издание на украинском языке. В настоящее время ведётся усиленная работа по написанию учебника «История Приднестровья» для средних школ, предполагается ввести для изучения этот четырёхгодичный курс (6–9 классы) наряду с курсами «Всеобщей истории» и «Истории Отечества» (в рамках последнего в приднестровских школах ведётся преподавание истории России по широко распространённым новым российским учебникам).

В сотрудничестве с учёными из исследовательских центров России, Молдовы и Украины научно-исследовательская лаборатория (НИЛ) Приднестровского университета подготовила двухтомный труд (общий объём — 60 а. л.), пятилетняя работа над которым, по словам заведующего НИЛ истории Приднестровья Н.В. Бабилунги, «сделала возможным сохранение научной школы истории Молдавии»(51). Устремления авторского коллектива были направлены на «создание полной, всеобъемлющей картины истории Приднестровья с древнейших времён до наших дней»(52). В соответствии с указом президента ПМР И.Н. Смирнова в 1998 г. создана специальная государственная комиссия для подготовки двухтомной «Истории Приднестровской Молдавской Республики» к изданию в год десятилетнего юбилея ПМР(53), празднование которого состоится в 2000 г.

Приднестровская концепция истории возникла в условиях политического, а затем вооруженного противостояния 1989–1992 гг. и непосредственным образом связана с идеологическим обоснованием приднестровской государственности. В связи с этим значительное внимание уделяется истории приднестровского вооружённого конфликта. По специально разработанной и утверждённой правительством ПМР в апреле 1994 г. программе создана «Книга Памяти защитников Приднестровья»(54), опубликованы материалы, раскрывающие ход и последствия молдово-приднестровской войны 1992 г.(55). Опубликованы сборник документов «Бессарабский вопрос и образование ПМР»(56), ряд статей и брошюр, авторы которых дают собственную трактовку истоков этнополитического конфликта в Молдавии, а также раскрывают отдельные аспекты становления ПМР(57).

В ряде постановлений, официальных правительственных документов, а также в исторических работах в качестве обоснования приднестровской государственности выдвигаются два аргумента. Первый — территория Приднестровья, за исключением послевоенного периода, не входила в состав молдавского государства. Особо подчёркивается, что «никогда в истории границы Молдавского княжества не пересекали Днестр и не включали его Левобережье» (58). Второй — в 90-е гг. произошло восстановление приднестровской государственности, периодом существования «первой Приднестровской республики» определены 20–30-е гг., когда существовала Молдавская АССР в составе УССР (1924–1940). Упразднение в августе 1940 г. МАССР с включением её районов в состав МССР и УССР, по мнению приднестровских историков, позволяет считать государственность в Левобережном Приднестровье «ещё одной жертвой так называемого “Пакта Риббентропа–Молотова”» (59).

Существование уже почти в течение десятилетия де-факто независимого государства в Приднестровье стимулировало появление довольно обширной краеведческой литературы. Настоящий краеведческий бум, произведённый усилиями профессиональных историков, писателей, журналистов, любителей-краеведов, привёл к созданию монографических исследований, брошюр, проспектов, освещающих историю городов, сёл, памятников, предприятий Приднестровья (60). К «красным дням календаря» советского периода (1 мая, 7 ноября) в Приднестровье прибавились праздники, связанные с приднестровской государственностью (2 сентября — День Республики, 24 декабря — День Конституции ПМР), а также юбилейные даты истории населённых пунктов (широко отмечались 205-летие Тирасполя, 590-летие Бендер и т. д.).

В сентябре 1998 г. автором был проведён опрос среди выпускников средних общеобразовательных школ Молдовы и Приднестровья, поступивших на I курс исторического факультета Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Результаты опроса не могут претендовать на исчерпывающий анализ исторического сознания поколения, сформировавшегося уже после распада Советского Союза, они имеют скорее презентативный характер. Ответы свидетельствуют о терпимости большого числа респондентов к советскому прошлому и вместе с тем о степени терпимости в зависимости от национальности. Данные исследования отражают раскол исторического сознания, связанный, на наш взгляд, с тревогой относительно перспектив государственности Молдовы и Приднестровья. Раскол этот обнаруживается как на «горизонтали» (множественный выбор «исторической родины»), так и по «вертикали» (выбор чужих «исторических деятелей» и чужой «исторической родины»). Материалы опроса позволяют констатировать крайнюю степень дискретности общества, отсутствие сформированной национальной или региональной идентичности.

* * *

Постсоветское десятилетие стало временем тяжёлых испытаний для Молдавии: «размораживание» советского общества привело на первых порах к его демократизации, а затем обернулось политической конфронтацией и гражданской войной с многочисленными жертвами и большим материальным ущербом. Подчинённая законам идеологической борьбы, историческая наука воспроизвела политический и территориальный раскол Молдавии, поставив почти гамлетовский вопрос перед её государственностью.

Наиболее существенные черты молдавской историографии последнего десятилетия (телеологический подход к «выстраиванию» исторического прошлого от наших

дней до древнейших времён, неостребованность интегрирующей государственной идеологии «молдавская государственность советского периода», разнонаправленность исторических концепций, определяющая противоположные оценки важнейших событий истории Молдавии и, как следствие, несовместимость социокультурных ориентаций) подчёркивают глубину и серьёзность противоречий между основными участниками политического процесса и фактическое отсутствие перспективы целостного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брутер В. И., Солонарь В. А. Молдова: попытка политико-культурного анализа //Полис. 1993. № 3. С.185–187.
2. Цара. 1990. № 7.
3. Законы, постановления и другие акты, принятые Первой сессией Верховного Совета ССР Молдова двенадцатого созыва. — Кишинёв, 1990. С.226–266.
4. Там же.
5. Там же. 26–28 июня 1991 г. в Кишинёве состоялась международная конференция «Пакт Риббентропа–Молотова и его последствия для Бессарабии», принявшая декларацию с осуждением политики царской России и Советского Союза в отношении Бессарабии (*Basarabia și basarabeni*. — Chișinău, 1991. P.342–347).
6. Программы для средней общеобразовательной школы. История румын. V–XI классы. — Кишинёв, 1990.
7. Там же.
8. Там же. С.18.
9. Панаитеску П.П. История румын. — Кишинёв, 1991; *Panaiteșcu P.P. Istoria românilor*. P.II. — Chișinău, 1990.
10. История румын. Современная эпоха. — Кишинёв, 1992; История румын. Средневековая эпоха. — Кишинёв, 1992; *Дайковичу А., Теодор П., Кымлянчу И.* История румын. Античность и средневековье. — Кишинёв, 1993.
11. *Ожог И.А.* История румын. Ч.1. Древняя и античная история. — Кишинёв, 1993; *Dragnev D., Dragnev E.* Istoria modernă a românilor. Partea I (mijlocul secolului al XVII-lea — 1848). — Chișinău, 1997; *Они же.* Istorie medie a românilor (pînă la mijlocul secolului al XVII-lea). — Chișinău, 1997; *Niculică I.* Istoria românilor. Epoca veche. — Chișinău, 1997; *Vizer B.* Istoria contemporană a Românilor. — Chișinău, 1997.
12. *Ожог И.А., Шаров И.М.* Curs rezumativ de lecții la Istoria Românilor. — Chișinău, 1997; *Ожог И.А., Шаров И.М.* Краткий курс лекций по истории румын. — Кишинёв, 1997.
13. *Ожог И.А., Шаров И.М.* Curs rezumativ de lecții la Istoria Românilor. P.47–48.
14. Там же. P.95.
15. Там же. P.119–123.
16. Там же. P.148–152.
17. Там же. P.162–164.
18. Там же. P. 164.
19. Там же.
20. Там же. P.186–195.
21. *Шорников П.М.* Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988–1996. — Кишинёв, 1997. С.184–185.
22. *Roibu N.* Primăvara demnității noastre. Reportage Grevele din Basarabia din primăvara anului 1995. — Chișinău, 1997.
23. Curriculum școlar. Clasele I–IV. — Chișinău, 1998. P.128.
24. Там же. P.133.
25. История Республики Молдова с древнейших времён до наших дней. — Кишинёв, 1998.
26. Там же.
27. Независимая Молдова. 6 мая 1998.
28. Личный архив автора.

29. Сборник законодательных актов Гагаузии (Гагауз Ери). № 1 (июль 1995 г. — февраль 1997 г.). — Комрат, 1997. С.96–97, 114–149.
30. Личный архив автора.
31. Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. — Кишинёв, 1995; *Тонузлу Г.Н., Аницупов И.А.* Очерки истории гагаузов в XIX веке. — Б. м., 1993.
32. Результаты опросов, проводимых фирмой «Botna plus» ежемесячно публикуются в приложении «Независимой газеты» «Содружество НГ», а также в СМИ Молдовы.
33. *Шорников П.М.* Указ. соч. С.50.
34. *Revistă de istorie*. 1992. № 1. P.7.
35. Evul mediu timpuri în Moldova (probleme de istoriografie și istorie urbană). — Chișinău, 1994; *Valori și tradiții culturale în Moldova (Culegere de studii)*. — Chișinău, 1993; *Cocîrlă P.* Țirgurile sau orașele Moldovei în epoca feudală. Sec.XV–XVIII. — Chișinău, 1991; *Popovici A.* Din istoricul unor sate din valea Răutului (în sec. XVI–XVIII) // *Revistă de istorie*, 1995. № 2. P.57–61; *Русцев Н.* Кишинёв в молдавских грамотах XV–XVI вв. // *Revistă de istorie*, 1995. № 2. P.52–65 etc.
36. *Baidaus E.* Rec. ad: Ion A. Eremita. Țara Moldovei și Rusia. Relații politice în a doua jumătate a sec. al XVIII–lea // *Revistă de istorie*, 1995. № 1. P.66.
37. *Jarcuțchi I., Mischevca V.* Unele considerații privind actul din 1812 (I) // *Revistă de istorie a Moldovei*, 1991. № 3. P.79.
38. *Jarcuțchi I., Mischevca V.* Pacea de la București (din istoria diplomatică a încheierii tratatului de pace ruso-turc de la 16 (28) mai 1812). — Chișinău, 1992; *Mischevca V.* 1812: geneza problemei basarabene // *Cugetul*, 1994. № 2–3; *Idem.* Pacea de la București din 1812 // *Destin românesc*. 1994. № 4. *Moraru A.* Istoria românilor. Basarabia și Transnistria 1812–1993. — Chișinău, 1995; *Poștarencu D.* Istorie o Basarabiei în date și documente (1812–1940). — Chișinău, 1998.
39. *Саву Н.* Борьба за восстановление молдавской государственности в 1917–1918 годах (по материалам Сфатул Цэрий) // *Социоанализ*. 1996. № 1. *Ego же.* История политической борьбы за становление молдавской государственности в 1917–1918 гг. — М., 1992; *Bobeciă Al.* Sfatul Țării-stindard al renașterii naționale. — Chișinău, 1993; *Ciobani Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918. — Chișinău, 1993; *Cojocaru Gh.* Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918–1923). — Buc., 1997; *Colesnic Iu.* Sfatul Țării. Enciclopedie. — Chișinău, 1998; *Adauge M., Danu E., Popovshi V.* Mișcarea națională din Basarabia. Cronica evenimentelor din anii 1917–1918. — Chișinău, 1998; *Moraru A., Negrei I.* Anul 1918—ora astrală a neamului românesc. — Chișinău, 1998; *Țurcanu I.* Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. — Chișinău, 1998.
40. *Левун И.Э.* Движение за автономию Бессарабии в 1917 г. Образование Сфатул Цэрий. Провозглашение Молдавской демократической республики. — Кишинёв, 1997.
41. *Ghibu O.* Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917–1918). Amintiri. — Chișinău, 1992; *Inculeț I.* O revoluție trăită. — Chișinău, 1994.
42. *Chiriac A.* Ion Inculeț // *Sfatul Țării din Basarabia în 1917–1918. Patrimoniul*. 1991. № 4; *Colesnic Iu.* Ion Inculeț // *Basarabia necunoscută*. — Chișinău, 1993; *Găina A.* Contribuții la biografia lui Ion Inculeț // *Revistă de istorie a Moldovei*. 1995. № 1.
43. *Пасат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг. — М., 1994. С.9; *История Республики Молдова*. С.211.
44. *Șișcanu I.* Rășluirea teritorială a României 1940. — Chișinău, 1998; *Idem.* Raptul Basarabiei 1940. — Chișinău, 1993; *Idem.* Regimul totalitar bolșevic în RSS Moldovenească (1940–1952). — Chișinău, 1997.
45. *Bulmaga L.E.* Transformarea colhozurilor în sovhozuri: necesitate obiectivă sau politică de clasă // *Revistă de istorie a Moldovei*. 1992. № 1; *Idem.* Aspecte de dezvoltării sectorului agricol obștesc în anii 60–80 // *Revistă de istorie a Moldovei*. 1995. № 3–4.
46. *Soltan Gh.* Sesiunea științifică «Nicolae Iorga — 120 ani de la naștea» // *Revistă de istorie a Moldovei*. 1992. № 1.
47. *Varta I.* Sesiunea științifică a Institutului de Istorie al A. Ș. M. «75 de ani de la Unirea Basarabiei cu România» // *Revistă de istorie a Moldovei*. 1993. № 3.
48. Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т.1. — М., 1997. С.142–143.
49. *Бабицунга Н.В., Бомеико Б.Г.* Программа курса по истории Молдавии для неисторических факультетов. — Тирасполь, 1991. *Они же.* Курс лекций по истории Молдавии. Лекции I–IV, VIII–XI. — Тирасполь, 1992–1997.
50. *Они же.* Страницы родной истории. — Тирасполь, 1997; *Пажинь дин история плаулуй натал*. — Тираспол, 1991.
51. Личный архив автора.
52. Архив НИЛ истории Приднестровья Приднестровского университета.
53. Приднестровье. 31 октября 1996 г.
54. Книга Памяти защитников Приднестровья. — Тирасполь, 1995.

55 *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г.* Дубоссары — кровотокающая рана Приднестровья. — Тирасполь, 1993; *Они же.* Бендеры — расстрелянные, непокорённые. — Тирасполь, 1993; *Воловой Г.П.* Кровавое лето в Бендерах. Хроника приднестровской трагедии. — Бендеры, 1998; *Женщины Приднестровья.* — Тирасполь, 1996; *Руденко Н.П.* Дубоссары — город защитников ПМР. — Дубоссары, 1995.

56 Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики. — Тирасполь, 1993.

57 *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г.* Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. — Тирасполь, 1998; *Маракуца Г.С.* К миру — через согласие. — Тирасполь, 1997; *Правда о Приднестровье.* — Тирасполь, 1992; *Пять лет ПМР: история и современность.* — Тирасполь, 1995; *Яковлев В.Н.* Волеизъявление народа всесильно и неотменимо. — Тирасполь, 1995; *Его же.* Тернистый путь к справедливости. — Тирасполь, 1993.

58 *Бабилунга Н.В.* Приднестровье. Краткий исторический очерк //Непризнанная республика. Т.1. С.29.

59 Там же. С.29–30.

60 Атлас Приднестровской Молдавской Республики. — Тирасполь, 1996; *Аствацатуров Г.* Очерки истории села Парканы. Ч.1. — Бендеры, 1995; *Дымченко Н.В.* Кицканская обитель. — Тирасполь, 1996; *Его же.* Международное славянское движение и Приднестровье. — Тирасполь, 1998; *Его же.* Чтобы помнили. — Тирасполь, 1995; Ежегодный исторический альманах Приднестровья. № 1, 2. — Тирасполь, 1997, 1998; Из истории родного города. Вып.1, 2. — Тирасполь, 1997, 1998; *Кучеренко В.* Бендеры — жизнь тому назад... — Бендеры, 1998; *Полушин В.Л.* Тирасполь на грани столетий. Штрихи к историческому портрету города на Днестре. Ч.1–II. — Тирасполь, 1995–1996 и др.

ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ К НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ: НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ

Валерий Васильев

На протяжении последних десятилетий каждый человек, который приезжал в Москву и оказывался на станции метро «Киевская», при желании мог заняться... изучением истории Украины. Спустившись на эскалаторе в зал, он проходил вдоль восемнадцати разноцветных мозаичных панно (и ныне украшающих эту станцию) и останавливался перед мозаичным портретом Ленина, над которым «застыла» строка из гимна бывшего СССР: «Слався, Отечество наше свободное, дружбы народов надёжный оплот». Все панно, начиная от картины Переяславской Рады (1654 г.) и заканчивая изображением счастливых представителей разных народов на фоне Кремля, посвящены трём основным сюжетам — дружбе русского и украинского народов, борьбе за установление советской власти на Украине и «расцвету» последней под «мудрым» руководством компартии. На мой взгляд, интерьер станции метро «Киевская», построенной в 1953 г., символичен и фиксирует «болевые» точки массового исторического сознания, а также «узловые» проблемы советской концепции истории Украины, которая была создана и «внедрена» в республике на рубеже 1940–50-х гг.(1). Главной задачей этой концепции было идеологическое обоснование правильности политики компартии на Украине(2).

Смена парадигм и «раскол» сознания

В условиях достаточно быстрого распада СССР возникновение независимого украинского государства было обусловлено предшествующей советской национальной политикой, которая заложила структурные предпосылки независимости. Прежде всего, в границах Украинской Советской Социалистической Республики украинцы получили государственность (хотя и с крайне ограниченным в своих полномочиях властным центром); они демаркировали свою историческую территорию; в периоды «смягчения» политического курса компартии появлялись некоторые возможности для развития национальной культуры и языка; несмотря на серьёзную русификацию, сознательно проводившуюся коммунистической властью, украинцы сохраняли собственный этноним, общие мифы и историческую память; в ходе модернизации СССР были подготовлены миллионы украинских специалистов, пополнивших различные функциональные элиты, появившиеся на территории Украины, в том числе — советскую номенклатуру. Дифференциация интересов внутри последней привела на рубеже 1980–1990-х гг.

к переходу части руководства компартии Украины во главе с Леонидом Кравчуком на позиции украинского национал-коммунизма, что послужило одним из факторов развала Советского Союза и возникновения независимого украинского государства(3).

Но, как справедливо заметил немецкий политолог Андреас Виттковски, формирование национального государства Украины в 1990–1991 гг. в значительной мере было результатом совпадения стратегических интересов трёх социальных сил: руководимого интеллигенцией национального движения, шахтёрского движения и большой группы старой номенклатуры, преобразовавшейся в национал-коммунистов(4). Возникший достаточно хрупкий национальный консенсус отчётливо проявил себя в марте 1991 г., когда в ходе Всесоюзного референдума по вопросу о возрождении Союза суверенных республик, украинский парламент вынес вопрос о провозглашении суверенитета как основного условия вступления Украины в Союз. Если за обновление Союза высказалось 70,5% украинцев, принимавших участие в голосовании, то суверенитет поддержало около 80,2%. Августовский путч 1991 г. в Москве и последовавшее за ним провозглашение независимого государства Украины стали решающими событиями в утверждении государственно-национального консенсуса. В декабре 1991 г. на Всеукраинском референдуме 90,3% принимавших участие в голосовании поддержали провозглашение независимости Украины и конституировали себя как государственную нацию. Причём в юго-восточных областях Украины, где проживало преимущественно русскоязычное население, за независимость проголосовало более 80%. Лишь в Крыму идея независимости набрала незначительное большинство — 54,2%.

Утверждение независимости Украины в результате стратегического исторического компромисса между культурно-национальными и экономически ориентированными частями населения зафиксировал один из опросов населения, проведённый в момент достижения независимости. 78,6% опрошенных заявили, что важнейшей политической задачей нового национального государства является выход из экономического кризиса, на стабилизацию экономики и повышение жизненного уровня надеялись 62,4%, на эффективную борьбу с преступностью — 54,9%, культурное возрождение Украины оказалось близким 21,2%, а сохранение политического суверенитета — 18,3% (5).

Несмотря на то, что культурно-национальные ориентации населения Украины были далеко не единственными в возникшем государственно-национальном консенсусе, именно они, а также представлявшее их политическое движение «Рух», оказывали серьёзное воздействие на выработку новых идеологием и состояние общественного сознания.

Как уже отмечалось, в 1987–1989 гг. в условиях горбачёвской перестройки украинские писатели, получившие возможность выйти из состояния своеобразной «внутренней эмиграции», заявили об уникальности украинской культуры, неповторимости национального характера, трагизме исторической судьбы и глубокой драме украинского языка(6). Эти идеи были подхвачены более широкими кругами интеллигенции, которые расширили диапазон этнокультурных и языковых проблем, имевших общественное звучание.

В данных процессах четко прослеживалась этномобилизирующая роль украинской интеллигенции, с характерным для неё миром этнического историзма и органически вырвавшимися из него требованиями: о необходимости глубоких исследований древних исторических корней украинцев, а также возрождения родного языка,

народных традиций и обычаев, запрещённых и забытых под воздействием русификации, которая сознательно осуществлялась коммунистической властью. Естественным подтекстом данных требований было преодоление комплекса восприятия себя — украинца («малоросса» в традициях Российской Империи), как «младшего брата» по отношению к «старшему» — русскому народу.

В условиях ухудшавшегося экономического положения, политической нестабильности и социальной незащищённости этнический историзм интеллигенции, актуализировавший «затемнённые» советской концепцией украинской истории моменты «общей исторической памяти», а также вновь открывавший обществу коллективную культурную идентичность, помогал самой интеллигенции и значительному количеству украинцев самоопределиваться и сориентироваться в быстро менявшихся жизненных реалиях. Обратной стороной данного процесса было усиление чувства непрерывности этногенеза украинцев, чувства общей, нередко заново мифологизируемой, исторической памяти, массовых представлений о национальной судьбе и характере.

«Своя» богатая этноистория становилась альтернативой советской концепции истории Украины, а предложенные ею парадигмы и трактовки событий, процессов, выдающихся деятелей, новая историческая символика являлись стержнем политических, идеологических и культурных матриц украинского национального движения. В политической сфере это проявилось в процессе повторной для истории Украины XX столетия быстрой кристаллизации идеи государственной независимости и самостоятельности, которая основывалась на историческом опыте украинской революции и государственной практике Украинской Народной Республики 1917–1920 гг., а также на политических реалиях 1990–1991 гг. Основу идеи государственной независимости, во всяком случае, у некоторых лидеров «Руха», составляли представления о древности и непрерывности украинских государственных традиций, начиная с эпохи Киевской Руси. Парадоксальным образом эти представления совпадали с широко распространившимися идеями самодостаточности ресурсов Украины и стремлением части республиканского коммунистического руководства во главе с Леонидом Кравчуком, а также других лидеров коммунистов сохранить политическую власть и контроль над собственностью.

В этом смысле весьма показательным было принятие Верховной Радой Украины Декларации о государственном суверенитете Украины (16 июля 1990 г.) и Акта независимости Украины (24 августа 1991 г.), несмотря на то, что в украинском парламенте коммунисты имели значительное большинство, а их лидеры рассматривали суверенитет Украины как предпосылку создания обновлённого СССР. Параллельно с идеей независимости Украины утверждалась вышедшая из недр «Руха» консолидирующая идея «їдності» (соборности) всех украинских земель и украинцев в мире, которая означала объединение всех регионов Украины (очень разных по своим социально-экономическим, языковым и культурным характеристикам), всей национальной территории в рамках единой украинской государственности и социальную сплочённость украинцев (политическую общность равных граждан) перед вызовом времени. Историческими «инициаторами» единения была Киевская Русь, государства Богдана Хмельницкого (середина XVII в.) и Украинской Народной Республики 1917–1920 гг.

Естественно, что подобные ментальные, идеологические и политические процессы сопровождалась своими выразительными мифами, ритуалами, церемониями и новой символикой. Это было время многотысячных митингов, различных общественных акций в поддержку идей независимости, проходивших под жёлто-голубыми знамёнами и лозунгом «Слава Украине!». Значительное воздействие на массовое

общественное сознание оказала следующая акция, организованная «Рухом». В январе 1990 г. от Киева до Львова протянулась «живая цепь» (звеньями которой были люди), ставшая символом провозглашённого в январе 1919 г. объединения Украинской Народной Республики и Западноукраинской Народной Республики в единое государство. Данное общественное явление продемонстрировало, что именно это объединение, а не события 1939 г., следует считать юридическим аргументом правомерности идеи соборности Украины.

В августе 1990 г. «Рух» привлёк внимание украинского общества к празднованию 500-летия запорожского казачества, деятельность которого стала рассматриваться многими украинцами как «золотой век» собственной истории(7). Ставший популярным фразеологизм «козацькому роду нема переводу» очень точно передавал смысл актуализации «своего» исторического прошлого, в котором особое звучание приобретали этническая связь поколений и укреплявшаяся на этой основе современная этнокультурная социальная сплочённость.

Составной частью этого процесса переосмысления истории стала «героизация» своего прошлого, когда в ряд выдающихся национальных деятелей вошли князья Киевской Руси, украинские гетманы, начиная от Богдана Хмельницкого и заканчивая Иваном Мазепой, Пилипом Орликом, а также украинские политические деятели XX в.: Михаил Грушевский, Владимир Винниченко, Симон Петлюра, Степан Бандера и другие. Однако в условиях серьёзной политической борьбы в украинском обществе, когда значительная его часть отвернулась от «старых» коммунистических героев и демонтировала памятники Ленину, другая — отказывалась воспринимать «новое» прошлое и «новых» исторических героев, устраивая пожары на могиле украинского поэта В. Стуса, в доме родителей Т. Шевченко, разрушая памятник С. Бандере (8).

«Расколотовость» массового исторического сознания вследствие разной политико-идеологической ориентации вызывала ожесточённые споры в процессе переименования городов и улиц, скверов, площадей и памятных мест. Здесь прослеживалась интересная закономерность — в Западной Украине, где уровень национальной идентичности был традиционно сильнее и национально-демократические политические силы имели мощную социальную поддержку, улицы Ленина, Свердлова, Дзержинского в массовом порядке переименовывались в улицы Грушевского, Винниченко, Бандеры. Но в восточных областях Украины и Крыму, где проживало преимущественно русскоязычное население и были сильны позиции компартии Украины, более спокойный процесс переименования шёл в русле возвращения дореволюционных названий. Например, городу Ворошиловград было возвращено название Луганск, Жданову — Мариуполь, Коммунарску — Алчевск.

Бурный процесс наблюдался в сфере утверждения новой национальной символики. Многотысячные митинги не случайно проходили под сине-жёлтыми флагами, которые были альтернативой официальной красноцветной символике коммунистической партии и СССР. Очень показательным был тот факт, что во время августовского путча 1991 г. на баррикадах около Белого дома в Москве стояли группы украинских студентов под сине-жёлтыми флагами. Данные цвета флагов использовались в Киевской Руси, Галицко-Волынском княжестве, а также украинскими казаками и Украинской Народной Республикой.

Мир этнического историзма многих украинских интеллигентов был также наполнен «своей» символикой, нередко закреплённой в исторических государственных традициях. Во многих случаях в период существования Российской Империи, а затем СССР эта символика была запрещена, а исторические культурные ценности, выступавшие в роли

государственно-политических символов, были или уничтожены, или вывезены с территории Украины. Важность этномобилизирующей и нациоконсолидирующей роли исторической символики понимали украинские интеллектуалы — историки и деятели культуры, которые в конце 80-х — начале 90-х гг. начали обсуждать вопросы обращения украинцами «своей» исторической символики, а также возвращения на Украину культурных ценностей.

В частности, на последнем заседании Министерства культуры СССР в 1991 г. член Комиссии по вопросам возвращения в Украину культурных ценностей С. Заремба потребовал возвращения из России клейнод украинского казачества как символов государственной независимости Украины. Но украинская делегация встретила негативное отношение к этой проблеме делегации России, а последний министр культуры СССР Н. Губенко позволил себе следующую реплику: «Для некоторых народов клейноды святыня, а для других — конская подкова. А памятники России принадлежат России». После этого академик Д. Лихачев выступил в российской прессе с резкой критикой позиции украинской делегации. В ответ академик Я. Исаевич заметил в украинской прессе: «Чужое надо отдавать, коллега...»(9).

Однако решающее воздействие на процесс превращения исторической символики в национальную и государственную оказало возникновение независимого украинского государства. После всеукраинского референдума 1 декабря 1991 г., когда Акт независимости Украины обрёл всенародную легитимность, а независимую Украину признали многие государства мира, в январе 1992 г. последовало принятие Верховной Радой Государственного гимна Украины, автором музыки которого стал известный украинский композитор Михаил Вербицкий. На протяжении десятилетий в СССР эта музыка, написанная в 1863 г. и положенная на стихи Павла Чубинского «Ще не вмерла України», считалась «буржуазно-националистическим» гимном. Украинский парламент утвердил его как Государственный гимн, было принято постановление о Государственном флаге Украины, представляющем из себя стяг из двух равновеликих горизонтальных полос синего и жёлтого цвета. Сам процесс утверждения новой государственной символики проходил в условиях острой политической борьбы в парламентских стенах и в самом украинском обществе. Например, в Крыму над зданием местных органов власти определённое время развевались два флага — красно-синий (символ УССР) и сине-жёлтый (символ независимой Украины) (10).

Особенно жаркие дискуссии разгорелись в украинском парламенте вокруг тризуба — Государственного герба Украины, проект которого предложили украинские учёные и писатели, обосновав свой выбор тем, что тризуб был знаком княжеской державы Владимира Великого (980–1015 гг.). Против выступили парламентарии-коммунисты: «Приняв сегодня тризуб, мы только будем стимулировать националистические элементы, которые распространяют по киевским переходам листовки про то, что все продукты в Украине съели москали». В ответ депутат Т. Наулко заявил: «Дело в том, что тризуб является знаком Киевской Руси. И это очень принципиальный вопрос: унаследуем ли мы его как знак государственности Киевской Руси, будем ли мы воспринимать его как последователи и потомки этого государства, или отбросим?».

Естественно, что «последователи и потомки» Киевской Руси имели право на «своё» независимое государство, которое могло опереться на тысячелетнюю государственную традицию. В то же время такая интерпретация исторических корней позволяла избавиться от комплекса «младшего брата» и традиционно «негосударственной» нации, а также заявить всему миру, особенно России, о своём историческом праве на независимую и суверенную государственность.

Совсем не случайно сразу после провозглашения украинской независимости пресс-секретарь Б. Ельцина поставил вопрос о линии российской государственной границы близ Крыма, в Донбассе и на севере Казахстана. Последовавшее резкое обострение отношений между Россией и Украиной было несколько урегулировано во время переговоров в Киеве с российской делегацией, которую возглавлял Александр Руцкой. В ходе переговоров глава украинского парламента Леонид Кравчук продемонстрировал всем свой «козырь» — он положил на стол карту Киевской Руси и заявил: «Вот наши границы»(11).

Возвращаясь к дискуссиям в украинском парламенте о тризубе, следует отметить, что тогдашние заявления самого Леонида Кравчука, ставшего в декабре 1991 г. Президентом Украины, отражали «расколотость» массового исторического сознания общества. Высказывая своё мнение о тризубе, он размышлял следующим образом: «Мысли, убеждения только тогда чего-то стоят, когда основываются на фактах истории. Мы же все воспитаны на искажённых фактах. На идеологизации нашего бытия. Это правда. Историки разошлись в мыслях, но факт истории, что для Украины свойственны жёлтый и голубой цвета, знак тризуб, остаётся абсолютно понятным... Давайте попробуем ответить на вопрос: какие символы скомпрометировало государство, а какие — политические силы? Я могу точно и ясно сказать, что звезду, серп и молот скомпрометировало государство, а тризуб и жёлто-голубой флаг — политические силы, которые не были государственными. Чтобы перестать спорить, давайте себе скажем, что никогда не причиним зло народу Украины и будем строить независимое государство под историческими символами»(12).

В результате парламентской дискуссии тризуб был утвержден только малым Государственным гербом Украины и, несмотря на принятие 28 июня 1996 г. Конституции Украины, в которой государственная символика получила конституционное закрепление, большой Государственный герб Украины отсутствует и поныне(13). Это обусловлено не только серьёзным противостоянием разных политических сил на Украине, но, по моему мнению, косвенно свидетельствует о том, что процесс политической консолидации всего украинского общества на основе политико-юридического равенства всех его членов, базовых идеологических принципов, элементов общей культуры чувств, эмоций, которые бы связывали украинцев с родной страной, ещё далеко не завершён.

Но после 1991 г. значительное влияние на политическую консолидацию украинского общества и утверждение новых парадигм в массовом историческом сознании оказывало государство и его структуры. Высшее политическое руководство страны продолжало использовать идеи древних этнических корней украинцев и непрерывности их государственных традиций для легитимации образа государства внутри страны и за её пределами. Типичный пример опоры на исторические традиции — учреждённые в 1995 г. награды современной Украины — орден Богдана Хмельницкого и орден Ярослава Мудрого(14).

Наполненными «своей» исторической символикой оказались украинские деньги — гривны (грн.), которые были введены в обращение в сентябре 1996 г. На банкнотах достоинством в 1 грн. был изображён портрет киевского князя Владимира Великого, в 2 грн. — Ярослава Мудрого, 5 грн. — Богдана Хмельницкого, 10 грн. — Ивана Мазепы, 20 грн. — Ивана Франко, 50 грн. — Михаила Грушевского, 100 грн. — Тараса Шевченко. Таким образом, национальные герои, «выстроенные» по принципу исторического прогресса украинской нации, «свидетельствовали» перед украинцами и всем миром о непрерывности развития государственных традиций и национального сознания.

Независимое государство и проблема создания «своей» истории

Высшее политическое руководство Украины, достигнув в 1991 г. независимости, вынуждено было заботиться о государственно-национальном согласии, что в такой многообразной по своим параметрам стране, как Украина, было совсем непростой задачей. Отнюдь не новая для мировой истории проблема легитимации государственной власти и консолидации нации позволяет понять, что проводимый на Украине с 1991 г. в качестве стратегии сохранения власти «национализм сверху», был направлен против тех сил, которые выдвигали политические сепаратистские требования.

Значительную роль в государственной политике играла историческая наука и «историки, пришедшие во власть». На протяжении всех 1990-х гг. профессиональные историки находились на высших постах в государстве, а после избрания в 1994 г. Президентом Украины Леонида Кучмы историки стали лично ответственными за формирование государственной политики. Например, главой Администрации Президента Украины (1994–1996 гг.) был доктор исторических наук Дмитрий Табачник, а вице-премьер-министрами Украины по вопросам гуманитарной политики академики Иван Курас и Валерий Смолий (первый возглавляет ныне Институт политических и этнонациональных исследований, второй — Институт истории Украины). Эти два института в 1990-х гг. стали не только центрами развития исторической науки, но и оказывали влияние на массовое историческое сознание общества, а также на выработку и осуществление государственной политики, в частности, в системе образования.

Последняя имела важное значение для процесса консолидации нации и укрепления легитимности украинского государства. Государственная система образования призвана была укрепить культурную общность (если не сплоченность) украинцев на основе общей исторической памяти, а также объективно неизбежных исторических мифов, символов и традиций. Первые попытки создания государственных программ, направленных на определённую «перестройку» исторической науки, были предприняты на Украине в конце 1980-х гг. В значительной мере их возникновение было связано с ответными действиями тогдашнего руководства компартии Украины на появление в 1987–1988 гг. серии исторических публикаций, явно не укладывавшихся в русло советской концепции истории Украины.

В начале февраля 1989 г. появилось постановление ЦК компартии Украины «О разработке республиканской программы развития исторических исследований, улучшения изучения и пропаганды истории Украинской ССР», в котором предусматривалось выделение курса истории УССР в средних школах и профтехучилищах в отдельный предмет, введение курсов истории УССР в вузах и техникумах, открытие в ведущих университетах подготовки специалистов по истории УССР, создание редакционных коллегий, авторских коллективов по подготовке и изданию учебников, хрестоматий, справочной литературы по истории УССР и родного края. Впоследствии был разработан проект «Республиканской программы развития исторических исследований, улучшения изучения и пропаганды истории УССР на 1991–2000 гг.», который без изменений в июле 1990 г. был утверждён Политбюро ЦК КПУ(15). Программа состояла из нескольких разделов, намечавших издание историографического наследия, публикацию основных комплексов источников, памятников истории и куль-

туры украинского народа, а также подготовку и публикацию новых учебников, пособий, справочной литературы по истории Украины. В разделе программы, который назывался «Пути и направления развития исторической науки», было намечено более 150 приоритетных направлений исторических исследований в Украине.

После распада СССР и утверждения независимости Украины произошли решающие события по видоизменению процесса преподавания истории в школах и вузах республики. В 1991–1992 гг. в средних школах, профтехучилищах, техникумах и вузах вместо истории СССР был введён учебный предмет «История Украины». Вторым историческим предметом стала «Всемирная история». Начало преподавания этих курсов в новых условиях было непростым процессом и сопровождалось целым рядом любопытных общественных парадоксов.

Возникновение и утверждение независимого украинского государства сопровождалось достаточно сильной националистической риторикой, поддерживаемой высшим политическим руководством страны, которое стремилось обосновать идеи о непрерывности украинских государственных традиций. Учитывая этот фактор, а также предыдущую многолетнюю практику работы абсолютного большинства украинского руководства и чиновников Министерства образования Украины в структурах компартии, можно объяснить появление осенью 1993 г. рекомендации Министерства образования Украины для вузов о введении в программы предмета «Научный национализм». В основу предлагавшегося нового учебного курса должна была быть положена «национал-украинская предубеждённость как научная объективность». В те годы у большинства учёных и преподавателей вузов Украины хватило здравого смысла отвергнуть подобную «впечатляющую смесь государственно-политического расчёта и облачённых в национальные одежды остатков марксистско-ленинского исторического детерминизма» (16).

Однако существование независимого государства требовало видоизменить советские концептуальные подходы к системе образования. Первый этап её реформирования закончился 22 мая 1996 г., когда Коллегия Министерства образования Украины утвердила концепцию государственного стандарта общего среднего образования и проект базового учебного плана общеобразовательной школы.

Основным принципом предложенной системы объявлялась украиноведческая направленность. Последняя понималась как рассмотрение общественно-исторического процесса становления и бытия украинской нации, самобытности её культуры и самосознания в контексте развития мировой науки и культуры. Предложенный «националистичный» подход реализовывался через внедрение национально ориентированных курсов (украинская литература, история и география Украины, украинская художественная культура), а также благодаря воссозданию культуроведческих аспектов исторического развития украинской нации в общенаучных предметах (всемирная история, математика, естественные науки).

Подобные идеи реформирования среднего образования в стране обусловили особое внимание к курсу истории. Главными его целями являлись: а) формирование исторического мышления учеников, то есть общего понимания исторического процесса в его разнообразии и противоречиях, способов получения, усвоения и применения исторических знаний, умений самостоятельно ориентироваться и адаптироваться к быстрым сменам общественной жизни, критически относиться к информации; б) воспитание у детей общечеловеческих духовных ценностных ориентаций, моральных качеств гражданина — патриота своей Родины; в) подготовка к активному участию в строительстве украинского государства, сохранении и развитии культуры и духовности украинского народа.

В соответствии с этими целями предусматривалось изучение единой исторической дисциплины в виде двух предметов — всемирной и отечественной истории на принципах линейности, параллельности и синхронности в овладении ними, а также приоритетного внимания к истории Украины, которая изучалась детальнее, чем история какого-либо другого государства мира(17).

Данная структура преподавания истории в школе, заложенная концепцией государственного стандарта общего среднего образования, действовала в республике два последних учебных года, но начала подвергаться критике со стороны научной и преподавательской общественности. Критиковалось (традиционное ещё для Российской Империи и Советского Союза) сохранившееся разделение истории на всемирную и отечественную. В настоящее время это привело к ситуации, когда исторический процесс изучается «сплошным массивом» (только то, что касается Украины), а из прошлого других стран берутся отдельные эпизоды. Поэтому в 1998 г. группа историков во главе с заместителем директора Института истории Украины С. Кульчицким, которая принимала самое активное участие в разработке идей реформирования среднего образования, обратилась в Министерство образования Украины с предложением отказаться от разделения школьной истории на отечественную и всемирную. Вместо этого предлагалось ввести один исторический предмет в средней школе «История Украины», в котором «изложение событий, явлений и причинно-следственных связей украинской истории подаётся на фоне всемирной»(18).

Однако сегодня в украинском обществе существуют и другие мнения. С одной стороны, раздаются голоса о том, что в школах независимой Украины должен сохраниться самостоятельный предмет украинской истории, учитывая запрещение преподавания его в полном объёме на протяжении долгих лет. С другой стороны, продолжают слышаться призывы о необходимости возвращения к советской концепции преподавания истории в школе.

Один из сторонников первой точки зрения известный украинский историк Юрий Мыщук, оценивая последние предложения по реформированию преподавания истории Украины в средней школе, высказал крайне симптоматичные соображения, которые отражают определённый спектр общественного мнения и поддерживаются Министерством образования и политическим руководством Украины: «Школа, телевидение, радио, кинематография — всё работает на формирование национального сознания... И нам предлагают выбить последний плацдарм формирования национального сознания».

Говоря о «раскручивании» в обществе идеи о воспитании у детей множественности мыслей и оценок, он заявил, что это удивительный подход к изучению истории. «Что необходимо знать, например, о гетмане Мазепе?» — спрашивал Ю. Мыщук. — «Одни утверждают, что он герой, другие — предатель. Убеждён: множественность, плюрализм необходимы студентам, взрослым, которые могут оценить события, ситуацию. А школьник должен чётко знать, что Владимир Святой, Б. Хмельницкий, И. Мазепа, С. Петлюра — это позитивные персонажи в нашей истории». И далее Ю. Мыщук концептуально обосновал свои взгляды: «Да, могут быть разные подходы к изучению истории, но в цивилизованном мире в учебниках подают историю с государственнической точки зрения»(19).

Однако заменить в школьных учебниках советскую концепцию истории УССР (написанную в полном соответствии с одобренными в своё время ЦК КПСС «Тезисами о 300-летию воссоединения Украины с Россией 1654–1954 гг.») на «государственническую» точку зрения, в основе которой был бы «нациоцентричный» подход,

оказалось непросто. Сказывалась неразработанность многих тем и проблем в профессиональной украинской историографии, отсутствие подобного рода опыта и необходимых для этого специалистов. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. отсутствие приемлемых отечественных учебников пытались восполнить публикацией работ украинских историков конца XIX — начала XX столетий, а также книгами представителей украинской диаспоры(20). Однако обеспечить учебный процесс в вузах, а тем более в школах, эти издания не могли.

Первый школьный учебник по истории Украины, написанный учёными-историками с учётом новых тенденций в украинской исторической науке, появился в 1991 г., но к моменту публикации уже устарел, а в ряде публикаций был охарактеризован как «прокоммунистический, а история в нём искажена и субъективна»(21). В 1993 г. Министерством образования Украины были созданы авторские коллективы, в которые вошли ведущие специалисты Института истории Украины, а также целого ряда украинских университетов. Коллективы работали параллельно и в результате к 1998 г. проблема обеспечения школ новыми учебниками была, в основном, решена. По оценкам министерских чиновников, главным изменением в школьных учебниках и действующих программах было смещение акцентов «от привычного социально-экономического фактора к восприятию событий глазами среднего человека»(22).

При всей спорности данного утверждения необходимо отметить, что в новых учебниках прослеживается множественность подходов авторов к проблеме этногенезиса украинцев, места в этом процессе Киевской Руси, Галицко-Волынского княжества, гетманата Богдана Хмельницкого, Украинской Народной Республики. Практически все авторы говорят о том, что украинцы являлись автохтонным населением Украины с древних времен, а наследие Киевской Руси, которую многие считают первым украинским государством, оказало мощное воздействие на дальнейшую судьбу украинского народа и «положило начало традиции независимой государственности на территории Украины».

Однако однозначного «закрепления» эта точка зрения в учебниках не получила, в том числе в учебнике И. Сергиенко, В. Смолия, в котором наиболее чётко проявилось стремление «написать» украинскую историю с «государственных» позиций. Авторы, по-видимому, чувствуя слабость приводимой в поддержку этих идей аргументации, одновременно говорили о Киевской Руси как политическом союзе княжеств, созданных восточнославянскими и другими племенами(23).

При характеристике «национально-освободительной войны украинского народа середины XVII в.» основное внимание в учебниках уделено возникновению и анализу украинского казацкого государства под руководством Богдана Хмельницкого, который, заключая в 1654 г. союз с российским царем, рассматривал его только как союзника, но не как своего правителя-сюзерена(24). Некоторые авторы прямо говорят о том, что Переяславское соглашение 1654 г. «положило начало новому закабалению украинского народа». После смерти Б. Хмельницкого некоторые гетманы пытались сохранить украинское государство от поглощения его более сильными соседями, но это им не удалось. Среди них выделялся Иван Мазепа, который «стремился сделать Украину великим и сильным европейским государством, освободить народ из-под гнёта Московского царства». В конце концов, из свободного государства, основы которого заложил Б. Хмельницкий, Украина стала Малороссией(25).

Что же касается истории XX в., то смысл подходов украинских историков к её освещению в школьных учебниках, хорошо демонстрирует вступительная фраза в одном из них: «В 1917 г. Украина вступила в новейший период своей истории. Начался он

Украинской национально-демократической революцией 1917 — начала 1918 гг. и продолжается поныне. Его главное историческое содержание — борьба украинского народа за своё национальное и социальное освобождение, создание собственного демократического государства со справедливым общественным устройством» (26).

Однако подобные подходы вызывали серьёзные общественные дискуссии и споры, иногда, явно, не научного характера. Например, в мае 1996 г. народные депутаты Украины В. Кузьев и Е. Красняков передали официальный депутатский запрос главе украинского парламента А. Морозу об изъятии учебников для 10–11-го классов средней школы, созданных украинскими учёными Ф. Турченко, П. Панченко, С. Тимченко. Народные депутаты, которые являются историками, сделали следующий вывод об указанных учебниках: «Целенаправленная ложь, искажение исторических фактов, фальсификация прошлого Украины...» (27).

Действительно, многие современные школьные учебники имели существенные недостатки. Некоторые отличались слабой методологической базой, декларируя переход на позиции цивилизационного подхода, но на деле не осуществляя его. Отдельные учебники «грешили» фактологической перегруженностью, местным региональным «сепаратизмом», когда общеукраинский процесс подменялся его региональными модификациями с «выпячиванием» значимости в истории отдельных регионов и городов. Практически все учебники реконструировали в основном политический срез истории Украины, уделяя гораздо меньше внимания действию экономических, социальных и культурных факторов. Нередко в учебниках не определялось место украинской истории в европейском и мировом общеисторическом процессе. К сожалению, пока нельзя сказать, что авторам большинства учебников удалось создать достаточно цельную и внутренне логическую картину исторического развития.

Однако всё это — проблемы научной методологии и методики написания школьных учебников, добросовестности и профессионализма их авторов, а не политических демаршей и спекуляций. Хотя, по-видимому, в школьных учебниках политика ещё долго будет превалировать над историей, а «государственные» интересы будут серьёзно влиять на очень противоречивый и динамичный процесс конструирования истории, сопровождающийся созданием и упрочением новой исторической мифологии. Многое будет зависеть от тенденций развития современной украинской историографии и способности историков оставаться на позициях научного объективизма.

Профессиональная историография и смена концепций

1990-е гг. стали крайне непростым временем для украинских историков. Процесс этнокультурной мобилизации украинцев вокруг «вновь открытой» украинскими интеллектуалами народноисторической культуры был крайне политизирован. Обретение собственных исторических «корней» являлось не просто научным поиском, а политическим и моральным процессом, происходившим в ожесточённой борьбе с «хранителями» советских традиций. В таких условиях лавина публикаций на историческую тематику, многие из которых отличались низким профессиональным уровнем, привлекала внимание общества к собственной истории. Появились «густо замешанные» на мистике, эзотерических представлениях и фантастических предположениях статьи и даже книги, посвящённые самым древним историческим «корням» украин-

цев. Солидные журналы и газеты начали публиковать рассказы о так называемых «украях», которые несколько тысяч лет назад дали название Украине; о том, что трипольские племена, жившие на территории Украины в период неолита, создали первую в Европе письменность, которую потом использовали финикийцы; о «звёздных людях» с планеты Венера, которые передали на землю знак тризуба, а потом греки, жители Атлантиды, принесли его на Украину, где уже существовала империя У-Гор, которая простиралась от Атлантики до Тихого океана.

Дело дошло до публикации журналом «Вісник НАН України» (НАН — Национальная Академия Наук) книги Ю. Канигина «Путь ариев», автор которой — доктор экономических наук — вполне серьёзно утверждал, что украинцы являются прямыми потомками индоевропейских ариев, которые обладали «духовным совершенством», а их символами были арийский крест (свастика) на сине-жёлтых штандартах. Резкой критике подобную антинаучную работу подверг вице-президент НАН Украины П. Толочко за «доведённую до абсурда “украинопупию”»(28).

В условиях раскола массового исторического сознания общества, когда поднялась «пена» околонучных публикаций, появились новые «государственные» интересы и «заказы», значительно расширилась архивная база (стали доступны для изучения и использования 95–99% архивных фондов Украины) и, одновременно, практически прекратилось финансирование научных исследований, работать историкам было трудно. Однако многие учёные считали своим профессиональным и моральным долгом сосредоточить внимание на малоисследованных или фальсифицированных в советский период процессах, явлениях и событиях украинской истории. Изучение новых архивных материалов, знакомство с работами украинских историков конца XIX — начала XX в., контакты с современными учёными — представителями украинской диаспоры и, наконец, естественное и объективное, сочувственное отношение к своему этносу или народу (нации) обусловили поворот украинской историографии к созданию собственной, национальной концепции истории Украины.

В начале 1990-х гг. достаточно широкое признание получила точка зрения Омельяна Прицака, американского учёного украинского происхождения (который сегодня работает на Украине) о том, что украинская историография должна «изучать прошлое всех человеческих исторических общностей и государств, которые проживали на современной своей (украинской) территории» (это приблизительно территория в пределах бывшей УССР, что более или менее также соответствует так называемым этнографическим границам расселения украинцев)(29). Немного позднее известный украинский историк Рей Симоненко, заявил, что необходимо воссоздавать историю «изнутри», с позиций украинского народа как этноисторического явления, то есть в правах должна быть восстановлена национальная история, как прошлое украинского этноса на собственной автохтонной территории. Р. Симоненко писал, что речь идёт «об украинской истории как самобытном непрерывном процессе, главным объектом которого является украинский народ — от самых его первооснов и до современной суверенной государственности». Вместе с тем, автор предостерегает от подмены естественного украинского этноцентризма «панукраинским» подходом, игнорированием или неуважением прошлого других этносов, которые долгое время проживали на украинских территориях(30).

В целом, происходивший на протяжении 1990-х гг. переход от истории Украины как составной части общероссийской (советской) истории к созданию национальной концепции, обусловил внимание историков к нескольким «узловым» её проблемам или, другими словами, «болевым» точкам, если учитывать их важность для массового исторического сознания украинского общества.

Одной из таких точек украинской исторической науки в 1990 г. стал этногенез украинцев и место в нём Киевской Руси. Говоря о попытках научного анализа этого процесса, необходимо отметить, что они, как и сто лет назад, во времена М. Грушевского, продолжали «испытывать на себе» различные политико-идеологические воздействия. Основной идеей общепринятой схемы российской истории, которая брала начало в известных московских текстах XVI в., была преемственность правивших княжеских (царских) династий и православных иерархов. Картина исторического процесса перемещалась вслед за правившей династией из Киева в Москву, и поэтому Московское княжество, а затем Россия признавались наследницей Киевской Руси. Территории, где правившей династии не было, малоинтересны для подобной схемы, а территориальная экспансия династии воспринимается как восстановление первичной целостности под широким, недифференцированным понятием «Русь–Россия», общей для всех «русских». Украинцы и белорусы, следуя такой логике исторического процесса, воспринимались как более поздние «ответвления» («младшие братья») от общего русского корня («старший брат»). Гипотеза о Киевской Руси как «колыбели» трёх братских народов — русского, украинского и белорусского, формирование которых началось в XIV–XV вв., была, по существу, «смягчённым» советским вариантом господствовавшей дореволюционной схемы.

В конце 1980-х гг. в украинской историографии подобная схема российской истории и этногенеза восточнославянских народов, а также связанный с ней психологический комплекс «старшего великорусского брата» и «младшего украинского брата», превратились в попытку научно обосновать, что «младший брат» на самом деле является «старшим братом». Тезис на уровне многочисленных научных или околонучных публикаций формулировался следующим образом: украинская (восточнославянская) государственность зародилась в эпоху вызревания феодальных отношений (II–IX вв. н. э.). Ярким примером такой государственности было Антское царство (II–VII вв.), которое объединило южную группу восточнославянских племен. Оно было уничтожено аварским нашествием, но глубинные факторы государственности продолжали действовать, и в VII–IX вв. сформировалось новое государство — Киевская Русь. Основной территорией его формирования была Средняя Надднепрянина; белорусские и великорусские земли были «втянуты» в этот процесс позднее.

В соответствии с данной схемой белорусский регион (Пинское княжество) оформилось в первой половине XI в., а великорусский регион (Суздальское княжество) — в XII в. Таким образом, «старший брат» оказался «младшим» по возрасту, следовательно, вставал вопрос: кто имеет более глубокие государственные традиции и может с большим основанием претендовать на то, что Киевская Русь — это «его» государство? Именно этот тезис предоставлял и продолжает предоставлять возможности для высшего политического руководства Украины заявлять о древности украинских государственных традиций.

В 1990-е гг. подобные взгляды модифицировались в несколько гипотез, которые пытаются интерпретировать этногенез украинцев и место в этом процессе Киевской Руси. Первая гипотеза утверждает, что украинцы являются автохтонным населением Украины и ведут своё начало непосредственно от племён трипольской культуры, которые оказали серьёзнейшее влияние на этногенез украинского народа. Последующие культуры, несмотря на определённые различия, были этапами в процессе формирования украинского этноса. Возникновение во второй половине VII — первой половине VIII в. в Среднем Поднепровье государство было связано с украинским племенем полян, которое имело и другое название — Русь. Разговорным языком на

Руси был древнеукраинский язык (церковнославянский или древнеболгарский язык был языком летописей, официальных документов, литературы). С возникновением государства Русь в основном завершился этногенез украинского народа (этнос становится народом, когда создаёт собственное государство).

Русь была «Украинской империей», в которой вместе с этносом — творцом государства — проживали присоединённые силой предки белорусов и русских, этногенез которых «без помех завершился приблизительно в XI–XII вв.». Формирование белорусского народа проходило путём смешивания северо-западных славянских племен с «балтийским этническим элементом», а русские формировались путём смешивания с угро-финнами северо-восточных славянских племен. В XII в. на северном Востоке возникла новая держава — Владимиро-Суздальское княжество, которое впоследствии, после монголо-татарского нашествия, трансформировалось в Московское княжество. Несмотря на распад Киевской Руси, украинский народ сохранил себя как этническая целостность. Осознание своей «особости и своеобразия» по сравнению с другими народами на протяжении всей последующей истории «подпитывало» идею воссоздания собственного государства.

Конечно, многие профессиональные историки на Украине не разделяют подобных радикальных идей, однако, на мой взгляд, показательно, что единственная на Украине специализированная газета в области истории — «Історія України», редколлегия которой состоит из учёных Института истории Украины, публикует подобные взгляды как «материалы в помощь учителям истории»(31).

Вторая гипотеза этногенеза украинцев и места в нём Киевской Руси представляет собой, по сути, модифицированные взгляды М. Грушевского и утверждает, что формирование украинского народа и украинского языка началось приблизительно с середины I тысячелетия н. э. и растянулось на несколько столетий. С конца XI — начала XII в. украинский язык сформировался со всеми характерными языковыми особенностями, а, следовательно, украинцы были сложившимся этносом в Киевской Руси(32). Сам М. Грушевский заявлял, что Киевское государство, право, культура были созданием одной народности — украино-русской, а Владимиро-Московское государство — другой, великорусской(33). Часть современных украинских учёных заявляет, что эта мысль М. Грушевского имеет смысл, хотя всё же не может быть категорической. Зато другая его идея о прямой генетической связи между наследием Киевской Руси и украинским народом представляется данным учёным совершенно бесспорной(34).

Со своей стороны, хочется отметить ещё одну несомненную генетическую связь между подобными научными взглядами и следующим заявлением Президента Украины Леонида Кучмы: «Европа — колыбель цивилизации, которая 1000 лет назад породила и первое украинское государство — Киевскую Русь»(35).

Третья гипотеза, существующая в украинской историографии, отстаивает научный факт происхождения украинцев, русских и белорусов от народа Киевской Руси, как бы его не называли — древнерусской народностью или восточнославянской этнокультурной общностью. Странники этой гипотезы заявляют, что усиление торговых и других связей между разными регионами древнерусского государства логично привело к созданию во второй половине XII — начале XIII в. нескольких групп земель. Киевская, Чернигово-Северская, Переяславская, Волынская, Галицкая, Подольская земли, а также Буковина и Закарпатье стали той территориальной основой, на которой создавалась и развивалась украинская народность. На Средней Надднепрянщине, в Киевской земле формировалась этническая основа украинского этноса,

вокруг которой постепенно группировалось население других южнорусских земель. За Средней Надднепрянщиной ранее, чем за другими землями Южной Руси, закрепилось название «Украина», которым позднее, с XVII в., стали обозначать этническую территорию украинского народа.

Кроме этого, учёные, которые придерживаются данной гипотезы, выдвинули предположение о возникновении надплеменного государства — Киевского княжества Аскольда в середине IX в., в то время, как феодальные отношения стали утверждаться на этой территории не ранее второй половины X в. По форме правления — это было дружинное государство, в котором правящей группой была верхушка княжеской дружины (36).

Несомненно, что вышеперечисленные гипотезы этногенеза украинцев и места в этом процессе Киевской Руси имеют право на существование. Но ещё в 1991 г. Омельян Прицак писал о замеченной им на Украине тенденции сделать «свое» прошлое «золотым» и «героическим», привлекательным для молодых поколений. «Это славное светлое, золотое прошлое, *aurea aetas* древних римлян, — отмечал он, — в котором не было никаких негативных сторон, а были будто бы осуществлены неосуществлённые идеалы современной эпохи, например, “национальная” государственность у восточных славян ещё до времен Киевского государства» (37).

Данная тенденция героизации «своего» прошлого продолжает действовать в украинской историографии, подкрепляясь «государственной необходимостью», но как справедливо заметил украинский историк Г. Касьянов, диспуты на тему «нациогенезиса» украинцев во времена Киевской Руси иногда напоминают «ссору верующих с атеистами, когда каждой из сторон не хватает аргументов в подтверждение или отрицание факта существования Бога» (38).

Без сомнения, исторические корни всех трёх современных восточнославянских народов и государств находятся в Киевской Руси, однако «найти» украинскую нацию и обосновать легитимность государственной самостоятельности Украины временами Киевской Руси так же трудно, с точки зрения науки, как и доказать правомочность «воссоединения» Украины с Россией в 1654 г.

Последняя проблема и связанные с ней исторические события стали следующей «болевой» точкой украинской историографии в 1990-е гг. Если говорить в целом, то современная украинская историческая наука к середине XVII в. относит вторую попытку создания независимого украинского государства. Одни из основных разработчиков данных идей В. Смолий и В. Степанков в своей книге «Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації» отмечали: «В процессе разработки новой концепции истории Украины появляется острая необходимость не только в переосмыслении научного наследия исследователей разных направлений и школ, но и в глубоком (на основе анализа комплекса источников) изучении проблем, которые на протяжении десятилетий замалчивались в отечественной науке. Чуть ли не самой важной из них остаётся проблема становления и функционирования Украинского государства во второй половине XVII–XVIII в.» (39).

В связи с празднованием в Украине в 1998 г. 350-летия освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого разработка идей украинских государственных традиций получила дополнительные импульсы. Причём главную роль в этом процессе, вслед за Валерием Смолием, играют сотрудники Института истории Украины, статьи которых распространяются в украинской прессе по каналам государственных информационных агентств. Значительное место данная проблематика занимает на страницах «Українського історичного журналу».

Например, Валентина Матях в одной из последних своих публикаций, заявив, что государственные традиции в Украине имеют глубокие и далёкие корни, научно сформулировала необходимость их исследования следующим образом: «Это чрезвычайно сложная и многоаспектная научная проблема... как начала украинской государственности; зарождение в государственнообразующем обществе государственнообразующей идеи; её поступательная эволюция и формы реального воплощения в историческую практику; определение представителей этой идеи; общественно-политический строй и трансформация форм и функций государственной власти; определение государственной территории; становление и эволюция государственных институтов; сословный состав общества и роль классов-сословий в державотворчих процессах; юридическое закрепление норм государственного права, которыми регулируются эти процессы; национальное государство и геополитическая ситуация в Европе и много других»(40).

По отношению к XVII в. конкретно-исторические исследования В. Смолия, В. Степанкова, П. Саса, В. Щербака, Т. Чухлиба, В. Матях и других историков позволили им утверждать, что целью освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого было не «воссоединение» Украины с Россией, а создание собственно украинского национального государства. Само название «освободительная война украинского народа», как и соответствующую её концепцию, вышеуказанные учёные заменили на концепцию «украинской национальной революции 1648–1676 гг.».

Составными частями выработки новой концепции стали: комплексный анализ причин возникновения «барьерного конфликта» между «ляхами» и «русамии» (поляками и украинцами), то есть противопоставление их друг другу как категорий непримиримо враждебных, направленных на взаимное уничтожение; изучение процесса зарождения украинского казачества как отдельного сословия общества, утверждения среди казаков кодекса «казацких прав и вольностей» как разновидности «фольклорного права», превращения казачества в «политический народ» (приобретение им функции «носителя украинской государственности»); исследование процесса возникновения украинского национального государства, развития государственной идеи от автономии казацкой Украины в составе Речи Посполитой до идеи государственной независимости и соборности Украины как наследницы Киевской Руси; освещение идеологических предпосылок украинской революции и роли в них «ренессансно-гуманистической европейской мысли, распространившейся на Украине»; рассмотрение украинской национальной революции как составной части процесса социальной и освободительной борьбы, которая охватила ряд европейских стран в 40–70-х гг. XVII в., сопоставление украинской революции с немецкой, нидерландской и английской революциями(41).

В контексте концепции украинской национальной революции середины XVII в. шло переосмысление украинско-российских отношений в указанный период. Новые оценки были даны украинскими историками Переяславскому договору 1654 г., согласно которому в рамках своеобразной конфедерации под верховенством короны Романовых продолжали существовать два государства — Украина и Российское царство. По правовым формам договор был больше похож на отношения номинального вассалитета или протектората. Данный международный акт правовым образом фиксировал отделение Украины от Польши, республиканскую форму правления и пожизненную власть гетмана как единого и полноправного правителя в Украине, унитарный характер построения и деятельности органов политической власти. Ограничение суверенитета украинского государства проявлялось в выплачивании определённой

суммы денег в московскую казну, а также ликвидации его права на самостоятельную политику в отношениях с Речью Посполитой и Портой.

Последовавшие затем изменения в отношениях России с Украиной: Виленские переговоры 1656 г., смерть Б. Хмельницкого в 1657 г., вооружённый конфликт 1658 г., реформа гетманата, осуществлённая Петром I, свидетельствовали о возрастании роли России в Восточной и Центральной Европе, а также жёстком политическом курсе России по отношению к Украине, что было одним из важнейших факторов потери украинской государственности. Политика Петра I в украинском вопросе была не только результатом предыдущего насильственного поглощения Российским царством государственности Украины, но и свидетельствовала о начале имперской политики ассимиляции и русификации Украины, ликвидации остатков государственных структур и автономии(42).

Хотя, по мнению В. Смолия и В. Степанкова, «революция завершилась для украинской нации поражением: не удалось ни создать государство в этнических пределах Украины, ни отстоять независимость казацкой Украины», тем не менее её основное значение состояло в том, что было создано национальное государство; она способствовала эволюции украинской и белорусской наций и стала мощным импульсом для развития национального самосознания, в частности, идеологии элитарного национализма(43).

Разработка концепции национальной украинской революции середины XVII в. была объективным результатом взаимодействия различных факторов развития современной украинской историографии в 1990-е гг. Несомненно, что в рамках данной концепции произошёл качественный прирост знаний в украинской исторической науке. В то же время Г. Касьянов правильно заметил, что употребление в рамках данной концепции терминов «национальная революция», «национально-освободительная война», «национальная идея» можно считать проявлением «рефлекторной истории», когда современные понятия экстраполируются на явления прошлого. Термин «нация», если и употреблялся в те времена, то в большинстве своём для обозначения определённых культурных или политических элит, поэтому его семантическое значение было отличным от современного(44). По-видимому, украинских историков в недалёком будущем ждёт серьёзная дискуссия по терминологическим проблемам современной украинской историографии.

Подобная ситуация, требующая дальнейших научных разработок, возникла и с проблемой украинской революции 1917–1920 гг., которая стала третьей «болевой» точкой украинской историографии в 1990 г. Сама формулировка проблемы была не случайной и отражала желание украинских историков осмыслить феномен независимой украинской государственности — Украинской Народной Республики (УНР) в указанные годы, которая возникла в результате резкой политизации и расширения социальной базы национально-освободительного движения в Украине после Февральской революции 1917 г. в России.

«... Одніні самі будемо творити наше життя», — заявила Украинская Центральная Рада (УЦР) в своём первом Универсале 10 мая 1917 г., тем самым став политическим организатором и лидером украинского национально-освободительного движения. В советской историографии УЦР, как и последующие украинские правительства и государственные структуры, однозначно рассматривались как «буржуазно-националистические контрреволюционные силы», которые противостояли компартии и советской власти.

В 1990-х гг. украинские историки заявили, что характерной особенностью новейшей истории Украины был переход от сословной схемы организации общества к более динамичной модели — нации. Для украинцев, которые не имели собственной государственности, данный процесс был крайне сложным, поэтому превращение их из этноса в самосознательную культурную и особенно политическую общность является центральной проблемой украинской истории XIX — начала XX в. Достаточно отметить, что в 1980-е гг. в мировой историографии появились серьёзные работы Богдана Кравченко (с 1991 г. Б. Кравченко живёт на Украине), Джорджа Либера, Джеймса Мэйса, Ярослава Билоцерковича, затрагивающие данную проблематику(45).

Сегодня многие историки Украины считают, что украинская нация завершила своё формирование в годы революции, и с деятельностью УЦР были связаны такие глобальные процессы, как консолидация нации, «возрождение в сознании народа своего государственного призвания», возобновление украинской государственности, приобретение национальным государством гуманистических демократических принципов. Именно УЦР инициировала закрепление за украинским языком статуса государственного, утвердила национальный гимн, флаг, герб, денежную единицу, присягу государственного служащего. Благодаря УЦР «всемирные, в частности европейские, новейшие общественно-политические ценности были высажены в национальную почву, соединены с украинскими реалиями». Это не принесло быстрых и желаемых результатов, но не могло не сказаться на дальнейшем развитии истории Украины XX в.

Создание УССР было серьёзной уступкой большевиков украинцам, которая была сделана не добровольно, а под давлением политических сил, которые отстаивали украинскую государственность и были приведены в действие УЦР. Идея независимой украинской государственности активно поддерживалась украинской политической эмиграцией и диаспорой и всегда становилась одной из альтернатив тоталитарному советскому режиму(46).

Гораздо меньше исследованы в высшей степени сложные проблемы формирования современной специфической украинской идентичности, развития украинского национально-освободительного движения на крестьянской основе, влияния на него социальных факторов, взаимодействия его с различными формами украинского и российского национал-социализмов и, особенно, с большевизмом и многие другие. Интерес к этим проблемам велик, так как украинский опыт может многое прояснить в процессах, которые протекают сегодня в Центральной и Восточной Европе, а также в значительной степени демифологизировать историческую подоплёку украино-российских отношений. Однако и в мировой историографии крайне интересные работы Андреа Грациози и Марка ван Хагена, появившиеся в последнее время, скорее ставят эти проблемы, чем обстоятельно их анализируют(47).

Вышеуказанным «болевым» точкам украинской историографии в 1990-е гг. нашего столетия посвящено преобладающее количество научных работ, опубликованных на Украине за последние годы. Но процесс переосмысления собственной истории продолжается в разных направлениях и формах, которые невозможно проанализировать в данном, ограниченном по размерам, исследовании.

Сегодня украинская историография находится на пороге новых изменений: постепенно идёт преодоление методологического кризиса, охватившего украинскую историческую науку в начале 1990-х гг., осуществляется научная обработка и теоретическое

осмысление новых архивных материалов, анализ достижений мировой исторической науки, интеграция украинских историков в единый европейский и мировой научный процесс.

В то же время многие историки остаются в силу привычки марксистами, поменяв «для безопасности» марксистскую терминологию на «националистическую». В историографии укрепились позиции позитивизма — распространилось мнение о том, что историк способен «добыть» истину, если он честно прочитывает документы. Появление позитивизма было явлением закономерным (на освоение научных методик, применяемых в современной мировой историографии, необходимо время и знание иностранных языков), но сама тенденция появления и «закрепления» позитивизма таила в себе некоторые негативные моменты.

Разоблачительная волна публикаций конца 1980-х — начала 1990-х гг. под рубрикой «Восстановление исторической правды» содержала в себе своеобразный телеологический способ мышления. Центральное место в нём занимало понятие «историческая правда» как абсолютный императив, стоящий над временем, обществом и человеком. Постигание этой «правды» якобы позволяло извлечь уроки из «своего» прошлого, а, значит, и решить достаточно просто и безболезненно современные общественные проблемы. При этом, большинство профессиональных историков просто не задумывалось над тем, что история представляет собой, образно говоря, «метатекст», а историки имеют дело с текстами, то есть письменными источниками, которые всегда дают только первичную интерпретацию фактов и событий. Сам историк занимает позицию «вторичного наблюдателя» и, как исследователь, учёный, работает не с реальными фактами действительности, а с их текстовыми интерпретациями.

Поэтому профессиональная историография — это всегда не «обнаружение» вечной истины, а вечное стремление к ней, это работа с собственными представлениями, реконструкция не «объективной» истории (в смысле когда-то происходившей), а той истории, которая предстает со страниц документов. Интеллектуальные усилия историков могут приближать нас к более или менее объективной картине прошлой реальности, но никогда не позволят понять и воссоздать её полностью. Интересно, что «восстановление исторической правды» как некой трансцендентальной истины характерно для «расколотого» идеями национализма, представлениями о «своей» национальной истории массового исторического сознания общества. В нашем случае, современный украинский национализм, как, впрочем, и любой другой национализм, в самом широком плане является формой исторической культуры, которая возникла на «развалинах» более древних религиозных форм культуры, и сохранила в себе телеологический способ мышления.

В исторической науке эта форма культуры и способ мышления с характерным для них дискурсом этнического историзма и верой в прогрессивное развитие украинцев как древнего этноса, их уникальный и неповторимый национальный гений привели к попытке создать концепцию национальной истории. В свою очередь, сама концепция была попыткой «отобрать» у предшествовавшей ей советской концепции «свой» материал, дать ему соответствующую интерпретацию, то есть сконструировать историю Украины в таком виде, в каком она якобы была в действительности. С другой стороны, в значительной мере, это была форма сопротивления мощному культурному влиянию России и насаждаемым ранее имперским историческим и этнологическим схемам, а также психологическим комплексам «неполноценности» украинцев.

* * *

В прошедшее десятилетие разные политические силы, лидеры и государственные деятели пытались «приспособить» украинскую историю к своим целям. В то же время многие на Украине поняли, что украинское государство, если хочет выжить в современном мире, должно быть национальным. А для этого ещё очень молодая украинская нация, испытывающая на себе модернизационные процессы, должна консолидироваться на социально-политическом и культурно-психологическом уровнях. Поэтому высшее политическое руководство, представлявшее государство, использовало необходимые ему идеи и мифы, а также «заказывало» профессиональной историографии определённую проблематику.

Вышеуказанный комплекс факторов привёл к созданию и определённому распространению, в том числе в исторической науке, новой исторической мифологии: о существовании украинцев как очень древнего этноса и нации ещё в эпоху Киевской Руси, об украинских казаках и гетманах как национальных героях, о национальной государственности в середине XVII в. и другое.

Однако время показало, что «эксплуатируемый» государством национализм и сопровождающие его исторические мифы, не стали для граждан Украины ни идеологией национальной солидарности, ни основой национальной истории. Это связано с тем, что украинский национализм во многих его политико-идеологических и культурно-психологических ипостасях остаётся этническим, и сегодня от государства зависит, насколько он сумеет трансформироваться в национализм гражданский. Этот процесс уже «пошёл», и значительную роль в нём призвана сыграть историческая наука.

В целом в 1990-х гг. она стала хорошим примером процесса исторического познания общества через диалектическое соревнование мифа («метафизической истории») и логики («когнитивной истории»). И хотя миф иногда «выигрывал» у логики, как отмечалось, украинская историческая наука сохранила способность к саморефлексии, деконструкции мифов, восприятию и выработке новых методик исторических исследований. Как наука, она не смогла познать евангелистскую истину — «историческую правду», а также сделать свой народ по-настоящему свободным, но она честно стремилась к этому.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.81. Оп.3. Д.122. Л.17–19; Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф.1. Оп.16. Д.32. Л.48; Оп.23. Д.4051. Л.26; *Історія України*. 1998.
2. См.: *Історія України: нове бачення*. У двох томах. — К., 1996. Т.2. С.415–417.
3. Данное исследование учитывает концепции, предложенные Э. Смитом и Э. Геллнером, а также применительно к украинской истории Г. Касьяновым. См. в кн.: *Smith, Anthony D. National Identity*. — Penguin Books, 1991. На украинском языке эта книга была издана в 1994 г. См.: *Сміт, Ентоні Д. Національна ідентичність*. — К., 1994; *Hellner Ernest. Nations and nationalism*. — Oxford, 1983; *Касьянов Г.В. Український націоналізм: проблема наукового переосмислення // Український історичний журнал*. 1998. № 2.

4. См.: *Виттковски, Андреас*. Пятилетка без плана. Украина. 1991–1996. Формирование национального государства, экономика, элиты. — К., 1998. С.27.
5. Там же. С.69, 72, 74–75.
6. В рамках данного исследования автор просто не в состоянии давать ссылки на огромное множество публикаций, в которых отражались данные процессы.
7. *Історія України: нове бачення*. У двох томах. — К., 1996. Т.2. С.416. На протяженні 1990-х гг. інтерес к истории украинского казачества не ослабевал. С 1997 г. разработкой проблем истории казачества занялся Научно-исследовательский институт казачества, который объединил ряд учёных, заинтересованных в исследовании истории и современных проблем казачества. См.: *Станіславський В.В., Чухліб Т.В.* Новий центр досліджень історії українського казачства //Український історичний журнал. 1998. № 2. С.146.
8. См.: *Заремба С.З.* Українське пам'яткознавство: історія, теорія, сучасність. — К., 1995. С.423.
9. Там же. С.427; *Голос України*. 1992, 9 квітня.
10. *Голос України*. 1992, 8 лютого.
11. См.: *Голос України*. 1992, 28 січня.
12. *Голос України*. 1992, 20 лютого.
13. См.: Конституція України. — К., 1996. С.8.
14. См.: *Пам'ятки України*. 1995. № 2. С.2–3, 10–11.
15. *Литвин В.* Політична арена України. Дійові особи та виконавці. — К., 1994. С.94; *Радянська Україна*. 1989, 3 лютого; *Український історичний журнал*. 1990. № 11. С.3–9. Оценка этой программы как историографического явления была дана одним из непосредственных её разработчиков, заместителем директора Института истории Украины НАН Украины, доктором исторических наук С.В. Кульчицким. См.: *Кульчицкий С.В.* «Программа розвитку історичних досліджень, поліпшення вивчення і пропаганди історії УРСР на 1991–2000 рр.» як історіографічне явище» //Історична наука на порозі ХХІ століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. — Харків, 1995. С.138–142.
16. *Виттковски, Андреас*. Пятилетка без плана. Украина. 1991–1996. Формирование национального государства, экономика, элиты. — К., 1998. С.38.
17. См.: Проект «Государственный стандарт общего среднего образования в Украине. Образовательная отрасль «Обществоведение». — К., 1997. С.37–38.
18. См.: *Історія України*. 1998. № 11.
19. См.: *Час*. 1998. № 3, 23–30 жовтня.
20. *Грушевський, Михайло*. Ілюстрована історія України. Репринтне відтворення видання 1913 року. — К., 1990; *Субтельний, Орест*. Україна: історія. — К., 1991 і др.
21. *Голос України*. 1992, 8 лютого.
22. См.: *Освіта України*. 1998, 11 березня.
23. *Сергійко Г.Я., Смолій В.А.* Історія України, 7–8 кл. Посібник. — К., 1995. С.47–49, 75.
24. См.: *Швидько Г.К.* Історія України XVII–XVIII в. Підручник для 8 кл. — К., 1997.
25. *Мисан В.* Оповідання з історії України. Підручник для 5-го кл. — К., 1997. С.113, 124.
26. *Турченко Ф.Г.* Новітня історія України. Частина перша. (1917–1945 рр.). Підручник для 10-го кл. — К., 1994. С.5.
27. См.: *Історія України*. 1997. № 33.
28. См.: *Канигин Ю.* Путь ариев //Вісник НАН України. 1995. № 1–6; а также рецензию П. Толчко: *Вісник НАН України*. 1996. № 3–4. С.90.
29. *Прицак О.* Що таке історія України? //Слово і час. 1991. № 1. С.56.
30. *Симоненко Р.Г.* До концепції багатомної «Історії українського народу» (міжнародний та міжнародний аспект). — К., 1993. С.7.
31. Среди значительного количества публикаций последнего времени, посвящённых обоснованию данной гипотезы, можно назвать: *Коломіць І.М.* Допитання про етонгенез українського народу //Історія України. 1997. № 45.
32. Этот взгляд наиболее ярко представлен в тексте доклада Г. Пивторак на заседании Президиума НАН Украины 31 мая 1996 г. См.: *Пивторак Г.* Походження українського народу та української мови //Вісник НАН України. 1996. № 9–10.
33. Данную статью см.: *Грушевський М.* Звичайна схема «русскої» історії й справа укладу історії східного слов'янства //Вивід прав України. — Львів, 1991.
34. *Іванченко, Раїса*. Київська Русь: початки української державності. — К., 1995. С.9.
35. *Kutchma L.* «Ich muß das Kreuz tragen». Der ukrainische Präsident Leonid Kutchma über Wirtschaftsreform, Tschernobyl und Boris Jelzin //Der Spiegel. 1995. № 27. P.126–130.
36. *Котляр Микола*. Київська держава часів Аскольда й Олега //Київська старовина. 1993. № 3. С.74–75; *Толочко Петро*. Русь Мала Русь — Руський народ у другій половині XIII–XVII в. //Київська старовина. 1993. № 3. С.13; *Історія України: нове бачення*. У двох томах. — К., 1996. Т.1. С.51.
37. *Прицак О.* Що таке історія України? //Слово і час. 1991. № 1. С.56

38. *Касьянов Г.В.* Український націоналізм: проблема наукового переосмислення //Український історичний журнал. 1998. № 2. С.47–48.

39. *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. — К., 1997. С.6.

40. *Матях В.М.* Проблема державотворення в Україні XVII–XVIII в. у вітчизняній історичній науці другої половини XIX — початку XX в. //Український історичний журнал. 1998. № 3. С.58.

41. См.: *Смолій В.А., Степанков В.С.* У пошуках нової концепції Визвольної війни українського народу XVII в. — К., 1992; *Степанков В.С.* Українська революція 1648–1676 рр. у контексті івропейського революційного руху XVI–XVII в.: спроба порівняльного аналізу //Український історичний журнал. 1997. № 1; *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція 1648–1676 рр. крізь призму століть //Український історичний журнал. 1998. № 1–3; *Щербак В.О.* Формування козацького стану в Україні (друга половина XV — середина XVIII в.). — К., 1997 и др. Среди работ, посвящённых данной проблематике, привлекает внимание постановкой вопросов и профессионализмом их решения книга Н. Яковенко. См.: *Яковенко Н.М.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII в. — К., 1997.

42. См.: Українсько-російський договір 1654 р.: нові підходи до історії міждержавних стосунків. Матеріали науково-теоретичного семінару. — К., 1995; *Горобець В.М.* Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII — першої чверті XVIII в. — К., 1995; *Струкевич О.К.* Україна — Гетьманщина та Російська імперія протягом 50–80-х рр. XVIII століття (політико-адміністративний аспект проблеми). — К., 1995.

43. *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція 1648–1676 рр. крізь призму століть //Український історичний журнал. 1998. № 3. С.10.

44. *Касьянов Г.В.* Український націоналізм: проблема наукового переосмислення //Український історичний журнал. 1998. № 2. С.48.

45. *Krawchenko, Bohdan.* Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. — London, 1985; *Liber, George O.* Soviet Nationality Policy, Urban Grows, And Identity Change in The Ukrainian SSR 1923–1934. — Cambridge, 1983; *Mace, James E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation. National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. — Cambridge, 1983; *Bilocerkowycz, Jaroslav.* Soviet Ukrainian Dissent. A Study of Political Alienation. — Boulder–London, 1988.

46. Среди большого количества работ по периоду 1917–1920 гг. хочется выделить: *Верстюк В.Ф.* Роль і місце Центральної Ради в модерній історії України //Український історичний журнал. 1997. № 5; *Гриценко А.П.* Політичні сили у боротьбі за владу в Україні (кінець 1917 р. — початок 1919 р.). — К., 1993; *Его же.* Політичні сили в боротьбі за владу в Україні: рік 1919. — К., 1996; *Его же.* Політичні сили в боротьбі за владу в Україні: рік 1920. — К., 1997; *Історія України: нове бачення.* У двох томах. — К., 1996. Т.2; *Історія України.* — К., 1997; *Рейнт О.П.* Большевизм і українська революція: Спроба визначення характеру і динаміки соціальних процесів. — К., 1994; *Рейнт О.П., Симоненко Р.Г.* Українсько-російські переговори в Москві (січень–лютий 1919): Документи. — К., 1996; *Солдатенко В.Ф.* Проблема класово- і національно-політичних сил у концепції української революції //Український історичний журнал. 1997. № 5–6.

47. *Грациози, Андреа.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. — М., 1997; *Хаген, Марк ван.* Держава, нація та національна свідомість: російсько-українські відносини в першій половині XX в. //Український історичний журнал. 1998. № 1.

ТАДЖИКИСТАН: МУКИ ВОСПОМИНАНИЯ

Рустам Шукуров

В 1992–1996 гг. Таджикистан оказался ареной жестокой гражданской войны. Само это обстоятельство может явиться свидетельством глубокого конфликта, проникшего в умы людей, населяющих эту страну, манифестацией разразившегося кризиса самоидентификации. Нет нужды говорить особо о роли исторической памяти в формировании этнической и индивидуальной самоидентичности. Важно понять генезис тех тенденций в историческом сознании таджиков, которые могут иметь отношение к нынешнему кризису самоидентификации, а также к наметившимся путям выхода из него.

Предпосылки

Цивилизационная цезура

До большевистского завоевания в 1920-х гг. таджикам был присущ позднесредневековый взгляд на прошлое: провиденциализм, религиозный универсализм, культурно-этический критерий (основанный на концепте *adab* и более позднем *madaniyyat*) в интерпретации исторического события. Для прежней историографии История — это, в первую очередь, повествование о взаимоотношениях между Человеком и Богом, о движении Человека навстречу Последнему Дню. Именно поэтому историка-традиционалиста интересовала скорее этическая оценка некоего события в контексте трансцендентальной драмы научения Человека Богом. Склонность новоевропейского сознания к феноменологической экспертизе, призванной выявить «объективную», имманентную истину факта, была глубоко чужда традиционной мусульманской историографии.

Вместе с тем, надо сказать, что историография была одним из наиболее популярных жанров в классической таджикской литературе. История Средней Азии самым подробным и скрупулезным образом описана таджиками начиная с XI до начала XX в. Это сотни больших и малых исторических сочинений, актов, материалы, исторически значимые пассажи в сочинениях других жанров. Мы знаем о средневековой истории региона преимущественно то, что донесла до нас таджикская средневековая письменность(1).

Советское время вместе с материалистическим взглядом на мир, привнесло в сознание таджиков идеи экономического детерминизма, классовой борьбы, идеалы имущественного равенства, национализма и т. п., в целом чуждые мусульманской

иранской ментальности. Особо значимой для среднеазиатского менталитета оказалась секуляризация исторического сознания. Если Россия, Прибалтика, христианский Кавказ вошли в сферу европейского секуляризма задолго до начала революционной смуты в Российской Империи, то в Русском Туркестане, Бухаре и Хиве даже наиболее радикальные прогрессистские и реформаторские концепции строились, по меньшей мере, с учётом религиозного мировоззрения.

В рамках борьбы с исламским наследием в советское время таджики претерпели две последовательные смены алфавитов. В 1929 г. арабица была заменена латиницей, а в 1940 г. от латиницы перешли к кириллице. Параллельно с этим систематически изымались из свободного хождения и уничтожались книги на арабице, сохранились только те из них, которые теми или иными путями попали в государственные библиотеки. Наверное, не нужно подробно объяснять, какие последствия имели эти перемены для таджиков, — нарождавшиеся их поколения оказались отчуждёнными от всего корпуса классической письменности и, следовательно, от непосредственных источников знания о собственном прошлом(2).

Смена письменности чрезвычайно болезненно сказалась на менталитете. Создалась уникальная ситуация, при которой классическая литература, будучи продуктом письменной культуры, продолжала функционировать в памяти людей старшего поколения, но при этом как бы лишилась письменной фиксации. Письменные тексты, ещё хранившиеся в памяти населения, стали функционировать и передаваться следующему поколению по законам устной традиции(3).

Между тем, в Средней Азии в советское время была упразднена вся вертикальная шкала старой системы образования (начальное образование при мечетях или с частными наставниками, затем медресе — высшее учебное заведение), и введены школы европейского образца. Таким образом, если в европейской части СССР и на Кавказе в системе образования в значительной мере сохранилась преемственность с дореволюционными моделями, то в Средней Азии местное образование было просто упразднено и заменено новым.

Всё приходилось строить сызнова, с нулевой точки отсчёта — систему образования, литературу, историческую науку. Это, в первую очередь, сказалось на уровне усвоения новой картины мира, отразилось в провинциализации местного иранского интеллектуализма, и в конечном итоге, как мы увидим, вылилось в глубочайший кризис самоидентификации.

Та кардинальная смена в концепции истории, да и вообще в мировоззрении, которая происходила в XX в. представляет, таким образом, редкий пример того, что может произойти с развитым мусульманским сознанием в результате насильственной и скоротечной европеизации.

Cujus regio hujus religio: советизация и русификация

Ко второй половине XX в. обыденное сознание, как в городах, так и деревне всё более советизируется. Советское государство настойчиво стремилось искоренить исламский образ жизни, как столп прежней ментальности. Эти факты общеизвестны(4). И надо сказать, что власти весьма преуспели. Религиозность, «старое» знание, привычки всё больше отодвигаются на задворки жизни общества, на задворки индивидуальной памяти. Обыватель существовал в скрупулёзно переименованном мире — вставал под звуки гимна СССР, шёл по улицам, названным именами революционеров, радовался государственным праздникам, «начинённым» вполне определённым историческим смыслом.

Процесс советизации шёл и в относительно узкой среде тех, для кого историческая память оказалась основным содержанием профессиональной деятельности — в среде литераторов, филологов и историков.

В 30–40-е гг. в Душанбе создаётся новая система образования, начинается формирование марксистской гуманитарной науки на таджикском языке. В последующие десятилетия появляются сотни имён филологов и историков, открываются гуманитарные академические институты, ведущими из которых стали Институт языка и литературы, Институт востоковедения, Институт истории, а также гуманитарные факультеты в душанбинских Университете и Педагогическом институте.

Таджикскую науку в советский период вряд ли можно считать самостоятельным и естественно развивавшимся организмом — слишком сильна была в ней разного рода регламентация. Одним из влиятельных и обязательных элементов построения образа как культурной, так и событийной истории являлось активное в нём присутствие образа России, причём по отношению к России априори предполагалась комплиментарная «тональность». В некоторых случаях эта установка приводила к выявлению действительных связей истории таджиков с русским пространством (как, например, в разработках по ирано-славянским связям в фольклоре, или в анализе таджикской литературы и истории в XIX–XX вв.). Однако чаще установка на Россию оказывалась надуманной — она искусственно смещала истинный центр тяжести событий и искажала тем самым образ прошлого. Российская история выступала как некое совершенное, законченное в своей полноте явление, издавна и неизменно восполняющее генетическую ущербность истории таджиков. История же таджиков представлялась как некая подготовка к совершенному бытию социалистической эпохи(5).

Торжеству этих представлений в среде таджиков способствовала и роль русского языка в их собственных исследованиях и размышлениях. Вхождение таджика в гуманитарную элиту находилось в определённой зависимости от глубины знания русского языка. Русская научная литература выступала и как резервуар новых интерпретационных методик и приёмов, и как передатчик достижений зарубежных научных центров, а в части востоковедения — и как источник знания о самих таджиках. Заметное влияние на таджикское гуманитарное образование оказал ряд первоклассных русских востоковедов дореволюционной школы, в 30-х гг. лишённых возможности работать в русских столицах и поселившихся в Душанбе (А.А. Семёнов, М.С. Андреев и др.). Многие из русских востоковедов были тесно связаны с таджикскими гуманитариями, участвовали в становлении таджикской науки(6). В итоге, наиболее яркие «звёзды» таджикской гуманитарной науки так или иначе познакомились с деятельностью московских и ленинградских научных школ. Тот, кто хотел работать на современном уровне, должен был общаться с русскими учёными, часто бывать в русских столицах и много читать по-русски.

Роль России в исторических исследованиях и роль русского языка в обращении знания, как мы видим, были даже не следствием политики русификации, а скорее насущной необходимостью, порождённой всей сложившейся структурой *хождения знания*. Таджикская наука с самого начала создавалась и функционировала как модификация русской научной школы.

Приведём один весьма красноречивый пример. Краеугольным камнем в таджикской историографии стала монография историка и политического деятеля Бободжона Гафурова (1907–1977) «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» (Москва, 1972), содержащая наиболее полный и достоверный свод исторических

сведений о таджиках в марксистской интерпретации. В 40–50-х гг. Б. Гафуров был первым секретарем компартии Таджикистана, а позже был назначен директором Института востоковедения АН СССР в Москве (в 1956–1977 гг.). Он являл собою редкий случай в среде коммунистической элиты, ибо параллельно с партийной карьерой Б. Гафуров продолжал развиваться как профессиональный историк (7). Его монография «Таджики» не только во многом предопределила облик таджикской историографии, но и стала заметным явлением для советской гуманитарной науки и до сих пор не потеряла статуса классической.

Успех книги был предопределён тем, что она создавалась при активном участии московских и ленинградских востоковедов. Однако подписана была она единственным, причём таджикским именем. Нельзя принижать роль Б. Гафурова — без его исследовательского опыта и концептуальной инициативы она никогда не была бы создана. Само название её — «Таджики», далеко выходило за рамки принятого стандарта, ибо угрожающе граничило с «буржуазным национализмом». Публикация книги стала возможной только благодаря политическому весу Б. Гафурова в партийной элите. Однако факт остается фактом — центральный текст таджикской историографии был создан при непосредственном участии представителей русской науки и опубликован на русском языке(8).

Примеры тесной зависимости таджикской историографии от русской как в методологическом, так и в фактологическом плане можно было бы умножить.

Русская история и русская наука об истории превратились в базовые парадигмы, некий недостижимый идеал для дочерней таджикской исторической мысли.

«Золотой век» и самоотрицание

Однако период поступательного развития гуманитарного знания в терминах марксизма вскоре сменился затяжным кризисом самоидентификации. Тот провал, та зияющая пустота, которая предшествовала формированию сегодняшней таджикской культуры, дали о себе знать.

Если таджикский интеллектуал в 50-х гг. видел во всяком русском «апостола марксизма», носителя совершенного знания, то по мере углубления в собственное прошлое, уже с 60-х гг. он претерпевает жестокое разочарование и дезориентацию. Ему невольно приходится сравнивать нынешнее состояние своей истории, литературы, уровня образования, и в целом — сегодняшней духовности с тем, что осталось в прошлом, в средневековье. Такого рода сравнение было не в пользу современности и русского культуртрегерства.

Сыграла свою роль хорошо известная архетипическая черта сознания, заключающаяся в извечном стремлении человека увидеть собственный «золотой век», кульминацию собственного бытия в глубоком прошлом, в собственной юности. Последующее течение времён как бы размывает начальную целостность и полноту. Для средневекового иранца такой эпохой могло быть время эпического царя Джемшеда или иные мифические и исторические периоды. В позднее советское время в сознании таджиков начинает подспудно вызревать образ иранского средневековья и досоветской Бухары, как времени нерастраченной культурной полноты.

Однако сказанное происходило не только в силу архетипического стремления сознания поместить *золотой век* в историю. Углубившийся в собственное прошлое таджикский интеллектуал был глубоко потрясён масштабами действительных потерь: измельчанием, провинциализацией собственной культуры, нарастающей русификацией и «упрощением» языка.

Вызревание этого ощущения духовного вакуума совпало по времени с Афганской войной 1979–1989 гг. Советское военное командование широко использовало советских таджиков в качестве переводчиков в Афганистане. Туда ехала в основном академическая и университетская молодёжь: студенты старших курсов университетов, молодые сотрудники гуманитарных институтов (преимущественно те, кто знал арабский алфавит, имел какое-то представление о зарубежном Востоке).

Настоящим шоком для таджиков-переводчиков в Афганистане явилось осознание того, что советские войска убивают не неведомых иностранцев, но таких же, как и они, таджиков.

Афганская война явилась мощным толчком возрождения прежних полузабытых ценностей. Таджики распознавали в афганской таджикской культуре неискажённый образ своего «золотого века», времени их культурного величия. Вместе с возвращавшимися с Афганской войны переводчиками в республику хлынул поток недоступных прежде в СССР книг — иранских и афганских изданий древней и современной литературы как светского, так и религиозного содержания, культурологических журналов и исследований, аудиокассет с записями популярных в ирано-язычном мире исполнителей. Произведения поэтов-мыслителей прошлого (Руми, Аттора, Санои и десятков других), забытые и даже запретные в советское время, стали вновь вводиться в оборот в период войны.

Советские таджики увидели себя в «афганском зеркале» и ужаснулись глубине дегуманизации и варваризации собственной культуры(9). В 80-х гг. в таджикской культуре появляется новый, весьма тревожный мотив, диссонировавший с официальной концепцией самоидентификации «социалистической нации». На основе сравнения «сегодня» и «вчера» зарождалось таджикское «вольнодумство», которое, вглядываясь в историческое прошлое, всё более погружалось в негативистскую саморефлексию, в отрицание «настоящего» («мы и ни то, и ни это, и не третье», «мы потеряли то-то и то-то»). Певцом «саморазоблачения» стал один из самых видных поэтов Таджикистана — устод Бозор Собир. В 1987 г., например, были опубликованы следующие его строки:

dZd HhZd JEŸd шJ> gZ zZ д<®ќ
 dZd HhZd ZfJЄ... z Ts... дм<
 dZd HhZd xZBhd z кZz НАќ
 dZd HhZd xJ>Jќ HЄ†

H•®™ JAEќ XEŸZd XhZ-™ XŸZd rġhd
 H•®™ JŸкB> xZBhd XIAќ з... rġhd
 d@... dZĪB... H·AЦ XhZ®• H·AЦ rġhd
 H•®™ J%o zZ }ZдŸJ< fd jZдŸJ< з... rġhd

То, чем он обладал из богатств мира, — потерял,
 Обладал он землями Балха и Бухары — потерял(10),
 Обладал он благим законом и государством — потерял.
 Обладал он престолом Саманидов — потерял(11).

Враг, который некогда нищенски вымаливал у него знание, «Знание»
 Авиценны у него отобрал(12),
 Враг, безбожный, стихи Мавлоно(13) у него отобрал,
 Враг, без стыда торговавший искусством, искусство Бехзада(14)
 у него отобрал.

Враг, бездомный, дом у него отобрал(15).

Речь идёт о современных таджиках, история которых, отмеченная знаковыми историческими именами, представлена здесь как цепь потерь, как растрата богатств ушедшего «золотого века»(16).

Эти негативистские мотивы, развивавшиеся весьма активно самим Бозором Собиром и далее, позже превратились в особый жанр «плача» над утратой исторического и культурного величия, дань которому отдали практически все крупные поэты и публицисты Таджикистана.

В период гражданской войны, начиная с 1992 г. и по нынешний день эта линия в литературе и публицистике приобрела форму полного самоотрицания, основная идея которого сводится к тому, что бывшая культура таджиков безвозвратно забыта, среди них воцарилось невежество и варварская жестокость, которые и являются истинной причиной гражданской войны. Другой виднейший поэт — устод Лоик Шерали, тяготясь этим крайним самоотчуждением и, возможно, уже преодолевая его, писал не так давно (1996 г.):

? НҚZ вБГ Z®« XhB< r'z f~ЎZ
 ЯЕ%oJ†
 ? вЎ~ñ ~sB† ЯЕ%oJ† д... дГ•f Jμ<
 Jh

Отчего таджика на его собственной земле поносят?
 Может быть, это ошибка, что я родился таджиком?

Историософия таджикского национализма

Наряду с чрезвычайно влиятельным негативным образом исторического опыта таджиков, проникшего из художественной среды также и в публицистику и науку, в гуманитарной среде делаются попытки выработать позитивный и относительно оптимистический вариант самоидентификации.

Именованье «Таджики»

Начало марксистской гуманитарной школе было положено литератором Садриддином Айни (1878–1954) в его исторических и филологических работах, литературных произведениях.

Айни получил образование в бухарских медресе и большую часть времени проводил в Бухаре вплоть до её аннексии Советской Россией в 1924 г. Вторую половину жизни он провёл по большей части в Самарканде, часто и надолго приезжая в Душанбе. Задолго до Бухарской революции 1920 г. он занял заметное место в литературной жизни Бухары. После падения эмирата, благодаря своей близости к коммунистической элите, прекрасному образованию и бесспорному литературному таланту, он при жизни превратился в живого классика, зачинателя таджикской советской литературы (его называли «таджикским Горьким»)(17).

Его влияние на последующую историю таджиков весьма двойственно, однако для нас важно то обстоятельство, что Айни оказался первым разработчиком совре-

менной таджикской национальной историософии — его исторические очерки, мемуары, романы и повести (большая часть из которых касалась эпохи конца XIX и начала XX вв.), задавая временные и географические контуры истории и выделяя в ней значимое содержание, вырабатывали своего рода архетип для последующих разработок профессиональных таджикских историографов.

К неоспоримым заслугам Айни, в частности, может быть причислена его работа по наполнению историческим смыслом самого этнонима «таджик». На концепте «таджик», общем знаменателе для всех возможных вариаций осмысления себя в прошлом, следует остановиться подробнее.

Если отвлечься от многочисленных деталей и оговорок, то в самом общем виде проблема может быть представлена в следующем виде. Таджикими ныне зовётся иранское население Средней Азии, говорящее на одном из вариантов языка *фарси* (ново-персидского), по своим базовым лингвистическим параметрам тождественном языку современного Ирана. Наиболее существенное отличие таджиков от их соплеменников, живущих в Иране, лежало и лежит не столько в языковой плоскости, сколько в конфессиональной: иранцы Средней Азии — по преимуществу сунниты, в то время как подавляющее большинство жителей Ирана — шииты.

Вместе с тем, если говорить о среднеазиатской социальной самоидентификации в эпоху русского завоевания (середина XIX в.), в традиционном мировидении не было места «национализму» в европейском смысле этого слова. Сам критерий этничности, если и осознавался, то неизменно оспаривался, будучи помещённым в контекст иных, более влиятельных средств идентификации — а) конфессиональная принадлежность (мусульманин–христианин–атеист, суннит–шиит), б) подданство (бухарец, хивинец, кокандец, афганец, русский, англичанин), в) место происхождения или жизнедеятельности (бухарец, самаркандец, ходжентец, ташкентец и т. п.). Такой способ идентификации применялся по отношению к оседлому населению. Иранец, равно как и оседлый тюрк, осознавал себя оседлым мусульманином-суннитом, происходящим из некой географической точки. Не более того.

Для кочевых народов эти способы идентификации аккумулировались в племенном имени (казах = «из племени казахов», узбек = «из племени узбеков» и т. д.). Эти племенные имена имели мало общего с европейским «этнонимом», обозначая скорее принадлежность к некому специфическому социальному организму, или административной единице, или географическому региону.

К моменту русского проникновения в Среднюю Азию во второй половине XIX в. иранское население в европейской системе понятий оказалось как бы «безымянным». За иранским населением Средней Азии в русской литературе постепенно стало закрепляться древнее именование «таджики», которое существовало с незапамятных времён, но никогда не было чистым *этническим* названием(18). Оно стало применяться к ним русскими чиновниками и востоковедами в качестве *этнонима* по аналогии с племенными тюркскими именованьями, истолкованными как именование народа(19).

Садриддин Айни одним из первых попытался наполнить конкретным историческим содержанием этноним «таджик». В 1926 г. он издал книгу «Образчики таджикской литературы» (*Namunai adabiyat-i tajik*), в которой излагается история литературы на таджикском языке (т. е. фарси, ново-персидском) начиная с X в. Он представил культуру, и в первую очередь, литературу ирано-язычного населения как главное содержание исторического опыта таджиков, как главное оправдание их существования. Причём, основным критерием причисления того или иного литературного собы-

тия к таджикской культурно-исторической традиции явился язык *фарси*, который в советском пространстве после разработок Айни и ряда русских филологов-востоковедов (как, например, Е.Э. Бертельса, И.С. Брагинского), стал именоваться *персидско-таджикским*(20).

Ставка Айни на литературную историю была не случайной, но вполне обусловленной менталитетом как самого Айни, так и множества его соотечественников. Литература, изящная словесность традиционно воспринимались иранским сознанием как высший продукт человеческой культуры, поэт, литератор обладали почти пророческим статусом.

Таким образом, вся иранская средневековая литературная традиция *на языке фарси* (таджикском), где бы она ни создавалась — на территории Средней Азии, Ирана, Индии, Турции, Азербайджана, — в идеале признавалась культурным наследием таджиков, как носителей этого языка.

Следующий значительный шаг был сделан Б. Гафуровым, который в целом ряде общих «Историй» таджикского народа обрисовал основное содержание *событийной истории* таджиков, и, соответственно, конкретно-фактологическое наполнение этнонима «таджик»(21). Работы Б. Гафурова сыграли большую роль для самоутверждения таджиков в ряду народов СССР и в особенности народов Средней Азии.

В связи со становлением в соседних тюркских республиках собственных национальных историй разгорелись споры о приоритете той или иной нации в создании среднеазиатского культурного наследия. В соседних тюркских республиках собственная *этническая* история разрабатывалась как *история территорий*. Этим понятием автор называет такой подход, при котором культурным наследием того или иного этноса признаются все исторические имена и артефакты, имеющие отношение к территории современного его расселения. Следуя этому принципу, например, казахи считают *казахским учёным* средневекового мыслителя Фараби, жившего за несколько столетий до появления в Средней Азии казахских племён, исходя из того, что происходил он с территории современного Казахстана, а древние материальные и письменные памятники Хорезма, междуречья Амударьи и Сырдарьи рассматриваются творением узбекского этноса, хотя узбеки начали завоёвывать эти территории лишь с конца XV в. Историографии такого типа нацелены на обоснование «исконности» обитания титульной нации на занимаемых ею землях. Следует отметить, что этот «территориальный» критерий в конструировании этнического прошлого впервые оформился в зрелую методологическую доктрину в турецкой исторической науке в первой половине текущего столетия, что непосредственно повлияло на концептуальные стратегии тюркских народов СССР(22).

Б. Гафуров в противоположность «истории территорий» выстраивал историю таджиков как историю живого этноса с подвижными, исторически обусловленными границами. Согласно Б. Гафурову, география истории таджиков никак не совпадает с географией границ Таджикской ССР (именно этот тезис вызвал наиболее острую критику у приверженцев «истории территорий»). Этот подход осуществлялся а priori уже в исследованиях Айни. Однако работы последнего предназначались для таджикского читателя. Целью же Б. Гафурова было обосновать эту идею в терминах современной науки, с подчёркнутой опорой на западноевропейскую и русскую школы востоковедения, а также широко обнародовать результаты этого подхода(23). Работы Б. Гафурова важны как систематизация новейшей научной информации, собранной европейским востоковедением. Вместе с тем, его «Таджики» стали «азбукой» для всякого образованного таджика и непременным элементом домашней библиотеки.

Попутно отметим, что ныне основным продолжателем Б. Гафурова в разработке средневековой событийной истории является академик Н. Негматов, известный историк и археолог, итоговой публикацией которого явилась монография «Государство Саманидов» (Душанбе, 1989). Она по сравнению с «Таджиками», значительно расширяет и уточняет фактографическую базу раннесредневековой истории таджиков. Сугубо историософские построения Н. Негматова, к которым академик почувствовал вкус в последние годы, не лишены интереса, однако носят несколько отвлечённый характер(24).

Филология и революция

Уже в трудах Айни узнаваемы те магистральные направления, по которым станет развиваться таджикская историческая наука.

История прошлого для таджика — это по преимуществу история его литературы. В осмыслении исторического бытия, безусловно, лидировали литературоведы, поэты и писатели — в этом, как представляется, заключается важная особенность исторического знания в Таджикистане(25). Лидерство литераторов, их влияние на умы таджиков до сих пор остаётся в силе.

В гуманитарной науке, традиционно близкой к кругу литераторов, первенствовали историки литературы. В силу своей профессиональной деятельности они обладали знанием арабской графики, что во многом и определяло их роль. Владение арабской графикой позволило им исполнять для общества функцию главных передатчиков и — что ещё важнее — интерпретаторов того знания о прошлом, которое только они были в состоянии добыть из первоисточника.

Литературоведение — пожалуй, наиболее развитая и приближенная к мировым научным стандартам отрасль гуманитарной науки. В Таджикистане сложилась хорошая школа текстологии, представители которой умеют прочитывать и издавать рукописи на мировом научном уровне (А. Афсахзод). Создан целый ряд научных библиотек и архивов восточных рукописей. Рукописи собирались по всей Средней Азии преимущественно в послевоенное время, силами сотрудников академических институтов. К сегодняшнему дню введено в научный оборот множество средневековых текстов, был создан значительное по своему объёму и научной ценности собрание исследований о персоналиях, истории и теории классической персидско-таджикской литературы (как, например, работы А. Мирзоева, Т. Зехни, Р. Хади-заде а также широко известные за пределами Таджикистана работы Р. Мусульманкулова). Возникла и зрелая научная школа фольклористики (Р. Амонов, Б. Шермухаммадов, Р. Рахмони), литературной критики и истории советской таджикской литературы.

Литературоведение и история языка — одна из немногих областей, которая не только питалась соками русской науки, но и заметно повлияла на неё. Автор имеет в виду целый ряд русских востоковедов, прошедших школу в академических институтах Душанбе и сформировавшихся как учёные в 50–60 гг. при непосредственном участии таджикских коллег (М. Занд(26), В. Лившиц, В. и Л. Демидчики и многие другие).

Именно в сфере филологии и языкознания зародилось несколько магистральных направлений пересмотра стандартной советской истории таджиков, а также выработки новой самоидентификации, обращённой в будущее. В первую очередь, автор имеет в виду движение за реабилитацию языка, классической литературы и письменности.

Упадок в языкознании и засорение таджикского языка начинают приобретать угрожающие масштабы уже к началу 1950-х гг., т. е. со вступлением в активную жизнь

первого «советского поколения», сформированного советской школой: в 1952 г. в Институте языка и литературы АН Таджикской ССР впервые было решено открыть дискуссию о культуре речи с привлечением лингвистов и филологов(27). Проблема состояла в ошибочном словоупотреблении, словообразовании, построении фраз, а это всё противоречило стандартным нормам языка. Отклонения от языковой нормы в подавляющем большинстве случаев были вызваны мощным влиянием русского языка. Русский язык господствовал в сфере государственного делопроизводства, в негуманитарном высшем образовании и науке, средствах массовой информации. Особенно плачевной была ситуация с неологизмами, которые бездумно калькировались с русских первообразов.

Многие из таджикских гуманитариев отдали дань проблемам культуры речи, но за советское время мало что могли изменить(28). Таджикский язык продолжал существовать в некой «резервации», его хождение было ограничено бытом и узким пространством гуманитарной науки.

В конце 80-х гг. борьба за чистоту языка и его реабилитацию в современной жизни превратилась в центральную проблему гуманитарной мысли. В 1989 г. в периодической печати прошла бурная дискуссия относительно придания таджикскому языку статуса государственного, в которой участвовала практически вся гуманитарная элита(29).

Таджики первыми в советской Средней Азии подвергли ревизии распределение ролей между таджикским и русским языками в культуре и социуме, выступили за превращение национального языка в государственный, и первыми добились успеха (июль 1989 г.).

Однако исправление современного языка было бы невозможным без разработок в области языка классического, который и являлся источником нормы. Зафиксированные в классической литературе формы признавались главным критерием правильности тех или иных элементов современного речи. История классического литературного языка, как влиятельное исследовательское направление впервые было обозначено Садриддином Айни. В 1938 г. он создаёт первый за советское время толковый словарь таджикского языка(30). В 60-х гг. в Институте языка и литературы был подготовлен двухтомный «Толковый словарь»(31), явившийся одним из наиболее значительных достижений таджикской науки за советское время и получивший признание в мировой иранистике. Одновременно с этим шло переиздание на кириллице классической литературы. Как правило, эти издания сопровождались небольшими словарями, в которых толковалась архаичная таджикская лексика.

К 80-ым эти усилия хотя бы в какой-то мере восполнить потерю классического наследия дали очевидные результаты. В среде молодых гуманитариев всё большее значение придаётся красоте и правильности письменного и устного языка. Прежде считалось, что досоветский литературный язык «был языком господствующего класса», а С. Айни и другие создатели советской таджикской литературы «приблизили язык к народу», подвергнув его «демократизации», избавив от избыточной сложности. Теперь эта концепция отменяется: писать «красиво» — избегая стандартных способов выражения и как можно шире используя лексические и идиоматические ресурсы языка — в среде молодых гуманитариев становится модным.

Вместе с тем, опыт переиздания на кириллице классических текстов показал всю трудоёмкость попыток перевести литературное наследие на новую систему графики (всё равно останется что-то непереуведённое, а значит и недоступное). Поэтому параллельно с ревизией истории языка в конце 80-х гг. пересмотрена официальная трак-

товка смен письменности (арабица–латиница–кириллица). Призывы к возврату к арабской письменности стали общим местом в публицистике после нашумевшей статьи философа Мирбобо Миррахимова (1988 г.) (32).

Таким образом, в настоящий момент в Таджикистане существует две параллельные системы письменности. Кириллица продолжает оставаться официальной и главной системой, но наряду с ней всё большее значение обретает и арабица (*хатти ниёгон* — «письменность предков») — её изучают в таджикских школах, на ней издаётся часть книг, малая часть периодики. Возвращение арабицы связано и с установлением более тесных связей с Ираном: таджикские книги издают на арабице, в частности, чтобы сделать их доступными иранскому читателю.

Кроме того, таджикское «филологическое вольнодумство» концентрировалось вокруг проблемы возвращения парадигматического статуса досоветской литературе в полном объеме, освобождения её от идеологической цензуры. Львиная доля персидско-таджикского литературного наследия состоит из текстов религиозной, мистической (суфийской) направленности. В советское время чрезвычайно ревниво относились к религиозной линии в классической литературе и старательно умалчивали её.

Движение за реабилитацию полного собрания классической литературы вылилось в повальный среди молодежи интерес к религиозной письменности. Первые исследования и публикации образчиков богословского и мистического наследия в Таджикистане относятся ко времени перестройки. В 1991–1992 г., после окончательного упразднения цензуры, Таджикистан испытал настоящий наплыв переизданий старой литературы религиозного характера. Издавались средневековые и современные переводы Корана на фарси, толкования к Корану, *хадисы* («высказывания») Пророка Мухаммада, биографии Пророка, житийная литература (как, например, «Кысас ал-анбия» — «Сказания о пророках»), история мусульманства, богословская учебная литература с элементарными сведениями о мусульманстве, молитве, посте и т. п.

В результате массового издания этой литературы значительно изменился исторический горизонт таджика. Прежде сведения о священной истории являлись уделом очень ограниченной части таджиков, которые воспринимали их по преимуществу через устную передачу от людей старшего поколения. Теперь сведения об истории и практике религии оказались доступными любому. Эта литература впитывалась как образованными, так и простыми людьми. Во многих случаях она подтолкнула к духовному перевороту, к обращению к религии.

Для интеллектуалов не меньшее значение имело переиздание высокохудожественных литературных текстов мистического содержания. Мощный расцвет ислама на рубеже 80 и 90-х гг. подготавливался самой динамикой развития исторического знания. Исламизм современной образованной молодёжи во многом стал следствием её научных штудий и любознательности. Для нее ислам — это не только особый образ жизни, но неотъемлемый и чрезвычайно влиятельный элемент литературного, культурного наследия.

Бухара и Самарканд

Другая влиятельная линия пересмотра истории также связана с деятельностью филологической элиты, но имеет свои особые истоки. Автор имеет в виду территориальную проблему. На ней следует остановиться несколько подробнее, поскольку она многое объясняет в перипетиях истории таджиков в XX в.

Бухара и Самарканд, как крупнейшие центры мусульманского образования в этой части света, в течении всего средневековья и до начала XX в. являлись главными

цивилизационными «резервуарами» таджиков, «кузницами» интеллектуальной элиты. Оба города в результате национального размежевания оказались в пределах Узбекистана. Таджикский язык в них вскоре был выведен из официального обращения и замещён узбекским и русским. Новая система образования создавалась преимущественно на узбекском языке. Кроме того, большевизация обоих городов сопровождалась физическим уничтожением таджикской элиты. Коммунисты, озабоченные борьбой с исламской религией, «вычищали» носителей традиционного знания особенно тщательно. В сталинских лагерях они получили странное именование «арабисты» (те, которые попали в лагеря за знание (sic!) арабской графики).

Таджики из городского «книжного» народа в одночасье превратились в сельский и даже «бесписьменный» народ (вспомним о смене графики). Сельский Таджикистан начал заново создавать городскую культуру в Душанбе — городе, построенном русскими на месте небольшой деревни. Новая столица таджиков приобрела типовой советский облик, глубоко чуждый таджикской городской традиции. Присоединённый к Таджикистану в 1929 г. Ходжент (Ленинабад) не смог восполнить мощный интеллектуальный потенциал Бухары и Самарканда, хотя и стал главным поставщиком кадров для таджикского коммунистического истеблишмента.

Бухара и Самарканд, как и всякие национальные столицы, исполняли важную функцию унификации регионального разнообразия диалектных таджикских субкультур. Обе столицы являлись генераторами и хранителями наддиалектного литературного языка (в несколько изменённом виде унаследованного современными таджиками) — они принимали в «своё чрево» провинциалов и, окультуривав их, отправляли назад в провинцию в качестве культурного образчика. До сих пор в Душанбе главными знатоками литературного языка, элитарного этикета остаются выходцы из Бухары и Самарканда, до сих пор наиболее престижен брак с культуртрегерствующим партнёром из этих городов.

С отчуждением двух городов таджики претерпели значительную внутриэтническую дезинтеграцию. В таджикском этносе начался ожесточённый спор за цивилизационный приоритет тех или иных диалектных групп. Лишённое «головы» «тело» этноса расчленилось, и таджикам вновь пришлось вступить на уже некогда пройденный путь этногенеза. Именно в этом заключается одна из влиятельных движущих сил гражданской войны в Таджикистане.

В названных аспектах проблема Бухары и Самарканда коренным образом отличалась от большинства других территориальных проблем на территории СССР.

Уже в 20–30-е гг. таджикские коммунисты были недовольны и разочарованы результатами национального размежевания. Таджикская коммунистическая верхушка потратила немало сил для того, чтобы вернуть эти города. Во главе этого движения был А. Мухиддинов (сын бухарского миллионера, оказавшийся во главе компартии Таджикистана), а также коммунисты Шириншо Шотемуров, Аббос Алиев.

На публичные обсуждения проблемы Бухары и Самарканда с самого начала был наложен запрет, который действовал почти до самого распада СССР. Однако если прежде проблема спорных территорий обсуждалась келейно внутри партийных структур, то в 80-е гг. проблема подхватывается гуманитарной интеллигенцией. Целый ряд писем был оправлен по этому поводу в ЦК КПСС и правительство. Насколько нам известно, последнее такое обращение в 1990 г. к М.С. Горбачёву и Э.А. Шеварднадзе, подписанное первыми именами гуманитарной элиты Таджикистана, являлось настоящим манифестом по поводу спорных территорий. Текст потом в копиях получил широкое хождение в таджикской среде(33).

Письмо представляло собой пространную (объёмом в 2 или 3 а. л.) справку об истории таджиков Бухары и Самарканда до нынешних дней и сопровождалось многочисленными документальными материалами и статистическими таблицами о численности таджикского населения на узбекистанских территориях. В письме формулировалась просьба наделить культурной автономией таджикские районы в Узбекистане, позволить узбекистанским таджикам иметь в паспортной графе о национальности отметку «таджик», открыть необходимое количество таджикских школ, разрешить издание периодики и литературы на таджикском и т. п. Такого рода письма, нацеленные на то, чтобы привести в соответствие административные границы СССР с географическим ареалом расселения таджикского этноса — знак окончательного освоения таджиками европейской парадигмы национализма.

В Таджикистане территориальная проблема окончательно легализуется на рубеже 80–90-х гг. (34). Две монографии историка Р.М. Масова, посвящённые национальному размежеванию, подытоживают на академическом уровне процесс накопления информации по проблеме и её осмысление (35). В своих монографиях исследователь публикует обширный материал архивов, касающийся «таджикских территорий», перешедших к Узбекистану. Им изданы протоколы заседаний комиссий по размежеванию, специальных комиссий по «таджикскому вопросу», стенографические отчёты разного рода заседаний Средазбюро ЦК РКП (б), обширный материал статей на эту тему, опубликованных в конце 20-х гг. в партийных изданиях, и множество других документов. Судя по приведённым документам, практически все участники национального размежевания отдавали себе отчёт в том, что ряд территорий Узбекистана, включая Бухару и Самарканд, заселены преимущественно таджиками. Однако при поддержке московских коммунистов, делавших ставку на тюркский «революционный» элемент, такого рода обсуждения заканчивались в пользу узбекских товарищей.

Публикации Р.М. Масова превратились в Таджикистане в общепризнанную версию истории национального размежевания и документированное обоснование исторических прав таджиков на Бухару, Самарканд и другие таджикские районы Узбекистана. Параллельно с легализацией проблемы городов происходил критический пересмотр оценок Бухарской революции (1920 г.) и последовавшей гражданской войны (36).

После распада СССР пал цензурный запрет на откровенные оценки в адрес тюркских народов, традиционно почитавшихся антагонистами иранцев-таджиков. В советское время нелюбезные оценки в адрес тюрков были под полным запретом. Так, приступая к описанию узбекских завоеваний, наиболее болезненных для среднеазиатского иранизма в культурном и территориальном плане, автор не мог не сказать нескольких слов о «вековом братстве таджикского и узбекского народов» (эта особая «этикетность» интернационалистической поэтики особенно тщательно прописана в «Таджиках» Б. Гафурова). Тем не менее, теперь, когда такого рода запреты будто бы сняты, нападки на тюрков в исторической литературе встречаются довольно редко. Эпоха изменилась, таджики и узбеки живут теперь порознь. Однако проблема национального размежевания и современная судьба таджиков в Бухаре и Самарканде — пожалуй, одна из немногих тем, где авторы не берут на себя труд воздерживаться от весьма жёстких характеристик по отношению к узбекам. Благодаря тиражированию этих разработок в периодической печати (особенно, в 1990–1992 гг.), прежний «светлый» образ большевистского завоевания Средней Азии и его последствий сегодня для таджикского сознания в целом, как кажется, окончательно дискредитирован.

Если говорить о дискредитации коммунистического прошлого, то нельзя не упомянуть имени философа и политолога М. Миррахимова. В 1988–1989 гг. М. Миррахимов был автором целой серии острых статей, в 1990–1991 гг. — он стал главным редактором первой в республике нелегальной газеты демократического толка («Растохез»), в 1992 г. — руководителем Гостелерадио в коалиционном правительстве (37). Его публикации в «Растохез» и других изданиях на таджикском и русском языках, а затем его деятельность в правительстве носили радикальный антикоммунистический характер и оказали существенное влияние на умы.

Итоги пересмотра истории последних 150 лет, и в особенности времени революции и национального размежевания отражены в небольшой, но этапной по своему значению монографии А. Халикзаде «Политическая история таджиков от эпохи русского завоевания до сегодняшнего дня». А. Халикзаде в 1989–1992 гг. был видным деятелем таджикского культурного возрождения, в 1992 г. в связи с поражением демократической и исламской оппозиции в гражданской войне эмигрировал из Таджикистана. Однако к середине 90-х гг. отошёл от политики и смог вернуться в Душанбе, где с помощью западных благотворительных фондов организовал исследовательский центр и издательство. Его монография явилась первым опытом именно *политической* истории эпохи русского проникновения в Среднюю Азию, которая в советское время более всего пострадала от идеологической тенденциозности. Автор пишет подчёркнуто беспристрастно, что в целом ему удаётся — за исключением некоторых пассажей, в которых можно угадать некоторую недооценку позитивных сторон русского влияния в формировании сегодняшнего облика таджиков (38).

Арийская проблема

На рубеже 80-х и 90-х гг. зародилось и совершенно новое и, на первый взгляд, неожиданное явление — всплеск сочувствия среди образованных таджиков к зороастризму и к их арийскому прошлому вообще.

«Арийская ориентация», не имевшая большого значения для традиционного ирано-исламского сознания, превратилась в один из действенных элементов самоидентификации современных таджиков (равно как и иранцев) под влиянием европейской научной литературы по арийской проблеме. Проблема происхождения зороастризма в Средней Азии, его последующая история на этих территориях подробно обсуждались в «Истории таджикского народа» и «Таджиках» Б. Гафурова. Немалое значение имели исследования и переводы зороастрийских текстов, издаваемых русскими востоковедами. Московский востоковед И.С. Брагинский, — обращавшийся к «Авесте», — активно общался с таджикскими гуманитариями и имел среди них учеников. Хорошо известен в Душанбе петербуржец И. Стеблин-Каменский, впервые издавший свои русские переводы из «Авесты» в душанбинском журнале «Памир», а потом опубликовавший их в Душанбе отдельной книгой (39). Способствовали и археологические открытия в Таджикистане и за его пределами, много ярче, чем сохранившиеся письменные источники, осветившие доисламскую эпоху в истории иранцев. Всё это постепенно превратило зороастрийское культурно-религиозное наследие в существенный элемент самоидентификации и, одновременно, во всё более влиятельное направление в исследованиях (40).

Хотя на территории СССР не существовало зороастрийских общин, на зороастрийскую тематику в советское время распространялись та же подозрительность цензуры и те же ограничения, что и на действовавшие в стране религии. Поэтому интерес таджиков к зороастризму смог в полной мере проявиться только в последнее

время с исчезновением такого рода цензуры. Это хорошо видно благодаря материалам недавних научных конференций, отражающих самые последние разработки исследователей, зачастую ещё не дошедшие до стадии публикации. Большое место занимает выявление арийских и авестийских корней в средневековой и современной культуре таджиков, а также исследование самой авестийской традиции(41).

В начале 90-х гг. в Душанбе возникло общество любителей арийских древностей «Ориёно» («Ариана») культурно-просветительской ориентации. Связи между душанбинскими интеллектуалами «арийской ориентации» и общиной иранских зороастрийцев, рассеянных по всему миру от Швеции и до Австралии, значимы до сих пор. В частности, таджикские исследователи участвуют в регулярных научных конференциях, посвящённых истории зороастризма, которые периодически проводятся в Сиднее (австралийская община зороастрийцев), а также в ежегодных научных конференциях, организуемых западноевропейскими зороастрийскими благотворителями в различных странах мира. Так, в 1996 г. такая конференция состоялась в Душанбе, в 1997 г. в Голландии, а в 1998 г. — в Германии (42).

Однако надо отметить, что таджикское «арийское движение» в Таджикистане (и в Иране) не имеет связи с радикальными националистическими течениями, как это было в Германии в первой половине XX в., или как это произошло сейчас в России. «Арийская» ориентация на уровне индивида чаще всего мирно соседствует с иными аспектами исторической идентификации. Временами «арийство» входит в противоречие с «религиозной» компонентой. Заметная часть образованных таджиков видит прошлое своей культуры как самовыражение иранизма, незамутнённым порождением которого и была Авеста; в средние века, по их мнению, этот изначальный иранизм развивался вопреки исламскому диктату. Причём, эта антиисламски ориентированная иранофилия привержена некоему «секулярному» арийству, арийству как «чистой» культуре и воспринимает Авесту скорее как литературный текст. «Секулярное арийство» замечает тот идеологический атеизм, который был унаследован таджикским сознанием от советских времён.

Новый контур прошлого

Описанные выше линии — проблема языка и литературной традиции, письменности и территорий, в общих чертах уже проработанные в последние годы перестройки, легли в основу выработки новой культурной и государственной идентичности, оказались отправными её точками.

Специфика таджикской самоидентификации заключается в том, что в ней с самого начала отсутствовала этатическая компонента. За отдалённую этатическую параллель для нынешнего Таджикистана после трудов Б. Гафурова бралось государство Саманидов, просуществовавшее в Средней Азии с IX до начала XI вв.(43). В ближайшей исторической ретроспективе нет такого государства, наследником которого можно было бы расценивать Таджикистан(44). Это отчётливо осознаётся таджиками. Более того, в литературе «плача», «самоотрицания» это обстоятельство — отсутствие опыта государственной самостоятельности — представляется как одна из причин нынешней беспомощности народа.

Совсем недавно академик М. Шакури (Шукуров) попытался объединить ряд влиятельных концептов самоидентификации — как то «язык» и «литература», «государство Саманидов» и «историческая территория распространения этноса», «арийское начало» и «мусульманское наследие» — на основе общей генерализирующей

идеи. Он обращается к реконцептуализации в современных терминах старых представлений об особой культурной выделенности Великого Хорасана (*хуросони бузург*), как культурно-географической области, охватывающей обширные области южной и северной стороны реки Аму, и ныне распределённой между Ираном (иранский Хорасан), Афганистаном, Таджикистаном и Узбекистаном(45). Хорасан традиционно почитался в персоязычном мире средоточием иранизма, землей-родительницей иранской культуры. Привлекая историософию К. Ясперса (концепцию «осевого времени» и идею пробуждения духа как начала истории), М. Шакури подчёркивает значение Хорасана как *духовной* прародины ариев-иранцев. Своеобычная субкультура таджиков — восточных иранцев Таджикистана, Узбекистана и Афганистана — близкородственна, но не тождественна западно-иранской культуре, культуре нынешней республики Иран. Сегодняшний свой облик Хорасан, как действительное языковое и культурное единство, приобрёл окончательно в эпоху Саманидов, в период зарождения в Хорасане литературы на фарси. Хорасан, после падения Саманидов, в политическом смысле всегда был разделён между различными государственными образованиями, но, тем не менее, сохранял и сохраняет до сих пор свою культурную идентичность. Современный Таджикистан и его культура — являются частью этого хорасанского единства(46).

Как видим, тут вновь возобладал культурно-филологический подход: Саманидское государство рассматривается как «культурный предок», но не как территориальная или этатическая парадигма для нынешнего государства таджиков.

Существенным следствием этой идеи является глубинная реструктуризация самоидентичности таджиков. Во-первых, историческое самописание таджиков в традициях Айни–Гафурова вновь распространяется за рамки территориальных границ Таджикистана, подтверждая его противостояние методологическим стратегиям в «историях территорий». Однако, в отличие от ранней концепции Айни–Гафурова таджикская идентичность формулируется с большей определённой.

Дело в том, что в концепции Айни–Гафурова (и конечно, тех русских учёных, которые участвовали в её проработке) языковая и историческая идентичность таджиков привязывалась к общеиранской традиции и как бы растворялась в ней. На рубеже 80-х и 90-х гг. в Таджикистане возникла дискуссия о соотношении «иранского» (т. е. относящегося к наследию современного Ирана) и «таджикского», о соотношении «тегеранского фарси» и «таджикского фарси». Ряд исследователей настаивал на том, что таджикский фарси — это либо провинциальный диалект, либо просто «испорченный», «деградировавший» вариант того языка, которым пользуются на территории нынешнего Ирана. Ставилась под сомнение сама историческая достоверность терминов «таджик», «таджикский», наделённых чуждым для исконной иранской традиции смыслом. Этот спор естественным образом вытекал из концепции Айни–Гафурова, которые, в сущности, игнорировали действительные различия между культурными субстратами западных и восточных иранцев. В их время важно было очертить более широкую «родовую», но не «видовую» идентичность таджиков.

В концепции М. Шакури, по существу, для советского этнонима «таджикский» подобран эквивалент «хорасанский» — термин освящённый традицией и наполненный для всякого представителя новоперсидской цивилизации совершенно определённым смыслом. Именование же «таджик», будучи в некотором роде «неологизмом», заняло своё нынешнее место в силу объективных исторических обстоятельств.

В общеиранском пространстве хорасанский вариант фарси, которым пользуются современные таджики, почитался эталонным. До сих пор в Тегеране выходцы из

«познай себя, познаешь своего Бога»). Так, даже в упомянутом труде А. Халикзаде, посвящённом истории сугубо политической, познание истории тесно связывается с «самопознанием» и «самоосознанием»(47).

Вместе с тем, эта обращённость к Себе, в Себя имеет и другую сторону. Профессиональное знание о прошлом находится ныне в стадийном «состоянии Нарцисса»(48): оно поглощено изучением Самого Себя; на то, чтобы взглянуть на историческое Чужое, поместить Себя в контекст исторического мироздания пока недостаёт интереса и энергии. Это сближает таджикскую мысль с историографиями других постсоветских государств и отличает её от ситуации в России, а также, может быть, в Армении и Грузии, где присутствует самоценный интерес к внешнему миру, к историям иных народов. Таджики же пока пытаются адекватно описать Себя в контексте хотя и обширного, но Своего мира иранских народов.

Одним из немногих исключений являются разработки видного культуролога Акбара Турсунова, бывшего директора Института востоковедения АН Таджикистана, ныне работающего в США. Уже в 80-х гг. Акбар Турсунов, свободно владеющий несколькими европейскими языками и обладающий необычайно широким научным интересом, в своих исследованиях по истории иранского духа активно внедрял в таджикскую гуманитарную мысль итоги новейших разработок в мировой науке (идеи англичанина Р. Никольсона, французов Анри Корбена и А.-М. Гуашон, Сеййид Хусайн Насра — иранца, работающего в США, известных В. Иванова и Т. Гамкрелидзе, А. Гуревича и др.). Помимо прочего, исследования А. Турсунова сыграли важную роль в развитии таджикской современной культурологической, историософской и философской терминологии. А. Турсунов конструирует историософию таджиков, как историю духа по преимуществу, на фоне широкого компаративистского горизонта. В частности, в центре его исследований стоит проблема истории «культурного обмена» между таджикским субстратом и иными цивилизациями (греко-иранские, арабо-иранские, индо-иранские, ирано-византийские, тюрко-таджикские культурные контакты), в процессе которого таджикский элемент эволюционирует «от подражания через диалог к самопознанию»(49).

Обыватель и государство

Едоки хлеба

Для Таджикистана характерен достаточно большой разрыв между гуманитарной интеллигенцией и другой частью населения — тружениками, «едоками хлеба». Играет роль то обстоятельство, что средние слои населения (особенно в городах и отчасти в сельской местности) в советское время претерпели значительную степень языковой и ментальной русификации: многие из них, обучаясь на русском языке в профессиональных средних и высших учебных заведениях негуманитарного профиля, свободно оперируют только бытовым таджикским языком.

Приведу один показательный пример. Осенью 1991 г. в центре Душанбе вёлся демонтаж памятника Ленину. Поднятый краном памятник сорвался с троса, от удара у скульптуры откололась голова. Сам демонтаж, а ещё в большей степени нечаянное, но столь символичное разрушение памятника, неожиданно взбудоражили город и «раскололи» общество. Люди спорили до взаимных оскорблений: одни настаивали на том, что демонтаж — это благое дело, тождественное низвержению идолов в ре-

лигиозной традиции, другие толковали происшедшее как проявление вандализма исламистов-фанатиков и националистов. По телевидению выступали с осуждением акта вандализма суровые старики-крестьяне, грудь которых покрывали ордена времён Отечественной войны, поднялась буря протестов в прессе.

На основе частных разговоров автора с респондентами можно сделать заключение, что в обыденном сознании до сих пор действенен марксистский образ прошлого, согласно которому таджики от средневековой нищеты пришли к процветанию. Исламское возрождение для многих — враг тех благ секуляризма, которые были открыты таджикам русским завоеванием.

В целом, обыденное сознание стремится дистанцироваться от «проклятых» вопросов таджикской истории. Особенно показательна в этом отношении периодическая печать: помимо официальной информации, чрезвычайно мало фиксирует внутреннюю жизнь страны, предпочитая дайджесты событий международной жизни, развлекательную информацию вроде гороскопов, малозначительные заметки в советском стиле о замечательных тружениках, криминальную хронику (новая черта), непомерно обширные разделы частных объявлений. Газеты на таджикском языке традиционно больше ориентированы на культуру, но также демонстрируют глубокий тематический и качественный кризис. Обыватель устал от судьбоносных споров, приведших, по его мнению, к гражданской войне.

Тем не менее, гражданская война показала, что заметная часть таджикского населения республики (половина населения? больше? — точными данными на этот счёт автор не располагает) восприняла идеи национального (культурного и/или исламского) возрождения. Именно эти люди являются базой оппозиции, что обуславливает политическую влиятельность и живучесть последней. Именно эти люди скупают тиражи книг, написанных на таджикском языке и посвящённых истории таджиков. Их видение собственной истории более всего приближено к концепциям интеллектуалов.

Государство и история

В Таджикистане (в отличие от Кавказа, Прибалтики, отчасти Молдовы и России) гуманитарная интеллигенция так и не смогла распространить своё влияние на властные структуры. За исключением короткого периода с мая по октябрь 1992 г. (когда у власти было коалиционное правительство) реформаторски настроенная интеллигенция никогда близко не подпускалась к власти. Драма противоречия «интеллигент и власть» наиболее актуальна именно для Таджикистана. В государственные структуры современного Таджикистана (как в исполнительную, так и в законодательную её ветви) «рекрутируются» преимущественно люди негуманитарной ориентации, а значит в большинстве своём претерпевшие ту или иную степень отчуждения от таджикского языка и культуры.

Вместе с тем, государственная власть — сталкиваясь с неизбежными гуманитарными проблемами построения национального государства, не имея собственного интеллектуального потенциала для разрешения их — бредёт нехотя, спотыкаясь и оступаясь, вслед за рекомендациями таджикской интеллигенции. Это касается постепенного укрепления таджикского языка в официальной сфере и образовании, выработки новой «национальной» государственной символики, политики переименований пространственных объектов (улиц, городов, рек и т. д.).

Наряду с Беларусью Таджикистан, пожалуй, единственное постсоветское государство, в котором произошёл рецидив риторики советского времени. Её активно эксплуатировали победившие осенью 1992 г. лидеры прокоммунистического Народного фронта, представлявшие себя будто бы партизанами времён Отечественной войны, вожаками восставшего против несправедливости народа. Текущий исторический момент толковался как борьба «красных таджиков» в союзе со «здоровыми силами» в России и Узбекистане против «исламистов» и «демократов», как борьба народного таджикского социализма с исламом, буржуазной демократией, агрессивией иностранных фундаменталистов и наемников(50). К этой пропаганде была подключена вся наличная мощь государства — контролируемые им средств массовой информации.

Однако последующие военные поражения правительственных войск в 1993–1995 гг. и начало процесса примирения между правительством и оппозицией постепенно свели «советскую» риторику на нет.

* * *

Историография в Таджикистане в узком смысле (история, археология, этнография и т. д.), как продукт колониального культуртрегерства, в некотором смысле пока сохраняет для культуры некий «иностраный акцент». Конечно, некоторые работы таджикских «чистых» историков имели заметное влияние на самосознание таджиков. Это касается и книги «Таджики», и громких археологических открытий (как, например, в Пянджикенте, Хульбуке, горе Муг), предоставивших осязаемые подтверждения образу прошлого, сложившемуся на основании чтения классических текстов. Тем не менее, историография остаётся сугубо фактографичной, нацеленной на решение частных задач. Она сохраняет некую дистанцированность от средоточия таджикского духа, от того пространства, где только и возможны чистое творчество, создание новых идей, концептов, исходящих из глубин духа и продолжающих предшествующую историю духа. Это пространство занято по преимуществу филологией и языковедением, которые играют центральную роль в гуманитарном знании о прошлом.

Несмотря на наметившиеся позитивные тенденции в пространстве профессиональной гуманитарной мысли, в целом таджикское историческое сознание переживает трудные времена. Пессимизм и негативизм, кризис самоидентификации, порождённый советским временем, не только не преодолён, но усугублен и расширен гражданской войной. Однако если раньше кризис самоидентификации касался только гуманитарной элиты, то теперь он «вылился» в массы.

Массовое историческое самосознание в целом представляется чрезвычайно фрагментированным, болезненно переживающим свою гетерогенность, плутающим в лабиринте взаимоисключающих идей. Возвращающиеся религиозные ценности часто не находят пока компромисса с наличными светскими традициями — атеистической, материалистической-панганистской; идея культурного «хорасанского единства» противоречит представлениям о сугубой своеобычности таджиков, унаследованным массовым сознанием от советских времен, и т. п. Иногда эта граница между «непримирёнными» интерпретациями проходит внутри сознания индивида. Этот кризис ныне особенно значим для сознания масс, в большинстве своем дезориентированных, стоящих на полдороги между штаб-квартирой компартии или её производных и мечтью.

Современная государственная идеология пребывает в «метаниях» и противоречиях, как в силу слабости связей между правящими кругами и интеллектуальной элитой, так и в силу неопределённости настоящего политического момента. Формально гражданская война закончилась, к власти приобщена бывшая исламская оппозиция, страной управляет вынужденный союз непримиримых идеологических противников. Пока сохраняется такая ситуация, не может быть и речи о последовательном государственном регулировании процессов выработки национальной самоидентификации, да и вообще о наличии у государственных структур сколько-нибудь определённой позиции на этот счёт.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: соответствующие разделы в классическом исследовании: *Стори Ч.А.* Персидская литература. Биобиблиографический обзор // Переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. Ч.1–3. — М., 1972.
2. *Choukourov Ch., Choukourov R.* Peuples d'Asie Centrale. — Paris, 1994. P.150–153; *Шукуров Ш., Шукуров Р.* Центральная Азия: опыт истории духа. — М.: Панорама, 1996. С.125–129.
3. Чрезвычайно показательна в этом отношении работа в 1960-е гг. над толковым словарем языка классической таджикской литературы (Фарханги забони тоҷики (аз асри X то ибтидои асри XX) // Дар зери тахрири М. Шукуров, В. Капранов, Р. Хошим, Н. Маъсуми. — Москва, 1969). В его разработке принимали активное участие несколько корифеев, получивших высшее образование ещё до революции и знавших наизусть множество поэтических текстов, так и не изданных в советское время.
4. См., напр., классическую монографию: *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917–1923. — Cambridge, Mass.&London, 1964, в особенности, главу 5 Soviet Conquest of the Moslim Borderlands, P.155–192; *Бенигсен А.* Мусульмане в СССР. — Париж: «YMCA-PRESS», 1983; С.43–54; см. также: *Malashenko A.V.* Islam versus Communism. The Experience of Coexistence // Russia's Muslim Frontiers / ed. D. Eickelman. — Bloomington–Indianapolis, 1993. P.63–78.
5. Можно вспомнить в связи с этим нашумевшую идею «конца истории» американского исследователя Фукуямы. Как представляется, сама идея «конца истории» является одним из атрибутов монистической картины мира, некоего образа прошлого, центрированного на одну, законченную в своём совершенстве модель исторического прогресса (ср. роль настоящего как кульминации истории у Гегеля). Историческое самоописание в советский период многие аспекты советского бытия объявляло свершёнными и совершёнными (ср. с общеизвестным: «Товарищи, Октябрьская революция с в е р ш и л а с ь !» (*разрядка автора*)). Исторический материализм предвосхищал Фукуяму, но не сумел отлить эту идею в звонкую историософскую метафору.
6. Назовём лишь самые яркие имена: В.В. Бартольд, А.Ю. Якубовский, М.Е. Массон, Л.В. Ошанин, М.М. Дьяконов, О.А. Сухарева, а также и многие другие.
7. См., напр.: *Мухтаров А.М., Шарипов Ш.* Академик Бободжан Гафуров. — Душанбе, 1983.
8. Таджикское издание книги появилось с более чем десятилетним опозданием: *Гафуров Б.* Точикон. Китоби 1–2. — Душанбе, 1983–1985.
9. Следует отметить, что среди таджикских национал-возрожденцев 1990-х заметную долю составляют именно те, кто побывал в период войны в Афганистане. Через посредничество таджикстанских интеллектуалов возрожденческий заряд афганской войны достиг и узбекистанских таджиков. Самарканд, ставший центром национального возрождения, породил в 1980-х яркую плеяду таджикских учёных и литераторов.
10. Намёк на спорные южные и центральные районы современного Узбекистана, населённые таджиками, историко-культурным ядром которых являются Бухара и Самарканд (об этих спорных территориях см. также ниже).
11. О роли средневекового государства Саманидов для современной таджикской историософии и официальной идеологии см. ниже.
12. Намёк на споры между таджиками и узбеками относительно этнической идентификации учёного, которые были весьма острыми в советское время, и особенно, в связи с празднованием тысячелетней годовщины со дня рождения Авиценны в 1980 г.

13. Мавлоно-Джалал ал-Дин Руми Балхи, мистический (суфийский) поэт и богослов XIII в., родившийся в Балхе, но творивший на территории современной Турции. Входит в число классиков персидско-таджикской литературы. Пользовался чрезвычайной популярностью в дореволюционной Бухаре. Эта строка намекает, по всей видимости, на советскую власть, которая воспрепятствовала хождению трудов Мавлоно, проникнутых религиозной духовностью.

14. Бехзад — знаменитый художник XV–XVI в. из Герата. Вероятно, намёк на средневековые художественные ценности, оставшиеся на территории современного Узбекистана, но признаваемые в Таджикистане иранским культурным наследием.

15. Под «бездомным» подразумевается кочевник. Это ещё один намёк на Бухару, Самарканд и другие узбекистанские территории, населённые таджиками.

16. Бозор Собир являлся автором и другого скандального стихотворения, написанного также в 80-х гг., за которое его едва не исключили из Союза писателей и которое содержало следующий крамольный сюжет. Ахмади Дониш, бухарский таджикский литератор-прогрессист XIX в., в советское время воскрес, встал из могилы и отправился по улицам Бухары. Увидев на улицах людей в кожанках, а сами улицы до неузнаваемости изменившимися, он, разочарованный, решает вернуться в могилу. Однако свою могилу он не нашёл — её уже успели снести.

Как и в предыдущей иллюстрации, центральным является мотив утраты. Исчезнувшая могила — знак, в частности, повсеместного в Средней Азии уничтожения большевиками мусульманских кладбищ и утилизации «высвободившихся» надгробных камней для строительства. В советское время заставляли хоронить на общих «советских» кладбищах, не делая различий между мусульманами, христианами, иудеями и др.

В период гражданской войны Бозор Собир активно поддержал демократическую и исламскую оппозицию. После поражения последней был арестован и провёл многие месяцы в душанбинских тюрьмах. Однако в 1994 г. по требованию лидеров вооружённой оппозиции он был выпущен на свободу и вскоре эмигрировал в США.

17. Подробную биографию Айни см.: *Брагинский И.С.* Садриддин Айни. — М., 1978.

18. Именование «таджик» фиксируется в письменных источниках, по крайней мере, со II в. н. э. в применении к автохтонным иранцам Средней Азии. В средневековье «таджиками» именовали оседлое население Средней Азии, язык фарси в классической персидско-таджикской литературе именовали также и «таджикским». Однако это употребление именованья «таджик», как этнолингвистической маркировки, не было устоявшимся в досоветское время.

19. Тема происхождения и содержания онима «таджик» породила за истекающее столетие обширную литературу, её библиографию см.: *Масов Р.М.* Таджики: история с грифом «совершенно секретно». — Душанбе, 1995.

20. См., напр.: *Бертельс Е.Э.* Персидский — дари — таджикский // Советская этнография. 1950. № 4. Репрезентативная подборка толкований именованья «таджик» и его исторического смысла (работы русских, иранских и таджикских историков и литературоведов) представлена в книге: *Tajikan dar masir-i ta'rikh* (Таджики на путях истории) / *Girdaward-u tahqiq-i Mirza Shakurzada*. — Tehran, 1373/1995. Составитель её — Мирзо Шакурзода, из таджикских эмигрантов гражданской войны, работающий ныне в Иране.

21. *Гафуров Б.* Таърихи мухтасари халки тоҷик. Чилди 1. Мухаррир А. Мирзоев. — Сталинобод, 1947. *Его же.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — М., 1949 (2-е изд. 1952; 3-е изд. 1955). Затем, Б. Гафуров был инициатором и ответственным редактором обширной коллективной «Истории таджикского народа» в трёх томах (вышедших в пяти выпусках), опубликованной в 1963–1965 гг.

22. См., например, очерк методологических принципов турецкой историографии в: *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. — М., 1971. С. 20–45.

23. Для уяснения воззрений и стратегических целей Б. Гафурова важны воспоминания о нём востоковеда и культуролога Акбара Турсунова (*Турсунов А.* Кириони саяд. — Душанбе, 1986. Очерк: Пояфроби миллат (Шаммае чанд аз рузгори Бобочон Гафуров)). О самом А. Турсунове см. ниже.

24. Несколько лет назад академик Н. Негматов опубликовал ряд работ, развивающих его теорию «исторического Таджикистана». Согласно его концепции, «историческим Таджикистаном» для древнейшей истории таджиков следует именовать обширное пространство «от Алтая до Урало-Каспия», поскольку именно эти территории являлись местом обитания арийских племён — пращуров таджиков (см.: *Негматов Н.* Таджики и Исторический Таджикистан // Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации. С. 8. *Его же.* Таджики, Исторический Таджикистан, современный Таджикистан. — Гиссар, 1992).

25. Наряду с С. Айни среди наиболее влиятельных литераторов можно назвать Сатима Улугзада (1911–1997) и Джалала Икрами (1909–1993). Они принадлежали к «переходному» поколению, сформировались как раз в эпоху перемен. Наиболее значимыми были их произведения на исторические темы.

26. В 70-х гг. М. Занд эмигрировал в Израиль, где позже в Иерусалимском университете основал известную школу иранистики.

27. *Шакури (Шукуров) М.* Мактаби одамят. — Душанбе, 1991. С. 7 (очерк «Устои чунин бояд!»).

28. Подробную историю изучения культуры таджикской речи см: *Шукуров (Шакури) М.* Хар сухан чоеву хар нукта макоме дорад. (Всякому слову своё место...) — Душанбе, 1985. С.8–15.

29. Заметное влияние на придание «историсофского оттенка» проблеме оказали работы филолога М. Шукурова (Шакури), который, опираясь на максиму Мартина Хайдеггера «язык — это дом Бытия», разрабатывал идею языка как средоточия и источника «духовности» (*маънавият*) и самого культурного бытия. Одна из его книг на эту тему так и называется — «Наш язык — это наше бытие». Автор настаивал на необходимости скорейшего расширения сферы действия таджикского языка, связывая это с самой способностью нации к выживанию (*Шакури (Шукуров) М.* Забони мо хастии мост (Наш язык — это наше бытие). — Душанбе, 1991. С.16. Ср.: *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме //Сб.: Проблема человека в западной философии. — М., 1988.).

Там же см. основные направления в полемике вокруг проблемы языка на рубеже 80–90-х гг. Тогда периодика была наводнена статьями, содержащими сходную аргументацию, см. выступления Акбара Турсунова, Абдуманона Насриддинова, Тохира Абдуджаббора и др. в сб.: Дарси хештаншиноси (Уроки самопознания). — Душанбе, 1991. Вып.2.

30. Правда, словарь был издан с опозданием почти в четыре десятилетия: *Садриддин Айни.* Куллиёт. Чилди 12: Лугати ним-тафсилии тоҷик (Словарь таджикского языка с краткими толкованиями). — Душанбе, 1976.

31. См. примеч. 3.

32. Газ.: Комсомолы Тоҷикистон, 06.01.1988. См. также: *Пайванд Г.* Замена алфавита: необходимость или план? //Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации: история и современность. — Душанбе, 1992. С.78–79. См. также статьи Сафара Абдулло, Адаш Истада, Мухаммадрахима Сайдара, Шарифа Шукурова, изданные в таджикской периодике в 1989 г. и собранные во 2 томе упоминавшегося выше сборника «Дарси хештаншиноси».

33. Текст писался упоминавшимся М. Шакури с широким использованием архивных материалов, предоставленных русским учёным Александром Вишневым, работающим в Душанбе. Затем, в письмо вносились дополнения и поправки, предложенные каждым из подписавшихся под ним. (См. также *Вишневский А.* Хакикат ва адолат («Истина и справедливость») //Газ. Омузгор, 28 ноября 1989).

Другое такое письмо, адресованное президенту Узбекистана И. Каримову и составленное в 1990 г., недавно было опубликовано в газ. Чунбиш (№ 6, 1997, с. 4). Авторы его мне не известны.

34. См., напр., подборку наиболее ярких статей из периодики по этой тематике в упоминавшемся сб. «Дарси хештаншиноси».

35. *Масов Р.М.* История топорного разделения. — Душанбе, 1991. *Его же.* Таджики: история с грифом «совершенно секретно».

36. См., напр., специальный выпуск литературного журнала «Садои Шарк» за сентябрь 1990 г. (№ 9), посвященный захвату Бухарского эмирата большевиками в сентябре 1920 г. Большевицское завоевание представлено как варварская акция, имевшая по преимуществу отрицательные последствия для таджиков (статьи Т. Тоирова, а также статья московского автора Крушельницкого в таджикском переводе). См. также: *Холиқзода А.* Тарихи сиёсии тоҷикон аз истилои Русия то имруз. С.50–56; *Шукуров Р.* Необходимость нового взгляда //Известия АН Таджикистана (серия «Востоковедение, история, филология»). 4. — Душанбе, 1990. С.74–77.

Точно так же пересматривалась история басмаческого движения, которое квалифицируется теперь как партизанская война против большевиков (одна из наиболее ярких статей: *Саъди С.* «Босмачи» ки буд? Марди ватандор (Кто такие «басмачи»? Патриоты) //Чароги руз. 1991, ноябрь.

37. После поражения коалиционного правительства в гражданской войне, он был выдан туркменами новому правительству Таджикистана и в 1993–1994 гг. провёл в душанбинских тюрьмах как политический заключённый. Сейчас М. Миррахимов живёт в Иране.

38. *Холиқзода А.* Тарихи сиёсии тоҷикон аз истилои Русия то имруз.

39. Авеста: избранные гимны /пер. с авестийского И. Стеблин-Каменского. — Душанбе, 1990. Новый вариант этой книги издан в Москве (Авеста: избранные гимны. Из Видевдата /пер. с авестийского И. Стеблин-Каменского. — М., 1993). Авестийские переводы И. Стеблин-Каменского см. также в: Авеста в русских переводах (1861–1996) /Сост., общая ред., примеч. и справочный раздел И.В. Рака. — СПб., 1997.

40. См., например, *Турсунов А.* Эҳёи Ачам (Возрождение Аджам). — Душанбе, 1984. С.19–20.

41. Приведём в качестве примера одну из международных конференций, имевших место в Душанбе в 1992 г.: Ю. Якубов в докладе «Арийцы — таджики» обсуждает проблему зороастрийских истоков этнонима «таджик», Н. Хакимов исследует образ Заратуштры в классической музыкальной традиции иранских народов, М. Ликозода возводит образы святых в «Шахнамэ» к зороастрийской традиции, Р. Рахимов и Н. Бабаева исследуют зороастрийские по своему происхождению мотивы в современных обычаях (Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации: история и современность. Тезисы докладов и сообщений. — Душанбе, 1992. С.15, 60, 76, 97).

Меньшее число докладов посвящено самой авестийской традиции (*Бекзода Л.* Место человека в Авесте (там же; с. 25), *Усманова З.* Понятие «фарн» в древнеиранской мифологии (там же. С.52).

См. также: *Курбанмаматов А.* История в «Шахнаме» и «Шахнаме» в истории //Памир. № 1–6. 1995. С.130–148.

42. Этими сведениями автор (*Ш.Р.*) обязан Равшану Рахмони, известному таджикскому исследователю таджикского, афганского и иранского фольклора, основателю и главному редактору журнала по иранской фольклористике «Мардумгиёх», за что приносит ему искреннюю благодарность. Сам Р. Рахмони активно эксплуатирует зороастрийскую тематику в своих интерпретациях фольклора.

43. Наиболее значительный вклад в исследование эпохи Саманидов сделан ходжентцем Сайидулло Абдуллоевым (Амир Исмоили Сомони. Худжанд, 1998). См. также обширную рецензию на этот труд: *Масов Р., Шерали Л., Рачабов А.* Тахкикоти тоза дар Сомоншиноси (Новое исследование в истории Саманидов) //Газ. Чунбиш (Движение). № 19. 1998. С.4.

44. Дореволюционный Бухарский эмират не подходит на эту роль, ибо это государство управлялось узбеками — во главе его находились эмиры из узбекского племени Мангыт. Таджики ощущают скорее культурную, чем этатическую преемственность с мангытской Бухарой.

45. Следует отметить, что первый шаг к наполнению новым концептуальным смыслом имени «Великий Хорасан» был сделан ещё в 1984 г. в книге А. Турсунова (*Турсунов А.* Эхъёи Ачам), однако тогда, 14 лет назад, автора интересовали скорее судьбы иранского мира в целом, чем своеобычность таджиков.

46. *Шакури (Шукуров) М.* Хуросон аст ин чо. — Душанбе, 1997.

47. *Холиқзода А.* Ibid. «Пешсухан» (Предисловие).

48. О «нарциссизме» как этническом неврозе см.: *Choukourov Ch., Choukourov R.* Peuples d'Asie Centrale. P.158–164. *Шукуров Ш., Шукуров Р.* Центральная Азия: опыт истории духа. С.129–134.

49. См., напр.: *Турсунов А.* Эхъёи Ачам; *Его же.* Исторические судьбы культур разделённых наций //Известия АН Таджикской ССР, серия востоковедения. 1991. № 3; *Его же.* Вклад таджиков в общеиранскую культуру и мировую цивилизацию //Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации: история и современность. Тезисы докладов и сообщений. — Душанбе, 1992. С.9–10.

50. От официальных лиц наиболее частые обвинения в разжигании гражданской войны слышались в адрес Саудовской Аравии, Пакистана, Афганистана и Ирана.

РОССИЯ,
КОТОРУЮ МЫ ОБРЕТАЕМ

III

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Людмила Гатагова

Народы Северо-Кавказского региона в полной мере испытали на себе весь драматизм переходного периода, поскольку они оказались в ещё более экстремальной ситуации, нежели другие российские этносы.

В обстановке разгоравшихся конфликтов (число их, включая латентные, достигало 20-ти) и ксенофобской истерии на страницах столичных газет (по привычке всё ещё воспринимавшихся как «глас Власти») северокавказские народы ощутили пугающий вакуум там, где совсем недавно покоилась навязанная сверху, но неплохо усвоенная за годы коммунистического правления, система духовных и гражданских «ценностей».

Консервативный склад национального менталитета и очевидный пиетет перед сильной властью (красноречивый пример: согласно социологическим опросам, наиболее уважаемые исторические персонажи в сельских местностях Дагестана — Шамиль, Сталин и Андропов (1)) — имманентные особенности народов Северного Кавказа. Эти особенности, отягощённые советской «имперскостью», причудливо преломились в массовом сознании в ностальгию по прошлому, ещё не так давно критиковавшемуся за ущемление национальных прав и свобод, обернулись в неприятие горбачёвской перестройки, разрушившей отнюдь не комфортный, но всё же привычный уклад жизни.

Процесс лихорадочной суверенизации в 1992 г. выдвинул на первый план разномасштабные группы региональных элит, вступивших в ожесточённую борьбу за власть. Победителям требовались идеологические средства для консолидации народов, своя «национальная терапия». Она воплотилась в этнонационализме, стремительно распространявшемся по всему постсоветскому пространству.

Доминанты массового сознания

Одним из мощных консолидирующих и «терапевтических» средств для уязвленного национального менталитета стала история. Крайне политизировавшись в бурные перестроечные годы, история оказалась серьёзным фактором воздействия на массовое сознание. Народы Северного Кавказа по своему генетическому складу всегда тяготели к прошлому, бережно сохраняя его «осколки» в современной обыденной жизни. Прошлое никогда не выветривалось из коллективной памяти, оно постоянно мифологизировалось (что, впрочем, характерно для многих народов) и обретало всё более привлекательные черты. В былом таились многие ответы на актуальные

проблемы сегодняшнего дня. К примеру, отчего Северный Кавказ превратился в зону хронической нестабильности и кровавых конфликтов? В чём причина небывалого отчуждения народов и взаимных претензий и притязаний? Только прошлое, казалось, способно ответить на эти мучительные для всех вопросы...

Северный Кавказ — совершенно уникальный регион в составе Российской Империи, СССР и Российской Федерации. Его «единственность» обусловлена чрезвычайной пестротой этнического компонента и конфессиональным разнообразием, умещающимися на весьма ограниченном (с точки зрения мировой географии) пространстве между Чёрным и Каспийским морями. Рассматривать его, как нечто целостное, представляется некорректным — слишком велики различия между местными социумами, обусловленные несхожестью и спецификой их этногенезов, перманентной сменой локализации в пределах Кавказа, продолжительной изолированностью в разнившихся друг от друга природных зонах (горных и равнинных, степных и приморских), etc. Нелишне напомнить и о психоментальных особенностях местных народов: ярко выраженная пассионарность на Кавказе соседствует с очевидной социальной пассивностью, репродуцируя совершенно различные формы массового поведения.

По этим и многим другим причинам т. н. кавказская идея (совокупность идеологических, политических и историко-культурных концепций, призванных обосновать органичность некоей общности северокавказских народов и их происхождения от единого этнарха — Таргомоса) остается умозрительной теорией, весьма далёкой от реальности. Уже в течение нескольких лет в регионе существует Конфедерация народов Кавказа, лидеры которой рассчитывают на создание в обозримом будущем единой северокавказской государственности. Эта организация всячески пыталась влиять на общественное сознание, однако её деятельность малоуспешна, если не сказать больше: уж очень разнятся и политические, и экономические, и конфессиональные, и культурные интересы местных народов и их элит. А противоречия между соседями, уходящие корнями и в отдалённое, и в совсем близкое прошлое, встают непреодолимой стеной. Массовое сознание народов отнюдь не проникается идеей общей государственности, как, равно, и собственной национальной независимости (исключая Чечню, где сепаратизм по-прежнему остаётся единственной доминантой, спланивающей чеченцев).

Северный Кавказ стал очагом хронической нестабильности и кровавых конфликтов (не говоря уже о трагической войне в Чечне, порождённой чеченским сепаратизмом и бездарной кавказской политикой федерального центра). Глубинная мотивация их связана с переплетением множества сложных факторов, в том числе непосредственно относящихся к истории, прошлому народов Кавказа. Постсоветская реальность обрушила на головы людей огромный поток исторической информации, обнажившей слишком много застарелых, болезненных противоречий... При таких обстоятельствах само печатное слово, любой экскурс в историю априорно заключали в себе конфликтогенный потенциал(2).

В республиках Северного Кавказа в первые годы «суверенного» существования имел место объективный процесс переориентации массового сознания: в местных СМИ усиленно тиражировался образ «своего» народа и «собственной», автономной от имперской, истории. Интерес к последней приобретал массовый характер. За короткий период на Северном Кавказе появилось огромное множество специальных изданий, предназначенных для популяризации исторического знания (например, журналы «Тарих», «Фонд Шамиля», «Адыги», «Вайнах сегодня», «СалиГад», альманах «Дарьял» и др.). У каждого из них имелись свои учредители и собственные ис-

точники финансирования. В большинстве случаев реальными хозяевами подобных изданий являлись органы официальной власти, либо подконтрольные им организации и коммерческие группы.

«Воспитание историей» или «воспитание» истории?

Спонтанному интересу народов к своему прошлому, обращению к исторической памяти ради поиска духовных и «этнических» опор активно способствовали региональные власти. Политические элиты, озабоченные укреплением своей власти, всячески поощряли местных интеллектуалов к популяризации исторического знания. Возрождение национального «я» тесно увязывалось с приобщением к истории. На телевизионных и радиовещательных каналах, в газетах и журналах исключительно много места уделялось исторической тематике. Особенно большого размаха это явление достигло в Дагестане. Центральный орган власти в республике газета «Дагестанская правда» из года в год усердно знакомила читателей с их собственным прошлым. Наряду с прочими сюжетами на первом плане неизменно фигурировала тема Кавказской войны(3). В республике, по существу, развернулась мощная кампания по «раскрутке» этой темы, на глазах превращавшейся из серьёзного исторического сюжета в явление идеологического и политического порядка. Общественный интерес к теме Кавказской войны имел место и в Чечне, а также в соседних республиках, однако нигде не достиг столь массового охвата, как в Дагестане. Легендарный имам Шамиль, и прежде глубоко почитаемый, превратился в подлинно всенародного героя, известного каждому, от мала до велика. Близкому знакомству с личностью имама и его деяниями способствовала не только настойчивая «обработка» населения со стороны СМИ, но и огромный вал популяризаторских изданий, в частности, практика издания большими тиражами дешёвых брошюр лубочного типа. В «Сказаниях о Шамиле», изложенных доступным языком, говорилось: «Уже в ранней юности Шамиль понял, что готовили горцам российское самодержавие и царские генералы. Он слышал, а потом и видел, как царские войска сжигали аулы, уничтожали посевы и сады, угоняли скот, убивали людей. Чувство ненависти к колонизаторам рано пронеслось в Шамиле, и он решил отдать жизнь за свободу родного народа»(4).

Однако между народами Северного Кавказа и в вопросе о Кавказской войне отнюдь не наблюдалось единодушия. В 1994 г., когда большинство республик официально отмечало 130-летие со дня завершения войны, осетины уклонившись от празднования, разъяснили своё нежелание участвовать в юбилейных мероприятиях на страницах центральной газеты: «Осетия не участвовала в Кавказской войне, точнее, её территория не была в сфере Кавказской войны, а те осетины, которые воевали, были на стороне русской армии, служили в её рядах, как впрочем, и равнинные кавбардинцы, дагестанцы (те тоже воевали на стороне русской армии)... Попытки же Шамиля вовлечь Осетию в Кавказскую войну оказались неудачными и не имели никаких последствий. Таким образом, у нас не было прямого к тому повода, чтобы отмечать эту дату»(5).

Во всех республиках Северного Кавказа вскоре обнаружили приоритетные исторические темы. Чеченцы сконцентрировались не столько на самой Кавказской войне, сколько на важном для них прецеденте создания государственности — Имамата

Шамяля. Адыги-черкесы сосредоточились на последствиях махаджирства и трагедии этноса, частично уничтоженного или рассеянного по миру. Для репрессированных народов (ингуши, балкарцы, карачаевцы и другие) массовый интерес сфокусировался на преступлениях эпохи сталинизма. В многочисленных публикациях на эту тему сквозило чувство неизбежной обиды за причинённое зло. Ужасы изгнания и кошмарной жизни спецпереселенцев попытались воспроизвести на экране создатели художественного фильма «Холод», посвящённого балкарцам — жертвам сталинского произвола. Ингушетию упорно занимали территориальные вопросы (связанные с событиями 50-летней давности, когда после депортации 1944 г. от республики был отторгнут Пригородный район)(6).

Практически все региональные средства массовой информации уделяли огромное внимание этническому происхождению своих народов, языкам, истории письменностей и памятников культуры и архитектуры (даже в рекламно-коммерческих изданиях отдавали страничку истории)(7).

Девальвация прежних ценностей и идеалов болезненно воспринималась весьма советизированным менталитетом северокавказских народов. Крепнувшее этническое самосознание с трудом избавлялось от прежних стереотипов. Неслучайно в некоторых республиках до сих пор стоят памятники Ленину, а вполне свойственное населению рыночное мышление парадоксально сочетается с коллективизмом, приверженностью «сильной руке» и т. д. Для очень многих Иосиф Сталин остаётся образцом государственного деятеля, «державника», радевшего — не в пример нынешним «демократам» — о судьбе Отечества. На Северном Кавказе сохранились практически не тронутые процессом десоветизации заповедные «островки» социализма (к примеру, Карачаево-Черкесия, до середины 1999 г. жила под руководством назначенного, а не демократически избранного главы республики, а реальной свободы прессы попросту не существовало). Власть отождествляется с силой, а оппозиционность — с экстремизмом. Независимые издания зачастую преследуются и подавляются(8).

На Северном Кавказе после распада СССР всеобщая тенденция к взаимному отчуждению народов получила опасное развитие(9). Нараставшая напряжённость последних лет, как уже отмечалось выше, неизбежно порождала у населения обострённое чувство опасности и недоверие к соседям. Особенно это проявляется у жителей районов, граничащих с Чечнёй. Последняя даёт серьёзные поводы для опасений: перестрелки, грабежи, вооруженные нападения на мирных жителей (вне чеченской территории), захваты заложников не прекращаются. Причины кроются и в недавней войне, и в избыточной пассионарности чеченцев, с их реликтовым менталитетом, законсервировавшим уровень сознания эпохи «военной демократии», когда набеги являлись неотъемлемой частью обыденной, рутинной жизни этноса(10).

Соседние с Чечнёй республики вынуждены заниматься проблемами безопасности, укреплением кордонов и границ. Аналогичные меры принимают власти всех республик, имеющих взаимные территориальные претензии. Опасения и страхи преломляются в этническом сознании весьма своеобразно: подспудно прорывается стремление к приукрашиванию прошлого, подогревается дух воинственности и силы, собственный народ видится могущественным и непобедимым. Примечательной чертой нового мифотворчества становится предельная героизация своей этнической истории. В опубликованном в газете «Ингушетия» философском эссе под названием «Запад и Мы» (автор — А.-С. Газгиреев), воспроизводится один из сонетов Петрарки. Далее идёт следующий комментарий: «Когда Петрарка писал эти строки, а испанцы в коротких куртках и с гитарой в руках стояли под окнами своих возлюбленных и пели

им серенады, а вся Италия оплакивала трагедию Ромео и Джульетты, — наши несчастные предки таскали камни на вершины холмов, копали рвы, строили частоколы и насыпи, чтобы вступить в смертельную схватку с надвигающимися с востока монголо-татарскими ордами». Повествуя о гибели древней ингушской столицы, автор сообщает читателю, что «по большому счёту Магас пал ради становления Западной Европы»(11)!

В республиках Северного Кавказа, как и в других российских регионах, все эти годы происходил пересмотр галереи выдающихся лиц. Прежние «идолы», среди которых фигурировали в основном революционные и большевистские лидеры, герои гражданской войны, партийные и государственные сановники, безжалостно «выбрасывались» (не повсеместно и не без некоторых исключений) и на их место «водворялись» новые. Главным критерием становилась этническая принадлежность, а не реальные заслуги перед народом. Поэтому не повезло деятелям, хотя и сделавшим много для блага конкретного этноса, но «подкачавшим» с происхождением.

Центральным персонажем северокавказской истории (в большинстве республик) был «назначен» легендарный вождь горцев имам Шамиль, чей двухсотлетний юбилей с размахом праздновался на Северном Кавказе и в Москве и Санкт-Петербурге(12). Подготовка к этому событию началась задолго до 1997 г. На самом высоком государственном уровне разрабатывалась программа разнообразных юбилейных мероприятий. Летом–осенью 1997 г. прошла целая череда празднеств, торжественных заседаний. Духовное управление мусульман Дагестана организовало конференцию «Шамиль — повелитель правоверных» (11 октября 1997 г.). В Гимрах, Дарго, Ведено, Дылыме и других исторических местах, связанных с жизнью и деятельностью имама, состоялись мемориальные действия. В Махачкале намеревались воздвигнуть памятник в виде монументальной человеческой фигуры, изваять который помешал запрет ислама на изображения (живописные ли, скульптурные и т. д.) реальных лиц. В чествовании Шамиля проявилась давно зревшая тенденция к мифологизации его образа, превращению его в культовую фигуру, чуть ли не наместника Аллаха. Создатель Имамата был официально провозглашён национальным героем. Чрезмерные ажиотаж и слащавость, окружавшие юбилей, обуславливались в том числе и очевидной политической ангажированностью события. Местные элиты, поражённые «национальной озабоченностью» (которая, по меткому выражению Г. Померанца, есть чрезмерная захваченность национальным интересом, не позволяющим учитывать другие интересы), сделали всё, чтобы устроить впечатляющий политический спектакль для народов Кавказа и внешнего мира.

Канонизация личности имама, помимо сугубо конъюнктурных причин, в некотором роде способствовала этнической консолидации, укреплению национального духа и национального самосознания (в «своих» святых и героях всегда сублимируются комплексы малого народа).

Правящие политические группировки республик Северного Кавказа охотно прибегали к такому безотказному способу воздействия на эмоциональную сферу массового сознания, как всенародные празднества по случаю юбилейных дат, мероприятия, связанные с утверждением государственной атрибутики и национальной символики. Последнее, как правило, не обходилось без привлечения исторического наследия. Так, на принятом чеченском гербе были помещены девять звезд, символизирующих девять тукхумов, которые, в свою очередь, подразделялись на десятки тейпов. Герб, таким образом, отобразил исторически сложившуюся социальную структуру вайнахского общества.

В широкую кампанию воздействия на массовое сознание вылилась государственная акция по переименованию Северной Осетии в Республику Северная Осетия-Алания. Правящая элита сумела убедить народ в необходимости «приватизировать» этноним своих предков, за столбить за собой «право первородства» (словно кто-то мог лишить осетин их аланских корней?! — Л.Г.).

Вслед за Шамилем на Северном Кавказе были реабилитированы, либо вызволены из забвения не столь масштабные, но зачастую не менее колоритные фигуры: духовные, религиозные деятели, просветители, идеологи национализма, персоны, по разным причинам отвергнутые советским режимом, известные оппозиционеры, etc. (13).

Массовые переименования улиц, площадей и даже городов, начавшиеся ещё в начале 90-х гг., продолжают до настоящего времени. Город Орджоникидзе вновь стал называться Владикавказом, обрёл своё прежнее историческое имя, символизировавшее господство над Кавказом, однако в глазах осетин куда более предпочтительное, нежели фамилия грузинского большевистского деятеля с его сомнительными заслугами перед Осетией. Лидерство в области топонимики захватили чеченцы, переименовавшие — начиная с названия своей республики — практически всё. Они уничтожили бесцеремонно навязанный им Советами памятник Ермулле (так в Чечне именовали генерала Ермолова). Примеры можно множить и множить. Суть же заключается в том, что эта противоречивая эпопея переименований не стала тем предполагаемым последовательным процессом десоветизации, либерализации общественного сознания, избавления его от тоталитарных стереотипов.

Важное место в системе новых духовных ценностей на Северном Кавказе заняла религия. Рост её влияния проявлялся и в нарастании потока публикаций и в строительстве новых культовых сооружений. В Чечне и Дагестане практически каждый населённый пункт обзавёлся собственной мечетью. В других республиках исламские традиции не столь сильны, но и там строились новые мечети. Христианская Осетия отреставрировала старые и открыла новые церкви. Легализовалось преподавание исламской догматики в мектебах и медресе. Профессиональные теологи и философы ринулись просвещать население (изрядно отравленное атеизмом) в вероисповедании. Религиозная жизнь забурлила, и отчасти это походило на моду. Представители духовных и политических элит спешили отметиться в среде верующих, священнослужителей активно вовлекали в общественную деятельность.

Так же бурно и весьма политизированно процесс возрождения ислама протекал в Чечне. Тому способствовала и безобразная война, развязанная федеральной властью. Чеченская политическая элита, заинтересованная в закреплении независимости от России любыми способами, избрала политику массовой исламизации, утверждения шариатского права. Она усиленно пыталась перевести конфликт с Центром в плоскость «ислам–христианство», чтобы теснее сплотить собственный народ, а также разжалобить исламский мир и привлечь его к решению своих проблем. Дудаевская Чечня взяла на вооружение зелёное знамя ислама с его лозунгами газавата и священной войны против неверных. Однако религиозного освящения сепаратистских намерений не произошло. В конфликте с Россией (да и во внутренних раздорах в Чечне) по-прежнему просматривается сугубо политическая подоплёка.

Народ, подзабывший законы шариата, в спешном порядке знакомился со специальной литературой, адаптированной для массового читателя (к примеру, с изложением Накшбандийского тариката, различных суфийских учений, etc.), а также получил возможность ощутить нововведения на практике (система телесных наказаний, регулярное отправление молитв, обязательность для девушек вступления в брак с 15-ти лет, etc.).

Дагестан, являвшийся оплотом мусульманства на Кавказе ещё с XV в. (красноречивый пример: до 1917 г. в крае насчитывалось до 20 тыс. мечетей, после — не более 2 тыс.), оказался открыт проникновению ваххабизма (учения Мухаммада Абд аль Ваххаба, возникшего в Саудовской Аравии в XVIII в.). Ваххабиты выступают за чистоту ислама, проповедуя ту его разновидность, которая непосредственно восходит к Корану и хадисам (своду высказываний пророка). Движение ваххабитов, по мнению многих аналитиков, угрожает конфессиональной целостности в республике. Оно преследуется властями, однако его влияние и возможности по дестабилизации мультиэтнического Дагестана не стоит недооценивать.

При всём уважении, оказываемом республиканскими национальными элитами двум мировым религиям, на Северном Кавказе по-прежнему сильны языческие верования, политеистический культ природы. Люди продолжают отдавать дань незатейливым языческим праздникам, бережно сохраняя древние культовые места и посещая их в дни праздников.

На Северном Кавказе воскресли некоторые обычаи и ритуалы. Характерным примером является чеченский «зикр» (ритуальный танец с регламентированным чередованием определённых телодвижений и непрерывным заклинанием семи имён Аллаха в ритме медитации), исполнение которого вводит танцующих в экстатический транс. Зикр, исполняемый чеченскими мужчинами, призван стимулировать у них дух воинственности, агрессивность.

Возродились в самом архаичном виде явления, возвращающие народы в дикое средневековье, в частности, обычай кровной мести, восходящий к адатам (обычному праву доисламской эпохи). Ритуальные заклания животных, умыкание невест, чрезмерно пышные свадебные церемонии и похороны и многое другое свидетельствует о весьма поверхностном восприятии древних кавказских традиций (среди которых есть куда как более благородные и более уместные сегодня). Такое ложное понимание этнических традиций лишний раз указывает на очевидную незрелость и зашоренность исторического сознания местных народов. Все это как-то не вяжется с реалиями конца XX века...

Помимо религиозной литературы, все последние годы активно выпускались в свет сборники сказок, народных легенд и преданий, пословиц и поговорок. Немалую лепту во взаимное ознакомление местных народов с богатым фольклорным наследием друг друга внёс журнал «Эхо Кавказа». Крупными тиражами переиздавался знаменитый «Нартский эпос», повествующий о «героической эпохе» на Северном Кавказе.

В преподавании истории в региональной школе происходили те же процессы, что и в российской: и та, и другая пользовались едиными учебниками, утверждёнными Министерством образования Российской Федерации (это т. н. «федеральный пакет»). Вместе с тем, согласно закону об образовании 1992 г., в республиканских школах предусматривалось преподавание родного языка (в Дагестане, к примеру, семи языков), курса национальной истории, географии родного края и литературы. В школах Адыгеи есть такой предмет, как «Адыгейский этикет», изучаются национальная музыка, изобразительное искусство, народные промыслы. В Кабардино-Балкарии преподают «Этикет народов Кавказа», а в дагестанских школах — «Культуру и традиции народов Дагестана». Всё это весьма отраднo.

Власти Чечни, стараясь быть последовательными в своём обособлении от остальной России, отказались от унифицированных учебников и утвердили собственный, со своей интерпретацией чеченской и чеченско-российской истории(14). В других

республиках учителя использовали специальные пособия, а также вспомогательную литературу. Понятно, что трактовки вариативных национальных историй целиком зависели от профессиональной ответственности, интеллектуального уровня и политико-идеологической позиции каждого отдельно взятого преподавателя(15).

Отношение правящих политических элит к переосмыслению национальной истории явственно соотносится с характером взаимоотношений республик с федеральным центром. Нетрудно догадаться, насколько далеко в этом смысле шагнула Чечня-Ичкерия, полностью пересмотревшая прежнюю «фальсифицированную историю». Квинт-эссенцией новой трактовки является «четырёхсотлетняя (! — Л.Г.) бескомпромиссная антиколониальная борьба за независимость чеченского народа». Это — спущенная сверху версия, добросовестно воплощаемая в жизнь профессиональными (или не очень) исполнителями.

В некоторых случаях «социальный заказ» совпадает с мнениями авторитетных учёных, которых трудно заподозрить в умышленном искажении фактов. Осенью 1995 г. на страницах газеты «Северная Осетия» было опубликовано интервью с ведущим историком республики профессором М.М. Блиевым под красноречивым заголовком — «Союз Осетии с Россией был продиктован взаимным нормальным, здоровым интересом». Учёный доказывал, что при включении Осетии в состав Империи имел место двусторонний договор, выгодный для обеих сторон. Россия получала доступ к горнорудным месторождениям, а Осетия в лице России — надёжную защиту и возможность для осетин вернуться на равнину, откуда они были вытеснены в горы пять веков назад. Слишком суровые условия жизни в горах фактически поставили этнос на грань вымирания. В 40-х гг. XVIII в. население Осетии составляло 200 тыс. человек, а уже к 80-м гг. следующего столетия его численность возросла в несколько раз(16).

Общим для всех республиканских лидеров и элит является стремление опереться на «веский» исторический аргумент для решения своих нередко сиюминутных политических задач. Причём пожелания официального характера, адресуемые историкам, обычно выглядят вполне умеренными. Другое дело — исторические разделы программных документов оппозиционных (либо, псевдооппозиционных) партий и движений. Свободные от условностей, они не отягощены ни политическими, ни этическими запретами и оттого вольны высказываться без обиняков. Иногда и выражая истинную позицию властей...

Выше уже говорилось о Конфедерации народов Кавказа, нацеливающей народы региона на общую государственность. Историческое обоснование этой идеи базируется на эфемерной генетической общности, а в качестве реального образца указывается т. н. Горская республика 1918 г.

Две оппозиционные организации в Ингушетии — Народный совет Ингушетии и партия «Нийсхо» (впоследствии запрещённые президентом) в своём историческом разделе документально обосновывали права ингушского народа на Пригородный район Северной Осетии — отталкиваясь, разумеется, от удобной для выстраивания системы доказательств точки отсчёта.

Из 139-ти общественных организаций Дагестана в 1994 г. около 25% имели характер мононациональных объединений(17). И каждое выражало конкретно-исторические интересы своего этноса. К примеру, лезгинское движение «Садвал» ставило целью бороться за воссоединение лезгинского народа, часть которого с распадом СССР оказалась за границей Российской Федерации. А лакское движение «Казикумух» боролось за спасение умирающего родного языка и сохранение за лакцами зе-

мель, до депортации населённых чеченцами-аккинцами. Общественно-политическая организация «Адыге-Хасе» выступала за «восстановление исторической справедливости» в отношении черкесов-адыгов, едва ли не больше всех пострадавших от Кавказской войны. Движение «Адамон Цадис» в Осетии в своих уставных документах предусматривало борьбу за объединение двух Осетий — Северной и Южной. Памятуя, что в прошлом осетин не было прецедента, идеологи движения опустили термин «воссоединение», провозгласив лозунг «Один язык, один народ, одна республика» (18). Национальный Совет балкарского народа ставил своей целью полное и всестороннее восстановление в правах незаконно репрессированного балкарского народа, в т. ч. возмещение морального ущерба. Карачаевское движение «Алан», озабоченное теми же проблемами, что и родственные им балкарцы, выступало за всяческое сближение двух этносов. Экстремистски настроенные движения подобно «Конгрессу народов Чечни и Дагестана», возглавляемому Ш. Басаевым, сегодня используют квази-историческую риторику в целях политической дестабилизации, развязывания «большого джихада».

Что касается местных отделений российских политических партий и движений на Северном Кавказе, то они в полной мере адекватны всему спектру не только политических, но и исторических воззрений своих московских соратников. Поскольку на Северном Кавказе заметно более сильны позиции правых, патриотических и националистических организаций, ностальгия по Империи и Хозяину перекрывает слабые демократические ростки, прорастающие в глубинах массового сознания...

Важное место в сегодняшней жизни республик Северного Кавказа уделяется родным языкам. Телевещательные компании преимущественно перешли на местные языки, чередуя их с передачами на русском. Визуальный ряд существенно дополняет печатную продукцию в том, что касается «возвращения к истокам». Историческая литература, однако, по-прежнему издаётся на русском языке (в этом «повинно» и стремление учёных выходить за рамки узколокального мирка). Причины кроются и в утере традиции, и в неприспособленности местных письменностей (они были переведены с латиницы на кириллицу в 20-х гг.) к современным информационным требованиям — вот вполне зримый результат многолетней русификаторской политики и естественных процессов ассимиляции. Но не всё так плохо. Весьма отрадным явлением стало проведение во Владикавказе в октябре 1992 г. международной научной конференции по осетиноведению, где рабочим языком форума впервые стал осетинский (19).

Историческая наука: новые приоритеты в плену старых стереотипов

Как известно, кавказоведение в СССР в силу причин политико-идеологического характера развивалось в жёстких рамках марксистского учения, схематизировавшего и тем самым упрощавшего сложные перипетии российско-кавказских взаимоотношений. Труды столичных и региональных историков, зачастую основательные и скрупулёзные, обесценивались идеологическим догматизмом, априорно заданными схемами.

В советскую эпоху на Северном Кавказе расцвела и молчаливо поощрялась местными партийными властями практика создания «оригинальных» версий прошлого своего народа — с неременным возвеличиванием его роли — за счёт соседних этносов.

Работы местных авторов нередко наводняли сентенции, исполненные мании этновеличия. Дело порою доходило до абсурда. Национальные школы соседних республик с фактами в руках доказывали диаметрально противоположные идеи, невзирая на противоречия и переклёсты.

Не исключено, что немало современных конфликтов зародилось на страницах исторических работ, преимущественно по древней истории, ибо российско-кавказский период принадлежал к сфере партийной прерогативы и являлся запретным для любителей вольных интерпретаций.

Идеологи давали учёным предписание на изучение истории Кавказа, начиная с XVIII в., в русле партийной трактовки имперской истории. Темы и сюжеты строго дозировались, неугодные факты и события опускались, либо искажались до неузнаваемости...

Региональные истории объективно нуждались в переосмыслении, освобождении от штампов прошлого, заполнении многочисленных лакун. Только после 1991 г. местные историки осмелились писать без оглядки на центральную власть. И тут произошли любопытные метаморфозы. Свобода от партийной цензуры обернулась несвободой теперь уже от национальных элит, но, прежде всего, несвободой от самих себя. Преодолеть груз традиций советской исторической школы оказалось не так просто.

Сегодня очевидно, что освобождённая от советской цензуры историческая наука вполне широко используется уже не партийными, а национальными элитами республик в качестве влиятельного фактора воздействия на массовое сознание. Наука привлекается прежде всего для выстраивания причинно-следственного ряда разного рода политической аргументации.

Ныне подавляющему большинству региональных исследований (пользующемуся прежним методологическим инструментарием) присуща, к сожалению, безапелляционность, не подкреплённая (за редкими исключениями) серьёзными доказательствами. Им свойственна также склонность к тотальной негативизации прошлого. Суждения о жестокой экспансионистской политике, колониальном гнёте, ассимиляции, русификации, христианизации и геноциде заслоняют или крайне искажают реальную, гораздо более неоднозначную картину российско-кавказской истории. Вдохновения кавказским авторам прибавляют столичные исследователи с их демонстративным русоцентризмом и чрезмерной увлечённостью цивилизаторской миссией империи в отношении её инородцев. Неудивительно, что для них Россия становится основным объектом критики и причиной всех мнимых и реальных обид.

Увы, но обе стороны практически освободили себя от разработки и представления позитивных сюжетов, коими полна совместная история и которые могли бы способствовать гармонизации межэтнических отношений.

Опасный вирус этноцентризма проник в исторические труды, снижая и без того невысокий их уровень: сказался разрыв научных связей, финансовые проблемы гуманитарных наук, массовый отток кадров. Забвение богатых традиций исторического кавказоведения (в первую очередь, дореволюционного) и утеря элементарного профессионализма множат появление псевдонаучных концепций (20).

Дело в том, что на Северном Кавказе, как впрочем и в России, появился легион дилетантов от истории, бросившихся с пылом неопита опровергать общепризнанные в науке концепции. Весьма популярным в «вульгарной историографии» стал приём экстраполяции какой-либо древней культуры на современный этнос (В.А. Кузнецов). Так, балкарцы и карачаевцы оказались «наследниками» шумерской цивилизации

(И.М. Мизиев), все адыги — по одной версии, потомками шумеров (Кагермазов), по другой — хеттов (А. Бакиев), вайнахам, т. е. чеченцам и ингушам в качестве почётных предков «достались» древние египтяне (А. Измаилов) и этруски (Ю. Хаджиев, Р. Плиев), осетинам — арийцы (Б. Техов)(21).

Ярким воплощением вышеназванной тенденции может служить одна из книг историка-любителя из Карачаево-Черкесии А.М. Байрамкулова — «И азиатские, и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев» (! — Л.Г.). О содержании труда говорит само название. Применяя собственную методику исследования, автор не только «доказал» заявленное выше, но и опроверг походя мнения классиков и признанных специалистов исторического кавказоведения Вс. Миллера, М.М. Ковалевского, В.И. Абаева, В.К. Гарданова, В.А. Кузнецова и др.(22).

В начале 90-х гг. историки северокавказских республик оказались в сложной ситуации. Крах идеологии поставил их перед необходимостью перестройки исторического мышления, смены методологических приёмов. Вместе с тем, объективно существовала потребность преодолевать нараставшее в общественном сознании чувство катастрофизма. Историки смогли достаточно чутко уловить настроения народа, повлияли на формирование благоприятного для него духовно-идеологического фона, по-своему помогая изжить массовые этнопсихологические комплексы.

Если прежде национальным окраинам отводилась роль малозначительных «довесков» к эпической имперской истории, то отныне маятник качнулся в обратную сторону. В региональных исследованиях стала явственно проследиваться тенденция к завышению уровня политического и общественного развития этносов, их хозяйственно-экономической состоятельности и культурных достижений. Народы сказочно удревялись, «привязывались» к наиболее престижным праотцам (о чём выше уже говорилось), возрастала их численность в прошлом, невероятно раздвигались границы территории, освоенной предками, а уж степень влияния на окружающий мир превосходила все мыслимые пределы. Практика самоутверждения за счёт соседей получила ещё большее, чем при советской власти, распространение. В некотором роде иллюстрацией к сказанному может служить текст «Плана-проспекта» новой версии «Истории Кабардино-Балкарии»(23). Прежняя была издана в 1967 г. и совершенно устарела. Впрочем столь же безнадежно устаревшими выглядят все региональные национальные истории, создававшиеся в 50–60-е гг. Они, однако, далеко не в полном объёме ещё изданы в новых редакциях или заново написаны(24). Вместе с тем, на Северном Кавказе растёт объём локальных исследований (посвящённых истории отдельных местностей, городов или малых народов в пределах республик)(25).

«План-проспект» истории Кабардино-Балкарии, несмотря на схематичность и лаконичность текста, даёт представление о замысле коллектива авторов. Обширная часть первого тома посвящена древней истории кабардинского этноса. Заметно стремление исследователей расширить рамки влияния Кабарды на внешний мир. Неслучайно в тексте говорится о «Кабардинской феодальной империи». В главе, освещающей события начала XVIII в., присутствует тезис о «структуре зарождения национального самосознания» (! — Л.Г.).

Бросается в глаза громадный перекокс повествования в сторону кабардинского этноса, примерно 20 к 1 — в ущерб балкарскому (при соотношении населения — 5 к 1). И это явственно свидетельствует о неблагополучии во взаимоотношениях между двумя народами. Причины уходят корнями в послеоктябрьское время, когда большевики объединили в одну республику два генетически чуждых друг другу этноса, разнившихся уровнями социализации, степенью политической зрелости и культурного

потенциала. Исподволь копившееся раздражение большого народа против малого, и наоборот, не могло не вылиться в кризис начала 90-х гг., когда речь зашла даже о разделении республики. Последний удалось предотвратить, однако противоречия остались. В результате авторы «Плана-перспекта» ограничиваются шестью строками, посвящёнными происхождению, расселению, численности и территории балкарцев, против трёх страниц, повествующих о кабардинцах.

В официальной советской историографии годом присоединения Кабарды к России считался 1557-й, когда княжна Мария Темрюковна сочеталась браком с Иваном Грозным. В представленной рукописи эта дата отсутствует. Новая дата, 1827 год, связана с Кавказской войной, которой, кстати, посвящён обширный раздел, хотя народ Кабарды в ней практически не участвовал. В рассмотрении самой войны и её корней кабардинская историческая школа солидарна с дагестанскими и чеченскими коллегами, в частности, в вопросе о наездничестве (набеговой системе). Гипотеза о набеге, как факторе (наряду с несколькими другими), по крайней мере, способствовавшем Кавказской войне, напроочь исключается.

В конспекте второго тома (в нем освещаются события XIX в.) во множестве присутствуют малопонятные пассажи. Вот, к примеру, один из них: «Вопрос об исторической функции колониального управления: механизм интеграции кабардинского и балкарского этносоциальных ареалов в общественно-политическую систему России или их удержания в административно-полицейском гетто» (! — Л.Г.). Термины, подобные последнему, рассыпаны по всему тексту («военно-оккупационный режим», «депортация», «геноцид», etc.) и поражают воображение читателя, заставляют его недоумевать, как же маленькому этносу удалось сохраниться и даже приумножиться при столь бесчеловечных обстоятельствах исторического существования?!

При всех своих издержках новое прочтение истории Кабардино-Балкарии станет, безусловно, органичнее, методологически основательнее, насыщеннее фактурой, нежели предшествующий труд советских историков.

Как известно, общей практически для всех северокавказских народов проблемой оказались взаимные территориальные претензии. У каждого народа они имеют свою предысторию — разница лишь в отправных точках. В массовом сознании именно эта проблема вызывает наиболее обострённые чувства. Поэтому чрезвычайно болезненно воспринимаются любые, в том числе печатные, попытки посягательства на «истину». «Толкователи» территориальных споров вынуждены учитывать, что данная проблема является одним из определяющих факторов межэтнической конфликтности. Но историки всё-таки предпринимают попытки углубляться в изучение древней географии расселения предков. Исторические изыскания, как правило, выливаются во взаимные опровержения. Характерный пример — критика дагестанским историком Э.Г. Джаваховой «фальсификации истории расселения и границ проживания кумыков в работах чеченских исследователей»(26).

К проблемам, пользующимся наибольшей популярностью среди местных исследователей (помимо ключевых, о которых речь пойдёт ниже), пожалуй, следовало бы причислить внешнеполитический аспект региональной истории(27) и различные стороны социально-политической тематики(28). Разрабатываются и другие, возможно не столь актуальные, но нуждающиеся в изучении локальные сюжеты(29).

Первоочередное внимание на протяжении последнего десятилетия постоянно уделялось трём ключевым проблемам региональной истории — теме присоединений к России, Кавказской войне и депортациям 40-х гг. XX в. Большинство республик отказалось от традиционной интерпретации характера и методов присоединения се-

верокавказских народов к России, господствовавшей в советской историографии. Развитие получила противоположная точка зрения, согласно которой т. н. добровольные присоединения совершались насильственным путём, посредством экспансии имперской военной машины. И, как следствие, ничего позитивного народам Северного Кавказа не принесли. Прежние даты присоединений были отмечены и взамен появились новые. Они связывались непосредственно с Кавказской войной.

Однако и в этом вопросе среди местных народов не существовало единодушия. Более того, осетины не только не пересмотрели свою версию включения в состав Российской Империи, но и демонстративно отметили 220-ю годовщину этого события, широко освещая её в прессе(30). Выше отмечалось, что осетинскому этносу в самом деле было выгодно объединиться с Россией: к этому его толкало уязвимое геополитическое положение (окружение недружественных и агрессивных соседей-иноверцев), но, по-видимому, и понимание того, что малый народ не может быть абсолютно независим, а альтернатива — быть в составе малой империи или большой — однозначно решалась в пользу последней.

Общую суть бытующих по этому вопросу взглядов выразил адыгейский историк Д. Ожев: «Было много способов вхождения Кавказа в состав России малой кровью, но каждый раз, отвергая уже достигнутые мирные соглашения, царизм всё более сползал к звериному своему обличью»(31). В утверждении преобладают всё же эмоции, а не научный подход. Но оно как нельзя лучше отражает позиции национальных историков Северного Кавказа.

Таким образом, если до 1991 г. бытовала «партийная концепция» мирного и позитивного характера присоединения народов региона к России, то после — на смену ей пришла ровно противоположная: современные исторические школы культивируют исключительно негативные оценки. Любые благоприятные результаты и следствия от присоединений, будь то геополитические, экономические или культурные, отвергаются, либо игнорируются.

Трагическая тема сталинских депортаций, остававшаяся для историков запретной до конца 80-х гг., неизбежно попала в центр внимания, как только стало возможным её разрабатывать. Депортации, практиковавшиеся большевиками с первых лет их власти, как метод воспитания и наказания людей, настроенных оппозиционно по отношению к режиму, достигли своего апогея (как репрессивная мера) в 1944 г., когда одномоментному насильственному выселению подверглись не отдельные люди или группы людей, но целые народы! В скорбный ряд попали и некоторые народы Северного Кавказа, и именно они первыми начали говорить и писать об этой позорной странице советской истории. Характерной приметой подобных исследований является обширная вводная часть, документально подтверждающая (! — Л.Г.) невинность народа. Что касается оценок, то здесь всё было более или менее единодушно(32). Да и как ещё можно квалифицировать чудовищное сталинское деяние?!

Центральной темой научных и околонучных дискуссий на Северном Кавказе, как и следовало ожидать, стала история Кавказской войны и её оценок. В прошлом региона не было события более глобального и драматичного. Кавказоведам хорошо известно, как много связано в историографии с этим сюжетом. Парадокс заключается в том, что скоро, вероятно, интереснее станет изучать не историю Кавказской войны, а историю истории Кавказской войны — настолько занимательна и по-своему интригующа её историографическая родословная(33).

Современная интерпретация этого события в умах исследователей разных республик отнюдь не одинакова. Среди множества работ, посвящённых Кавказской войне,

и приблизительно схожих по манере изложения, стилю и выводам, особняком стоит лишь одно фундаментальное исследование двух региональных учёных — М.М. Блиева и В.В. Дегоева — «Кавказская война» (тираж 5 тыс. экземпляров). Подавляющее большинство коллег выразили категорическое несогласие с концепцией Блиева (Дегоевым написаны две главы этого монументального труда). Из последней, если сводить её к тезисному изложению, следовало, что набеги, а затем Кавказская война являлись звеньями единого процесса феодализации в горных районах Дагестана и Чечни. Россия же своей экспансией вмешалась в естественный ход вещей и из барьера на пути войны стала её генератором. Блиев также опроверг принципиальный тезис чеченской и ингушской историографии о набегах, как «антиколониальной борьбе» горцев. Сторонники такого подхода, утверждал он, не учитывают, что набеги совершались задолго до присоединения Чечни к России, когда чеченцы ещё не знали о России и её политике(34).

В огромном потоке публикаций и монографий на тему войны, к сожалению, не удалось обнаружить каких-либо концептуальных прорывов или свежего взгляда на эту чрезмерно истрепанную региональными исследователями проблему. При очевидном пополнении сюжета богатым фактическим материалом аналитическая и оценочная стороны проблемы остаются на редкость обеднёнными, однобокими и однообразными. Пожалуй, лишь суждения автора «Очерков политической истории Чечни XX века», Д. Гакаева, несколько выбиваются из общей массы. Его подход, по крайней мере, не столь категоричен и односторонен: «... Важно иметь в виду, что Кавказская война XIX века стала следствием не только военной экспансии царизма, но и внутренних раздоров на Кавказе, борьбы местных элит за власть и влияние в горских обществах»(35).

Представление о наиболее утрированном выражении позиции оппонентов Блиева можно получить у — едва ли не самого яркого из них — чеченского историка Х.-М. Ибрагимбейли. На протяжении всех последних лет Ибрагимбейли раздражался статьями (в духе посредственной публицистики, вполне ненаучными и бездоказательными), в которых обрушивался не столько даже на российский экспансионизм, сколько на «плохих историков»(36). К сожалению, Ибрагимбейли не попытался ответить своим научным противникам равнозначным по масштабу, фундаментальности и академичности исполнением трудом(37).

Впрочем упрёк в невысоком уровне профессионализма можно адресовать очень многим региональным авторам. Однако беспокойство более всего внушает отчетливо проявляющаяся на Северном Кавказе тенденция к «сползанию» исторической науки в опасную для нее область идеологии и политики.

* * *

Россия плохо знала Кавказ и населяющие его народы, но и сами кавказцы, по мнению Фазиля Искандера, недостаточно знают друг друга. Последнее сказывается и в том, что каждый народ упорно замыкается на своих частных этнических интересах, не желая считаться с аналогичными интересами соседей. Отчётливая особость этнических притязаний не исключает, однако, некоторых общих свойств, характерных для исторического сознания северокавказских народов в целом. Его очевидная незрелость и даже инфантильность обуславливают склонность к тотальной мифологиза-

ции прошлого, его непомерной идеализации и героизации. Это и многое другое порождает синдром завышенных ожиданий от таких эфемерных понятий, как «историческая справедливость» или «историческое право». Произвольность точек отсчёта в подтверждение подобных «прав» практически исключает возможность взаимоприемлемых решений каких-то спорных проблем, к примеру, территориальных. В умоглядном представлении о прошлом, как некоей парадигме современного мироустройства и миропорядка, кроется не только опасность деградации этнического самосознания, но и реальный конфликтогенный фактор.

Затяжной экономической кризис (аграрное перенаселение, безработица, люмпенизация молодежи и т. д.) вкупе с всплеском коррупции, казнокрадства, местничества и многими другими неблагоприятными явлениями, имеющими место на Кавказе, побуждают власти любыми способами отвлекать население от насущных проблем (прежде всего проблемы элементарного выживания) идеями национального мессианизма, «полосканием» мнимых и реальных «исторических обид».

Радикальный этнический национализм используется в качестве политического громоотвода, а патриотизм, навязываемый сверху, зачастую носит прагматический характер и связан с конкретными карьерными или экономическими интересами. Национальные элиты, владеющие средствами массовой информации, либо имеющие механизмы воздействия на них, без труда могут манипулировать общественным сознанием и, в зависимости от ситуации и конъюнктуры, направлять его в нужное русло: разжигать чувство ксенофобии, либо, наоборот, ксенофобии. И — апеллировать к соответствующему «историческому контексту» (на примере кровопролитного осетино-ингушского конфликта 1992 г. слишком хорошо известно, какой ценой оплачиваются опасные манипуляции и подстрекательства под благовидными предлогами «восстановления исторической справедливости»).

Трудно переоценить всю меру политической и моральной ответственности региональных элит за дальнейшее развитие событий на Северном Кавказе, уже пережившем чудовищный опыт межэтнических конфликтов...

Северокавказские научные сообщества, не без потерь пережившие тяготы переходного периода, весьма тяжело избывают издержки старого мышления и устаревшие методологические стереотипы. Новым испытанием для региональных историков (взамен имперского догматизма партийной науки) представляется «ловушка» этноцентризма. Безусловно негативными факторами являются также чрезмерная политизация научного сознания и его провинциализация. Удастся ли северокавказским учёным уберечь историческую науку от идеологических и прочих соблазнов смутного времени — покажет будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Т. Сиверцева приводит данные социологических опросов в республиках Северного Кавказа. См.: Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. — М., 1997.

2. В 1994 г. в статье «История — учительница жизни: горькие плоды учения (историческая подоплёка этнических конфликтов)» А.И. Иванчик предостерегал учёных от соблазна привлечения истории к роли судьи современности: «Судьба Кавказа и Балкан становится предупреждением для всех, кто ссылается на историческое право — будь то обладание территорией... или право считать другой народ, в особенности национальное меньшинство... историческим врагом или оккупантом... Пока история поставляет аргументы для современных споров, пока она, по выражению Цицерона, остаётся учителем жизни, вражда и кровь неизбежны» //Сегодня. 1994, 5 ноября.

3. Особенно много материалов публиковалось в т. н. юбилейные годы, в частности, в год 130-летия со дня окончания Кавказской войны, 200-летия Шамиля. См. *Магомедов Р.* Два столетия с Шамилем. Героический период истории Дагестана // Дагестанская правда. 1996. № 10, 11, 13, 16, 17; *Его же.* Комендант последней цитадели Шамиля // Молодёжь Дагестана. 1996. № 14; *Доного Х.-М.* Шуанат — жена Шамиля // Дагестанская правда. 1996. № 78; *Его же.* Князь М.С. Воронцов. Чем закончилась «Сухарная экспедиция» в Дарго // Дагестанская правда. 1996. № 103; *Абдуллаев М.* Абдулрахман-Хаджи из Согратля и его семья // Дагестанская правда. 1996. № 113, 114; *Его же.* Таким он был, имам Шамиль // Дагестанская правда. 1996. № 157. При этом в Дагестане издавалась специальная газета («Фонд Шамиля»), все материалы которой посвящались исключительно истории Кавказской войны. См., к примеру: *Ходжаев Д.* «Маршал лесной войны». Шуаиб Мулла Центоровский // Фонд Шамиля. 1996. № 2; *Магомедов Д.* Абд-эль-Кадер — повелитель правоверных // Фонд Шамиля. 1996. № 3; *Расулова Б.* Тауш Мухаммед // Фонд Шамиля. 1996. № 6.

4. *Доного Х.-М.* Сказания о Шамиле. — Махачкала-Нурул: Ислам, 1997.

5. В главной республиканской газете была опубликована статья, позицию которой, как показали опросы, разделяла большая часть населения республики. Россия и Чечня: к истории конфликта // Северная Осетия. 1995, 7 июля.

6. Непродуманное и поспешное принятие Верховным Советом РСФСР «Закона о реабилитации репрессированных народов» в 1992 г., предусматривавшего восстановление территориальной целостности пострадавших республик, привело к кровопролитной войне между осетинами и ингушами.

7. См., напр.: *Этно + Реклама.* Владикавказ, 1998. № 41.

8. См.: *Независимая газета.* НГ-Регионы. 1998. № 17; Там же. 1998. 20 августа; 28 сентября.

9. Для преодоления растущего отчуждения народов Северного Кавказа друг от друга по инициативе Р. Абдулатипова и группы политиков в 1992 г. был учреждён журнал «Эхо Кавказа», призванный ломать ложные стереотипы и сблизить народы. В этом журнале (выпускавшем тематические номера) за несколько лет было опубликовано огромное количество материалов по этнической истории народов Северного Кавказа. См., напр.: *Кумыки* // Эхо Кавказа. 1992 № 2; *Лакцы* // Эхо Кавказа. 1995. № 1; *Даргинцы* // Эхо Кавказа. 1995. № 3; *Осетины* // Эхо Кавказа. 1994. № 2.

10. Подробнее о набеговой системе см. специальную главу в кн.: *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. — М., 1994.

11. *Ингушетия.* 1998. № 54.

12. Юбилею Шамиля было посвящено несколько конференций, в т. ч. конференция в московском Парламентском центре, организованная Союзом мусульман России 20 октября 1997 г. Это мероприятие по накалу страстей, манере изложения и собственно содержанию докладов скорее походило на митинг, нежели научное собрание. К юбилею великого имама также были переизданы некоторые дореволюционные работы (напр., *Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. — М., 1991; *Иванов Р.Н.* Путешествие знаменитого пленника третьего имама Дагестана и Чечни Шамиля из Гуниба в Санкт-Петербург. — М., 1997. Действовавшие в Дагестане фонд «Тарих» и одноимённый журнал способствовали освещению малоизвестных страниц Кавказской войны и ознакомлению с ними широких слоев населения (в журнале, в частности, в 1994 г. публиковалось обращение президента Б.Н. Ельцина к народам Кавказа в связи со 130-летием Кавказской войны). В местной и московской прессе появились публикации о Шамиле: *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: избранник и жертва Кавказской войны // Независимая газета. 1997. 6 марта; *Его же.* Мирянин. Имам Шамиль по ту сторону войны и политики // Дарьял. — Владикавказ, 1998. № 1. С.138–169; *Ибрагим-бейли Х.-М.* Феномен Шамиля // Вайнах сегодня. 1997. № 2. С.16–21; etc.

13. На свет также были извлечены прежде запрещённые книги и авторы-эмигранты. Так, во Владикавказе публиковались мемуары генерала М. Кундухова, одного из организаторов махаджирства // Дарьял. 1994. № 4; 1995. № 2; в Чечне издавались труды А. Авторханова; в Дагестане воспоминания очевидца смут начала века: *Джабаш Вассан-Гирей.* Революция и гражданская война на Северном Кавказе. Конец XIX — начало XX века // Наш Дагестан. 1994. № 167, 168; etc.

14. Рассказы по истории родного края. Учебник для 6-го класса средней школы. — Грозный, 1991.

15. Весьма красноречивым примером нарушения учительской этики может служить факт, известный автору из одной школы Владикавказа. Преподаватель осетинского языка знакомил детей с известным стихотворением А.С. Пушкина «Ворон к ворону летит...», где есть такие строки: «Ворон ворону в ответ:/ «Знаю, будет нам обед;/ В чистом поле под ракитой / Богатырь лежит убитый». Детям предлагался аналог этого стихотворения (автор — классик осетинской литературы К. Хетагуров), где те же строки звучали так: «Дзуры йам фастам халон/ Сихор нын цагта у абон/ Терчы быллы та, хъаугарон/ Аугъдай лаууы махалон...». Хетагуров внёс некоторую вольность в пушкинский текст: он перенёс действие на берег конкретной реки Терек, где место «убитого богатыря» занял «повешенный ингуш»(!). В свете тлеющего осетино-ингушского конфликта трудно сыскать менее подходящие поэтические образцы для незрелой и неокрепшей детской психики...

16. Северная Осетия. 1995, 7 июля.

17. Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан. — М., 1994. С.23.
18. Гостиева Л. К., Дзядиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии. — М., 1994. С.14.
19. См.: Тезисы докладов на международной научной конференции по осетиноведению, посвящённой 200-летию академика А.М. Шегрена. — Владикавказ, 1994.
20. Об опасности «фальсификации исторического прошлого» в псевдонаучной литературе пишут и сами кавказские историки. См. предисловие к недавно изданной «Истории Дагестана». — Махачкала, 1996. С.3.
21. См.: Тарих. Махачкала. 1997. № 4. С.47–51.
22. Байрамкулов А.М. И азиатские, и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев. — Ставрополь, 1998. *Его же*. К истории аланской ономастики и топонимики. — Черкесск, 1995; Карачаево-балкарскому народу — 2000 лет. — Черкесск, 1997; Этногенез карачаевцев и балкарцев. — Карачаевск, 1997 (примечательно, что автор объединяет в своих трудах два родственного народа, искусственно разведённых советской властью в разные республики).
23. Обсуждение рукописи состоялось в Центре истории народов и межэтнических отношений Института Российской истории РАН 11 июня 1998 г., где автору довелось выступать в качестве рецензента (текст «Плана-перспекта» хранится в личном архиве автора).
24. На сегодняшний день изданы следующие работы: *Айдамиров А.* Хронология истории Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1991; *Гаджиев В.Г., Шигабуудинов М.Ш.* История Дагестана. — Махачкала, 1993 (учебное пособие для школ); *Очерки истории Адыгеи.* — Майкоп, 1994; *История Дагестана.* Курс лекций. — Махачкала, 1997; *Булатов Б.Б.* Дагестан в конце XIX — первой трети XX вв. — Махачкала, 1997; *Гасанов М.Р.* История Дагестана с древности до конца XVIII века. — Махачкала, 1997.
25. См., напр.: *Гутнов Ф.К.* Средневековая Осетия. — Владикавказ, 1993; *Абдурагимов Г.А.* Кавказская Алания-Лезгистан. История и современность. — СПб., 1995; *Гасанов М.Р.* Очерки истории Табасарана. — Махачкала, 1995; *Город Моздок.* Исторический очерк. — Владикавказ, 1995.
26. См.: *Адилсултанов А.А.* Акки и аккинцы в XVI–XVIII вв. — Грозный, 1992; Чеченцы: история и современность. — М., 1997; К теме межэтнических конфликтов относятся также след.: *Кучуков М.М.* Национальное самосознание и межнациональные отношения. — Нальчик, 1992.; Чеченцы-аккинцы Дагестана. — Махачкала, 1993; *Коркмазов А.Ю.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе. — Ставрополь, 1994; *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. — Владикавказ, 1995; *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). — СПб., 1996; *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика: уроки опыта. — Владикавказ, 1997; *Атаева Ф.А.* Роль политических партий и общественных движений в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1917–1997). Дис... канд. ист. наук. — Владикавказ, 1998.
27. См.: *Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX в. — Владикавказ, 1992; *Якубова И.И.* Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40–70-е годы XVIII в. — Нальчик, 1993; *Гамзаева Г.Ш.* Политические взаимоотношения феодальных владений Дагестана и России (конец XVIII в. — 1867 г.). — Махачкала, 1994; *Иноземцева Е.И.* Русско-дагестанские торгово-экономические взаимоотношения в XVIII в. Дис... канд. ист. наук. — Махачкала, 1996; *Пчегатлук С.К.* Внешне-торговая политика России на северо-западном Кавказе в 1800–1829 гг. Дис... канд. ист. наук. — М., 1996.
28. См. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX века. — Нальчик, 1994; *Умаханов М.-С.* Взаимосвязи народов Дагестана в XVII — начале XIX вв. Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов. Дис... канд. ист. наук. — Махачкала, 1994; *Ялбулганов А.А.* Ногайцы Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. Проблемы социально-экономического строя. Дис... канд. ист. наук. — М., 1995; *Газданова В.С.* Представление о традиционных социальных структурах в общественном сознании осетин в XIX в. Дис... канд. ист. наук. — М., 1995; *Сулейманов Б.Б.* Административно-политическое управление Дагестана во второй половине XIX в. Дис... канд. ист. наук. — Махачкала, 1998.
29. См. *Абдуллаев С.М.* Вопросы истории Северо-Восточного Кавказа середины XIX в. в работах Гасана Алкадари. Дис... канд. ист. наук. — М., 1991; *Кулихабиев А.* Черкесы в Сирии. — Нальчик, 1993; *Азаматов К.Г.* Черкесская трагедия. — Нальчик, 1994; *Дзагурова Г.Т.* Осетины в войнах России. — Владикавказ, 1995; *Магомеддадаев А.М.* Дагестанская диаспора в Турции и Сирии. Генезис и проблемы ассимиляции. Дис... канд. ист. наук. — Махачкала, 1996.
30. Северная Осетия. 1995, 7 октября.
31. Независимая газета. 1995, 28 марта.
32. См.: *Операция «Улусы».* — Элиста, 1991; *Чомаев К.И.* Наказанный народ. — Черкесск, 1991; *Шабиев Д.В.* Правда о выселении балкарцев. — Нальчик, 1992; Ссылка калмыков: как это было. Сборник документов и материалов. Т.1. Кн.1. — Элиста, 1993; *Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темкуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М.* Черкесская трагедия. — Нальчик, 1994; *Алиев К.А., Курбанов М.Р., Юсупова Г.И.* Чеченцы-аккинцы Дагестана: к проблеме реабилитации. — Махачкала, 1994; *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». — Майкоп, 1994; *Дзидзоев В.Д.* Национальная поли-

тика. Уроки опыта. — Владикавказ, 1994; *Эфендиев С.И., Ахматов И.Х., Гузеев Ж.М.* Реквием. — Нальчик, 1996; *Темухиев Б.Б.* Спецпереселенцы: в 4-х ч. — Нальчик, 1997; к теме депортаций, точнее их последствий, примыкает сегодняшний конфликт между осетинами и ингушами. См.: Пригородный район: выбор цели? — Владикавказ, 1997.

33. В.В. Дегоев в своей статье «Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени» детально изложил и проанализировал «эволюцию идеологического мифотворчества» вокруг темы войны, что избавляет автора от необходимости подробно останавливаться на этом. См.: Россия XXI. 1997. № 9–10. С.106–128. № 11–12. С.34–63.

34. См. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ соч. В одной из статей, предшествовавших книге, Блиев писал: «В 20–30 гг. XIX в. на Северо-Восточном Кавказе вызрела Кавказская война, как политически многоплановый и непредсказуемый феномен не только для Кавказа XIX в., но и для России, не понявшей её сути, но разжигавшей её» //Северная Осетия. 1995, 7 июля.

35. Цит. по: Российская Федерация. 1998. № 6(52). С.11.

36. См., напр.: Литературная газета. 1995. 22 ноября; Независимая газета. 1997. 29 апреля.

37. Тема Кавказской войны пользовалась невероятной популярностью среди историков, поэтому невозможно упомянуть все, опубликованные за семь лет работы. Вот лишь часть их: Из истории русско-кавказской войны. Документы и материалы. — Нальчик, 1991; *Идрисов М.М.* Влияние движения горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. на развитие антиколониальной и антифеодальной борьбы на Кавказе. — Махачкала, 1993; *Идрисов М.М.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторические очерки Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. — Майкоп, 1993; Национально-освободительная борьба народов Кавказа и проблемы мухаджирства. — Нальчик, 1994; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. — Махачкала, 1994; *Панеш А.Д.* Мюридизм и народно-освободительное движение адыгов Северо-Западного Кавказа (1829–1864). — М., 1994; *Вачагаев М.М.* Чечня в годы Кавказской войны (1816–1859). Дис... канд. ист. наук. — М., 1995; *Тройно Ф.П.* Кавказская война и судьбы горских народов //Кавказская война: уроки истории и современность. — Краснодар, 1996.

ИСТОРИЯ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ «НАЦИОНАЛИЗАЦИИ»

Салават Исхаков

Чрезвычайно многообразный край Поволжье и Урал, где на протяжении веков сосуществовали две мировые религии и цивилизации (причем с заметными пережитками язычества), народы различных языковых групп и традиций, можно считать уникальной лабораторией поиска и обретения не только способа сожительства этносов, но и их развития через взаимодействие(1). Несомненно, регион — одна из так называемых контактных зон человечества, своеобразие которой издавна состояло в дисперсности этносов, их «чересполосице» при невысокой плотности населения.

Как ныне пишется история народов, которые дали названия семи недавно образованным республикам: Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская — с финно-угорским и Башкортостан, Татарстан, Чувашская — с тюркским населением? В этих республиках сейчас проживает больше 12 млн. человек, среди них — 2,8 млн. татар, 1,1 млн. чувашей, 0,9 млн. башкир, 0,5 млн. удмуртов, по 0,4 млн. марийцев, мордвы и 0,3 млн. коми; тюркских народов здесь около 5 млн., финно-угорских — 1,7 млн. человек.

Своя особенная история и историография есть у каждого из этих народов, населяющих Поволжье и Урал. Это связано с тем, что к началу XX в. они находились на разных уровнях общественно-культурной эволюции, отличались, вместе с тем, и степенью изученности своего прошлого. Одни из них к тому времени уже имели историографическую традицию, другие начали активно догонять своих соседей, у третьих изучение собственной истории стало складываться только при Советской власти.

Опыт историко-этнологического изучения тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Урала в прошлом

Первые попытки создания их национальных историй восходят ко второй половине XIX — началу XX вв. В это время значительно возрос общественный и научный интерес к быту, традициям, верованиям, искусству этих народов. Помимо первых собственно академических исследований, разнообразный краеведческий, этнографический и археологический материал публиковался в газетах, журналах, различных изданиях. Изучение культурного наследия предпринималось по инициативе и силами не только собственных нарождающихся национальных элит, но и многих русских учёных, в том числе — известные — Н.А. Фирсов, В.В. Бартольд, В.В. Радлов. Примерно такую же просветительскую роль сыграли тогда для финно-угорских народов России

финские и венгерские учёные, которые часто совершали экспедиции к своим восточным родственным этносам. Благодаря влиянию и тех, и других местные интеллигенты смогли немало сделать для пробуждения национальных чувств, втянулись в углублённое изучение истории и этнографии своих народов. При этом большое место отводилось поиску и публикации документов.

После 1917 г. этот процесс продолжился уже в рамках советской исторической науки. Он шёл неравномерно, на отдельных этапах преимущество получали те или иные исследовательские и публицистические уровни. В 20-х гг. изучение истории в целом значительно продвинулось, при этом активно работали краеведческие общества, разворачивалась издательская деятельность. Однако на рубеже 20–30-х гг. положение изменилось. На первый план выступили истории соответствующих территорий, административно-территориальных единиц. Истории народов постепенно растворялись в единой «истории СССР». Репрессиям 30-х гг. подверглось большинство из немногочисленных национальных историков, которых огульно обвинили в «буржуазном национализме». Под запретом оказалось изучение истории и культуры народов, особенно в той их части, где подчеркивалась их самобытность, героическое прошлое, сопротивление завоевательной и «обрусительной» политике.

Рубеж 20–30-х гг. стал переломным для всех областей исторического знания. К сожалению, этот факт до сих пор оспаривается. К примеру, один современный башкирский историк заявляет, что не только в 20-е, но и в 30-е гг. «советская историческая наука объективно освещала историю всех народов СССР». Далее он пишет следующее: «В 40-х — середине 80-х гг., в условиях полного господства тоталитарного режима в стране, советские учёные в освещении истории народов полностью вернулись на позиции дореволюционно-дворянско-буржуазной науки. Отсюда... идеализация русской истории, односторонняя, только положительная оценка России в истории нерусских народов, общее пренебрежительное отношение к истории последних, недооценка социально-экономического, политического и культурного уровня, фактическое игнорирование истории народов в школах и вузах, освещение их прошлого по существу с точки зрения русской истории и т. д.»(2).

На деле в 20–30-е гг. большевики осуществили смену арабского шрифта сначала на латинский, затем на кириллицу, чем был нанесён ощутимый удар по истории тюркских народов, которые оказались отрезаны от собственной многовековой культуры. Насилие над письменностью, исторической памятью, культурой местных народов со временем привело к умалению роли родного языка, забвению собственных исторических корней. В итоге сегодня мы наблюдаем своеобразный «реванш» на историческом «поле битвы». По словам одного руководителя академического института, долгое время древняя история Башкортостана «освещалась тенденциозно с позиций европоцентризма; при этом приуменьшались исторические заслуги населения края. Встречались мифы об изначальной отсталости древних обществ этого региона, об их, якобы, органической неспособности к саморазвитию»(3). Но начался этот «реванш» отнюдь не с академической среды.

В борьбе за мировоззрение своих народов: мобилизация интеллектуальных элит

Следующий этап в создании национальной истории начался на рубеже 80–90-х гг.(4). Представления об истории, о прошлом и настоящем в жизни «своего» этноса наряду с познанием взаимоотношений с соседями в прошлом и настоящем, интерпретиро-

ванные с позиций «национальной справедливости», оказались связаны со становлением этнического самосознания(5). По наблюдениям одного философа, у местных народов к 1990 г. сложилось превратное понимание прошлого своей страны (республики, края), что, в свою очередь, способствовало сохранению у них неприязни друг к другу. Не настала ли пора писать об их прошлом так, как это было в действительности?(6) — ставил он вопрос перед историками. В средствах массовой информации постоянно писалось о том, что «есть острейшая и неотложная необходимость “ворочать прошлое”, чтобы восстановить в памяти людской исторические события далёких и не столько далёких времен, непосредственно и мощно влияющих на события наших дней»(7). Одна журналистка писала: «Думаю, что настала пора марийским историкам, не боясь обвинений в национализме..., внести ясность в сложные вопросы становления нации»(8). Этот процесс, таким образом, начался «снизу», точнее был инспирирован СМИ на низовом уровне.

С конца 80-х гг. стало характерным своеобразное предъявление счёта к советскому прошлому — эта тенденция болезненно проявилась в работе национальных историков. Стало чуть ли не аксиомой представление, что только в результате национальной политики Советской власти нерусские народы оказались на грани этнического исчезновения, их национальная культура, язык, школа, религия — в тяжёлом состоянии. Считалось, что по ним был нанесён такой удар, что в ближайшем будущем они будут не в состоянии определить свою судьбу и в перспективе и вовсе прекратят своё существование как этносы(9). Как писал один публицист, «к сожалению, мы идем к тому, что татары вскоре полностью станут русскоязычными»(10).

Возникновение новых национальных государств, точнее повышение их статуса в Российской Федерации, вызвало беспрецедентный интерес к проблемам прошлого и отношениям между народами. К примеру, исследование психологии марийского народа показало, что в процессе крушения прежней идеологии, мифов, символов, идеалов и ценностей она стала формироваться, с одной стороны, по линии наполнения её историко-культурным, глубинным смыслом, уходящим в века, с другой — поиском новых духовных ориентиров(11). Национальное самосознание мордовского народа, по оценке его исследователей, совершает качественный рывок в самопознании, избавляясь от многих мифов, стереотипов, самообмана, долгие десятилетия отравлявших мозг и чувства нации(12). Значение истории благодаря национальному движению повысилось. Интерес к истории стал поистине массовым, что неизбежно стало сопровождаться огромным числом непрофессиональных публикаций. В частности, оказывается, что подлинную историю чувашского народа на родном языке впервые стала рассказывать в 1991–1992 гг. газета «Вучах»(13). Влияние современной политики на создание новых концепций национальной истории при этом не скрывалось.

Поскольку в период становления суверенитетов в центральной прессе было опубликовано особенно много насмешливо-пренебрежительных статей о татарском народе и Республике Татарстан (РТ), появилось мнение, что в цепи глобального противостояния индоевропейского и тюркского миров татарофобия — чуть ли не одно из принципиальных проявлений психологической войны первого мира против мира второго(14). В официальной советской истории, которая затем преподносилась массовому сознанию через художественные фильмы и школьные учебники истории считалось, что «татаро-монголы» были варварами, которые всё уничтожали на своём пути. В результате русская культура была отброшена на несколько веков назад. В этом видели причины экономического и культурного отставания России от западных

государств, а некоторые договариваются до того, что даже современные проблемы, вставшие перед страной, объясняют, исходя из событий тех лет(15). В татарской публицистике также отмечалось, что «главным врагом» русской империи издавна становились татары. Вот уже почти восемь веков она якобы не может простить им их прошлые набеги. Татарин, татарская угроза используются империей как жупел. Московское радио и телевидение постоянно пугают мир опять-таки «татарской угрозой», в имперских газетах, журналах и издательствах публикуются десятки статей, книг и книжечек, напичканных ненавистью к татарскому народу(16).

На этом фоне позитивный резонанс в массовом сознании и среди научной общест-венности вызвали книги известного петербургского историка-этнолога Л.Н. Гумилёва(17) и московского публициста, кумыка по происхождению, М. Аджиева. Гумилёв впервые в советской историографии нарушил традицию рассмотрения прошлого России сквозь призму истории русского народа, фактически противопоставленного народам Востока — в первую очередь, тюркским. Что касается М. Аджиева, то он в книге «Полюнь половецкого поля» (М., 1994), содержащей немало сомнительных утверждений, пришёл, однако, к выводам, идущим вразрез с официальной российской историографией. Он безапелляционно заявил, что предки тюрков — кипчаки — создали огромную империю «Дешт-и-Кипчак» («Степь кипчаков»), которая якобы просуществовала примерно полторы тысячи лет. В IX в. Украину (один из каганатов Дешт-и-Кипчака) захватили варяги, где и образовали своё государство — Киевскую Русь, но население её долгое время использовало язык и письменность тюрков. Не только Киевская Русь, но и государства Центральной Европы (Болгария, Чехия, Венгрия, Югославия, Бавария, Саксония и др.) тоже (вплоть до XI в.) говорили и писали на тюркском языке. Едва ли не каждый второй житель Европы является носителем тюркской крови, пишет автор. По его расчётам, тюрки, которые сегодня записаны русскими, в составе народов России составляют минимум 50–80 млн. человек. С тех пор, как к власти на Руси пришли московские князья, постепенно началась политика замалчивания тюркских страниц в истории России. Между тем кипчакский народ, оставивший огромный след в мировой истории, не исчез, не растворился, он теперь называется иначе — русские, украинцы, татары, кумыки, сербы, казаки... (18). Такая аргументация тепло была встречена в Башкортостане, Татарстане, Чувашии, но вызвала резкую критику многих историков, обозревателей, политологов в Москве.

Подобные соображения высказывались раньше. Летом 1992 г. в Лондоне и Сент-Эд-рюсе (Шотландия) состоялись две международные конференции, а в других городах под эгидой отдела исследований и анализов Министерства иностранных дел Великобритании — семинары и «круглые столы» на тему «Татарстан: прошлое и настоящее». Выступления участников, в том числе нескольких учёных из Татарстана, были затем переведены на английский язык и опубликованы отдельной книгой — «Tatarstan: Past and Present». В докладе академика АН РТ М. Закиева отмечалось, что мнение о том, что тюрки появились в Восточной Европе в IV в. н. э. в результате так называемого Великого переселения народов является надуманным; учёный уверил, что тюрки были жителями Европы намного раньше. Кроме того, по его словам, в последние годы даже было сделано некое научное открытие о наличии ясно выраженного угро-финно-тюркского языкового союза в Волго-Камье, который складывался задолго до новой эры. И, таким образом, в Поволжье и Приуралье ещё в древнейшие времена наряду с финно-угорскими обитали и тюркоязычные племена(19).

Вполне естественно, что с распадом СССР интеллектуальные элиты отдельных народов пытались также разработать для себя новые «персональные» ориентиры.

Этап написания национальных историй начался, прежде всего, с освобождения от марксистско-ленинских догм и пресловутого классового подхода. Затем встала ещё более актуальная задача, обусловленная внешним фактором. Правящие круги новых республик по мере самостоятельного продвижения на европейскую политическую сцену всё больше были озабочены вопросом о том, каким образом представить свои народы в общеевропейском сообществе. Перед учёными, по сути дела, была поставлена нелёгкая задача показать, насколько их народ уникален и самобытен, а потому может заслуженно претендовать на достойное место среди других европейских народов. И довольно быстро появились подобные публикации с характерными и броскими названиями(20). Так, выступая в Великобритании на упомянутой конференции М. Закиев подчёркивал, что предки волжских татар, называвшие свою страну «Биарым» («мой Биар»), вошли в торговые отношения с Западной Европой, а именно со скандинавскими странами и отсюда скандинавское название этой страны — Биармланд (т. е. Страна Биарм), которая славилась мехами, серебром, мамонтовой костью и металлическими изделиями, что закрепилось в сагах и русских преданиях примерно в VII–IX вв.(21). В Республике Башкортостан (РБ) руководители академической науки недавно пришли к выводу о том, что «ныне история нашей республики является ценнейшим достоянием отечественной и мировой истории и культуры»(22). Понятно, что это новая установка для местных историков и обществоведов.

Методологические подходы и основные проблемы истории местных народов

Как известно, ещё Ф. Энгельс писал, что каждая нация хочет иметь свою историю, своих героев. Если таковых нет, то народ всегда создаёт мифических героев. Они нужны для удовлетворения чувства героепочитания(23). Нация для своего утверждения (прежде всего в собственных глазах) должна воссоздать (или создать, или придумать) свою героическую и трагическую версию собственной истории(24) — откровенно подхватывали эту мысль представители новых этнически элит. Как правило, все гипотезы о древности или особом историческом пути своего народа, его вкладе в человеческую цивилизацию всегда вызывают большое внимание. Ещё в советское время в научной литературе нередко наблюдались признаки тенденции к «удревнению» и «героизации» истории своих народов. Сегодня с особой остротой встала задача определиться с ключевыми моментами этногенеза народов, восстановить в полном объёме изучение их истории и вклада в мировую цивилизацию.

Конечно, исследователи и прежде ставили перед собой задачу изучения «собственных корней» и определения места своего народа среди других этносов. Так, усилиями крупных тюркологов и литераторов В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, А.Н. Самойловича, Н. Хакима, Н. Исанбета в 20–40-е гг. был составлен и опубликован сводный текст татарского народного эпоса «Идегей», повествующий о гибели Золотой Орды. Однако только в 1990 г. в Казани был впервые издан русский перевод этого памятника, в послесловии к которому известный историк М. Усманов писал: «Этногенез татарского народа, как всякой крупной нации, имеющей богатую и сложную историю, решается, естественно, неоднозначно. Ибо в течение более десяти-двенадцати веков поволжский регион, где оформилось “национальное лицо” современных татар, был подлинным “котлом народов”, где перемешались, “перекипели” многие этнические

компоненты... Так сложились этнически современные казанские татары. Поэтому нет достаточного основания решать вопросы их этногенеза лишь по принципу “или-или...”, здесь более уместен принцип “и-и...”»(25).

Обращаясь к вопросу «кто мы?», исследователи всегда стремились отыскать не только прародину своих народов, но и достойный образец для подражания. Для финно-угорских народов примером служил «этнический Ренессанс» эстонцев. Нет сомнений, что в этом немалая заслуга учёных, последовательно исследовавших язык, историю, фольклор, этнокультуру родного народа и пропагандировали эти знания среди своих соплеменников(26). Но сегодня их деятельность по пробуждению национального самосознания становится и источником весьма острых, часто негативных коллизий массового сознания.

Давние споры — особенно в случае с Волжской Булгарией — об истории государственности различных народов, ныне проживающих на исторической территории одного и того же древнего государства, разгорелись сегодня с необычайной силой. Если чувашеведы считают, что «чувашаи — это прямые потомки волжских булгар»(27) и что попытки отождествления булгар с татарами явно ошибочны и тенденциозны(28), то для татароведов является аксиомой, что у предков чувашей вообще не было никакой государственности, а к булгарам они не имели никакого отношения; Булгарское государство, которое было великой и могучей державой мира, переросло в Казанское ханство и только казанские татары унаследовали свою государственность от булгар(29). В результате оказалось, что в массовом сознании на этой основе так и не удалось выработать желаемых представлений. Чувашеведы вынуждены констатировать, что происхождение и этническая история их народа остаётся одной из сложнейших тем(30), поскольку письменных источников по его истории до середины XVI в. почти не сохранилось. По словам чувашского писателя, было «много написано книг и исследований о Волжской Болгарии. Где вымысел, а где истина — знает только Всевышний»(31). Маровед также полагает, что «на вопрос о том, откуда и когда произошли марийцы, вряд ли будет найден однозначный ответ, удовлетворяющий многих исследователей»(32). Исторические исследования оказались тесно связаны с умонастроениями общества, а потому говорить хотя бы об относительной независимости академического знания не приходится.

Когда в начале 90-х гг. в РТ стал активно обсуждаться вопрос о том, кто такие «татары»(33), в массовом сознании широко пропагандировалась именно булгарская гипотеза происхождения казанских татар, более того распространилось мнение, что не только современные поволжские, но и приуральские татары являются прямыми потомками волжских булгар, что в XIII–XIV вв. даже бассейн р. Белой якобы был заселён выходцами из Волжской Булгарии (с чем никак не согласны башкирские историки, утверждающие, что в это время именно на этой территории уже жили башкиры). Понятно, что эта версия работала на политику, а потому все предыдущие гипотезы были разом забыты. Нельзя не отметить мнение московского тюрколога Ш.Ф. Мухамедьярова и уфимского этнографа Р.Г. Кузеева, которые ещё в 60–70-е гг. подвергли критике тезис о булгарском происхождении казанских татар, посчитав их предками половцев-кыпчаков(34). Ясно, что такие гипотезы стали вытесняться и из науки, и из массового сознания.

Помимо того, нужды политики и этнического самосознания вызвали к жизни и другие гипотезы, призванные подкрепить представления об историческом «величии» тех или иных современных народов. Этимологические построения привели, например, к выводу, что о предках волжских татар, населявших в VIII–V вв. до н. э. Сред-

нее Поволжье, писал Геродот. Именно эти «аборигенные» племена создали своё государство Биарм (столица — г. Биляр, самая крупная и богатая в Европе), которое стало предшественницей Волжской Булгарии. Первым государством в Волго-Камском регионе было Биарым (по-русски называлось Биармией), созданное биарами примерно в середине VII в. (35). Появилось и утверждается в массовом сознании мнение, что именно Золотая Орда была общим и единым средневековым государством всего татарского народа, всех его этнографических групп, окончательно сформировавшихся как народность, именно на той обширной территории, которая исторически была золотоордынской. История этого государства, язык, материальная и духовная культура его населения — это татарская история, татарский язык, татарская культура (36), считают татарские историки. В таком случае снимался возникший вопрос о небулгарском происхождении астраханских, сибирских, крымских татар и ногайцев, которые близки казанским татарам по языку и культуре, что логично объяснялось их длительным вхождением в единое государство — Золотую Орду с единым государственным языком тюрки. Отрицание этого одно время вызывало в массовом сознании подозрение, что казанские татары отрекаются от родства с сибирскими и астраханскими татарами, как в своё время они отрекались от родства с крымскими татарами, объявленными наследниками Золотой Орды, и потому выселенными из «захваченного» ими Крыма. При этом татароведы неоднократно настаивали на том, что следует отказаться от употребления бесосновательно используемого зловещего гибрида «татаромонголы» («монголо-татары»), впервые появившегося в 1823 г. в книге профессора Петербургского университета П.А. Наумова (37).

В Татарстане в результате происшедших в исторической науке изменений сформировались два основных идейных течения — болгаристов и татаристов.

Булгаристы считают, что с момента основания Татарской АССР в 1920 г. якобы была вообще запрещена публикация источников по истории болгарского народа, что официальная пропаганда долгое время вбивала в голову россиян, что современные татары — потомки болгар, хотя болгары и татары никогда не составляли единого народа и существуют всегда как отдельные народы. В итоге даже появилась идея поменять название национальности («татарин», «татарка» — «булгар», «булгарка») и требовать переименования Республики Татарстан в республику Булгаристан. Однако, как показала дискуссия 1987–1989 гг., большинство татар склонны сохранять свой прежний этноним (38). Широкое участие населения в многочисленных дискуссиях на страницах прессы РТ о самоназвании татар свидетельствует о росте массового интереса к своему историческому прошлому.

В наши дни у болгаристов появились даже новые публикации собственных источников (39), которые, однако, в научных кругах вызывают не только скептическое отношение, но и порой — в силу разных языковых инноваций и исторических несоответствий — рассматриваются как прямые подделки. Тем не менее в научный оборот даже вне Казани эти издания болгаристов начинают входить. Кстати, в книге удмуртского лингвиста приводятся достаточно большие фрагменты одного из них (40). Так начинается уже самостоятельная «научная» жизнь подобных источников, которые вкупе с приводимыми достоверными фактами могут серьёзно повлиять на неподготовленных исследователей и рядовых читателей.

Налицо стремление доказать, что тюркские народы жили в Европе с незапамятных времен, а не пришли откуда-то, что тот или иной народ самый древний или самый культурный или, по меньшей мере, состоит в прямом родстве с народами, прославившими себя великими цивилизационными достижениями — шумерами, этрусками,

древними греками и даже индейцами майя(41). Считается, что в 1920 г. первым в тюркологии высказал мнение о глубоких следах тюркских языков в языках американских индейцев и шумеров А.-З. Валидов (42), подающий надежды историк, тридцатилетний основатель Башкирской республики, а затем эмигрант(43). В советское время имела хождение гипотеза о родстве тюрков с шумерами(44); теперь она широко пропагандируется. Появились, например, книги, в которых читателей убеждают, что чуваша — шумеры и по языку, и по генетической природе(45), что чуваша — потомки хуннов и их государства(46). Молодой башкировед, начитавшись различной литературы в европейских библиотеках, пытается уверить, что древние башкиры (или «башкорды» — возник даже новый этноним) тоже имели сходство как с шумерами, так и с персами; шумеры — это якобы ни что иное, как отколовшаяся часть древних башкирских (башкордских) племен, которые ещё в III тысячелетии до н. э. ушли в Месопотамию и основали там своё государство. Причём делается попытка убедить, что у башкир даже была своя государственность под названием Башкорди-стан (государство башкордов)(47). В 1997 г. на средства Госкомнауки РБ была опубликована большим тиражом другая книга этого башкироведа, в которой он «доказывал», что башкиры и англичане имеют общее происхождение(48). Согласно другой «сенсационной» версии, считается, что мордовский народ впервые упоминается в хеттских хрониках(49). В принципе, подобные «научные» гипотезы — не новость: такие явления естественный этап становления национального самосознания любого народа. Но это ещё и лакмусовая бумажка, выявляющая прочность позиций академической науки.

Не менее жаркие дебаты в научном мире ведутся по вопросу о происхождении и историческом развитии башкир. Если татароведы подчёркивают, что предки волжских татар и башкир в Булгарском государстве составляли одну народность(50), то в Уфе утверждают, что башкиры — древнейший автохтонный народ Волго-Уральского региона. Появилось предложение отодвинуть начало этногенеза башкир на Южном Урале с VII–VI до III–II вв. до н. э., когда здесь якобы существовал некий этнос, сыгравший важную роль в формировании башкирского народа. Между тем первые письменные сведения о башкирах относятся к IX–X вв. и связаны с именами арабских путешественников. Древних письменных источников, оставленных башкирским народом нет (либо они утеряны, либо вовсе не появлялись), за исключением шежере (родословных), но они относятся к последним четырём-пяти векам. О письменной культуре древних башкир можно лишь строить догадки.

Согласно другой точке зрения, которая была высказана ещё в 70-е гг. древнебашкирские племена формировались в Восточном и Центральном Казахстане, затем они кочевали в степях Приаралья (VII–VIII вв.), откуда в конце VIII–IX вв. переместились на Южный Урал. В проблеме этногенеза башкир много ещё неясностей и противоречий(51).

В башкироведении налицо обилие самых противоречивых мнений, во многих случаях заведомо предвзятых. Единой научной концепции до сих пор нет. Но возникает иной вопрос: а согласится ли общественное мнение с тем, что её в принципе быть не может (по крайней мере, в историографически обозримом будущем), что консенсус может состоять в признании права на существование «пространства гипотез»?

Вопросы прародины удмуртов до настоящего времени изучены были весьма слабо, не были предметом специального исследования, констатируется в удмуртской историографии(52). Между тем, нельзя утверждать, как было принято до сих пор, что ранняя история этого народа совершенно не отражена в источниках, отмечает удмур-

товед. Более всего уделяла внимание предкам удмуртов арабская географическая литература. В этих сочинениях удмурты предстают как достаточно развитый экономически народ. Вообще же мысль о том, что земля древних удмуртов, по мнению этого исследователя, была известна наравне с такими прославленными славянскими центрами, как Великий Новгород и Киев, не может казаться невероятной дерзкой(53). Но очевидно и другое: в нынешних условиях она приобретает особое значение не в научном, а в политическом и этноконсолидационном контексте.

Вопреки появившимся гипотезам о резком «удревнении» этногенеза тюркских народов региона, о восхождении истоков их происхождения к шумерам, скифо-сарматам, аланам, к ананьинской (финно-угорской по происхождению) культуре, академик Республики Башкортостан Р.Г. Кузеев в своей книге, изданной в Москве(54), основываясь на апробированных фактах отечественной и зарубежной историографии, критически анализирует упомянутые построения (особенно стремление аргументировать тюркское происхождение скифов, савроматов, сармат, алан), и доказывает существование глубоких связей и взаимодействий древних тюрков и индоиранцев, формирование многих тюркских языков под воздействием иранского компонента в ходе тюркизации скифо-сармато-славянских племен в различных регионах Евразии. Он выделяет в истории этносов Поволжья и Урала на протяжении II тысячелетия шесть импульсов консолидации этносов, которые в целом соотносятся с развитием социально-исторических эпох. Кузеев предлагает новое решение и пишет, что в период Булгарского государства смешение местных и пришлых этнических групп было настолько значительным, что даёт основание говорить в определённом смысле об общности формирования местных финно-угорских и тюркских народов. Многомерный и объёмный по проблематике и материалам научный труд, в котором во многом по-новому освещена этническая история народов Поволжья и Урала, получил высокую оценку научной общественности. Исследование историко-этнографических общностей поможет перейти науке от изучения истории народов в зависимости лишь от лингвистической группировки к новым решениям не только этнологических, но и исторических проблем.

В научных кругах в настоящее время также отмечается — особенность этногенеза в регионе заключается в том, что усилия «ассимиляторов» не дали ожидаемых результатов. В современной трактовке все тюркские и финно-угорские народы от Оки до Тобола сохранились до начала XX в. (с определёнными изменениями до конца XX в.)(55). Но этот феномен можно связать и с этнопатерналистской политикой самодержавия. Казанские историки, между тем, утверждают, что этническое единство татар, равно как чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов сложилось ранее — именно в период Казанского ханства(56).

Если казанские историки представляют ныне роль Золотой Орды для этногенеза татарского народа как позитивную, то финно-угорские народы — наоборот: считают, что Орда прервала процесс становления национальной государственности. Причём в удмуртоведении высказывалось мнение, что удмуртское общество, возможно, близко подошло к формированию своего государственного объединения во главе с царём (удмурт эксэй). Однако в X–XII вв. процессы самобытного развития удмуртского этноса на собственной основе якобы были прерваны — сначала из-за подчинения Волжской Булгарии, затем Золотой Орде(57). Наряду с этим встречаются более категоричные суждения: в конце I — начале II тысячелетия н. э. у удмуртов сложилось стабильное этносоциальное образование, переживавшее стадию становления государственности, которая длилась не менее трех столетий, но в середине XIII в. в связи

с «монголо-татарским нашествием» процесс был прерван. Это было довольно сильное удмуртское княжество с центром в городе Арск (по-удмуртски Арча), расположенное на высокой горе, где жил удмуртский князь (эксэй) (58). Эта проблема, по мнению других удмуртоведов, остаётся слабо разработанной и дискуссионной (59).

Кардинально изменилась оценка присоединения (вхождения) народов к российскому государству. В книге историка, советника президента РТ по политическим вопросам, отмечается, что «миф о якобы добровольном присоединении народов к российскому государству годится для простодушных и наивных людей, живущих не реалиями, а иллюзиями»(60). В татарской историографии подчёркивалось, что борьба за независимость Казанского ханства, стремление отстоять суверенное государство явились «поистине высочайшим образцом проявления силы духа наших предков, достойным всяческого восхищения и подражания»(61). 2(15) октября в Казани стал отмечаться как «День памяти» татарского народа, тех, кто погиб в борьбе за свою независимость в 1552 г. В этот день у башни Сююмбике, последней казанской царицы, на территории Казанского кремля проходят траурные мероприятия. Героический образ Сююмбике (которая отказалась изменить своей вере, стала своего рода «мусульманской Жанной д'Арк») — важный символ народной памяти(62).

Политика России в Башкирии представляется ныне как чисто экспансионистская, последствия же присоединения к российскому государству — исключительно как негативные. Вот почему в Уфе была в срочном порядке переведена и опубликована книга американского историка о колонизации Башкирии(63). «Включение башкир в состав Российского государства поставило их перед серьёзными испытаниями за право существования как этноса»(64), считают некоторые башкироведы. Один из идеологов башкирского национального движения заявил, что «на момент присоединения Башкирии к России башкиры составляли абсолютное большинство населения республики. При этом башкиры всегда ощущали себя, в первую очередь, не тюрками, а именно башкирами. Национальное самосознание нашего народа всегда было очень высоким»(65). Даже в литературе, претендующей на академизм, можно встретить далеко не научные высказывания по данному вопросу. В частности, по словам одного башкироведа, проводником имперской политики являлся «русский народ, движимый ненасытным захватническим духом»(66). Продолжает в то же время сохраняться представление, что присоединение, например, башкир к русскому государству было глубоко прогрессивным событием(67). Историографическое пространство между инерцией старых подходов и запросами массового сознания остаётся незаполненным, а это создаёт оперативный простор для мифотворчества.

Если чуваш и горные марийцы в 1551 г. добровольно вошли в состав России, то присоединение луговых марийцев в результате завоевания Казанского ханства, как теперь доказывается, сопровождалось неслыханными жестокостями, численность марийцев значительно (не менее чем наполовину) сократилась. Это событие, как утверждается, — незаживающая рана в исторической памяти народа, в его мировосприятии, фольклоре(68). Защищая последнюю резиденцию марийских князей на месте современного г. Малмыжа (Кировская обл.), 26 апреля 1556 г. погиб марийский князь Болтуш, и с 1990 г. марийская общественность стала отмечать 26 апреля как «День национального героя»(69). После окончательного вхождения Вятской земли в Московское великое княжество интенсивная русская колонизация края привела к дальнейшему вытеснению удмуртов с их исконных земель во второй половине XVI — начале XVII вв.(70). В результате, полагают исследователи этнического самосознания удмуртов, «строительство удмуртской культуры преломлялось через трагическое, кото-

рое веками закладывалось русской и татарской культурной экспансией», удмурты — этнос, подсознательно помнящий зло, травму, нанесённую ему чужой культурой(71). При этом не учитывается, что во времена средневековья существовали совершенно иные представления о насилии и «присоединениях».

Наряду с этими взглядами имеют хождение предложения дифференцировать подход к вопросу о характере примыкания к России: во-первых, к самому акту присоединения (мирному или немирному в зависимости от конкретной политической ситуации), во-вторых, последующий, более или менее длительный, сложный и противоречивый период политической, экономической, сословно-классовой, культурной интеграции этносов (тюркских, финских) в состав российского государства(72). Но сомнительно, что это встретит понимание в массовом сознании.

У части татароведов и башкироведов вызывают разногласия вопросы об этнической принадлежности тех или иных известных исторических деятелей, оставивших память в истории и татарского, и башкирского народов, например, поэтов Акмуллы(73), М. Гафури, Ш. Бабича, предводителя крупного башкирского восстания Батырши, мыслителя и богослова Р. Фахретдинова, основателя Башкирской республики А.-З. Валидова и др. Так в отношении Валидова в общественном сознании время от времени возникал вопрос, почему «он, татарин, один из учёнейших людей своего времени, выдвинул идею “Башкирия — для башкир!”». Эта же идея в какой-то мере питает истоки и современного башкиризма(74). Споры об этническом происхождении Валидова (башкирском, татарском или тептярском) не утихают до сих пор. Они получили большой общественный резонанс. Началось это ещё после создания Башкирской и Татарской АССР, но на современном этапе заметны попытки расширить сферу возникших ранее противоречий.

В книге известного башкироведа, появившейся в 1993 г., татарский народ даже охарактеризован как пришелец-завоеватель, союзник монголов; на башкирской земле борцами за землю и волю выступали только башкиры и крепостные русские крестьяне, пришлые крестьяне — татары, марийцы и другие, не боролись, а татары всегда очень сильно помогали русским в грабеже, кровавом и вековом колониальном разбое на башкирской земле(75). Вообще вызывают большие споры отдельные эпизоды из истории татаро-башкирских отношений.

В том же 1993 г. была выпущена книга татароведов Р. Амирхана и В. Имамова «Отечественная война татар» на татарском языке тиражом в 165 тыс. экземпляров, в 1994 г. появилась книга В. Имамова «Запратанная история татар. (Национально-освободительная борьба татарского народа в XVI–XVIII в. за создание независимого государства)», изданная в Набережных Челнах тиражом в 180 тыс. экземпляров на русском языке; книги распространялись бесплатно на территории Башкортостана, что оценивалось в Уфе не только как «грубая фальсификация», попытка «улучшить» историю татарского народа за счёт «героической истории» башкир, но и сознательное стремление внедрить «фальсифицированную» историю в толщи народа, ввести в заблуждение татарский народ(76). Некоторые башкироведы ныне недовольны тем, что многочисленные башкирские восстания XVII–XIX вв. указанные татароведы считают не башкирскими, а татаро-башкирскими. По их же мнению, татары не только не принимали участие в этих восстаниях, но, напротив, даже участвовали в их подавлении. В связи с этим особенное внимание в РБ привлекает фигура полковника Алексея Ивановича Тевкелева (крещённого татарского мурзы) одного из тех, кто подавлял одно из таких восстаний. Его называют «палачом башкирского народа», «извергом», публикуется немало материалов в соответствующем духе(77).

В качестве важного аргумента в полемике с татарскими авторами не случайно используется даже перевод мемуаров Валидова(78), ставшего с недавних пор одним из национальных символов РБ. Однако оказалось, что при переводе на русский язык в Уфе они были «башкиризированы» и неадекватно, с антитатарским уклоном, переведены. Это стало ясно после появления в Москве другого перевода(79), который вызвал одобрение среди части исследователей в РБ после тщательного сопоставления двух вариантов перевода(80).

Возникла дискуссия между историками РБ о том, обладает или не обладает башкирский народ, как самостоятельный этнос, «национальным» потенциалом для образования своей собственной государственности на этнической основе(81). Это оказалось необходимо для обоснования концепции об исключительном праве башкир на национально-государственный суверенитет(82). Здесь работы исследователей непосредственно оказались связаны с интересами этнократического строительства, которые, в свою очередь, могут совпасть с известного рода иллюзиями определённой части населения.

Все авторы национальных историй ныне сходятся в том, что единственным для их этносов положительным периодом российской истории был период после февральской революции 1917 г., когда оказавшись в первых рядах европейской демократии, Россия показала пример целесообразности отказа от имперской государственной политики, необходимости перехода к новой системе межнациональных отношений, основывающихся на предоставлении нациям права на самоопределение и создание независимого государства. Но это всякий раз сопровождается оговорками — имперское мышление оказалось живучим, политика демократизации межнациональных отношений путем поощрения суверенитетов народов не получила дальнейшего развития(83).

Новым направлением национальных историй стало изучение жизни и деятельности эмигрантов, оставивших свой след в истории народов периода русской революции 1917 г. и гражданской войны(84). Понятно, что и здесь не обходится без известного рода тенденциозности.

Так или иначе, но постепенно складываются концепции историй местных народов. К примеру, основным принципом будущей концепции татарской исторической науки выдвигается следующий: историю татар необходимо разрабатывать как национальную историю, отражающую национальные интересы; при этом надо следовать только исторической правде и не бояться отстаивать национальные интересы в области истории. Другим принципом объявляется целостность, т. е. охват всех этнических групп татарского народа. В качестве ещё одного принципа — рассмотрение национальной истории татар в контексте общетюркской истории, т. к. татары оцениваются как часть тюркской (шире — исламско-тюркской) цивилизации. Поэтому, считается, что надо непременно выйти за пределы «узких рамок» собственно русской (советской) историографии(85).

Таким образом, наряду с наметившимся ранее региональным активно формировались два других основных подхода: этноцентристско-территориальный (с элементами этноизоляционизма) и этноцивилизационный. И тот, и другой хотя и различаются, но исходят из общей доминанты — этноэтатистской идеологии.

Это особенно заметно, когда используются сюжеты о произвольности и несправедливости проведённых территориальных границ. Башкироведы доказывают, что на территории к западу от Уфы издавна жили башкиры. С этим не согласны некоторые татароведы в РТ, которые утверждают, что здесь башкиры или никогда не жили, или

всегда были демографическим меньшинством, а татары являются автохтонным населением. В силу этого одни авторы выступают за отделение этих территорий от РБ и создание Уфимской республики, вторые — за присоединение их к РТ, третьи — за создание Татаро-Башкирской республики.

Не только в Казани, но в Уфе всё ещё достаточно популярна старая идея создания башкирско-татарской конфедерации. В случае создания такой конфедерации новый мощный альянс вполне может поднять вопрос о пересмотре границ для того, чтобы иметь прямой выход к родственному по языку и культуре Казахстану, а через него и к другим тюркоязычным республикам Средней Азии(86).

Появилась идея государственного переустройства Волжско-Уральского региона с целью сплочения марийского этноса, объединения в одно целое всех территорий его исконного и компактного проживания, создания своего рода «Большой Мари». (Некоторые журналисты, как отмечалось, именно в связи с этим пишут о древнемарийском государстве, хотя его существование никак не подтверждается). Распространяется идея объединения Чувашии и Марийского края в одну республику, что по мнению её разработчиков, соответствует древним традициям общего Мари-Чувашского государства, которое якобы было упразднено в XVI в. российскими властями(87). В массовой литературе можно встретить ностальгию по утраченным городам и территориям. Кстати, написано, что вскоре после Октябрьской революции каждый чуваш считал, что Симбирск станет столицей Чувашской республики (ЧР). «Но не сбылась мечта чуваш», сожалеет чувашский писатель(88).

Одним из актуальных направлений создания национальных историй стала разработка вопроса о роли религии в истории местных народов. Это объясняется тем, что в исторической памяти народов сохраняется былая роль ислама как этноинтегративная (духовная и социально-политическая) сила(89). Вместе с тем с середины 90-х гг., когда начался спад национального движения, и оппозиция стала поэтому пытаться использовать исламский фактор, наблюдается активное противодействие официальных кругов, самих стремящихся к взаимодействию с религиозными организациями. В апреле 1996 г. в Казани прошёл международный симпозиум, посвящённый проблемам исламского Ренессанса в татарском мире, который, как принято считать, наблюдается с конца 80-х гг. в Татарстане(90). В октябре 1996 г. в США состоялся международный семинар под названием «Российско-американские отношения: тюркский и исламский фактор» с участием учёных и из РБ и РТ. По словам московского этнолога С.М. Червонной, «из заброшенного пасынка, вызывавшего подозрительность и ярость конструкторов коммунистической идеологии, ислам превращается в любимое детище современной российской этнографической науки»(91). Этнографы и этнологи всё чаще перехватывают инициативу у историков в деле формирования национального сознания.

Своё благосклонное отношение к исламу демонстрируют ныне официальные лица, в частности, президент РТ М. Шаймиев, который в эксклюзивном интервью московскому журналу «Мусульмане» заявил: «Мне кажется, что все мы рождаемся по воле Аллаха, расположенными к вере в Него... Мы возрождаем сегодня нашу историю — мечеть Кул-Шариф, памятники Булгар — того государства, которое приняло Ислам. Всё это должно сыграть положительную роль»(92). Наряду с подготовкой кадров в мусульманских учебных заведениях, появившихся на территории РБ и РТ, всё больше выходит различной религиозной литературы, в которой затрагиваются вопросы истории народов. Похоже, что Казань стремится вернуть себе роль одного из центров мусульманского мира, как было до 1917 г.

В то же время возрождается тяготение части финно-угорских народов, а также чувашей к традиционным верованиям (язычеству). В одном из официальных изданий подчёркивается, что «марийцы — единственный во всей Европе народ, сохранивший в чистоте веру своих предков, не отрёкшийся от своих древних богов»(93). Отмечается, что появились чан-чувашаи, то есть те, которые исповедуют свою древнюю религию, а древнечувашская религия вобрала в себя многие элементы зороастризма. Тем временем среди чувашей-христиан распространяется идея провозглашения Чувашской Православной Церкви(94). Процессы реисламизации и неоязычества всё больше и больше входят в круг интересов различных исследователей, так как очевидно, что истоки этих явлений требуют глубокого изучения и значение этих факторов для этноисториозации не может быть несущественным.

Государственное вмешательство в развитие исторической науки

Большая заинтересованность в вопросе о прошлой государственности, которая, однако, была не у всех местных народов, со стороны правящих этноэлит наглядно проявляется в официальной символике. В положении о государственном флаге РБ сказано, что семь лепестков цветка курай символизируют семь родов, положивших начало консолидации и единению народов Башкортостана на его территории; одна из полос (тёмно-красного цвета) государственного флага Республики Мордовии символизирует также понятие «историческая память народа»(95); в гербе РТ использована древнебулгарская символика: крылатый барс, щит и орнамент. «Татары, башкиры, чувашаи, удмурты, якуты с древнейших времён имели свою государственность, с чем нельзя не считаться», — заявил, например, президент РТ М. Шаймиев в феврале 1995 г.(96). В современных условиях подобные, не вполне корректные (с научной точки зрения) заявления оказывают мощное воздействие и на учёных, и на массовое сознание. Достаточно вспомнить, что решение федеральных властей выдавать паспорт только на русском языке, без указания национальной принадлежности и с изображением элементов христианской символики вызвало негативную реакцию в РТ и РБ, вплоть до того, что люди отказывались брать такие документы. Представляя специальный номер журнала «Родина» М. Шаймиев отметил, что многовековая история татар уходит в глубокую древность, призвал не приукрашивать и не очернять её. Важно увидеть в ней достижения человеческого разума, торговые контакты, взаимообогащение культур, заявил президент РТ; Золотая Орда — это не варварское объединение народов, а государство, сыгравшее большую роль в создании и становлении российской государственности(97). Ясно, что подобные заявления в советское время были невозможны.

Получила популярность и нашла одобрение на самом высоком административном уровне и идея создания программ, направленных на особую поддержку отдельных народов или их групп. Разработано множество программ — федеральных, региональных, этнолингвистических, этнических. В этих проектах также по-своему отразился общий курс государства на создание национальных историй(98). Так, в проекте «Концепции государственной программы национального возрождения и развития финно-угорских народов России» (М.–Йошкар-Ола, 1994), отмечается, что не всё, что было в жизни финно-угорских народов, следует возрождать и сохранять. История этих народов знает и немало того, что необходимо преодолеть, зафиксиро-

вав лишь как исторический опыт. Есть и чисто негативная сторона этого опыта, которую необходимо нейтрализовать или изжить. Широко должны быть использованы материалы исследований — проведённых в центральных и региональных научных учреждениях — по вопросам истории, археологии, этнологии, лингвистики и другим проблемам развития финно-угорских народов. В состав программы включены и такие пункты, как история развития финно-угорских народов и их историческое этническое наследие: исторический путь финно-угорских народов России; роль финно-угров в истории России и др. (99).

В Государственной программе «Возрождение и развитие башкирского народа» (Уфа, 1995) отмечается, что для правильного понимания современного состояния и определения перспектив национального развития башкир важное значение имеет объективное научное представление о происхождении (этногенезе) и дальнейшей этнической эволюции народа. Специально подчёркивается, что отношениям России и Башкирии вообще исторически свойственны договорные отношения, что в середине XVI в само присоединение Башкирии к русскому государству в отличие от других регионов происходило именно на основании договора; борьба башкир за создание автономной государственности в 1917–1919 гг. тоже завершилась фактическим подписанием второго по счёту исторического договора между Россией и Башкортостаном. Авторы этого документа игнорируют тот факт, что до 1917 г. башкиры никакого национально-государственного образования не имели.

С начала 90-х гг. в республиках региона активно ведётся работа над национальными энциклопедиями, в связи с чем в ряде столиц созданы специальные научные учреждения. В 1993 г. в Казани и в Сыктывкаре были опубликованы небольшие краткие справочники по этнической и политической истории татар и коми (зырян) (100); ведётся работа над многотомной «Историей Республики Коми». В Саранске в 1994–1997 гг. вышли в свет несколько энциклопедических работ о мордовском народе (101). В Уфе научное издательство «Башкирская энциклопедия» подготовило объёмный труд, изданный в Мадриде при финансовой поддержке правительства РБ (102), затем стало заниматься переводом этой энциклопедии на башкирский язык и работой над многотомной Башкирской энциклопедией. В Казани Институт татарской энциклопедии опубликовал словник будущей энциклопедии (103). В принципе, этот феномен однотипен с изданием региональных («губернских») энциклопедий и справочных изданий, но в новых республиках он способен приобретать мощное этноконсолидирующее звучание. Всё это показывает, какое значение власти придают новой концепции истории.

При этом допускаются заметные перегибы. С момента создания РБ её руководство, по оценке татарской общественности, «приступило к строительству этнонациональной государственности башкир, основанному на полном подавлении татарского населения...». Отмечалось, что опубликовано множество материалов, в том числе и «научные исследования», в которых обосновывалось недопущение в республике татарского языка и татарской литературы (104). «Если перелистать подшивки башкирских газет и журналов, проанализировать передачи башкирского радио и телевидения хотя бы за короткий срок, то у просвещённого читателя сложится впечатление, что он живёт в феодальной пещере, что в Башкирии имеется лишь одна вымирающая народность — башкиры, а остальные — просто процветают за их счёт» (105), отмечают некоторые авторы. Оппозиционная татарская общественность даже потребовала создать в АН РБ научное подразделение «Язык и литература, история и культура татар Башкортостана» и подготовить очерки истории, этнографии и культуры татар

Башкортостана и др.(106). В научных публикациях, появляющихся вне РБ, неоднократно констатировалось, что в Башкортостане проводится дискриминационная политика против татар(107). Сильное недовольство властей вызвало появление публикаций, затрагивающих эти вопросы. В мае 1997 г. в Уфе был проведён «круглый стол» на тему «Национальная политика в постсоветском Башкортостане», на основе материалов которого была создана коллективная монография «Ресурсы мобилизованной этничности» (М.–Уфа, 1997). Эта книга, появившаяся во время проведения 2-го международного конгресса этнологов и антропологов России (Уфа, 1–5 июня 1997 г.), включала разные, порой полярные, точки зрения, в том числе описывалось нарушение гражданских прав в нынешнем Башкортостане, насаждение башкирского приоритета, подавление демократических процессов властями. Естественно, что такая работа вызвала недовольство среди этноэлиты (108). Шесть известных башкирских учёных в газете «Известия Башкортостана» 4 июня 1997 г. опубликовали свой протест, пытаясь этим жестом утвердить за собой монополию «спасателей башкирской нации»(109).

Активизации интереса к национальной истории способствуют проведение различных широкомасштабных мероприятий: всемирных конгрессов соотечественников, общенациональных съездов, конгрессов и курултаев, празднование юбилеев народных эпосов и др. Так, на Первом Всемирном конгрессе финно-угорских народов (декабрь 1992 г., Сыктывкар) было признано необходимым издание собственного журнала для освещения этнической истории, языка и культуры их народов. В октябре 1997 г. был проведён I Международный фестиваль тюркских народов. По инициативе президентов четырёх республик (в том числе РБ и РТ) Министерством по делам национальностей в феврале 1996 г. в Москве была проведена специальная конференция, посвященная 1450-летию тюркской государственности — образованию Первого Тюркского каганата.

В столицах республик стали появляться новые научные центры и, в первую очередь, собственные национальные академии наук. В их деятельности явно «просвечивали» методы прежнего руководства наукой. Так, в 1995 г. руководство АН РБ, обсудив коллективный научный доклад историков под характерным названием «Актуальные задачи исторических наук и перспективы их развития в Башкортостане», определило основные ориентиры исследований до 2005 г. Когда между сторонниками «булгаристов» и «татаристов» в 1996 г. развернулась ожесточенная дискуссия, одним из примечательных её последствий явилось создание в рамках АН Татарстана (по Указу Президента РТ М. Шаймиева от 14 июня 1996 г.) самостоятельного Института истории.

Направления развития исторической науки характеризует тематика мероприятий, проводимых с большой интенсивностью. Так, в Уфе с конца 1990 г. стали проводиться конференции, посвященные А.-З. Валидову; в мае 1992 г. в Ижевске состоялась первая Всероссийская конференция финно-угорских народов; в июне того же года в Казани — международная тюркологическая конференция, которая в частности рекомендовала подготовить объединенными усилиями фундаментальный труд «История тюркских народов»; в 1993 г. в Казани — конференция к 750-летию юбилею образования Золотой Орды; в ноябре 1994 г. в Казани — конференция, посвященная 115-летию со дня рождения С. Максудова; в декабре 1994 г. в Йошкар-Оле — научная конференция «Проблемы историографии истории Республики Марий Эл»; в том же году в Сыктывкаре — научная конференция «Развитие советских финно-угорских народов: история и современность»; в мае 1995 г. в Кудымкаре — международная конференция «Коми-пермяки и финно-угорский мир»; в следующем месяце

в Казани — республиканская научная конференция «Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность»; в октябре 1995 г. в Йошкар-Оле — Всероссийская научная конференция «Самоопределение и автономия народов России: исторический опыт и уроки»; в ноябре 1996 г. в Глазове — международная студенческая научно-практическая конференция, посвящённая истории и культуре финно-угорских народов; в конце 1996 г. в Сыктывкаре — научно-практическая конференция «История развития образования Республики Коми» к 75-летию её образования; в апреле 1997 г. в Йошкар-Оле — научно-практическая конференция «Национальные отношения и Концепция Государственной национальной политики в Республике Марий Эл»; в ноябре 1997 г. в Ижевске — научно-практическая конференция, посвящённая 130-летию со дня рождения первого историографа удмуртского народа П.Н. Луппова и т. д.

Для активизации работы в республиках были приняты важные постановления, направленные на расширение прав и хозяйственной самостоятельности учреждений государственной архивной службы; учёные работали над выполнением программы выявления документов по истории за пределами её современной территории.

Происходит процесс увековечивания имён популярных лидеров национально-освободительных движений. В 1998 г., к примеру, в РБ появились свои ордена, в том числе орден Салавата Юлаева (соратника Е. Пугачёва) за вклад в развитие науки и культуры.

Происходящие перемены в исторической науке нашли отражение в политике государства при определении программ исторического образования в школах и высших учебных заведениях и создании соответствующей учебной литературы. Отправной точкой послужил тот факт, что действующие в РФ вузовские и школьные учебники и пособия не выполняют, с точки зрения республиканских этноэлит, своих задач, так как в большинстве из них даются неверные, искажённые представления, особенно о мусульманских народах и исламо-христианских отношениях. Так, о татарах в учебниках упоминается лишь в связи с нашествием монголов на Русь (причём с употреблением научно необоснованного, но очень расхожего гибрида «татаро-монголы»). Учебники, изданные в Москве, не содержат или очень мало содержат сведений об истории и культуре данных народов России, вкладе их в российскую цивилизацию. Единственным исключением является изданное в Москве в 1995 г. под эгидой Центра гуманитарного образования Министерства образования РФ учебное пособие по древней истории татарского народа для школьников младших классов(110). В качестве собственной учебной литературы по истории в республиках стали пользоваться книгами различных специалистов — этнографов, археологов, историков(111). Появились специально написанные ими для детей книги по истории. Пожалуй, первая научно-популярная книга, рекомендованная Министерством образования РТ в качестве учебного пособия по истории Татарстана для младших классов, была подготовлена двумя авторами — историком и писателем(112).

Анализ имеющихся программ по курсу «Отечественная история» показывает, что значительное место в них теперь уделяется истории тех или иных народов(113). К примеру, отмечается, что главная задача курса «История России и Чувашии» состоит в том, чтобы показать взаимозависимое развитие истории народов России(114). В учебное пособие, изданное в Чебоксарах, вошли материалы, отражающие наиболее важные факты исторического развития народов ЧР и соседних республик и областей(115). В 1996 г. кафедра отечественной истории Казанского университета совместно с преподавателями других кафедр (археологии и этнологии, а также истории

татарского народа) опубликовала учебное пособие по отечественной истории с древнейших времен до конца XIX в. В 1997 г. этим же коллективом был выпущен новый учебник (116), который излагает в контексте общероссийской истории региональную — Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

Вместе с тем, в некоторых учебных изданиях ярко выражен этноцентристский подход. В частности, в учебном пособии, изданном в Уфе, говорится, что есть народы, которые «достигли захватывающих высот в области духовной культуры». Естественно, что к этой группе предлагалось отнести и башкир, а их героическое сказание «Урал-батыр» — к одному ряду с древнейшей «Авестой», «Манасом», «Калевалой» (117). На страницах официального издания говорится, что эпос «Урал-батыр» (который был записан в 1910 г. со слов двух кураистов) имеет возраст три тысячи (и более!) лет (118). Авторы школьного учебника вопреки мнению специалистов полагают, что разногласия среди исследователей по вопросам о происхождении древних башкир, территории их расселения и, в целом, этно-политической истории башкирского народа теперь преодолены (119). Дошло до того, что школьный учебник по истории булгар (120), выпущенный лидером булгарского движения в 1995 г., в этом же году в декабре властям РТ пришлось запретить.

* * *

Наполнение суверенитета реальным содержанием отражает национальные устремления и интересы различных групп населения, втянутых разбуженным гражданским самосознанием и мобилизованной этничностью в политико-культурные процессы неокоренизации (121). В массовом сознании область национального, этнического, как и многие десятилетия назад, продолжает оставаться наиболее подверженной мифологическим, политизированным, идеологизированным, оценочным и эмоциональным воздействиям. Сюжеты об «исконной территории», «золотом веке», «древности этногенеза», истинном праве на национальную государственность по моноэтническому принципу являются факторами этнической мобилизации (122), которая во многом инициирована определёнными кругами этнической элиты. Без ссылки на восстановление (прошлой) утраченной государственности или убедительного заявления о его существовании в прошлом создание образа о прошлом величии не выглядит сегодня героическим и тем более законным.

Попытки создания национальных историй происходят путём построения новых версий, подчас квалифицированных и относительно объективных, но гораздо чаще в высшей степени пристрастных. Это напрямую связано с задачами, которые выдвинуты правящими кругами и этноэлитами. Официальная историография заинтересована в формировании представлений о высокой культуре своего народа в прошлом, свободной и независимой жизни, о едином прошлом и будущем титульного этноса, его миссии в мире или обществе, единых для него оценок исторических событий, общих вех истории. Эта этноэлитарная доминанта, вытекающая из новой политики национально-государственного строительства, практически задаёт тон всему процессу создания историй местных народов. Однако уже в середине 90-х гг. стало ясно, что «излишняя административная «суверенизация» научного сообщества республики — путь к его изоляции и деградации», как заметил один академик РБ. Он призывает: «Мы, как во всех научных сообществах мира, должны судить об уровне учёного не

только по его признанию среди наших институтов, но и по его признанию в масштабе российского и мирового научных сообществ»(123). К таким первым результатам, которые вряд ли могут на самом деле порадовать народы, пришли в своей политике правящие круги при создании национально-республиканских историй.

В то же время на уровне отдельных историков или групп исследователей идёт выработка новых научных концепций, поиск достоверных источников, идущих подчас вразрез с официальной историографией. Однако возможности несопоставимы. Как пишут в некоторых российских СМИ, новая местная элита, получив суверенитет, использует его не в интересах всего населения республики, а для личного обогащения, что некомпетентность руководства приводит к катастрофическому падению производства и обнищанию населения, что, например, в РБ постоянно нарушаются гражданские права, нет свободы слова(124), — всё это не может не влиять на качество научной деятельности. Время покажет, что останется значимым, а что несмотря на все подпорки и подпитки окажется за бортом исторической науки, точнее нового направления — «историческая этнология» (изучающая механизмы и закономерности функционирования и трансформации этнических общностей, которые наряду с экономическими, культурными, геополитическими и т. п. закономерностями влияют на ход истории(125)), признаки которой появились в последнее десятилетие «национализации» истории тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Урала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Михайлова С.М., Корицунова О.Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. — Казань, 1997. С.104.
2. Акманов И.Г. За правдивое освещение истории народов. (Замечания к книге В. Имамова «Запятанная история татар». — Набережные Челны, 1994 г.). — Уфа, 1995. С.60.
3. Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 1997. Т.2. № 2. С.93.
4. Мордовский народ: что нас волнует. — Саранск, 1991; *Патрушев В.С.* Финно-угры России. — Йошкар-Ола, 1992; Финно-угорские народы России: современные этнические процессы. — Йошкар-Ола, 1992; *Орлов А.* Мещёра, Мещеряки, Мишаре. — Казань, 1992; *Сануков К.Н.* Марийцы: прошлое, настоящее и будущее. — Йошкар-Ола, 1992; *Иванов В.П., Фокин П.П., Трофимов А.А., Матвеев Г.Б., Кондратьев М.Г.* Этническая история и культура чувашей. — Чебоксары, 1993; *Куликов К.И.* Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. — Ижевск, 1993; *Иванова М.Г.* Истоки удмуртского народа. — Ижевск, 1994; *Валеев Д.Ж.* Национальный суверенитет и национальное возрождение. Из истории борьбы башкирского народа за самоопределение. — Уфа, 1994; Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII — начало XX веков). — Казань, 1994; *Юлдашбаев Б.Х.* Новейшая история Башкортостана. — Уфа, 1995; Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995; *Савельева Э.А.* Этнокультурная история Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья. — Сыктывкар, 1995; *Савельева Э.А., Королев К.С.* Древние рукописи о Перми Вычегодской. — Сыктывкар, 1995; *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. — Йошкар-Ола, 1995; Мордва: историко-культурные очерки. — Саранск, 1995; *Липатов А.Т.* Об изначальной прародине финно-угров // Узловые проблемы современного финно-угроведения. — Йошкар-Ола, 1995. С.352–355; *Степанов А.* Государственность древних мари // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1995. № 1. С.67–73; *Фахрутдинов Р.Г.* История татарского народа и Татарстана. Ч.1. Древность и средневековье. Учебник для средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев (на татарском языке). — Казань, 1996. *Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф.* История Республики Коми. Научно-популярные очерки. — Сыктывкар, 1996; *Данилов В.Д., Павлов Б.И.* История и культура Чувашской Республики (с древнейших времен до начала двадцатого века). Учебное пособие. Ч.1. — Чебоксары, 1996; *Данилов В.Д.* История и культура Чувашской Республики (XX век). Ч.2. Учебное пособие. — Чебоксары, 1997; История государства и права Башкортостана. — Уфа, 1996; *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. — Ижевск, 1997 и др.
5. *Хабибуллин К.Н.* Этническое самосознание в современных национальных движениях России // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. Сборник статей. — СПб., 1995. С.181–182.

6. Бариев Р.Х. Писать всю правду об истории народов Среднего Поволжья // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 189.
7. Закиров А. «Тёмные закоулки» российской истории (Преступления империи) // Суверенитет (Казань). 1992. № 13.
8. Ефимова Н.А. Марий Эл. Путевые заметки о земле родной и её людях. — Йошкар-Ола, 1997. С. 8–9.
9. Куликов К.И. Проблемы адаптации восточно-финских народов к условиям реформ 1990-х годов // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч.1. Екатеринбург. 24–25 февраля 1998 г. — Екатеринбург, 1998. С. 449, 451.
10. Я знаю одно чудо... — Казань, 1997. С. 97.
11. Сокольникова В.А. Особенности психологии марийского этноса. Автореф. дис... канд. псих. наук. — М., 1995. С. 9.
12. Мордва: историко-культурные очерки. С. 6.
13. Юхма М. Серебряное кольцо Древней Чувашии. — Чебоксары, 1996. С. 22.
14. Алишев С.Х. Татарофобия в советской литературе // Феномен народофобии. XX век. Материалы научной конференции. Казанский университет. Июнь 1994 г. — Казань, 1994. С. 85.
15. Балтанова Г.Р. Ислам в СССР: анализ зарубежных концепций. — Казань, 1991. С. 91.
16. Халим А. Убить империю (Кипарис домой вернулся, или «хотят ли русские войны»). — Йошкар-Ола, 1997. С. 365.
17. См.: Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. — М., 1967; *Его же*. Поиски вымышленного царства. — М., 1970; *Его же*. Древняя Русь и Великая Степь. — М., 1989.
18. В своей новой книге «Европа, тюрки, Великая Степь» (М., 1998) М. Аджиев, развивая данную тему, пишет, что тюрки «открыли язычникам-европейцам их нынешние религиозные символы», от тюрков «впервые услышали о Боге Небесном, узнали свои теперешние молитвы» и т. п. Как и прежде, этот автор не обосновывает свои «сенсационные» заявления должным научным образом — нет ссылок на источники.
19. Закиев М. Татарстан: прошлое и настоящее // Волжский курьер. (Казань). 1993, 1–15 января. Подробнее см.: Закиев М.З. Этногенез тюрко-татар (на татарском языке). — Казань–Москва, 1998. В этой книге, научным редактором которой являлся турецкий профессор Н. Девлет, автор пользуется термином «тюрко-татары», имевшим место в досоветской историографии. В турецкой научной литературе казанских татар, к примеру, называют северные или казанские тюрки. См. например: Айда А. Садри Максуди Арсал. Перевод с турецкого В.Б. Феоновой. — М., 1996.
20. См. например: Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. — Саранск, 1993; Юрченко В.А. Взгляд со стороны: Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI–XVIII столетий. — Саранск, 1995; История Башкортостана в зарубежных исследованиях. Библиографический указатель. — Уфа, 1996.
21. Закиев М. Татарстан: прошлое и настоящее.
22. Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 1997. Т. 2. № 2. С. 97.
23. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956. С. 122.
24. Сануков К.Н. Проблемы изучения этнической истории финно-угров России // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. — М., 1996. С. 189, 190.
25. Усманов М. О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей. Татарский народный эпос. — Казань, 1990. С. 250.
26. Сануков К. Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты // Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 13–14.
27. Цит. по: Филиппов В.Р. Грёзы о «Большой Чувашии» // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 113.
28. Дмитриев В.Д. Опустошение болгарской земли в конце 14 — начале 15 веков // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. — Чебоксары, 1997. С. 7.
29. Закиев М.З., Кузьмин-Юманоид Я.Ф. Волжские болгары и их потомки. — Казань, 1993. С. 11.
30. Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 1. — Чебоксары, 1997. С. 3.
31. Юхма М. Указ. соч. С. 24–25.
32. История и культура марийского народа. Хрестоматия для учащихся 10 классов. Рекомендовано Министерством образования и воспитания Республики Марий Эл. — Йошкар-Ола, 1998. С. 18.
33. См.: Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989; *Его же*. Кто мы — болгары или татары? Кем без — болгарлары, татарлары? — Казань, 1992 (на русском и татарском яз.); Каримуллин А. Татары: этнос и этноним. — Казань, 1991. (на татарском языке).
34. См.: Мухамедьяров Ш.Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности. — М., 1968; Кузеев Р.Г., Мухамедьяров Ш.Ф. Этногенез и этнокультурные связи тюркских народов Поволжья: проблемы и задачи // Советская тюркология. 1990. № 2.
35. См.: Закиев М.З. Проблемы этногенеза татарского народа // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. С. 32, 76, 84.

36. *Фахрутдинов Р.* Золотая Орда и татары. Что в душе у народа. — Набережные Челны, 1993. С.16.
37. *Наумов П.* Об отношениях российских князей к монголам и татарским ханам от 1224 по 1480 г. — СПб., 1823.
38. Современные межнациональные процессы в ТССР. — Казань, 1991. С.69.
39. *Бахиш Иман.* Джагфар тарихы. Т.1–3. — Оренбург, 1993–1997; *Баишту Микаиль.* Шан кызы дасганы. — Истанбул, 1991.
40. См.: *Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. — Ижевск, 1997. С.89–93.
41. См. например: *Каримуллин А.* Прототюрки и индейцы Америки: по следам одной гипотезы. — М., 1995.
42. *Закиев М.З.* Проблемы этногенеза татарского народа. С.19.
43. Подробнее о нём см.: *Исхаков С.М. А.-З.* Валидов: пребывание у власти //Отечественная история. 1997. № 6. С.55–75.
44. См.: *Сулейменов О.* Аз и Я. — Алма-Ата, 1975.
45. *Егоров Г.* Воскресение шумеров. Изд. 2-е. — Чебоксары, 1993. С.111; *Юлма М.* Песнь о Чувашии. — Чебоксары, 1995.
46. *Малютин С.Р.* Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып.1. Хуннская эпоха. — Чебоксары, 1996.
47. *Галлямов С.* «Урал-батыру» — 4 тысячи лет //Шонкар (Уфа). 1995. № 6. См. также: *Шафи-ков Г.Г.* Дыхание жгучее истории. — Уфа, 1998. С.306–330. Этот известный в РБ писатель и поэт дописался до того, что Заратустру объявил башкиром.
48. *Галлямов С.* Великий Хау Бен. Исторические корни башкортдо-английского языка и мифологии. — Уфа, 1997.
49. Литературная газета. 1989. 14 июля.
50. Например: *Закиев М.* Татарстан: прошлое и настоящее.
51. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. /Отв. ред. Х.Ф. Усманов. — Уфа, 1996. С.8–9, 486.
52. *Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. — Ижевск, 1997. С.6, 9.
53. *Гришкина М.В.* Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. — Ижевск, 1994. С.15, 21–22.
54. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. — М., 1992.
55. *Кузеев Р.Г.* Особенности присоединения Башкирии к Русскому государству //Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч.1. Екатеринбург. 24–25 февраля 1998 г. — Екатеринбург, 1998. С.268.
56. История России. Учебник. Вып.1. С древнейших времен до конца XV века. — Казань, 1997. С.129.
57. *Гришкина М.В.* Указ. соч. С.22, 25.
58. *Иванова М.Г.* Удмурты в начале II тысячелетия н. э. //Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). — Ижевск, 1995. С.53; *Она же.* Северные удмурты в эпоху средневековья: некоторые итоги и перспективы исследования //Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч.1. Екатеринбург. 24–25 февраля 1998 г. — Екатеринбург, 1998. С.160.
59. *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Этнография удмуртов. 2-е изд., перераб. и доп. — Ижевск, 1997. С.36.
60. *Хаким Р.* Сумерки империи. — Казань, 1993. С.61.
61. *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. — Казань, 1995. С.159.
62. Мусульмане. 1999. № 1(2). С.37.
63. См.: *Донелли А.С.* Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. Пер. с англ. — Уфа, 1995.
64. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. С.353–354.
65. *Ротарь И.* Национальная политика Уфы выгодна Кремлю //Независимая газета. 1997, 31 декабря.
66. *Бишиев А.Г.* Нация и национальная политика. (Критический очерк). — Уфа, 1995. С.123.
67. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. С.486.
68. *Сануков К.Н.* Историческая судьба марийского народа и задачи марийского национального движения. С.44.
69. *Кудряшов М.* Знаешь ли ты родной край? Республика Марий Эл. Изд. 2-е, доп. — Йошкар-Ола, 1997. С.128.
70. *Гришкина М.В.* Указ. соч. С.32.
71. *Васильев С.В., Шлибанов В.Л.* Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Т.1. — Ижевск, 1997. С.168–169.
72. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С.337.
73. В Казахстане Акмулла считают не татарским или башкирским, а казахским поэтом.
74. *Халим А.* Книга печали, или записки аборигена. — Вильнюс, 1991. С.189.

75. Бишиев А.Г. История башкирского народа и его борьба за свободу. Очерк. — Уфа, 1993. С.336. (на башк. яз.).
76. См.: Акманов И.Г. Указ. соч.; Кульшарипов М.М. История не терпит лжи. — Уфа, 1995.
77. Подробнее см.: Шафигов Г.Г. Дыхание гжучее истории. С.276–279.
78. См.: Тоган З.В. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Перевод с турецкого А.М. Юлдашбаева и Г.Г. Шафигова. Кн.1–2. — Уфа, 1994, 1998.
79. Тоган З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. Перевод с турецкого В.Б. Феоновой. — М., 1997.
80. См.: Кучумов И. Мемуары А. Валиди в Москве //Источники (Уфа). 1997. № 16 (158).
81. Подробнее об этой дискуссии см.: Кульшарипов М.М. З. Валидов и образование Башкирской автономной советской республики. — Уфа, 1992.
82. См. например: Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. — Уфа, 1994.
83. Миронов С.Н. Современная научная мысль о проблемах и перспективах становления российского федерализма //Российская Федерация: обновление национальной жизни и межнационального взаимодействия. — Казань, 1996. С.51.
84. Напр., см.: Валеев Д. Ж., Мадьяри А., Ураксин З.Г., Юлдашбаев А.М. Судьба и наследие башкирских учёных-эмигрантов. — Уфа, 1995; Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века — 30-е годы. Исторический очерк. — Набережные Челны, 1997. Стали переиздаваться работы эмигрантов, среди которых самым большим тиражом — 50 тыс. экземпляров — отличается книга Г. Исхаки «Идель-Урал» (Казань, 1991), которая в 1993 г. вновь напечатана в г. Набережные Челны РТ.
85. Исхаков Д.М. О концептуальных проблемах татарской исторической науки и задачах журнала «Tatarica» //Tatarica. (Казань). 1997/98. № 1. Зима. С.6–7.
86. Ротарь И. Указ. соч.
87. Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т.1. С.20, 23–25, 26.
88. Юхма М. Серебряное кольцо... С.13.
89. Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. — Уфа, 1995. С.95–96.
90. См.: Ислам в татарском мире: история и современность (Материалы международного симпозиума, Казань 29 апреля — 1 мая 1996 г.). — Казань, 1997.
91. Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. — М., 1998. С.21.
92. Мусульмане. 1999. № 1(2). С.12, 13.
93. Марийский мир (информационно-статистический справочник). — Йошкар-Ола, 1996. С.2.
94. Юхма М. Серебряное кольцо... С.4–5, 19, 27.
95. Ветры перемен. Флаги и гербы республик России. — Шупашкар (Чебоксары), 1996. С.19, 64.
96. Цит. по: Барсамов В.А. Этнонациональная политика в борьбе за власть: стратегия и тактика в период общенациональной смуты (десять лет в поисках антикризисной модели). — М., 1997. С.124.
97. Шаймиев М. В истории народа — его настоящее и будущее //Родина. 1997. № 3–4. С.6.
98. Государственная программа Республики Башкортостан по решению национальных и межнациональных проблем на современном этапе. Ч.1–2. — Уфа, 1993; Основные положения концепции государственной программы духовного возрождения финно-угорских народов. — СПб., 1993; Проект государственной программы Республики Башкортостан по решению национальных и межнациональных проблем на современном этапе (Государственная программа «Этносы Башкортостана»). — Уфа, 1994; Государственная программа Российской Федерации «Возрождение и развитие тюркских народов» (1996–2005 годы). Разделы 1–3. — М., 1995; Концепция государственной программы «Народы Башкортостана». — Уфа, 1998.
99. Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т.2. — М., 1996. С.19, 23, 29.
100. Татары и Татарстан. Справочник. — Казань, 1993; Коми-зыряне. Историко-этнографический справочник. — Сыктывкар, 1993.
101. История Мордовии в лицах. Биографический сборник. Кн.1–2. — Саранск, 1994–1997; Мордва: историко-культурные очерки. — Саранск, 1995; Всё о Мордовии. Энциклопедический справочник. — Саранск, 1997.
102. Башкортостан. Краткая энциклопедия. — Уфа, 1996.
103. См.: Татар энциклопедиясенен шэхеслэр исемлеге. — Казан, 1997. Тем временем энциклопедический «вакуум» пытался в меру своих познаний заполнить казанский историк М. Глухов, который собственными силами подготовил и издал в 1997 г. в Казани «энциклопедию» под модным названием «Tatarica». На самом деле эта книга посвящена в основном прошлому и настоящему крышен (крещённых татар).
104. Идел-Урал. (Уфа). 1995. Июнь.
105. Халим А. Книга печали, или записки аборигена. С.192.

106. Татар Корылтае. (Газета Общественного Оргкомитета по проведению Корылтая татар Башкортостана). (Уфа). Спецвыпуск. 1997, 27–29 июня.
107. Сафин Ф.Г. Языковой аспект суверенизации в Башкортостане //Отечественная история. 1994. № 4–5. С.163–164; Хабибуллин К.Н. Указ. соч. С.185–186.
108. См.: Ресурсы мобилизованной этничности. — М.–Уфа, 1997. С.163–172.
109. Подробнее об этом событии см.: Амалин В. Вызовы мобилизованной этничности. — М., 1997. С.9–16. Дело дошло до того, что весь тираж книги был изъят властями на глазах изумлённых участников конгресса. См. также: Над гнездом Муртазы. Газетная хроника властвования первого башкирского президента. — М., 1998.
110. Латышина Д.И. По берегам Идели. Татарский народ. Быт, культура, обычаи с древних времен. 2-е изд. — М., 1998.
111. Например, упомянутые книги М.В. Гришкиной «Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв.», М.Г. Ивановой «Истоки удмуртского народа», В.Е. Владыкина, Л.С. Христолюбовой «Этнография удмуртов» были рекомендованы Министерством народного образования Удмуртской Республики в качестве учебных пособий.
112. См.: Шамси С., Измайлов И. Волжская Булгария в рассказах для детей. — Казань, 1995.
113. См.: Планы семинаров и методические указания по курсу истории Отечества. — Уфа, 1996; История Отечества. Программа курса. — Саранск, 1997; Планы семинарских занятий по курсу «История Отечества». — Саранск, 1997.
114. История России и Чувашии. Программа и планы семинарских занятий. — Чебоксары, 1997. С.5.
115. Дроздова Г.Г. Мы и мир. Учебное пособие. — Чебоксары, 1995.
116. История России. Учебник. Вып. 1. С древнейших времен до конца XV века. — Казань, 1997.
117. Кузбеков Ф.Т. История культуры башкир. — Уфа, 1997. С.3.
118. Шафиков Г. Вечный источник мудрости и красоты (о фольклоре башкирского народа) //Республика Башкортостан. 1998. № 2. С.83.
119. История Башкортостана. Ч.1. С древнейших времен до 1917 г. Учебник для 8–9 кл. /Под ред. И.Г. Акманова. Изд. 2-е. — Уфа, 1996. С.27.
120. Нурутдинов Ф. Родиноведение (методическое пособие по истории Татарстана). — Казань, 1995.
121. См. например: Сафин Ф. Принципы этнополитического развития Башкортостана (1988–1993 гг.). — М., 1997.
122. Ресурсы мобилизованной этничности. — М.–Уфа, 1997. С.20.
123. Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 1997. Т.2. № 2. С.45.
124. Габдрафиков И. Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга. — М., 1998. С.121.
125. См.: Лурье С.В. Историческая этнология. — М., 1997. С.37.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К «РУССКОЙ ИДЕЕ»: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Елена Зубкова, Александр Куприянов

Любое общество в периоды кризисов сталкивается с явлением актуализации прошлого. В такие моменты история страны, народа более всего подвержена соблазну нового прочтения, при этом речь не идёт о поступательном развитии исторической научной мысли, которой (если она претендует на статус науки) вообще свойственно сомневаться и критически оценивать собственные достижения. Во всяком случае не потребности истории как науки играют здесь решающую роль, на первый план выходят скорее конъюнктурные соображения и политические интересы.

«Вопрошать и допрашивать прошедшее», к чему призывал ещё русский историк В.О. Ключевский, — занятие отнюдь не бесполезное, в том числе и для политиков. Всё дело в том, какие и как ставить вопросы и с какой целью использовать полученные ответы. Эти вопросы определяют принципы приоритетности исторических проблем, осуществляют «селекцию» героев, акцентируют внимание на конкретных периодах истории. Проследить все особенности этого процесса в одной статье невозможно. Мы ставим перед собой задачу выявить основные направления актуализации исторического материала, исходя из противоречивых интересов различных политических и общественных сил современной России.

В России, как и на всём постсоветском пространстве, идёт поиск собственной национальной истории. Этнические русские сейчас составляют более 80% населения страны, но Россия продолжает оставаться полиэтничным государством, т. е. её населяют народы, разные по своему этническому происхождению, но объединённые одним гражданством, единой территорией. И эти народы имеют общую историю — по крайней мере со времён существования Российской Империи, а некоторые и гораздо раньше. Какую историю в этом случае считать национальной — ту, что касается только истории отдельных этносов, или историю общества и государства, объединённых одним именем — Россия? Этот вопрос также будет находиться в центре нашего внимания.

Действительно, есть ли у русских своя национальная история? Не в смысле существования особого «русского пути», но в смысле некоей автономии от истории России или Советского Союза? Вопрос этот возник в тот момент, когда некогда единое государственное пространство распалось на ряд самостоятельных республик, почти немедленно заявивших не только о своем политическом суверенитете, но и о суверенности своих собственных национальных историй. Так было в Литве, Латвии, Эстонии, Украине, Казахстане... Везде, кроме России. И хотя российские власти фактически инициировали процесс распада СССР, его развитие шло не как разделение

целого на отдельные части, но как процесс отделения от России. Точно так же новые национальные истории стремились дистанцироваться от истории России, представить русский фактор как нечто внешнее (и чаще всего враждебное) по отношению к собственному историческому пути.

«Суверенные» национальные истории пополнялись новыми героями и положительными символами, в то время как в России процесс переосмысления прошлого происходил все ещё под влиянием критических тенденций, рождённых перестройкой. Поток разоблачительной литературы, трактующей события российской (главным образом, советской) истории преимущественно в негативном ключе, в начале 90-х всё ещё превалировал над попытками дать более объективный, политически неангажированный взгляд на наше прошлое.

Дегероизация истории России *изнутри* и вызов национальных историй *извне*, разрушающие привычные представления и символы веры русских, стали одной из причин развития процесса, который может быть назван **кризисом национальной идентичности**. Появившийся в 1995 г. журнал «Рубежи», заявивший о себе как «журнал вопросов — о России и к России», так сформулировал главный вопрос дня: «Сегодня Россия стоит, быть может, перед самой страшной угрозой — потери самой себя.... Не «кто виноват?» и «что делать?» — главные вопросы нашего времени, но **“кто мы?”**»(1).

Кто мы? Борис Ельцин предложил новое понятие: «мы» — значит, «россияне», т. е. все граждане России, независимо от принадлежности к конкретному этносу(2). Это решает проблему политически, но вопросы культурной идентификации русских по-прежнему остаются открытыми. Кто мы? — это одновременно и вопрос **«откуда мы?»** — недавно казавшийся совершенно очевидным, усвоенным раз и навсегда ещё со школьных времен. Споры вокруг происхождения русского этноса и русского государства и раньше довольно активно велись в среде историков, но они, как правило, не выходили за рамки профессионального цеха. Человеку «с улицы», получившему стандартное школьное образование советских времён, эти споры были просто неведомы. Когда же они выплеснулись на страницы популярных изданий вместе с другими попытками поставить под сомнение постулаты прежней официальной истории России, привычный образ прошлого в массовом сознании начал размываться, утрачивать свои чёткие ориентиры и оценочные категории. Отношение к прошлому всегда было способом самоидентификации, поэтому перемены оценок, нередко поспешные и недостаточно аргументированные, воспринимались не как издержки исторического дискурса, но как покушение на национальные ценности.

Вернуть «героическое прошлое»: массовое сознание в поисках утраченного

К середине 90-х гг. поток исторических сенсаций, сделанных, главным образом, по принципу разоблачения «проклятого» прошлого, стал постепенно иссякать. Это было связано и с определёнными тенденциями в развитии собственно исторического знания (преодоление «болезни роста»), и с изменением спроса на историческую литературу. Массовый читатель вполне очевидно продемонстрировал усталость от негативной информации и тоску по «положительному примеру». В книжных магазинах упал спрос на литературу, посвящённую «тёмным» сторонам прошлого, и, наоборот, резко

увеличился интерес к книгам, делающим ставку на героев русской истории (в роли которых выступали преимущественно русские князья, цари, полководцы)(3).

Иронизирование журналистов и телеведущих по поводу «совка», упоминание об «империи зла» или даже отстранённое — «эта страна» (вместо «наша») теперь вызвали раздражение и протест. Людям надоело чувствовать себя неполноценными, вечно перед кем-то виноватыми и кому-то обязанными. Они требовали уважения к себе, а значит, и уважения к своей истории.

Примечательно, что на этот социальный заказ первыми откликнулись не профессиональные историки, а люди, совершенно далёкие от истории. Полки магазинов немедленно наполнились продукцией на актуальную тему. Кондитерская фабрика «Красный Октябрь» начала выпускать серию шоколада «Герои Отечества» — причём на каждой плитке любители сладкого могли не только увидеть портрет исторической знаменитости (Петра I или Багратиона), но и получить краткую справку о его заслугах перед отечеством. Крепость Очаков, символ русской военной славы, появилась на упаковках с фруктовыми соками, а строй винно-водочной продукции стал напоминать портретную галерею русских князей и государей. (Впрочем, российские производители крепких напитков подхватили эту тенденцию у западных конкурентов). На наших глазах рождался современный исторический «китч» — своеобразная форма заполнения пустот в массовом историческом сознании. Образы русской истории стали активно использоваться в телевизионной рекламе — в одних случаях даже с претензией на историческую достоверность (банк «Империал»), но чаще в традициях костюмированной самодеятельности (шоколад фабрики «Россия», шоколад «Дары Покрова»).

Интерес к прошлому («положительному прошлому») в российском обществе в то же время подогревался настроениями разочарования настоящим. В апреле 1995 г. социологическая служба «Мониторинг» провела среди жителей Москвы и Московской области опрос на тему: «Кому Вы доверили бы вывести Россию из кризисного состояния?». В ходе опроса в алфавитном порядке был предложен список современных и исторических политических деятелей, российских и зарубежных. Лидерами рейтинга оказались два русских Петра — Первый, император (ему отдали предпочтение 13,6% опрошенных) и премьер-министр начала XX в. Столыпин (8,7%). Среди современных политиков больше всего голосов собрали Григорий Явлинский, лидер фракции «Яблоко» в Государственной Думе, и московский мэр Юрий Лужков (соответственно 7,2% и 4,5%). Почти половина опрошенных (46%) вообще не нашли подходящего лидера среди действующих и отдали предпочтение деятелям историческим(4).

О метаморфозах массового сознания, эволюции системы исторических ценностей в массовых представлениях можно судить по итогам двух социологических опросов, проведённых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1989 и 1994 гг.(5). Первый опрос проводился в разных республиках СССР (шести областях РСФСР, четырёх — Украины, трёх — Казахстана, в Литве, Армении, Грузии, Молдавии, Молдавии, Узбекистане), второй — только на территории Российской Федерации. Несмотря на это различие, данные опросов вполне сопоставимы, поскольку в первом случае именно мнение россиян оказалось решающим, и кроме того, опрос 1989 г. в большей степени отражал систему ценностей «советского человека», когда национальный интерес только начинал заявлять свои позиции.

В числе прочих вопросов респондентам предлагалось назвать «десять самых выдающихся деятелей всех времён и народов». Интересно, что в 1989 г. среди «вы-

дающихся личностей», которым удалось перешагнуть 5-процентный рубеж (т. е. которых назвали 5% опрошенных и более) присутствует только один «национальный» — не российский и не советский — символ, украинский поэт Тарас Шевченко, что, в общем, подтверждает преобладание в этот период в массовом сознании ценностей и символов советской эпохи (за исключением некоторых национальных республик, мнение жителей которых, как видно, не повлияло на общие результаты опроса).

И в 1989 г., и в 1994 г. участники опросов, определяя наиболее выдающихся деятелей «*всех времён и народов*», всё же отдали предпочтение, во-первых, героям XX в., а во-вторых, своим соотечественникам. При этом «патриотический» фактор за пять лет только упрочил свои позиции. Интересно посмотреть, кто же вошёл в первую десятку лидеров? В 1989 г. список выдающихся личностей возглавил Ленин (его назвали 68% опрошенных), далее шли Маркс (36,2%), Пётр I (31,9%), Горбачёв (22,6%), Пушкин (21%), Энгельс (18,1%), Ломоносов (16,1%), Сталин (14,9%), Суворов (14,8%), Гагарин (14,3%). В 1994 г. картина изменилась: во главе рейтинга находился Пётр I (40,6%), вслед за ним Ленин (33,6%), Пушкин (22,8%), Сталин (20,3%), Суворов (17,6%), Жуков (14,1%), Наполеон (13,7%), Ломоносов (13,4%), Сахаров (12,6%), Кутузов (10,3%).

Данные опросов, таким образом, демонстрируют девальвацию марксистских ценностей, а вместе с тем, и прежней — советской — идеологии в сознании россиян: ни Маркс, ни тем более Энгельс (который в первом случае скорее был назван как часть триады Маркс–Энгельс–Ленин, нежели как самостоятельная фигура) не смогли перешагнуть в 1994 г. 5-процентный барьер популярности. Кризис старой идеологической системы отразился и на отношении к Ленину, харизма которого существенно пошатнулась. В 1989 г. в основном благодаря средствам массовой информации Ленин воспринимался как некий символ «правильного» социализма в отличие, например, от Сталина, который как бы воплощал в себе идею социализма «неправильного», «извращённого». В 1994 г., опять не без влияния новой исторической информации и оценки ситуации внутри страны (состояние которой уже трудно было объяснять, как в прошлый раз, только отходом от идеи «правильного» социализма), фигура Ленина теряет своё значение общегосударственного, объединяющего символа, хотя входит в тройку наиболее часто называемых имён. В конце 80-х гг., полагает, например, А.Г. Левинсон, Ленин играл к тому же роль *наднационального* советского символа, и его значимость была особенно высока для тех русских, кто считал себя «советскими людьми»(6).

В массовом сознании россиян одновременно с уменьшением значения символов наднациональных укреплялись позиции тех, кто, напротив, мог претендовать на звание «выдающегося» прежде всего как герой национальный. Не случайно в 1994 г. самый высокий рейтинг среди выдающихся личностей был у Петра I, сохранил свои позиции Пушкин как символ русской культуры, а почётный список пополнился именами Екатерины II, Александра Невского, Николая II и других деятелей русской истории.

Исторических личностей, вошедших в категорию «выдающихся», условно можно разбить на группы: государственные деятели, полководцы, учёные, деятели культуры, идейные лидеры. Для составления более полной картины возьмём тех, кто вошёл не в десятку лидеров, а получил в результате опроса не менее 5% голосов респондентов (в этом случае список увеличивается до 20 человек). В числе государственных деятелей в 1989 г. были названы Ленин, Пётр I, Сталин, Горбачёв, Дзержинский, Гитлер. Пять лет спустя за 5%-ной чертой остался Дзержинский, зато оставшийся

список пополнили новые имена: Екатерина II, Николай II, Столыпин, Брежнев, Хрущёв. Идейными лидерами конца 80-х всё ещё были Маркс, Энгельс, Ленин. В середине 90-х остался только Ленин, в «компанию» к которому попали люди, в общем, далёкие от марксизма — Солженицын и Сахаров.

В 1989 г. в числе выдающихся гораздо чаще (чем в 1994 г.) назывались учёные и деятели культуры. Так, «учёный список» в конце 80-х гг. был представлен именами Ломоносова, Менделеева, Циолковского, Эйнштейна, Дарвина, Королёва, Ньютона, Павлова. В 1994 г. из списка исчезли все «иноземцы», а отечественную науку «голос народа» поручил представлять лишь Ломоносову и Менделееву, прибавив к ним академика Сахарова (который в то же время был отнесён нами к категории «идейных лидеров»). Среди деятелей культуры иностранцам не нашлось места ни в 1989, ни в 1994 гг. и сам список в последнем опросе оказался сильно урезанным: в число двадцати «исторических личностей» попали тогда лишь Пушкин, Лев Толстой и Лермонтов (в 1989 г. та же «тройка» плюс Чайковский, Горький и Шевченко).

Самым стабильным оказался условный список выдающихся полководцев. Он вообще не претерпел никаких изменений и включал в себя всё ту же «пятерку»: Суворов, Кутузов, Жуков, Наполеон, Александр Македонский. Ни в одну из предложенных групп не вошёл Юрий Гагарин, хотя в 1989 г. в число выдающихся личностей его включили 14,3% опрошенных, а в 1994 — 7,7%. Это значит, что приоритет России (СССР) в освоении космоса и Гагарин в сознании россиян продолжают занимать «историческое» место — как символы славы отечества.

В целом государственные деятели и полководцы, в последнем опросе существенно потеснили представителей культуры. В числе лидеров оказались прежде всего сильные личности — императоры и вожди, известные своим деспотизмом, и военачальники. Сталин, например, в рейтинге выдающихся деятелей переместился с 8-го места в 1989 г. на 4-е в 1994 г. — и это после волны «разоблачительной» литературы! С 24-го на 16-ое место поднялся Гитлер. Этот список пополнил реформатор Столыпин (которого советская историография называла не иначе, как «вешатель» и вспоминала про «столыпинский вагон»), и в то же время там не нашлось места Александру II, «царю-освободителю», который в массовом сознании воспринимается как слишком «мягкий» государь.

На массовых исторических стереотипах пытаются играть некоторые политические партии. Во время предвыборной кампании в российский парламент 1995 г. был, например, зарегистрирован избирательный блок под весьма характерным названием «Дело Петра I», который, правда, получил на выборах всего 0,2% голосов избирателей. Это свидетельствует, в частности, о том, что исторические пристрастия россиян определяют даже не имя, а его символическое содержание: в данном примере Пётр I — символ рождения новой, сильной России — никак не соответствовал влиянию и возможностям нового избирательного блока.

Результаты опросов 1989 и 1994 гг. показали любопытные изменения в массовых представлениях и в массовом историческом сознании. Анализируя их итоги, один из участников опросов А.Г. Левинсон пришёл к таким выводам: массовое сознание россиян стало, во-первых, менее интегрированным вокруг одного символа (каким был в конце 80-х Ленин), во-вторых, оно рассталось с марксизмом, своеобразным идеологическим советским наследием; и в-третьих, в нём *сильнее проявилась тяга к символам империи и авторитарного управления ею*(7). Последнее подтверждают и другие опросы, а также результаты наших собственных наблюдений. Главная же особенность сегодняшнего дня, по-видимому, заключается в том, что массо-

вое сознание в своем отношении к символам прошлого эволюционирует в том же направлении, что и государственная система ценностей.

Существует ли в России «государственный взгляд» на историю?

В отличие от лидеров других государств, возникших на постсоветском пространстве, российская властная элита до сих пор не обозначила достаточно четко своего отношения к русской проблеме и национальной русской истории. Это значит, что создание особой русской истории, автономной от общей истории России и СССР, не воспринимается на этом уровне как политическая проблема и государственная необходимость. Пока два обстоятельства удерживают Ельцина от соблазна разыграть «русскую карту»: во-первых, стремление сохранить в сфере своего влияния нерусские регионы в составе России, а во-вторых, проблема русских за пределами России, по отношению к которой нынешние российские власти ведут себя более чем индифферентно.

Пожалуй, единственным исключением из общего правила является поведение московского мэра Юрия Лужкова, открыто заявившего свою «прорусскую» позицию (прежде всего в вопросе о статусе Севастополя) и активно апеллирующего к историческому прошлому для её аргументации(8). Московская мэрия приложила немало усилий, чтобы сделать из Москвы «русскую столицу». В этом ряду — замена вывесок с иностранными названиями на русские, реставрация исторических зданий, восстановление Храма Христа Спасителя, и, наконец, сооружение новых построек в весьма спорном псевдорусском стиле. Даже празднование 850-летия Москвы в сентябре 1997 г., соединившее в себе традиции русской ярмарки и латиноамериканского карнавала, казалось, призвано было продемонстрировать истинно «русский» размах столичного градоначальника.

Не отстаёт от мэра и московская Дума, которая на своих заседаниях не раз обращалась к вопросам патриотического воспитания. Столичные депутаты одобрили законопроекты, специально посвящённые московской городской символике и организации праздников города. И в том, и в другом случае «историческая тема» имела решающее значение. А в июле 1998 г. московские парламентарии выступили с инициативой внесения изменений в устав города, смысл которых сводился к возвращению Москве статуса города-героя. Это звание Москве было присвоено в 1965 г. — в память о заслугах её жителей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Устав города, принятый в 1995 г., фактически дезавуировал статус Москвы как города-героя. Теперь парламентарии (нового созыва) решили исправить положение и предложили соответствующим образом изменить городскую символику: на флаге города слева от Георгия Победоносца поместить изображение медали «Золотая Звезда»(9).

Предложение о соединении символов двух эпох — дореволюционной и советской — ещё недавно рассматривающихся с позиций антагонизма, — может быть, нелепо, с точки зрения эстетики, но само по себе достаточно показательно. Его можно оценить как признак определённого сдвига в сознании того слоя людей, которые на разных уровнях принимают ответственные государственные решения. Этот сдвиг позволяет надеяться, что отношение к историческому наследию будет определяться не политическими пристрастиями отдельных лиц, но пониманием, что из истории нельзя выкинуть спорные страницы и переписать их заново. С другой стороны,

попытки «примирения» различных эпох русской истории, может быть, даже в большей степени, связаны не столько с проявлением здравого смысла, сколько с необходимостью заполнить образовавшийся идейный вакуум, прежде всего в вопросах патриотического воспитания.

В конце октября 1998 г. в ряде регионов России, в том числе и в столице, прошли странные, на первый взгляд, торжества. Формальным поводом к их проведению послужил юбилей — 80-летие со дня образования комсомола, главной политической организации молодежи советских времён. На юбилей так или иначе собрались и левые (кто в открытую отмечал день рождения ВЛКСМ) и правые (кто предпочитал завуалированные формулировки вроде «начала массового молодёжного движения в России», не вспоминая о комсомоле вообще). В Москве юбилейные торжества были организованы как праздник под названием «Россия молодая», в котором главная роль отводилась выпускникам военных училищ. Организаторы этих торжеств больше всего говорили о «патриотизме, возрождении старинных военных традиций Российской армии, воспитании уважения к государственным символам России»(10). В то же время в памяти большинства ныне живущих россиян этот день, несмотря на попытки привязать к нему иную традицию (более выгодную, с точки зрения момента), всё равно остается как «комсомольский» день. Поэтому божественная литургия, прошедшая в этот день в храме Георгия Победоносца, могла вызвать только недоумение со стороны тех, кто представлял себе, какую роль в борьбе с церковью и «атеистическом воспитании» молодого поколения сыграла в своё время комсомольская организация. Попытки властей, озабоченных дефицитом патриотического чувства у современной молодежи, опереться на историческую традицию понятны, но эти попытки обречены на неудачу, если они не будут считаться с таким фактором, как историческая память народа.

Представители новой российской государственности на первых порах в решении вопроса об исторической преемственности действовали примерно так же, как большевики образца 1917 г. Те отреклись от «старого мира», т. е. от всего того, что было до октябрьского переворота (сохранив память о «сопротивлении царскому режиму» — народных волнениях, революционных кружках и рабочих стачках). Новая Россия в 1991 г. поспешила «откреститься» от советского прошлого: были отменены советские праздники, исчезла советская государственная символика, награды, памятники деятелям советской эпохи и другая атрибутика, напоминающая о советских временах. Нравственный ограничитель сработал тогда только в одной точке: праздник Победы остался в числе государственных (живая память о минувшей войне и ветераны, носители этой памяти, не позволили довести процесс «отречения» до логического конца). Что касается отменённых советских праздников — Дня Октябрьской революции (7 ноября) и Дня международной солидарности трудящихся (1 мая), то здесь был найден компромисс: эти дни остались нерабочими, но получили как бы новый статус, новое название. Годовщина Октябрьской революции превратилась в День согласия и примирения, а 1 мая стал отмечаться как День весны и труда. Объявление прежнего революционного праздника днём национального примирения было важным шагом со стороны властей, которые как бы отдавали дань уважения исторической памяти народа (а революция 1917 г., несмотря на несходство мнений в её оценке, принадлежит, безусловно, к главным этапным вехам русской истории) и в то же время призывали различные политические силы к диалогу и согласию во имя интересов российского общества и государства (в этом смысле память о революции должна

была служить своеобразным предупреждением о последствиях гражданских конфликтов и противостояния).

Вернули статус официальным православным праздникам Рождества и Пасхи. Государственный герб России украсил двуглавый орел, хотя процесс утверждения новой государственной символики растянулся на несколько лет. В Москве был открыт памятник Петру I, изображение этого российского самодержца появилось на государственных банкнотах. Эти и другие факты должны были продемонстрировать историческую преемственную связь новой России с Российской Империей, минуя советский период. Однако вскоре обнаружилось, что эта демонстрация носит скорее ритуальный и поверхностный характер, не затрагивая основ исторического сознания и исторической памяти. В реальной практике российские государственные деятели и политики часто поступали исключительно «по-советски», руководствуясь отнюдь не государственными, а своими узкокорпоративными интересами. Со всей очевидностью это показали события, связанные с перезахоронением останков последнего российского императора Николая II и членов его семьи.

Долгое время российские власти, и прежде всего президент, не могли определить свою позицию по вопросу о захоронении царских останков. С точки зрения исторической преемственности церемония захоронения должна была бы иметь статус государственного мероприятия. Ещё важнее было бы подчеркнуть его нравственный смысл — как общенациональное покаяние перед жертвами расстрела, который приобрёл для всей последующей истории России знаковый смысл. Одновременно это событие могло бы стать и символическим актом национального примирения (не случайно раздавались голоса, предлагающие осуществить в один день обряд погребения Николая II и Ленина).

В действительности случилось иначе. Сначала спорили о том, являются ли найденные под Екатеринбургом останки действительно царскими. Общественное мнение разделилось на тех, кто верил выводам комиссии, исследовавшей «екатеринбургские останки», и тех, кто считал подлинными останки «брюссельские», якобы замурованные в стене брюссельского храма (поскольку последние не были найдены, то вопрос об их экспертизе вообще не ставился). После того, как авторитетная медицинская экспертиза в очередной раз с большой долей вероятности подтвердила подлинность «екатеринбургских останков», началась политическая борьба вокруг вопроса о месте захоронения. Три города в лице своих мэров и губернаторов — Москва (Ю. Лужков), Санкт-Петербург (В. Яковлев) и Екатеринбург (Э. Россель) — оспаривали это право. Когда решение было принято в пользу Петербурга, где в Петропавловском соборе похоронены все Романовы, московский мэр Ю. Лужков сразу утратил интерес к этой проблеме (и присоединился к тем, кто сомневался в подлинности останков). Двусмысленную позицию в этом деле заняла Русская православная церковь в лице патриарха Алексия II, который заявил о непризнании найденных под Екатеринбургом останков останками императора Николая и членов его семьи.

Позиция церкви, вероятно, повлияла и на решение президента не участвовать в церемонии захоронения, назначенной на 17 июля 1998 г. Официально российские власти на церемонии должен был представлять вице-премьер правительства России Борис Немцов. Накануне похорон, 15 июля, о своём отказе участвовать в церемонии заявили обе палаты российского парламента. Некоторые депутаты приняли решение всё-таки присутствовать на погребении, но как частные лица. Однако уже 16 июля Борис Ельцин объявил, что он меняет своё первоначальное решение и будет участвовать в траурной церемонии в Санкт-Петербурге. Таким образом, президент, как это

уже не раз случалось, спутал политикам все карты: то, что в действиях Ельцина выглядело как поступок, как исправление собственной ошибки, в случае следования ему со стороны других высокопоставленных «отказников» выглядело бы уже просто как беспринципность, как отсутствие собственной политической позиции. Отреагировать на решение президента успел только Совет Федерации, который срочно сформировал официальную делегацию для участия в церемонии захоронения.

Присутствие первого российского президента на погребении последнего российского императора имело не только политический смысл. Выступая на церемонии Ельцин впервые говорил об историческом покаянии, т. е. о покаянии *всех* потомков перед *всеми* предками — без разделения тех и других на «своих» и «чужих»: «Предавая земле останки невинно убиенных, мы хотим искупить грехи своих предков. Виновны те, кто совершил это злодеяние, и те, кто его десятилетиями оправдывал. Виновны все мы». И как итог: «Строя новую Россию, мы должны опираться на её исторический опыт... Любые попытки изменить жизнь путём насилия обречены...»(11). Эти слова, произнесённые президентом на траурной церемонии, вряд ли можно рассматривать как некую государственную линию, определяющую в целом отношение к историческому наследию, но адекватное восприятие прошлого без впадения в крайности может способствовать освобождению реальной политики от исторического нигилизма, равно как и от идеализации истории. Тем более, что в современной российской реальности присутствуют обе крайности.

Нигилизм российских официальных лиц и политиков по отношению к процедуре захоронения сопровождался другой тенденцией: ряд патриотических изданий и некоторые телевизионные каналы использовали подготовку к церемонии погребения царских останков для внедрения в массовое сознание идеализированного образа Николая II. Такие попытки были и раньше, но теперь они находили гораздо больший отклик со стороны массовой аудитории: та «пляска на костях», которую допустили и в которой участвовали российские власти, у обычного человека (т. е. не связанного корпоративным политическим интересом) вызывала чувство законного протеста и естественного сочувствия к членам царской фамилии, с которыми поступают так «не по-человечески». Своим поведением российские власти способствовали закреплению в массовом сознании ложных исторических стереотипов: образа праведного государя, великого политического деятеля и полководца, которым император Николай не был при всех натяжках и допущениях. А главное, при подобных идеализированных трактовках и оценках деятельности последнего российского самодержца, освобождение его от какой бы то ни было исторической ответственности за катастрофу 1917 г., сами эти события либо переводятся в разряд «недоразумений», либо объясняются происками враждебных сил. На опасность осуществления подобной государственной линии по вопросу об отношении к историческому прошлому не раз обращали внимание демократические средства массовой информации(12).

За попытками идеализации Николая II некоторые публицисты склонны видеть не только «самодетельность» отдельных патриотических изданий и СМИ, но и некий государственный заказ. Сам российский президент своим нестандартным поведением (спонтанные решения, неожиданные отставки, фаворитизм, «нелюбовь» к Думе и т. д.) не раз давал повод обвинять себя в склонности к государственному абсолютизму. В русле этой тенденции повышенное внимание к российским самодержцам, причём не только Николаю II, но и Петру I или Екатерине II (последние в ряде публикаций всё чаще упоминаются с эпитетами «Великий», «Великая») выглядит вполне закономерным.

В условиях российского кризиса перед государственной идеологией стоит задача поиска положительного примера, и в первую очередь, в глубинах русской истории — когда страна находилась на подъёме или в период расцвета. Эпоха Николая II в этом смысле — мягко говоря, не лучший образец для подражания. Другое дело — времена петровских реформ или «золотой век» Екатерины. Правда, в случае с Екатериной смущает «женский фактор». Может быть, этим объясняется тот факт, что в 1996 г., когда исполнилось 200 лет со дня смерти императрицы, это событие было обойдено государственным вниманием, хотя именно тогда благодаря многочисленным публикациям на юбилейную тему общественный интерес к «золотому веку» заметно активизировался. Однако, спустя два года, в 1998 г., российское телевидение начало показ документального сериала «Екатерина Великая», сделанного явно в апологетической традиции.

Государственная идеология не случайно делает ставку на тех или иных исторических персонажей, сам выбор героев весьма показателен для уяснения основных направлений и тенденций развития официальной системы государственных ценностей. Тем более интересно зафиксировать эти тенденции в России, где государственная идеология как система ценностей только начинает складываться. В целом, они совпадают с теми процессами, которые с середины 90-х гг. определяют и эволюцию массовых настроений: ставка на сильных личностей, олицетворяющих могущество Российской Империи. И частичное возвращение к её символике следует рассматривать в этом же ключе. В 1998 г. в качестве высшего знака отличия Российской Федерации, как это было когда-то в императорской России, был восстановлен орден Святого апостола Андрея Первозванного (первым удостоен новой награды академик Дмитрий Лихачёв). Вновь утверждённый орден даже внешне напоминает собственный аналог, упразднённый в 1917 г., хотя императорский герб в символике ордена заменён на российский, и в цветовой гамме явно просматривается российский триколор.

Возвращение старой государственной символики — не первый случай переосмысления в истории России XX в. Переоценивается роль и значение отдельных исторических персонажей. В середине 30-х и 40-е гг. примерно то же самое проделал Сталин: сначала были восстановлены казачьи войска и звания в армии, потом вернулся новогодний праздник вместе с запрещённой ранее ёлкой, по государственному заказу создавались книги и кинофильмы о русских государях и полководцах. После «большого террора» 1937 г. Сталину понадобилась историческая реабилитация: тогда вспомнили об Иване Грозном, деяния которого стали трактоваться в удобном Сталину духе, прежде всего опричнина — государственная репрессивная кампания 60-х гг. XVI века. Возрождение имперской традиции в идеологии и политике предвоенного времени объяснялось не только характером внутренней эволюции сталинского режима, но и психологической подготовкой к войне. Патриотизм заметно потеснил интернационализм — и на этой новой волне менялся пантеон героев. Герои революции уступали место тем, кто в народной памяти символизировал воинскую славу отечества: Александру Невскому, Петру I, Кутузову, Суворову, Ушакову и др. В 1942 г. уже во время войны был восстановлен «царский» орден — Александра Невского, учреждённый ещё Петром I для награждения за особые военные заслуги. Стоит заметить, что внешне тот орден не напоминал прежний: крест, составлявший основу символики ордена Александра Невского императорской России в сталинское время был заменён на пятиконечную звезду — один из традиционных символов революции. Ставка на сильных личностей в истории сопровождалась укреплением авторитарной власти Сталина внутри страны.

В современной России ситуация складывается иначе. Апелляция к сильным историческим личностям в данном случае можно скорее рассматривать как показатель внутренней слабости режима, и прежде всего позиций самого президента, который всё чаще оказывается «не у дел». Авторитет сильных личностей прошлого используется окружением президента для поддержания престижа личной власти Ельцина, которая получает, таким образом, некую историческую преемственность и историческую (а не только политическую) легитимность. При обращении к тем же авторитетам представителей оппозиции (прежде всего, национал-патриотов), напротив, всячески подчёркивается «несоответствие» нынешнего российского президента своим великим предшественникам, а нынешние российские власти, в целом, представляются как «недостойные» наследники былой славы отечества. Поскольку оппозиция взяла на вооружение исторические символы раньше партии власти, усилия последней «перетянуть» героев русской истории на свою сторону и использовать их для формирования собственного имиджа, выглядят как несколько запоздалая попытка выбить из рук политических противников «исторический козырь».

Осторожная, а скорее не прояснённая политика российских властей в русском вопросе не раз давала повод сторонникам национально-патриотических сил упрекать Ельцина в пренебрежении национальными интересами России. В то же время правящая элита не могла не сознавать, что отсутствие некоей объединяющей общегосударственной (национальной) идеи лишает власть мощного фактора поддержания своего авторитета. Первоначально была попытка сделать ставку на православие. Сближение с иерархами Русской православной церкви, демонстративное участие представителей власти в церковных службах на Рождество, Пасху, официальное признание этих дней праздничными — всё это должно было свидетельствовать о признании государством православных ценностей. Но православие не могло быть использовано в качестве государственной идеологии (национальной идеи): это противоречило бы светскому характеру российского государства и неизбежно вызвало бы противодействие со стороны представителей других религиозных конфессий.

О том, что России нужна национальная идея, Ельцин объявил в августе 1996 г., и это заявление стало началом полемики, в которой приняли участие практически все СМИ — самых разных политических направлений и оттенков. В конце 1997 г. Управление делами Президента по итогам дискуссии выпустило сборник «Россия в поисках идеи. Анализ прессы», который высветил весь спектр сегодняшних представлений «русской идеи»(13).

Стимулом к возрождению «русской идеи» послужили и многочисленные (начиная с конца 80-х гг.) переиздания работ её основоположников — русских философов конца XIX — начала XX вв. — Н. Бердяева, В. Соловьёва, К. Леонтьева, В. Розанова, П. Флоренского, И. Ильина и других. Их идеи, вошедшие в школьные учебники и тиражируемые самыми популярными изданиями, способствовали активизации интереса ко всему, что связано с русской историей и самобытностью России. Другое дело, что заимствование из идейного багажа прошлого часто происходило без должной переоценки ценностей, без учета изменившихся за столетие реалий российской жизни.

Официальные российские власти пока воздерживаются от каких-либо конкретных заявлений по поводу своего видения «русской идеи», но по ряду высказываний президента и других представителей властных структур очевидно, что национальная идея воспринимается ими прежде всего как идея *государственная*, державная, не имеющая этнического оттенка. Любопытно, что этатизм, как основополагающий

принцип «русской идеи», столь же характерен и для взглядов оппозиции — коммунистов и националистов. Подобная трактовка национальной идеи влияет и на отношение к русской истории, которая воспринимается прежде всего как история государства Российского.

Исторические сюжеты в программных документах политических партий

Общим местом программных документов большинства **национал-патриотических партий** является признание тезиса о процветании России в начале XX в., которое было разрушено коварными происками враждебных России сил. Для одних эти силы предстают в облике международного и внутреннего сионизма, для других — враждебного Запада.

Радикальная национал-патриотическая Русская партия («партия Милосердова») не ограничилась констатацией этих общих положений, но и включила в первую редакцию своей программы (принята на съезде партии 27 марта 1993 г.) специальный раздел «Политическая оценка исторического развития России в XX столетии». В нём, в частности, говорится: «Наши земли веками оставались приманкой для оседлого Запада и добычей для кочевого Востока». Далее в разделе отмечается, что в начале XX в. произошёл «русский погром в государственном масштабе». Следующим этапом геноцида стала Великая Отечественная война, «спровоцированная международным и внутренним сионизмом, унёсшая десятки миллионов жизней, преимущественно русских».

При этом, авторов этого документа, разумеется, едва ли могут остановить логические неувязки и исторические несообразности, встречающиеся в нём на каждом шагу. Хотя было бы интересно узнать, чем приманивали наши земли, например, в средние века Англию, Францию или многочисленные итальянские государства? Для «кочевого» Востока в это время наши земли, действительно, временами становились добычей. Однако с середины XVI в. Россия сама начала успешно овладевать землями кочевников и на востоке, и на юге. Наконец, учитывая огромные человеческие жертвы, понесённые евреями во второй мировой войне, по логике составителей программы, следует признать сионистов не коварными и всемогущими вершителями судеб мира, а глупыми и неумелыми дошколятами, спалившими из-за неосторожного обращения со спичками не только свой дом, но и полгорода. Однако не тут-то было, и перестройка, «начатая демократами-сионистами в 1985 г.», оценивается как второй «величайший эксперимент в мире по ограблению России и уничтожению русской нации...»(14). Любопытно было бы узнать, кого из членов Политбюро ЦК КПСС полковник запаса В. Милосердов и его коллеги считают «демократами-сионистами»? Увы, и на этот вопрос от лидеров Русской партии едва ли можно получить хоть сколько-нибудь внятный ответ, ибо навешивание политических ярлыков на оппонентов для носителей национал-большевистского политического сознания не требует ни точности, ни логической аргументации.

Для «Русского национального единства», возглавляемого А. Баркашовым, сионисты или даже Запад кажутся в роли врагов России слишком мелким противником. Они говорят о более глобальном противостоянии России и «сил, враждебных Богу, цивилизации и человечеству». Такими силами, впрочем, оказываются вполне земная

«международная финансовая олигархия», «выкормыши» которой и установили в стране коммунистическую диктатуру. «Именно под предлогом коммунизма стал возможен неэквивалентный экономический обмен России с другими странами. “Кагановичи” выплатили сторицей своим хозяевам средства, затраченные на подготовку российской трагедии. Выплатили, не забыв при этом положить сотни миллионов рублей на свои счета и счета своих потенциальных наследников», утверждает в «Декларации» этого движения национал-социалистической ориентации (15). Иначе, чем бредом такой пассаж признать нельзя. Всякий читатель, интересующийся политической историей, хорошо знает, что неэквивалентный экономический обмен, а часто и безвозмездная помощь действительно имели место под лозунгом «пролетарского» («социалистического») интернационализма. Но эта помощь или неэквивалентный обмен осуществлялся СССР не с развитыми странами, в которых международная олигархия и господствовала, а с развивающимися и социалистическими странами. Более того, попытки нашей страны вести неэквивалентный обмен время от времени наталкивались именно на сопротивление ведущих стран мира, обвинявших СССР в установлении демпинговых цен на сырьё и товары. Анализ реальной расстановки сил крупнейших империалистических держав в начале XX в. в «Декларации» подменён на ритуальные для национал-патриотов заклинания о международной финансовой олигархии. Удивляет, однако, не сама трактовка событий, которая целиком находится в русле традиционной для национал-патриотов парадигмы, но наполнение её историческими символами. Превращение Кагановича (который в период подготовки октябрьского переворота никакой заметной роли в партии не играл), сохранившего верность коммунистическим идеалам до конца жизни и умершего в бедности, в фигуру, символизирующую преуспевающих «выкормышей» этой самой олигархии, обнаруживает всю бездну пренебрежения историческими реалиями и свидетельствует о стремлении авторов «Декларации» к мифотворчеству, ориентированному на люмпенские слои населения.

Среди национал-патриотических партий и организаций особое место в программных документах уделяют историческим сюжетам **монархисты**. Для них основами бытия России являются монархия и православие. В «Декларации» Всероссийской партии монархического центра отстаивается идея исключительности «православного духа русского народа». В этом же документе корни трагедии «предреволюционного периода» определены не через глобальное противостояние цивилизаций, а исходя из внутренних причин: «в противоестественном положении Русской Православной Церкви, лишённой патриаршества западническими реформами начала XVIII в., в слабости национального политического сознания широких слоев народа, особенно же во всестороннем противоборстве монархии целого слоя “левой” интеллигенции, духовно подпавшей под влияние атеизма и республиканских идей». При всей неполноте причин революции нельзя не согласиться с выводом «Декларации» о том, что тоталитарный режим, установленный в результате революции, был равно враждебен «традициям и интересам всех народов страны» (16).

Российские **христианские демократы** солидарны с монархистами в оценке революции 1917 г. и гражданской войны как «российской катастрофы» — именно так называется раздел «Декларации Российского христианского демократического движения». При этом Россия начала XX в. рисуется в нём исключительно радужными красками: «подъём во всех областях жизни», изживание экономической отсталости и социальных противоречий, развитие учреждений гражданского общества. Однако гражданское общество окрепло ещё не настолько, чтобы выдержать испытание миро-

вой войной. «Февральская революция открыла путь анархии и беззаконию... Момент развала российской власти был использован большевиками, которые являлись представителями вне социального и вне национального, то есть люмпенского сознания, и рассматривали Россию в качестве плацдарма для насильственного преобразования мира»(17).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в исторической части программных документов христианские демократы куда больше, чем монархисты, преуспели в апологетике старого режима, совершенно не замечая в нём никаких противоречий, в то время как монархисты в своём анализе российской трагедии именно в этих противоречиях и видят её причину. Более того, негативно оценивая февральскую революцию, христианские демократы не замечают ни её демократических завоеваний, что несколько странно для «демократов», ни того, что после февраля церковь в стране, наконец, смогла обрести независимость от удушающей опеки государства и перевести вопрос о восстановлении патриаршества в практическую плоскость. Последнее как-то странно уже для христианского движения.

Объяснить однозначно такие несуразности исторических оценок в «Декларации РХДД», принятой летом 1992 г., практически одновременно с программными документами Всероссийской партии монархического центра едва ли представляется возможным. Вероятно, причины этому следует искать в том, что в начале 90-х гг. на российской политической арене ещё недостаточно выкристаллизовалась дифференциация политических сил, и названия политических партий порой весьма приблизительно соответствовали их идеологии. Наиболее яркий тому пример — Либерально-демократическая партия России. И в программных установках партии, и в выступлениях и печатных трудах её лидера В. Жириновского с большим трудом можно отыскать отдельные фрагменты либеральной концепции. Это справедливо и для исторической части «Программы ЛДПР», в которой причины «катастрофического развала России» объясняются «враждебными действиями Запада и его агентуры внутри страны»(18).

История России в интерпретации национал-патриотов предстаёт как история русского народа, создававшего империю, а с 1917 г. подвергнувшегося непрекращающемуся геноциду. Русский народ изображается ими как народ-страдалец, отданный на заклятие «жидомасонам» («евреям», «сионистам»). Однако при такой трактовке истории России в XX в. русские, позволившие обмануть себя кучке большевиков-сионистов, предстают либо полными идиотами, либо неразумными, неискушёнными детьми. Чтобы избежать самоунижения и возможных обвинений в завуалированном русофобстве необходимо было расширить социальную базу «малого народа», разрушившего империю. Наиболее корректно эту задачу в своей «Программе» постарался решить «Союз русских националистов», учреждённый в январе 1992 г. на Кубани и вошедший позже в «Русский общенациональный союз». «По оценке зарубежных специалистов начала века, к 1930 г. Россия должна была стать ведущей экономической державой мира... Немало стараний приложили Европа и Америка, чтобы убрать будущего конкурента. Вложив огромные деньги в большевистские революционные банды иноверцев, инородцев и люмпенизированных русских, они эшелонами отправляли отбросы общества в Российскую империю с целью взорвать её социальный мир...», говорится в программном документе Союза. «Пришедшие к власти бланки, бронштейны, дзержинские, латышские стрелки, “революционные китайцы и матросы” развязали красный террор. “Схватился народ за топор, но было уже поздно”»(19).

Нетрудно заметить, что здесь уже речь идёт не об извечном противостоянии России и Запада или сил Добра и Зла, а о столкновении геополитических интересов крупнейших держав. Правда при этом почему-то забывается, что в первой мировой войне Россия не в одиночку противостояла Европе и Америке, а воевала в союзе с Англией, Францией, Италией, а не с одной православной Сербией. И не союзники оставили Россию, а Россия подписала сепаратный мир. Едва ли авторы пребывают в неведении, по какой причине Ленин, осознавая, что ему ещё аукнется эхо стука колес «пломбированного вагона», решил отправиться через территорию Германии, а не морским путём через Францию и Англию, где были арестованы большевики, пытавшиеся вернуться в Россию. Наконец, фантазии на тему эшелонов «с отбросами общества» можно объяснить лишь исходя из той общественно-политической ситуации, которая царила с конца 1980-х гг., когда в обществе произошла переоценка роли и значения Октябрьской революции и советского периода истории России.

Поднявшаяся волна «разоблачительной» литературы и публицистические попытки осмысления «коммунистического эксперимента» как явления, которое могло произойти *только в России и только с русским народом*, не могли не вызвать чувство протеста у русских, как принадлежавших к носителям этнодоминирующей этничности (то есть признающих приоритет прав народа над правами человека и разделяющих представления о превосходстве своего народа), так и у немалой части людей с нормальной этнической идентичностью, «при которой задаётся и воспринимается положительный образ своего народа.., и вполне толерантные установки к другим народам...»(20). Отсюда и эмоциональная фраза, как бы подводящая итог аргументации «Союза русских националистов» об интернациональном характере революции 1917 г.: «И не надо обвинять один русский народ в проведении великого коммунистического эксперимента»(21).

Осмысление октября 1917 г. служит водоразделом и между неокommунистами (КПРФ, Аграрная партия России) и **социал-демократами**. Социал-демократическая партия России в своем программном документе «Путь прогресса и социальной демократии», принятом на III съезде партии в мае 1991 г., оценивает путь России в XX в. как «тупик коммунистического тоталитаризма» и «беспощадный эксперимент над народом России». СДПР критически оценивает и узурпацию власти партией большевиков, использовавшей «беззастенчивую демагогию, обращённую к низменным инстинктам толпы». Сама цель большевистской партии признаётся «порочной» и «утопической». Последнее для приверженцев «единственно верной научной идеологии» не может не выглядеть особенно оскорбительным в устах ренегатов. Не менее обидным предстаёт для сторонников социалистической ориентации и следующий пассаж программы социал-демократов, решённый в традициях русской критики XIX в.: «Историческая вина большевиков — это властолюбие, нетерпимость и аморальность в политике. Историческая беда миллионов, поверивших большевикам, — это низкий уровень образования и культуры, неразвитость начал самоуправления, неуважение к правам и свободам личности»(22).

Левое крыло политических партий и движений (**неокommунисты**) в настоящее время возглавляет Коммунистическая партия Российской Федерации. Её программа подтверждает незыблемость марксистского положения о революции: «Российская история полностью подтверждает взгляд на роль революций как локомотивов истории». В соответствии с такой концепцией исторического процесса «Великая Октябрьская социалистическая революция» оценивается как «*единственный шанс на национально-государственное самосохранение*»(23). Оценка октябрьского переворота

как величайшего события мировой истории объединяет КПРФ с коммунистами-фундаменталистами из ВКПБ, РКРП, РКП и «Трудовой России». Всякие попытки переосмотра значения Октября привели бы к потере КПРФ и Г. Зюгановым — и без того обвиняемого лидерами вышеназванных партий в социал-демократическом перерождении — значительной части электората.

«Ревизионизм» программы КПРФ проявляется особенно очевидно при изложении хода исторического развития России в советский период. При этом, в программах неокommunistов (КПРФ) и коммунистов-фундаменталистов, например Российской коммунистической рабочей партии (лидер В. Тюлькин), как будто нет расхождений. Обе заявляют о наличии в партии «мелкобуржуазного уклона», представляющего главную опасность для социализма(24). Однако, если РКРП рассматривает этот уклон с классовых позиций, то КПРФ упор делает на игнорировании национальных интересов России носителями мелкобуржуазной идеологии: «Они рассматривали страну и государственную собственность как “добычу”, подлежащую разделу. Первоначально их устремления прикрывались ложным троцкистским толкованием интернационального долга Советской России. Лжекоммунисты призывали превратить молодую республику в базу экспорта революции, в горячий материал для “мирового пожара”»(25). Такая подмена «классического» марксистского классового анализа внутрипартийной борьбы ссылками, пусть и в завуалированной (хотя всеми хорошо распознаваемой) форме, на происки антинациональных сил — лишь одно из многочисленных свидетельств происшедшего сдвига КПРФ в сторону национал-социализма.

Крайне важно отметить, что в предвыборной платформе КПРФ «За нашу Советскую Родину!», утверждённую партконференцией 26 августа 1995 г., произошла смена символов. Если КПСС была партией Ленина, базирующейся на учении Маркса и Энгельса, то КПРФ полностью отказалась от ориентации на «классиков». Теперь идентификационный ряд выстраивается иначе: «*Мы из партии* Алексея Стаханова и Юрия Гагарина, Михаила Шолохова и Александра Твардовского, Ивана Панфилова и Георгия Жукова, Мусы Джалиля и Василия Сухомлинского, Паши Ангелиной и Терентия Мальцева, Сергея Королёва и Игоря Курчатова, *миллионов коммунистов и беспартийных патриотов социалистического Отечества*». Сам ряд «маяков» очень примечателен — при всей традиционности построения, призванной показать, что коммунистическая партия — это партия рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции, здесь нет ни единого человека, который бы входил в партийную номенклатуру. Пусть Жуков и Шолохов были членами ЦК партии, но они не несут никакой ответственности за ошибки и преступления руководства КПСС, как и «*миллионы коммунистов*». Ответственность за преступления партии и кризис, переживаемый Россией, возлагается на «номенклатурных боссов» — бесконтрольных правителей страны. КПРФ строит свою политическую идентичность не только на отождествлении с людьми, традиционно входившими в число «лучших представителей советского народа», но и на дистанцировании от антинациональных, «предательских сил»: «Сегодня эта партия Троцкого и Берии, Власова и Яковлева, Горбачёва и Ельцина приняла новое, лицемерное название “Наш дом — Россия”»(26). Вот эти-то люди, исключая генерала Власова, были лидерами партии, а следовательно и ответственны за все преступления тоталитаризма. В соответствии с логикой данного текста, фигуру Берия уместно было бы заменить на фигуру Сталина, который в неизмеримо большей степени ответственен за преступления режима, а Берия всё-таки после смерти Сталина предлагал целый комплекс мер по либерализации внешней и внутренней политики СССР. Однако составители платформы не только хорошо осведомлены

о том, что имя Сталина по-прежнему привлекательно для значительной части «левого» электората, но и чрезвычайно осмотрительны при формировании своего ряда «злодеев». Если бы они включили в него Сталина, то, тем самым, ставились бы под удар и «завоевания социализма» и, что более существенно, вставал бы вопрос о моральной ответственности коммунистов за все преступления КПСС. Логика же очерченного ряда партийных «злодеев», как и всего контекста предвыборной платформы, иная — внедрить в сознание избирателей мысль о том, что если бы не «предатели» (а Берия, напомним, обвинялся в шпионаже в пользу Англии), то всё и в СССР, и в России было бы замечательно, а КПРФ — «честь и совесть нашей эпохи» и её кандидаты — настоящие патриоты Отечества.

В программах ведущих **партий демократической ориентации** или (если судить по традиционной политической шкале «левые–правые») «правоцентристских» и «правых» партий, как правило, отсутствует обращение к истории, ведущую роль в их составлении играли люди с ментальностью «технократов». Следуя классификации партийных программ, которую предложили В.А. Барсамов и В.И. Михалюк(27), это либо программы, написанные как «документ-призыв», цель которого мобилизовать население и заявить о своём участии в политической жизни, либо тексты, в которых активно используется научный анализ и которые представляют фундаментальные разработки по специальным вопросам: о внешней политике, об экономической реформе и т. д. В редких случаях в таких программах можно встретить экскурсы и на исторические темы. В частности, в программе партии «Выбор России» (июнь 1994 г.) отвергаются мифы о природной склонности русских к авторитаризму: «История России не сводится к именам Ивана Грозного и Сталина... Демократия для нас ничуть не менее естественна, чем для Западной Европы или Северной Америки». В программе отмечается также в качестве одной из причин трагедии октября 1917 г. неэффективность «безмерно разросшегося» государственного аппарата, бесконтрольность которого в советский период поставила страну на грань «катастрофы». Наконец, в этом документе названы и идейные предшественники партии — Милюков, Набоков и Вернадский, а также продекларирована верность представлениям о «честной и открытой политике, такой, какой её хотел видеть А.Д. Сахаров»(28). Разумеется, такой ряд предшественников может быть значим лишь для либеральной интеллигенции. Рядовому избирателю эти имена, за исключением А.Д. Сахарова, упомянутого, кстати, в ином контексте, мало о чём говорят или говорят вообще не о том: Набоков ассоциируется с «Лолитой», а Вернадский со станцией метро.

По-видимому, ошибкой демократических сил было игнорирование в программных документах и избирательных платформах обращения к прошлому, ибо воспоминания о пережитой общей истории способно эмоционально спланивать социум. Свою роль в поражении демократических сил на парламентских выборах 1995 г. сыграло и игнорирование ими не самих национальных проблем, стоящих перед русским народом, но недоучёт переживаемого русскими кризиса национальной идентичности, отсутствие привлекательной и, главное, «раскрученной» общенациональной идеи.

Вместе с тем, педалирование националистами «русского вопроса» не способно само по себе привести их к победе на выборах. О состоянии массового сознания можно судить и по тому, что избиратели отвергли платформы ультранационалистов и на парламентских, и на президентских выборах, а ЛДПР на выборах в Государственную Думу в 1995 г. по сравнению с выборами 1993 г. потеряла почти половину избирателей.

Как учить истории: содержание школьных и вузовских учебников

В современной России в отличие от большинства постсоветских государств не существует прямого государственного заказа на переписывание национальной истории. Об этом свидетельствует, например, содержание школьных учебников (та литература, которая, в первую очередь, попадает в сферу государственного влияния).

До начала 90-х гг. в России существовал своего рода «безучебниковый период», что ставило преподавателей и учащихся в довольно сложное положение. Сначала выход был найден таким образом: старые учебники стали дополнять брошюры-вкладыши по тем периодам и сюжетам отечественной истории, которые в прежних учебниках либо вообще не упоминались, либо излагались крайне тенденциозно (в категорию таких «спорных» времён попал тогда весь советский период). Ситуация на рынке учебной литературы по истории, между тем, быстро менялась, и во второй половине 90-х гг. учителя истории уже ломали голову над тем, какой из многочисленных учебников выбрать в качестве основы для преподавания предмета. Такого количества учебных пособий, представляющих различные методологические подходы и содержательные интерпретации, российская школа не знала за всю свою историю. Авторы большинство учебников и учебных пособий придерживались традиционной методики (репродуктивной), т. е. предлагали учащимся к усвоению некий массив исторической информации. Другие учебники и учебные материалы носили новаторский характер: знакомили читателя с проблемой многовариантности исторического процесса и его интерпретаций, а также ориентировали учащегося на сотворчество(29).

В нашу задачу не входит анализ методики преподавания истории, предлагаемой в различных учебных пособиях, тем более что по этому вопросу существуют специальные публикации(30). В то же время мы не можем совсем игнорировать эту проблему, поскольку методика обучения истории непосредственно влияет на формирования исторического сознания. Социологические опросы (в том числе и те, о которых речь шла выше) свидетельствуют, что образы и восприятие прошлого, сформированные в школе, обладают большой устойчивостью и, в целом, если под влиянием каких-то импульсов не происходит их переоценка, сохраняются практически в неизменном виде в течение всей жизни человека (весь список выдающихся исторических личностей, сформированный во время опросов общественного мнения — это прежде всего стандартный набор из школьной программы).

В интересах общества демократического, правового формировать у своих граждан вариативный подход к истории, оставляющей свободу выбора как за субъектами исторического процесса, так и за его интерпретаторами. Ряд современных учебных материалов (например, комплект рабочих тетрадей по российской истории, подготовленный под руководством Ю.Л. Троицкого) демонстрируют, что необходимость создания такой — интерактивной и вариативной — обучающей методики преподавания истории сознаётся, но, к сожалению, ни одно из существующих учебных пособий не может служить примером реализации этой идеи в сколько-нибудь законченном виде.

Что касается содержания новых учебников по истории России, то их отличие от советских «предшественников» состоит, главным образом, в приращении фактического материала и отказе от наиболее тенденциозных интерпретаций исторических фигур и событий. Влияет на содержание новых учебников и политическая конъюнктура, например, больше внимания сейчас уделяется истории реформ и соответственно историческим деятелям-реформаторам: Петру I, Александру II, П.А. Столыпину, С.Ю. Витте, Н.С. Хрущеву и другим.

В начале и середине 90-х гг. в преподавании отечественной истории заметную популярность завоевали так называемые системный и цивилизационный подходы, когда российская история представлялась в общемировом контексте, с одной стороны(31), а Россия — как особая цивилизация (или вариант развития мировой цивилизации), с другой(32). Оба этих подхода несмотря на спорность отдельных трактовок не только позволяли расширить границы исторического познания и исторического сознания, но и, по сути, исполняли роль «страховочного механизма», пресекая попытки сползания в национализм, пропаганды национальной исключительности русской истории, а вместе с тем, и русских. При этом активно обсуждались проблемы русской самобытности и русской цивилизации как общекультурного феномена.

В настоящее время набирает силу другая тенденция, которую можно представить как своего рода обратную реакцию на цивилизационный подход в преподавании истории. Словом, авторы учебника для высшей школы по новейшей истории России полагают, что «формула российского движения по пути общественного прогресса может быть понята и описана не столько через простое сопоставление с другими странами (как передовыми, так и отсталыми), сколько через выявление самобытности сил, его обуславливающих»(33). В учебнике подвергаются сомнению расхожие стереотипы и пропагандистские штампы, например, тезис о России как «тюрьме народов», или оценки отдельных личностей российской истории. Результат сам по себе оказывается далеко не всегда бесспорным. Например, в учебнике гораздо больше места, чем в других учебных пособиях отводится личности императора Николая II, который является одной из ключевых фигур XX столетия. Однако авторская позиция по вопросу о влиянии Николая на принятие тех или иных политических решений, особенно непопулярных, не убеждает, как не убеждают и попытки списать промахи русской внутренней и внешней политики этого периода исключительно на счёт царского окружения, прежде всего родственников императора. Так, в ходынской катастрофе (гибели нескольких тысяч людей во время коронационных торжеств в 1896 г.) оказывается повинен великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, — и с этим отчасти можно согласиться. Но попытка оставить Кровавое воскресенье (1905 г.) на совести не столько Николая, сколько великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего Петербургским военным округом, уже вызывает вопросы. Точно так же, как и умаление ответственности императора за поражение в русско-японской войне, в частности, в Цусимском сражении (здесь главным виновником выступает великий князь Алексей Александрович, в то время глава русского морского ведомства)(34).

В то же время, несмотря на недостатки отдельных учебников, в общем, неизбежные в период перестройки самого процесса преподавания истории, на рынке учебной литературы в настоящий момент нет ни одного издания, которое было бы написано с откровенно националистических позиций. Это не исключает наличие пособий, авторы которых последовательно придерживаются принципа воспитания у своего читателя патриотического сознания посредством обращения к русской исто-

рии. Наиболее удачным (с точки зрения реализации этого принципа) можно считать вышедшую в четырёх томах хрестоматию «История Москвы»(35).

В целом, школа сейчас находится несколько в стороне от политического процесса, но, как институт государственный (если речь идёт о государственных школах) и общественный, она испытывает на себе влияние различных политических веяний. Больше других проблемой распространения своего влияния на школу озабочены национал-патриотические движения и партии. Главным объектом их нападков в последние годы стали учебники по истории, подготовленные при спонсорской поддержке фонда Сороса. Художник Илья Глазунов, один из идейных лидеров национал-патриотов, относит самого Сороса и деятельность его фонда к тем факторам, которые «пытаются всеми силами пресекать возрождение религиозных, экономических и культурных основ нашего исторического бытия»(36). Источниками же «тлетворного» влияния, по мысли художника, являются, в первую очередь, школьные учебники по истории, которые нужно запретить (при этом Глазунов признаётся, что сам он с содержанием «антирусских» учебников не знаком и доверяет информации других лиц)(37).

Аргументацию И. Глазунова уже на более содержательном уровне развила И. Стрелкова в статье «Школа и “новая идеология”». Смысл её претензий к преподаванию истории (имеется в виду история XX в.) сводится к следующему: «... В целом школьный курс образования выстроен так, что вместо истории народа и государства, ставшего преемником Российской империи, школьникам досталось изучать... историю КПСС. Да, всё тот же “Краткий курс”, только с обратным знаком»(38).

Школьный курс истории в настоящее время, действительно, сохраняет существенный «крен» в область политической истории: инерция традиции оказалась сильнее стремления некоторых авторов «разбавить» политические сюжеты сведениями об образе жизни народа, истории культуры, особенностях русского мировосприятия и т. д. В данном случае претензии И. Стрелковой могут быть признаны вполне обоснованными, чего нельзя сказать о её собственной интерпретации отдельных сюжетов российской истории XX века. В частности, И. Стрелкова упрекает авторов учебника по истории России XX века для 9-го класса в том, что они предвзято освещают «русскую проблему». Например, ей кажется, что авторы учебника слишком много места отводят истории репрессий против Еврейского антифашистского комитета, тогда как о Ленинградском деле («чистке» в среде партийной элиты) упоминают лишь вскользь. По мнению И. Стрелковой, причём достаточно распространённому, Ленинградское дело имело «национальную суть», носило ярко выраженный антирусский характер, поскольку с его помощью Сталин стремился уничтожить «русскую партию» в руководстве(39). В действительности внимательное изучение источников, касающихся развития Ленинградского дела, показывает, что эта «чистка» была результатом борьбы за власть в высшем эшелоне руководства, в котором не было никакой «русской партии», а существовали интересы отдельных кланов.

Может быть, на претензии И. Стрелковой и не следовало обращать специального внимания (в конце концов, подобных выпадов и «исторических» построений много), но её выступление в журнале имело практические последствия. Воронежская областная Дума приняла решение об изъятии из школ области «русифобских учебников Сороса», о чём И. Стрелкова сообщила с удовлетворением в одной из своих следующих статей(40). Что касается учебников по истории, выпущенных при поддержке фонда Сороса, то они имеют как свои достоинства, так и свои недостатки (как все учебники, появившиеся за последние пять лет). Однако наложение запрета на их

распространение на территории «отдельно взятой области» само по себе представляет опасный прецедент, свидетельствующий о вполне реальных претензиях (и возможностях) отдельных политических сил поставить школу под свой идеологический контроль.

Историческое сознание, между тем, формируется не только при помощи учебной литературы и самого процесса преподавания истории в школе. Существует целая образовательная среда, которая оказывает своё влияние на сознание человека, прежде всего молодого. Школа — лишь часть этой образовательной среды, которая включает в себя средства массовой информации и коммуникации (телевидение, периодическая печать и т. д.), историческую публицистику, научную литературу по истории и даже неформальные каналы общения (разговоры, слухи и т. п.). Содержание этой образовательной среды за последние годы также претерпело значительные изменения.

Русская история: попытки нового прочтения (профессиональная историография и «folk-history»)

Основная масса публикаций, посвящённых национальной русской истории, т. е. истории русского народа, появляется на страницах национально-патриотических изданий: в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Россия XXI» и других. Безусловно, «своей» считают эту тему все издания крайне правого, откровенно националистического и профашистского толка. С общедемократических позиций выступают авторы «Независимой газеты». О своей приверженности принципам патриотизма и одновременно демократизма заявили инициаторы ещё одного издания — специально посвящённого проблемам России — журнала «Новые вехи». Мы уже упоминали журнал «Рубежи», который условно может считаться выразителем взглядов либеральной, патриотично настроенной интеллигенции.

Книжные полки магазинов, между тем, стали заполняться особого вида исторической литературой. Её авторы делали ставку прежде всего на историческую сенсацию, разоблачение «тайн и загадок» прошлого (одна из книжных серий этого ряда так и называется), но при этом не очень утруждали себя заботой об исторической достоверности собственных версий. Увлечательность сюжета и литературные достоинства делали эти книги достоянием массовой аудитории, т. е. народными. Так появился феномен «folk-history» (выражение Д. Володихина(41)), весьма активно влияющий на формирование массового исторического сознания. Именно на страницах изданий, выполненных в жанре «folk-history», нашло наибольшее распространение так называемое ревизионистское направление в исторической литературе.

Труды «ревизионистов», как правило, издаются большими по нынешним временам тиражами — 5–10 тыс. экземпляров. Их авторы не являются профессиональными историками, отсюда следует и произвольное обращение с историческими источниками, дилетантские «филологические» открытия и манера изложения в жанре «фэнтэзи». Этого не избежал даже самый известный «ревизионист» математик А.Т. Фоменко, который в соавторстве с Г.В. Носовским выпустил уже несколько книг(42). Их идеи нашли своих популяризаторов. Самый «свежий» пример — коллективный труд «Заговор против русской истории (факты, загадки, версии)» (М., 1998). Его авторы, намеренно не претендуя на научность, рассказывают читателям о том, «как когда и кем

мог быть организован заговор против русской истории. Заговор, ставивший своей целью принизить великое прошлое нашего Отечества, извратить роль наших предков в мировой истории»(43).

Профессиональная историография долгое время стремилась дистанцироваться как от «ревизионистов», так и от явления «folk-history», в целом, считая, вероятно, ниже собственного достоинства обращать внимание на дилетантские эксперименты. Однако «открытия» новых популяризаторов (слабости которых были очевидны лишь историкам-профессионалам) широкой публикой воспринимались как истинные откровения или, во всяком случае, любопытное чтение. В результате «высоколобая» наука упускала реальный шанс противодействовать процессу нового мифотворчества. Только в 1998 г. вышла книга профессиональных историков Д. Володихина, О. Елисеевой и Д. Олейникова, которые взяли на себя труд разъяснить массовому читателю реальный смысл некоторых «открытий» Э. Радзинского, М. Аджиева, А. Фоменко, Н. Шахмагонова.

Подобные «ответные» издания идут на пользу не только массовому читателю. В известном смысле, они стимулируют развитие исторического знания, актуализируют его, заставляя откликаться на те «болевы́е точки» истории, которые волнуют общество сегодня. Авторы-непрофессионалы в отличие от замкнутых на своих узкопрофессиональных интересах историков иногда предлагают свежий взгляд на события и исторические персонажи, подмечая слабые места и «нестыковки» профессиональной историографии. Примером такого провоцирующего (в хорошем смысле слова) издания может служить последняя книга известного автора детективного жанра А. Бушкова, которая вполне заслуживает ответной реплики со стороны историков(44).

Точно так же, как от литературы «folk-history», профессиональная историография стремилась дистанцироваться от педалирования «национального подхода» в трактовке событий и героев русской истории. Идеи русской истории, как истории этнически-национальной, практически не нашли отражения на страницах профессиональных исторических журналов — «Отечественная история» и «Вопросы истории». И если в первом случае «нейтралитет» историков-профессионалов вряд ли заслуживает понимания, то отказ большинства историков от соблазна подчинить свои исследования некоей этнической доминанте, как раз достоин уважения, как признак истинного профессионализма. Серьёзные историки, оставаясь на позициях историзма, не могут, например, разделять точку зрения О. Платонова, который предлагает следующие принципы оценки качества исторического труда: *«Критерием положительной или отрицательной оценки могут быть только национальные интересы коренной России... Взвешивание на весах национальных интересов коренной России создаёт абсолютный стандарт истинности и достоверности исторического труда»*(45). В то же время вовсе не реагировать на вызов русского национализма конца 80-х — начала 90-х гг. профессиональная историография тоже не могла. Это послужило стимулом для дискуссии о российской самобытности.

Что представляет собой российская цивилизация? Что есть Россия — Запад или Восток? Или нечто третье, имя которому — Евразия? Споры об этом среди русских интеллектуалов, начавшись ещё в XIX в., продолжают по сей день. Популярный в первой половине 90-х гг. цивилизационный подход к истории России вызвал к жизни целый поток литературы, среди которого выделяется несколько ярких работ. Первой в этом ряду следует назвать вышедшую в 1991 г. книгу А. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» (в трёх томах). Книга сразу попала в фокус общественного внимания, стала предметом многочисленных дискуссий, в том числе и среди историков(46).

Ахиезер говорил о «промежуточности» российской цивилизации (соединяющей в себе черты традиционной и либеральной типов цивилизаций) и расколе, как её определяющем социокультурном признаке(47).

Цивилизационный подход к истории России характерен, главным образом, для либеральной историографии. Но идея российской самобытности (с тем или иным знаком) одинаково разделяется как крайними националистами, так и представителями демократического лагеря, как «почвенниками», так и «западниками»(48). Для классических «западников» непохожесть России на Запад есть некое отклонение от «нормы» (под которой понимаются прежде всего принципы западной демократии), что воспринимается как некая «отсталость» и первопричина российских катаклизмов. «Почвенники» рассматривают влияние западных ценностей на российское общество скорее с отрицательным знаком и всячески подчёркивают мессианскую роль России (образ «Святая Русь»). Несмотря на то, что обе точки зрения имеют немало сторонников, их уязвимые места и ограниченность достаточно очевидны, чтобы стать объектом для критики(49).

«С мифом о нашей неповторимости пора проститься» — призывает, например, А. Горянин, поскольку при сопоставлении русской и мировой истории обнаруживается столько параллелей и совпадений (не в деталях, но в тенденциях), что тезис об исключительности исторического пути России принадлежит уже вчерашнему дню(50). Точно так же и с другими мифами — о неразвитости демократических традиций в России (по сравнению с чем? в какое время?) или о соборности (что это такое?), как о чуть ли не генетическом качестве русского народа. И тем не менее мифотворчество продолжает оставаться важной составляющей современных попыток ещё раз переписать русскую историю.

История России особенно до революции 1917 г. со страниц национально-патриотических изданий предстаёт как сплошная череда «добрых деяний» и подвигов русского народа. Последний, в свою очередь, наделяется всеми христианскими добродетелями, помогающими ему благоустроить Россию и противостоять её врагам. Само понятие «русский народ» часто не имеет чётких этнических границ и включает в себя все этносы славянской группы, берущие своё начало от Киевской Руси(51). Что касается вопроса происхождения русского народа и русской государственности, здесь нет единодушия. Немало сторонников имеет теория этногенеза Льва Гумилёва, рассматривающего историю России как движение русского суперэтноса, проходящего различные стадии этнического развития (подъёма, надлома, угасания активности). Опираясь на теорию Л. Гумилёва, Е. Морозов предложил свою концепцию развития русского этноса. Суть её сводится к тому, что русские представляют собой суперэтнос, состоящий из нескольких субэтносов, каждый из которых на определённом этапе развития играет главную, системообразующую роль: во времена Киевской Руси такую роль играл малорусский этнос, потом она перешла к этносу великорусскому, который сейчас находится в стадии этнической усталости и поэтому должен передать системообразующую функцию другому русскому субэтносу — новороссам (казакам)(52). Об исключительной роли казачества в истории России говорят также авторы многочисленных публикаций на эту тему (существует целое направление в историографии — «казачеведение»). Казачество часто трактуется как хранитель патриотических традиций и превращается в своеобразный символ русской истории.

С чего начинается собственно русская история? Для большинства авторов такие понятия, как русская история и история России являются совершенно однозначными. Поэтому нет попыток (по крайней мере, нам не удалось их зафиксировать) выделить

«чисто русскую» историю из истории российской. Истоки русской государственности большинство авторов относят ко времени Киевской Руси (IX в.) или ещё ранее, но начало собственно русской (великорусской) истории некоторые из них отодвигают к XVI в., Московскому царству(53). «А что же было до этого?» — задаются вопросом сторонники подобной точки зрения Ю. Пивоваров и А. Фурсов. И отвечают: «Были несколько русских историй: Литвы, Новгорода, Твери, Москвы. И все они были частью ордынской истории... А что же Киевская Русь?.. Это — Русская история? Бесспорно, все русские истории имели своим источником Киевскую Русь. Они стали её преемниками. Но у Киевской Руси не было ни главного, ни одного единственного наследника»(54).

Далее в русской истории встречается несколько критических точек, в которых она как бы переживает кризис идентичности. Первой такой точкой является начало XVIII века, эпоха реформ Петра I. Среди публицистов националистического направления это время оценивается преимущественно негативно — как навязывание русскому обществу чуждых европейских стандартов и начало всеобщего (а не только церковного) раскола(55). Сменяющие друг друга на протяжении полувека иноземцы на троне усугубили эту тенденцию, превратив Россию в «немецкую монархию, управляемую пришельцами, не знавшими страны и презиравшими её народ»(56). Несмотря на то, что национал-патриотическая печать часто отражает довольно распространённые в массовом сознании русских — стереотипы и оценки, степень совпадения здесь не всегда абсолютна. Примером несовпадения может как раз служить отношение к деятельности Петра I, который массовым сознанием оценивается преимущественно как герой русской истории (об этом свидетельствуют и приводимые выше данные опросов общественного мнения).

Если национал-патриоты практически единодушны в оценке петровского времени, то советский период даже в этом лагере воспринимается не столь однозначно. Выпадает ли советская история из рамок русской истории или является её закономерным продолжением? — этот вопрос занимает представителей различных политических течений, представленных в исторической публицистике. По мнению В. Пастухова, «советская история логически продолжает линию развития цивилизации, идущую через Российскую империю от самого Московского царства», а историческое значение революции 1917 г. состояло в «преобразовании раскола, раздвоенности российской культуры, что означало преодоление её неорганичности»(57). Совершенно противоположной точки зрения придерживается Н. Козин: «История России XX столетия предстаёт как история бегства от своей национальной самоидентификации, русского от своей русскости, России от своей уникальной российской цивилизации»(58).

Более сложную позицию в этом вопросе занимают, например, О. Платонов и Е. Троицкий, представители национально-патриотического направления. Двухтомная работа О. Платонова «Терновый венец России» является, по сути, первой крупной попыткой создать концепцию русской истории, написанную с откровенно националистических позиций. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. оцениваются Платоновым как «антирусская революция», которая прошла в своем развитии два этапа — либеральный (масонский) и большевистский. Далее схема развития русской истории выглядит следующим образом: «С 1917 г. в России воцаряется космополитический режим, вождями которого становятся еврейские большевики, организовавшие планомерный погром Русского народа и Православной Церкви, расчленение русских территорий и передачу их другим народам. Однако уже в 20-е годы в рядах правящей партии возникает русское государственное течение, возглавляемое И.В. Сталиным. Между

космополитами и государственниками завязывается жестокая борьба, закончившаяся решительной победой сторонников Сталина и физическим уничтожением преступной верхушки еврейских большевиков»(59). О достижениях Советской России пишет и Е. Троицкий, оговариваясь при этом, что они могли быть большими, если бы не пороки социальной системы и игнорирование коренных интересов русского народа(60).

Русский национализм, как любой другой, не может существовать без образа врага («чужого»). И русская история, написанная с националистических позиций, предполагает наличие неких злых сил, творящих козни русскому народу. Таких сил, по крайней мере, две — внешняя и внутренняя. В качестве внешней антирусской силы выступает Запад, или, как выражается О. Платонов, *«мировая закулиса»*(61). Внутренние антирусские силы («пятая колонна») представляют масоны и связанные с ними сионисты. Происками антирусских сил объясняются убийство императора Александра II и «убийство» Сталина, поражение в Крымской и Русско-японской войнах, подписание Николаем II манифеста о конституционных свободах в 1905 г. и его отречение от престола в 1917 г.(62).

Представление о «врагах русского народа» имеют и персонафицированный характер. Набор антигероев может варьироваться в зависимости от пристрастий конкретного автора, но рейтинг отдельных персоналий достаточно устойчив. Среди деятелей русской истории — это Пётр I и все «иноземцы на троне» (до воцарения Екатерины II), а пальма первенства в XX в., безусловно, принадлежит Льву Троцкому (обязательно указывается его настоящая фамилия — Бронштейн). Фраза Троцкого о России, которой предстоит сыграть роль «вязанки хвороста», подброшенной в костер мировой революции, делает его главным русофобом XX в.(63).

В русской националистической литературе тема «еврейского засилья», которое рассматривается как первопричина многих бед России, весьма популярна. Поэтому, например, репрессии конца 1920-х — 1930-х гг. против политических деятелей времён революции (среди которых процент евреев был действительно высок) рассматриваются как акт возмездия, направленный против врагов русского народа(64).

Правда, даже внутри национально-патриотического лагеря не все соглашались с подобной трактовкой. В. Кожин, например, полагает, что террор 1937 г. не носил антисемитского характера. Речь шла о закономерной смене одной группы руководителей другой, а обилие евреев среди жертв репрессий обусловлено их обилием в том верхушечном слое общества, который тогда «заменился»(65). Евреи, по мысли Кожина, представляли собой «чужой» элемент, который совершенно необходим на разрушительных стадиях революции и становится лишним, когда «грязная» работа революции заканчивается. *«Поскольку большевики-евреи были «чужаками» в русской жизни, — считает Кожин, — их ответственность и их вина должны быть признаны, безусловно, менее тяжкими, нежели ответственность и вина тех русских людей, которые действовали рука об руку с ними»*(66).

Если враги («чужие») являются разрушителями русской традиции, то кто же выступает в роли её хранителей и продолжателей? Чаще всего в связи с этим упоминается абстрактное понятие «русский народ» или более конкретные — русское крестьянство и казачество. Безусловным выразителем русских национальных интересов со страниц патриотических изданий выступает Русская православная церковь. И замыкают этот ряд различные патриотические организации — от националистических до монархических.

За попытками «нового прочтения» русской истории, таким образом, достаточно очевидно просматриваются политические пристрастия отдельных партий и движений. Особенно активно над созданием собственной версии истории России работают представители политических сил, принадлежащих условно к национально-патриотическому лагерю. Наряду с этим появляются новые теории и концепции, политическая ангажированность авторов которых не столь очевидна или отсутствует вовсе. Наконец, существует профессиональная историография, пытающаяся пока сохранять политический «нейтралитет». Поэтому общее состояние историографической ситуации в настоящий момент напоминает довольно пеструю мозаику концепций и идей, что не позволяет говорить о преобладании какой-либо из версий русской истории, а также о существовании её государственной версии.

* * *

После распада Советского Союза российское общественное сознание переживает кризис национальной идентичности. Одним из способов преодоления этого кризиса является обращение к прошлому, историческим корням. Таким образом, актуализация прошлого выступает как средство самоидентификации общества, как поиск ответов на вопросы «кто мы?» и «откуда мы?». В России этот процесс приобрёл особую остроту в результате появления феномена «утраченного прошлого»: рождение новых национальных историй на постсоветском пространстве, которые заявили свои права на часть русской истории, и дегероизация прошлого (главным образом истории XX в.), в конце концов, вызвали обратную реакцию — стремление «защитить» собственную историю от «посягательств».

Это стремление было особенно характерно для массового сознания, которое уже в середине 90-х гг. отчётливо продемонстрировало тоску по положительному примеру и героическому прошлому. Социологические опросы этого периода зафиксировали примечательные сдвиги в восприятии истории и её героев со стороны массовой аудитории: увеличилась ставка на сильных личностей, имперские ценности и авторитарный стиль управления.

Примерно в том же направлении эволюционизировала и система государственных ценностей. В середине 90-х российские власти всерьёз заговорили о потребности общества и государства в некоей объединяющей национальной идее, «русской идее». Она призвана была заполнить идейный вакуум, возникший после крушения коммунистической идеологии как идеологии государственной. Разные политические силы предложили свою трактовку «русской идеи», однако несмотря на известные различия все они практически сошлись в одном: «русская идея» — это идея государственная, державная, не имеющая этнического оттенка. Подобная трактовка национальной идеи влияет и на восприятие русской истории, как прежде всего истории государства Российского.

Отношение российских властей к историческому прошлому первоначально строилось на принципе отторжения всего «советского» и демонстрации преемственности традиций Российской Империи: эту тенденцию зафиксировала новая государственная символика. В настоящее время отношение к советской эпохе со стороны представителей власти (на разных уровнях) не столь однозначно. Это объясняется как усилением позиций левых сил в разных властных структурах, так и давлением

общественного мнения, главным образом, людей старших поколений. Благодаря этой тенденции период существования как бы двух русских историй — дореволюционной и советской — постепенно уходит в прошлое.

Обращение к историческим сюжетам в программных документах политических партий и движений, на наш взгляд, преследовало задачу определить через оценку прошлого своё место в современной политической жизни. «Демократы» крайне редко включают в свои программы исторические экскурсы, что определяется как «технологией» написания текстов (стремлением сконцентрировать внимание на предлагаемых мерах по реформированию страны), так и технократической ментальностью их авторов. В целом же, их программные документы явно недооценивают значение эмоционального фактора в политической культуре российских граждан.

Напротив, ЛДПР, КПРФ, коммунисты-фундаменталисты через комплиментарную оценку исторического прошлого страны стремятся воздействовать на эмоциональное восприятие электоратом своих программ. Неудачи же крайних националистов на выборах коренятся, во многом, в их идеологии, построенной на разжигании национальной розни. Их негативное, в целом, восприятие всего советского периода истории отталкивает от них и националистически настроенных представителей старшего поколения, обретающих свои интересы в лице «народно-патриотических сил». Наконец, у русских, составляющих около 83% граждан России, против «зоологического» национализма срабатывает не только прививка «советского патриотизма» и «социалистического интернационализма», но и традиционная ментальность русских, прежде всего присущая православной культуре народа веротерпимость.

Поскольку представители разных политических течений часто придерживаются совершенно противоположных взглядов на события и действующие лица русской истории, ситуация складывается таким образом, что в России сейчас существует как бы несколько «русских историй», каждая из которых демонстрирует приверженность своим методологическим принципам, имеет собственных героев и антигероев. Они развиваются практически автономно, почти не вступая в полемику друг с другом. И ни одна из них не является официальной (т. е. на государственном уровне принятой) версией. Отсутствие такого варианта является тем не менее самым главным гарантом того, что историческая наука в России может развиваться и развивается как наука.

Подавляющее большинство профессиональных историков не ощущает никакой необходимости в радикальном переосмыслении российской истории и выделении из нее некоей чисто русской компоненты. Подобные попытки уподобляют исследователя сумасшедшему старателю, задавшемуся целью найти в природе чистое золото и игнорирующего золотые самородки на том основании, что они содержат не только золото, но и примеси.

Попытки создать некое подобие русской истории «только для русских» существуют и, вероятно, будут появляться в дальнейшем. Вопрос о том, насколько велики шансы «укоренения» в российском общественном сознании крайне националистических взглядов (в частности, на историческое прошлое) зависит от развития ситуации в стране и перспектив выхода из современного кризиса. Национальная история России в силу именно исторических особенностей формирования и развития русского общества и государства не может быть сведена к истории этнических русских. Однако в условиях экономической нестабильности опасность развития русского национализма, спекулирующего на патриотической традиции, будет сохраняться. Как будут продолжаться попытки различных политических сил использовать в политической игре исторические «козыри».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. [От редакции] //Рубежи. 1995. № 1. С.4.
2. Этот этноним можно считать новым лишь с натяжкой — в XVIII в. он активно использовался в официальной идеологии.
3. *Олещук Ю.* Сдвиг: об одном назревающем низовом настроении //Рубежи. 1995. № 3. С.86.
4. Мониторинг «Кому Вы доверили бы вывести Россию из кризисного состояния?» //Там же. 1995. № 2. С.157.
5. Результаты опросов опубликованы в изданиях: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. Под ред. Ю.А. Левады. — М., 1993; *Левинсон А.Г.* Значимые имена //Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1995. № 2. С.26–29; *Его же.* Массовые представления об «исторических личностях» //Одиссей. 1996. С.252–267.
6. *Левинсон А.Г.* Массовые представления об «исторических личностях» //Одиссей. 1996. С.260.
7. Там же. С.267.
8. О полемике между Ю. Лужковым и А. Ципко по вопросу о Севастополе см.: *А. Ципко.* Хотят ли великороссы войны. О цене и последствиях реваншистской риторики на севастопольскую тему //НГ-Сценари. Приложение к «Независимой газете». 1996. № 9.
9. «Золотую Звезду» — Георгию Победоносцу //Сегодня. 1998. 17 июля. С.1.
10. *Слободская А., Георгиев В.* Военно-патриотические торжества //Независимая газета. 1998. 29 октября. С.2.
11. Россия проводила в последний путь своего последнего императора //Независимая газета. 1998. 18 июля. С.2.
12. См., напр.: *Соколов М.* Уже и секира лежит при корне древа //Известия. 1998. 17 июля. С.12; *Силласте Г., Борисов Ю.* Идеальный Николай II. Нынешний режим ищет опору в самодержавии //Независимая газета. 1998. 5 августа. С.3.
13. Обзор дискуссии см.: *Горянин А.* Что мы знаем о России? //Новые вехи. 1998. № 1. С.50–53.
Литература, посвящённая русской идее, обширна, назовём лишь несколько работ, представляющих различные точки зрения: *Беленький В.Х.* Борьба вокруг русской идеи //Социально-политический журнал. 1996. № 1; *Бородай Ю.* Русская национальная идея //Наш современник. 1997. № 5; Россия в поисках идеи. Анализ прессы. — М., 1997; *Троицкий Е.С.* О русской идее. Очерк теории возрождения нации. В 2-х ч. — М., 1994; *Чубайс И.* Историзм, обустройство, духовность — формула возрождения России, или Российский идейный кризис в двух актах //Новые вехи. 1998. № 1 и другие
14. Цит. по: Русские националистические и право-радикальные организации. 1989–1995. Документы и тексты. Составитель В. Прибыловский. Ч.2. — М., 1995. С.336–337.
15. Там же. Ч.2. С.481.
16. *Верховский А., Прибыловский В.* Национал-патриотические организации в России: История. Идеология. Экстремистские тенденции. — М., 1996. С.105–107.
17. Возрождение России. Христианская демократия и просвещенный патриотизм. Сборник материалов и документов РХДЦ. — М., 1993. С.14–15.
18. *Абрамов Ю.К., Головина Т.Ю.* Политические партии и движения России. 1996. Ежегодник. — М., 1996. С.246.
19. Русские националистические и право-радикальные организации. Ч.2. С.558.
20. О типах этнической идентичности см.: Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. — М., 1994. С.34–35.
21. Русские националистические и право-радикальные организации. Ч.2. С.558.
22. Политические партии России. Программные документы политических партий. Ч.1. — М., 1994. С.20–21.
23. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. — М., 1997. С.9–10.
24. Там же. С.13; Политические партии России. Программные документы политических партий. Ч.1. С.216–219.
25. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. С.13.
26. За нашу Советскую Родину! Предвыборная платформа КПРФ. — М., 1995. С.3–4.
27. *Барсамов В.А., Михалюк В.И.* Эволюция программных установок общероссийских партий и предвыборных платформ избирательных блоков по вопросам национальной политики и межэтнических отношений (1989–1995 годы). — М., 1995. С.8.
28. Выбор России. Программа. Проект. 12–13 июня 1994. С.2, 4, 5.
29. В качестве примера альтернативных учебников, т. е. посвящённых одному периоду российской истории, но написанных с разных методических позиций — традиционной и новаторской — могут быть соответственно приведены: *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России. Конец XVII — XIX вв. — М., 1995; *Анисимов Е.В., Каменский А.Б.* Россия в XVIII — первой половине XIX вв. — М., 1994.

30. См., например: *Голубев А.В.* Новейшая история России в учебниках 1995 года //Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. — М., 1996. С.56–65. Кроме того, эта проблема находится в фокусе постоянного внимания журнала «Преподавание истории в школе».
31. Россия и мир. Учебная книга по истории. Под общ. ред. А.А. Данилова. В 2-х ч. — М., 1994.
32. *Ионов И.Н.* Российская цивилизация. IX — начало XX вв. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных школ. — М., 1998.
33. Новейшая история Отечества. XX век: Учеб. для студентов вузов. В 2-х т. Под ред. А.Ф. Кисилева, Э.М. Щагина. Т.1. — М., 1998. С.4.
34. Там же. С.70–71.
35. История Москвы. Хрестоматия для учащихся старших классов. В 4-х т. — М., 1995–1997.
36. *Глазунов И.* Россия распятая //Наш современник. 1996. № 9. С.184.
37. Там же.
38. *Стрелкова И.* Школа и «новая идеология» //Наш современник. 1997. № 6. С.224.
39. Там же. С.219.
40. *Стрелкова И.* Школа и «новая идеология» //Там же. 1998. № 7. С.256.
41. *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История России в мелкий горошек. — М., 1998. С.5.
42. *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Библиейская Русь. Новая математическая хронология древности. Т.1 — М., 1998. С.666.
43. *Бочаров Л.И., Ефимов Н.Н., Чачух И.М., Чернышов И.Ю.* Заговор против русской истории (факты, загадки, версии). — М., 1998. С.4.
44. *Бушков А.А.* Россия, которой не было: Загадки, версии, гипотезы. — М., 1998.
45. *Платонов О.* Терновый венец России. История русского народа в XX веке. В 2-х т. Т.1. — М., 1997. С.7.
46. См., напр.: Россия — расколота цивилизация? //Отечественная история. 1994. № 4–5.
47. *Ахизер А.С.* Самобытность России как научная проблема //Там же. С.6.
48. *Боханов А.* По плечу ли России европейский камзол //Родина. № 8; *Богачева Н.В.* Ещё раз о тайне евразийства //Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политика. 1996. № 1; *Горин М.* Факторы самобытности русской истории //Россия XXI. 1994. № 3; *Кара-Мурза С.* Россия: что значит «не быть Западом» //Наш современник. 1997. № 9; *Кузнецов П.* Евразийская мистерия //Новый мир. 1996. № 2; *Мяло К.* Между Западом и Востоком //Москва. 1996. № 11–12; *Пастухов В.* Культура и государственность в России: эволюция евроазиатской цивилизации //Иное. Т.2. — М., 1995 и другие.
49. С критикой трактовки истории России с «западнических» или «почвеннических» позиций аргументировано выступили Ю. Пивоваров и А. Фурсов. Они полагают, что и в той, и в другой концепции присутствует некая абстрактная «норма» (вымышленный Запад противопоставляется вымышленной же России), которой в действительности не существует (*Пивоваров Ю., Фурсов А.* Русская система //Рубежи. 1995. № 1. С.51–53).
50. *Горянин А.* Что мы знаем о России //Новые вехи. 1998. № 1. С.47–48.
51. О. Платонов, например, пишет: «Говоря о Русском народе, я, как это было принято до 1917 года, отношу к нему все его географические ветви, в том числе малороссов и белорусов. Ещё в XIX веке ни у кого не возникали сомнения в принадлежности их к Русской нации» (*Платонов О.* Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. Т.1. — М., 1997. С.8).
52. *Морозов Е.Ф.* Теория Новороссии //Русский геополитический вестник. Выпуск № 1. С.16–23.
53. *Пастухов В.* Культура и государственность в России: эволюция евроазиатской цивилизации //Иное. Т.2. — М., 1995. С.152; *Пивоваров Ю., Фурсов А.* Русская система //Рубежи. 1995. № 1. С.68.
54. *Пивоваров Ю., Фурсов А.* Указ. соч. С.68.
55. *Дьяконов Ю.А.* Пятая колонна в России. — М., 1995. С.92; *Молоканов Г.* Русская идеология //Молодая гвардия. 1996. № 2. С.35–36; *Фомин С.* Русский вопрос и будущее России //Москва. 1996. № 6. С.120.
56. *Кузьмин А.Г.* Кто в Прибалтике «коренной»? — М., 1993. С.13.
57. *Пастухов В.* Указ. соч. С.161–162.
58. *Козин Н.Г.* Бегство от России. К логике исторических потрясений России в XX веке. — Саратов, 1996. С.6.
59. *Платонов О.* Указ. соч. Т.1. С.5.
60. *Троцкий Е.* О русской идее. Очерки теории возрождения нации. Т.1. — М., 1994. С.29–30.
61. *Платонов О.* Указ. соч. Т.1. С.6.
62. См., напр.: *Дьяконов Ю.А.* Указ. соч. С.92.
63. Из документов Троцкого 1919 года //Русский геополитический вестник. Выпуск № 1. С.47–48; *Платонов О.* Указ. соч. Т.1. С.517–519; *Троцкий Е.* Указ. соч. Т.1. С.87 и др.
64. Там же. Т.2. С.8.
65. *Кожин В.* Загадочные страницы истории XX века //Наш современник. 1997. № 11. С.185.
66. Там же. 1996. № 5. С.145–146.

КАК РАСПОРЯДИТЬСЯ «ОБЩИМ» НАСЛЕДСТВОМ? ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Дмитрий Олейников, Татьяна Филиппова

Образ истории, как зеркала, восходит в российской традиции, по меньшей мере, к временам Н.М. Карамзина. Народы смотрятся в это «зеркало их бытия и деятельности», чтобы понять и познать самих себя.

Распад СССР привёл к тому, что общее зеркало разбилось на множество осколков. Теперь никто не сомневается в том, что было это зеркало кривым, отражавшим времена искажённо. Но проблема создания вместо разбившегося зеркала новых совершенных инструментов пока решается наиболее простым и наименее продуктивным способом. Потомки, разобрав на память старые осколки, довольствуются тем, что пользуются ими для решения своих насущных нужд.

Отчего же история пространства СНГ при всём многообразии её новых форм и национальных оттенков по-прежнему, в своей сущности, остаётся единой? Ответ на вопрос о причинах и характере этого своеобразного «единства» позволяет прогнозировать развитие ситуации и сообща искать наиболее приемлемые пути сосуществования новых научных сообществ.

В начале XX в. английский мыслитель Г.К. Честертон, во многом предугадав механизм появления «злокачественных» империй тоталитарного образца, дал определение деспотии как «усталой демократии». Именно «усталые демократии» (не как «народоправства», а как дряхлеющие и бездарные представительства) ответственны, по его мнению, за появление жёстких авторитарных режимов, то есть за ситуацию, «когда общество, уже не способное к непрерывному бдению, по праву названному ценой свободы, предпочитает, чтобы один в стране стерёг спящий город...».

На постсоветском пространстве этот процесс претерпел странную и болезненную инверсию. Демократические институты и настроения, как в России, так и в других странах бывшего СССР, одряхлели гораздо раньше, чем успели созреть, оставив в гражданах горькое ощущение усталости и разочарования от долгого ожидания перемен. Этнонационалистические настроения «снизу» и национальный империализм «сверху» становятся самой распространенной формой реагирования на постсоветскую депрессию массового сознания. Это и не удивительно: ведь в современных политических представлениях национализм противопоставляется демократии: с ним неизменно связывают такие явления, как державная политика, милитаризм, нетерпимость, агрессия, насилие и деспотизм. И эта очередная инверсия смысла характерна не только для России, но и для всего послевоенного мира.

Как правило, национализму вменяют в вину то, что раньше считалось грехом «имперской политики». Неудивительно, что в трактовках историков из стран СНГ стирается до неразличимости грань между «экспансионистскими стремлениями царизма» и «национальным эгоизмом» постсоветской России. «Свои» же национализмы выступают в этических полноценной роли восстановления национальной и культурной уникальности.

А ведь изначально демократия и национализм были больше, чем близкими родственниками, имея общего предка в идее народного суверенитета. Так, Ж. Руссо в своё время убедительно обосновал концепцию демократического национализма, а Гердер работал над сплавом национализма с космополитизмом на основе универсальной цивилизации. Лишь историческая практика XX в. «раздружила» демократизм с национализмом до состояния «или–или»; ближайший пример — современный российский политический театр.

Немецкий исследователь Э. Ян (Мангеймский университет) выделяет на материале современной европейской истории несколько типов (а скорее форм проявления) национализма(1). Простое перечисление их показывает, что все они в той или иной мере свойственны суверенным государствам постсоветского пространства и некоторым субъектам РФ.

Национальный империализм предполагает власть национального образования над другими нациями и в этом смысле наиболее недемократичен.

Противодействие интеграции означает национально-государственное сопротивление наднациональной интеграции, будь то РФ или СНГ.

Требование этнических привилегий (или этнонационализм) добывает для себя или отбирает у других определённые социальные и гражданские преимущества.

Ограничение иммиграции или отказ в предоставлении гражданства означает гражданский национализм с сильным этническим оттенком.

Стремление к образованию национального государства нацелено на приведение в соответствие территории, заселённой определённой нацией, с территорией государства и на практике означает, как правило, дробление уже существующих государств. Это последнее требование в наибольшей степени провоцирует все другие проявления национализмов.

Итак, национализмы бывают разные, и из этого следует один важный методологический вывод: чтобы адекватно проанализировать и оценить направленность «национальных историй», создаваемых в России и странах так называемого ближнего зарубежья, необходимо определить, *какой именно* национализм они обслуживают, а также выяснить, делается ли это осознанно, или на уровне подсознательной генной памяти, ориентированной на выживание и воспроизводство этноса. От решения этих задач в каждом конкретном случае будет зависеть оценка степени «доброкачественности» и, так сказать, позитивности «национального проекта», отрабатываемого тем или иным исследователем, научной школой, национальной историографией.

В масштабах СНГ мы обладаем возможностью (в том числе и благодаря участникам настоящей книги) составить и критически осмыслить мозаику-орнамент из разных по форме, но повторяющихся в общем «узоре» фрагментов этнорефлексий на исторические темы. Здесь прагматичный стимул «госзаказов» чередуется с фактором «телеологического способа мышления»; «терапия» для травмированного национального сознания — с потребностями идеологического строительства на местах; некритичное транслирование старых и новых идеологических клише — с задачами «этно-мобилизации» и преодолением «этнокомплексов»; фактор иррациональности — с

литературным осмыслением духовной фрустрации национального сознания. Отдавая себе отчёт в существовании актуального социального заказа со стороны политических элит суверенных государств на создание официальных «национальных историй», не следует упускать из виду того, что в 1991 г. место «советской империи» заняли не национальные (в точном научном смысле) государства, а полтора десятка разного окраса политических режимов в регионах с отнюдь не моноэтническим населением. Перспектива их поступательного развития в современные полиэтничные государства-нации, отвечающие правовому и культурному статусу мирового сообщества, напрямую зависит от того, насколько быстро смогут местные власти понять, что, по словам российского социолога, «самоопределились не украинцы, а народ Украины, не литовцы, а народ Литвы и т. д.»(2).

А потому любой этнодиктат, — будь то в форме «миниимперского» сознания в Грузии, «самостийного» упорства Украины или реликтовой «героики» некоторых областей Северного Кавказа, — короче говоря, любая гипертрофия национальных скорбей, захлестнувшая страницы школьных учебников и научных монографий, только отдаляют новые государственные и федеральные образования от подлинной национальной консолидации. Даже с учётом того, что «национальная идея может и понижать градус ксенофобии», всё же способ её реализации с утилитарно-идеологической целью «внутри формата «мы–другие» остаётся неизменным» и становится главной составляющей в «доминанте этноэтноистатистской идеологии».

«Бойцовский инстинкт», свойственный большинству нынешних этнонационализмов, имеет давний и исторически объяснимый исток. В советский период чувства этничности и национального достоинства взяли на себя роль коллективного «диссидента», безнадежно, но благородно сопротивлявшегося тоталитарной мощи денационализированной идеологии. В условиях распада СССР инерционность этих общественных настроений, помноженная на неизбежные трудности и издержки собственного государственного строительства, оборачивается неприязнью к России и русским. И это лишь одно из проявлений девальвации пафоса национального чувства.

Уже упомянутый немецкий политолог Э. Ян напрямую связывает шанс нормального демократического развития новообразованных государств с правильной политикой в отношении русского населения, проживающего на их территориях. «Русские — слишком многочисленны во многих государствах-преемниках СССР, чтобы их можно было умеренно дискриминировать демократическим способом по западному образцу». А потому местные власти и местные этноэлиты должны «перетянуть на свою сторону русское население»(3). Мудрое замечание зарубежного аналитика! Ведь именно в этом случае появляется шанс на становление *полиэтнического государственного патриотизма*, способного стать надёжной защитой от угрозы возрождения этнонационализмов по зоологическому пути борьбы «всех против всех».

Роль национальных историков в этом процессе сколь велика в теории, столь и мало ощутима на практике. Кому, как не им, знатокам национального характера в его становлении и развитии, дано *вычислять «этнические риски»*, то есть вероятность отрицательного воздействия этнического фактора в условиях резких общественно-политических перемен? Кому, как не им уместно выявлять те слабые (или сильные) свойства национальной государственности и социальной структуры, которым угрожали в прошлом и продолжают угрожать в настоящем *пароксизмы этничности — спровоцированные и стихийные*? Кому, как не им пристало писать о *примерах созидательного опыта этнососедства*, совместного возделывания общего поля цивилизации? Насколько это увлекательней и полезней натужного соперничества

в псевдонаучной игре по удревнению своих исторических корней, или в обескураживающем поиске происхождения собственного народа от античных героев и богов... А ведь кому, как не национальным историкам, *хранить подлинную историческую память народа* — зачастую восстанавливая её с требующими большого напряжения сил скрупулёзностью и ответственностью.

В каждом государстве СНГ необходимость воссоздания «подлинной истории» отражена не только в научной и педагогической среде, но и на уровне массового сознания. Часто именно здесь находит выход чувство «нетерпеливого, сиюминутного ультра-патриотизма, которому необходимо самовыражение через весьма поверхностный поиск в прошлом, в основном, исторического величия, избранности собственного народа или отдельной исторической личности» (М. Сембинов). В разных государствах практически в одинаковых выражениях говорят о восстановлении исторической памяти. Однако методы искусственного ускорения этого процесса приводят к совершенно иным результатам.

Рассмотрим простейший способ восстановления исторической памяти — создание некоего «интеллектуального протеза», годного на все случаи жизни и имитирующего понимание истории уже у детей младшего школьного возраста. Процесс познания и воспитания мышления при этом поворачивается вспять, лицом к простому и ясному изложению, свойственному мифам и сказкам. При такой направленности не так сложно составить некий обобщающий учебник, эдакую универсальную «национальную историю», годную для использования с небольшими поправками в любой национально-государственной единице СНГ или Российской Федерации. То, что кажется «хранителям прошлого» уникальным, оказывается просто расхожим штампом, годным к употреблению вне зависимости от широты, долготы и климатических условий. Представим же

ТВОЙ ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

«Дорогой друг! Мы расскажем тебе о прошлом нашей страны, об истории её народа, не похожей ни на какие другие. Ты сможешь ею гордиться. Ты поймёшь, почему наша страна — самостоятельное государство.

Ты наверняка слышал от родителей старинные сказки и песни. А они слышали их от своих родителей. Они сохранились со стародавних времен и рассказывают о жизни наших предков.

Наши предки издавна населяли эту землю. Были они высокие и красивые, ясноглазые и густоволосые. Славилась гостеприимством и отзывчивостью. Мужчины были сильными и мужественными; женщины — красивыми и добрыми. У нас были справедливые правители, непобедимые воины, учёные мудрецы. Не знавшие конкуренции ремесленники создавали уникальные вещи. Ими прибыльно и честно торговали наши купцы. Но большинство народа составляли простые труженики, кормившие всех. Природа была к ним щедра, но требовала за свою щедрость упорного каждодневного труда. Вот почему трудолюбие и упорство — отличительные черты нашего народа. Наши предки умели не только работать. Они умели и отдыхать. Ни у какого другого народа нет таких душевных песен и таких красивых танцев.

Соседние народы уважали наших предков, не считали зазорным учиться у них. К сожалению, иногда находились недруги, приходившие на нашу землю с оружием в руках. Они хотели силой отнять всё, что им нравилось, а то и заставить народ работать на них. Тогда все мужчины нашего народа брали оружие и прогоняли недругов. В самые трудные времена воинами становились даже женщины и дети. Храбрость

в бою, гордое стремление к независимости — и, вместе с тем, великодушие к побеждённым, — отличали тогда наших предков. И вновь устанавливались мир и спокойствие. Правители удивляли своей справедливостью, учёные — творениями мирового масштаба, ремесленники — мастерством. Край наш процветал и находился на высокой для того времени ступени цивилизации.

Но вот однажды из дальних земель нахлынули в нашу землю жестокие и злые захватчики. Наш народ был образованнее, умнее, искуснее захватчиков и несколько раз наносил им поражения. О многих героях сложены песни и легенды. Однако нашествие пришлось на то время, когда не было единства у наших предков. Захватчиков было во много раз больше, и брали они не умением, а числом. Кроме того, их хитрые и коварные правители нашли опору среди немногочисленных предателей, а лучшие из наших предков погибли в неравной схватке. Хозяйство было разорено, и наименьшим злом показалось временное прекращение борьбы. Пришлось подчиниться грубой силе.

Так установилось чужеземное господство. У наших предков силой отбирали всё лучшее. Их заставляли говорить на чужом языке, служить чужим правителям, отстаивать чужие интересы. Нашлись манкурты, прославлявшие такое рабство, как благоденствие. Много боли и страданий перенёс в те времена наш народ. Грустные песни и легенды относятся к тому времени. Тайком передавалась в народе культура прошлого: разорённая, но не уничтоженная. Против гнёта чужестранного владычества много раз открыто поднимались храбрецы, любившие свободу. И вот, наконец, ослабла власть чужеземных тёмных сил, и нашлись смельчаки, провозгласившие самостоятельность нашего народа. (Далее история о свободе и завоевании может, слегка варьируясь, повторяться несколько раз — *Авт.*). Мы можем гордиться тем, что сохранили наследие славных предков, что впитали всё лучшее, что дала наша культура. Теперь мы можем сами решать свою судьбу. Перед нами необозримые горизонты будущего. Тебе предстоит достойно хранить наследство предков и, приумножив, завещать его своим детям».

Типические формы позволяют заранее прогнозировать повороты описанного и, что хуже, объяснённого таким образом «прошлого». Аналогично таблице-схеме («табулатуре») сказочного сюжета, приведённой в работе В.Я. Проппа «Морфология сказки»(4), на основании «национальных» историй такого рода может быть составлена «табулатура исторического мифа». Эта схема должна играть сдерживающую роль по отношению к попыткам упростить и идеологизировать историю действительным, но ненаучным методом мифологизации.

Что же могут противопоставить простоте проверенного мифа люди, именующие себя «профессионалами»? Ведь подавляющее большинство из них получили высшее образование по советским государственным программам (порой даже не брежневских, а сталинских времен!). Так что современный «национальный историк» всё равно родом из СССР где, по наблюдению В. Бухараева и Г. Бордюгова, «в условиях советского новоимперства был до известной степени декоративной фигурой», поскольку «призван был демонстрировать «городу и миру» достижения советского социализма в разрешении национального вопроса, процессы всестороннего развития и сближения национальных культур и наук, интегрированных единым социалистическим содержанием».

Интересно обобщить характерный арсенал «спецсредств», которыми когорта подобных хранителей прошлого пытается сохранить авторитет своего положения.

Освоенным до тонкостей приёмом оказался в последнее десятилетие «переворот в науке» — признание всего запретного, антинаучного (или антимарксистского) сокровищницей истин и, вместе с этим, напыщенно критическое отношение ко всем тем, кого считали или, по крайней мере, называли классиками отечественной истории. Популярность принципов позитивизма, как уникальной методологической «отмычки», единственной способной открыть историку истину, парадоксальным образом сочетается с «эзотерическим бумом», интересом к мистике и оккультному знанию.

При этом «игра в классики» продолжается, только обязательный цитатник пополняют иные имена, выговорить которые прилюдно сначала было страшно, затем доставляло невыносимое наслаждение, а теперь вошло в привычку. Ричард Пайпс входит в список обязательной для современных студентов-гуманитариев литературы (особенно «Россия при старом режиме», переведённая в 1993 г. для массового российского читателя). Без цитирования работ выпускника сталинского Института красной профессуры А. Авторханова не обходятся специалисты по национальной политике. Философия истории немыслима без обращения к творчеству А. Янова, будь это схема «реформа–контрреформа–стагнация» или вновь входящий в интеллектуальную моду К. Леонтьев. В Таджикистане, как указывает Р. Шукуров, при всей приверженности гуманитариев собственным многовековым традициям, обоснование теории паниранистского «хорасанского единства» опирается на философию истории К. Ясперса. Ну и, конечно, по всем темам проходит историко-художественная концепция Льва Гумилёва... *Magister dixit!* («так сказал учитель») — магическая формула, в которой меняется лишь имя Учителя.

Другим, более продуктивным приёмом, является призыв историографических «варягов». (Набор публицистических штампов настолько глубоко укоренился в нашем сознании, что приходится оговариваться, что в данном случае слово «варяги» не несет отрицательной смысловой нагрузки, скорее, наоборот). Теоретические построения наиболее ярких зарубежных исследователей, казавшиеся совсем недавно тупиковыми боковыми ответвлениями от проспекта Марксизма, нашли отклик в душах историков, взыскующих нового учения. Им пришлось заново, в ускоренном темпе, проходить интеллектуальную эволюцию множества профессиональных сообществ западноевропейских стран. Сначала возвращение, скажем, к истокам «школы Анналов», к теориям А. Тойнби или М. Вебера, затем (если хватит сил) — изучение их добросовестных критиков, отшумевших дискуссий «за и против», а затем (самое трудное) — попытка разобраться в правоте и неправоте современных историографических направлений. В новых государствах СНГ и национальных республиках России находят «идолов» локального значения: в соседних государствах (например, Молдова — в Румынии), в эмигрантской среде (Россия, Украина, Армения), в националистическом прошлом (Украина, Татарстан, Северный Кавказ). Новая терминология, создававшаяся десятилетиями, втискивается в узкие границы современности, создаёт приводящий в недоумение понятийный хаос. В научных докладах можно насчитать до десятка порой взаимно противоречивых смысловых потоков из весьма различных научных школ.

Безусловно, более-менее удачные попытки обобщить наследие, создать собственную систему представлений, предпринимались и предпринимаются. Но в настоящее время даже сама проблема отбора и перевода чужой понятийной системы в свою порождает невероятный беспорядок в интеллектуальном хозяйстве историка-профессионала. Когда же в такой ситуации оказывается некоторое научное сообще-

ство, в нём складываются определенные правила по использованию «всего того нового, что выработало человечество», пока мы его «обгоняли». Скажем, в конце 80-х гг. непрофессиональным казалось не пользоваться именем Ф. Фукуямы и его доводами в пользу «конца истории». В начале 90-х это выглядело «старомодным», зато разговоры о «синергетике», Пригожине и самоорганизующихся системах служили опознавательным знаком: «свой–чужой». К середине 90-х эти построения уже отдавали «провинциальностью». Модным стали слова «самоидентификация», «деконструкция», сочетание звуков «Деррида́»... При всём этом, отдельные «выжившие» термины разных, порой противоречащих друг другу, систем постепенно складывались в новый лексикон, позволяющий облекать даже обыденные мысли в новые одежды «научно-исторического слога». Наиболее известный пример искусственного создания такого лексикона — работа А. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта». В ней на два тома изложения истории России (недалёкого по духу от истмата) приходится один полнокровный том словаря, истолковывающий сотни новых терминов, введённых автором в оборот(5). Это пример искусственного конструирования научного языка. Но и вполне естественным образом за последнее десятилетие на месте, опустевшем от общезнакомых марксистских определений, уже сложился тот невообразимый волапук, который призван отделять «учёное сообщество» от «непросвещенных» масс. Для множества историков новый лексикон позволяет новыми словами выразить старые смыслы и при этом выглядеть обновившимися. Вот один из примеров: модно (возможно, вслед за А. Яновым) вдруг стало говорить о качании «исторического маятника» между двумя крайностями. Образ кажется свежим до тех пор, пока не приходит в голову, что качание маятника, положенное на движущуюся ленту времени, даёт графическое изображение той самой спирали, которую все советские студенты учили по Гегелю и Марксу.

Этот пример, кроме того, характеризует вариант «нового» научного подхода к философии истории. Суть его состоит в следующем. Находится (или «вспоминается») некий новый поэтический образ, метафора, неожиданная даже для искушённых «гурманов слова», — и смакуется, обыгрывается со всех сторон. Создание теории подменяется поэтическим творчеством, в котором удачные образы заменяют глубину смыслов. Фантазия создаёт псевдосистему, заданную не прошлым, а поэзией. Исторический маятник — исторический циферблат — гири и механизм исторических часов — хранитель ключа и часовщик — «безмаятниковая эпоха» электроники — и так далее, и тому подобное. Вместо исследования — игры языка и памяти. Так осуществляется обратный ход мысли: не от сложной теории к понятному образу (по А.Ф. Лосеву), а от красивого образа к псевдосистеме.

В такую эпоху все более востребованным становится тяжкий труд литературного обработчика, квалифицированного переводчика с «научного» языка на человеческий. Однако «профессионалам» такой труд выгоден не всегда. Ведь тогда созданная ими картина прошлого теряет при этом загадочность и глубину. Объяснённая понятным языком, она не создаёт представления о том, что только принадлежность к кругу «избранных» позволяет постигать истинный опыт веков и (за соответствующее вознаграждение) делиться им с сильными мира сего. Как ни парадоксально, но *усложнённый* научный язык *упрощает* выполнение социального заказа национальной элиты, создавая двусмысленности и неясности под видом терминов и научных определений. Возвращение языка исторической науки (по крайней мере, работ, имеющих круг читателей, не обязанных следовать узкой «профессиональной моде») в рамки хорошей литературной традиции — одна из ближайших задач, стоящих перед гуманитариями. Воспитание новых поколений историков, для которых современные методологии

являются не плодом ускоренного и упрощённого изучения, а естественным положением вещей в едином информационном пространстве — не менее значимая перспектива.

«Принцип наименьшего зла» — один из самых устойчивых терминов практически всех современных национальных историй бывших республик СССР. Это тоже наследие СССР, которое «национальный историк» взял с собой в своё светлое будущее. Ведь не кто иной, как И.В. Сталин лично предложил простой и понятный образ: вхождение в Российскую Империю представляло собой выбор «наименьшего зла» вместо зла «абсолютного»(6). Вначале это касалось Украины и Грузии, затем выросло в общую стройную теорию. Обратил ли кто-нибудь внимание на то, что законом истории стала поговорка?

А ведь именно благодаря прозрачной связи с известной поговоркой *«из двух зол выбирают меньшее»*, формула прижилась как понятный узнаваемый образ, который в русском языке уходит корнями, по меньшей мере, к Петру I, а в общеевропейской культуре — к Цицерону (*minima de malis*) и Аристотелю (*τα ελαχιστα ληπτεον των χαχτων*)(7). Логика доказательства была проста, хотя и носила «одноходовый» характер: «какое из двух зол нужно выбирать: большее или меньшее?». Ответ подразумевался, хотя вопрос был неточен.

И если с начала 1950-х гг., по наблюдению Л. Тиллетта(8), из этой формулы постепенно вымывалось понятие «зло», то с конца 1980-х гг. всё меньше акцента делается на определении «наименьшее». Эта традиция также несёт отпечаток советской исторической науки. Само понятие «империя» несло исключительно отрицательную смысловую нагрузку. Брошенное А. де Кюстином «тюрьма народов» стало в советское время неотъемлемым спутником определения «Российская Империя». Зло и несправедливость земной жизни «до 1917 года» легко списывались именно на это образование. Поэтому так легко стало списывать трагические события «после 1917» уже на «Советскую империю». К 1990 г. советский миф об абсолютном зле императорской России сомкнулся с перестроечным мифом об абсолютном зле тоталитарного СССР.

Неточность вопроса «Какое из двух зол нужно выбирать?» в том, что в нём подразумеваются и проблема выбора («нужно»), и то, что выбор, как ни крути, приносит якобы только зло. Как только исследователь задаётся другим вопросом: «А была империя злом или только злом?», он приходит к возможности пересмотра самой теории «наименьшего зла». Не отрицая того, что земная жизнь в силу своего несовершенства всегда полна несправедливости (политической, экономической, социальной, даже физиологической и т. п.), с не меньшим успехом можно поставить вопрос о принципе *выбора наибольшего добра* (имеющим свою «массовую опору» на не менее известное «нет худа без добра»). Попытка советских историков выработать подобный подход не увенчалась успехом, потому что вместо относительного понятия был привлечен генеральный принцип «а б с о л ю т н о г о добра», основанный на том, что всё случившееся с Россией на протяжении последних десяти веков приближало, так или иначе, победу пролетариата. Несмотря на всю ограниченность такого абсолютного подхода, в нём заложен более оптимистический принцип. Ведь «выбор зла» связан прежде всего с оценкой существовавшей ситуации. В «выборе добра» гораздо больше надежды на будущее. В первом случае игнорируется позитивная сторона будущего, неважной оказывается мера положительного взаимодействия. Во втором зло воспринимается, как историческая неизбежность, но главным всё-таки остается вопрос о перспективах.

Новый принцип может существовать не только в системе исторического материализма, когда происходит единение личности с обществом, первым перешедшим к новой, более прогрессивной общественно-экономической формации. К тому же в перспективе вхождение в новую небывалую историческую общность «советский народ» означает проявление вековой мудрости народов и их правителей(9). При смелом понятийного аппарата принцип «наибольшего добра» вполне совместим с более современными для отечественных историков теориями, будь то теория модернизации или цивилизационный подход. Ведь и здесь сохраняется видение истории, как прогресса (прежде всего материального), необратимого движения от худшего к лучшему, а поэтому «выбор добра» сохраняет свою значимость. Тот же выбор приходится делать и современным национальным государствам, устраивающим международные связи безотносительно к бывшему имперскому центру. Эти связи влияют на складывание новых «дуг напряжённости» не только в современной политике, но и в восприятии истории. Проблемы, возникающие при пересмотре отношений по линиям Молдова–Румыния, Белоруссия–Польша–Литва, Таджикистан–Афганистан–Иран, Украина–Турция также заставляют выходить за рамки чисто национальных историй, слушать историческое многоголосье в отсутствие привычного «имперского» фона.

Марк Ферро весьма убедителен, когда, говоря о существовании двух параллельных историй в каждой стране, у каждого народа, обращается то к «истории победителей», то к «истории побеждённых», иначе говоря, — к официальной истории и к контристории. Со временем они могут поменяться местами, но соотношение между ними останется прежним(10). Можно ли с достаточной степенью честности и непредвзятости точно определить, кто именно на постсоветском пространстве оказался «победителем», а кто — «побеждённым»? Чья история «вывернулась наизнанку», а чья — обрела законный статус? И какое «зло» в итоге оказалось «наименьшим»?

От этой смысловой непрояснённости в значительной степени проистекает и идейный сумбур нынешней историографической ситуации. И если с бывшими «братскими республиками» всё как будто бы ясно (они «деколонируют» свою историю теми же способами, какими пользовались «колонизаторы», то есть по принципу «от противного»), то с российской историей дело обстоит гораздо сложнее. Педагогический «официоз» соответствующей школьной и энциклопедической литературы весьма неоднороден в идейном и концептуальном отношении. Либеральная, рационалистическая критика «державности» здесь зачастую мирно соседствует с пафосной апологией имперства, покорения евразийского пространства и славных военных побед. Отчего так?

Представляется, что все дело в конфликте двух этик — этики «служения» и этики «борьбы», в особо острой форме свойственных русскому историческому (в том числе и профессионально-историческому) сознанию. В советской истории важно отследить момент, когда, как в век национализма, уже не фактор силы, а иные ценности начинают диктовать государству и обществу новый, неимперский тип поведения. Ведь так уже случалось со многими европейскими государствами: с конца XVIII в. идеи Просвещения позволили увидеть в культуре, национальном языке и суверенитете нечто более важное, чем относительное спокойствие «под крылом» сильной наднациональной имперской власти. Так зародился конфликт служения имперскому принципу «За Веру, Царя и Отечество» и морального постулата справедливости национального суверенного государства, создающегося в борьбе с империями. Эта нравственная коллизия, «опрокинувшись» в реальную политику, не раз драматически сказывалась на судьбах народов. Отметим, сколь взрывоопасной оказалась смесь

немецкого национализма с имперской идеей «Третьего рейха». Как справедливо отметил профессор К. Аймермахер, XIX век, отработывавший национальную тему, закончился в Германии лишь в 1945, а может быть, и в 1989 году... (11).

В СССР же коммунистическая идея наднационального единства (на практике лишь подхлестнувшая синдром этничности на местах) быстро «выродилась» в партийно-хозяйственную практику всеобщей унификации. Это временно усилило государство как механизм, но лишило сил общество как организм. А ведь именно органика и спонтанность были свойственны многовековому имперскому расширению России. И если националистические настроения двух последних царствований во многом способствовали дестабилизации Российской империи «сверху» (1917 г.), то национализм этнических элит «снизу» покончил с советской «империей» в 1991-м.

По степени полемичности и непрояснённости в современном российском историческом сознании с темой империи сопоставима, пожалуй, лишь тема демократии (в контексте спора о её чуждости или органичности для отечественного социума). Опыт последних лет не только не проявил, но, напротив, ещё более запутал этот вопрос, добавив ему «болезненный» социальный оттенок.

А между тем зарубежному наблюдателю и, между прочим, гению своей эпохи многое про нас было ясно уже полтора века назад. В своём «Путешествии от Мюнхена до Генуи» Генрих Гейне писал: «... Россия — демократическое государство, я бы даже назвал её христианским государством, если употреблять это столь часто извращаемое понятие в его лучшем космополитическом значении: ведь русские уже благодаря размерам своей страны свободны от узкосердечия языческого национализма...». И это — о николаевском времени, стандартно воспринимавшемся у нас как государственная деспотия в духе «самодержавия, православия и народности».

Органичные, но опосредованные начала народоправия; вера, как правовая основа государственного устройства; отсутствие национального эгоизма; «общечеловечность» и «всемирность» русских духовных ценностей — все эти несомненные *цивилизационные преимущества* отечественного уклада, по осколкам растащенные в наши дни представителями противоборствующих идейных школ «демократов» и «патриотов», воспринимались немецким мыслителем (а за ним — и русскими философами «серебряного века») в их органическом единстве. Тем и были ценны. Особенность нынешней ситуации состоит в том, «разбитое зеркало» общей истории раскололось не только по трещинам географических и геополитических «разломов», но и по линиям смыслового напряжения во внутренней структуре своего — прежде нераздельного — традиционного монолита.

Недавний заказ власти (в том числе и историкам) на создание «национальной идеологии» потому и провалился столь убедительно, что наиболее ценные части национальной традиции были деловито «прибраны к рукам» новыми носителями «баррикадного мышления» как «справа», так и «слева». При таком раскладе научных интересов, если что и может быть создано, так это квазиидеология, рассчитанная на квазинацию. Не стоит удивляться, если и то и другое мгновенно исчезнет в случае реального изъявления россиянами своей политической воли.

«Бесхозными» остаются, пожалуй, «всего лишь» *универсализм отечественной традиции* как сокровищница мирового и отечественного исторического опыта, да этика стоического *делания*, дававшая России шанс вновь и вновь возродиться после всех смут и «расколов». Но именно этот опыт, не несущий моментальных прибавок в «очках и секундах», гораздо более ценен для будущего.

Переживает ли русское историческое сознание усиление чувства этничности, свойственное общественным настроениям народов бывшего СССР? Наш ответ: если и переживает, то в замещённой или в инверсивной форме. Феномен «взрывной» этничности в принципе понятен в случае с малыми народами, а также с народами, не имевшими прежде собственной государственности. Этнокультурная и этнополитическая мотивация вызывают в них стремление повысить свой социальный и политический статус в мировом сообществе (подчас и за чужой счёт). На первый взгляд, гораздо менее объяснимо сползание в этничность ряда российских публицистов, учёных и издателей, отрабатывающий ныне «патриотический» проект. Апология «крови и почвы» в «охотничьем» исполнении проявляет себя здесь как явная деградация качества и уровня национальной рефлексии, достигнутых лучшими отечественными и зарубежными русским философами в XX в.

Возникает вопрос: «Почему с такой легкостью историческая тема, долженствующая возвысить душу русского человека, становится на деле «игрой на понижение»? Разве всё ещё великая страна с богатейшими (и разнообразными!) традициями государственности и культуры нуждается в унижающих стенаниях по поводу «козней мировой закулисы» и в каннибальских претензиях к «инородцам»? Думается, что «воспаление этничности» замещает у нас иное социальное явление — *повышенную реакцию на очередную модернизацию*. Печально, но факт: национальной идее у нас никак не удастся стать тем, чем ей и надлежит быть с точки зрения идеологической прагматики — духовным компенсатором очередного «большого скачка». Вообще говоря, наши застарелые «болячки» от периодических насильственных обновлений никогда окончательно не излечивались.

В России, модернизируемой верховной волей «сверху» и как бы «изнутри», каждый россиянин поневоле — сам себе и модернизатор, и объект модернизации, и алчущий перемен «западник», и страдающий от их бремени «почвенник». И в этом — тоже универсализм (правда, весьма болезненный) российской исторической традиции. Отражение этой ситуации в современной публицистике и науке свидетельствует об опасности «расколотого» состояния исторического сознания — как для личности, так и для народа в целом. Однако сама русская история предлагает нам лекарство, действующее по принципу «подобное подобным».

Именно *константность этнического, русского* (того, что никакие перемены не могут у тебя ни отнять, ни изменить), а также *беспорность собственного прошлого* (из истории, что бы ни говорили скептики, слова не выкинешь — она уже состоялась) могут и должны содействовать изживанию противоречивых чувств тревожности, апатии, агрессии и исторического скепсиса, которые все шире распространяются в российском обществе.

Практические исследования социопсихологов подтверждают эту точку зрения. Их опыт (отражённый в цифрах) показывает, что современное общество может нормально функционировать только в том случае, если люди не исходят из предположения, что любой незнакомец — враг, а чужая культура — угроза своей собственной(12). Отчего? Да потому что носители того, что исследователи называют «*культурой доверия*», больше предрасположены к нормам правосознания, ценностям свободы, моральной ответственности за собственные поступки, чем представители «*культуры недоверия*». Более того, мера психического и нравственного здоровья скорее присуща первым. Но самое ценное для нас в этих выводах состоит в том, что, как показали опросы, культура доверия напрямую связана у людей с положительным чувством к миру, к истории как «*своей*», так и «*чужой*». При таком отношении к прошлому человек сориентирован не

на ниспровергательный пафос потомка-критика или борца с «чужеземным засильем», а на вдумчивый интерес ученика в мастерской исторического познания.

Вообще говоря, все наши беды — от нашего богатства. Историческая глубина российского прошлого, насыщенность его яркими событиями и великими победами, разнообразие и преемственность культурного наследства — словом, все эти бесспорные, объективные свойства отечественной истории делают нас удивительно снисходительными, скажем, к околонучным профанациям в стиле Фоменко–Носовского. Забавный казус: на фоне всеобщего стремления наших коллег по профессии из Содружества независимых государств «удревнить» историю своих стран и народов, названные исследователи смело «сворачивают» хронологию российской истории до трёх-четырёх столетий, карикатурно искажая при этом не только количественные, но и смысловые её характеристики. И при этом, они могут не опасаться, как Салман Рушди, смертного приговора и преследования по всему миру со стороны духовных лидеров своей страны за глумление и святотатство над Традицией и Древностью. Более того, их построения находят отклик именно в патриотически настроенных кругах!

Что ж, постараемся подольше оставить радикальный исламский опыт невостремлённым. Однако, похоже, что при нынешней обострённости национальных переживаний историческому чувству россиянина, как читателя, так и издателя, очень не хватает *рационального иммунитета* (хотя бы и в форме здоровой иронии) к подобным «сенсациям» на тему собственного прошлого. Того иммунитета, который предоставил бы полки книжных магазинов для более основательных авторов и более полезных сочинений. Говоря о полезности, мы имеем в виду не узкую прагматику социального заказа или идеологической ангажированности (для этого имеются профессионалы иного профиля), а реальные проблемы будущего России, которые явственно проступают из закономерностей её прошлого.

Современный русский философ Михаил Ильин верно замечает, что «драма самоопределения постоянно подстерегает Россию в будущем» (13). Герой на распутье — такова метафора исторического развития нашего отечества. Этот вызов из будущего достойнее всего принять первым именно историку. И тогда особый интерес для исследователя приобретёт, скажем, тема *«отвергнутых вер» как геополитических альтернатив* Руси, — не остаются ли они ориентирами нашего цивилизационного развития в хантингтоновской реальности «расколов и разломов» будущего мира?

И это лишь одно из направлений, представляющих, на наш взгляд, особый интерес для развития исторического сознания россиянина. К нему можно добавить и исследование природы *цивилизационной самокритики*, свойственной русской общественной мысли с XIX в., и анализ причин массовых *фобий, фийл и маний*, периодически поражавших народное сознание, и выяснение степени эффективности *«проектного мышления»* власти в периоды радикальных преобразований (соответствия замысла реформ их результатам)...

Историкам есть чем заняться, помимо скучного, крохоборского дележа прошлого по полкам «своей» и «чужой» истории, особенно в нынешней ситуации, отличающейся пока удивительной идеологической терпимостью и небывалым мировоззренческим плюрализмом. Сверхзадача этих занятий была чётко сформулирована Василием Осиповичем Ключевским: превратить для людей «сознание прошлого» в «привычный акт мышления».

Граница между «своим» и «чужим» прошлым укладывается в сознании с детских лет, со школьной скамьи. Как ни были близки по духу, методологии, термино-

логии, воспитательной направленности два курса истории — отечественной и всеобщей — их все-таки было (и есть) два. А стало быть, два разных автора (или авторских коллектива), два слабо пересекающихся потока информации, два образа истории — «отечественной» и «всеобщей». С годами могут забываться имена и даты, тем более — термины и концепции. Но то, что **истории две — своя и чужая** — входит в память навсегда. Эта прочная опора готова поддержать любую новую «свою» историю — сузится она в своих административно-территориальных рамках или расширится (например, до размеров «общей Европы»).

В мире существует определённый опыт, позволяющий увидеть и отчасти предсказать эволюцию многонациональных историй. И если современное состояние исторической науки в государствах СНГ можно назвать «болезнью роста», то, как и в медицине, нужно при описании болезни давать прогнозы её благоприятного и неблагоприятного исходов. Куда приятнее пытаться прогнозировать благоприятный исход: для того, чтобы помогать развитию его признаков. Среди благоприятных показаний — отмеченная авторитетными исследователями сопоставимость национализма в России и СССР с опытом в других мировых регионах(14). В частности, некоторой моделью может послужить эволюция национальной истории США. При всём многообразии существующих в этой стране учебной литературы и взглядов преподавателей, попытки проследить общую линию эволюции на протяжении последнего столетия позволяют прийти к определённым выводам. Примерно до 1914 г. там господствовала «идеология гражданской войны», основным принципом которой было подчёркивание различных форм противостояния в обществе и государстве. Именно Гражданская война 1860-х гг. являла собой пример и идеологического, и этнического, и экономического противоборства. Не обходилось и без освещения обострений классовой борьбы на рубеже XIX–XX вв. Первая мировая война и новые потоки эмигрантов преобразуют «идеологию гражданской войны». Участие в крупнейшем мировом конфликте, осознание особенной «американскости» привело к возникновению идеи *melting pot* («плавильного котла»). Суть её — в отождествлении разнообразного американского общества с неким единым сплавом, в котором рождается качественно новое, единое образование. История при этом деполитизируется, конфликты обходятся стороной или освещаются с точки зрения трагических последствий для всего общества. Большое внимание уделяется тому, что теперь бы назвали «историей повседневности», войны и покорение Запада подаются в виде сентиментально-романтических историй и т. д. Однако сохранение в различных национальных или расовых общинах независимого самосознания повлияло на дальнейшую эволюцию «идеологии прошлого». Единство сохранилось в культурном взаимовлиянии, в теории объединяющих *frontiers* («контактных зон») вместо разделяющих *borders* («границ»). Последняя распространяется историками из США и на историю межнациональных отношений в других регионах мира, в том числе и в Российской Империи(15). В целом же, народы уже не «сплавляются» в однородную цельную массу. Они, скорее, перемешиваются в единой «салатнице», сохраняя собственную неповторимость и при этом все же создавая новый, неповторимый «вкус истории».

Быть может, путь от идеологии русской гражданской войны через «плавильный котел» «единой исторической общности «советский народ»» также лежит к осознанию возможности писать интернациональную историю, в которой народы, сохраняя черты национальной неповторимости, творят во взаимодействии сложную историческую реальность.

Для этого на уровне вновь оформившихся государств нужно писать не историю «государствообразующего» этноса, а историю населения определённой границами территории. При этом динамика границ во времени неизбежно приводит к необходимости постоянно учитывать как межгосударственный, так и интернациональный фактор. Это не означает, что этническая история исчезает — она занимает достойное место хранительницы национальных традиций, языка и культуры — но не власти и неизбежно сопряжённого с ней насилия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? //Полис. № 1. 1996. С.34. На тему коллизии демократии и национализма см. также: *Grobe K. Democratie oder Nationalismus //Frankfurter Rundschau. 1994, 6 апреля.*
2. *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских. (Социологический очерк). — М., 1996.
3. Ян Э. Указ. соч. С.44.
4. *Пропт В.* Морфология сказки. — Л., 1928. С.129.
5. Нельзя удержаться от характерного примера: «...В истории нет абсолютной необходимости. Человек отвечает на вызов истории (см.), на угрозу гибели общества и цивилизации, либо антимедиацией (см.), т. е. возвратом к инверсии (см.), закреплением циклов (см.), либо медиацией (см.) т. е. стремлением выйти за рамки ранее сложившегося уровня необходимости её углубить, овладеть эволюцией истории». — *Ахиезер А.А.* Россия: критика исторического опыта. — М., 1991. Т.III. С.132.
6. *Нечкина М.В.* К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки //История СССР. 1962. № 2. С.57–58,74.
7. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2-х т. Т.1. — М., 1994. С.364.
8. *Tillet L.R.* The Great Friendship: Soviet historians on the Non-Russian nationalities. — Chapel Hill, 1969. P.161.
9. Примерно об этом писала М.В. Нечкина в статье «К вопросу о формуле “меньшее зло”» (Вопросы истории, 1951, № 4), хотя через год «повинилась» за ошибки (Вопросы истории, 1952, № 11).
10. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М. 1992. С.306.
11. Выступление на международной конференции «Создание национальных историй в постсоветских государствах». (Москва, 16 сентября 1998 года).
12. См.: *Грунт З.Ф. и др.* Российская повседневность и политическая культура: проблемы обновления //Полис. № 4. 1996. С.66–70.
14. *Сикевич З.В.* Ук. соч. С.50.
13. *Ильин М.В.* По уставу судьбы: русская идея //Полис. № 4. 1996. С.85.
14. *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. — Princeton, 1994. P.407.
15. См., напр., новый сборник: *Russia's Orient. Imperial Borderland and Peoples. 1700–1917.* Ed. D. Brower and E. Lazzarini. — Indianapolis, 1997.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приложениях приведены некоторые наиболее показательные на наш взгляд, сюжеты постсоветского освещения исторических реалий и современных проблем. Благодарим авторов книги за представленные материалы.

Составители приложений

А. Ушаков, С. Щербина

I. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СИМВОЛАХ ВЛАСТИ

Республика Армения

Флаг Республики Армения — прямоугольное полотнище с тремя одинаковыми горизонтальными полосами красного, синего и оранжевого цвета. Государственный флаг своими размерами и цветом повторяет государственный флаг Первой республики. Восстановлен 24 августа 1990 года. Красный цвет символизирует кровь, пролитую в борьбе за независимость, синий — небо Армении, оранжевый — созидательный труд народа Армении (см. четвёртую страницу обложки).

Герб Республики Армения повторяет герб Первой республики. Восстановлен 19 апреля 1990 года. В середине герба на щите изображены гербы четырёх армянских царских династий: Арташесидов, Аршакидов, Багратидов и Рубенидов. Они обрамляют рельефное изображение горы Арарат, на вершине которого вырисовываются контуры Ноева Ковчега. У подножья горы — воды Ванского озера. С обеих сторон щита — изображения льва и орла — символов духа, власти, стойкости и мужества. Внизу изображены меч — символ борьбы за свободу, перо и колосья — символизируют созидательный талант и миролюбие.

Орден Св. Месропа Маштоца, создателя армянского алфавита IV в н.э., с изображением Маштоца с нимбом святого, держащего в левой руке раскрытую книгу. По центру — надпись в три строки — Св. Месроп Маштоц.

Медаль Мхитара Гоша, автора средневекового судебника XII в. Мхитар Гош изображён на фоне весов, в левой руке — судебник, правая поднята в жесте присяги. В нижней части надпись: Мхитар Гош.

Медаль Мовсеса Хоренаци, историка V в. н.э. Историк изображён с пером в руках и раскрытой «Историей Армении». В нижней части медали — надпись «Мовсес Хоренаци».

Мемориал памяти жертв Геноцида 1915 года в Ереване. Мемориал построен в 1965 году. Шпиль, разделённый надвое, символизирует две части армянского народа, стремящиеся, но не могущие соединиться — народ Армении и диаспору.

Республика Грузия

Государственный флаг Грузии представляет собой ткань кизилового цвета прямоугольной формы, на которой со стороны древка в верхнем углу — чёрная (сверху) и белая (снизу) полосы. Соотношение ширины флага с его длиной — 3:5, ширина каждой полосы (чёрной и белой) равна 1/5 флага, а длина — 2/5 длины флага.

Государственный герб Грузии представляет собой семиконечную звезду. Золотистый орнамент звезды окружен серой каймой. Пространство между краями — кизилового цвета. В центре звезды помещается изображение круглого щита с полем кизилового цвета, на котором святой Георгий (Тетри Гиорги) на белом коне с золотыми копытами. В правой руке он держит изготовленное к бою золотое копье с серебряным наконечником, а в левой — щит с золотой полоской. На святом Георгии надежды алые шаровары и обувь золотистого цвета. На нём броня голубого цвета в серебристую клетку и белая накидка. Из под брони видна рубаха коричневого цвета. Под седлом коня святого Георгия — тигровая шкура, седло — золотое, уздечка серебряная. Над головой святого Георгия сияет восьмиконечная серебристая звезда; справа от звезды — серебристая луна, слева — золотое солнце; по бокам от луны и солнца расположены по две восьмиконечные звезды. Под конём изображены горной вершины.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ ГРУЗИИ

В период существования Демократической Республики Грузии (1918–1921) в качестве наград продолжали использоваться знаки отличия, существовавшие в императорской России — Георгиевский крест I, II, III и IV степеней. После установления советской власти старые награды были упразднены и учреждены новые — Орден Красного Знамени и Орден Трудового Красного Знамени. В 1936 г. награждение собственными орденами было прекращено. Роль наград выполняли общесоюзные ордена и медали.

Провозгласив курс на суверенизацию Грузии, правительство Звиада Гамсахурдиа приняло попытку учреждение национальной системы государственных наград. 8 февраля 1991 г. был обнародован проект закона «Об учреждении государственных наград Республики Грузия», которым предполагалось утвердить Орден Давида Агмашенебели I и II степени, Орден Илии Праведного, медали «За службу отечеству», «За воинскую доблесть».

История современных государственных наград Грузии отсчитывается с 24 декабря 1992 г. В этот день Эдуард Шеварднадзе, занимавший в тот период пост председателя парламента — главы государства, подписал закон об учреждении государственных наград, среди которых два ордена носят имена исторических деятелей.

Орден Давида Агмашенебели.

Орден носит имя царя Давида IV Строителя (Агмашенебели). Царь Давид отразил внешнюю агрессию, способствовал территориальной интеграции грузинского государства, был известен как покровитель науки и искусств. День его памяти — 8 февраля — отмечается в Грузии как значительное общественное событие.

Орден представляет собой активный ромб на фоне круглого силуэта. В круговом углублении титлы «Д-Т» (в грузинской артикуляции — «Давит»), окаймлённые буквой «А» (Агма-

шенебели). По оси над титлом царская корона. Восьмиконечная звезда с алмазами на горизонтальном стержне. В национальной грузинской церковной живописи ромб — знак бога. Изображение ромба часто даётся в фиолетовой тональности. Этому соответствуют фиолетовые полосы на орденской планке. Золотой цвет на белом фоне орденской ленты — в ознаменование золотой поры царствования Давида Агмашенебели.

В соответствии со статутом, орденом Давида Агмашенебели награждаются гражданские, военные и духовные лица, выдающиеся государственные деятели за величайшие заслуги перед грузинским народом, за весомый личный вклад, внесённый в дело борьбы за государственную независимость Грузии, ее возрождение, консолидацию общества. У ордена Давида Агмашенебели — высший, особый статус. Первый и единственный на сегодняшний день кавалер этой награды — каталикос-патриарх Илия II.

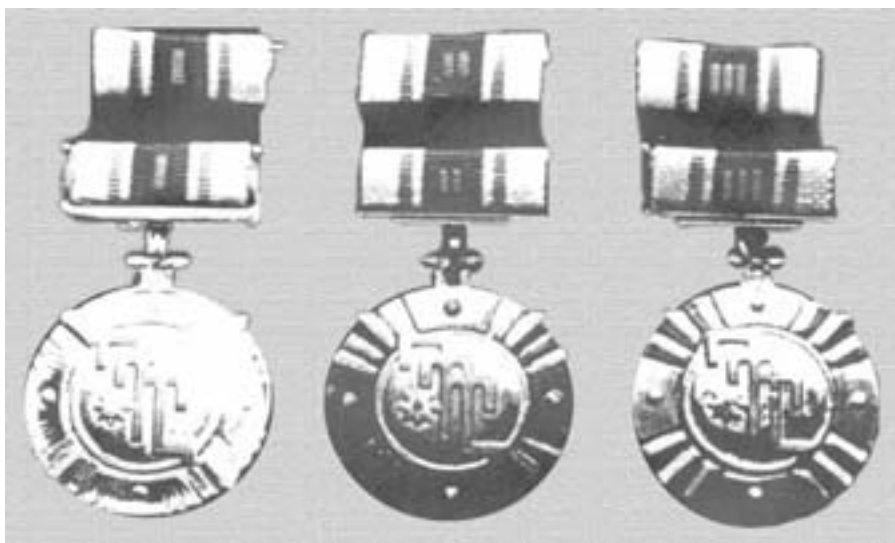
Орден Вахтанга Горгасали.

Орден носит имя царя Вахтанга I Горгасали — государственного и церковного реформатора V в. Имеет три степени. Силуэт круга укреплен стрелами, в просвете которых прочитывается крест. В центре круга — инициалы Вахтанга «В-Г». Монограмма украшена восьмиконечной звездой из драгоценных камней. Так выглядит орден всех трёх степеней, отличия в интерпретации цветов и отдельных деталей.

Орден I степени украшен алмазом. Серебряная полусфера позолочена. На белом фоне ленты доминирует коралловый цвет, по бокам золотистые полосы.

Общий фон ордена Вахтанга Горгасали II степени — тёмно-стальной, на позолоченной полусфере — 8-конечная рубиновая звезда.

Средняя полусфера ордена Вахтанга Горгасали III степени — тёмно-стального цвета. Вокруг позолота. Украшение ордена — звезда из изумруда.

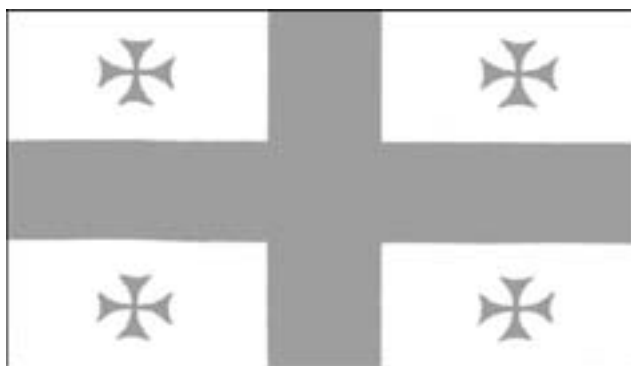

Проблема государственной символики продолжает оставаться открытой. Общественное мнение и ведущие политические силы страны допускают возможности её изменения уже в недалёком будущем. В парламенте создана специальная межфракционная комиссия, которая призвана обеспечить «единую государственную политику в сфере разработки государственной символики», а сама эта проблема является сейчас предметом оживленных дискуссий, в которых отражаются конкретные социально-политические настроения и ориентации, характерные для современного грузинского общества.

В целом высказываемые точки зрения суммируются в трёх позициях:

1. Оставить нынешнюю государственную символику, связанную с I-й Республикой 1918–1921 гг.
2. Вернуться к исторической символике.
3. Создать новые символы государственности.

В дискуссиях принимают активное участие грузинские историки. Значительный резонанс вызвала публикация Давида Мухелишвили на страницах печатного органа парламента Грузии («Парламентис уцкебани», 1977, № 27–28), в которой он обосновывает необходимость возврата к историческим символам грузинской государственности, в частности, периода её расцвета, совпавшего со временем правления царя Давида Агмашенебели и царицы Тамар. Аутентичные изображения герба и флага того времени не сохранились, однако согласно исследованиям Д. Мухелишвили исторический флаг Грузии представлял собой белое полотнище, на котором был изображён крест красного цвета, деливший полотнище на четыре сектора, в каждом из которых был дополнительно изображён маленький крест тоже красного цвета. Герб должен восходить к фамильной геральдике царской династии Багратионов.

В настоящее время существует проект по учреждению новых орденов и медалей. Предполагается учреждение Ордена царицы Тамар (им будут награждаться лица, имеющие наивысшие достижения на гражданском поприще), Орден Золотого Руна (им будут награждаться иностранные граждане за заслуги перед Грузией).

Республика Дагестан

Государственный флаг Республики Дагестан представляет собой прямоугольное полотнище из трёх равновеликих горизонтальных полос: верхней — зеленого, среднего — голубого и нижней — красного цвета. Отношение ширины флага к его длине — 1:2 (см. четвертую страницу обложки).

Государственный герб Республики Дагестан представляет собой круглый белого цвета геральдический щит, в центральной части которого изображён золотой орёл, под ним помещено изображение золотого солнца в виде диска, окаймленного спиральным орнаментом. У основания щита расположены бело-золотого цвета снежные вершины гор, равнина, море и в картуше — рукопожатие, с обеих сторон которого проходит зелёная геральдическая лента с надписью белыми буквами: «Республика Дагестан». В верхней половине щит обрамлён золотой полосой, в нижней — двумя орнаментальными кантами: слева — синим, справа — красным.

Из Положения о Государственном гербе Республики Дагестан от 20 октября 1994 г.

ГЛАВА 1. ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

- Статья 1. Республика Дагестан — Дагестан есть суверенное, единое, демократическое государство в составе Российской Федерации, выражающее волю и интересы всего многонационального народа Дагестана.
- Статья 3. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.
- Статья 11. Республика Дагестан гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за её пределами. Соотечественникам, проживающим за пределами Республики Дагестан, предоставляется право приобретения гражданства Республики Дагестан, если это не противоречит законам страны проживания.
- Статья 13. В Республике Дагестан признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная, общественных объединений и иные формы собственности.
- Статья 15. В Республике Дагестан признаются идеологическое и политическое многообразие, многопартийность. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.
- Статья 16. Республика Дагестан — светское государство.
Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.
Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Из конституции Республики Дагестан

Республика Казахстан

Денежная купюра в 100 тенге

Республика Молдова

Государственным флагом Республики Молдовы является румынский триколор (три цвета символизируют исторические провинции — Молдова, Мунтения, Ардял), утверждён 27 апреля 1990 г. парламентом республики под давлением НФМ (см. четвёртую страницу обложки).

Государственный герб в виде орла с крестом в клюве утверждён 3 ноября 1991 г.

Принятие государственной символики вызвало обострение политической ситуации в республике.

Конституция Республики Молдова принята 29 июля 1994 г. В связи с её принятием была признана утратившей силу Конституция МССР 1978 г.

Памятником-символом Республики Молдова стал памятник Штефану чел Маре, господарю Молдавии (1457–1504), расположенный на центральной площади Кишинёва, носящей ныне имя Великих Национальных Собраний. Памятник является объектом особого почитания и поклонения.

Вписанное в круг изображение памятника стало символом Христианско-демократического Народного Фронта, в основе программы которого унионизм (идея интеграции РМ с Румынией).

Молдавский лей введён в обращение с 29 ноября 1993 г. Выпущены купюры достоинством 1, 5, 10, 20, 50, 100, 200 леев, на всех — изображение господя Штефана чел Маре.

ПРИДНЕСТРОВСКАЯ МОЛДАВСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Государственная символика приднестровской Молдавской республики утверждена первой Конституцией ПМР, принятой 2 сентября 1991 г. Красно-зеленый флаг и герб ПМР подчёркивают преемственность ПМР с молдавской государственностью советского периода.

Конституция Приднестровской Молдавской республики принята на всенародном референдуме 24 декабря 1995 г., подписана президентом Приднестровской молдавской Республики 17 января 1996 г. В связи с её принятием прекратилось действие Конституции ПМР, принятой 2 сентября 1991 г.

День референдума 24 декабря стал государственным праздником ПМР (День Конституции).

Памятник А.В. Суворову, основателю г. Тирасполя.

Приднестровский рубль введён в обращение Постановлением ВС ПМР и указом президента И.Н. Смирнова 17 августа 1994 г. До этого с 1993 г. использовались советские денежные знаки образца 1961–1992 гг. с наклеенными на них марками различного достоинства. Выпущены купюры достоинством 1, 5, 10, 50, 100, 200, 500, 1000, 5000, 10 000, 80 000, 100 000, 500 000 рублей.

На большинстве купюр — изображение русского полководца А.В. Суворова (отсюда неофициальное название «суворики»). Курс доллара США по отношению к приднестровскому рублю на 1 января 1999 г. — 1:1 500 000.

Российская Федерация

ГЕРБЫ НЕКОТОРЫХ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ

Республика Алтай

Республика Башкортостан

Республика Ингушетия

Республика Коми

Республика Марий Эл

Республика Мордовия

Республика Северная
Осетия-Алания

Республика Татарстан

Удмуртская Республика

Денежная купюра с изображением памятника «Тысячелетие России» в г. Новгород Великий.

Денежная купюра с изображением памятника Петру I в г. Архангельск.

Республика Таджикистан

В государственной символике Таджикистана (одобрены парламентом и утверждены Законом Республики Таджикистан от 24 ноября 1992 г.) отчётливо проявлена гетерогенность сознания современных таджиков, которая воплотилась в официальных символах власти.

Флаг Республики Таджикистан.

Флаг представляет собою прямоугольное полотнище, разделённое на три полосы: сверху — красная, ниже — белая, и затем — зелёная. Посреди белой полосы — корона с семью пятиконечным и звездами. С советского времени, флаг мало изменился — красный, белый и зелёный были цветами государственного флага Таджикской ССР. Добавилась только корона со звездами. Однако, цветовая символика флага подвергнута коренному переосмыслению. В советское время красный толковался как знак пролитой пролетариатом крови, а белый и зелёный иллюстрировал раскрывшиеся коробочки и стебли хлопка (ещё один пример наивной иллюстративности в геральдике). Теперь красный понимается как цвет восходящего солнца и дневного света (в противоположность мраку), и соответствует красному знамени иранского эпического героя Кавы, освободившего Иран от угнетателя Заххака; белый цвет — понимается в традиционном ключе как цвет чистоты, искренности, созидания и счастья; зелёный цвет, будучи традиционным иранским цветом весны, обозначает жизнь, новую жизнь и процветание, а также и цвет Ислама (см. четвёртую страницу обложки).

Центральное место на Государственном гербе занимает изображение крылатого льва — древний символ иранцев. Лев изображён на фоне гор, символизирующих Таджикистан, страну по преимуществу горную, и восходящего из-за гор солнца. Обрамление составлено колосьями пшеницы (символ хлеба, процветания, труда и т.д.). Обрамление венчается стилизованной короной. Корона в свою очередь увенчана семью пятиконечными звёздами.

Герб, таким образом, составлен тремя группами символов: 1) древние общеиранского происхождения (лев и солнце); 2) продуктами советского символического мышления: восходящее солнце (нельзя забывать и о его «советских коннотациях»), пшеница, горы (наивная иллюстрация географических особенностей территории и

обилия природных богатств внутри этих гор), пятиконечная звезда; 3) новой символикой: корона (по одной из этимологий, слово «таджик» происходит от «тадж» со значением «корона»), семь звёзд (семёрка и звезда — символы счастья); эта символика имеет традиционные корни, но прежде в иранском мире не была распространена как общепризнанный символ власти.

Причём, старые советские символы перетолковываются в традиционном духе: «солнце коммунизма» в сочетании со львом наталкивает на древнеиранские реминисценции, пшеница — символ коммунистического труда крестьян, процветания и миролюбия, — связывается теперь

с традиционным у таджиков почитанием хлеба и зороастрийской символикой пшеницы. Причём, подчёркивается, что если в советское время пшеница символизировала нечто материальное и преходящее, то теперь в нее вкладываются вечные, духовно-нравственные смыслы всеобщего блага, верности, процветания.

Следует сказать, что весь герб целиком также толкуется как солнце и хлеб (исстари таджики пекут хлеб круглыми плоскими лепёшками). Сама идея представить хлеб державным символом — очевидная инновация для иранской традиции, которая навеяна социалистическим опытом, активизировавшим в международной геральдике символику хлеба.

Отметим, что в государственной символике отразились жаркие споры предшествующие её утверждению: одна часть общества стремилась ввести сугубо национальную символику без связи с государственными символами советского времени, в то время как другие настаивали на сохранение полной преемственности с советским временем. Результатом споров оказался компромисс, особенно ярко выраженный в облике государственного флага. Теперь всякий может прочесть флаг и герб так, как ему больше нравится — как в советском, так и в националистическом смыслах.

Один рубл.

Двадцать рублей.

Как видим, таджикский рубль является весьма близкой имитацией советского рубля. В утверждении такого облика денег поклонники советского прошлого одержали полную победу, будто бы надеясь, что «старый» облик спасёт деньги от галопирующей инфляции.

По поводу переименования «рубль» в «рубл» (в таджикской кириллической азбуке нет мягкого знака) говорили, что русский рубль был подвергнут обрезанию.

Республика Туркменистан

Республика Украина

II. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

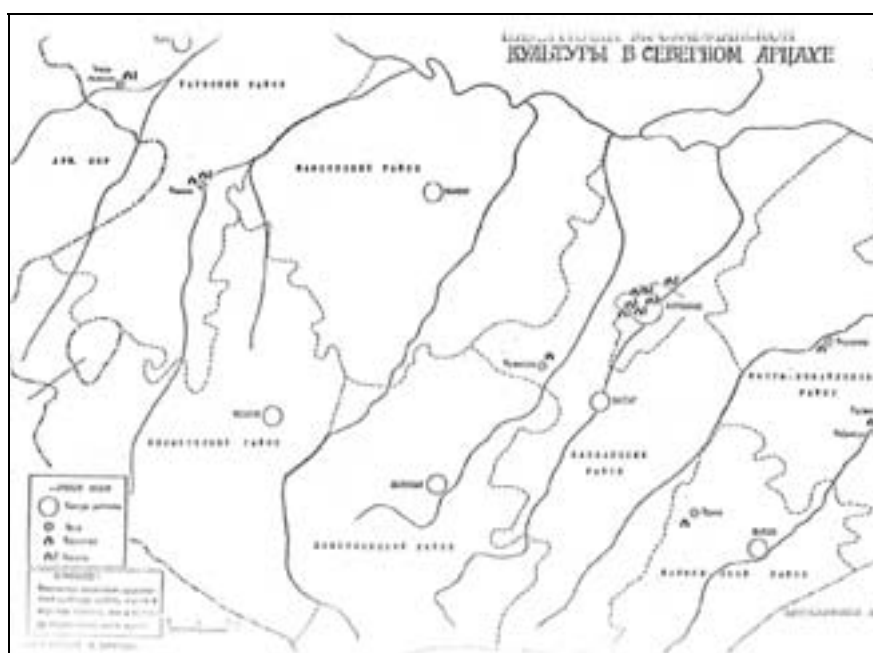
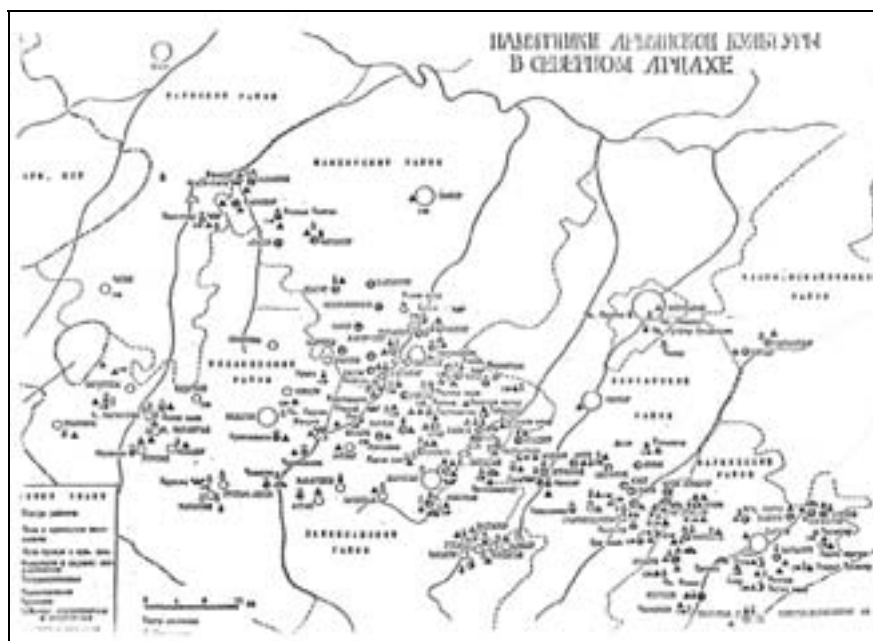
Республика Армения

Карта Первой республики

В реальности Первая республика никогда за два года своего существования не включала в себя одновременно все территории, обозначенные на данной карте. Здесь все земли, либо юридически, либо фактически контролировавшиеся армянами на том или ином этапе в период между 1918 и 1920 гг., обозначены в качестве территории страны.

Карты «Памятники армянской и мусульманской культур в Северном Арцахе»

Примечательна дихотомия «армянский–мусульманский», а не «армянский–азербайджанский». Таким образом часто подчеркивается «молодость» собственно азербайджанского этноса и культуры. Памятники мусульманской культуры на этой территории могут быть, например, персидскими.

Обложка книги «Клинописные топонимы». Автор Ованес Карагемян. Ереван, 1998 г.

Карта «Совместная Советско-турецкая агрессия против Республики Армения осенью 1920г.»

В правом верхнем углу подзаголовок: «Подлинные уроки истории Армении», в левом верхнем углу в рамке — цитата: «Фальсификаторов истории нужно вешать так же, как и фальшивомонетчиков (Сервантес)». Автор карты Рафаэль Татевосян.

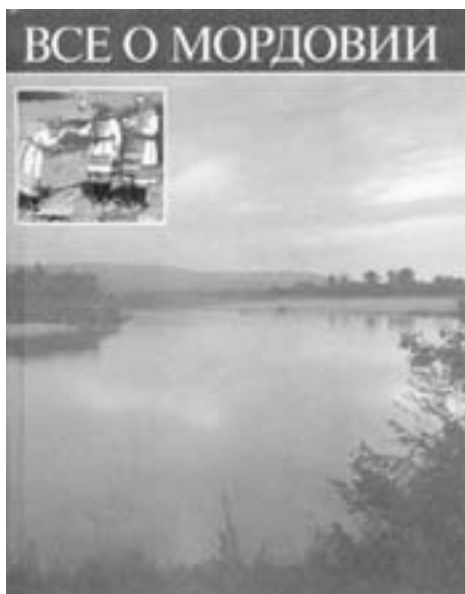
Республика Башкортостан

Республика Коми

Республика Мордовия

Республика Молдова

**ИСТОРИЯ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Изображение памятника Штефану чел Маре украшает обложки исторических трудов, авторы которых являются приверженцами различных политических взглядов.

Пособие Н.В. Бабилунги и В.Г. Бомешко «Страницы родной истории» (Тирасполь, 1997) предназначено для учащихся средних школ, изучающих историю Приднестровья. В книге кратко изложена история Молдавии с древнейших времен до наших дней, приведен хронологический ряд истории Приднестровья. На обложке — герб г. Тирасполя, уездного города российской Империи, утверждённый 7 ноября 1847 г. Главную часть герба составляет чёрный двуглавый коронованный орёл, который в правой лапе держит лавровую ветвь — символ победы России над Османской империей.

В Приднестровье большое внимание уделяется истории вооружённого конфликта, трагическим событиям 1991–1992 гг.

Курс лекций И. Ожога, И. Шарова является основным учебным пособием для средней и высшей школы РМ по истории румын, издан на русском и румынском языках. На обложке — изображение установленной в Риме колонны Траяна, императора, завоевавшего в результате двух войн (101–102 гг., 105–106 гг.) земли даков.

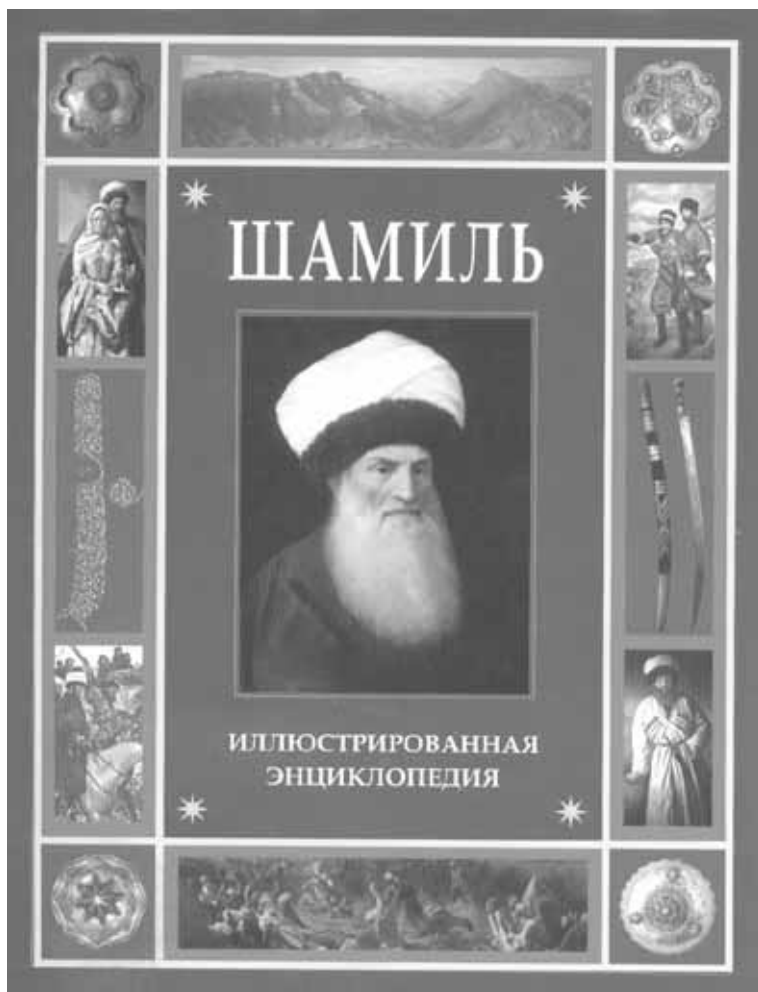
«История Молдавии в датах» подготовлена известным историком, лидером патриотического движения «Про Молдова» В. Стати. В работе приведён подробный хронологический ряд событий истории Молдавии с древнейших времен до наших дней, большое внимание уделено исторической географии Молдавии (дано более 30 карт). На обложке — карта Молдавского княжества до 1812 г.

Российская Федерация

ОГЛАВЛЕНИЕ К «ХРЕСТОМАТИИ ПО ИСТОРИИ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА» (Составитель М.П. Санакоев. Цхинвал, 1993. Том I)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.....	3
РАЗДЕЛ I	
Письменные источники (античные, восточные, грузинские, армянские, русские, византийские, западноевропейские) о скифах, сарматах, аланах, осетинах (V в. до н.э. – XV в.).....	17
РАЗДЕЛ II	
Письменные источники (Юань-ши) об аланах-ясах, находившихся на военной службе у монгольских ханов (XIII–XIV вв.). Извлечение из «Истории монголов (Юань-ши) об асах-аланах»	104
РАЗДЕЛ III	
Русские ученые XIX века о древней и средневековой истории осетинского народа. Извлечение из книги Ю. Кулаковского «Аланы по сведениям классических и византийских писателей»	118
Извлечение из книги В.Б. Пфафа «Материалы для древней истории осетин».....	139
Извлечение из труда В.Ф. Миллера «Осетинские этюды».....	151
РАЗДЕЛ IV	
Русские ученые о военно-политической истории осетин (XVIII– нач. XIX в.). Извлечение из книги П.Г. Буткова «Материалы для новой истории народов Кавказа с 1722 по 1803 гг.»	166
Извлечение из книги Н.Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе»	181
РАЗДЕЛ V	
Документы и материалы по военно-политическому и социально-экономическому положению осетинского народа (первая половина XIX века) Письма царевича Александра, сына Ираклия, к осетинам Тагаурского и Джавского ущелий.....	190
Письмо генерала Торماسова к П.С. Котляровскому.....	191
Отношение гр. Паскевича к гр. Чернышеву.....	192
Записка об осетинских ущельях, присваиваемых князьями Эриванскими-Ксанскими, составленная Яновским и Казачковским.....	202
Выписка из списка осетинской милиции, награжденной царским правительством.....	206

Извлечение из статьи К Сивкова «Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX в.)» о национально-освободительном выступлении осетинского народа	211
Царевич Давид. Новая история. Царевич Баграт. Новое повествование	219
РАЗДЕЛ VI	
Представители осетинской интеллигенции (конец XIX — начало XX вв.) об истории осетинского народа. Извлечение из книги Александра Кодзаева «Древние осетины и Осетия»	221
Сослан Темирканон. «Ос-Багатар»	275
РАЗДЕЛ VII	
Осетинский народ в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Извлечение из книги генерал-лейтенанта Н.А. Демидовского «Записки о кавказско-турецкой войне 1853–1856 гг.»	282
Извлечение из книги Н.Н. Муравьева «Война на Кавказе в 1855 году»	284
РАЗДЕЛ VIII	
Осетинский народ в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Извлечение из книги В.К. Крестовского «Двенадцать месяцев в действующей армии». 1877–1878 гг.	285
Извлечение из книги Л.В. Шаховского «Два похода за Балканы». 1877–1878 гг. (С театра войны)	292
Извлечение из книги «Воспоминания полковника лейб-гвардии Преображенского полка А.А. Берса о походе в Турцию в 1877–1878 гг.»	293
Извлечение из книги А.В. Верещагина «Дома и на войне». 1853–1881 гг.	294
Извлечение из книги П.Д. Паренсова «Из прошлого». Воспоминания офицера генерального штаба	297
Извлечение из книги Гаппо Баева «Осетинский дивизион»	301
Воспоминания К. Лалоша «Заметки о движении Ардаганского отряда к Батуму» (1877–1878 гг.)	315
Список осетин-офицеров – участников войн России XIX в.	317
З.В. Сосиев. «Станица Чернаярская»	342
М.С. Туганов. «Осетины на войне и в тылу»	351
А.Г. Емельянов. «Персидский фронт»	354
ПРИМЕЧАНИЯ	357
УКАЗАТЕЛИ	
Именной	395
Географических и этнических названий	402
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	411

ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ О.А. ПЛАТОНОВ
«ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ». Т.1–2. М., 1997

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА

ВСТУПЛЕНИЕ	3
ВОЗВЫШЕНИЕ РОССИИ.....	9
<i>Глава 1. Народ — Рождаемость. — Смертность. — Крепкая семья и брак. — Заселение Сибири и окраин. — Преимущественное положение России среди других стран.</i>	9
<i>Глава 2. Народное хозяйство. — Русское экономическое чудо. — Великий Сибирский путь. — Самые высокие темпы экономического роста. — Успехи промышленности и сельского хозяйства. — Автаркия. — Экономическая независимость России.</i>	17
<i>Глава 3. Страна богатели. — Высокие заработки рабочих. — Сумма вкладов в сберкассах увеличилась в 7 раз. — Бездефицитный бюджет. — Самые низкие в мире налоги. — Высокий жизненный уровень населения. — Рекордный уровень потребления мяса.</i>	34
<i>Глава 4. Национально-культурное возрождение. — Успехи народного просвещения. — Русское искусство. — Возвращение к истокам. — Живопись. — Зодчество. — Музыка. — Театр. — Наука. — Решающее значение русского искусства и науки в формировании мировой культуры конца XIX — начала XX века.....</i>	39
СВЯТАЯ РУСЬ И ОКАЯННАЯ НЕРУСЬ.....	48
<i>Глава 5. Русский государственный строй. — Центральная власть и местное самоуправление. — Община — Земства.....</i>	52
<i>Глава 6. Русский Царь. — Воспитание. — Образование. — Окружение. — Характер. — Царская семья и Двор.</i>	52
<i>Глава 7. Православие. — Живая духовная струя. — Святой Иоанн Кронштадтский. — Оптина пустынь. — Старчество.</i>	63
<i>Глава 8. Крестьянский мир. — Традиции Святой Руси. — Высокая культура. — Нравственные начала. — Хозяйственные трудности. — Аграрное перенаселение и малоземелье. — Благотворное влияние общины. — Крестьянство. — Основа Русской монархии.....</i>	71
<i>Глава 9. Рабочие. — Навык к коллективным формам труда. — Русская артель. — Забастовочное движение. — Самое передовое в мире рабочее законодательство.</i>	74
<i>Глава 10. Патриотическое движение. — «Русский труд» С.Ф. Шарапова. — Русское Собрание. — Идеи русских патриотов. — Борьба с засильем иностранцев и инородцев.....</i>	78
<i>Глава 11. Дворянство. — Отход от традиции служения. — Желание жить не хуже, чем в Западной Европе. — Несправедливые требования к Русскому народу. — Любовь к иностранному. — Розовые космополиты. — Незаслуженные привилегии. — Участие в спаивании народа.....</i>	89
<i>Глава 12. Государственный аппарат. — Бюрократия. — Малочисленность полиции и армии. — Интеллигенция и чиновничество. — Направления государственной политики. — С.Ю. Витте, реформы и интриги. — С.В. Зубатов, поддержка тред-юнионизма и сионизма.</i>	94

<i>Глава 13.</i> Интеллигенция. — Отсутствие национального сознания. — Национальное невежество. — Нигилизм. — По ту сторону добра и зла. — Бояцкая культура. — Романтика дна.....	103
<i>Глава 14.</i> Русские среди других народов. — Антирусские националистические движения. — Изменники-самостийники.....	121
<i>Глава 15.</i> Еврейство — Подавляющая часть евреев жила в России — Враждебность к Русской цивилизации — Буржуазный дух — Еврейское засилье — Еврейский капитал.....	126
<i>Глава 16.</i> Россия и Запад. — Главные противоречия. — Стремление контролировать русские ресурсы. — Иностранцы займы как долгосрочная кабала. — Захватнические намерения западных стран. — Русская идея всеобщего и полного разоружения. — Западный либерализм российского МИДа.....	134
<i>Глава 17.</i> Масонство. — Высшая форма русофобии. — Иностранцы ложи. — Великий Восток Франции. — Новая экспансия в Россию. — «Союз освобождения». — Либерально-масонское подполье. — Мартинисты. — Филалеты. — Розенкрейцеры. — Масонство и сионизм.....	140
<i>Глава 18.</i> Бесы. — Антирусские партии. — Сионисты. — Либералы. — Ленин и большевики. — Эсеры.....	145
 СМУТА.....	 161
<i>Глава 19.</i> Возрастание русофобии. — Япония как орудие западных держав. — Японская агрессия. — Вероломное нападение. — Огромное численное преимущество японцев. — Гибель русского флота. — Защита Порт-Артура. — Мукден. — Цусима. — Япония просит мира.....	161
<i>Глава 20.</i> Тайная война против России. — Японские спецслужбы мобилизуют и финансируют русских революционеров. — Подготовка вооруженного восстания. — Снабжение иностранным оружием. — Активизация либерально-масонского подполья. — Масонский «Союз освобождения» даёт сигнал к революции. — Совещание антирусских сил в Париже. — Начало первой антирусской революции.....	168
<i>Глава 21.</i> Гапон и его организация. — «Тайная пятерка». — Связь с масонским «Союзом освобождения». — 9 января как провокация революционеров. — Ликвидация Гапона революционерами как свидетеля.....	175
<i>Глава 22.</i> Обращение Царя к Русскому народу. — Встречи с русскими людьми. — Булыгинская Дума. — Злодейское убийство дяди Царя. — Революционный террор. — Антирусский «Союз Союзов». — Масонский «Союз освобождения» оборачивается в кадетскую партию. — Всеобщая забастовка. — Кризис государственной власти. — Манифест 17 октября.....	185
<i>Глава 23.</i> Антирусское восстание. — Создание антирусских «республик». — Расцвет политического бандитизма. — Массовые убийства русских людей. — Попытки запугать народ.....	194
<i>Глава 24.</i> Преступное сообщество. — Либерально-масонское подполье действует. — Рост масонских лож. — Тайная координация всех антирусских сил. — Создание Верховного Совета российских масонов. — Подрывная, подстрекательская роль международного масонства. — Масоны стремятся к власти. — Мафиозная организация большевистских боевиков. — Сотрудничество с уголовниками. — Эсеровский бандитизм. — «Еврейский мститель» Азеф. — Запрещение сионизма. — Усиление еврейского засилья в печати.....	204

Глава 25. Отечественная война. — Народный подъем. — Русские против бесов. — Ужас преступного сообщества. — «Союз Русского Народа». — Патриотические организации. — Православные братства. — Крамола побеждена. 223

НА ПЕРЕВАЛЕ..... 251

Глава 26. Новая тактика антирусских сил. — Кадеты. — Октябристы. — Социалисты. — Преступный характер первых Государственных Дум. — Клеветническая кампания против правительства. — Столыпин: «Не запугаете!» — Продолжение политического бандитизма. — Злодейское покушение на Столыпина. — Изменение избирательного закона. — Гучков и Родзянко. — Кадеты и октябристы против Царя. 251

Глава 27. Время Столыпина. — Борьба против общины. — Неудача аграрной реформы. — Укрепление Русского государства. — Опора на русских людей. — Поддержка патриотического движения. — Восстановление исторической справедливости. — Попытка создания правящей патриотической партии. — Мечь антирусских сил. 267

Глава 28. Русская полиция и масоны. — Засоренность государственного аппарата масонами. — Дело Биттар-Монена. — Зарубежная командировка Б.К. Алексеева. — Доклад Царю. — Подготовка совещания по борьбе с масонами. — Убийство П.А. Столыпина. 278

Глава 29. Григорий Распутин. — Антирусский миф. — Отношения с царской семьей. — Добротолубие. — Бессеребрность. — Излечение Наследника. — Советы Царю. 285

Глава 30. Дальнейшее распространение масонства. — Новый «братский» Устав. — Инструктаж международного масонства. — Масонское руководство Государственной Думой. — Клеветническая кампания против верховной власти. — Нападки на Распутина. — Еврейский вопрос. — Махинации на выборах. — Совещание антирусских сил. — Масоны провоцируют революционные партии на вооруженное восстание. — Призыв поставить Россию на колени. 291

Глава 31. Разложение бесовщины. — Эксгумация антирусских сил иностранными спецслужбами. — Возрождение большевистских и эсеровских организаций после гибели П.А. Столыпина. — Тактика полиции в отношении к большевикам. — Шпионский характер польских националистов. 304

Глава 32. После Столыпина. — В.Н. Коковцов. — Отход от политики патриотизма. — Оживление антирусских сил. — Масон В.Ф. Джунковский и русская полиция. — Масонские контуры русской внешней политики. 310

Глава 33. Патриоты. — 10 заповедей Российских. — Союз Михаила Архангела. — «Книга Русской Скорби». — За права Русского народа. — Торжества государства Российского. — Церковная жизнь. — Предложения патриотов. 317

ВОЙНА..... 335

Глава 34. Происхождение первой мировой войны. — «Великий Восток Франции» и антигерманские настроения. — Усиление русофобии. — Балканский кризис. — Двучленная политика Франции и Англии. — Подготовка к войне Германии и Австрии. — Финансирование антирусских сил. — Германская агрессия. — Обращение Царя к народу. — Патриотический подъем. 335

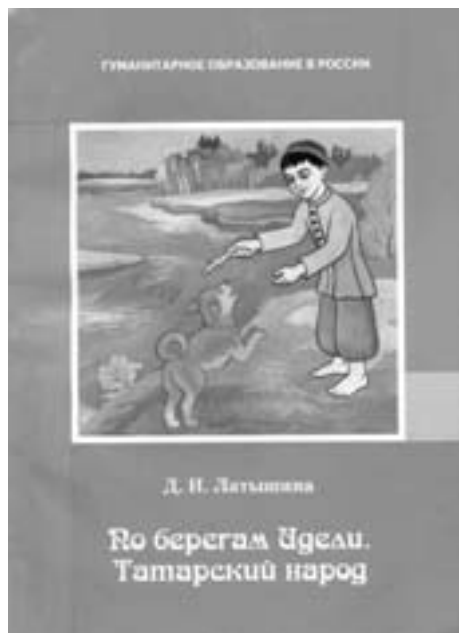
<i>Глава 35.</i> Высокая боевая готовность Русской Армии. — Союзники «убеждают» Россию изменить первоначальные военные планы. — Преждевременное наступление в Восточной Пруссии. — Русские победы в Галиции. — Неудача на германском фронте. — Союзники воюют руками русских солдат. — Триумфальный въезд русского Царя во Львов. — Предательство союзников.	344
<i>Глава 36.</i> Земгор. — Военно-промышленные комитеты. — Их масонское руководство. — Военно-масонская ложа. — Клеветническая кампания против правительства. — Масоны против Мясоедова и Сухомлинова.	351
<i>Глава 37.</i> Подрывная работа вражеских спецслужб. — Бесы на службе Германии. — Большевики-шпионы. — Польские сепаратисты. — Украинские самостийники. — Предатели-«сечевики». — Прогерманские симпатии евреев.	359
<i>Глава 38.</i> Царь принимает на себя верховное командование. — Русские победы в 1916 году. — Решающая роль России в поражении Германского блока. — Агрессор просит мира.	371
«КРУГОМ ИЗМЕНА И ТРУСОСТЬ И ОБМАН»	379
<i>Глава 39.</i> Движущие силы второй антирусской революции. — Мировая закулиса. — Российское масонство. — Социалистические и националистические круги. — 100 миллионов на революцию.	379
<i>Глава 40.</i> Коалиция антирусских сил в Думе. — Прогрессивный блок. — Масонский «Кабинет обороны». — Роспуск Государственной Думы. — Отставка двуличных министров. — Антиправительственная кампания. — Создание образа врага. — Махинации и коррупция в Земгоре и ВПК. — Создание масонского «рабочего» движения. — Пораженческая позиция масонов.	387
<i>Глава 41.</i> Намерения масонов возглавить все общественные движения. — Попытки создания подконтрольных организации. — Союз союзов. — Рабочий союз. — Торгово-промышленный союз. — Крестьянский союз. — Провал союзной политики масонов. — Координация антирусских сил. — Особое бюро при Прогрессивном блоке. — Новая кампания против правительства. — Призывы к свержению Русского государственного строя. — Штюрмер предлагает ликвидировать Земгор и ВПК. — Клеветническая речь Милюкова.	395
<i>Глава 42.</i> Заговор против Царя. — Подготовка царевубийства. — План Гучкова. — Вариант Г.Е. Львова. — Крымовский заговор. — Морской план. — Образование масонского правительства.	407
<i>Глава 43.</i> Альянс германских агентов и большевиков. — Пораженческая пропаганда. — Организация общеполитической забастовки. — Попытки разложить Русскую Армию. — Еврейский саботаж.	414
<i>Глава 44.</i> Царь и его окружение. — Предательство высшего света и дворянства. — Русское правительство. — Правительственная программа будущего России. — Слабость последнего Кабинета министров.	425
<i>Глава 45.</i> Патриоты против крамолы. — Обращение к русским людям. — Готовность противостоять новой смуте. — Разоблачение планов заговорщиков. — Спасение страны в решительных и твердых действиях.	434
<i>Глава 46.</i> Положение населения Петрограда. — Дороговизна. — Спекуляция. — Государственные меры против продовольственного кризиса. — Недовольство горожан. — Тревожные слухи в столице.	448

<i>Глава 47.</i> Заговорщики торопятся. — Убийство Распутина. — Наступление германо-большевистского альянса. — Подготовка государственного переворота. — Ложный голод. — Начало антирусского восстания. — Военный мятеж в Петрограде. — Образование Петросовета. — Узурпация прав законной власти думским Временным комитетом. — Арест русского правительства. — Приказ № 1. — Разрушение армии. — Слабость мятежников.	455
<i>Глава 48.</i> Предательство военного командования. — Царь – пленник генерала Рузского. — Отречение. — «Кругом измена и трусость и обман». — Крушение законной Русской власти. — Явление иконы Божией Матери «Державная».....	470
РАЗРУШЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА.....	479
<i>Глава 49.</i> Массонский характер Временного правительства. — Узурпация исполнительной и законодательной власти. — Апрельский съезд «вольных каменщиков». — Попытка объявить Россию «массонской державой». — Расчленение Русского государства. — Организованное разрушение государственного аппарата. — Террор против Русских патриотов. — Уничтожение национальных лидеров.....	479
<i>Глава 50.</i> Церковь как центр Русского патриотического движения. — Народ за восстановление патриаршества. — Временное правительство против Православия. — Собор Русской Православной Церкви.....	492
<i>Глава 51.</i> Апрельские тезисы Ленина. — Пассажиры пломбированного вагона. — Немецкие деньги для антирусской революции. — Организация боевиков. — Июльские события. — Военно-революционный комитет. — Захват власти большевиками. — Гибель Русской Армии.....	498
<i>Глава 52.</i> Русофобия советской власти. — Еврейский состав большевистских кадров. — «Интернационалисты». — Расстрел Кремля. — Оккупация России и создание «независимых» государств. — Восстание левых эсеров.....	517
<i>Глава 53.</i> Народная вера в возвращение монархии. — Массоны против спасения царской семьи. — Убийство Царя и членов Дома Романовых. — Почитание царственных мучеников.	538
<i>Глава 54.</i> Военная доктрина большевиков. — Строительство Красной армии. — Стратегическое преимущество советской власти. — Развитие Белого движения. — Интервенция. — Сотрудничество белых с оккупантами.	547
<i>Глава 55.</i> Антирусская идеология Белого движения. — Белые вожди. — Изменники Царя. — «Непредрешенчество». — Массонский характер белых правительств. — Дискредитация идеи народного сопротивления.	564
<i>Глава 56.</i> «Торжество европейской цивилизации». — Ленин и Великий Восток Франции. — Связь большевизма с массонством. — Ликование еврейских националистов. — Еврейские погромы и антисемитизм	576
<i>Глава 57.</i> Военный коммунизм. — Установление «нового общественного порядка». — Разрушение русской хозяйственной культуры. — Катастрофа в сельском хозяйстве. — От всеобщей трудовой повинности до милитаризации труда. — Отмена денег. — Создание государственных монополий.....	584

<i>Глава 58.</i> Красный террор. — Геноцид Русского народа. — «Расказачивание». — «Романтика» чекистских убийств. — Резня в Крыму.	603
<i>Глава 59.</i> Погром русской культуры. — Литература «малого народа». — Певцы террора. — Романтики Чека. — «Реформирование» русского языка. — Разрушение памятников русской культуры. — Торговля художественными ценностями Русского народа. — Уничтожение архивов.....	619
<i>Глава 60.</i> Оккупация Кремля. — «Грабь награбленное». — Захват особняков. — Рождение большевистского барства. — Падение половой морали. — Попытки «социализации» женщин.	626
<i>Глава 61.</i> Русская Церковь против боготорческой власти. — Крестный ход к Кремлю. — Преследование священнослужителей и верующих. — Осквернение святынь. — Попытки большевистских ставленников захватить власть в Церкви.....	632
<i>Глава 62.</i> Сопrotивление антинародному режиму. — Крестьянские восстания. — Кронштадтский мятеж. — Народная война на Тамбовщине. — Зверское подавление восставших.....	640
<i>Глава 63.</i> Иудаистский характер ожидания мировой революции. — Стремление к мировому господству. — Создание Коммунистического Интернационала. — Русские богатства на мировую революцию. — Наступление в Польше. — Крушение большевистской утопии.....	647
<i>Глава 64.</i> Итоги гражданской войны. — Статистика смерти. — Эпидемии. — Жертвы террора. — Эмиграция. — Растрата русского золота.	652
ВО ВЛАСТИ ЕВРЕЙСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА	657
<i>Глава 65.</i> Большевики — виновники и организаторы голода. — Пять миллионов умерших. — Голод для укрепления советской власти. — Ограбление церковных святынь. — Троцкий как главнокомандующий святотатством.....	657
<i>Глава 66.</i> Советское строительство. — Ленинский план расчленения России. — Образование СССР. — Раздача русских земель. — Создание искусственных автономий на антирусской основе. — Перераспределение труда русских людей в пользу союзных республик.	668
<i>Глава 67.</i> Новая экономическая политика. — Замена продразверстки продналогом. — Утеснения крестьян. — Поощрения пролетариата. — Перекачка крестьянского продукта в пользу города и армии. — Ограниченный характер нового предпринимательства. — Строгая регламентация хозяйственной жизни.	678
<i>Глава 68.</i> Крах денежной реформы. — Экономика за счет дореволюционной России. — Изменение государственных монополии. — Индустриализация. — Первые пятилетки. — Экономический подъем и понижение уровня жизни Русского народа.	688
<i>Глава 69.</i> Разорение сельских тружеников. — Коллективизация как уничтожение православного крестьянства. — Подрыв вековых основ русской деревни. — Разрушение общины. — Создание кабальных колхозов и совхозов.....	701
<i>Глава 70.</i> Страх. — Принуждение. — Террор. — Государственное управление лагерей. — «Чистки». — Принудительный труд. — Введение паспортной системы. — Унизительные ограничения и устрашающее законодательство.....	718

Глава 71. Курс на уничтожение Русской Церкви. — Союз воинствующих безбожников. — Закрытие храмов. — Расправы над священнослужителями. — Репрессии против верующих. — Безбожные пятилетки.	732
Глава 72. Разгром русской культуры. — Запрет народного календаря. — Разрушение русской школы. — Борьба с русским языком. — Уничтожение исторической памяти. — Массовые погромы народных святынь и художественных ценностей. — Русское искусство на продажу за границу.	747
Глава 73. Уничтожение русской интеллигенции. — Высылка за границу. — Преследование и убийство С. Есенина. — «Орден русских фашистов». — Дело вредителей в промышленности. — Академическое дело. — Дело славистов. — Выселение русской интеллигенции из крупных городов.	768
Глава 74. Интеллигенция малого народа. — Стремление к созданию космополитической псевдокультуры. — «Буревестник революции» на службе большевиков. — Воспевание вождей и чекистов. — Падение морали. — Долой стыд. — Рост проституции и пьянства.	775
Глава 75. Правительственный аппарат еврейского интернационала. — Борьба за власть. — Устранение Троцкого. — Заговор против Сталина. — Его политическая победа. — Разложение верхушки еврейского интернационала.	790
Глава 76. Международные отношения. — Генуэзская конференция. — Господство теневых сил. — Установление дипломатических отношений. — Железный занавес. — Усиление русофобии в мире.	798
Глава 77. Еврейское засилье на бытовом и экономическом уровнях.	802
Глава 78. Союз антирусских сил. — К созданию мирового правительства. — «Черные папы» большевистского режима. — Автономное русское масонство. — Масонская Лига Наций и мюнхенский сговор.	805
Глава 79. Покаяние в грехах. — Чудесные знамения. — Духовная сила Русской Церкви. — Деяния подвижников. — Кровь мучеников. — Моральная победа Православия. — Провал безбожных пятилеток.	816
Глава 80. Русская идеология и большевизм. — Сохранение русской мысли. — Самосознание народа в литературе и искусстве.	834
Глава 81. Русские люди за рубежом. — Эмиграция как унижение. — Всезарубежный Собор Русской Церкви. — Съезд в Рейхенгалле. — Престолонаследие. — Рост патриотического движения. — Возрождение национального сознания. — Идеологические течения. — Русские эмигрантские организации. — Провокации ГПУ–НКВД. — Ностальгия по Родине. — Апокалиптическая миссия Русского народа.	848

Республика Татарстан

Золотая Орда

Завоевав многие земли, пришельцы из Монголии создали огромное государство и назвали его Золотой Ордой. Земель было много, но часто они пустовали. Очень много людей жила в сабарских землях.

Выполните задание, рассмотрев рисунок. На этой карте вы сможете увидеть название моря и назвать столицу Золотой Орды. Интересно, как назывались горы.

Карта Золотой Орды

- столицы Золотой Орды
- известные города Золотой Орды
- границы Золотой Орды

А теперь найдите все эти места на большой карте.

39

Схема из учебного пособия по чтению Д.И. Латышевой «По берегам Идели. Татарский народ». М., 1998.

Республика Удмуртия

Республика Украина

Исторический образ Украины. Обложка учебного пособия В.Ю. Крушинского и Ю.А. Левенца «История Украины. События, факты, даты. Справочник». Киев, 1993 (на укр. яз.).

Республика Чувашия

III. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Азербайджанская Республика

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ О ГЕНОЦИДЕ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ

Достижение независимости Азербайджанской Республики сделало возможным воссоздание объективной картины исторического прошлого нашего народа. Раскрываются засекреченные долгие годы, находящиеся под гнетом запрета истины, выявляется подлинная суть сфальсифицированных в своё время фактов. Геноцид, неоднократно осуществленный против азербайджанского народа и не получивший в течение длительного времени должной политико-правовой оценки, является одной из таких нераскрытых страниц истории.

С подписанных в 1813 и 1828 годах Гюлюстанского и Туркманчайского договоров началось расчленение азербайджанского народа, передел наших исторических земель. Продолжением национальной трагедии разделенного азербайджанского народа стала оккупация его земель. В результате реализации этой политики в кратчайшие сроки было осуществлено массовое переселение армян на азербайджанские земли.

Неотъемлемой частью оккупации азербайджанских земель стала политика геноцида. Несмотря на то, что размещенные на территориях Иреванского, Нахчыванского и Карабахского ханств армяне составляли меньшинство по сравнению с проживающими там азербайджанцами, под опекой своих покровителей они добились создания такой административно-территориальной единицы, как так называемая «армянская область». Таким искусственным территориальным делением по существу были созданы предпосылки для реализации политики изгнания азербайджанцев со своих земель и их уничтожения.

Началась пропаганда идей «великой Армении». Для «обоснования» попыток создания на азербайджанских землях этого надуманного государства были реализованы широкомасштабные программы, направленные на создание ложной истории армянского народа. Искажение истории Азербайджана и в целом Кавказа было важной составной частью этих программ. Воодушевленные иллюзиями о создании «великой Армении», армянские захватчики, не скрывая своих намерений, в 1905–1607 годах провели ряд широкомасштабных кровавых акций против азербайджанцев.

Зверства армян, начавшиеся в Баку, охватили весь Азербайджан и азербайджанские сёла на территории нынешней Армении. Были разрушены и стерты с лица земли сотни населённых пунктов, варварски убиты тысячи азербайджанцев. Организаторы этих событий, препятствуя раскрытию сущности произошедшего, его должной политической и правовой оценке, прикрывая свои авантюристические территориальные притязания, формировали отрицательный образ азербайджанцев.

Используя в своих целях ситуацию после первой мировой войны, февральского и октябрьского переворотов 1917 года в России, армяне стали добиваться реализации своих планов

под знаменем большевизма. Бакинская коммуна под лозунгом борьбы с контрреволюционными элементами с марта 1918 года приступила к осуществлению преступного плана, преследующего цель ликвидации азербайджанцев всей Бакинской губернии.

Совершенные армянами в те дни преступления навсегда запечатлелись в памяти азербайджанского народа. Лишь в силу своей национальной принадлежности были уничтожены тысячи мирных азербайджанцев. Армяне поджигали дома, предавали огню живых людей. Ими были разрушены национальные архитектурные сокровища, школы, больницы, мечети и другие сооружения, превращена в руины бльшая часть Баку. С особой жестокостью геноцид азербайджанцев осуществлялся в Бакинском, Шамахинском, Губинском уездах, в Карабахе, Зангезуре, Нахчыване, Лянкране и других регионах Азербайджана. На этих землях в массовом порядке было истреблено мирное население, сожжены деревни, разрушены и уничтожены национальные памятники культуры.

Мартовские события 1918 года оказались в центре внимания после провозглашения Азербайджанской Демократической Республики. Совет министров в целях расследования этой трагедии 15 июля 1918 года принял постановление о создании чрезвычайной следственной комиссии. Комиссия исследовала мартовскую трагедию, изучив а первую очередь зверства армян в Шамахе, тяжкие преступления, совершённые ими в Иреванской губернии. Была создана особая структура при Министерстве иностранных дел с целью информирования мировой общественности о подлинном течении событий. Азербайджанская Демократическая республика отметила в 1919 и 1920 годах 31 марта как общенациональный день скорби.

По существу это была первая попытка дать политическую оценку политике геноцида против азербайджанцев и продолжающейся более века оккупации наших земель. Однако гибель Азербайджанской Демократической Республики не позволила завершить эту работу. Армяне, воспользовавшись советизацией Закавказья в своих гнусных целях, в 1920 году объявили Зангезур и ряд земель Азербайджана тарриторией Армянской ССР. Впоследствии для дальнейшего расширения политики депортации азербайджанцев с этих территорий стали использоваться новые средства. С этой целью армяне добились принятия специального постановления Совета министров СССР от 23 декабря <...>

<...> достигли реализации на государственном уровне в 1948–1953 годах массовой депортации азербайджанцев с наших исторических земель. Начиная с 50-х годов, армянские националисты с помощью своих покровителей начали оголтелую кампанию духовной агрессии против азербайджанского народа. В периодически распространяемых в бывшем советском государстве книгах, журналах и газетах они стремились доказать принадлежность армянскому народу самых выдающихся шедевров нашей национальной культуры, классического наследия, памятников архитектуры.

Наряду с этим усиливались попытки формирования во всём мире отрицательного имиджа азербайджанцев. Создавая образ «несчастливого, обездоленного армянского народа», они сознательно фальсифицировали события, происходящие в регионе в начале века: свершившие геноцид против азербайджанцев, представлялись как жертвы геноцида. Из города Иревана, большинство населения которого в начале века составляли азербайджанцы, и из других регионов Армянской ССР, подвергаясь преследованиям, изгонялись в массовом порядке наши соотечественники.

Армяне грубо попирали права азербайджанцев, чинили препятствия для получения образования на родном языке, проводили в жизнь политику репрессий. Изменялись исторические названия азербайджанских сёл, шёл невиданный в истории топонимика процесс замены древних топонимов современными названиями.

Ложная армянская история с целью создания фундамента, воспитания армянского юношества в духе шовинизма возводилась до уровня государственной политики. Наше подрастающее поколение, воспитанное в духе великих гуманистических идеалов азербайджанской литературы и культуры, оказалось под огнем преследования экстремистской армянской идеологии. Идеологическую основу для политической и военной агрессии создавала политика клеветнических поклёпов на духовные ценности, национальную честь и достоинство азербайджанского народа. В советской печати армянами искажались исторические факты, вводя в заблуждение общественное мнение.

Руководство Азербайджанской Республики своевременно не дало нужной оценки проводимой армянами, с использованием возможностей советского режима, антиазербайджанской пропаганде, всё более усиливающейся с середины 80-х годов. В республике не была дана правильная политическая оценка и изгнанию на начальном этапе возникшего с 1988 года так называемого нагорно-карабахского конфликта ста тысяч азербайджанцев со своих исторических земель.

Антиконституционное постановление армян о включении Нагорно-Карабахской Автономной области Азербайджана в состав Армянской ССР и по сути вывод этой области из подчинения Азербайджана посредством Комитета особого управления, учреждённого Москвой, наш народ встретил с негодованием, оказавшись перед необходимостью предпринять серьёзные политические акции. Несмотря на то, что на проводимых в то время в республике митингах политика захвата наших земель решительно осуждалась, азербайджанское руководство не отказалось от своей пассивной позиции.

Именно результатом этого стало введение войск в Баку а январе 1990 года в целях подавления всё усиливающегося народного движения. Сотни азербайджанцев были убиты и ранены, получили увечья, подверглись различным формам физического давления. В феврале 1992 года армяне учинили невиданную расправу над населением города Ходжалы. Эта кровавая трагедия, вошедшая а нашу историю как ходжалийский геноцид, завершилась истреблением тысяч азербайджанцев, их пленением, город был стёрт с лица земли.

В результате авантюрной политики, развязанной армянскими национал-сепаратистами в Нагорном Карабахе, сегодня более миллиона наших граждан изгнаны армянскими агрессорами со своих родных мест, вынуждены жить в палатках. Во время оккупации армянскими вооружёнными силами 20 процентов нашей территории, пали жертвами и стали инвалидами тысячи наших сограждан.

Все трагедии Азербайджана, произошедшие в XIX–XX веках, сопровождаясь захватом земель, являлись различными этапами осознанной и планомерно осуществляемой армянами против азербайджанцев политики геноцида. Лишь в отношении одного из этих событий — мартовской резни 1918 года была предпринята попытка дать политическую оценку.

Азербайджанская Республика как веление истории воспринимает необходимость дать политическую оценку событиям геноцида и довести до логического конца решения, которые не удалось до конца осуществить Азербайджанской Демократической Республике.

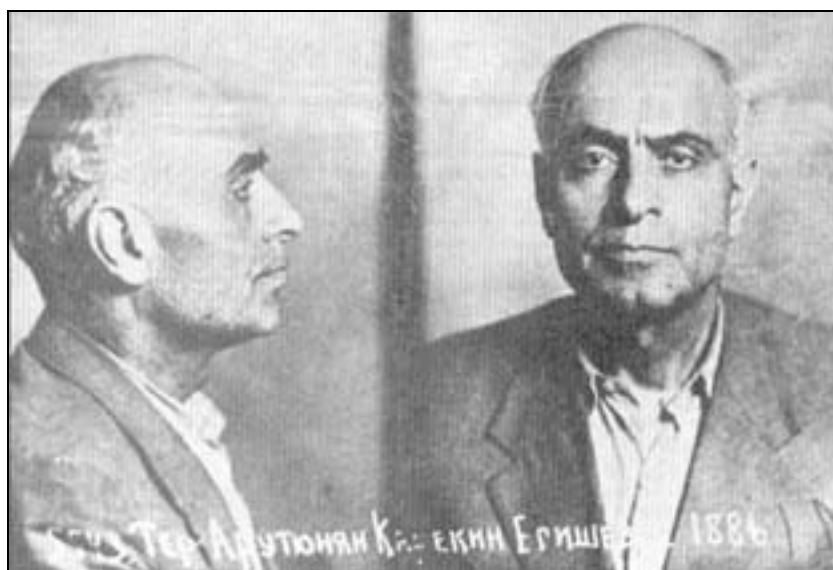
В ознаменование всех трагедий геноцида, совершённых против азербайджанского народа, постановляю: 1. Объявить 31 марта Днем геноцида азербайджанцев. 2. Рекомендовать Милли меджлису Азербайджанской Республики рассмотреть вопрос о проведении специальной сессии, посвящённой событиям, связанным с геноцидом азербайджанцев.

Гейдар Алиев

Республика Армения

ПОРТРЕТЫ ИЗВЕСТНОГО ДЕЯТЕЛЯ ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКИ ГАРЕГИНА НЖДЕ
опубликованные в статье на первой полосе правительственной газеты
«Республика Армения» от 7 ноября (!) 1990 г.

Портрет времён Первой республики, в которой Г. Нжде был генерал-лейтенантом. После большевизации Армении, перестав подчиняться дашнакскому правительству, Нжде в Зангезуре (на юге Армении) продолжил сопротивление вплоть до 1921 года. Далее жил в эмиграции, был схвачен при вступлении советских войск в Болгарию в 1944 году и, как выяснилось после открытия архивов КГБ, умер во Владимирском центре в 1955 году.

Портрет из архивов КГБ Армении, на нём Г. Нжде уже после 1944 года.

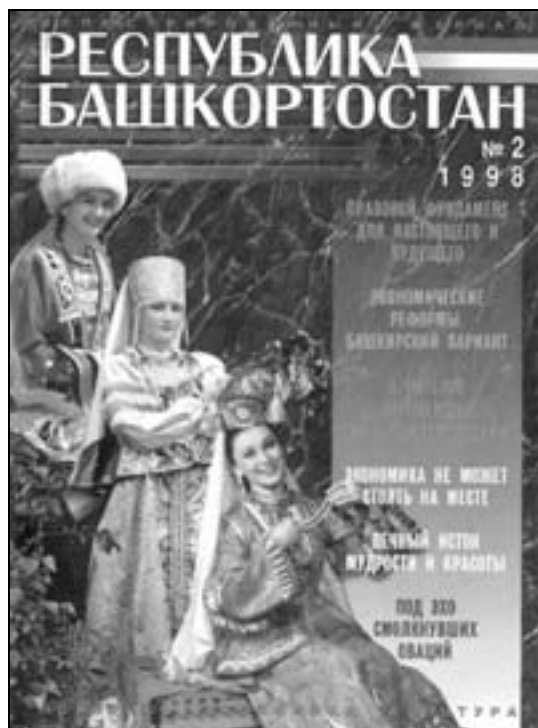
В указанной статье даются цитаты из Нжде, в частности «... Пока армянин не сможет победить себя — убить в себе чудовище страха, воодушевиться новым умонастроением, изменить душою, короче говоря, пока не станет храбрым и не будет нести имя храброго, наш народ не сможет не только освободиться политически, но и избежать исчезновения как нации...». Цитата сопровождается редакционным комментарием: «Эти слова прошли путь в семь десятилетий, прежде чем стали *знаменем его соотечественников*» (выделено мною — *А. Искандерян*).

Характерны также мотивы, которыми Нжде объясняет, почему он не бежал из Болгарии перед приходом советских войск: «... руководствуясь повелением своего долга, когда Советская армия была уже в Румынии, я не уехал из Софии, несмотря на то, что тысячи других покидали Болгарию... Будучи бежавшим из России эмигрантом, я представился русскому послу в Софии и просил разрешения легально вернуться в Россию и принять участие в войне против Турции... чтобы предложить командованию советской армии мои силы и возможности *для борьбы против Турции*» (выделено мною — *А. Искандерян*). Тогда вся болгарская общественность ждала, что русские, пользуясь своей победой, займут Константинополь и Дарданеллы...».

Республика Башкортостан

Монумент «Дружбы в честь 400-летия добровольного присоединения Башкирии к России». Скульпторы М. Бабурин и Г. Левицкая. Архитекторы Е. Кутырев и Ю. Гаврилов. Уфа, 1982 г. Фото В. Иванова.

Республика Дагестан

Книжка-малютка, формат 55×70 мм.

Республика Латвия

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РОССИИ

Юрис Рудевскис

РОССИЯ... Не только латышам, но и другим народам, которым судьба определила жить рядом с таким соседом, Россия вечно приносила только зло — смерть, геноцид, русификацию, насилие, сеяла все мыслимые и немыслимые пороки. В конце тысячелетия баланс не радует: с земной поверхности исчезли многие народы, убиты миллионы человек — эстонцы, чеченцы, поляки... А Россия по-прежнему угрожает существованию и безопасности всего мира, внешне кичась своей военной мощью, но не в состоянии прикрыть свою материальную и духовную наготу, нищету и тупость.

Почему Россия и её народ «такие»? Этот вопрос, являющийся пока табу в представлении латышских государственных лиц и наивных журналистов («Как? Русскоязычных надо интегрировать — они же “точно такие”, как и любой другой народ»), остаётся жгучей проблемой не только для нас, так сильно пострадавших от российского империализма, но и для представителей малочисленной и угнетенной русской интеллигенции. Ясно, что Россия «не» такое государство, как, например, Латвия, Польша, Франция или США. Она никогда не признавала не только демократию, но и «общечеловеческие ценности» как таковые <...>

И это относится не только к России как к государству, но и к большинству её жителей. Я бы посоветовал каждому латышу хотя бы раз в день посмотреть на типичных представителей России на нашей земле — мигрантов, которые бродят по рижским улицам, сплевывают шелуху подсолнечника и кличут «твоею мать», мечтая о восстановлении империи. Лучше всех этих людей описал М. Булгаков в романе «Собачье сердце» — они полностью соответствуют образу дегенерата Шарикова. Сотни тысяч шариковых в Латвии и миллионы на этнической родине — действительно, миру есть чего опасаться!

Рисунок из газеты «Республика», № 8–9, 1990 г.

Ответ на вопрос, почему Россия и её народ «такие», не из легких. И всё же ответить надо. Ибо в отношениях с этим государством не действуют те стандарты, с которыми мы подходим к цивилизованным странам в конце XX века. Действия России необходимо прогнозировать, чтобы снова не попасть к ней в зависимость и избежать других неприятностей, которые наши варварские соседи постоянно готовят не только для Латвии, но и для других соседних с ней стран. Особенность характера России и её жителей определяется «историей» этой земли. Это понимали и некоторые русские историки, например, А. Чапыгин в своей книге о Стеньке Разине признаёт: «История Московии... забрызгана кровью и испражнениями». Следует добавить, что не только история Московии, но и история всей России в целом.

Чтобы у читателей сложилось полное представление о событиях и фактах, которые формируют историю России, целесообразно проанализировать некоторые из них от начала до наших дней.

ВРЕМЕНА ВИКИНГОВ

Отсчёт истории России (Руси) традиционно ведут, начиная с IX века. В то время ещё не существовало единого русского народа, но были отдельные восточнославянские племена — кривичи, ильменские славяне, радимичи, дреговичи, древляне и др., которые часто воевали между собой. В то время территория, обжитая древними русскими, разумеется, не совпадала с нынешней. Она располагалась в северной части нынешней Украины: восточная граница проходила по Дону и Оке (Акоса у древних балтов), на севере — по Ладожскому озеру, а западная граница совпадала примерно с нынешней границей между Латвией и Эстонией. На востоке (в том числе в нынешней Московской области и в бассейне Волги, что русские называют «исконно русскими») древнерусские племена вообще не жили. Коренными жителями этих земель были разные народы финно-угорского и тюркского происхождения — мери, муромы, мещеры, волжские булгары, бургасы, маришцы, — которых позднее, начиная с XI века, стали подчинять, ассимилировать или поработать. Древние русские и раньше доставляли много неприятностей этим и другим племенам, совершая регулярные набеги и похищая женщин.

Междоусобными распрями древнерусских племен воспользовались скандинавские викинги («варяги»). В 862 году племя русов во главе с вождем Хродриком Хафдарнсоном, сыном фрисляндского маркграфа, напало на Новгород. Хродрик (в древнерусских хрониках — князь Рюрик стал его правителем. Пираты быстро одержали верх над ослабленными междоусобицами соседними княжествами, и их территория стала стремительно расширяться.

Интересно, что русские государственные деятели и историки вплоть до начала нынешнего столетия признавали, что их «народ был не в состоянии самостоятельно создать свое государство». Одно это позволяет сделать выводы...

После смерти Хродрика Хафдарнсона набеги и завоевания продолжил другой королевский вождь викингов — Хелги (Олег). Этот «герой» предательским путём захватил многие города, клятвенно заверял городских старейшин в своих мирных намерениях и приглашал на переговоры, а затем убивал их, вырезал всех мужчин, а женщин и детей продавал в рабство. Здесь — можно заметить зачатки лжи и предательства, пронизывающие политику России и поныне. Сын Хродрика Ингвар Хродриксон (в русских хрониках — князь Игорь), который продолжал начатые отцом дикарские набеги, в жестокости не отставал от Хелги. После смерти Ингвара так же поступала и его жена Хелга (Ольга), которая, по-прежнему используя ложь и лицемерие, заманила многих послов и высокопоставленных вельмож из племени древлян в ловушку и живыми закопала в землю. Хелга приняла христианство, и позднее Русская Православная Церковь объявила её «святой». Да, действительно святой! Это только один из случаев, когда Русская Православная Церковь лицемерно канонизировала разных насильников и убийц — не ввиду их святости и аскетизма, а благодаря пожертвованным Церкви деньгам и политической и военной поддержке. В любом, государстве церковь воспитывает народ — чему научился русский народ на этих примерах, мы видим и по сей день.

РУСЬ — ВТОРАЯ ВИЗАНТИЯ

К православной вере русских в X веке привёл новгородский князь Владимир. К тому времени слой скандинавских вельмож и воевод на Руси начал постепенно ассимилироваться, перенимая древнерусский язык и обычаи. Владимир собрал военную дружину из викингов и беднейших новгородцев и с помощью этого войска начал методично подчинять окрестные княжества. Как свидетельствуют хроники, кровь во время этих «экспедиций» лилась рекой. Владимир убил новгородского голову Рагвальда, вырезал всю семью и изнасиловал его дочь. То же самое происходило и в других русских городах. Осадив Киев, Владимир убил своего брата Ярополка и несметное количество воевод, наёмников и вождей. Простолюдинов тогда вообще не считали. В конце концов он заманил в лодки и утопил в Днепре большинство своих дружинников, избавившись таким образом от свидетелей своих кровавых преступлений.

Этот деспотичный князь, конечно, тоже был причислен к святым. Доказательством деморализации российского общества является то, что в народных легендах и сказаниях Владимира называют «ясным солнышком», всячески воспевают и прославляют его <...>

Вместе с принятием православия в Россию пришли и обычаи тогдашней Византии — с пышными регалиями и церемониями и переполненные пороками. Княжеская власть, так же, как и власть его греческого коллеги, провозглашалась святой, божественной, вместе с тем преступление против носителей мирской власти приравнивалось к богохульству. Обычные для Византии лицемерие, обман, жестокость, доноительство хорошо прижились и пышно расцвели на почве Руси.

МОНГОЛЬСКОЕ «ИГО» — НАКАЗАНИЕ ЗА ПОДЛОСТЬ

Русские историки сентиментально и слезливо описывают период «монголо-татарского ига». Многие российские подданные вздыхают и разводят руками: «Что вы от нас хотите? Монгольское иго исковеркало Россию...». Конечно, взвалить всю вину на другого легче, чем на себя оборотиться.

В действительности никакого «ига» не существовало. В начале XIII века войска монголов и их союзников, народов Сибири, отправились в т. н. Большой западный поход и около 1210 года подошли к восточной границе Руси. К этому времени Русь уже разделилась на множество мелких княжеств, правители которых постоянно ссорились между собой. Вначале у монголов не было никаких далеко идущих целей в отношении русских, однако типичная подлость самих русских князей спровоцировала войну. Монголы воевали с разными степными народами Поволжья, особенно с половцами. Русские, в свою очередь, были союзниками половцев, и монгольский хан отправил к трём самым сильным князьям своих воевод с предложением расторгнуть договор со степными кочевниками и сотрудничать с монгольской Ордой. Как это и было принято на Руси, послы были предательски и безжалостно убиты.

Если для русских такой поступок был в порядке вещей, то согласно монгольским обычаям и моральным нормам убийство полномочного посла приравнивалось к самым тяжёлым преступлениям.

В 1223 году монгольский хан со своим войском отправился в карательную экспедицию против подлых российских правителей. Конечно, русские не могли устоять перед хорошо организованной степной кавалерией — разрозненные княжеские дружины из-за плохого вооружения и лени были разбиты одна за другой. Следует добавить, что по причине взаимных распрей княжества воевали главным образом каждое в отдельности и некоторые влиятельные русские правители уже в самом начале перешли на сторону монголов.

Результатом этих событий стала вассальная зависимость русских князей от государства монголов и тюрок — Золотой Орды, которая занимала обширные степные территории на востоке. «Иго» проявлялось в виде ежегодного сбора налогов в русских уделах и в обязанности князей в случае необходимости оказывать хану помощь военной силой... Никаким иным образом Золотая Орда не вмешивалась во внутренние дела русских, разве что иногда выполняла

полицейские функции, разнимая подравшихся по пьянке князей. Установившимся порядком русские были весьма довольны, называя ордынского хана «царем», «добрым батюшкой», «благодетелем» и т. п.

Одного из князей хан назначал великим князем, выдавая ему документ о привилегиях. Это давало великому князю очень широкие права надзирать за другими правителями в таких вопросах, как лояльность к Орде, взимание налогов, отправка воинов в распоряжение хана. Понятно, что на должность такого «старосты» хан всегда выдвигал самого послушного из князей, который с удовольствием наказывал других и был готов на любую подлость, лишь бы услужить монголам. Известно, что зачастую привилегированный статус великий князь должен был получить, стоя на четвереньках и всячески унижаясь, а хан, потешая своих придворных, засовывал документ русскому в зубы.

Вышло так, что московские князья на протяжении многих поколений показали себя настолько выдающимися мерзавцами и подхалимами, что великокняжеский ярлык всегда доставался правителям этого города. Именно поэтому столицей России сейчас является Москва, где у власти находится множество таких же негодяев, как и в средние века.

СВЯТОЕ ВЫКАЛЫВАНИЕ ГЛАЗ

«Иго» длилось более двухсот лет и оставило необратимые последствия в морали русских государственных лиц. Одним из типичных представителей той эпохи был новгородский князь Александр, названный Невским. Его имя сегодня носит один из рижских храмов на улице Бривибас.

Александр был приемным сыном и покорным слугой хана Золотой Орды, он всеми силами проводил политику своего могучего отчима. Когда в середине XIII века братство Ливонского ордена вместе с союзниками — войском короля Швеции — напало на Ингрию (край, где теперь находится Санкт-Петербург) и стало угрожать северо-западным рубежам Руси, русские князья и вельможи начали спорить: заключать союз с западным миром или с Ордой? Александр безоговорочно встал на сторону монголов и в 1242 году у озера Пейпус разгромил шведов, орденских братьев и их союзников — ливов. Впоследствии Александр безжалостно свёл счёты со всеми, кто выразил намерение установить связи с христианским Западом, а не с языческой Ордой. Не пощадил Александр и своего сына Василия, который во имя христианской веры пытался поднять восстание против монгольских сборщиков налогов. Отец приказал выколоть ему глаза и заточить в монастырь; многие участники восстание были казнены.

Русская Православная Церковь провозгласила жестокосердного ханского пасынка святым, ибо он, дескать, «силой оружия Русь защитил». Следуя такой логике, всех мало-мальски известных полководцев нужно канонизировать. Вдумаемся: святой Роммель, святой Монтгомери, святой маршал Жуков.

САДИСТ У ВЛАСТИ

Первый на Руси царь Иван IV (Грозный), который правил в XVI веке, был патологическим садистом. Оставшись в раннем детстве сиротой, Иван развлекался, мучая и убивая собак, кошек и других животных, а впоследствии применил обретенный опыт по отношению к людям. Страдая не только садизмом (сексуальной перверсией), но и паранойей (манией преследования), Иван целенаправленно сводил счёты с каждым, кто казался ему подозрительным. Для этой цели в 1565 году создается одно из самых отвратительных в истории Руси явлений — опричина (что-то вроде ЧК, КГБ, НКВД или ГПУ). Образуются особые подразделения полиции безопасности — опричники, которым даётся Неограниченное право объявлять любого государственным изменником и осуждать к смертной казни. Опричники сами выдвигали обвинение (доказательств не требовалось), сами судили и сами без промедления приводили приговор в исполнение. Творческая фантазия царя и опричников была выдающаяся: людей медленно

разрезали или разрывали на части, топили, сажали на кол, сжигали, обваривали кипятком, заливали в глотку расплавленный металл, сдирали кожу и т. п. В 1570 году были зверски перебиты полностью все жители Новгорода, включая женщин, стариков и младенцев. Аналогично воины Ивана Грозного действовали и во время Ливонской войны по отношению к латышским жителям на оккупированных землях.

Опричина затронула все слои общества — князей, бояр, воинов, простолюдинов. Главным советником царя стал его любимец — профессиональный палач Малюта Скуратов. Вначале Иван осквернял или уничтожал трупы замученных подданных, но потом стал проводить столь характерную для России лицемерную политику: лил крокодиловы слезы, «каялся» в грехах и повелевал устраивать для своих жертв пышные похороны за казённые деньги и молиться за их души. Во время одного из припадков безумия он объявил, что его величество равносильно власти Бога, поэтому поступки царя не подлежат осуждению.

Что делала в это время Русская Православная Церковь? Может быть, выступала против террора и проклинала царя-садиста? Нет. В памяти современников можно отыскать такой очень примечательный эпизод. Во время апогея опричины один епископ пришел к царю и попросил (!) покаяться за невинные жертвы. Царь ответил: «Замолчи, убирайся прочь и не гневи меня!». Епископ вздохнул, низко поклонился и ушел восвояси.

СТРИЖКА БОРОД И ОКНО В ЕВРОПУ

Петра I, сына Алексея Михайловича, обычно считают «европеизатором» России и «носителем культуры». Так ли это в действительности?

Ещё в детстве Пётр страдал тяжелой формой эпилепсии, которая оказала воздействие и на его психику. Во второй половине жизни тяжёлый удар по его мозгам нанёс сифилис, приобретённый в веселых портовых борделях Голландии. От сопутствующих симптомов этого заболевания он и скончался, прежде успев одарить заморской хворью свою вторую жену и многих других придворных дам. Это позволяет сделать выводы о психическом здоровье потомков Петра.

Подростком Пётр часто посещал «немецкое местечко» на окраине Москвы, где жили авантюристы, дезертиры, правонарушители и другая уважаемая публика из всей Западной Европы. Это были люди, по разным причинам вынужденные оставить свою родину и бежать на широкие просторы России в поисках счастья. Под влиянием своих западных друзей молодой царь начал курить, носить голландский камзол и треуголку — ему казалось это достаточным, чтобы человек был настоящим, цивилизованным европейцем. Позднее царь приказал боярам делать то же — под угрозой денежного штрафа всем помещикам предписывалось пить кофе, курить, носить немецкие или голландские пиджаки и парики, держать в домах картины, изображающие обнажённых женщин, и т. д. Пётр печально знаменит и «стрижкой бород» — в то время в России борода считалась атрибутом чести вольного мужчины, а её пострижение приравнивалось к ампутации руки или ноги. Пётр повелел всем мужчинам, исключая духовников, отрезать или сбрить бороды, поскольку такие подданные представлялись ему более «европейскими». Кто этого предписания не выполнял, тому бороду стриг сам царь или его солдаты. Ясно, что таким ненужным действием Пётр лишь грубо оскорблял и унижал чувства своего народа, а не исправлял и просвещал людей.

Сам Пётр до конца жизни оставался представителем старой доброй России — не умел пользоваться вилкой, отрыгивал за столом, пьянствовал, похабно ругался и, конечно, продолжал начатую его предшественниками жестокую внутреннюю политику, в которой главными элементами были топор палача, кол и плеть. Своего сына Петр обвинил в государственной измене и самолично пытал до смерти.

Как известно, прорубленное Петром «окно в Европу» латышскому народу стоило тысяч жизней и двух столетий рабства. Вот таким был человек, памятник которому русские славянофилы хотели восстановить в самом центре Риги, чтобы латыши смотрели и постигали, кто истинный носитель культуры. Петр «обрил русский народ... и передел его в голландцев» (А. Толстой), однако забыл сделать самое главное — ликвидировать варварское сознание

и просветить ум народа. Внутренне в большинстве своём жители России до сего дня остались дикими и невежественными людьми.

ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Как мы уже видели, вопрос Русской Православной Церкви является одним из самых острых, и не только с исторической точки зрения, но и в нынешней жизни. В чём именно заключается этот вопрос?

Прежде всего надо выяснить, что представляет собой Русская Православная Церковь. В соседней с нами стране действует несколько христианских церквей, в основу которых положено учение константинопольских патриархов и греческая литургия. Например, существует так называемая Катакомбная, или подпольная, церковь, оформившаяся в 20-х годах нашего столетия. В то время московский патриарх, которого вопросы материального порядка заботили более, чем вера, добровольно заключил с коммунистами позорный пакт о полной капитуляции Церкви перед красной властью. Протестуя против этого, многие епископы основали Катакомбную церковь, которую, между прочим, официальная Церковь вместе с коммунистами активно преследовала. Из Катакомбной церкви вышел выдающийся теолог протоиерей А. Мень.

В России действовали не только Катакомбная, но и некоторые другие православные церкви, однако, к сожалению, монополию захватила Московская патриархия. Благодаря чему? Ответ очень простой: она уже столетиями была оплотом и охранительницей русских царей и светской власти вообще. В России Церковь фактически не отделена от государства, поэтому она выполняет указания светской власти и проводит её политику.

Нынешний патриарх Московский Алексей II (Ридигер) в искусстве угодничества превзошел всех своих соратников, став просто смешным. Он ведёт себя как личный капеллан президента России Ельцина, ездит вместе с ним на официальные и неофициальные мероприятия и провозглашает благословение всем делам «царя Бориса». Какой абсурд! Представим себе, что Папа Римский для компании разъезжает вместе с президентом Италии или далай-ламой благословляет и развлекает престарелых боссов Китая. Духовное и мирское перемешивается и сливается в Московском патриархате. Во время зверского геноцида в Чечне всей Церкви во главе с патриархом надо было громко прокричать правду, протестовать против кровопролития, броситься под гусеницы танков, задержать ввод армии на чеченскую землю. Если бы Алексей так поступил, нет никаких сомнений в том, что народ последовал бы за ним. Вопреки всему авторитет Церкви в русском народе по-прежнему весьма велик. Но ничего такого не произошло. На Кавказе лилась кровь, а головной убор патриарха, как и прежде, мелькал на сходках, организованных дядей Борей.

Вы спросите: как? Ведь в России действуют и другие религиозные организации! Они и в самом деле действуют, только Московский патриархат планомерно борется с ними и обруживает. Во время инаугурации президента многонационального государства в 1996 году на сцене рядом с Ельциным появился только Алексей, наглядно показав, какая же религия в России является официальной. Алексей поддержал и принятие нового законопроекта «О свободе совести», в котором наряду с православными небольшие права получили только мусульмане, буддисты... Остальные вероисповедания объявлены сектами! И приверженцев Римской Католической Церкви патриарх открыто обвиняет в сектантстве. Весь цивилизованный мир, включая ООН, Европейский совет и демократических политиков самой России, осудил принятие такого средневекового закона. В наши дни, когда мир всё шире открывает пути сотрудничества, из всех христианских конфессий лишь Московский патриархат упрямо сопротивляется экуменическому движению.

Вспоминаю одну передачу Российского независимого телевидения, в которой на вопросы аудитории отвечало представительное должностное лицо от Церкви и представители некоторых демократических партий. Духовник защищал упомянутый законопроект, слёзно жаловался на секты, как вдруг поднялся молодой человек из публики и спросил: «Если уж вас это не удовлетворяет, измените свою политику! Сейчас вы, руководители Православной Церкви,

ведёте себя, как собака на сене, сами миссионерскую работу в народе не ведёте и другим не позволяете». Уважаемый епископ на время утратил дар речи. Позднее какой-то «Шариков» с внешностью Гришки Распутина и ироничной ухмылкой на устах спросил у представителя демократической партии, руководимой Е. Гайдаром: «Скажите, почему газеты демократов продают в киосках вместе с порнографией, а газеты Жириновского — в церквях наравне с духовной литературой?». Демократ усмехнулся и ответил: «Но ведь это не говорит в пользу Церкви».

Действительно, Московская патриархия является послушным инструментом в руках русских имперских кругов. Вспомним, что несколько лет назад патриарх вопил и стонал, призывая на помощь папеньку Ельцина, что вот в Эстонии «притесняют» русскоязычных проклятые «чухонцы», хотя подчинить Православную Церковь её истинному духовному отцу — константинопольскому патриарху. В порыве ярости Алексей сообщил о прекращении каких-либо отношений с колыбелью православия Константинополем. Так высветилась истинная сущность Московской патриархии — забота не о спасении души, а о сохранении провинций матушки России. А одного из немногих демократов Государственной Думы России — интеллигентного и прогрессивного священника Глеба Якунина — патриарх отлучил от Церкви за осуждение российских имперских амбиций.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Возможно, что после всего сказанного читатель решит, что в России вообще не осталось обладающих здравым рассудком людей. Конечно, это не так. Русская интеллигенция — одна из самых болезненных страниц истории этого государства. Она всегда была малочисленна, она никогда не имела права слова в вопросах государственного управления. Тем не менее интеллигенция как слой населения существовала. Вспомним Достоевского, Чайковского, Пушкина, Толстого, Есенина и других. Заслуги этих людей в мировом масштабе бесспорны. Однако это всего лишь исключение, подтверждающее прискорбную всеобщность...

Придя к власти в 1917 году, большевики поняли, какую угрозу для красной власти представляет собой интеллигенция. Вместе с тем ведущей линией их политики стала люмпенизация народа, или превращение людей в дегенератов, поскольку такой толпой легче управлять. Я действительно рекомендовал бы всем прочесть роман русского писателя Булгакова «Собачье сердце», чтобы стало ясно, каким коммунисты видели «человека будущего». Так оно и случилось — власть взяли шариковы, и интеллигенцию стали физически уничтожать. Тех, кого пощадил Ленин, уничтожил или заставил эмигрировать Сталин.

И всё же прогрессивная интеллигенция России продолжает существовать. Есть люди, которые понимают зло и безнадежность имперских устремлений, духовную нищету шовинизма и то, что рано или поздно придется признать кровавые дела России и сожалеть о них — без этого не будет будущего! К сожалению, такие люди почти не представлены в правящих кругах, потому что с глаз простого русского человека ещё не спала (и долго ещё не спадет) пелена невежества, образовавшаяся в течение столетий. Несчастье таится в том обстоятельстве, что среднего уровня русский ещё не понял: в нашу эпоху колонии стоят слишком много денег и человеческой крови, чтобы можно было позволить себе содержать их. Все цивилизованные страны уже осознали это. Ранее всех Великобритания, которая сейчас является одной из наиболее развитых стран, и совсем недавно Португалия, ставшая из-за этого промедления нищенским домом всей Европы. И только Россия продолжает проводить хищническую и никому не нужную колониальную политику, цена которой слишком высока: война в Чечне, фантастическая нищета и безысходность.

Выводы

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Россия и её народ столь своеобразны и для нас, цивилизованных людей, непостижимы из-за взаимопереплетения комплекса исторических

обстоятельств, в результате чего эта земля стала угрозой для мирного существования всего человечества.

Что делать? На этот риторический вопрос, по сути, нет конкретного ответа. Пока мы не можем рекомендовать ничего толкового, чтобы улучшить русских в самой России. Это вопрос истории, возможно, протяженностью в несколько столетий. Рано или поздно этот народ поймет, насколько сожаления достойно и незавидно быть дикарями в то время, когда во всех остальных государствах развиваются идеи демократии, прогресса и человеколюбия. Я действительно не верю в то, что у России и русского народа нет будущего. Самые тяжёлые болезни можно лечить, самые испорченные люди исправляются, и для России тоже, без сомнения, однажды засветит луч разума. Остаётся лишь спросить: когда это произойдёт?

А пока надо принимать во внимание реальность. Взглянем на страницы газет. Россия грозит, Россия вооружается, мигранты требуют второй государственной язык и двухобщинное государство, молятся на Рубикса и по воскресеньям собираются возле памятника Победы в Пардаугаве, пьют водку и поминают вшивую красную армию. Интеграция таких людей в латышское общество невозможна — можно допустить только противоположное: они с радостью интегрируют нас. И тогда через сто лет название латышей будет причислено к списку ассимилированных русскими племен и народов. Поэтому не позволим радужным иллюзиям овладеть нами и будем проводить целенаправленную и жесткую национальную политику. В противном случае над Латвией однажды может взойти кровавое солнышко князя Владимира.

Статья опубликована в латвийской газете «Национала неаткариба»

11, 18 и 25 февраля 1998 г.

Русский перевод опубликован в «НГ» 18 марта 1998 г. с подзаголовком

«Какими нас видят некоторые латышские патриоты».

г. Рига. Памятник латышским стрелкам
(фото «НГ»).

Россия

НОВОРОССИЯ — ЗЕМЛЯ РУССОУКРАИНЦЕВ

Игорь Гуров

В связи с курсом украинской коммунистической и националистической номенклатуры на полное отделение республики от Союза в средствах информации все чаще поднимается вопрос о судьбе Новороссии — обширном пространстве четырёх бывших губерний России: Херсонской, Екатеринославской и Таврической (кроме Крыма), а также Бессарабской, стоявшей несколько особняком. Это нынешние Одесская, Николаевская, Херсонская, Кировоградская, Днепропетровская, Запорожская, частично Луганская и Донецкая области Украины, а также Республика Молдова.

В древности на этих землях сменяли друг друга киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, аланы. До середины XI века тут жили славяне, а также тюркские племена (торки, печенеги, хазары), затем их вытеснили половцы, 200 лет господствовавшие в причерноморских степях, но с татарским нашествием эти места обезлюдели. В начале XV века (князь Александр-Витовт присоединил юго-западное Причерноморье к Великому княжеству Литовскому, но ненадолго: началось возвышение Крымского ханства.

В союзе с турками крымский хан Менгли-Гирей в 1475 году взял штурмом Кафу, перерезал генуэзцев, а установив полный контроль над Крымом, распространил свою власть дальше на север. В середине XVI века в Причерноморье появляются ногайцы (так называемая Малая Ногайская орда, распавшаяся на несколько орд и подчинившаяся крымскому хану). Пространство от Дуная до Кубани, где проходили кочевья ногайских и отчасти крымских татар, назывались в те времена «Диким полем», или «Малой Татарией». От набегов орд с Дикого поля страдали Литовско-Польское государство и Русь.

В конце XV — начале XVI веков на северо-востоке Дикого поля создается Запорожская Сечь с центром на острове Хортица. С юго-востока продвигаются сюда и донские казаки. В XVI—XVII веках донцы и запорожцы основывают на берегах Днепра и Азовского моря опорные пункты, считая эти почти необитаемые земли своими и называя их Ханской Украиной (по аналогии с Рязанской или Тульской Украиной). После воссоединения Малороссии с Россией московские государи также начинают притязать на Причерноморские степи. Правда, продвижение России на юг было остановлено после неудачного Прутского похода Петра I (1711 г.), Россия на 28 лет даже лишилась запорожских земель.

Тем не менее колонизация Новороссии начинается при Петре I: на южной границе Малороссии и Речи Посполитой возникают первые поселки, населенные запорожскими казаками и беглыми крестьянами из России. Пётр I предложил поработенным Турцией славянам переселиться в малообжитые районы России. Одним из первых услышал этот призыв серб Савва Лукич Рагузинский, ставший видным сподвижником русского императора. В 1727 году из южнославянских поселенцев сформирован Сербский гусарский полк, которому поручалась охрана южных границ России и отводились земли вокруг Бахмута.

Переселение южных славян в Причерноморские степи продолжалось и позднее. Собственно с переселением балканских славян в Россию и связано возникновение Новороссийского края, который первоначально назывался Новая Сербия. Для его защиты Иван Хорват построил крепость св. Елизаветы, из которой позднее вырос город Днепропетровск. В 1764 г. Новая Сербия была преобразована в Новороссийскую губернию, в состав которой вошли как новосербские, так и казачьи поселения.

Войны России с Турцией раздвигали границы Новороссийского края, переименованного в 1783 году в Екатеринославское наместничество, и усиливали приток переселенцев, в который вливались выходцы из турецких владений. Екатерина I упразднила Запорожскую Сечь, и Запорожье было присоединено к Новороссии.

В начале XIX в. на землях бывшего наместничества были созданы Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, а в 1812 году вместе с Бессарабией они вошли в состав единого Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства со столицей в Одессе. Колонизация края продолжалась. Сюда прибывают греки, болгары, молдаване, албанцы. Отводятся земли офицерам русской армии. После присоединения к России Бессарабии в 1812 г., где после турецкого владычества осталось всего 120 тысяч жителей, сюда началась миграция болгар и гагаузов. Селились здесь также пленные турки и татары, поляки. Нельзя не упомянуть и о немецких колонистах, образовавших, в частности, Новороссийское братство меннонитов.

С 1819 года переселения в Новороссию происходили только по специальным разрешениям. Например, такое разрешение было выдано в 1823 году 169 семействам баденских немцев. В 1860–1863 гг. было разрешено массовое переселение славян из Турции (преимущественно болгар) в Таврическую и Херсонскую губернии, причём переселявшимся выдавали пособия. После Крымской войны значительная часть добровольцев (сербы, болгары, черногорцы) изъявили желание остаться в России — им было разрешено причисляться к колониям своих соплеменников в Новороссийском крае.

При всей пестроте этнического состава населения Новороссии в основном оно состояло из украинцев и русских. В книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», вышедшей под редакцией В. П. Семёнова-Тян-Шанского (сына знаменитого путешественника), приведена таблица «Состав населения Новороссии». Из неё следует, что украинцы (и русины) составляли 42,4 проц. жителей края, русские (великороссы) — 31,8 проц. За ними шли белорусы, поляки, молдаване, немцы, греки, армяне, евреи. Новороссийские сербы слились с украинцами и русскими.

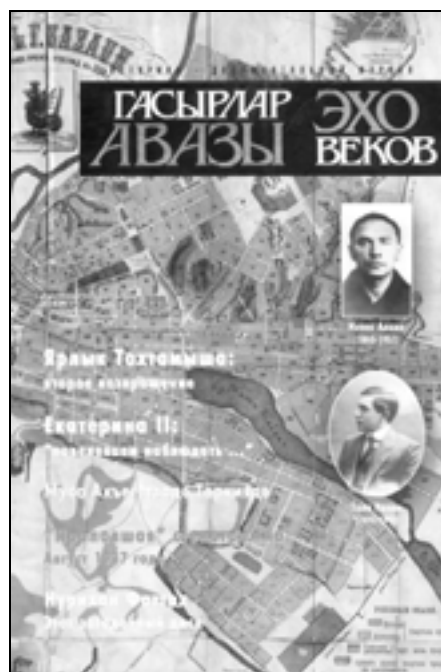
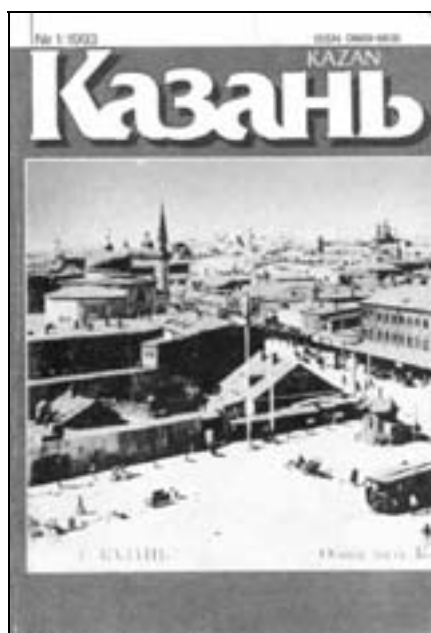
С самого начала колонизации края ведущим здесь был русский язык, хотя и имевший свои диалектные особенности, характерные для южнорусских говоров. В сущности здесь сложился новый русскоязычный субэтнос. Ксения Мяло даёт ему следующую характеристику: «На левом берегу Днестра (да и по всей Новороссии) основной массив образуют русские и украинцы, точнее “русско-украинцы”. А ещё точнее “новороссы”: восточнославянский субэтнос, сложившийся на определённой территории в результате естественной ассимиляции представителей различных славянских этносов как по причине их длительного совместного проживания, так и вследствие смешанных браков в нескольких поколениях».

К концу XIX — началу XX вв. Новороссия превратилась в мощный аграрно-сырьевой регион, поставлявший хлеб и сельхозсырье. Одновременно за счёт нового «молодого» Донецко-Криворожского района происходил бурный рост металлургической и горнодобывающей промышленности России. Здесь действовали мощные синдикаты: «Русское Общество для торговли минеральным топливом Донецкого Бассейна» («Продуголь»), «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамет») и др. В торговле особо большое значение приобрёл Одесский порт, который в конце XIX в. вышел на 2-е место по товарообороту после Петербурга. В Херсоне и Николаеве развивались крупные судостроительные заводы. Одесса стала также крупным культурным центром — в 1817 г. здесь был основан Ришельевский лицей, а в 1865 г. — Новороссийский университет. Не забудем, что в Одессе в 1823–24 гг. в канцелярии новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова проходил службу А. С. Пушкин), и природа Новороссии нашла отражение в его творчестве, вплоть до знакомых каждому из нас строк: «У лукоморья дуб зелёный...».

Февральская смута 1917 г. и последовавший за ней октябрьский переворот превратили Россию в груды дымящихся «суверенных» развалин. Не миновала общая судьба и Новороссийский край. Бессарабия в январе 1918 г. была оккупирована румынскими интервентами, а на остальной территории были образованы три большевистских псевдогосударства: Донецко-Криворожская и Одесская советские республики, а также ССР Тавриды. Создание и последующий переход первых двух «государственных образований» из РСФСР в состав «Советской Украины» происходили не в результате свободного волеизъявления населяющих их граждан и уточнения «границ», а на основе существовавших там областных парторганизаций РСДРП (б), которые В. И. Ленин и Я. М. Свердлов фактически принудили вступить в КП (б) Украины под предлогом создания «единого фронта против австро-германских империалистов». Поэтому указанные парторганизации автоматически перешли (весной 1918 г.) вместе с территориями своей деятельности от РСФСР к УССР. Так Новороссия стала неотъемлемой частью «Советской Украины», а затем — «незалежной Украинской державы».

«Обозреватель». № 2–3, февраль, 1992 г.

Республика Татарстан

Республика Украина

«Родину не выбирают, выбирают её независимость». Плакат на улицах Киева, установленный в честь 6-ой годовщины провозглашения независимости Украины. Киев, 1997. Фото Т. Гузенковой.

Памятник жертвам коммунистических злодеяний. Скульптор П. Штаер. Архитектор Р. Сивенский. Установлен в 1997 г. Львов, 1997. Фото Т. Гузенковой.

Улица имени Джохара Дудаева во Львове, бывшая улица Михаила Лермонтова. Львов, 1997. Фото Т. Гузенковой.

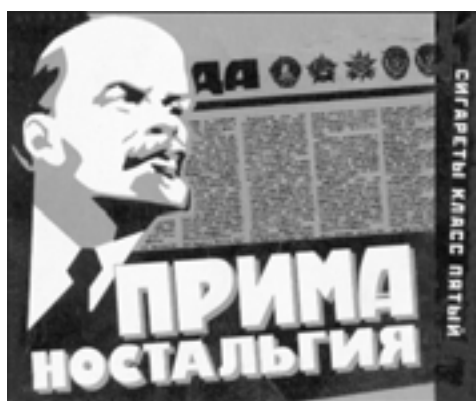
Повседневная жизнь национальной истории

1995 год

1997 год

1998 год

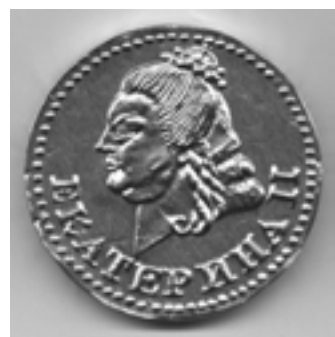

1998 год

2000 год

2001 год

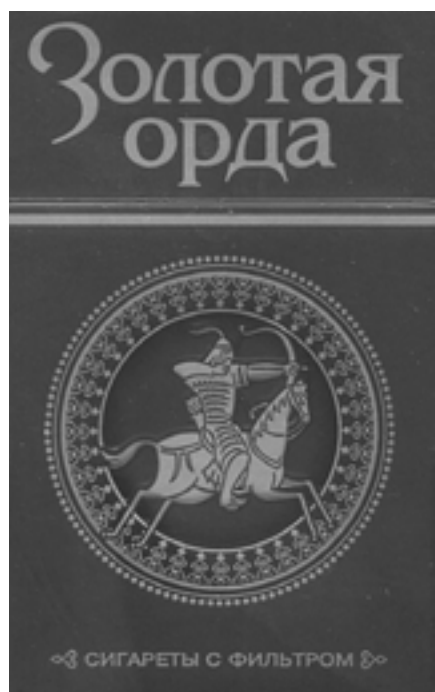

Оформление коробки конфет

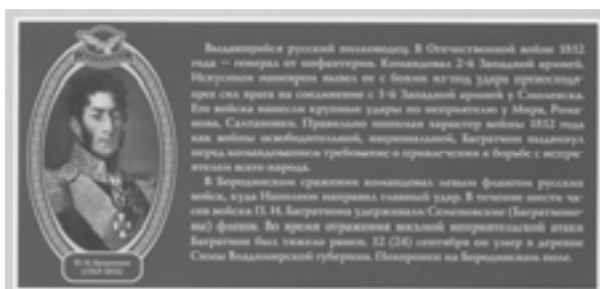

2002 год

Упаковка шоколада с двухсторонним вкладышем

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЙМЕРМАХЕР
Карл — доктор философии, профессор Рурского университета (Германия), директор Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана (Бохум, Германия)
- АНЧАБАДЗЕ
Юрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела народов Кавказа Института этнологии и антропологии РАН
- АРУТЮНЯН
Бабкен — доктор исторических наук, декан Исторического факультета Ереванского государственного университета (Армения)
- БЛАГОДАТСКИХ
Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент Кафедры всеобщей истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Молдавия)
- БОРДЮГОВ
Геннадий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова, член Международного совета издательских программ АИРО-XX, главный редактор издательских программ АИРО-XX
- БУХАРАЕВ
Владимир Миннатович — кандидат исторических наук, доцент Казанского государственного университета, представитель АИРО-XX в Казани
- ВАСИЛЬЕВ
Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Винницкого университета (Украина)
- ГАТАГОВА
Людмила Султановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, член Международного совета издательских программ АИРО-XX
- ГУЗЕНКОВА
Тамара Семеновна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований

- ИСХАКОВ
Салават Митхатович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН
- ЗУБКОВА
Елена Юрьевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения отечественной культуры Института российской истории РАН, директор Центра современной истории Историко-архивного института РГГУ, член Международного совета издательских программ АИРО-XX
- ИСКАНДАРЯН
Александр Максимович — директор Центра кавказских исследований
- КОНСТАНТИНОВ
Сергей Викторович
(1968–2001) — кандидат исторических наук, в 1998–1999 гг. — помощник первого заместителя министра образования РФ, в 2000–2001 — обозреватель «Независимой газеты»
- КУПРИЯНОВ
Александр Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения отечественной культуры Института российской истории РАН
- МАМЕДОВ
Микаэл Нариманович — докторант Джорджтаунского университета (США)
- ОЛЕЙНИКОВ
Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, редактор Отдела военной истории Российского исторического журнала «Родина»
- СЕМБИНОВ
Мурат Каскенович — кандидат исторических наук, доцент Алма-атинского государственного университета (Казахстан)
- УШАКОВ
Александр Иванович — кандидат исторических наук, Генеральный директор научно-исследовательского центра «АИРО-XX», член Международного совета издательских программ АИРО-XX
- ФИЛИППОВА
Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, редактор Отдела проблемной истории Российского исторического журнала «Родина»
- ШУКУРОВ
Рустам Мухаммадович — кандидат исторических наук, доцент Кафедры средних веков МГУ им. М.В. Ломоносова
- ЩЕРБИНА
Сергей Петрович — ведущий специалист научно-исследовательского центра «АИРО-XX»

ИНФОРМАЦИЯ

ФОНД ФРИДРИХА НАУМАННА

Фонд, носящий имя великого немецкого либерального деятеля Фридриха Науманна (1860–1919), является фондом немецкого либерализма. В своей деятельности он тесно сотрудничает со Свободной Демократической партией (СвДП), которая в последние десятилетия внесла существенный вклад в формирование немецкого государства и общества. Визитная карточка Фонда — имена обоих его почетных председателей, Ганса-Дитриха Геншера, занимавшего в течение многих лет пост министра иностранных дел Федеративной Республики Германия, и Отто Графа Ламбсдорффа, многолетнего министра экономики ФРГ и с 1995 года председателя правления Фонда. Основная цель Фонда — содействие развитию и укреплению гражданского общества как в Германии, так и во всем мире. С момента своего создания (1958 год) Фонд Фридриха Науманна активно участвует в решении общественных проблем во многих странах (в настоящее время более чем в 60), тесно сотрудничая прежде всего с политическими и общественными силами, выдвигающими человека — индивидуума как противоположности коллектива — на передний план своей деятельности.

Начало проекту «Россия и ряд государств СНГ» было положено в 1992 году. Начиная с этого времени Фонд Фридриха Науманна развернул свою работу в Российской Федерации, где сосредоточились основные усилия реализуемого проекта. Главная задача, которую ставит перед собой Фонд, способствовать, развивая сотрудничество с различными партнерами, созданию основ демократии и правового государства и в конечном итоге построению общества граждан в странах, участвующих в проекте.

Фонд работает по следующим основным направлениям: демократическая культура (т. е. все те элементы, которые являются основополагающими для демократии и правового государства); децентрализация государственной деятельности (прежде всего федерализм и местное самоуправление); региональные средства массовой информации, особенно региональная пресса; соблюдение и реализация прав человека и гражданина как неотъемлемой предпосылки создания общества граждан; поддержка нарождающихся элит и, тем самым, демократического развития. Деятельность Фонда базируется на двух основополагающих принципах. Во-первых, на принципе ориентации на

актуальные в данный момент проблемы. Иными словами, выбор и концептуальное решение проводимых мероприятий обуславливаются, в первую очередь, теми потребностями, которые в данный период времени наиболее насущны для обществ России и других стран-участниц проекта. При этом Фонд не предлагает готовых рецептов, способных помочь решению специфических проблем, например, России. Он видит свою задачу в информировании о тех возможных решениях, о том общественном ноу-хау, которые были накоплены в Германии в процессе ее развития. Воспользоваться ли этим опытом и каким именно образом — решать только российским партнерам Фонда. Другой основополагающий принцип работы Фонда — принцип сотрудничества. Совместный труд — это именно то, что прежде всего требуется России, как, впрочем, и любой другой стране мира. Фонд не занимается оказанием помощи. Она, с его точки зрения, России не требуется: у неё есть все необходимое для строительства современного общества, в первую очередь огромные людские ресурсы — этот человеческий капитал, слагающийся из тысяч талантливых людей, которыми Россия в избытке обладает.

Деятельность Фонда охватывает всю территорию России. Бюро Фонда, координирующее деятельность по реализации проекта, с 1993 года находится в Москве, где также проводятся многочисленные мероприятия. Однако основная деятельность Фонда ориентирована прежде всего на российские регионы. Именно там происходят сейчас те глубокие трансформационные процессы, которые характеризуют нынешний этап развития России. Именно там решается, сможет ли страна действительно встать на путь демократии и создания гражданского общества, или она вновь вернется к своему авторитарному прошлому. Учитывая эту перспективу, в 1995 году Фонд открыл своё представительство на Урале, в Екатеринбурге, которое стало центром координации всей работы, проводимой в этом огромном регионе. Планируется открытие представительства в другом регионе России. Помимо этого в наиболее важных российских регионах Фонд активно занят привлечением людей, которые бы не только деятельно участвовали в проводимых им мероприятиях, но и стали бы доверенными представителями Фонда на местах.

Палитра мероприятий, проводимых Фондом, богата и разнообразна. Это семинары и конференции, коллоквиумы и круглые столы, опросы общественного мнения и показ фильмов, практические занятия и ознакомительные поездки в Германию и другие страны. Особое положение занимают проводимые Фондом Фридриха Науманна в России программы «Либеральные клубы» (ЛК) и «Либеральные столы» (ЛС). Они представляют собой дискуссионные клубы, то есть подлинные форумы молодого поколения россиян по обсуждению общественно-политических вопросов, представляющих для партнеров Фонда на местах особый дискуссионный интерес. К настоящему моменту проведено более 120 заседаний «Либеральных клубов» в 31 городе России.

«Либеральный стол» это своего рода семинар меньшего формата, который служит раскрытию и дискуссии по определенной теме. Эта относительно молодая программа, начавшаяся лишь в 1999 году. Кроме этого, ежегодно проводятся Науманновские лекции, когда в России выступает один из известных немецких либеральных политиков, а вслед за ним ответный доклад делает в Германии один из представителей новой, демократической России. В этих выступлениях рассматривается одна и та же проблема, но, естественно, под разными углами зрения. Московское бюро Фонда занимается также издательской деятельностью. Им публикуются тексты Науманновских лекций, материалы о наиболее важных результатах деятельности Фонда, а также ряд самостоятельных работ по наиболее актуальным темам.

*Адрес Фонда: 119590, Москва, Минская ул.,
жилой комплекс «Сетунь», д. 16а.*

Телефон (095) 956 1029 / 232 6530, факс (095) 956 1008

E-mail: office19.russia@moskau.fnst.org

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова

На 4-й странице обложки представлены флаги некоторых стран СНГ и субъектов Российской Федерации:

1. Республика Алтай
2. Республика Армения
3. Республика Башкортостан
4. Республика Беларусь
5. Республика Грузия
6. Республика Дагестан
7. Республика Ингушетия
8. Республика Коми
9. Республика Марий Эл
10. Республика Молдова
11. Республика Мордовия
12. Российская Федерация
13. Республика Северная Осетия-Алания
14. Республика Таджикистан
15. Республика Татарстан
16. Удмуртская Республика
17. Республика Украина
18. Чувашская Республика

1	2	3
4	5	6
7	8	9
10	11	12
13	14	15
16	17	18

Ответственный за выпуск – А.И. Ушаков
Редактор Е.Е. Зарайская
Компьютерная верстка
и техническое редактирование – С.П. Щербина

ИД № 01428 от 05.04.2000
Подписано в печать с оригинал-макета 14.10.03
Формат 70×100 1/16. Бумага офс.
Усл. печ. л. 36,6
Тираж 1000 экз.

Фонд Фридриха Науманна
E-mail: office19.russia@moskau.fnst.org

ISBN 5-88735-112-8

9 785887 351124